

Е. С. Кузьмин

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Российская академия наук
Институт психологии

Е. С. Кузьмин

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Избранные труды

Составители и ответственные редакторы
А. Л. Журавлев, Л. Г. Почебут

Москва
Институт психологии РАН
2021

УДК 159.9
ББК 88
К 89

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

- Кузьмин Е. С.**
К 89 Основы социальной психологии: Избранные труды / Сост. и отв. ред. А. Л. Журавлев, Л. Г. Почебут. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. — 580 с. (Психологическое наследие)
doi: 10.38098/mng.2021.94.99.001
ISBN 978-5-9270-0428-7

Книга посвящена 100-летию со дня рождения Евгения Сергеевича Кузьмина, одного из основателей социальной психологии в СССР. Вклад Е. С. Кузьмина в науку состоит в разработке методологических принципов социальной психологии, определении ее предмета, законов и основных методов исследования. Е. С. Кузьмин организовал первую в нашей стране лабораторию социальной психологии, создал первую кафедру социальной психологии в Ленинградском университете. Работы Е. С. Кузьмина не потеряли своей актуальности, они дают всестороннее представление об основах социальной психологии.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2021

ISBN 978-5-9270-0428-7

Содержание

<i>А. Л. Журавлев, Л. Г. Почебут. Предисловие.</i>	
О творческом пути Е. С. Кузьмина	7
О ПРЕДМЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (1963)	29
ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (1967)	37
Предисловие.	37
Глава I. Социальная психология как наука	40
Глава II. Методы социальной психологии и техника обработки материала	64
Глава III. Социальная психология групп и коллективов	105
Глава IV. Социальная психология личности	170
Заключение	230
Литература.	232
МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (1977)	237
Предисловие.	237
Глава I. Социально-психологическое исследование (вопросы методологии и процедуры)	239
Глава II. Наблюдение	252
Глава III. Качественно-количественный анализ документов (контент-анализ)	281
Глава IV. Методы опроса	300
Глава V. Специализированные социально-психологические методы.	334

Глава VI. Эксперимент	381
Глава VII. Моделирование	404
Приложение. Аппаратурно-технические методы	415
Литература.	436
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ (1979)	445
Глава I. Краткая история социальной психологии.	445
Глава II. Предмет социальной психологии	487
Литература.	517
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	
СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (1987)	522
Введение. Основное содержание курса «Актуальные проблемы социальной психологии». Место и роль социальной психологии в учебном процессе	522
Глава 1. Предмет социальной психологии в системе психологических наук	524
Глава 2. История социальной психологии	530
Глава 3. Методология и программа социально-психологических исследований	536
Глава 4. Социальная психология групп и коллективов	540
Глава 5. Проблемы личности в социальной психологии	547
Глава 6. Социальная психология и массовидные явления	557
Литература.	559
Список научных трудов Е. С. Кузьмина	561
ПРИЛОЖЕНИЕ	563
<i>Кузьмина Н. В.</i> Евгений Сергеевич Кузьмин в жизни и в науке	563
Фотоматериалы.	576

ПРЕДИСЛОВИЕ

О творческом пути Е. С. Кузьмина

Евгений Сергеевич Кузьмин (1921–1993) является одним из наиболее крупных социальных психологов конца XX в., он оказал большое влияние на развитие науки, принадлежал к числу энциклопедически образованных людей, глубоко разбиравшихся в актуальных проблемах гуманитарной науки. Е. С. Кузьмин выступал как историк, теоретик и методолог науки, разработал принципы исследования социально-психологических феноменов. Он основал школу социальной психологии в Ленинградском государственном университете (в настоящее время — Санкт-Петербургский государственный университет), создал научное направление — социальная психология общения.

Актуальность основных трудов этого выдающегося ученого не утрачена до сих пор. Интерес к его научным воззрениям и открытиям проявляют не только психологи, но и философы, социологи, историки науки.

Необходимость издания трудов Е. С. Кузьмина определяется не просто возвращением к истокам зарождения социальной психологии в России, но и появлением новых социально-психологических феноменов, осмысление которых необходимо и с теоретической, и методологической точки зрения, и в исторической ретроспективе.

Его труды — это история социальной психологии, глубокая проработка ее предмета, определение основных проблем, структуры, наиболее значимых феноменов. Прежде всего это отстаивания права социальной психологии на самостоятельность, на вхождение в систему психологической науки, определение ее взаимосвязи с общей психологией, социологией, философией, историей.

Научная судьба Евгения Сергеевича Кузьмина сложилась счастливо. Его творчество определялось, в первую очередь, временем,

Предисловие

в котором он жил и работал. Социально-политическая ситуация в нашей стране в конце 1950—1960-х годов, называемая «оттепелью», пробудила в народе, особенно в интеллигенции, надежды и творческие силы, направленные на изменение общественной, научной, культурной жизни. Еще была свежа память о тяжелых годах Великой Отечественной войны, живы воины-победители, чувствовалась радость Победы. Жизнь в стране к концу 1950-х годов постепенно налаживалась. Огромные достижения происходили в научной области — освоение космического пространства, запуск первого искусственного спутника Земли, полет первого космонавта Юрия Гагарина, успехи в области фундаментальной науки — создание ядерной физики, отказ от преследования генетики, строительство новых электро- и атомных станций. Происходили изменения и в общественно-политической жизни. Люди почувствовали большую свободу в высказывании собственного мнения. Проявление плюрализма и толерантности в общественных науках выразилось в пробуждении интереса к зарубежным исследованиям в гуманитарных науках, знакомстве с западными идеями, установлении научных и дружеских контактов с зарубежными учеными. Страна приоткрыла «окно, правда, дверь еще была на щеколде!». Выезд наших граждан позволялся только в социалистические страны, в капиталистические страны подавляющее большинство людей поехать не могли. Этот период продлился до середины 1980-х годов. Осуществленные полумеры не могли в полном объеме удовлетворить научные и культурные интересы людей. Потребовалась «перестройка», чтобы полностью открыться миру, но это была другая эпоха.

Именно в период «оттепели» Е. С. Кузьмин начинает борьбу за признание и институализацию социальной психологии как отрасли психологической науки. Становление социальной психологии проходило в сложных условиях. С одной стороны, наблюдались жесткое давление и цензура марксистско-ленинской философии, что препятствовало возникновению новых идей, направлений, развитию новых отраслей науки, признанию достижений зарубежной науки. Знакомство с зарубежными научными источниками не возбранялось, в библиотеки поступало множество научных книг на английском, французском, немецком языках, однако прежде всего требовались их критическое осмысление и анализ. С другой стороны, пусть не полная, но открытость миру способствовала развитию гуманитарных наук. В 1960-е годы в научную жизнь буквально врывается со-

циология, которая долгое время была под запретом. Благодаря работам В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова, Г. В. Осипова, М. Н. Руткевича, И. С. Кона и других видных социологов того времени формируются теория и методология социологии, проводятся первые социологические исследования. Социология выходит за рамки научного коммунизма, становится самостоятельной наукой. Социальная психология также постепенно становится признанной наукой, но на этом пути встречает много преград и противоречивых позиций.

Е. С. Кузьмин остро чувствовал и понимал вызовы времени, активно и самоотверженно продвигая в жизнь идею создания социальной психологии.

В октябре 2021 г. исполняется 100 лет со дня его рождения. Евгений Сергеевич Кузьмин родился 11 октября 1921 г. в городке Луга, расположенном в ста километрах от Петрограда в семье зажиточного крестьянина. В конце 1930-х годов он поступил в военное училище. Он встретил начало Великой Отечественной войны боевым офицером в должности командира роты разведки. В тылу врага он неоднократно совершал разведывательные операции. Рослый и сильный парень прославился тем, что на плечах приносил из-за линии фронта «языков». В августе 1941 г. Евгений Сергеевич подорвался на mine, был тяжело ранен, лишился ступни ноги. После лечения в госпитале он был демобилизован. До окончания войны работал инструктором по стрелковой подготовке в военном училище. В суровые послевоенные годы от человека требовались громадные усилия для преодоления жизненных трудностей, невзгод, развития своих способностей. Став инвалидом в двадцать лет, он не сломался, наоборот, война закалила его, сделала бойцом, умевшим отстаивать свои позиции не только на фронте, но и позднее в жарких дискуссиях по научным проблемам с коллегами.

Интерес к философии и психологии проявлялся у Е. С. Кузьмина с детства. Приехав в Ленинград в 1944 г. после снятия блокады, он поступил на философский факультет Ленинградского государственного университета. Был зачислен на отделение психологии, которым руководил великий российский психолог, выдающийся организатор науки Б. Г. Ананьев. За время учебы в университете Евгений Сергеевич стал его преданным учеником и верным последователем. После окончания философского факультета он поступил в аспирантуру, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук, а затем остался работать в университете преподавателем. Его

Предисловие

интерес к философии и истории науки реализовался при чтении курса «История психологии». Он был блестящим оратором и все, кто учился и работал на факультетах философии, а затем психологии ЛГУ в 1960-х годах, помнят его лекции, насыщенные фактами и богатыми примерами. Его богатырский рост, широкая добрая улыбка, богато окрашенный голос и артистичность неизменно привлекали внимание и желание учиться психологии все больше и глубже. В то же время Евгений Сергеевич был строг и требователен к своим сотрудникам и ученикам. Получить у него отличную оценку и похвалу стоило немалых трудов.

Е. С. Кузьмин создавал отечественную социальную психологию именно как психологическую дисциплину. В 1962 г. он стал организатором первой в стране лаборатории социальной психологии, а затем в 1968 г. первой кафедры социальной психологии в Ленинградском университете. Лаборатория и кафедра работали как единое целое. Сотрудники были увлечены работой, проводили эмпирические исследования на промышленных предприятиях нашей страны, писали статьи и учебники, обсуждали актуальные проблемы на философском семинаре при кафедре, готовили и защищали кандидатские, а потом и докторские диссертации. Евгений Сергеевич был непререкаемым научным авторитетом и лидером. Он очень заботился о личностном развитии каждого своего сотрудника. «Я сделаю все необходимое для того, что вы состоялись как ученые», — говорил он своим ученикам. Собрав дома огромную библиотеку научной литературы по социальной психологии, выписывая и покупая книги за границей, он щедро делился с сотрудниками и студентами, давая эти книги для чтения на руки.

Е. С. Кузьмин был всесторонне образован, подробно знаком с философскими и психологическими идеями в области психологии, знал труды философов Античности, Средневековья, постоянно интересовался идеями современных отечественных и зарубежных психологов и философов. Именно глубокое знание философии и психологии способствовало формированию зрелого ученого, тонко понимающего историю, теорию и методологию науки.

Научную деятельность он начал еще студентом философского факультета, заинтересовавшись проблемой происхождения сознания. Свои идеи он полностью реализовал в кандидатской диссертации в 1952 году. Е. С. Кузьмин утверждал, что зачатки сознания заложены в безусловных рефлексах, сформированных на основе инстинк-

тов. У животных отсутствует осознание инстинкта, но инстинкты способствуют их адаптации к постоянно меняющейся природной среде.

Чувством историзма пронизано все научное творчество Е. С. Кузьмина. Он поставил перед собой цель — выяснить психологические предпосылки возникновения сознания человека. Основной предпосылкой является необходимость целенаправленной трудовой деятельности. Целенаправленность означает предвидение природных и социальных последствий своих действий. Евгений Сергеевич пришел к убеждению, что в марксизме понимание возникновения сознания человека рассматривается только с одной стороны — как результат трудовой деятельности. При этом не учитываются социально-психологические факторы происхождения сознания. Он подчеркивал, что необходимо обратить внимание на взаимоотношения людей, процесс общения. Такой подход значительно расширял область проблематики изучения сознания, учитывал объективные (деятельностные) и субъективные (социально-психологические) факторы. Это было новым словом в сфере изучения сознания. Зарубежные психологи в основном сосредоточили свое внимание на изучении когнитивных факторов возникновения сознания (например, гештальт-психология или современная когнитивная психология). Отечественные психологи, придерживающиеся марксистских взглядов, опираясь на идеи Ф. Энгельса, говорили исключительно о влиянии труда на происхождение сознания человека.

Е. С. Кузьмин уже в это непростое для науки время сумел выйти за границы марксизма, сконцентрировавшись не только на трудовой, деятельностьной природе сознания, но и на коммуникативной стороне его происхождения. Сознание человека в филогенезе формируется в процессе совместно взаимосвязанного труда в ходе общения людей друг с другом. Эту важную мысль Евгений Сергеевич сформулировал как один из важнейших принципов психологии — *формирование сознания в процессе деятельности и общения*. Общественный труд представляет собой особенность деятельности человека. Люди осуществляют совместную деятельность в целях выживания. Постепенно совместный труд приобретает осмысленный характер, т. е. человек предвидит цели и результаты своей деятельности. Именно предвидение становится первым кирпичиком в построении сознания, формировании его отношения к природе и окружающим людям (см.: Журавлев, Почебут, 2021).

Предисловие

Е. С. Кузьмин доказал общественную природу сознания, которая возникает в процессе совместной деятельности людей. Вначале формируется осознание «мы», и только затем осуществляется переход к индивидуальному сознанию, осознанию «я». Таким образом, можно утверждать, что исторически развитие сознания человека проходит два этапа. Первый этап — это развитие общественного сознания, человек еще не выделяет себя из сообщества людей (племена, рода). Второй этап — формирование индивидуального сознания, которое возможно только при сравнении, сопоставлении себя с другим человеком. Опыт отдельного человека передается другому только в процессе общения. Осознание совместных действий, обмен знаками и символами становятся достоянием индивидуального сознания каждого из взаимодействующих людей.

Процесс общения, согласно Е. С. Кузьмину, является основой и источником всех социально-психологических явлений. Признание принципа единства сознания, деятельности и общения поддержал директор института РАН Б. Ф. Ломов, который экстраполировал этот принцип на всю психологию, сделав его общепсихологическим (см.: Ломов, 1975, с. 124–135).

Принцип историзма, изучение любого социально-психологического феномена в развитии становится для Евгения Сергеевича основополагающим. Огромное внимание он уделяет общественно-исторической природе сознания, настаивая на том, что понимание индивидуального сознания в общей психологии должно сопровождаться анализом общественного сознания. Сознание человека должно рассматриваться в филогенетическом и онтогенетическом планах. Общественное сознание представляет собой бесконечное разнообразие индивидуальных сознаний, отражающих общественную жизнь.

Е. С. Кузьмин внес значительный вклад в психологическую интерпретацию общественного сознания, развивая и дополняя философские и социологические подходы. Феноменологией социальной психологии, подчеркивал он, являются общественное сознание и общественная психология.

Принцип историзма Е. С. Кузьмин использовал и при анализе становления социальной психологии как науки. Он выделял три основных этапа исторического развития социальной психологии. Первый этап характеризовался накоплением социально-психологических знаний в рамках философии и общей психологии, начиная с VI в. до н. э. до середины XIX в. Уже в античной философии разрабаты-

вались многие социально-психологические проблемы: типология личности, политическая и этническая психология. В Средние века был выдвинут антропологический принцип, человек становится центром внимания философии, значимость приобретают непосредственные отношения между людьми, появляется представление о том, что личность формируется в процессе воспитания, подчеркивается особое влияние социальной среды.

На втором этапе произошло выделение социальной психологии из философии, общей психологии и социологии в самостоятельную область знаний. В 1850–1860-е годы появляется психология народов и психология толпы. Этот этап Е. С. Кузьмин назвал эмпирическим, поскольку только начинают разрабатываться приемы и методы исследования психики человека. Ученые собирают и анализируют различный исторический, антропологический, этнографический, лингвистический материал, используя в основном методы наблюдения и интроспекции.

Третий этап знаменуется возникновением экспериментальной социальной психологии в конце XIX в. Главное значение он придавал работам В. Мёде, Ф. Олпорта, В. М. Бехтерева, опубликовавших результаты своих экспериментов по сравнению поведения индивидов, включенных в группы, и тех же индивидов по отдельности. С этого момента социальная психология начинает интенсивно развиваться. Евгений Сергеевич описывает многочисленные эксперименты в таких направлениях зарубежной психологии, как бихевиоризм, психоанализ, теория психологического поля К. Левина, социометрия Дж. Морено, когнитивная психология Л. Фестингера, транзактный анализ Э. Кентрила. Особое внимание ученый уделяет развитию социальной психологии в России, анализируя работы В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, Н. К. Михайловского, В. М. Бехтерева, В. А. Вагнера, по крупицам собирая сведения, касающиеся их социально-психологических взглядов. Подробный исторический и науковедческий анализ позволил Евгению Сергеевичу Кузьмину вплотную подойти к созданию собственной теории и структуры социальной психологии, определить ее предмет и актуальные задачи.

Проанализировав общественное и индивидуальное сознание, историю возникновения социально-психологических знаний, Е. С. Кузьмин начинает мучительный и долгий поиск определения предмета социальной психологии, что он считал наиважнейшей задачей этой области науки. Только нахождение своего предмета науки,

Предисловие

самобытного, не пересекающегося с другими областями психологии, даст возможность говорить о социальной психологии как о самостоятельной отрасли психологии.

Поиск предмета социальной психологии развернулся в дискуссиях в начале 1960-х годов в отечественной гуманитарной науке (см.: Журавлев, Почебут, 2019, 2021). В начале 1963 г. в Институте философии АН СССР в Ленинграде было проведено специальное совещание, цель которого состояла в том, чтобы определить основные проблемы и предмет социальной психологии. В совещании приняли участие виднейшие ученые: Е. В. Шорохова, В. Н. Колбановский, Б. Д. Парыгин, К. К. Платонов, В. Б. Ольшанский. Е. С. Кузьмин выступил с докладом, рассказав о проблемах, которыми занимаются сотрудники лаборатории социальной психологии ЛГУ. Он также представил теоретический анализ состояния социальной психологии в нашей стране, выразив свое несогласие с теми, кто говорил о существенном перерыве в развитии социальной психологии. Определение предмета социальной психологии, по его мнению, возможно только после детального анализа результатов первых эмпирических исследований, которые бы подтверждали или опровергали теоретические выкладки. В этом смысле огромное значение имеет разработка методологических и методических основ социальной психологии. Участники совещания не достигли соглашения о предмете, объекте, основных понятиях и праве социальной психологии на статус самостоятельной отрасли психологической науки. Докладчики высказывали противоречивые мнения о предмете и объектах исследования социальной психологии (см.: Парыгин, 1963).

Дискуссия не была завершена и имела продолжение в том же году на страницах журнала «Вопросы психологии». Е. С. Кузьмин с энтузиазмом включился в эту дискуссию, опубликовав статью «О предмете социальной психологии» (Кузьмин, 1963б, с. 142–145). По его мнению, социальная психология изучает огромный круг явлений, поэтому в настоящее время еще трудно дать четкое определение предмета социальной психологии. Он считал, что социальная психология — это наука о социально-исторической типологии людей, их сознании, особенностях личности и психических процессов» (там же). Это наука о разных формах межличностных отношений, она изучает классовые, сословные, национальные признаки психологии людей, проявляющие через разные формы общения. С большим трудом, анализируя различные проблемы социальной

психологии, Евгений Сергеевич ищет предмет социальной психологии.

Проблема становления социальной психологии была настолько острая и актуальная, что в июне 1963 г. на II съезде общества психологов в Ленинграде был организован специальный симпозиум «Проблемы общественной психологии». Ведущие философы, психологи, социологи нашей страны обсуждали основные проблемы, предмет и методы социальной психологии. Е. С. Кузьмин принял активное участие в этом обсуждении и сосредоточил свое внимание на методах социальной психологии. В качестве основных методов он называл: групповой эксперимент, смысл которого заключается в обнаружении различий в протекании психических процессов у человека, находящегося в изоляции, и у человека, активно взаимодействующего с другими людьми; наблюдение за поведением человека в значимых для него ситуациях; социометрию как измерение структуры и динамики взаимоотношений в группе; метод полярных профилей, анкетирование, беседу, изучение продуктов деятельности (Кузьмин, 1963а, с. 218–223).

Дискуссия на симпозиуме показала многообразие подходов, неразработанность четкого понимания предмета социальной психологии, противоположность мнений по поводу статуса социальной психологии. Право социальной психологии на статус самостоятельной науки как отрасли психологии отстаивали Б. Д. Парыгин и П. М. Якобсон. В. Н. Колбановский считал, что социальная психология является частью социологии и отказывал ей в праве на самостоятельность. Были высказаны три основные точки зрения на предмет социальной психологии: 1) предметом социальной психологии является установление закономерностей психической деятельности людей (Г. В. Осипов, В. Н. Колбановский, А. Г. Здравомыслов); 2) основным является понятие «отношение» (К. К. Платонов, А. Г. Ковалев, В. М. Мясищев, П. М. Якобсон); 3) главное — обусловленность протекания психических процессов и общение людей в группах (Е. С. Кузьмин, В. И. Селиванов) (Журавлев, Почебут, 2019, с. 99–109).

Разнообразие подходов, неоднозначность понимания предмета социальной психологии давали Евгению Сергеевичу Кузьмину пищу для размышлений. Он постепенно, с большой тщательностью проанализировав большое количество мнений, высказанных в зарубежной и отечественной научной литературе, приходит к собственному пониманию предмета своей науки.

Предисловие

Четкое понимание предмета социальной психологии сформировалось у него при подготовке диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук и публикации монографии «Основы социальной психологии» в 1967 г. Е. С. Кузьмин подчеркивал, что предмет социально-психологической науки динамичен. Он постепенно уточняется и расширяется по мере научно-исследовательских достижений. Предмет науки может включать те явления, которые не только качественно описаны, количественно измерены, но и установлены как закономерные соотношения. К таким социально-психологическим явлениям относятся те, которые проявляется в группе, коллективе, в познавательной и коммуникативной деятельности. Науковедческий анализ показал, что «основой и источником всех социально-психологических явлений оказывается процесс общения между людьми» (Кузьмин, 1967, с. 12). Процесс общения рассматривается Е. С. Кузьминым в самом универсальном и общем виде.

Е. С. Кузьмин обстоятельно аргументировал выбор процесса общения как предмета социальной психологии. По его мысли, «социально-психологические явления возникают как отражение (познание, переживание и освоение) различных форм общения» (там же, с. 13). Формы общения зависят от многих факторов, которые можно разделить на два вида: непосредственные и опосредованные влияния или микро- и макрофакторы. Центральными являются микрофакторы, поскольку совершенно очевидно, указывает Е. С. Кузьмин, что все свои социально-психологические черты личность приобретает только посредством личного опыта общения, через непосредственный контакт в микросреде. Человек общается с другими людьми в семье, школе, на улице, на производстве, знакомится с книгами, вещами, произведениями искусства. Все это — люди, события, результаты творчества и деятельности других — становится социально-психологическим достоянием индивида, включается в сферу его непосредственного общения, в его опыт. Природа социально-психологических явлений выражается в том, что через микросреду, через непосредственное общение человек общается со всем миром, познает произведения искусства, литературы, научной мысли. Таким образом, микросреда способствует включению человека в макросреду. Человек испытывает влияние макросреды через опосредованные влияния общества, науки, религии, культуры в целом. Микро- и макросреда взаимодействуют на грани перехода от психологии

индивида к обществу и от общества к индивиду. Этой гранью, на которой сходятся микро- и макросреда, является группа людей. Находясь в микросреде, человек специфически и своеобразно осваивает макросреду, усваивает опыт и знания предшествующих поколений, знакомится с идеями современного поколения.

Макросреда как господствующая система общества включает науку, идеологию, культуру, искусство, общественные нормы и предписания. Микро- и макросреда взаимосвязаны благодаря группам (семья, друзья, школа, производственные коллективы). Процесс усвоения знаний, передачи опыта от поколения к поколению идет не прямо от общества к индивиду, а преломляется через личный опыт индивида, через его непосредственный круг общения. Целью социальной психологии является изучение того, как через это преломление происходит преобразование сознания человека, становление его личности. Социальная психология изучает, как непосредственные контакты людей влияют на общественные процессы. Никакие идеи, считает Е. С. Кузьмин, не проникают в сознание людей, не проходя микросредовую призму. Микросреда оказывает на людей огромное влияние, формируя их установки, ценностные ориентации, референтность и значимость различных групп.

Особое значение непосредственная среда и общение людей имеют для формирования личности. Социально-психологические явления представляют собой результат единства микро- и макроусловий. При изучении любых социально-психологических явлений, например установок или групповых процессов, необходимо выявлять две стороны влияния — то, что идет от микроусловий, и то, что возникает как результат влияния макроусловий. Можно допустить серьезные ошибки, если преувеличивать влияние одной из сторон. Если наибольшее значение придавать макроусловиям, то это может привести к растворению социальной психологии в социологии. Напротив, если преувеличивать роль микроусловий, то возникает отрыв от мира культуры, социальной среды. Явления общественной жизни изучаются социальной психологией через преломление их особенностей в непосредственном общении, через установки конкретных групп и личностей (Социальная психология, 1979, с. 55).

Основная задача социальной психологии, заключает Е. С. Кузьмин, состоит в раскрытии внутренних механизмов и законов непосредственного общения, сквозь призму которого осуществляются опосредованные влияния макросреды.

Предисловие

Социально-психологические явления в толпе, в сфере массовых коммуникаций, на публике, в аудитории являются результатом взаимодействия опосредованных и непосредственных влияний. Хотя макроусловия имеют решающее значение, но микроусловия общения накладывают свой отпечаток, определяют механизм формирования социально-психологических явлений на уровне личности и малых групп. Все социально-психологические явления должны быть рассмотрены с политической, идеологической, экономической точек зрения. Важно установить, как сознание личности и группы людей изменяется под воздействием толпы, слухов, массовых зрелищ, средств массовой информации. Эти массовые воздействия макросреды определяют микросреду, в которой развивается личность.

Е. С. Кузьмин аргументированно доказывает, что основа и источник всех социально-психологических явлений заложены в процессе общения людей друг с другом. В результате общения возникают такие феномены, как восприятие и понимание людьми друг друга; внушение, убеждение, подражание; руководство и лидерство; конфликтность и сплоченность; установки. В социальной психологии общение рассматривается на разных уровнях — на межличностном, ролевом (институционально-личностном), массово-коммуникационном (инструментально-техническом). Общение рассматривается как средство повышения эффективности труда и обучения. Социально-психологическая структура личности складывается в результате общения, малые группы и коллективы формируются благодаря общению, более широкие социальные общности (классы, нации и пр.) также оформляются на основе общения (Кузьмин, 1987, с. 4).

Принцип историзма Е. С. Кузьмин применяет и при установлении, и при описании социально-психологических закономерностей. Эти закономерности обнаруживаются в филогенетическом и онтогенетическом развитии человека, прослеживаются в процессах его труда, общения и познания. И в истории, и в онтогенезе непосредственный процесс общения людей друг с другом определяется многими опосредующими факторами. К таким факторам, в первую очередь, относятся: система общественно-экономической жизни страны, бытовая культура, уровень развития науки, распространение средств массовой коммуникации. Как в прошлом, так и в настоящее время действуют одни и те же социально-психологические формы, способы и средства общения: взаимное заражение чувствами, подражание движениям и поведению в целом, внушение идей и убеждение,

выразительные движения и мимика. Так, Е. С. Кузьмин заметил, что на первых ступенях и социоантропогенеза, и онтогенеза в процессе общения наиболее значительную роль играет подражание. По мере развития всего человечества или взросления конкретного человека роль подражания заметно снижается.

И в истории человечества, и в развитии индивида сходный характер имеет процесс освоения обычаев, привычек, нравов. Обычай и привычки, предложенные другими людьми, усваиваются индивидом в готовом виде и имеют длительное воздействие на его психику. Однако сходство функционирования и усвоения социально-психологических явлений в истории и в онтогенезе не является однозначным. В истории основным источником развития человечества является трудовая деятельность, в которую изначально включены познание, общение, обучение и игра. Однако в онтогенезе значимость и последовательность этих видов деятельности меняется. В онтогенетическом развитии ребенка первоначальное значение имеет игра, затем учение, которое плавно переходит в трудовую деятельность. При этом общение и познание являются сквозными процессами, без которых ни игра, ни учение, ни труд невозможны (Социальная психология, 1979, с. 61).

Идеей историзма пропитана и работа Евгения Сергеевича над созданием методологии социальной психологии. В своей научной деятельности он придавал созданию методологии социальной психологии огромное значение. Основное внимание Е. С. Кузьмин уделял разработке принципов социальной психологии, соотносению их с общеметодологическими и общепсихологическими принципами. К общеметодологическим требованиям он относил:

- 1) принцип детерминизма;
- 2) принцип развития;
- 3) положение о вторичности и активном характере сознания и психики;
- 4) положение о всесторонности подхода к общепсихологическим и социально-психологическим явлениям;
- 5) положение о практике как единственном источнике и критерии истинности и надежности полученных в ходе исследования результатов (Кузьмин, 1987).

Социально-психологические исследования, кроме общеметодологических требований, должны также учитывать общенаучные и обще-

Предисловие

психологические принципы. К общенаучным требованиям он относил: принципы системного подхода и моделирования, обязательный математический анализ полученного в ходе эмпирического исследования материала. К общепсихологическим — принцип единства сознания и деятельности. Этот принцип составляет основу изучения личности, малых групп и коллективов и реализуется в конкретных исследованиях. Кроме общеметодологических и общепсихологических, к социально-психологическим исследованиям предъявляются и свои специфические требования. Социальная психология призвана:

- 1) проявлять особую чувствительность к общественным явлениям и процессам;
- 2) изучать взаимоотношения человека и общества;
- 3) основное внимание уделять особенностям общения между людьми (там же).

В области социальной психологии Е. С. Кузьмин предложил три специфических принципа, в полной мере отражающих самобытность этой науки: социальная обусловленность психики, особенности протекания психических явлений и процессов, принцип общения.

Социальная обусловленность психики и сознания человека является первым и основополагающим принципом социальной психологии. Этот принцип означает, что все психические феномены, начиная с самых элементарных (ощущение), являются социальными по своей сущности и по своей обусловленности. Одновременно они являются биологическими по механизмам работы головного и спинного мозга, тесно связаны со всем организмом человека. Общая психология социальна, поскольку ни ощущения, ни восприятия, ни другие психические процессы невозможно понять и объяснить, если не проанализировать социально-историческую, общественно-трудовую детерминацию всех психических явлений и свойств человека. Социальная обусловленность означает общую для всех людей детерминацию их психики трудовой деятельностью всего человеческого рода. Эта деятельность связана с воздействием орудий труда на природу. Трудовая деятельность позволила человеку изменить животный образ жизни в окружении природы на образ человеческого отношения к ней, т. е. на трудовой образ жизни. Общая психология занимается изучением общечеловеческой психики, детерминированной историческим процессом труда. Она устанавливает общие законы ощущений, восприятий, мышления, эмоций, воли и т. д.

Тем не менее социально-историческая обусловленность психики не сводится только к родовой, общеисторической обусловленности. Важное значение приобретает конкретно-историческая обусловленность, т. е. социальная среда — характер конкретно-исторических условий жизнедеятельности человека и целого народа, социальная структура общества, особенности производственных отношений. Именно эту сторону социальной обусловленности психики человека и изучает социальная психология. Итак, социально-историческая обусловленность психических явлений человека имеет две стороны. Первая сторона — это общечеловеческая историческая обусловленность. Вторая сторона — это особенная, конкретно-историческая социальная обусловленность. Эти две стороны взаимосвязаны и составляют основу различий между общей и социальной психологией.

Особенности протекания психических явлений и процессов составляют второй принцип социальной психологии. С точки зрения конкретно-исторической обусловленности социальная психология призвана изучать типичные, стихийно складывающиеся феномены обыденного сознания, обычаи, привычки, стереотипы, типы личности. Общие психологи изучают психические явления так, как они протекают у всех людей, и открывают общие законы функционирования психики. Социальные психологи изучают те же психические явления, протекающие в различных социальных группах при непосредственном контакте людей, они обнаруживают значительные изменения. Обнаружение различий в протекании психических явлений у человека в изоляции и у человека, находящегося в составе группы, послужило первым толчком к экспериментальным исследованиям в области социальной психологии.

Принцип общения — это третий принцип социальной психологии. В социальной психологии важное место занимают исследования межличностного общения, которое имеет возрастную специфику и проявляется в разных формах во время учебы, в семье, на производстве. Восприятие и понимание людьми друг друга происходит только через общение. Большое значение имеет изучение различных выразительных средств общения — пантомимики, мимики и пр. Подражание, внушение, усвоение привычек, соблюдение обрядов и традиций невозможны без общения. Задача социальной психологии заключается в раскрытии механизмов и установлении законов непосредственного общения людей.

Предисловие

Рассуждения Е. С. Кузьмина затрагивают и психические явления в толпе, аудитории, местах массовых зрелищ, сфере массовой коммуникации. К проблемам общения относятся и распространение моды, вкусов, слухов и пр. Эти массовидные явления необходимо также изучать с социально-психологической точки зрения, а не только с политической, идеологической или экономической. Социальный психолог, по мысли Е. С. Кузьмина, должен установить, в какой мере сознание личности, группы и непосредственные формы общения изменяются под воздействием толпы, массовых зрелищ, средств массовой коммуникации. Человек или группа подавляются сильным воздействием толпы, легко поддаются панике. Только немногие способны сохранить высокий уровень самоорганизации и сознания (Кузьмин, 1967, с. 15).

Определение предмета социальной психологии и ее основополагающих принципов позволило Е. С. Кузьмину перейти к созданию теоретических основ социальной психологии. Он обращается к опыту зарубежных и отечественных ученых, однако прекрасно понимает, что ссылки на западную науку будут восприниматься в штыки партийной номенклатурой того времени. Поэтому он выбирает совершенно оправданный, стратегический путь, приведший к блестящему результату: глубоко анализирует опыт отечественных ученых, обращается к дискуссии о соотношении социального и биологического в психике человека, развернувшейся в 1920-е годы в СССР. Почувствовав мощную интеллектуальную поддержку предшественников, опираясь на идеи и предложения огромной плеяды ученых того времени, их интерес к созданию и развитию новой отрасли науки — социальной психологии, Евгений Сергеевич начинает борьбу за институализацию социальной психологии и придание ей статуса самостоятельной отрасли психологической науки. Большое внимание он уделял взглядам В. М. Бехтерева, основателя Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) психологической школы, опираясь на его фундаментальный труд «Коллективная рефлексология» (1921).

Свои основные теоретические идеи Е. С. Кузьмин изложил в книге «Основы социальной психологии» (1967). Он проанализировал историю социально-психологических идей за рубежом и в отечественной науке, дал четкое определение предмета социальной психологии, ее структуры, представил основные методические приемы исследования и способы математико-статистической обработки данных, полученных в ходе эмпирического исследования.

Принцип развития он считал главным при изучении малых групп и коллективов. Он отмечал, что базой и основой социально-психологической науки являются малые группы. Возникновение социальной психологии как науки связано с применением эксперимента при изучении малых групп. Малая группа — это ближайшее окружение каждого человека. Социальные воздействия осуществляются в ней трояким образом: воздействия усиливаются, отталкиваются или действуют пропорционально интенсивности источника влияния.

Социальные группы Е. С. Кузьмин делил на два вида: малые и большие. Большие группы (макрогруппы) определяют социальную природу и направленность малых групп (микрогрупп) в зависимости от социально-классовой, этнической, сословной принадлежности людей. Малые группы он разделял на первичные и вторичные. Первичные группы характеризуются межличностными, социально-психологическими связями людей, которым присущи симпатии, антипатии, доверие. Вторичные группы строятся на основе официальных, деловых отношений, которые формируются между людьми, работающими на одном предприятии, в учреждении, других организациях.

Е. С. Кузьмин предлагал изучать малые группы по трем показателям: цели, организационная структура и динамика. Малая группа — это небольшая совокупность людей, которые реализуют разные цели (личные, групповые, общественные), вступают в непосредственный контакт и различают грань между «мы» (наша группа) и «они» (другая группа). Малые группы в своем развитии проходят следующие этапы:

1. Номинальная группа — это небольшая группа людей, которые реализуют свои личные цели либо цели, предписанные организацией при случайных связях и контактах.
2. Кооперация — это небольшая группа людей, реализующих свои цели на деловой основе, при временных и целесообразных для выполнения работы связях.
3. Коллектив характеризуется оптимальной, устойчивой организацией, направленной на решение общественно значимых производственных и воспитательных задач, лично принятых участниками, на фоне благоприятного социально-психологического климата.
4. Гомфотерная группа характеризуется высоким уровнем организации, скрепленной групповыми официальными и неофициальными целями и нормами при глобальной совместимости (Кузьмин, 1987, с. 23).

Предисловие

Таким образом, согласно Е. С. Кузьмину, развитие малой группы проходит четыре этапа, начиная от случайной номинальной группы и заканчивая гомфотерной, высокоорганизованной группой. Интересно, что коллектив не является, по мнению Евгения Сергеевича, вершиной развития группы. Вершину, пик развития характеризует гомфотерность — сплав высокой организованности, совместимости и приверженности официальным и неофициальным целям.

Принцип развития применяется Евгением Сергеевичем и при изучении социально-психологических свойств и типологии личности. Он опирается на идею Б. Г. Ананьева о духовном складе личности, состоящем из тенденций и потенций. Потенции представляют собой познавательные возможности человека, его информированность. Потенции выражаются в способностях, одаренности, в освоении знаний, умений и навыков. Потенции составляют когнитивный регулятор поведения. Тенденции — это побудительные, эмоциональные, энергетические возможности человека. Они выражаются в эмоционально-волевых качествах. Тенденции — это мотивационно-волевой регулятор поведения. Сила и величие духовного склада человека, пик его личностного развития заключаются в оптимальных связях информационного и энергетического потенциала, т. е. когнитивных и эмоционально-волевых черт. Совершенствование духовного склада личности осуществляется в ее делах. Масштаб личности в социально-психологическом плане характеризуется мерой приближения ее реального поведения к идеальному.

Личность с точки зрения социальной психологии — это то, как человек общается с людьми, как познает окружающий мир, как трудится. Е. С. Кузьмин рассматривал личность как единство селекции и проекции. Селективная сторона выражается в целевых и ценностных ориентациях. Проективная сторона личности — это стратегия и тактика, программа ее поведения. Анализ селективной и проективной сторон личности дал возможность Е. С. Кузьмину предложить собственную типологию личности:

Стратег — высший уровень развития социально-психологических свойств и умений личности. Такой человек характеризуется следующим: высшим уровнем мастерства (и профессионального, и коммуникативного), тенденциями как энергетическими и эмоционально-волевыми возможностями, реализацией творческих потенций, мудростью в общении с людьми, лидерством в малых или даже в больших группах, надситуационным поведением (независимостью от ситуации), всесторонним развитием, гармоничностью, умением

строить доверительные и доброжелательные отношения с людьми, поведением, подчиненным высшим целям и выстроенным в единую цепь (логически, пошагово выстроено). Этот идеал личности, в реальности труднодостижимый.

Тактик — средний уровень развития социально-психологических свойств и умений. Это хороший работник, мастер своего дела, в полной мере справляется со своими обязанностями, исполнительный, активный, часто бывает лидером группы, достаточно динамичный и эффективный, больше практик, действует по ситуации. Это тип реального человека, который вполне способен стать лидером малой группы, руководителем организации.

Операционалист — более низкий уровень развития социально-психологических свойств и умений. Он еще не реализовался как личность в полной мере, есть резервы для повышения профессионального мастерства и социальной адаптации в группе. Такой человек действует преимущественно в зависимости от ситуации, часто не может выстроить в единую цепочку цели своих действий. Это ведомый и внушаемый человек, часто противоречивый в своих убеждениях.

В социально-психологическом смысле развитие личности проходит по трем уровням: от операционалиста (начинающего свой жизненный и профессиональный путь человека) до тактика, достигшего профессионального мастерства и высокого статуса в группе. Далеко не каждый человек доходит до уровня стратега и достигает вершин в своем творчестве, социального признания, самореализации (Кузьмин, 1987, с. 32).

Свои теоретические и методологические идеи Е. С. Кузьмин изложил в коллективной монографии «Социальная психология» (1979). Он собрал коллектив единомышленников, разработал стройную систему социальной психологии. Монография содержит историю создания социальной психологии за рубежом и в России, аргументированное обоснование предмета, социальную психологию личности, малых групп и коллективов, социально-психологические проблемы больших групп, результаты прикладных исследований. Особое внимание уделяется промышленной социальной психологии, построению модели личности инженера, проблемам семьи и брака, рождаемости и пр. Интересно, что в монографии впервые представлена диспозиционная концепция личности, разработанная В. А. Ядовым.

Е. С. Кузьмин умел находить, поддерживать и продвигать талантливых ученых, пропагандировать их идеи, не замыкаться исключи-

Предисловие

тельно на своих размышлениях. Его широкая русская душа, душа ученого и организатора науки, создателя нового научного направления — социальной психологии — требовала привлечения разных точек зрения, мнений, взглядов. Евгению Сергеевичу изначально был присущ принцип научного плюрализма, интерес и уважение к любой точке зрения, теоретическим или методическим разработкам.

Особое внимание Евгений Сергеевич уделял подготовке надежных методов социально-психологического исследования. Совместно со своими сотрудниками в 1977 г. он опубликовал монографию «Методы социальной психологии». В отечественной социально-психологической науке впервые была представлена система основных методов, рассматривались методологически и процедурные вопросы эмпирического исследования в области социальной психологии. Преподаватели кафедры социальной психологии ЛГУ и сотрудники лаборатории социальной психологии НИИКСИ ЛГУ приняли активное участие в подготовке этой монографии. Они учитывали опыт использования социально-психологических методов за рубежом и в нашей стране, щедро делились своим исследовательским опытом. Несколько методов социальной психологии были впервые представлены в отечественной методологической литературе. Методы были разработаны и апробированы в первой в нашей стране лаборатории социальной психологии под руководством Е. С. Кузьмина. Практически все методы социальной психологии являлись междисциплинарными, но подчеркивалась специфика их применения именно в социальной психологии. Данная монография и по настоящее время является наиболее полным и серьезным трудом в области методологии и процедуры проведения социально-психологических исследований.

Книга «Актуальные проблемы социальной психологии», опубликованная в 1987 г., также представляет огромный интерес. Е. С. Кузьмин предлагает собственную типологию малых групп, социально-психологическую типологию личности и доказывает, что в зависимости от того, как человек взаимодействует с другими людьми, как проявляются его потенции и тенденции, как он планирует события собственной жизни, он ведет себя как творец, лидер, динамично строящий отношения с другими людьми (стратег), как профессионально подготовленный практик (тактик), как ведомый, действующий в зависимости от ситуации, не умеющий обратить ситуацию в свою пользу (операционалист).

Евгений Сергеевич подготовил блестящую плеяду социальных психологов. Они плодотворно и эффективно работали и работают в своей области, предлагают новые идеи и теории, разрабатывают современные концептуальные подходы, новые методы и методики. На кафедре продолжает развиваться психология общения и организационная психология, основы которых заложил Евгений Сергеевич. Стимул в развитии получили этническая и кросс-культурная психология, социальная психология здоровья, психология семьи, внедряются новые программы тренингов.

Е. С. Кузьмин был необычным человеком. Русский богатырь, он обладал огромной духовной и физической силой, энергией, принципиальностью, напористостью. Он был бесконечно мягок и тактичен по отношению к людям, которых ценил и уважал, но в то же время мог откровенно сказать недостойному с его точки зрения человеку все, что о нем думает, поставить его на место, потребовать адекватного поведения.

Евгений Сергеевич привлекал к себе людей своей образованностью, отзывчивостью, желанием помочь, посочувствовать, своей надежностью. Все, кто работал и общался с Евгением Сергеевичем, искренне его уважали, любили, доверяли ему, ценили каждую минуту, проведенную в его обществе. Сотрудники вели с ним интересные беседы, обсуждали научные проблемы, актуальные события в стране и в мире. Общение с ним доставляло удовольствие, подталкивало к поиску новой информации, размышлениям, саморазвитию.

Евгений Сергеевич был необыкновенно красивый и смелый человек. Потребовалось все мужество фронтовика, упорство и настойчивость в достижении цели для того, чтобы создать и оформить социальную психологию как самостоятельную отрасль психологической науки. Свои позиции он отстаивал не только на конференциях, но в кабинетах чиновников и партийных работников.

Как руководитель кафедры он был надежной крепостью, за стенами которой каждый сотрудник чувствовал себя в безопасности и мог спокойно развиваться как ученый. С сотрудниками Евгений Сергеевич был строг, он умел четко ставить перед ними задачи, предлагать и формулировать новые идеи, требовать исполнения. Но мы помним его заботу, добрую улыбку, ободряющий взгляд, искрометный юмор.

Е. С. Кузьмин был первопроходцем в области психологических и социальных наук. Молодому поколению ученых он дал сильный творческий импульс, зажег факел научного поиска, который

Предисловие

горит в нас до сих пор и дает нам возможность передавать этот факел как эстафету следующим поколениями социальных психологов.

Литература

- Журавлев А. Л., Почебут Л. Г.* К 60-летию дискуссии о предмете социальной психологии в России // Психологический журнал. 2019. Т. 40. Вып. 3. С. 99–109.
- Журавлев А. Л., Почебут Л. Г.* Развитие социальной психологии в трудах Е. С. Кузьмина (к 95-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 81–91.
- Кузьмин Е. С.* Методы социальной психологии // Тезисы докладов на II съезде общества психологов. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963а.
- Кузьмин Е. С.* О предмете социальной психологии // Вопросы психологии. 1963б. № 1.
- Кузьмин Е. С.* Основы социальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967.
- Кузьмин Е. С.* Актуальные проблемы социальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
- Ломов Б. Ф.* Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975.
- Социальная психология: История. Теория. Эмпирические исследования* / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семёнова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
- Парыгин Б. Д.* Совещание по проблемам социальной психологии. Научная хроника // Вопросы психологии. 1963. № 3.

*А. Л. Журавлев,
Л. Г. Почебут*

О ПРЕДМЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

1. Отношение к дискуссии

В журнале «Вопросы психологии» открыта дискуссия по предмету социальной психологии. Это событие имеет и хорошие и плохие стороны. Хорошая сторона этой дискуссии: наконец, центральный орган советских психологов заговорил о социальной психологии. Советские психологи скажут свое позитивное слово о социальной психологии. Дискуссия позволит более глубоко определить предмет социальной психологии и привлечет внимание советской общественности к явлениям социальной психологии. Плохая сторона дискуссии: о предмете социальной психологии сейчас говорят очень многие, но наиболее актуальными для советской социальной психологии являются не столько вопросы о ее предмете, сколько разработка конкретных методик, развертывание конкретных социально-психологических исследований. Из статьи А. В. Баранова (1962) создается неверное представление об истории и современном состоянии социальной психологии в СССР.

2. Разбор статьи В. В. Баранова о предмете социальной психологии

Психологи не могут согласиться с тем, что психология, как и социология, относится к области общественного сознания. Психология всегда была на грани естествознания и общественных наук. Поэтому советская психология опирается на марксистско-ленинскую методологию и на свою естественную базу — развивающуюся физиологию

Кузьмин Е. С. О предмете социальной психологии // Вопросы психологии. 1963. № 1. С. 142–145.

высшей нервной деятельности, основы которой заложены И. П. Павловым. Советская психология никогда не замыкалась в рамках изучения индивидуального сознания, как это утверждает автор. Достаточно вспомнить исследования Б. Г. Ананьева (1957), А. Н. Леонтьева (1959), С. Л. Рубинштейна (1957) и др. Очень странно утверждение А. В. Баранова-философа о том, что до недавнего времени исторический материализм ограничивался лишь изучением идеологических форм общественного сознания. К. Маркс, В. И. Ленин, а также современные советские философы уделяли внимание стихийно складывающимся формам общественного сознания.

Неточно положение А. В. Баранова о неудачном дебюте социальной психологии в СССР. Это положение и последующие рассуждения А. В. Баранова создают ложное представление о том, что в советской социальной психологии был дебют (неудачный), был перерыв, а в настоящее время создается заново социальная психология в СССР.

Само определение социальной психологии, которое дает А. В. Баранов, — «Предметом социальной психологии является психическая деятельность людей в коллективе, в массе» — в общем верное, но оно уже давно и более аргументированно дано В. А. Артемовым (1927), Б. В. Беляевым (1929) и др.

Очень туманны рассуждения А. В. Баранова о «двойной» субъективности, о «двойной» отработке продуктов отражения.

Есть что-то ценное в статье А. В. Баранова? Да. В общем дано приближенно правильное определение предмета социальной психологии. Интересно показано то, с какой стороны социальная психология исследует интеллектуальные, эмоциональные, волевые процессы. Особенно ценная сторона работы — агитация за социальную психологию и показ ее возможностей, критика тех, кто отрицал социальную психологию, хотя последних в настоящее время почти нет среди психологов и философов.

3. Наше понимание предмета социальной психологии

В настоящее время зарубежная и советская социальная психология прошли довольно сложный путь развития. Начиная со второй половины XIX в. и до нашего времени изменилось представление о предмете и методах исследований. Советская социальная психология в своей методологии и теории стала принципиально отлич-

ной от господствующих разнообразных эмпирических направлений в социальной психологии в странах капитала. Это отнюдь не исключает научной преемственности в технике исследований, в понимании ряда социально-психологических явлений.

Невозможно замкнуть советскую социальную психологию (да и зарубежную) только в круг работ, написанных под социально-психологическими названиями.

Ведь невозможно из советской социальной психологии исключить исследования А. С. Макаренко (1931) о коллективе, как невозможно исключить исследования В. А. Сухомлинского (1958) и других авторов о коллективе.

Мы выхолостили бы социальную психологию, если бы не отнесли сюда: исследования по истории поведения Л. С. Выготского (1956) и П. П. Блонского (1935), исследования по чертам личности Н. Д. Левитова (1956) и др.

Наша социальная психология была бы бессодержательной без удивительного эксперимента нашего народа, ведомого Коммунистической партией Советского Союза, по преобразованию психологии и сознания советских людей.

Если сводить советскую социальную психологию к работам В. М. Бехтерева (1921), Б. В. Беляева (1929), Н. Ф. Курманова (1930), В. А. Артемова (1927), М. А. Рейснера (1931) и др., то тогда нетрудно обнаружить в ней перерыв, неудачный дебют, как это делает А. В. Баранов.

Социальная психология охватывает обширный круг явлений, которые в настоящее время пока еще трудно сгруппировать. Поэтому более четкое определение предмета и области социальной психологии можно дать в будущем. Собственно дефиниция, определения не так важны, ибо важнейшим является существо дела, проведение конкретных исследований.

Исходя из истории развития зарубежной и советской социальной психологии, опираясь на исторический материализм, можно наметить общие принципы социальной психологии, которые покажут направление исследований и раскроют область явлений социально-психологического порядка. Повторяю, это можно сделать лишь приближенно.

Таких принципов, общих исходных положений я пока вижу три: социальная обусловленность, характер протекания психических процессов, принцип общения.

Принцип социальной обусловленности психики, сознания человека нужно правильно, по-марксистски понимать. Советская общая психология исходит из того, что все психические явления от самых элементарных (ощущения) до самых сложных (характер) являются социальными по своей обусловленности, по своей сущности и биологическими по своим мозговым механизмам, по своей связи с организмом человека. Поэтому советская общая психология социальна в том смысле, что ни ощущения, ни восприятия, ни другие любые психические явления не могут быть понятны и объяснены без анализа социально-исторической, общественно-трудовой обусловленности всех психических процессов и свойств человека.

К. Маркс отмечал, что пять органов чувств человека являются продуктом истории, что человеческий глаз и ухо определены, обусловлены в своей сущности историей развития их предмета (живопись, музыка). Лишь на этом основании некоторые психологи сделали ложный вывод: раз вся общая психология социальна, то зачем социальная психология.

Однако социальная обусловленность в таком виде есть общая для всех людей обусловленность их психики общественно-трудовой, родовой человеческой деятельностью. Эта деятельность есть процесс труда, орудийное воздействие человека на природу, что позволило человеку вообще, родовому человеку изменить животный образ существования в природе на человеческое отношение к ней (на трудовой образ жизни и деятельности). Этой общечеловеческой психикой, обусловленной историческим процессом труда, который взят в самом общем, абстрактном, родовом виде, и занимается общая психология, которая раскрывает законы ощущений, восприятий, мышления, эмоций, воли и т. д.

Но для К. Маркса социально-психологическая обусловленность психики человека никогда не сводилась к такой абстрактной, родовой, чисто технической, индустриальной обусловленности. Важнейшее значение в социальной обусловленности К. Маркс придавал типам производственных отношений, экономической структуре общества, характеру конкретно-исторических условий. Вот эта сторона и вносит существенную конкретизацию в социальную обусловленность сознания, личности человека, определяя их социально-исторический тип, направленность, содержание. Речь идет о сознании различных общественных групп: коллективов предприятий, классов, наций, всего народа. Вот эта сторона социальной обусловленности

сознания и психики людей и составляет предмет социальной психологии.

Таким образом, социально-историческая обусловленность психических явлений человека имеет две стороны: общечеловеческую историческую обусловленность и особенную, конкретно-историческую социальную обусловленность. Это различие в социальной обусловленности лежит в основе общей и социальной психологии. А Баранов считает невозможным выделение социальной психологии на этом основании.

С позиций конкретно-исторической обусловленности социальная психология должна раскрывать типичные, стихийно складывающиеся явления обыденного сознания, обычаи, привычки, стереотипы, типы личности, характера и т.д. Известно, что эти задачи так или иначе решались и в рамках общей психологии, но систематическое и целенаправленное их исследование в рамках социальной психологии должно способствовать более глубокому их изучению.

Когда мы изучаем психические явления так, как они протекают у человека, и находим общие законы психики для всех людей, то мы имеем дело с общей психологией. Когда мы изучаем те же психические явления, протекающие в различных общественных группах, при непосредственном контакте людей, то мы обнаруживаем существенные изменения в протекании тех же психических процессов. Уже экспериментально установлено, что эмоциональная сфера подвержена значительно большим изменениям в условиях групп и коллективов, чем познавательная сфера. Эти изменения можно проследить на всех психических процессах и свойствах: ощущениях, внимании, эмоциях, темпераменте и т.д.

Очевидное существование подобных видоизменений породило массу экспериментальных исследований, результаты которых составляют часть содержания социальной психологии. Следует отметить, что протекание психических явлений тесно связано с характером общественной группы и конкретной ситуацией. Характер изменений эмоционально-волевой и познавательной сфер в общественных группах существенно зависит от того, каковы эти группы, каковы социальные взаимоотношения в них.

Наконец, вопрос об общении. Межлюдские взаимоотношения на разных возрастных уровнях (учеба, производство, семья и др.) в различных видах производства (автоматизированное, ручной труд),

различные выразительные средства общения — все это важные вопросы групповой, коллективной, социальной психологии.

В этих направлениях в советской психологии и педагогике проведено немало интересных исследований. Достаточно вспомнить исследования Е. А. Аркина (1927), А. С. Макаренко (1931). Зарубежная социальная психология преимущественно является психологией различных групп и коллективов.

На кафедре социальной психологии ЛГУ имени А. А. Жданова ведется ряд лет исследование по изучению влияния взаимоотношений в производственных коллективах на развитие и воспитание его членов. Изучение конкретной социальной обусловленности, протекания психических процессов и общения людей в коллективах составляет содержание социальной психологии.

Социальная психология — это наука о социально-исторической типологии людей, их сознании, особенностях личности и психических процессах. Поскольку эти особенности психологии людей складываются в разных общественных группах, коллективах, по-разному в них протекают, постольку социальная психология есть наука о разных формах межличудских взаимоотношений.

Социальная психология изучает классовые, сословные, национальные признаки психологии людей и особенности их протекания, проявления, формирования в разных группах, коллективах, через разные формы общения людей.

Прикладными областями социальной психологии являются: пути повышения эффективности пропаганды и агитации, проблема обслуживания населения (торговля, жилище).

Социальная психология является одной из областей в системе общественных наук, наряду с общей психологией, психологией труда, спорта и т. д.

Социальная психология тесно связана с историческим материализмом и конкретной социологией, которые являются ее методологической основой. Особенности социальной психологии не будут правильно истолкованы, если мы за всеми социально-психологическими явлениями не будем видеть решающей роли экономической структуры общества, существенного влияния идеологических форм сознания на обыденное сознание. Вместе с тем социально-психологическое исследование будет обогащать исторический материализм более конкретным содержанием в вопросах общественных форм сознания.

Таким образом, в настоящее время можно наметить лишь область, границы, направление социально-психологических исследований. Большой нескромностью было бы дать четкое и краткое определение предмета социальной психологии. Однако область и границы социальной психологии проступают явственно. Социальная психология развивается на стыке исторического материализма и психологии.

Понимая так предмет социальной психологии, мы в 1961/1962 учебном году провели спецкурс по социальной психологии на V курсе психологического отделения ЛГУ им. А. А. Жданова. В курсе рассматриваются: история, предмет, методы социальной психологии, социально-психологический анализ сознания, личности и психических процессов, характер изменений психических явлений в группах и коллективах: развитие форм общения в группах и коллективах, психология коллектива. Спецкурс читался 32 часа.

Хорошо, что открыта дискуссия по предмету социальной психологии. Это будет способствовать более правильному и глубокому пониманию ее предмета. Однако в настоящее время более актуальными являются вопросы техники исследования, структуры и содержания курса социальной психологии.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человека как общая проблема социальной науки // Вестник ЛГУ. 1957. № 11.
- Артемьев В. А.* Введение в социальную психологию. М., 1927.
- Аркин Е. А.* Об изучении детского коллектива. 1927.
- Беляев Б. В.* Проблемы коллектива и его социально-психологического изучения // Психология. 1929. Т. II. Вып. 2.
- Баранов А. В.* О предмете социальной психологии // Вопросы психологии. 1962. № 2.
- Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. М. – Пг., 1921.
- Блонский П.* Память и мышление. М.–Л., 1935.
- Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования. 1956.
- Курманов Н. Ф.* К проблеме массовой и коллективной психологии // Современная психология 1930. Т. VI.
- Левитов А. Н.* Вопросы психологии характера. М.: Учпедгиз, 1956.
- Леонтьев А. Н.* Развитие памяти. М.–Л.: Учпедгиз, 1931.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959.

О предмете социальной психологии

Макаренко А. С. Сочинения. М., 1931. Т. 1–7.

Рейснер М. А. Проблемы социальной психологии М., 1925.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. 1957.

Сухомлинский В. А. Психологический коллектив. 1958.

ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Предисловие

В работе «Основы социальной психологии», сделана попытка посмотреть на явления и законы науки с точки зрения того, что уже исследовано и устоялось. Мы стремились представить новую периодизацию истории социальной психологии и суть ее временных направлений: бихевиоризма, неофрейдизма, социометрии, групповой динамики и транзактной психологии, здесь проводится различие между общей методологической состоятельностью современных зарубежных направлений и теми конкретными фактами, явлениями, зависимостями, которые широко и основательно исследуются учеными.

«Основы социальной психологии» не могут претендовать на раскрытие всего круга вопросов социально-психологической науки. Поэтому в работе, кроме вопросов истории, дается определение предмета науки, показывается современный арсенал методических приемов исследования с техникой количественной обработки собираемого материала. Примерно две трети книги составляет анализ и обобщение конкретных данных, полученных при изучении групп и коллективов, и различных аспектов познавательной и коммуникативной деятельности личности.

При решении вопроса о предмете социальной психологии как науки сделан специальный акцент на группы, коллективы и личность. Подчеркивается необходимость различения того, что составляет общественную психологию как объект исследования тех явлений и законов, которые наиболее интенсивно изучаются в зарубежной и советской социальной психологии. Четкое различие в социальной психологии того, что входит в ее арсенал на уровне науки сегодняшнего дня, и того, что носит характер перечисления актуальных проб-

Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967.

лем и общих деклараций, приводит к необходимости сужения предмета социальной психологии.

Предмет социально-психологической науки динамичен. Он расширяется по мере конкретных достижений. К предмету науки можно относить только те явления, которые не только качественно описаны, но и количественно выражены и поняты на уровне закономерных соотношений. К такому характеру социально-психологических явлений можно отнести те, которые проявляются в группе, коллективе, в познавательной и коммуникативной деятельности личности. В этом смысле социальным психологам не стоит особенно обольщаться, так как диагностика и прогнозирование деятельности групп и личности еще далеки от совершенства. Еще хуже обстоит дело с изучением массовидных психических состояний толпы, массовых средств коммуникации, психологии народов и наций. Пока социальные психологи в этих областях могут сказать лишь несколько больше, чем просто перечислить или на уровне беллетристики описать эти явления. Вот почему в данной работе мы несколько ограничили предмет социальной психологии. Кого из читателей интересует более широкое определение предмета социальной психологии, могут прочитать об этом в ряде работ (Колбановский, 1963; Кузьмин, 1963; Парыгин, 1965).

Значительное место в книге занимает анализ различных методик исследования: наблюдение, эксперимент, опросы. Из методик и технических приемов приводятся лишь наиболее часто и продуктивно используемые в исследованиях. Широко представлены в работе разнообразные шкалы и существующие приемы количественной обработки материала. Большинство указанных методик и приемов исследования проверены и могут быть эффективно использованы как в социально-психологических, так и конкретно-социологических работах.

В главах, в которых дается обобщающий материал по психологии групп и личности, специальное внимание обращено на анализ научных достижений зарубежной социальной психологии групповой структуры и динамики, лидерства, конформизма, установки и отношений личности.

Самостоятельное значение имеют обобщающие материалы по работам, проведенным сотрудниками лаборатории социальной психологии ЛГУ: Н. В. Голубевой, М. Г. Иванюком, А. Л. Свенцицким, И. Л. Волковым, А. А. Русалиновой, Э. С. Чугуновой и др.

Предисловие

В постановке и решении ряда вопросов социальной психологии групп и коллективов мы опирались также на исследования профессоров Б. Г. Ананьева, В. Н. Мясищева и доцентов А. А. Бодалева, Н. В. Кузьминой.

Глава I

Социальная психология как наука

§ 1. Периодизация истории социальной психологии

В истории развития социально-психологической науки явственно различаются три этапа: выделение социально-психологических явлений и их описание, оформление социальной психологии в самостоятельную науку со своим предметом и методами исследования, становление и развитие марксистской социальной психологии.

Описательный период

В первый период происходит выделение социально-психологических явлений из психологических и социологических. Достаточно хорошо известно, что возникновению социальной психологии мы обязаны психологам (В. Вундт), социологам (Г. Тард, Г. Лебон, Н. Михайловский), языковедам и антропологам (Г. Штейнталь, М. Лацарус, Л. Брюль). Первый этап характеризуется возникновением социально-психологической проблематики, всеобъемлющими описаниями явлений, универсальностью принципов подхода к ним, неопределенностью границ социально-психологических явлений. Этот период датируется с середины XIX в. по 1920-е годы. Наиболее популярными в этот период являются работы: В. Вундта «Проблема психологии народов» (1912); Г. Тарда «Личность и толпа» (Очерки по социальной психологии, 1903); Г. Лебона «Психология народов и масс» (1896); Н. К. Михайловского «Герои и толпа» (Полн. собр. соч., 1907, т. 2); М. Дауголла «Основные проблемы социальной психологии» (1916) и др. В перечисленных работах авторы психологизировали общественные явления, все социологические и социально-психологические явления сводили какому-либо универсальному принципу: Г. Тард — к подражанию, В. Вундт — к душе народа, Н. Михайлов-

ский — к внушению и подражанию, Г. Лебон — к душе расы и к героям, М. Дауголл — к инстинктам. Предметом социальной психологии все перечисленные авторы считали душу народа или расы, психологию масс, толпы, героев и врожденные инстинкты людей. В истолковании природы социально-психологических явлений они исходили из подмены социально-классового, экономического анализа движущих сил общества психологическими особенностями масс, толпы, героев; из пренебрежительного отношения к психологии толпы, масс; из преувеличенного отношения к роли выдающихся личностей, стоящих над массами. Основными способами изучения социально-психологических явлений были описание исторических событий, этнографического и антропологического материала, нравов, обычаев и языка, материалов художественной литературы и своих собственных впечатлений о событиях общественной жизни.

Те ученые, которые шли от психологии к социальной психологии (В. Вундт, Т. Рибо), стремились индивидуальную, эмпирическую, органическую, чувственную психологию дополнить сведениями о высших психических явлениях (речь, мышление, сознание и самосознание) как проявлениях народного, коллективного, надиндивидуального духа. Напротив, те исследователи, которые шли от социологии О. Конта и Г. Спенсера (Г. Лебон, Г. Тард, Н. К. Михайловский и др.), стремились к тому, чтобы общественные явления свести и понять на психологической почве.

Начиная с XX в., эти два направления в социальной психологии все более сближаются. Социальная психология все более сливается с буржуазной социологией, все более и более выступает с претензией объяснить все общественные явления с точки зрения общей и социальной психологии. Положительной стороной науки этого периода является выделение социально-психологических явлений, попытки определения границ и сферы социальной психологии; сбор и описание огромного материала по подражанию, внушению, нравам, обычаям, языку; выявление психологических особенностей первобытных народов. Изучение и систематизация материалов, собранных в описательный период становления социальной психологии, еще ждет вдумчивых исследователей.

Возникновение и развитие социальной психологии как науки

Второй период начинается с проникновения экспериментального метода в исследования личности и группы, со всемерным со-

вершенствованием техники получения и количественной обработки материала. Интересно отметить, что и возникновение научной общей психологии связано с проникновением в нее эксперимента. Очевидно, это является закономерным. Для того чтобы изучать экспериментально сложные психические явления (личность, ее соотношение с группой), сами методы должны быть значительно развиты и усовершенствованы.

Начало научной социальной психологии восходит к работам В. Мёде (Moede, 1920), Ф. Олпорта (Allport, 1924), В. М. Бехтерева (Бехтерев, 1928), которые в 1920-е годы выступили пионерами применения эксперимента к групповым социально-психологическим явлениям. Получив на вооружение эксперимент, социальные психологи от простого описания явлений переходят к выявлению закономерных процессов. Возникнув в 1920-е годы, научная социальная психология развивается в настоящее время во многих странах мира. Для научной зарубежной социальной психологии характерны тщательная разработка методик и техники исследования (см. главу II), выявление закономерностей социальной психологии личности (см. главу IV) и групп (см. главу III), развитие прикладных областей социальной психологии (массовая коммуникация, реклама, социальная психология промышленности).

При всей значимости добытых зарубежной социальной психологией достоверных конкретно-научных данных мы не можем не учитывать методологическую и идеологическую направленность их работ. Большинство социальных психологов капиталистических стран — это искусные защитники своего образа жизни, это апологеты капитализма и противники коммунизма. Мы наблюдаем явное противоречие между порочной методологией и общей теорией зарубежных социальных психологов и их реальными, конкретными научными достижениями. На основе конкретных исследований зарубежным социальным психологам удастся снизить напряжение в отношениях между рабочими и предпринимателями, добиваться повышения производительности труда, влиять на голосование за определенных деятелей и т. п. Не случайно монополисты и политические деятели поддерживают в финансовом отношении своих социальных психологов, своих верных помощников.

В общетеоретическом и методологическом отношении современная социальная психология развивается под углом зрения ряда направлений и школ: 1) бихевиоризм и необихевиоризм (операцио-

нализм); 2) фрейдизм и неопрейдизм; 3) теория поля и групповая динамика; 4) социометрия; 5) транзактное направление; 6) смешанное направление.

Как известно, бихевиоризм (операционализм) является одним из общих принципов системы психологии. Родиной этого направления являются США, а отцом считается Д. Уотсон. Принцип бихевиоризма, объясняющий все формулой $S \rightarrow R$ (стимул—реакция), был распространен и на область социальной психологии Ф. Олпортом. К современным бихевиористам (операционалистам) можно отнести социальных психологов: Э. Богардуса, Э. Мэйо, Р. Бейлса, Х. Хомэнса и др. Социальные психологи этого направления пытаются диагностировать и прогнозировать поведение личности и групп, исходя из исследования соотношений личности и среды, среды и группы, общества, личности и группы. Личность, группа и среда формализуются, представляются в виде независимых и зависимых переменных, в виде шаблонизированных и автоматизированных элементов всеобщей связи. Личность, группа, их структура и динамика для операционалистов выступают не во всей многообразной реальной картине, а только в таком виде, как это дано наблюдателю, как это выражено в формулах и графиках. Формализация, теория графов — это вещи перспективные, они требуют серьезного отношения (см. главу III), однако все сводить только к этому — значит упрощать реальный и сложный процесс развития личности и группы. Отвергая общий механистический принцип бихевиоризма и операционализма, мы можем положительно относиться к конкретным научным данным (см. главы II, III, IV).

Судьба фрейдизма и неопрейдизма (психоаналитической теории) аналогична судьбе предшествующего направления. Возникнув на базе психиатрии (основоположник — З. Фрейд), фрейдизм вскоре превратился в общий объяснительный принцип психологии, социальной психологии и философии. Литература по фрейдизму колоссальна, критики со всех сторон очень много, но даже до сих пор мы встречаем сильное влияние идей психоаналитической теории в социологии и социальной психологии. А в практической жизни психоанализ есть нечто вроде современной религии в сознании пограничных, больных людей. Видные представители современной социальной психологии неопрейдизма — К. Хорни, Э. Фромм, А. Кардинер, Е. Шилз и др. Основными положениями фрейдизма в понимании социально-психологических процессов являются: значение

воспитания в детском периоде для понимания особенностей национального характера, перенесение особенностей взаимоотношений в семье на поведение человека в различных общественных группах (идентификация лидера с отцом), объяснение социальных явлений глубинными врожденными стремлениями (сексуальные, влечение к власти, к смерти, свободе), понимание социально-психологических явлений через символику общего беспокойства (недовольство рабочих освещением выражает скрытое общее недовольство), возможность перевода из разряда скрытой, неотработанной прямо энергии в различных социальных формах и т. п. Во многих случаях факты, которые приводят фрейдисты, действительно заслуживают внимания (связь семейного воспитания с особенностями характера человека, соотношение частного и общего недовольства, значение лидера в группе и т. п.). Но система интерпретации этих фактов совершенно для нас неприемлема.

Теория поля и групповая динамика вбирают в себя элементы гештальтпсихологии и бихевиоризма. Создателем этого направления в социальной психологии является К. Левин. Последователями его являются Р. Липпитт, Л. Фестингер, Г. Келли.

Теория поля больше касается истоков поведения личности (см. главу IV). Поведение человека не может быть сведено к формуле $S \rightarrow R$ (стимул—реакция). Направления, вектор поведения личности определяются, по мнению К. Левина, соотношением наличных потребностей, их напряжения и готовности с силовым полем ситуации, с вызовами. Поведение личности это: $B = f(P, E)$, где B — поведение, P — личность, E — среда. Значит, личность не есть автомат, робот, действующий по формуле $S \rightarrow R$, напротив, личность динамична, в значительно большей мере определяется своими собственными силами, потребностями, которые взаимодействуют с силовым полем окружающей среды. Динамичность, активность личности были распространены К. Левином и Р. Липпиттом и на групповую динамику и активность. Поведение группы, ее эффективность зависят от групповой атмосферы, от динамики взаимоотношений внутри группы. Атмосфера и характер взаимоотношений в группе, безусловно, влияют на ее деятельность. Из этого частного факта групповой атмосферы К. Левин делает неоправданные и универсальные политические выводы.

Создателем социометрии являются Дж. Морено и его последователи Э. Дженнингс, У. Бронфенбреннер, С. Додд, Д. Гурвич и др.

О социометрии в нашей литературе говорилось достаточно. Ряд положений социометрии как общего теоретического принципа социальной психологии и социологии подвергается критике на Западе. Многие считают Дж. Морено глубоким психологом здравого смысла, психиатром и художником, но без достаточной системы. В действительности система взглядов Дж. Морено, разработанная им и его последователями, технические приемы исследований взаимоотношений в группе заслуживают более пристального внимания (социометрию можно считать и ответвлением от фрейдизма, поскольку Дж. Морено учился у З. Фрейда, и самостоятельным направлением социальной психологии). Общетеоретические положения социометрии — спонтанность чувств взаимодействующих: «психология людей до труда и до общества возникает», «нам нужна не революция, а эволюция», «капитализм и человеческие отношения могут сосуществовать» — противоречат действительному положению вещей и ходу истории, поэтому являются глубоко ошибочными. Однако методы исследования и способы обработки материала, значение установления человеческих отношений в группе для ее эффективности, разрядка напряжения посредством психодрамы — все это заслуживает внимания и изучения.

Транзактное направление развивается Э. Кентрилом и его сотрудниками. Смысл этой теории в социальной психологии сводится к следующему: 1) человек в своей жизни руководствуется своим миром положений, своими оценочными суждениями; 2) каждый из нас стремится расширить, развить свой мир положений, самосовершенствуется; 3) что-нибудь действительно изменяется в человеке только через действие, через опыт, а не через абстрактное знание и идеи («некто есть то, что он делает»); 4) человека в мире касается только то, что так или иначе связывается с его миром положений, с его опытом, все же остальное проходит бесследно. Все эти положения развиваются на материале исследования восприятий (глава IV), стремлений, мнений людей. Э. Кентрил придает чрезмерное значение стереотипам, опыту и недооценивает значение идей, абстрактных понятий в деятельности сознания. В общей теории Э. Кентрил принижает роль знания и сознания в деятельности человека, смотрит на последнего скорее как на шаблон, стереотип. Кроме того, мир положений, сам опыт Э. Кентрилом принимается в наличном виде как данный, т. е. понимается субъективно, идеалистически. Вместе с тем технические приемы исследования, конкретные дан-

ные о восприятиях, о направленности людей заслуживают нашего внимания.

Современная зарубежная социальная психология, по определению некоторых социологов, носит «империалистический» характер, т.е. она широко и глубоко проникает в зарубежную социологию. Можно сказать больше. Она захватывает и многие области общей психологии. Так, по мнению Г. Олпорта, психология изучает лишь психофизиологические, чувственные и моторные компоненты поведения человека (Handbook of Social Psychology. 1959, vol. 1, p. 5). Социальная же психология изучает все те психические процессы, которые возникают во взаимоотношениях людей, социальную психологию групп, толпы, соотношение личности и общества. Такое широкое понимание предмета и границ социальной психологии, которая захватывает некоторые области социологии и психологии, является весьма характерным и господствующим. Против этого не возражают и социологи. Значительна выгода видеть причину напряжений, конфликтов между людьми в их психологии, а не в пороках дряхлой, отжившей свой век капиталистической системы.

Возникновение марксистско-ленинской социальной психологии

Третий период характеризуется становлением и развитием марксистско-ленинской социальной психологии. Он начинается с разработки методологических основ и социологического анализа социально-психологических явлений в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и развивается в трудах советских философов и психологов.

Наиболее важными являются работы: К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология»; Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»; В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»; Г. В. Плеханова «О материалистическом понимании истории».

Для третьего периода характерно создание подлинно научной теории возникновения общества, диалектико-материалистическое объяснение соотношения общественного бытия и общественного сознания, глубокий анализ явлений общественной психологии различных классов, наций, сословий и социальных прослоек.

В настоящее время на основе идей классиков марксизма-ленинизма в нашей стране разворачиваются социально-психологические исследования (см.: Кузьмин, 1963, с. 143–144; Парыгин, 1965, с. 45–55).

Выделяя три этапа в истории развития социальной психологии, мы должны совершенно четко видеть их различия и преемственность. Коренное отличие марксистской социальной психологии от современной зарубежной заключается в основных вопросах теории, методологии и идеологической направленности исследований. В теоретическом отношении различные направления современной зарубежной социальной психологии строятся либо на механистической, либо на идеалистической основе. Социально-психологические явления выводятся либо из особенностей индивида, либо из раз навсегда данной среды. Общественные, социальные явления преимущественно психологизируются. Что касается идеологической направленности, то зарубежные социальные психологи стараются обелить прогнившие капиталистические порядки, замаскировать вопиющие противоречия, снять психологическими приемами социальные конфликты, отравить сознание простых людей идеями и стандартами антикоммунизма.

Это отнюдь не значит, что между современной зарубежной социальной психологией и нашей марксистской нет ничего общего, нет преемственности. Напротив, отмечая теоретические, методологические и идеологические основания современной зарубежной социальной психологии, мы должны учитывать подлинные конкретно-научные достижения. К ним относятся: методика и техника исследования, научные данные о конкретных социально-психологических явлениях (восприятие и понимание людьми друг друга, групповой конформизм, анализ структуры и динамики малых групп, подражание, внушение в общественной жизни и мн. др.).

§2. Определение предмета социальной психологии

Специфика социально-психологических явлений и законов

Явления социальной психологии очерчиваются довольно четко. Это групповые социально-психологические явления: формирование общественного мнения, формальная и неформальная структуры группы и их динамика, явления конформизма, особенности оценочных суждений группы и т. п. Существенное место среди социально-пси-

психологических явлений занимают гностические и коммуникативные особенности личности: восприятие и понимание людьми друг друга, речь и другие выразительные средства общения, соотношение роли и статуса личности и др.

Особого внимания заслуживает изучение массовидных социально-психологических явлений: классовых и национальных психологических особенностей, нравов, обычаев, привычек, подражания и внушения.

При всем разнообразии социально-психологических явлений основным источником их возникновения является сфера общения между людьми. Так, восприятие и понимание людьми друг друга происходит только через общение. По известному высказыванию К. Маркса, Петр сначала смотрит в Павла и через него познает свою сущность и других людей (Маркс, Энгельс, т. 23, с. 62, примечание). Все средства, способы коммуникации (речь, выразительные движения и пр.) обязаны своим происхождением общению. Подражание, внушение, усвоение привычек, обрядов, традиций невозможны без общения.

Следовательно, основой и источником всех социально-психологических явлений оказывается процесс общения между людьми. Для понимания природы социально-психологических явлений, их специфики, относительной самостоятельности процесс общения нужно брать в самом универсальном и общем виде. Известно, что К. Маркс и В. И. Ленин, создавая научную социологию, свели действия и помыслы личности (ее отношения) к отношениям социальных групп, к классам, к производственным отношениям и тем самым в бесконечном хаосе связей, отношений раскрыли наиболее глубокие, повторяющиеся закономерности в общественных отношениях (Ленин, т. 1, с. 423—424). Это отнюдь не означало и не значит, что непосредственные личные и все другие отношения и формы общения между людьми для К. Маркса и В. И. Ленина не существовали и не заслуживали внимания и изучения. Так, К. Маркс говорил, что уровень человечности в человеке можно определить по характеру отношения мужчины к женщине, называя это отношение родовым, естественным видом общения (Маркс, Энгельс, 1956, с. 587). Хорошо известно, что классики марксизма-ленинизма выделяли как особые формы общения преемственность между поколениями, непосредственное общение (например, крестьянин на рынке) и объективные закономерности, которые складываются при этом независимо от сознания общающихся (Ленин, т. 18, с. 343—345).

Таким образом, классики марксизма-ленинизма всегда различали подход к человеку, его отношения со стороны экономической, политической, идеологической и со стороны непосредственных человеческих, психологических, личностных отношений (Ленин, т. 2, с. 362). Острая потребность в социальной психологии как науке и возникает из необходимости изучения непосредственных, психологических способов, форм и средств общения между людьми.

Социально-психологические явления возникают как отражение (познание, переживание и освоение) различных форм общения, которые зависят от очень многих факторов. Все факторы общения можно было бы отнести к микро- и макроусловиям, к непосредственным и опосредованным влияниям. Центром, осью социально-психологических явлений оказываются микроусловия и непосредственные влияния. Совершенно очевидно, что все социально-психологические черты каждый из нас приобретает только через свой личный опыт общения, через непосредственный контакт в микросреде (семья, школа, улица, производство) с людьми, с книгами, вещами.

Только те события, люди, произведения искусства, факты науки становятся социально-психологическим достоянием индивида, которые глубоко коснулись его опыта, вошли в сферу его непосредственного общения. Все то, что минует микросреду, личный опыт, установки личности, не становится социально-психологическим явлением, фактом.

Однако этим не исчерпывается природа социально-психологических явлений. Через микросреду, через непосредственное общение и контакты каждый из нас познает и общается со всем миром, испытывает воздействие макросреды и опосредованных влияний. Макросреда, опосредованные влияния, есть не что иное, как господствующая система общества со своей наукой, идеологией и культурой. Микро- и макросреда образуются на какой-то грани перехода от психологии индивида к обществу и от общества к индивиду. Эта грань, на которой взаимодействуют силы микро- и макросреды, есть не что иное, как группа, коллектив, где протекает жизнь каждого из нас (семья, приятели, школа, производство). Через микросреду и ее особенности каждый из нас осваивает своеобразно и специфически макросреду: опыт и знания предшествующих людей и современного поколения. Следовательно, этот процесс взаимодействия идет не прямо от общества к индивиду, а всякий раз через непосредственный круг общения, через приобретенный индивиду опыт. Из-

учение того, как это преломление, преобразование социальных явлений происходит через опыт человека, его микросреду, составляет основу социальной психологии. Если бы микросреда, непосредственные контакты людей не влияли на общесоциальные воздействия, не опосредовали их, то и социальная психология была бы не нужна. Без микросредовой призмы ничто не проникает в сознание человека из макросреды. Для социально-психологической науки существенным является механизм отражения и усвоения всех возможных влияний сквозь призму непосредственных форм общения, через микросреду (семья, школа, приятели, производство). Как показывает исследование В. Л. Зайцева (1965), который провел анкетное обследование 5000 детей 5–11-х классов школ Украины, большинство учащихся указывают на родителей, учителей, приятелей как на основную источник нравственных влияний.

Как в общей психологии действительность отражается сквозь призму внутренних и специфических законов субъекта, так в социальной психологии явления общественной жизни могут отразиться только через особенности непосредственного общения, через микросреду, через установки различных групп.

Даже классовые и национальные социально-психологические особенности всякий раз формируются своеобразно через: микрогруппы (семья, школа, производство, общественные организации), через общность их общественного положения, общность идеологических воздействий на них, через общность их практической борьбы. Так, например, значительный рост моральных стимулов трудовой деятельности становится все более характерной социально-психологической чертой советского рабочего (Здравомыслов, Ядов, 1965; Чугунова, 1965; Ядов, 1961). В нашем исследовании показано, что уровень моральной стимуляции существенно зависит от характера непосредственных отношений между рабочими в бригадах (Голубева, Кузьмин, 1965). Положение о значительной роли микрогруппы, микроколлектива в формировании социально-психологических особенностей ни у кого не вызывает сомнения. Задача социальной психологии заключается в раскрытии внутренних механизмов и законов непосредственного общения людей, сквозь призму которых воздействуют опосредованные влияния, макроусловия.

В исследованиях лаборатории социальной психологии ЛГУ (Н. В. Голубева и М. И. Иванюк) показано на гомеостатах, что успешность решения производственной, экспериментальной задачи (мак-

роусловия) зависит от структуры конкретных взаимоотношений испытуемых, от согласованности их действий (микроусловия). А.А. Русалинова показала, что выполнение производственной и учебной программ (макроусловия, опосредованные условия) в профессионально-технических училищах существенно зависит от характера и уровня непосредственных отношений между мастером и учащимся (микроусловия, непосредственный контакт).

В исследованиях А.А. Бодалева и В.Н. Куницыной глубоко раскрыты конкретные механизмы и законы восприятия людьми друг друга (непосредственное общение), сквозь которые просвечивают профессиональные и другие сословные различия (опосредованные условия).

Совершенно очевидно, что во взаимоотношениях микро- и макроусловий, непосредственных и опосредованных влияний решающее значение имеют макроусловия и опосредованные влияния. Однако специфика микро- и непосредственной сферы общения накладывает свой узор, определяет конкретную инструментовку и механизм формирования социально-психологических явлений. Без них мы не овладеем механизмами формирования социально ценных психологических качеств личности.

Из этой системы рассуждений не исключаются и психологические явления в толпе, в аудитории, в местах массовых зрелищ, в сфере массовой коммуникации, а также распространение слухов, моды, вкусов и т.п. Все перечисленные массовидные явления могут быть рассмотрены с политической, идеологической, экономической и социально-психологической точек зрения. Для идеологического работника важен политический уровень, содержание и направленность всех перечисленных явлений и то, на какой экономической и политической почве они возникают.

Для социального психолога важно установить, в какой мере сознание личности, группы и непосредственные формы общения и коммуникации людей изменяются под действием толпы, массовых зрелищ, средств коммуникаций, слухов и пр. Эти массовые явления вновь выступают как макроусловия, которые воздействуют на личность только через ее установки, через особенности ее микросреды. Один человек или группа полностью конформны, подавлены сильным воздействием толпы, зрелища, легко поддаются панике, другие, напротив, сохраняют высокий уровень организации и сознания. Это социально-психологические различия.

Социальная психология призвана не только описать явления, но и раскрыть законы, которые лежат в их основе. Так, социально-психологическое явление внушения широко распространено в общественной жизни (Куликов, 1965). Как показывают наши предварительные опыты со студентами различных курсов исторического и философского факультетов, а также в рабочих аудиториях (1961–1964), внушаемость значительно возрастает по мере увеличения групп. С этой особенностью повышения внушаемости в группах встречаются все психиатры (Бехтерев, 1908). Следовательно, существенный сдвиг внушаемости в зависимости от увеличения числа людей в группе, очевидно, выражает закономерность.

Конформизм – широко распространенное явление в социальной психологии людей, которое выражается в давлении группового мнения на личность. Однако в экспериментальных ситуациях конформизм имеет границы, зависит от возраста, пола и постоянных занятий (Сопиков, 1966). Это уже существенные закономерные особенности проявления конформизма.

Речь как средство общения есть социально-психологическое явление. А зависимость освоения языка от языковой среды и зависимость успехов общения от речевого взаимопонимания являются законами. Восприятие и понимание людьми друг друга – повсеместное социально-психологическое явление. А зависимость восприятия человека человеком от возраста, профессии, образования, от отношений между ними перерастает в закономерность.

Общественные настроения – это социально-психологические явления. Их необыкновенная подвижность, заразительность носит закономерный характер (Парыгин, 1963). Во взаимоотношениях людей, в явлениях социальной психологии могут проявляться особенности и законы общепсихологического порядка. Так, особенности темперамента, подвижность или инертность сказываются на особенностях общительности. У подвижных наблюдается более широкий круг общительности, большая активность и выразительность в общении, легкость в установлении знакомств и т. п. У инертных наблюдаются противоположные особенности общения (Ильина, 1965).

Способности лидера операторов существенно сказываются на успешности решения задач в малой группе (данные лаборатории социальной психологии ЛГУ и Н. В. Голубевой – см.: Голубева, Иванюк, 1966). Различного рода отклонения от нормальной психики сказываются на особенностях общения между людьми.

С другой стороны, социологические явления и законы существенно определяют социально-психологические особенности. Так, например, нормы морального кодекса строителя коммунизма становятся ведущими чертами облика личности передовых советских людей, проявляются в их общении друг с другом. Замена старых обрядов новыми (крещение — обрядом новорожденных, венчание — торжественной регистрацией брака и др.) из сферы идеологической работы перемещает их в социально-психологические обычаи многих советских людей (Попов, 1965). Вообще всякие господствующая общественная и идеологическая системы закрепляются и в сфере социально-психологических особенностей людей, и в формах их непосредственного общения, т. е. опосредуются через микросреду.

Социальная психология находится на стыке психологии и социологии. Одной группой изучаемых явлений социальная психология тяготеет к общей психологии: коммуникативная особенность речи, выразительные средства общения, восприятие и понимание людьми друг друга. Но другая группа социально-психологических особенностей тяготеет к социологическим идеологическим явлениям: классовый и национальный типы сознания и личности, нравы и обычаи, роль, ценность и установки личности. Наконец, есть группа социально-психологических явлений вполне своеобразных: оценочные суждения группы, динамика и структура неформальной и формальной групп, конформизм и др. Таким образом, круг явлений и законов, изучаемых социальной психологией, вырисовывается довольно определенно. Это те явления и законы, которые возникают из связи человека и его сознания с обществом, преломленные через непосредственное общение человека с человеком.

Связь социальной психологии с другими науками

Отношения социальной психологии с системой психологических наук самые тесные, как это мы видели выше. Социальная психология исторически возникла из общей психологии, является результатом ее многовекового развития. Начиная с В. Вундта, многие ученые считали, что психология как система может быть создана на путях объединения индивидуальной и коллективной психологии. Другое дело, что это объединение было эклектическим и происходило на идеалистической основе. Сама же тенденция построения системы психологии с охватом сложных психических явлений, которые воз-

никают только из контактов между людьми, совершенно правильна и не вызывает сомнений. Социальная психология может рассматриваться как одна из областей, ветвей системы психологических наук. Многие методы и приемы социально-психологического исследования заимствованы из общей психологии, правда, в несколько измененном виде (наблюдение, эксперимент, опросы и др.). Некоторые социально-психологические явления и законы будут глубже поняты на основе общепсихологических законов. Так, например, ассоциативные законы по смежности и контрастности широко используются в коммуникациях, в рекламе, в моде, особенности характера человека могут благоприятствовать общению или затруднять его. Сдвиги в психических процессах человека в условиях непосредственного контакта и взаимодействия людей могут быть поняты только в соответствии с показателями и данными из области общей психологии: пороги чувствительности, объем и устойчивость восприятия и внимания, особенности решения мыслительных задач и мн. др. Социальная психология опирается на психологию, как последняя — на физиологию.

Отличие социальной психологии от общей заключается и том, что ее основу составляют психические явления, который возникают лишь в общении и через общение людей друг с другом, в их непосредственном контакте. А в общей психологии основное внимание сосредоточено на законах внутренней, отражательной деятельности определенного субъекта. Это различие весьма относительно и не может быть абсолютизировано. Дело в том, что в нашей советской общей психологии давно и убедительно доказано, что все психические явления от самых элементарных (ощущения) до самых сложных (характер) можно считать социальными по своей сущности и биологическими по своим мозговым механизмам, по своим связям с организмом человека. Поэтому советская общая психология социальна в том общечеловеческом смысле, что ни ощущения, ни восприятия, ни любые другие психические явления не могут быть поняты и объяснены без анализа социально-исторической общественно-трудовой обусловленности всех психических процессов и свойств человека. К. Маркс отмечал, что пять органов чувств человека являются продуктом истории, что человеческий глаз и ухо определены, обусловлены в своей сущности историей развития их предмета (орудия труда, живопись, музыка). На этом основании некоторые теоретики сделали ложный вывод: раз вся наша общая психология

социальна, то зачем еще социальная психология. Однако различие общей и социальной психологии чрезвычайно актуально и необходимо по ряду соображений.

Проблемы, которые находятся на стыке психологии и социологии, такие, как психология малых групп и коллективов, социальные типы сознания и личности, классовые и национальные психологические особенности человека, до последнего времени у нас не изучались.

Общая психология имеет дело с отношением человека и предмета в самом общем виде. Под предметом подразумеваются природа, вещи, созданные рукой человека, сам человек и все его творения. В общей психологии изучается, как человек познает и преобразует мир, насколько сложен внутренний механизм приема, переработки и выдачи информации. Многие из этих законов раскрыты, особенно на уровне чувственного отражения. Большинство из них носит родовой, общечеловеческий характер.

Социальная же психология является итогом развития определенной стороны общей психологии, в которой фиксируются, прежде всего, результаты общения людей друг с другом. В свое время В. А. Артемов (1929), понимая трудности в установлении сходства и различия между психологией и социальной психологией по социальной обусловленности, говорил, что у нас будет единая социальная психология индивида и коллектива, т. е. общая и социальная психология. Верно, что и явления общей психологии, и явления социальной психологии социально обусловлены, исторически детерминированы. Однако социальная обусловленность социально-психологических явлений носит более конкретный, более явственный и более сложный характер, так как они зависят от микросреды, от непосредственного контакта между людьми и на них существенно влияют макросреда и опосредованные условия (все элементы социальной структуры общества).

При анализе законов общей психологии мы рассматриваем соотношения внутренних элементов. Например, с понижением порога чувствительности повышается чувствительность, с повышением нагрузки на память растет реминисценция, с ростом контрастности обостряется иллюзорность в восприятии и т. п.

При этом анализ природы, физического, химического или социального раздражителей, которые вызывают психические процессы, имеет лишь второстепенный характер. Природа же социально-психологических явлений и законов может быть раскрыта только через

обращение к социальному контакту, к общению человека с человеком и характеру этого общения. Так, например, сдвиги в психологических процессах в группах зависят от количества участников (объем группы), от уровня общения. В тесно сплоченных группах явления конформизма более резко выражены, чем в конфликтующих группах. Следовательно, в социально-психологических исследованиях имеет значение не только природа психических явлений (конформизм, подражание, групповое мнение), но и социальные условия протекания.

Таким образом, социальная психология — это область психологии, призванная изучать те психические явления и законы, которые возникают как результат общения людей друг с другом. Сам термин «социальная психология», образованный из двух слов: психология и социология — отражает смысл науки — связь психологии человека с обществом. Нам нужно изучать те психологические изменения, которые зависят от социальных условий. Как в психических процессах ощущения, восприятия, природа раздражителей отражаются в субъективных образах, особенности которых и изучает психология, так и в социально-психологических явлениях социальные условия преломляются сквозь особенности группового мнения, установившиеся нормы личности. Социальные психологи изучают характер коллективных переживаний, симпатии и антипатии людей друг к другу, сквозь особенности которых и отражаются социальные условия. Следовательно, нас интересуют не сами по себе социальные условия, как психологов интересует не сама по себе физическая природа раздражителя, а то, как все это преломляется через своеобразие психики и социально-психологических явлений. Так, например, переход к работе на один общий наряд в производственных бригадах (социальные условия) способствует сплочиванию людей, развитию общественных навыков в работе, сближает неформальные группировки с официальной структурой, но, с другой стороны, при наличии в этих бригадах группировок или индивидов с отсталыми настроениями эти же самые социальные изменения могут породить иждивенческие настроения, желание поживиться за чужой счет. Следовательно, социальные условия как физические действуют не прямо и не все собой определяют, а преломляются через данные социально-психологические особенности группы и личности. Понятно, конечно, что основной причиной всех социально-психологических изменений являются в конечном счете социальные условия. Поэтому социальная психология тесно связана с социологией.

Марксистская социология является теоретической и методологической основой нашей социальной психологии. Это означает, что природа любого социально-психологического явления, закона будет искажена, не понята, если вырвать их из господствующей системы общественной жизни. Не случайно поэтом у советских философов выявляется довольно сильная тенденция сближения общественных форм сознания с явлениями социальной психологии (А. И. Горячева, В. Н. Колбановский, Б. Д. Парыгин, В. П. Рожин — см.: Рожин, 1962, с. 38¹ — и др.). Многие философы полагают, что явления общественной психологии составляют одну из специфических форм отражения общественного бытия наряду с другими формами общественного сознания (А. В. Баранов, А. И. Горячева, В. Ж. Келле, В. П. Рожин, В. А. Ядов и др.). Сближая общественную психологию людей с другими формами их общественного сознания, философы видят различия в уровне и характере отражения общественного бытия. Подчеркивается стихийный характер формирования общественной психологии (В. А. Ядов), ее более непосредственный характер (В. С. Филатов), ее инертность и меньшая систематизированность, ее процессуальность, в то время как идеологические формы общественного сознания, по их мнению, носят более теоретический, более опосредованный и систематизированный характер, представляют некоторый итог устоявшегося отражения общественного бытия.

Смысл большинства подобных рассуждений сводится к тому, что общественная психология является как бы низшей ступенью отражения общественного бытия по сравнению с систематизированными формами общественного сознания, является сложным процессом, из которого выкристаллизуются общественные формы сознания. Различия общественной психологии и других общественных форм сознания выступают в виде различий по степени, а не по существу. Общественная психология сближается с обыденным, стихийно складывающимся общественным сознанием, а идеология — с теоретически образованными, систематизированными формами отражения общественного бытия.

С нашей точки зрения, все формы общественного сознания (систематизированные или обыденные) как отражение общественного бытия составляют макросреду, общий фон, общие условия, на основе которых разворачивается жизнь групп, коллективов и их участни-

1 В этой работе общественная психология рассматривается как одна из самостоятельных форм общественного сознания.

ков. И факты обыденного сознания, и факты идеологических форм сознания становятся социально-психологическими фактами только через посредство общения личности с другими людьми, через непосредственный контакт человека с человеком, через призму опыта индивида, т. е. через микросреду. Так, например, групповая оценка событий может совпадать с идеологическими оценками, что и наблюдается во многих бригадах коммунистического труда. В других случаях групповая оценка событий опускается до самых отсталых и обывательских настроений, что иногда можно наблюдать в неформальных уличных компаниях, в бригадах, в которых существуют конфликтные отношения, т. е. может быть на уровне обыденных форм общественного сознания. Следовательно, и идеологически систематизированное, и обыденное сознание могут стать характерными чертами социальной психологии тех или иных групп и коллективов и сознания их участников.

Социально-психологические явления не расположены между общественным бытием и общественным сознанием, не представляют собой ступень в развитии общественного сознания. Социально-психологические явления пронизывают всю структуру общества от производства до базиса и от базиса до идеологии. Все элементы социальной структуры общества составляют те макроусловия, которые определяют собой и микроусловия, характер непосредственного общения людей друг с другом.

В самом процессе орудийного воздействия на природу (в рамках производительных сил) люди взаимно подражают друг другу, обмениваются опытом, влияют на настроение друг друга, испытывают взаимное уважение или неприязнь. Эти формы непосредственного общения носят социально-психологический характер и могут иметь известную независимость от производственных отношений. Не все формы общения в процессе производства есть производственные отношения. Есть технологические связи (последовательность трудовых операций), есть психологические связи (речевая коммуникация, коммуникация посредством различных выразительных движений, подражание и т. д.). Но характер господствующих производственных отношений является определяющим, он существенно влияет и на все другие формы общения в процессе производства. Конфликты, подозрения, недоверие к людям порождаются частной собственностью. В классовом обществе непосредственные контакты, социально-психологическое общение замыкаются рамками классовой

и сословной принадлежности. Однако классовая принадлежность не всегда совпадает с социально-психологическими установками личности и конкретной группы. Так, к принятию общественных требований и целей и их осуществлению значительно быстрее приходят более сплоченные дружные производственные коллективы. Идеологическое воздействие на группы очень часто опосредуется установками, оценками, мнением наиболее авторитетного и уважаемого лица в группе (глава семьи, лидер среди приятелей и т. п.). Как же быть с массовидными социально-психологическими явлениями, с классовыми и национальными психологическими явлениями? И классовые, и национальные особенности (макроусловия) могут стать социально-психологическим явлением, преломившись только через микросреду, через особенности непосредственного общения людей. Русский может приобрести черты другой нации, попав в другую по национальному составу устойчивую и сплоченную группу. То же может происходить с классовыми, и сословными признаками. Разумеется, характер группы, микросреды лишь опосредует подобные изменения, решающее слово за макроусловиями, за общностью классовой и национальной принадлежности. Это и определяет то, что методологической и теоретической основой советской социальной психологии является марксистская социология, или исторический материализм.

Следовательно, социальная психология, опираясь на марксистскую социологию, имеет и свою специфику, свой мир явлений и законов, наиболее отчетливо проявляющихся в группах, коллективах и свойствах личности, в рамках которых взаимодействуют макро- и микросреда.

На уровне производственных, учрежденческих коллективов и общественных организаций наиболее заметно взаимодействие макро- и микросреды и определяющая роль первой.

В социальной психологии берется многообразие связей личности с разными группами, коллективами и обществом в целом. Во-первых, выявляются непосредственные связи личности в межличных формах общения, которые пронизывают всю ее повседневную жизнь, охватывают разнообразные группы и коллективы. Это интимные, психологические отношения супругов, родителей и детей; друзей, приятелей и близких. Сюда же входят межличные взаимоотношения, которые складываются в официальных учреждениях и носят характер взаимного уважения, предпочтения другим, взаимной симпатии.

Это различные психологические группировки, возникающие на базе личных мотивов. В этой сфере межличных контактов, как показывают многие исследования, формируются социально-психологические особенности сознания и личности: восприятие и понимание людьми друг друга, речь, типичные чувства и вкусы, установки, привычки и т. п. Это ближайшая и непосредственная психологическая основа взаимного влияния людей друг на друга. Это социальная психология так называемых первичных, неоформленных групп, которыми главным образом и занимаются социальные психологи в Америке (Морено, 1958). Первичные, неоформленные группы могут влиять и на формирование качеств личности, и на формирование групповых оценок и устремлений, короче — на групповое сознание. Кроме того, все люди и всегда, помимо непосредственных, психологических межличных отношений, вступают в официальные, должностные, обязывающие отношения в различных общественных институтах: завод, учреждение, школа, совхоз, колхоз, воинская часть. Поступая в эти организации, каждый человек принимает на себя определенные общественные роли, задачи, вступает в официальные отношения с носителями смежных ролей по производству либо по учреждению. Вот здесь-то и закладываются основы коллективов: производственных, школьных, воинских, общественных организаций и т. п., которые скрепляются и объединяются на базе общественно значимых целей. Хорошо, если решение общественно значимых задач (официальное) захватывает каждого участника, все неофициальные группировки коллектива. В этом случае личный опыт, знания, непосредственные контакты направлены на успешное решение общественно значимых задач. Однако сначала для каждого индивида и группировки эти общественные задачи выступают как внешняя необходимость (период вхождения в рабочий коллектив), а затем, по мере вхождения в жизнь коллектива, в ритм его работы и повседневных забот, эти задачи могут восприниматься и как собственные, личностно значимые задачи (развитие коллектива). На высшей стадии развития коллектива достигается гармония общественно значимых задач с личными целями. Здесь происходит подтягивание межличных психологических отношений до высокого уровня выполнения общественно значимых задач коллективом. В капиталистических странах Запада эти стороны — неофициальная и официальная — находятся в антагонистическом противоречии, в отчуждений общественного от личного.

Межличные отношения взаимной симпатии, дружеского расположения, группировки (неоформленные, первичные группы) могут помогать выполнению официальных, принятых коллективом задач, но могут и мешать. Когда интересы группировок или отдельных лиц расходятся с общественными задачами коллективов, тогда происходят конфликты, задержки в развитии коллектива.

Вот эти связи и уровни развития группировок, межличных отношений и развитие коллектива в их конкретном многообразии и взаимодействии и изучает социальная психология. Здесь как бы происходят синтез, завязка, конфликты или гармония микросреды и макросреды, межличных особенностей общения, сквозь которые действуют все элементы сложной общественной структуры. Понятно, что самой глубокой причиной изменений всех межличных отношений являются производственные отношения. Они в сфере социально-психологических явлений отражаются в сознании в виде установок личности, в виде отношения к собственности. Это в классовом обществе приводит к тому, что первичные психологические группировки разбиваются по классам, сословиям, нациям. Между этими первичными группировками не возникает солидарности в едином производственном коллективе. Общественно значимые задачи здесь выступают как отчужденные от личности и группировки.

В нашей стране производственные отношения в социально-психологическом плане отражаются в установках личности и групп в виде чувства хозяина; личной и групповой ответственности за все (орудия и средства производства, выпускаемая продукция, недра и богатства страны и др.) как за свое. Если эти макрофакторы не стали достоянием сознания личности или группового мнения (микросреды), то они еще и не стали достоянием социальной психологии людей, не вошли в их плоть и кровь, т. е. социальная психология людей в данном случае отстает от установившейся общественной системы. Если, например, явления солидарности, взаимопомощи, братства, преданности ограничиваются рамками семьи, приятелей, конкретных производственных групп, то это не всегда соответствует системе наших производственных отношений, может даже противоречить им. Хищения всякого рода, взаимовыручка, группировки вопреки общественным интересам, сдерживание всего прогрессивного на производстве — вот примеры отсталой социальной психологии людей. Большинство пороков, бытующих в нашей стране, име-

ют социально-психологический источник. Напротив, когда явления солидарности, взаимопомощи, братства разворачиваются на уровне заботы обо всех людях, о стране, тогда социальная психология личности и групп (микросреда) сливается, гармонирует со структурой нашей экономики и идеологии.

Развитие сознания личности, групп людей, конкретных коллективов до уровня коммунистической идеологии, научно выражающей нашу общественную систему, является одной из важнейших задач социальной психологии как науки.

В последние годы в нашей стране широко развернуты конкретно-социологические исследования, в которых научно раскрываются прогрессивные тенденции развития нашего общества и трудности, стоящие на этом пути. Социально-психологические и конкретно-социологические исследования тесно между собой связаны. В западно-европейской социологии вообще трудно провести грань между этими науками. Вначале и в нашей стране многие социологи занимались социально-психологическими исследованиями (см., например: Валентинова, 1965; Ольшанский, 1965; Шубкина, 1965). И в самом деле очень много общего между конкретно-социологическими и социально-психологическими исследованиями: единая методология марксистской социологии, многие технические приемы исследования (анкета, интервью, социометрия, статистическая обработка материала), интерес к установке и ценности личности и малой группы. Однако при всей близости этих наук существуют и известные различия. Конкретно-социологические исследования имеют дело с более глубокими явлениями и законами общественной жизни и, следовательно, с более высоким уровнем обобщения. Если конкретные социологи изучают мотивы, установки, ценности личности, групповое сознание (т. е. социально-психологические явления), то их задача заключается в том, чтобы раскрыть объективные и глубокие социальные причины этих процессов. Так, например, А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов (Опыт и методика конкретных социологических исследований, 1965) совместно с коллективом сотрудников убедительно показывают, как изменения характера и содержания труда (объективные социальные условия) отражаются на мотивах трудовой деятельности рабочих (субъективные явления).

В конкретно-социологическом анализе исследователь должен раскрывать изменения различных слоев дружественных классов нашего общества, выявлять тенденции преодоления существен-

ных различий между умственным и физическим трудом (Социология в СССР, т. I–II) и т. п.

Словом, в конкретно-социологических исследованиях фиксируются сдвиги в структуре общества и их отражение в сознании людей. В них изучаются либо одни объективные изменения в структуре общества, либо соотношение субъективных и объективных факторов в общественном развитии. В последнем случае субъективные изменения (сознание, установки, мотивы, ценности) сводятся к объективным изменениям в положении социального класса, его прослойки, т. е., как говорил В. И. Ленин, к отношениям больших социальных групп. Все субъективные факторы в данных исследованиях имеют только социальный, политический, идеологический аспекты и распространяются на большие социальные группы людей: класс, прослойка, сословие, жители города и деревни, советская молодежь и т. п.

В социальной психологии все субъективно-психологически качества: установки, ценности, мотивы, групповые нормы, мнения — рассматриваются сами по себе, по своему содержанию и механизмам как результат непосредственного общения людей. Общественная система воздействует на личность сквозь призму ее установок, ценностей, мнений. Если в перечисленных социально-психологических явлениях видеть только отражение общественной системы и ее различных сторон, то мы стоим на почве конкретной социологии. Если в них раскрывается сам механизм и содержание группового сознания и личностных установок как следствие разнообразных систем непосредственного общения, то мы остаемся на почве социальной психологии. Социальная психология — необходимое дополнение к конкретной социологии, так как сквозь призму непосредственного общения отражается не только общественная структура, но и психологические особенности людей, их возрастные и половые различия.

Глава II

Методы социальной психологии и техника обработки материала

§ 3. Методы

Методы любой конкретной науки исходят из общих требований методологии диалектического и исторического материализма. Для социальной психологии имеют особое значение важнейшие положения исторического материализма: отношение общественного бытия к общественному сознанию, определяющая роль материальной жизни общества, взаимоотношение базиса и надстройки, соотношение обыденного, стихийного сознания и идеологии и др.

Эти положения исторического материализма, истинность которых доказывается всем ходом общественного развития и научными исследованиями, предохраняют советскую социальную психологию от биологизации и психологизации общественных явлений. Выведение общественной жизни из биологии и психологии, психологизация социологических явлений — это ведущая черта современной американской и западноевропейской социальной психологии и социологии. Действительные движущие силы общественной жизни, духовного развития людей выводятся из их биологии и психологии.

В противоположность этому мы за всеми социально-психологическими явлениями видим решающую движущую силу — способ производства (и обратное влияние идеологического фактора на психологию людей). Это отнюдь не означает, что в социально-психологических явлениях не проявляются биологические, психологические явления и закономерности. Нельзя, например, успешно преодолеть социальные порочные привычки (алкоголизм, курение...) без знания законов динамических стереотипов (физиология), без учета колоссальной инертности и силы привычки, поскольку она скрепляется с потребностями (психология).

Следовательно, при конкретной разработке методик социальной психологии необходимо исходить из требований методологии диалектического и исторического материализма, учитывать методики общей психологии, развивать собственные социально-психологические методики.

Учет методологических требований позволяет нашей социальной психологии использовать конкретные методики американских и западноевропейских социальных психологов, отделять методики от их порочной методологии и теории. Это, например, полностью относится к использованию различных методов опросов.

Значительное количество методов социальной психологии представляет собой преобразование методов общей психологии. Это, например, полностью относится к методам наблюдения, эксперименту, анкетам, социометрии и др. К настоящему времени социальная психология обладает разнообразными методами исследования.

Наблюдение

Метод наблюдения в социально-психологических исследованиях имеет большое значение. Он применяется как самостоятельный и основной метод либо включается на всех этапах исследования, где используются другие методы. В последнем случае метод наблюдения служит для предварительной ориентировки в объекте исследования либо является дополнительным методом к другим способам исследования.

Метод наблюдения является приемом систематического описания социально-психологических проявлений личности, группы, коллектива. К настоящему времени в социальной психологии используются различные виды наблюдения.

Включенное наблюдение происходит в ситуации, когда исследователь как бы сливается с ситуацией группы, становится ее естественным членом. Так, аспирант В. Ольшанский для изучения социально-психологических особенностей рабочей группы поступил на работу и стал ее полноправным и естественным участником. Американский социальный психолог У. Уайт для изучения клика и группировок в трущобах Нью-Йорка находился несколько лет на положении обычного обитателя трущоб.

Однако чаще исследователь прибегает к невключенному наблюдению. В этом случае наблюдатель по заранее согласованному рас-

писанию в течение определенного времени наблюдает за объектом своего изучения.

Различают в практике исследования систематическое и выборочное наблюдение.

Систематическое наблюдение применяется как основной или один из основных методов исследования, является продолжительным по времени и многообразным по своим целям и задачам. Так, например, наши сотрудники А. А. Русалинова, В. Н. Келасьев использовали систематический невключенный метод наблюдения при изучении взаимоотношений между мастером и учащимися ПТУ. В течение ряда месяцев в определенные дни и часы они посещали наблюдаемые группы и фиксировали особенности учебной и производственной работы учащихся и мастера.

Выборочное наблюдение является, как правило, дополнительным приемом исследования к другим методикам и применяется для зондажа, для выяснения деталей, отдельных вопросов исследования. Этот вид наблюдения может носить характер повторных кратких проб, неожиданных наблюдений в течение короткого промежутка времени (5–10 минут).

Последний прием часто применяется для изучения поведения детей в отсутствие взрослых.

Одним из вариантов наблюдения является описание значимых ситуаций — метод, который предложен нами. Значимые ситуации могут возникать в производственной, общественной, учебной, бытовой сфере у членов того или иного коллектива либо у коллектива в целом. Как коллектив и его члены реагируют на изменение норм выработки, на внедрение рационализаторского предложения, на сверхурочные работы, на обсуждение комплексного плана, на успехи и недостатки в учебе, на поведение своих членов в быту — вот примеры значимых ситуаций. Различные теоретические конференции, диспуты, которые в настоящее время широко применяются на наших предприятиях, могут порождать значимые ситуации.

Наш дипломант А. Самойлов применил метод наблюдения значимых ситуаций при изучении ряда бригад на Балтийском заводе им. С. Орджоникидзе. Он наблюдал, как на производственном собрании члены бригады обсуждали вопрос о повышении квалификации. При этом речь зашла о заработной плате. По технологии производства все виды сварочных работ рассчитаны на заводе на три разряда. Возник вопрос: как быть с распределением заработной пла-

ты, если у всех будут одинарные разряды? Т. М.¹ предложил перейти с 1962 г. к распределению зарплаты поровну, независимо от разрядов. При этом он утверждал, что осуществление его предложения будет способствовать выработке у каждого члена бригады способности к бесплатной работе. Но остальные члены бригады, прежде всего те, у кого разряды ниже, высказались против этого предложения как преждевременного. Единогласно было принято решение перейти к работе по общему наряду с распределением заработной платы по разрядам. Здесь мы видим, как сам коллектив находит правильное решение вопроса о разумном сочетании коллективных и личных интересов, чтобы сохранялась ответственность и забота каждого об успехах бригады в целом, стремление каждого члена бригады к повышению своей производственной квалификации.

Возьмем другой пример из работы А. Самойлова. Более года члены бригады коммунистического труда не пользовались табельной доской. Но однажды К. без уважительных причин опоздал на работу. Его поступок обсуждался на собрании бригады (значимая ситуация для коллектива). Товарищи решили, чтобы он вновь получил рабочий номер и отмечал свой приход на работу. К. в течение месяца вешал свой номерок. Здесь проявилось требовательное отношение к проступку товарища, которое пошло на пользу К. Больше ничего подобного с ним не повторяется.

Вот другой пример. Ю. М. перестал ходить в школу рабочей молодежи. Когда члены бригады узнали об этом, они устроили ему на производственном собрании «баньку». Л. М. сходил к Ю. М. домой, поговорил с родителями, сходил в школу и дал классному руководителю номер цехового телефона, чтобы в случае чего звонил прямо в бригаду. Звонка не было, так как Ю. М. сделал для себя выводы.

По нашему мнению, в социальной психологии должен быть не просто метод наблюдения, а, прежде всего, метод наблюдения значимых ситуаций. Метод наблюдения значимых ситуаций раскрывает особенности взаимоотношений в коллективе, силу коллектива, развитие коллектива, положение человек в данном коллективе.

Одним из видов наблюдений является способ использования стандартизированной ситуации (Г. Мёрфи). Так, например, для изучения особенностей взаимоотношений детей исследователь берет куклы, картинки и прочие игрушки и включается в первую ситуацию с детьми, которая является весьма обычной, т. е. стандартной.

1 Инициалы и фамилии испытуемых заменены на условные.

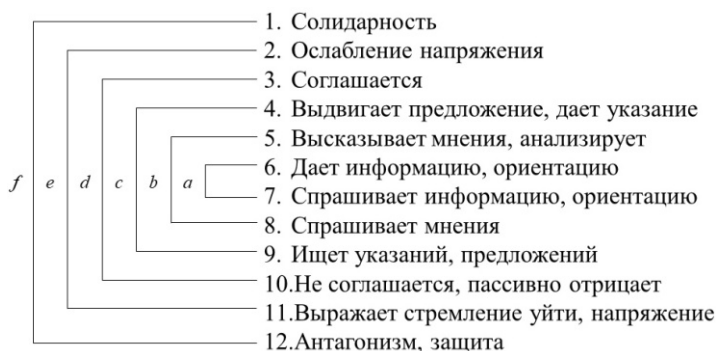
Для повышения эффективности результатов наблюдений имеется ряд категорических требований: необходимо четко формулировать цели наблюдения, разработать специально для данного наблюдения схему, продумать детали фиксации результатов наблюдения.

Случайность данных наблюдений без цели убедительно показана на примере наблюдения инструкторов школ в США (Левитов, 1935). Из 106 инструкторов, которые систематически наблюдали учебный процесс в школе, 30 человек отметили заинтересованность учащихся, 24 — внешние условия в школе, 15 — определенные цели учителя, 10 — методы обучения, 8 — как дано задание, 6 — дисциплину и т. д. Это пример наблюдения без методического руководства, без цели. Словом, наблюдатель, приступая к исследованию, должен иметь четкую цель и задачу наблюдения, определяемые общей программой работы.

Для концентрации внимания на задачах наблюдения существенно помогают разнообразные схемы. Схемы наблюдения применяются для установления и классификации поведения людей по определенным категориям, которым для удобства обработки приписываются различные номера (буквенные или цифровые). Для примера приводим схему наблюдения Балея (Handbook of Social Psychology, 1959, vol. I).

Известный интерес представляет схема наблюдения, предложенная А. С. Залужным (1931).

Наш сотрудник В. Н. Келасев для изучения поведения мастера в группе учащихся разработал подробную схему, которая включает следующие разделы: 1) общая оценка мастером группы; 2) план,

a — связь, *b* — оценка, *c* — контроль, *d* — решение, *e* — снятие напряжения, *f* — интегрирование, общий итог

Схема А. С. Залужного

Тип поведения	№	Действие	Речь
I (асоциальное)	1	Отворачивается (брезгливо)	Хнычет
	2	Убегает	Плачет
	3	Защищается	Кричит о помощи
	4	Разрушает	Угрожает
II (антисоциальное)	5	Отнимает	Требуе
	6	Гонится	Дразнит
	7	Бьет	Ругается
	8	Присоединяется к другим	Беседует
III (пассивно-социальное)	9	Приветствует действием	Приветствует (речь)
	10	Старается овладеть	Просит
	11	Предлагает	Инструктирует
	12	Ласкает (действием)	Ласкает (речь)
IV (активно-социальное)	13	Показывает	Информирует
	14	Помогает	Советует
	15	Исправляет	Критикует
	16	Берет инициативу	Призывает к сотрудничеству

Примечание: Наблюдатель, замечая действие, ставит вертикальную черточку, речь — горизонтальную черточку, то и другое — плюс. Фиксация идет довольно просто. Например: Клава предлагает: III (тип), | (действие); Алеша отворачивается: I, 1, |; Вова ругается: II, 7, — ; и т.д.

программа поведения мастера; 3) темп работ мастера; 4) личная демонстрация; 5) на что используется время мастера между двумя его контактами с учениками; 6) контроль за группой; 7) увлеченность мастера; 8) знание учащихся; 9) уверенность мастера в своих действиях; 10) уравновешенность мастера; 11) реакция мастера на ошибки учащихся; 12) эмоциональность мастера; 13) характеристика речи мастера; 14) выполнение учащимися требований мастера; 15) дисциплина учащихся.

Каждая схема наблюдения всегда привязана и подчинена общей программе и целям исследования. Схему наблюдения, как и анкету, можно составить только после вхождения в изучаемый вопрос, после предварительного изучения объекта беседы с компетентными людьми.

Без схем невозможно фиксировать материал наблюдения, количественно и качественно его обработать. Поэтому исследователи часто под вопрос схемы подставляют балл или степень выраженности, частоты повторения данного качества. Так, в исследовании В. Н. Келасьева каждый вопрос схемы наблюдения был связан с какой-либо

оценкой. Например: 3) темп работы мастера (быстрый, средний, медленный); 9) уверенность мастера в своих действиях (сильная, средняя, слабая) и т. п. Записывается в протокол наблюдения номер в схеме наблюдения и степень (например: 9, сильный и т. д.).

Схема наблюдения, ее качество являются центральным звеном, основой эффективности метода наблюдения.

В различных видах наблюдения широко применяются разнообразные технические средства: фото, кино, магнитофон, скрытое кино и звукозапись, стенография, условная шифровка материала. Все это требует высокой культуры наблюдения.

Если наблюдаемые знают об исследовании, то нужно сделать так, чтобы подробности целей и схем наблюдения, а также наблюдаемые переменные были им неизвестны.

Эксперимент

В социально-психологических исследованиях эксперимент занимает центральное положение. Многие экспериментальные приемы в социальной психологии являются по существу преобразованием экспериментальных процедур, которые разработаны в системе психологических наук. Примером в этом отношении могут служить тахистоскопический метод, ассоциативный эксперимент, различного рода тесты, которые преобразуются для исследования социально-психологических явлений.

Разумеется, социальная психология располагает и своими собственными экспериментальными процедурами, как, например, опыты с приборами «гомеостат», прием подставных групп для изучения конформизма, нарушение средств коммуникации между участниками эксперимента и т. п. Смысл эксперимента в социальной психологии заключается в преобразовании внешних или внутренних условий ситуации, в использовании различных приборов и приемов для этих целей и для фиксации изменений.

Экспериментальных методик в социальной психологии имеется несколько видов. К экспериментальным исследованиям предъявляется ряд определенных требований.

К видам экспериментов относятся групповой эксперимент, эксперимент для изучения социальной психологии личности, естественный и лабораторный эксперимент.

Широкое распространение в социальной психологии получил групповой эксперимент. В разработке этого метода пионерами бы-

ли В. Мёде, В. М. Бехтерев, Ф. Олпорт. Правда, отдельные групповые эксперименты проводились и раньше: А. П. Нечаев в 1899 г. проводил коллективные эксперименты с группой учеников. Но это были случайные, отдельные, не поддержанные в дальнейшем групповые эксперименты. Лишь с исследований В. Мёде, В. М. Бехтерева, Ф. Олпорта можно говорить о систематическом проникновении группового эксперимента в социальную психологию.

Так, В. Мёде исследовал автоматические движения, волю, силу волевого напряжения, болевые ощущения, внимание, память, ассоциации, как они проявляются в условиях изолированных экспериментов и в условиях группового эксперимента.

На основании экспериментов В. Мёде пришел к выводам: в сфере познавательных процессов влияние группы меньше, чем в сфере воли, эмоций, моторики; есть различные типы по отношению к коллективу. Ф. Олпорт проводил опыты над студентами Гарвардского университета. Испытуемые выполняли различные задания то в изолированных условиях, то в общей комнате: умножение, зачеркивание букв, свободные ассоциации, оценка запахов, опровержение высказываний древних философов и т. п. Результаты соотносились. Олпорт пришел также к тому выводу, что в условиях группы значительно изменяются результаты работы.

В. М. Бехтерев с участием М. В. Ланге и В. Н. Мясищева проводил опыты со студентами медицинского, психоневрологического и других институтов. В опытах подводились итоги каждого и общие результаты, затем проводилось обсуждение, испытуемые вносили дополнения к своим прежним показаниям по репродукции картины, по установлению сходства и различия на картинах, по отношению к поведению, по творчеству, по оценке временного интервала и т. д. Выводы были такие: коллектив увеличивал объем знаний своих сочленов, смягчал отношение к проступкам, выдерживал более сильные раздражители, выявились различные типы отношения к коллективу и т. п.

Смысл группового эксперимента — установить различие в протекании психических процессов в изолированных условиях в непосредственном контакте с другими людьми. Отсюда следует, что большинство экспериментальных методов из общей психологии может быть с успехом преобразовано для целей социальной психологии. Так, например, Г. Мёрфи проводил групповой эксперимент на заучивание бессмысленных слогов и двусложных слов в изолирован-

ных условиях и в группе, в которой отмечались различные взаимоотношения. В условиях группы результаты были лучше.

Использование эксперимента для изучения социально-психологических особенностей личности обычно предполагает включение различных приборов, фотографий, кино и т. п.

Примером могут служить разнообразные приемы, которые используются для исследования проблемы восприятия и понимания людьми друг друга (Бодалев, 1965). В целях изучения особенности восприятия человеческого лица и его различных деталей людьми разного возраста А. А. Бодалев и его сотрудник В. Н. Панферов широко применяли различные модификации тахистоскопических методик. Так, в опытах В. Н. Панферова тахистоскопическая установка включала: электронное реле, с помощью которого точно дозировалось время показа объекта (фото с измененными деталями лица человека); проектор и экран-окошечко, куда вставлялся объект-раздражитель.

В лаборатории Э. Кентрила, Ф. Килпатрика для изучения особенностей восприятия людьми друг друга и зависимости этого восприятия от их взаимоотношений широко применяются очки; пространственное, незаметное для наблюдателя искажение комнаты, в которой демонстрируют различные объекты (Kilpatrick, 1961). Очки в опытах применялись с различным набором стекол, в которых наблюдаемый объект искажался с различной степенью: либо заваливался по направлению к нам, либо наоборот. Для молодоженов нужны были очки с большей искажающей силой, чтобы возникло впечатление падения. Для людей незнакомых, напротив, достаточно небольшое искажение, чтобы получилось подобное впечатление. То же наблюдается в ситуациях, где изменены пространственные размеры комнаты (размеры стен, потолка и т. п.). Об изменениях не подозревает испытуемый, наблюдающий за демонстрацией людей в разных частях комнаты. Здесь также создается иллюзия увеличения или уменьшения размера предъявляемого объекта.

Для выяснения природы восприятия человека человеком широко применяются приемы, которые затрудняют поступление информации о другом человеке (узнать человека по голосу, по походке, определить его качества по различным искаженным фотографиям и т. д.).

Естественный социально-психологический эксперимент проходит в обычных «полевых» условиях. Поэтому этот эксперимент зарубежные социальные психологи предпочитают называть полевым

экспериментом. Суть этого вида эксперимента во введении в обычную, естественную ситуацию новых условий и фиксации результатов, которые вызываются этими нововведениями. Опыты по созданию групповой атмосферы К. Левина, Р. Липпитта являются примером этого вида эксперимента (Small Groups, 1962, p. 516–526).

В зарубежной социальной психологии естественный эксперимент широко применяется в промышленности. Так, Дж. Морено на основе социометрического обследования прачек переставил их таким образом, что рядом стали работать прачки, которые уважают друг друга. Это изменение условий работы группы и есть естественный эксперимент, который в эксперименте Морено (1958) дал повышение производительности труда.

В нашей стране социальные психологи приступают к естественному эксперименту. Так, Н. Г. Валентинова на одном заводе наблюдала работу двух групп рабочих на двух одинаковых конвейерах. Первый опрос вскрыл недовольство рабочих монотонностью процесса труда. Далее, в одной из групп рабочих провели значительные изменения (совмещение операций с другом, участие в коллективном техническом творчестве, перерывы и т. п.) в условиях работы на конвейере. Этот естественный эксперимент несколько изменил отношение рабочих к делу по сравнению с контрольной группой (Валентинова, 1963).

Существенное место в социальной психологии занимает лабораторный эксперимент, в условиях которого можно использовать различные приборы для вызова различных явлений для их фиксации.

В нашей лаборатории разработано несколько приборов «гомеостатов», которые позволяют изучать эффективность совместных действий малых групп (см. § 6). Аналогичные приборы несколько раньше использовались в лаборатории Ф. Д. Горбова (1964, с. 41–42) для изучения согласованности в деятельности малых групп. Посредством использования приборов типа «гомеостат» удастся изучить условия и факторы успешной работы групп потому, что в одиночку задачи на «гомеостате» не могут быть решены, а успешность работы определяется согласованностью действий участников опыта.

Интересный образец лабораторного эксперимента предложен В. И. Артемовым из 1-го Московского института иностранных языков. Принцип опыта напоминает известную игру в «испорченный телефон». На магнитофон записывается рассказ. Его прослушивает первый испытуемый и передает второму и испытуемому, второй —

третьему и т.д. Передача рассказа по цепочке записывалась на магнитофон. Установлено, что в передаче информации таким способом сохраняется мысль, а эмоциональные оценки и образы исчезают. Иногда вся информация искажается.

Перечисленные виды эксперимента не исчерпывают всех возможных форм, грани между видами в известной мере искусственны. В исследовании могут применяться эксперименты, включающие элементы всех его видов.

К эксперименту в социальной психологии следует уже теперь предъявить ряд требований. Б. Г. Ананьев правильно отмечает, что эксперимент типа только диагностики теперь уж недостаточен ни для социальной психологии, ни для социологии. На основе экспериментов диагностики надо создавать добротные проекты по комплектованию групп, по лучшему размещению и проектированию жилищного строительства, улучшению быта и т.п. Это весьма перспективные задачи, которые в первую очередь должны быть подкреплены развертыванием подлинного экспериментирования в социальной психологии и в социологии.

Следует предостеречь социальных психологов и социологов от расширительного понимания эксперимента. И в зарубежной, и в нашей литературе все способы исследования часто именуют экспериментом (экспериментальное наблюдение, анкета и интервью и т.п.). Для этого нет никаких оснований. Эксперимент всегда и обязательно связан с изменением условий (внешних или внутренних для группы, внешних для индивида) с переменой ролей и фиксацией. Для этого существует принцип изучения ряда подравненных групп, одни из которых будут экспериментальными, а другие — контрольными. Количество экспериментальных и контрольных групп может быть разным, очень важно их подравнять (по возрасту, полу, образованию профессии, характеру деятельности, по количеству членов группы). Далее вводятся внешние (например, характер зарплаты) или внутренние (смена руководителя, перестановка людей) изменения в экспериментальной группе. Наблюдаются изменения в экспериментальной группе, которые сравнивают с положением в контрольных группах. Соотношение экспериментальных и контрольных групп, этапы сбора и обработки материала могут быть самыми различными.

Если изменения в экспериментальной группе обозначить через X_1 и X_2 (соответственно до и после эксперимента), контрольной — X'_1 и X'_2 , то подобные соотношения, по Стауферу, можно представить так:

$$d = X_2 - X_1; d' = X'_2 - X'_1,$$

где d — результат изменения в экспериментальной группе, d' — в контрольной группе.

Вводя различные условия, сопоставляя данные экспериментальных и контрольных групп, мы получаем достоверные показатели.

В некоторых ситуациях возможны и другие варианты. Изучают экспериментальные группы без контрольных, тогда высчитывают $d = x_2 - x_1$. Можно изучить исходные данные в экспериментальной группе до введения изменений и в контрольной группе — после этой ситуации. Тогда имеющиеся отличия в экспериментальной группе от контрольной выступают в виде остатка. Возможно сравнение групп в ситуациях после введения изменения. Разумеется, наиболее надежным является соотношение экспериментальной и контрольной группы на всех этапах исследования.

Существенным является требование получения надежности данных.

Для того чтобы проведение эксперимента было научно правильным, а результаты объективными, необходимо соблюдение еще ряда условий.

1. Выборка по принципу случайности испытуемых, исследователей, условий опыта. Например, для того чтобы установить влияние присутствующей аудитории на характер деятельности человека, необходимо большое число различных испытуемых; а также вариация времени проведения опытов, так как в противном случае количество проделанной работы, служащее критерием социального влияния, может измениться под влиянием совершенно других факторов, в частности усталости; установлено также, что при определении характера отношений результат в достаточной степени зависит от отношения исследователя к данному вопросу. Поэтому для достижения объективного результата необходима случайная вариация исследователей, проводящих эту работу.
2. Надежность методики исследования. Неверный результат может быть получен вследствие того, что методика опыта не соответствует необходимым требованиям ее надежности. Эти требования заключаются в том, что при повторении опыта данная методика должна дать прежний результат.
3. Значительность расхождения с предполагаемой гипотезой полученных в результате опыта данных. Можно предполагать, напри-

мер, что под влиянием какого-либо фактора характер деятельности испытуемого изменяется (скорость выполнения работы группой из двух человек, по-видимому, будет большей у двух друзей, чем у двух незнакомых людей). Для того чтобы оценить различие, которое может быть вызвано как данным социально-психологическим фактором, так и случайным причинами, с помощью методов математической статистики (см. § 4) определяется значительность различия, вероятность того, что оно не случайно. Если различие оказывается незначительным, т. е. вероятность того, что оно случайно, велика, то гипотеза отвергается или проводится дополнительное число опытов до окончательного выяснения этого вопроса.

Методы опроса

Разнообразные методы опросов представляют целую научную отрасль и в буквальном смысле заполнили современную зарубежную и нашу социальную психологию и социологию. Созданы специальные институты, целые армии инструкторов, которые проводят опросы по различным вопросам: прогнозы голосования, отношение к войне, отношение к другим нациям и народам. По методам опросов уже в настоящее время существует необозримая литература. Посредством опросов, применяя современные научные средства сбора и обработки материала, можно собрать весьма ценную информацию (о состоянии спроса, о вкусах телезрителей, об отношении различных социальных групп к тем или иным общественным явлениям).

Наша задача заключается в том, чтобы во всем многообразии методов опросов выделить какую-то систему, раскрыть основные требования, которым эти методы должны отвечать в рамках социально-психологических исследований.

Все ценные для социальной психологии методы опроса можно сгруппировать в несколько основных видов: метод анкет, метод интервью, метод социометрии, метод полярных профилей. Перечисленные методы мы включаем в одну рубрику, так как они имеют ряд общих признаков: 1) все они в своей основе имеют вопросы, на которые должен дать ответ опрашиваемый; 2) разрабатывается специальная тактика для получения наиболее достоверных ответов; 3) все эти методы обращены к собственному мнению отвечающего; 4) разработана сложная техника обработки материалов, получаемых посредством перечисленных методов.

Каковы же общие требования, которые следует соблюдать во всех методах опросов?

Все перечисленные методы могут применяться как в отдельности, так и в комплексе, а также в связи с другими методиками. Методы опросов могут применяться тогда, когда другие методы не дают достаточно исчерпывающей информации о социально-психологических явлениях. Обследование и обсчет большого массива опросных материалов теперь уже редко проводится одним исследователем от начала и до конца. Это хорошо как для здоровья исследователя, так и для повышения достоверности данных. Надо полагать, что в будущем вообще будут невозможны индивидуальные способы использования и обработки большого массива материала. Методы опросов не исчерпывают исследования. Они являются средним звеном исследования. Когда проблема исследования определилась, когда гипотеза наметилась, когда предварительно прозондирован объект исследования на месте, тогда можно приступать к опросным методам. Без теоретической установки, без использования сложного аппарата шкалирования и статистической обработки материала к методам опросов не следует приступать.

Колоссальное значение для всех методов опроса имеет анонимный характер обследования, в чем не должен сомневаться исследователь. Это повышает достоверность ответов.

Большое значение имеет характер вопросов, их формулировка и направленность для всех методов опроса. С этой стороны имеются общие требования ко всем опросным методам и каждому из них в отдельности.

Общие требования к вопросам таковы: 1) не должно быть осмысленных, с двойным значением слов; 2) вопросы в какой-то мере должны соответствовать жизненным интересам, быту и знаниям опрашиваемых; 3) опрос не должен быть слишком длительным (не более 20 минут); 4) весьма желательным является хороший, доброжелательный контакт (исключая заочную анкету); 5) обязателен краткий предварительный инструктаж (разминка) по целям и существу опроса.

Ведущим и наиболее «древним» из методов опроса является анкета.

Метод анкет в истории да и теперь подвергается критике. Критики утверждают, что метод анкет пригоден лишь для всеобщего голосования, в лучшем случае — для изучения общественного мнения, но для глубокого проникновения в социально-психологические яв-

ления он не пригоден. Однако, как показывает опыт исследования в мировой социальной психологии, посредством методов анкет оперативно собираются и прогнозируются весьма значимые явления. Добротные данные получены при помощи метода анкет социологами (изучение бюджета трудящихся, отношение к труду молодых рабочих, текучесть рабочей силы и др.) и социальными психологами (взаимоотношения учащихся с мастерами и учащихся с учащимися, творческая активность молодых рабочих и др.).

Анкеты бывают разных типов: индивидуальные и групповые (заполняет ее один человек или целая группа), очные или заочные и смешанные. Очная анкета заполняется в присутствии исследователя, но обязательно в отсутствие административных работников. Заочная анкета рассылается по почте с вложенной инструкцией по заполнению анкеты и с обратным обеспеченным адресом. Смешанный тип анкеты сближается с интервью, так как анкету заполняет сам исследователь по ответам на вопросы обследуемого.

Специально для анкеты можно сформулировать ряд требований: 1) если данные можно получить из других источников (в отделе труда и зарплаты, парткоме, профкоме, посредством простого наблюдения), то к анкете не следует прибегать либо можно пропустить эти вопросы; 2) вопросы анкеты не должны требовать дополнительных пояснений; 3) начинать с простых вопросов и постепенно переходить к более сложным; 4) интимные и значимые вопросы должны стоять в середине или в конце анкеты; 5) в анкете следует использовать «открытые» и «закрытые» вопросы. Закрытых вопросов (перечень возможных ответов содержится в анкете) должно быть больше и для удобства обработки, и для концентрации внимания на существенных сторонах дела. Примером хорошо разработанных анкет можно считать анкеты лаборатории социологических исследований при Ленинградском университете.

Приемы обсчета и повышения достоверности анкетных данных рассматриваются в §4.

К разновидности методов опросов относится интервью. Метод детально разработан в нашей лаборатории А.Л. Свенцицким (1965). Метод интервью по своей природе весьма близок к анкетному методу, опирается на него, но имеет и свою специфику. Анкета, как правило, заполняется опрашиваемым. Интервью происходит в живой беседе. Анкетой можно сразу охватить большой круг людей, воспользоваться заочной формой, а в интервью это невозможно. Зато интервью более

оперативно, более гибко и в руках опытного интервьюера заключает огромные возможности. Интервью разрешает несколько задач: зондаж объекта компетентных лиц в связи с предстоящим обследованием, самостоятельный метод исследования для выяснения ограниченного, но определенного круга вопросов (например, отношение различных социальных групп к разным программам телепередач), но чаще интервью существенно дополняет другие методы исследования (анкеты, эксперимент, наблюдения) и используется наряду с ними.

Различают несколько видов интервью: стандартизированное (вопросы подготовлены заранее), нестандартизированное (исследователь руководствуется лишь программой исследования). Иногда выделяют полустандартизированное интервью, в котором есть «путеводитель» строго необходимых и возможных вопросов. Существуют и другие формы интервью (о чем см. в работах А. Л. Свенцицкого).

Требование к формулировке вопросов для анкет распространяется и на интервью. Специально для интервью следует выделить искусство строить не прямые, обходные, косвенные и прожективные вопросы с той целью, чтобы выяснить сдерживаемые мнения либо действительно личное мнение, а не более распространенное. Эта сторона дела требует исключительного искусства, опыта и достижения достаточного контакта и взаимопонимания с интервьюируемым. Большие трудности в интервью связаны с фиксацией ответов. Лучше всего интервьюеру владеть техникой стенографии либо выработать хорошую кодировку ответов. Запись по памяти, особенно после опроса нескольких человек, весьма затруднительна, а сплошная запись при опросе влияет на качество интервью.

К методам опросов мы отнесли социометрию и метод полярных профилей на основании некоторой общности: наличие вопросов, характер заполнения листков, аналогичное требование к контакту с опрашиваемыми. Но, разумеется, и социометрия, метод полярных профилей имеют свою специфику. В социометрии подчеркивается ее активный момент, возможность на основе диагностики группы изменить ее структуру.

Метод социометрии получил значительное распространение в зарубежной социальной психологии и социологии. Он предложен и разработан Дж. Морено и его последователями. Мы не касаемся здесь методологии и общей теории микросоциологии Морено, так как это уже сделано М. Вахитовым в ряде работ (1958). Метод социометрии как способ, как технический прием может быть выделен из ме-

тодологии и ложной теории Дж. Морено с пользой для социальной психологии. В этом убеждаются наши друзья из ГДР — М. Форверг и д-р Хибш, в этом убедились и мы при социально-психологическом исследовании производственных бригад.

Метод социометрии позволяет дать моментальный, быстрый, графически точный снимок с динамики внутренних отношений коллектива, которые существуют в настоящее время: установить близость взаимоотношений, группировки, авторитетность и изолированность членов в коллективах и пр. Этим методом мы не раскроем причин данного уровня коллектива, не сможем предопределить эволюцию коллектива, но мы можем давать «срез», картину жизни коллектива в данный момент, можем давать некоторые рекомендации о развитии коллектива.

Метод социометрии следует применять наряду с другими методами, к социометрии нельзя приступать без наличия явного доверия и искренности к опрашиваемому со стороны изучаемых. Главное в социометрии — выбор хороших критериев; социометрия не только диагностика, но и изменение ненормальностей непосредственных отношениях людей. Для нашего общества последнее означает следующее: если изучаемые отношения в коллективе отстают от типа наших производственных отношений (сотрудничество, взаимопомощь), то эти отношения в конкретных коллективах надо изменять, развивать, поднимать до уровня типичных для нашего общества путем проведения организаторской и воспитательной работы.

Для выявления возможностей социометрии мы изучили ряд производственных бригад. Эти бригады подверглись социометрическому обследованию по трем критериям: работа, учеба, совместный отдых. Членам бригады был предложен вопросник и инструкция. Вопросник включал следующие вопросы:

1. С кем бы вы желали работать вместе:
 - а) на операции (назовите фамилии),
 - б) в бригаде (назовите фамилии)?
2. С кем бы вы не хотели работать вместе?
3. С кем бы вы хотели дружить в свободное от работы время:
 - а) отдыхать (назовите фамилии),
 - б) совместно учиться (назовите фамилии),
 - в) по-настоящему дружить (назовите фамилии)?

Члены бригады были предупреждены, что их ответы останутся в тайне, что опыт может быть продуктивным только при условии искренних ответов. В дальнейшем предлагалось заполнить вопросник путем вписания в него фамилий тех членов бригады, с которыми данный товарищ хотел бы работать, учиться, дружить, и тех, с которыми не хотел бы. По заполнении вопросник сдавался экспериментатору. По данным ответа строилась матрица отдельно по каждому критерию (работе, учебе и т. д.) примерно так (схема взята произвольно):

№ пп.	Испытуемый	1	2	3	4	5	И т. д. в зависимости от количества участников
1	Г. Н.	ш	+	+	—	о	
2	К. А.	+	ш	о	+	—	
3	Д. Б.	о	+	ш	+	—	
4	А. Р.	+	—	+	ш	+	
5	П. Т.	о	+	+	—	ш	

Обозначения: (+) — выбор, (о) — безразличие, (—) — отрицание. По вертикали: кого выбрал (на нашей схеме № 1 выбрал № 2 и № 4, безразличен к № 3 и № 5). По горизонтали: кто выбрал (по нашей схеме № 1 был избран № 2 и № 3, отвергнут № 4, безразличен к № 5) и т. д.

Матрица позволяет выделить в группе лиц «звезды», пренебрегаемых, изолированных и отвергнутых. Это видно наглядно. «Звезды» — это наиболее авторитетные, пренебрегаемые получают меньше половины голосов, изолированные не получают выбора, отвергнутые получают отрицательное отношение. После матрицы строится графически социограмма, которая позволяет наглядно видеть связи в группе. График лучше начинать чертить со «звезд». Матрицу и социограммы желательно составлять сначала по каждому критерию, затем эти данные можно обобщить в сводных таблицах по всем критериям.

Чем больше критериев выбирается в социометрии, чем теплее и искреннее отношения с обследуемым коллективом, тем вероятней наши выводы. Для достижения отношений доверия мы с дипломантом А. Самойловым включались непосредственно в жизнь коллективов, становились их участниками: организация воспитательной работы, пропагандистские кружки, диспуты.

Социометрия — хороший, быстрый прием «фотографирования» отношений в коллективе, группе. Эти отношения можно выявлять и чувствовать и через другие методы: наблюдение значимых ситуа-

ций, беседы, длительная работа с коллективом, но наиболее эффективным остается социометрия.

Наконец одним из видов методов опроса является метод полярных профилей. Вариант этого метода разработан и применен в ГДР в Йенском институте д-ром Хибш и М. Форвергом. Работая на кафедре психологии ЛГУ, М. Форверг в течение года собирал материал в советских школах по этому методу, первые опыты с этим методом провел доцент нашей кафедры А. Бодалев. Посредством метода полярных профилей можно исследовать представление человека о себе в настоящем и будущем, представление человека о других в настоящем и будущем, представление окружающих об испытуемом, мнение его самого и математически обработать эти результаты. Начинается этот опыт примерно с таких вопросов:

1. Каким вы себе представляете школьников 12—15 лет? (Отметьте крестиками, какие качества и до какой степени развиты, по вашему мнению, у школьников 12—15 лет.)
2. Какими вы себе представляете девочек-старшекласниц? (Отметьте крестиками, какие качества и до какой степени развиты, по вашему мнению, у девочек 15—18 лет.)
3. Какими, по вашему мнению, кажутся учителю мальчики-старшекласники 15—18 лет? (Отметьте крестиками, какие качества и до какой степени развиты у мальчиков-старшекласников, по мнению учителя.)
4. Какими должны быть школьники 12—15 лет, по мнению учителя? (Отметьте крестиками, какие качества и в какой степени должны быть развиты у школьников 12—15 лет, по мнению учителя.)

Ниже приводится полярная анкета, которую можно усовершенствовать, вставив другие вопросы и полярные качества.

Собранные листки статистически обрабатываются, устанавливаются представления людей о самих себе, о других, на иных возрастных уровнях, в разных странах и пр. Так, М. Форверг обнаружил различное представление немецких и советских мальчиков и девочек о самих себе и о тенденции к сближению этих представлений в ГДР и СССР. А. А. Бодалев обнаружил противоречивые высказывания разных учителей о качествах одних и тех же учеников, а это не может не сказаться в разноречиях в подходе к воспитанию учеников.

В боль- шей степени	Средне	Не- много	Совсем не раз- вито	Не- много	Средне	В боль- шей степени
Сильный Подвижный Мягкий Скромный Организованный Тактичный Активный Неустойчивый Покорный Общительный Дисциплинированный Ленивый Естественный Грустный Сердечный Поверхностный Нежный Смелый Тихий Требовательный к себе Беспринципный Корыстный Самостоятельный Самолюбный Коллективист						Слабый Малоподвижный Твердый Нескромный Неорганизованный Бестактный Пассивный Стойкий Властолюбивый Необщительный Недисциплинированный Прилежный Неестественный Веселый Сухой Глубокий Грубый Трусливый Шумливый Безответственный Принципиальный Бескорыстный Несамостоятельный Несамолюбный Индивидуалист

Разумеется, мы не исчерпали всех методов, которые используются в социальной психологии. Успех любых применяемых методик определяется хорошей теорией и надежной количественной обработкой материала.

§4. Количественная обработка материалов

Исследование социально-психологических явлений требует сочетания количественного и качественного анализа научных фактов. Чтобы количественно обработать фактический материал уже при выборе методов исследования, необходимо предусмотреть, как будет обработан материал. Для этого при наблюдении, интервью, эксперименте и других методах используются различного рода шкалы для фиксации материала, подлежащего количественной обработке. Особенно широко используются шкалы в опросниках (анкеты, интервью, социометрия и др.).

Прежде чем шкала включается в тот или иной метод, исследователь должен отобрать показатели, которые в нее войдут, проверить возможные мнения и остановиться на более распространенных. Шкала является, как правило, некоторым итогом исследования, предварительной проверкой гипотезы.

Примером тщательного исследования по созданию шкалы является работа Петера Ферстера, отчет о которой был представлен на кафедре педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена в 1965 г. Он составлял шкалу следующим образом: 250 школьникам 5–8-х классов предложено в одном-двух предложениях выразить свое отношение к учебе. Их высказывания имели, например, такой характер: «Я учусь с охотой, но это зависит от предмета и учителя»; «При хорошей погоде я не думаю об учебе, при плохой погоде дело идет на лад» и др. Из общего числа ответов отобрали 21, отражавший примерно всю совокупность положительных и отрицательных мнений об учебе. Эти ответы, в свою очередь, были размножены и предложены 125 экспертам с инструкцией критически оценить каждое мнение в соответствии с содержащимся в нем отношением к учебе и расположить его на шкале из 9 ступеней. Было указано на возможность первоначально разделить все ответы на три группы: «положительно», «средне», «отрицательно», а каждую возникшую таким образом группу, в свою очередь, разделить на три. Затем все ответы были расположены по рангам от 1-го (отрицательная крайность) до 9-го (положи-

тельная крайность). Чтобы шкала была более надежной, следующий этап в ее создании состоял в том, что по каждому оцененному мнению школьника высчитывалось среднее арифметическое и коэффициент вариации.

Например, мнение школьников «В учебе я не нахожу ничего хорошего потому, что не остается времени для других вещей» экспертами было расположено по четырем пунктам крайне отрицательного отношения по шкале.

Таблица вычислений имела следующий вид:

x	F	$\bar{x} * F$	$x - \bar{x}$	$(x - \bar{x})^2$	$F * (x - \bar{x})^2$
1	59	59	$1 - 1,73 = 0,73$	0,5329	31,441
2	43	86	$2 - 1,73 = 0,27$	0,0729	3,134
3	16	48	$3 - 1,73 = 1,27$	1,6130	25,808
4	5	20	$4 - 1,73 = 2,27$	5,1530	25,765
5	—	—	—	—	—
6	—	—	—	—	—
7	—	—	—	—	—
8	—	—	—	—	—
9	—	—	—	—	—
	123				86,148

Обозначения: x — порядковый номер (отдельные места по рангам); F — частота оценок экспертов соответственно порядковому месту по рангу; \bar{x} — среднее арифметическое; n — количество (совокупное).

Вычисление средней величины:

$$\bar{x} = \frac{\sum (x \cdot F)}{n} = 1,73$$

Вычисление рассеяния (среднее квадратическое отклонение):

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum F (x - \bar{x})^2}{n}} = 0,84$$

Этим способом для каждого из 21 мнения школьников были получены две величины: 1) средняя величина по шкале (основная вели-

чина по шкале) (в диапазоне от 1 до 9); 2) рассеяние (позволяющее заключить о равноценности оценок экспертов).

Затем из 21 мнения, получившего оценку, отобрано 10, которые в средней величине распределились по всей шкале и не обнаружили чересчур высокой величины рассеяния.

В результате этого предварительного исследования П. Ферстером была создана шкала, которую можно назвать шкалой интервалов, так как каждое мнение, расположенное в ней в определенном порядке, имеет свою оценку.

Далее мы рассмотрим шкалы, наиболее часто применяемые при изучении социально-психологических явлений и некоторые приемы их количественной обработки, наиболее широко распространенные.

Шкалы порядка

Эти шкалы включают в себя перечисление признаков, качеств явления (вопрос и несколько возможных ответов), расположенных в случайном порядке. Например, анкете нашей сотрудницы Э. С. Чуговой после вопроса: «Почему вы выбрали эту специальность, а не другую?» — давалась следующая шкала возможных ответов: 1) был интерес к специальности; 2) повлияли традиции семьи; 3) привлекла хорошая оплата; 4) друзья, знакомые посоветовали обучаться этой специальности; 5) обстоятельства сложились так, что иного выхода не было; 6) выбрал специальность случайно; 7) были другие причины. Укажите, какие именно.

Статистическая обработка шкал порядка может производиться по-разному в зависимости от того, что нас больше всего интересует. В одних случаях нас может интересовать главным образом общая характеристика групп по шкале. В таком случае общее количество высказываний по шкале принимается за 100%. Процент высказываний по каждому пункту шкалы высчитывается от общего числа высказываний.

Например, чтобы проследить, как изменяется нравственный облик учителя по мере овладения педагогическим мастерством, компетентным лицам (директорам, завучам) была предложена шкала с характеристикой, включающей шесть пунктов (таблица 1). По ней руководители школ характеризовали 45 человек, которые, по их мнению, не являются мастерами своего дела (группа I и 48 человек — мас-

Таблица 1

Изменение нравственного облика учителя
по мере обретения мастерства

Шкала положительных черт личности	группа I		группа II	
	Количество характеристик по пункту	%	Количество характеристик по пункту	%
1. Оказывает большое влияние на формирование коммунистических убеждений учащихся	4	6,0	32	15,4
2. Глубоко владеет политическими знаниями	6	9,0	30	14,4
3. Охотно помогает товарищам в работе	11	16,1	29	13,9
4. Активно участвует в общественной работе	14	2,09	37	17,8
5. Связывает обучение и воспитание с жизнью	15	2,25	36	17,3
6. Ответственно относится к своему труду	17	25,5	44	21,2
Всего	67	100%	208	100%

теров своего дела – группа II). Общее число характеристик группы I – 67 (100%), группы II – 208 (100%).

Общая тенденция в распределении характеристик здесь намечается. Однако следует обратить внимание на то, что группы, которые подвергались характеристике по количеству, примерно равные (45 и 48 человек), а интенсивность мнений относительно группы I в сравнении с группой II гораздо меньшая (всего 67 против 208). Это явилось следствием того, что большое количество учителей группы I не получило положительных характеристик. Если нас интересует не только общая тенденция в распределении характеристик, но и относительное количество (в процентах) характеристик по каждому пункту, то высчитывается частотность оценок по каждому пункту (таблица 2).

Подобная обработка материалов позволяет давать им несколько иную интерпретацию, поскольку здесь содержится иная информация о результатах опроса. Каждую из групп работников характеризует не только частотность полученных характеристик, но и частотность не отмеченных положительных характеристик.

Таблица 2
Характеристика положительных черт нравственного облика работника

Шкала ха- рактерис- тик поло- жительных черт лич- ности	группа I				группа II							
	Коли- чество ха- рак- терис- тик	%	Количес- тво случает- в ха- рак- терис- тик	%	Всего	%	Коли- чество ха- рак- терис- тик	%	Количес- тво случает- в ха- рак- терис- тик	%	Всего	%
1	4	8,9	41	91,1	45	100	32	66,7	16	33,3	48	100
2	6	13,3	39	86,7	45	100	30	62,5	18	37,5	48	100
3	11	24,4	34	75,6	45	100	29	60,4	19	39,6	48	100
4	14	31,1	31	68,9	45	100	37	77,1	11	22,9	48	100
5	15	33,3	30	66,7	45	100	36	75,0	12	25,0	48	100
6	17	37,8	28	62,2	45	100	44	91,7	4	8,3	48	100

Нас может интересовать мнение о положительных и отрицательных сторонах явления, их соотношение. В таком случае испытуемому предлагается одновременно две шкалы с положительной и отрицательной характеристикой явления.

В анкете Э.С. Чугуновой используются такие две шкалы после вопроса: «Что, по вашему мнению, сказывается положительно или, наоборот, отрицательно на вашем отношении к работе, профессии, которой вы овладеваете в настоящее время?».

При обсчете этого рода шкал применяется величина средней оценки.

Она равна частному от деления разности положительных и отрицательных голосов на количество человек, принимавших участие в голосовании. Средняя оценка показывает распределение голосов по определенному критерию, избранному нами для характеристики явления. Положительный знак в средней оценке свидетельствует о преимущественно положительных оценках по данному критерию, и наоборот. Чем ближе средняя оценка к +1 или к -1, тем значительнее число соответствующих оценок. Ноль указывает на то, что количество положительных оценок совпадает с количеством отрицательных оценок.

Например, из 75 молодых рабочих 47 указало, что их «привлекает сам процесс труда — есть возможность проявить инициативу, смекалку в работе»; 3 человека из этой же группы отметили: «Не привлекает сам процесс труда — работа в мастерских не заставляет думать, применять теоретические знания».

Величина средней оценки в данном случае высчитывается следующим образом:

$$\frac{47-3}{75} = +0,587$$

Это свидетельствует о том, что количество положительных оценок значительно.

<i>Шкала А. Положительно влияет:</i>	<i>Шкала Б. Отрицательно влияет:</i>
1. Разнообразная работа в мастерских, на заводе	1. Однообразная работа
2. Общественное, практическое значение работы	2. Работа не имеет общественного, практического значения

<i>Шкала А. Положительно влияет:</i>	<i>Шкала Б. Отрицательно влияет:</i>
3. Увлекает пример мастера	3. Наш мастер не увлечен своей работой
4. Работа не вызывает физического переутомления	4. Физически тяжелая работа
5. Есть уверенность в своих силах	5. Нет уверенности в своих силах
6. Привлекает сам процесс труда – есть возможность проявить инициативу, смекалку в работе	6. Не привлекает сам процесс труда: работа в мастерских не заставляет думать, применять теоретические знания
7. Хорошее оборудование, инструмент в мастерских, на заводе	7. Плохое, устаревшее оборудование, недостаток новейшего инструмента, приспособлений
8. Хорошая организация труда: всем всегда есть дело во время практики	8. Плохая организация труда
9. Удобная, красивая рабочая одежда	9. Неудобная, некрасивая рабочая одежда
10. Возможность иметь хороший заработок в настоящее время и в будущем	10. Низкая заработная плата
11. Привлекает внешний вид красиво оформленного училища, рабочего помещения	11. Не привлекает внешний вид училища, рабочего помещения
12. Хорошие отношения с товарищами по работе	12. Плохие отношения с товарищами по работе
13. Внимательное отношение со стороны администрации	13. Невнимательное отношение со стороны администрации
14. Удобное и красиво оформленное рабочее место	14. Неудобное, плохо оформленное рабочее место
15. Другие моменты. Укажите, какие именно	15. Другие моменты. Укажите, какие именно

Нередко необходимо выяснить не только мнение, характеристику, но и интенсивность мнения, его глубину. В этих целях применяют шкалы с заданным своеобразным термометром. Примерами таких шкал являются шкалы самооценки.

Шкала самооценки (техника Кентрила и Килпатрика)

У испытуемого спрашивают, какой образ жизни он считает для себя наилучшим (по шкале 10) и наихудшим (по шкале 0). Затем ему предлагают отметить на шкале то положение, которое он сейчас за-

нимает или занимал 2 года назад, или будет занимать. Эту шкалу можно предложить также для оценки положения своей семьи, класса, нации.

Обсчет шкалы Кентрила производится следующим образом:

Номер на шкале самооценки	Количество высказываний	Результат
0	10	0
1	62	62
2	99	198
3	158	474
4	235	940
5	850	4250
6	347	6082
7	162	1134
8	134	1072
9	87	783
10	28	280
Сумма	2172	11275

Средний балл высчитывается путем деления: $11275 : 2172 = 5,2$. Затем проводится сравнение полученных средних результатов между собой (5 — середина шкалы). Результат опроса относительно прошлого, настоящего и будущего может быть ниже и выше среднего балла или близким к нему.

Результаты опроса могут быть выражены в виде графика.

Шкала самооценки (техника Стефенсона)

Изготавливаются 100 карточек примерно с такими надписями: чувство ненадежности; религиозность; умение легко сходитьсь с людьми; упорство в действиях и т. д. Эти карточки испытуемый должен разделить на 11 частей — определенное число на каждую часть. Слева он кладет те, на которых указаны качества, наиболее ему свойственные, справа — наименее.

Здесь мы наглядно видим распределение и частоту положительных и отрицательных самооценок.

Наиболее соответствующие испытуемому												Наименее соответствующие испытуемому
№ части	11	22	33	44	55	66	77	88	99	110	111	
Число карточек	111	110	99	88	77	66	55	44	33	22	11	Всего 100 карточек

Возникающая шкала

Вопросы или утверждения в этой шкале расположены в ранговый ряд по отношению к какому-либо фактору. Например, по заданию Юнеско было произведено исследование отношений к различным нациям таким образом: испытуемым предлагалась шкала, содержащая такие вопросы: считаете ли вы, что гражданина данной страны можно допустить в вашу страну только в качестве туриста..., разрешить ему подданство..., позволить работать на вашем предприятии..., установить с ним близкие личные отношения... Испытуемым предлагались разместить различные национальности соответствующим образом на этой шкале. Вопросам приписывались порядковые номера. Например, согласие с утверждением: «установить личные отношения» означает его согласие и с другими утверждениями. Напротив, согласие с утверждением: «допустить в страну только в качестве туриста» означает несогласие с другими утверждениями.

Интервальная шкала

В этой шкале имеются интервалы с соответствующими номерами и характер ответов испытуемого фиксируется на определенной точке шкалы, выражающей его отношение к данному вопросу.

Чтобы определить отношение к церкви, было собрано большое количество всевозможных высказываний о ней. Затем в качестве судей выбрали несколько сот человек различного социального положения, взглядов (т. е. по возможности стремились взять пропорциональное число представителей всех групп населения, которым предложили все высказывания расположить в 11 групп по порядку возрастания отрицательного или положительного отношения к церкви). Те высказывания, положение которых в группах было спорным, вычеркивались. В результате получилась равноинтервальная шкала из 11 величин.

- 10 Наилучший образ жизни
- 9
- 8
- 7
- 6
- 5
- 4
- 3
- 2
- 1
- 0 Наихудший образ жизни

Практика показала, что даже люди различных взглядов и отношений к тому или иному вопросу обычно правильно могут расположить высказывания в соответствующую группу шкалы. Вопросы, образующие данную шкалу, испытуемым предлагали в смешанном порядке. В зависимости от ответов или согласия с теми или иными утверждениями (пунктами шкалы, которым был приписан соответствующий номер) выводился средний индекс, характеризующий в числовой форме отношение испытуемого.

В том случае, когда необходимо сказать об отношении группы в целом, такой же средний показатель выводится исходя из величин, характеризующих отношение каждого испытуемого.

Как уже было сказано выше, необходимо определить наивность шкалы. В данном случае это делается так: поскольку в 11 группах было предложено при первоначальном составлении шкалы расположить большое число (свыше сотни) различных высказываний, то, хотя спорные высказывания (спорные в смысле неясности их положения в какой-либо группе) и были вычеркнуты, тем не менее на каждую группу приходилось по 2–3 высказывания. Таким образом, в распоряжении исследователя имелись, по крайней мере, два ряда дублирующих друг друга вопросов, и испытуемым можно было предложить два равнозначных, хотя и по-разному сформулированных комплекса. С помощью методов математической статистики можно было поэтому определить надежность данной шкалы на основании соответствия ответов одного ряда с ответами дублирующего ряда.

Кроме того, если есть возможность, необходимо проверить данную шкалу на соответствие с действительностью. Так, в приведен-

ном примере можно проверить, правильно ли отражали крайние пункты шкалы (наиболее и наименее благоприятное отношение к церкви) действительное отношение путем наблюдения за некоторыми испытуемыми, величина отношения которых занимает крайние части шкалы. Можно просто проследить, действительно ли человек часто ходит в церковь или занимается в атеистических клубах.

Оценочная шкала

Каждый ответ сопровождается балльной шкалой оценок. Так, в анкете В. В. Водзинской дан перечень 80 профессий, и каждая снабжается 10-балльной шкалой оценок; А. А. Русалинова перечень качеств мастера снабдила 3-балльной шкалой оценок; В. Н. Шубкин, Ю. Д. Карпов и Г. М. Кочетов (1964, с. 427) качества членов коллектива (43 пары качеств-антонимов) — 5-балльной шкалой оценок по образцу:

трудолюбив	5	4	3	2	1	ленив
одарен	5	4	3	2	1	бездарен
организован	5	4	3	2	1	не организован
волевой	5	4	3	2	1	безвольный

При оценке качеств кружком обводится соответствующий балл: 5 — очень трудолюбивый, 4 — трудолюбивый; 3 — не очень трудолюбивый, но и не очень ленивый, 2 — ленивый, 1 — очень ленивый.

При обсчете этого рода шкал чаще всего определяется среднее арифметическое по формуле:

$$\bar{x} = \frac{\sum (n \cdot x_i)}{N}$$

где n — число ответов на данный балл; \bar{x} — баллы; N — число наблюдений.

Например, из группы 71 человека оценку 5 получил 61 человек, оценку 4—10 человек. Среднее арифметическое:

$$\bar{x} = \frac{(61 \cdot 5 + 10 \cdot 4)}{71} = 4,8$$

Но среднее арифметическое скрывает подчас все оценки баллов. Для определения меры изменчивости высчитывают среднее квадратическое отклонение по формуле:

$$\sigma = \sqrt{\frac{N \cdot \sum n_i(x)^2 - (\sum n_i x_i)^2}{N^2}}$$

Для нашего примера:

$$\sigma = \sqrt{\frac{71 (61 \cdot 5^2 + 10 \cdot 4^2) - (61 \cdot 5 + 10 \cdot 4)^2}{71^2}} =$$
$$\frac{\sqrt{71 (61 \cdot 5^2 + 10 \cdot 4^2) - (61 \cdot 5 + 10 \cdot 4)^2}}{71} = 0,348.$$

Малая величина квадратического отклонения указывает, что варианты концентрируются вокруг средней. Большое среднее квадратическое отклонение дает представление о большой колеблемости (изменчивости) вариантов.

Среднее квадратическое отклонение обозначается в тех же конкретных мерах измерения, что и средние числа. В качестве относительной меры изменчивости в целях сравнения высчитывается коэффициент вариации по формуле:

$$CV = \frac{100 \sigma \cdot N}{\sum n x_i}$$

Для нашего примера:

$$CV = \frac{100 \cdot 0,388}{4,8} = 7,16\%$$

Коэффициент вариации позволяет графически сравнить полученные результаты.

Оценка точности выборочных средних подробно изложена в книге Л. С. Каминского (1964, с. 126).

Однако подобные шкалы могут обрабатываться и другими способами. Так, например, А. А. Русалиновой проведено исследование влияния взаимоотношений между мастером и учащимися на формирование коллектива учащихся. Целью исследования было выявление следующего: а) какую роль в формировании коллектива учащихся ПТУ играют взаимоотношения между мастером и учащимися; б) какие типы и уровни взаимоотношений между учащимися и мастерами имеют место в училищах, чем они определяются; в) от каких качеств личности мастера и от каких факторов его поведения зависят эти соотношения; г) какой тип взаимоотношений

является оптимальным с точки зрения формирования коллектива; д) какая программа поведения мастера в процессе производственного обучения является оптимальной с точки зрения формирования ученического коллектива.

Исходя из того, что в личности мастера есть определенные ведущие качества, от которых в основном зависит уровень взаимоотношений и степень их влияния на формирование коллектива, А. А. Русалинова выделила следующие: 1) уровень положительного отношения, положительной установки мастера на группу; 2) конкретные формы проявления этой установки в поведении мастера в процессе производственного обучения; 3) уровень и конкретные формы проявления учебно-воспитательных установок мастера; 4) те качества личности мастера, в которых проявляется его отношение к людям вообще и к учащимся в частности.

В исследовании была применена система разнообразных методов, в том числе методы полярных профилей и оценочной стандартизованной характеристики, применявшиеся для выяснения уровней представлений мастера о положительных и отрицательных качествах учащихся и представлений учащихся о таких же качествах мастера.

Так, например, программа положительных качеств личности учащихся включала 23 положительных и 20 отрицательных характеристик. Каждый из пунктов, в свою очередь, сопровождался шкалой для выявления интенсивности выраженности того или иного качества у ученика, по мнению мастера: «сильно развито», «средне развито», «слабо развито». Каждая из этих характеристик соответственно оценивалась баллами: 3, 2, 1. Таким образом, общее наибольшее количество положительных баллов по положительным качествам могло быть не более 69, а отрицательных — не более 60. Это общее количество положительных и соответственно отрицательных баллов принималось за 100%.

Аналогичная методика была применена для характеристики качеств мастера учениками.

Наряду с этим применялась шкала для выяснения эмоционального отношения мастера к учащимся и, наоборот, для выяснения эмоционального отношения учащихся к мастеру. Шкала включала в себя следующие характеристики: «нравится», «нравится средне», «не очень нравится», «не нравится». Эти характеристики соответственно наделялись следующими баллами: 3, 2, -2, -3. Затем высчитывался процент получений положительных качеств от общего числа

возможных положительных и отрицательных характеристик, общее количество которых принималось за 100%.

По этим же методикам выяснялся уровень представлений учащихся о положительном отношении к ним мастера.

Методики статистического обсчета полученного материала очень просты, но они позволили автору выявить очень существенные особенности формирования взаимоотношений между мастером и учащимися и сделать ряд рекомендаций относительно того, как управлять взаимоотношениями, чтобы они давали положительный результат в воспитательной работе.

Шкала отношений

Предлагаемое утверждение или вопрос могут сопровождаться шкалой отношений. Так, Петер Ферстер каждый пункт в своей анкете (например: «Я стараюсь действовать по законам юных пионеров, потому что хочу быть хорошим пионером-тельмановцем») сопровождает шкалой отношений. Результаты опроса по данному пункту следующие:

	Шкала отношений	Частота
1	Это всегда так...	61
2	Это почти всегда так...	120
3	Это не всегда так...	59
4	Это еще не так...	18
Всего 258		

Ответы учащихся об их отношении к пионерской организации можно соотнести с их мнениями об их отношении к учебе, полученными с помощью такой же методики.

В результате такого соотнесения выяснилось, что 127 школьников (группа А) высказывают примерно в равной степени положительное отношение к учебе и пионерской организации; 32 человека (группа В) – положительное отношение к учебе и отрицательное отношение к пионерской организации; 55 человек (группа С) – отрицательное отношение к учебе и положительное к пионерской организации; 44 человека (группа D) – отрицательное отношение к учебе и пионерской организации. Всего 258 человек. В четырехклеточной таблице это выглядит следующим образом:

127 A	32 B
55 C	44 D

Одной из важнейших задач статистической обработки фактических социально-психологических материалов является сравнение относительных чисел частоты, распределения между собой и оценки значимости (опорности) различий между ними, сравнение эмпирических данных с теоретическими, т. е. данных, найденных в опыте, и данных, ожидаемых в соответствии с гипотезой. Чаще всего в этих целях применяется критерий согласия χ^2 («критерий хи-квадрат»), предложенный Пирсоном.

В данном случае можно сформулировать нулевую гипотезу: являются ли признаки «отношение к учебе» и «отношение к пионерской организации» независимыми друг от друга, т. е. является ли данное распределение случайным или же существует связь между переменными?

Приведем пример высчитывания корреляции при χ^2 критерия. Формула χ^2 для четырехклеточной таблицы имеет такой вид:

$$\chi^2 = \frac{(AD - BC)^2 \cdot N}{(A + B)(C + D)(A + C)(B + D)}.$$

В данном случае:

$$\chi^2 = \frac{(127 \cdot 44 - 55 \cdot 32)^2 \cdot 258}{(127 + 55)(32 + 44)(127 + 55)(32 + 44)} = 17,36.$$

Для оценки этого значения для χ^2 должно быть установлено число степеней свободы $F = (\text{сумма строк} - 1) \cdot (\text{число столбцов} - 1) = (2 - 1) \cdot (2 - 1) = 1$.

По таблице квадратичных распределений для одной степени свободы относительно вероятности ошибки α имеем следующие минимальные значения для χ^2 : при $\alpha = 0,05, 0,01$ и $0,001$ соответственно минимальные значения для $\chi^2 = 3,84, 362$ и $10,80$. Полученная величина больше величины для $\alpha = 0,001$, поэтому она в высшей степени важна. Частота распределения на четырехклеточной таблице колеблется не случайно, но сильно отклоняется от распределения, которое должно было бы быть при полном отсутствии зависимости обеих переменных.

Следовательно, гипотеза о существовании зависимости между отношением к учебе и к пионерской организации может быть принята со статистической надежностью.

Для оценки степени взаимозависимости обеих переменных может быть вычислен коэффициент корреляции r .

Для оценки отношения к профессии используется шкала: 1) профессия мне очень нравится, 2) профессия мне скорее нравится, чем не нравится, 3) к своей профессии отношусь безразлично, 4) профессия скорее не нравится, чем нравится, 5) профессия совершенно не нравится.

При обсчете этой шкалы различной степени удовлетворенности придаются условные значения от +1 до -1 (+1 – максимум удовлетворенности; +0,5 – удовлетворенность; 0 – неопределенное, безразличное отношение; -0,5 неудовлетворенное -1 – максимум неудовлетворенности).

Пример: из 153 человек (N) максимально удовлетворены профессией 56 человек (a), удовлетворены – 39 (b), не удовлетворены – 3 (c), максимально не удовлетворен – 1 (d) и с неопределенным, безразличным, противоречивым отношением – 54 человека (e).

Средняя по удовлетворенности профессией:

$$\begin{aligned} J &= \frac{a(+1) + b(+0,5) + c(-0,5) + d(-1) + e(0)}{N} = \\ &= \frac{a + \frac{(b-c)}{2} - d}{N} = \frac{56 + \frac{39-3}{2} - 1}{153} = 0,48. \end{aligned}$$

При такой технике исчисления средней +1 выражает максимум удовлетворенности, -1 – максимум неудовлетворенности.

Для получения более объективных данных о степени удовлетворенности вышеприведенная шкала отношения подчас соотносится с уточняющими шкалами наименований, которые предлагают им проблемную ситуацию. Например: «Хотели бы вы переменить профессию?» или «Избрали бы вновь свою профессию?» Ответы: 1) да, 2) нет, 3) не знаю.

Путем сопоставления ответов на три вопроса мы получаем следующие, прошедшие контроль оценки мнения о степени удовлетворенности профессией: 1) удовлетворение профессией («очень доволен», «скорее доволен, чем не доволен», «не хочу уходить с работы», «если бы избирал специальность вновь, выбрал бы данную профессию»); 2) максимальное недовольство профессией (на все вопро-

сы отрицательные по смыслу ответы); 3) промежуточные варианты (неопределенные или противоречивые). Сопоставление всех трех типов ответов производится по системе логического квадрата. Полученная таким образом шкала обсчитывается вышеописанным способом.

В социально-психологическом исследовании нередко необходимо выяснить корреляционные зависимости между рядом факторов, чтобы установить ведущие. Так, например, в исследовании А. А. Русалиновой высчитывались коэффициенты корреляции между уровнем оценки учащимися качеств личности мастера и уровнем положительного отношения учащихся к мастеру, а также между уровнем оценки учащимися качеств личности мастера и уровнем развития коллектива учащихся.

Существует несколько формул расчета коэффициента корреляции. В нашей практике использовалась следующая:

$$r = \frac{\sum x^y (x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sqrt{\sum n_x (x - \bar{x})^2 \cdot \sum n_y (y - \bar{y})^2}}$$

где r — коэффициент корреляции между признаками; n — количество объектов наблюдения; x, y — значения признаков; n_x, n_y — количество объектов, обладающих признаком с соответствующим значением; n_{xy} — количество объектов, обладающих сочетанием значений x для признака x и значением y для признака y .

Прежде чем высчитать корреляционную зависимость, данные, между которыми мы эту зависимость хотим найти, сводятся в таблицу (образцом может служить таблица 3).

Таблица 3
Распределение данных x и y по группам

x_i	y_i					Σ_x
	y_1 +1	y_2 +0,5	y_3 0	y_4 -0,5	y_5 -1	
+1 x1	n_{11}	n_{12}	n_{13}	n_{14}	n_{15}	n_{x1}
+3 x2	n_{21}	n_{22}	n_{23}	n_{24}	n_{25}	n_{x2}
+5 x3	n_{31}	n_{32}	n_{33}	n_{34}	n_{35}	n_{x3}
Σ_y	n_{y1}	n_{y2}	n_{y3}	n_{y4}	n_{y5}	n

Проверяется коэффициент корреляционной зависимости по формуле:

$$S_r = \frac{1 - r^2}{\sqrt{n}}$$

S_r — среднее квадратическое отклонение для r ; вероятность — 95%; $t = 1,96$. Если $r > S_r \cdot t$, то коэффициент корреляции достоверен.

Поскольку техника расчета по данной формуле довольно сложная и занимает много места, мы ограничимся только вышеизложенным.

Парное сравнение

Результатом парного сравнения всегда является шкала сравнительных оценок, выраженных в баллах. Методика парного сравнения заключается в том, что за основу для сравнения берется одна характеристика человека по интересующему нас вопросу (например, организаторские способности), отношение к делу, чувство долга и ответственности, которое является в процессе деятельности, и др.). Сравнение проводилось по каждому аспекту в отдельности: один человек сравнивался с каждым в данной группе по интересующему нас признаку. Характер сравнения получает математическое выражение: если компетентное лицо считает, что по данному качеству оба сравниваемых равны, каждый из них получает по одному баллу, если он считает, что один выше другого, то первый получает два балла, а второй нуль. Несмотря на то, что методика строится на выявлении знаний компетентных лиц, она позволяет сделать их мнение объективным в силу большого числа сравнений, которое всегда равно $(n^2 - n)$, где n — число человек в группе, подвергшихся сравнению. Например, если мы сравниваем между собой 10 человек, то производится сравнение $10^2 - 10$, т. е. 90 раз. Это делает оценку сравнительно объективной. Матрица сравнения приводится в таблице 4.

Для того чтобы соотнести результаты по одному показателю с другим, полученным таким же образом, или проанализировать в зависимости от стажа, возраста, образования, необходимо высчитать процентный ранговый показатель. Для этого мы распределяем результаты в ранговой последовательности (таблица 5).

Процентный ранговый показатель высчитывается по формуле:

$$PR = \left(\frac{2R - 1}{2N} \right) \cdot 100,$$

Таблица 4
Матрица парного сравнения

№ испытуемых, подвергшихся сравнению	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	Общее количество баллов
1	×	1	2	2	0	2	1	1	2	1	1	1	2	1	1	0	18
2	1	×	1	1	0	2	1	1	2	1	0	0	2	1	0	0	13
3	0	1	×	1	0	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	5
4	0	1	1	×	0	1	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	6
5	2	2	2	2	×	2	2	2	2	2	1	1	2	2	1	1	26
6	0	0	1	1	0	×	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	4
7	1	1	2	2	0	2	×	1	1	0	0	0	2	1	0	0	13
8	1	1	2	1	0	2	1	×	2	1	0	0	2	1	0	0	14
9	0	0	1	1	0	1	1	0	×	0	0	0	1	0	0	0	5
10	1	1	2	2	0	2	2	1	2	×	0	0	2	1	0	0	16
11	1	2	2	2	1	2	2	2	2	2	×	1	2	2	1	1	25
12	1	2	2	2	1	2	2	2	2	2	1	×	2	2	1	1	25
13	0	0	1	1	0	1	0	0	1	0	0	0	×	0	0	0	4
14	1	1	2	2	0	2	1	1	2	1	0	0	2	×	0	0	15
15	1	2	2	2	1	2	2	2	2	2	1	1	2	2	×	1	25
16	2	2	2	2	1	2	2	2	2	2	1	1	2	2	1	×	26

где PR — процентный ранговый показатель (персентиль); относительное ранговое место данного испытуемого; N — количество членов данного коллектива.

В данном случае для № 1 и № 2 персентиль составляет:

$$PR = \frac{2 \cdot R1}{2 \cdot N} \cdot 100 = \frac{2 \cdot 1,5 - 1}{2 \cdot 16} \cdot 100 = 6,25.$$

Объективность данной методики можно проверить, сопоставив характеристики на одних и тех же людей, полученные от разных лиц, и путем высчитывания коэффициента ранговой корреляции на основе техники ранжирования по формуле Пирсона:

$$r = \frac{\Sigma xy}{\sqrt{\Sigma x^2 \cdot \Sigma y^2}} = \frac{269}{\sqrt{336,5^2 \cdot 329,5^2}} = \frac{269}{333} = 0,808,$$

где r — коэффициент ранговой корреляции; x, y — отклонения от среднего места ряда по данным разных компетентных лиц.

Таблица 5
Ранговая последовательность

№ испы- туемого по порядку	Коли- чество очков	Абсолютное ранговое место	Относи- тельное место ряда	Отклонение от среднего места ряда	Процентный ранговый показатель
1	4	1	1,5	−7	6,25
2	4	2	1,5	−7	6,25
3	5	3	3,5	−5	18,75
4	5	4	3,5	−5	18,75
5	6	5	5	−3,5	28,13
6	12	6	6	−2,5	34,38
7	13	7	7	−1,5	40,63
8	14	8	8	−0,5	46,88
9	15	9	9	+0,5	53,13
10	16	10	10	+1,5	59,38
11	18	11	11	+2,5	65,63
12	25	12	13	+4,5	78,12
13	25	13	13	+4,5	78,12
14	25	14	13	+4,5	78,12
15	26	15	15,5	+7	93,75
16	26	16	15,5	+7	93,75

Таблица 6
Ранговая корреляция между оценками разных лиц

№ испытуемого по порядку	x	y	xy	x ²	y ²
1	−7	−4,5	31,5	49	20,25
2	−7	−6	42	49	36
3	−5	−2,5	12,5	25	6,25
4	−5	27,5	37,5	25	56,25
5	−3,5	3,5	12,25	12,25	12,25
6	−2,5	+2	−5	0,25	4
7	−1,5	+0,5	−0,75	2,25	0,25
8	−0,5	−6	3	0,25	36
9	+0,5	−0,5	−0,25	0,25	0,25
10	+1,5	−1,5	−2,25	2,25	2,25
11	+2,5	+2	5	6,25	4
12	+4,5	+6,5	23,25	20,25	42,25
13	+4,5	+3,5	13,5	20,25	9
14	+4,5	+6,5	23,25	20,25	42,25
15	+7	+4,5	29	49	16
16	+7	+6,5	45,5	49	42,25
			$\Sigma_{xy} = 269$	$\Sigma_x^2 = 336,5$	$\Sigma_y^2 = 329,5$

Расчет для приведенного случая приведен в таблице 6.

Полученный коэффициент корреляции высок (0,808). На уровне 0,01, т. е. в одном эксперименте из ста, может быть $r=0$.

Мы привели наиболее распространенные типы шкал и способы их расчета. На последнем мы остановились сравнительно подробно потому, что количественный анализ факторов имеет большое значение, так как он позволяет выявлять существенные качественные характеристики явления. Мы полагаем, что приведенный здесь материал может помочь каждому, кто хочет исследовать социально-психологические явления.

Глава III

Социальная психология групп и коллективов

Исследование групп и коллективов занимает центральное место в современной социальной психологии и социологии. По утверждению Аллен У. Эйстер, «анализ малых групп сейчас достиг статуса „специальности“» (см.: Беккер, Босков, 1961, с. 350). Если в начале XX в. в год публиковалась одна работа по малым группам, то сейчас — больше 150 работ. Само оформление социальной психологии в науку связано с экспериментальным изучением групповых психологических явлений. Исследование групп стало развиваться в различных областях: в социологии, антропологии, этнографии, политической экономии и социальной психологии. Особенное развитие эти исследования получили в зарубежной социологии и социальной психологии. Причина бурного развития исследования малых групп в социологии и социальной психологии двоякая. С одной стороны, социологи и социальные психологи стали сводить поведение и формирование индивида к групповой структуре и динамике, понимать группу как ядро, основу всей общественной структуры. Раз так, то все проблемы педагогики воспитания, а главное, все проблемы общественного напряжения и конфликтов (забастовки, революции, войны и т. п.) можно свести и вывести из структуры и динамики малых групп. С другой стороны, заказчики в науке — промышленные магнаты, политические и военные деятели — стали проявлять повышенный интерес к исследованиям малых групп, стали охотно и во все увеличивающихся масштабах финансировать эти исследования. Понятно, что этот симбиоз ученых и политиков объясняется не столько филантропией последних и даже не столько идеологическими установками ученых, сколько, главным образом, практическими достижениями исследования малых групп. В результате подобных исследований удастся интенсифицировать труд, в известной

мере снять напряженность во взаимоотношениях, подобрать более срабатывающиеся группы, в какой-то мере контролировать обстановку в группе. Эти исследования не раскрывают глубоких социально-классовых причин конфликтов между рабочими и предпринимателями, но на уровне малых групп дают известные результаты и тем самым видимость решения всех социальных проблем в рамках групповой психологии.

Подобная ситуация приводит к теоретической слабости, разнообразности исследований малых групп, но и выявляет сильные стороны в методике исследований, в полученных конкретных научных результатах. В теоретическом отношении исследования малых групп проводятся под углом зрения традиционных и господствующих направлений в современной социальной психологии: бихевиоризм и необихевиоризм, фрейдизм и неопрейдизм теория групповой динамики (см. § 1). Арсенал методически приемов разнообразен и богат (см. § 3).

В настоящей главе мы будем рассматривать те важные положения и конкретно-научные достижения, которые характеризуют социальную психологию малых групп. Малые группы и коллективы изучались и в нашей стране в рамках социальной психологии, педагогики, а теперь — и социологии, с кратким обзором их исследования мы познакомимся в данной главе. Изучение теории, методик и конкретно-научных достижений в изучении малых групп и коллективов позволило нам провести собственные исследования различных производственных (главным образом) и учебных групп и коллективов. Результатам этих исследований посвящается основное внимание в данной главе. Критический обзор зарубежной и советской литературы, а также результаты собственных исследований позволяют нам наметить некоторые общие положения и перспективы в исследовании групп и коллективов, чем и заканчивается глава.

§ 5. Общие и частные достижения в зарубежных исследованиях малых групп

При ложных методологических и общетеоретических основах в подходе к исследованию малых групп в современной зарубежной социальной психологии и социологии имеются и чисто научные результаты, ценные идеи, которые могут быть восприняты нашей социальной психологией. Здесь мы не говорим о методических и технических до-

стижениях (гл. II), которые могут быть с успехом использованы в исследованиях социальной психологии малых групп. Речь идет о тех ценных положениях, законах, существенных зависимостях, которые раскрыты в социально-психологических явлениях малых групп.

Заслуживает самого пристального внимания идея о диагностике и предсказании социально-психологического поведения малых групп, что возможно при углубленном анализе разнообразных факторов. По мнению Роберта Бейлса, прогнозирование должно строиться на анализе следующих факторов: «...это степень, в которой представление о содержании задачи соответствует или отклоняется от групповых норм; отношение субъекта к групповым нормам; идентификация субъекта с тем, „кто“ утверждает содержание, и „кем“ в психологическом смысле является он сам; его отношение к действующим лицам в этом репертуаре ролей...» и т. д. Словом, социально-психологическое предсказание поведения группы возможно только при тщательном анализе (диагностике) внутренних психологических взаимоотношений и особенностей самих участников, на основе их отношения к решаемым общим и групповым задачам. Здесь для нас пока важна сама идея, сам принцип возможности и необходимости диагностики и прогнозирования поведения групп.

Большинство исследователей ставят перед собой подобные задачи. В этом направлении особый интерес представляют работы по структуре групп, по принципам их организации в зависимости от решения тех или иных задач. Так, например, Г. Хизи Г. Миллер в работе о влиянии коммуникаций на успешность решения групповых проблем показывают, что трое испытуемых решают успешно разные задачи при разных типах коммуникаций. Для составления листа из 25 слов, пары которых в случайном порядке были написаны

на карточках разных испытуемых, лучше связь и хуже .

Для составления предложения, 1/3 слов которого в случайном порядке была на карточке у каждого испытуемого, лучше тип связи

. А для анаграмм (перестановка букв в слове) характер связи между тремя испытуемыми не играет существенной роли (Small Groups, 1962, р. 353–367). Следовательно, успешность решения той или иной задачи можно экспериментально выявлять и прогнозировать.

вать. Для решения различных задач требуется либо различная, либо сходная структура.

Поиски наилучшей структуры группы, формализация и количественное выражение структурных элементов в виде разных моделей представляются исключительно прогрессивным явлением. Разработана хорошая система определения лидера в неформальной группе. Для этого с успехом применяется социометрия (Морено, 1958), метод парных сравнений и т. д. Согласно экспериментам Р. Бейлса, лидером является тот член группы, через которого идет больше всего информации. Ведутся усиленные поиски оптимальной структуры групп для решения тех или иных задач (см. опыты Р. Бейлса). Постепенно теория графов проникает в анализ структуры и связи элементов в группе (Белых, Беляев, 1966). Граф – это любое собрание точек, объединенных линиями, например:

За точки, вершины графа можно принимать предметы, города, индивидов, их черты характера и т. д. За линии следует принимать связи предметов, городов, индивидов и т. п. Этот путь формализации, математизации и моделирования явлений в малой группе вполне реален и весьма перспективен.

Так, например, социометрическую социограмму, которая отражает действительные, реальные связи между индивидами в группе I, можно представить как своеобразный граф, выражающий уровень отношений в группе. По теории графов в группе можно найти критические пути – наиболее оптимальные, существенные связи, которые цементируют, определяют лицо той или иной группы.

Дж. Боссард предлагает количество связей в малых группах определять по формуле $(n^2 - n)/2$, где n – число лиц в группе. Однако акцент на структуру, формализацию групп не снимает вопроса об особенностях их динамики. Правда, в проблеме динамики теория графов, формализация в зарубежной социальной психологии еще не имеет заметных успехов.

Центром изучения динамики групп является теория групповой атмосферы. В работе «Экспериментальный подход к изучению

автократии и демократии...» (Small Groups, p. 516–526) авторы высказывают мнение, что лучше изучать экспериментальные группы в естественных условиях. В этом случае факторы, которые влияют на групповую жизнь, не будут оставлены на волю случая, а окажутся в руках экспериментатора. Главная цель К. Левина и Р. Липпитта — развить технику для исследования «демократии» и «автократии» как групповых атмосфер. Были созданы две экспериментальные группы детей 11–12 лет для изготовления театральных масок. В обеих группах был один и тот же экспериментатор.

В одной группе он создавал «автократическую» атмосферу (все решает руководитель-экспериментатор, техника изготовления диктуется авторитарно один раз, лидер определяет, кому и с кем работать и т. д.). В другой — «демократическую» атмосферу (совместные, согласованные действия и дискуссии исполнителей с руководителем). В результате: в «автократической» атмосфере наблюдалась напряженность, низкая продуктивность; в «демократической» — выше продуктивность, дружная работа.

Безусловно, характер групповой атмосферы существенно влияет на деятельность группы, на уровень взаимоотношений в ней. Однако сама групповая атмосфера зависит от задач, которые решает группа (военная или мирная обстановка и т. п.). Кроме того, особенностей динамики и групповых атмосфер значительно больше. К. Левин и Р. Липпитт вводят еще атмосферу *laissez-faire* (анархии). Дж. Морено дополняет эти три типа социометрической атмосферой, которая заключается в наиболее оптимальном удовлетворении желаний членов группы на основе их взаимных выборов. Существенным недостатком групповой атмосферы является и сама «терминология», которая выражает скорее политические явления, а не социально-психологические.

Существенное значение в классификации групп имеют идеи о первичных и вторичных группах, или о неофициальной, неформальной и официальной, формальной группах. Следует отметить, что природа и особенности первичной, неофициальной и неформальной групп одни и те же. Это либо связь людей по критерию родства, либо связь обусловлена длительностью совместного проживания (село), или близостью друзей и приятелей. Короче, это интимные, тесные связи и взаимоотношения.

Вторичные, официальные, формальные группы — это институциональные, как они определяются в учреждении, на предприятии,

в политической партии и профсоюзе. Первый, кто подразделил таким образом группы, был Ч. Кули (начало XX в.).

В дальнейшем было много различных положений относительно природы и классификации первичных групп, их соотношения с официальными группами.

Для Ч. Кули первичная группа — это тесный взаимный конфликт «лицом к лицу», интимные связи и взаимодействия, это основа формирования свойств личности (Parsons, 1961, р. 315—316). По Е. Шилзу, существует три рода первичных групп: 1) первоначальные группы прочные, долголетние объединения (сельская, ремесленная семья); 2) личные группы (приятели, друзья по симпатиям); 3) идеологические группы (имеют общие ценности) (Shiels, 1957).

Р. Фэрис на II конференции по социальной психологии в Оклахомском университете в 1952 г. все группы подразделил на два типа: 1) первичные — общие и доброжелательные чувства, спонтанные; 2) институциональные, официальные, которые отражают характер самого учреждения.

В этой же системе взглядов находятся идеи Дж. Морено (1958) и его многочисленных последователей. Микрогруппа — это внутренняя, интимная связь, основанная на чувствах симпатии и антипатии. Это первичная и основная группа. Макрогруппа — это пространственное расположение членов группы в том или ином учреждении, предприятии, воинской части, которое определяется задачами.

Мы сейчас не говорим о природе, источниках возникновения первичной и вторичной групп, так как в этих вопросах у западных ученых много идеализма, стремления все объяснить исходя из психологии и социальной психологии людей. Однако сама идея о существовании таких групп плодотворна, перспективна, отражает в какой-то мере действительно существующую картину. Природу социальной психологии группы невозможно понять без проникновения в глубокий интимный механизм взаимоотношений людей, в неформальные, неофициальные, первичные группы, по каналам которых идет очень большая человеческая информация.

Существенные данные получены зарубежными и нашими социальными психологами относительно изменения психических явлений, когда люди вступают в контакт с группой.

Так, В. Мёде еще на заре научной социальной психологии проводил различные экспериментальные исследования ощущений и других психических процессов сначала над одним испытуемым, потом

объединяя их по два, по три и т. д. Пределом группы было 8 участников (Moede, 1920).

В экспериментальной обстановке он наблюдал, как изменяется звукоразличение, как реагируют на болевые раздражения, каково подражание. Выводы Мёде требуют проверки. Выводы таковы: восприимчивость к шумам в группе падает на 29%, способность выносить боль повышается в условиях соревнования. У разных людей восприимчивость к группе различна: положительная, нейтральная, отрицательная. Люди с положительной восприимчивостью улучшают показатели в группе, с отрицательной — уменьшают, с нейтральной — изменения незначительные.

Ф. Олпорт в аналогичных экспериментальных условиях наблюдал за тем, как испытуемые различают запахи — от скверных до благоухающих, точно так же сравниваются тяжести. По мнению Ф. Олпорта, группы смягчают крайности показателей, действуют умеряющим образом (Allport, 1924).

Значительный интерес к экспериментальному изучению изменений в группах таких психических явлений, как внимание, ассоциации, мышление, уделили Ф. Олпорт и В. Мёде. Их эксперименты заключались в том, что при исследовании внимания испытуемым предлагалось зачеркивать буквы или разобраться в перспективном рисунке с двойным изображением. В опытах по ассоциативной методике испытуемые в ответ на слово-раздражитель должны были записать в течение трех секунд три или четыре слова, пришедшие в голову. Мышление изучалось посредством примеров на умножение или опровержение избранных отрывков текстов древних философов. Эти опыты Ф. Олпорт проводил со студентами сначала в изолированных условиях (в отдельных комнатах), затем в группе (в общей комнате). Ф. Олпорт наблюдал следующие изменения в условиях групп: примерно 70% испытуемых при совместной работе выполняют больше заданий, чем в одиночку, но точность была различной у разных испытуемых (опыт на вычеркивание букв). Примерно то же отмечал В. Мёде в своих экспериментах. Оказалось, что в изолированных условиях было больше личных и эгоцентрических ассоциаций, чем в групповой обстановке. Значит, группа, по Ф. Олпорту, может влиять на содержание и направление ассоциаций. Эти изменения подтверждаются и сравнительно недавними данными: Монтмолин в 1952 г. изучил 20 групп по 3 человека, которые заучивали равные списки бессмысленных слов индивидуально и в группе.

Групповой результат был лучше (Handbook of Social Psychology, vol. II, p. 741).

Особенно сильно изменяется эмоциональная сфера в условиях различных групп, коллективов. Не случайно многие социальные психологи природу социальных явлений выводят из эмоций. Из современных зарубежных психологов такой точки зрения придерживается Дж. Морено.

Чувства, настроения наиболее подвижны, наиболее податливы к изменениям в условиях различных групп, поэтому учитывать настроение, чувства групп, правильно их формировать — это важные задачи, которыми должна заниматься социальная психология.

Безусловно, можно считать доказанным, что происходят существенные изменения всех психических явлений в зависимости от того, протекают они в изолированной обстановке или в условиях группы. Большое внимание социальные психологи уделяют положению лидера в той или иной группе. Лидер группы больше связан с лидерами других близких групп, чем со своими последователями в своей группе (Аренсборд, 1949; Хоуменс, 1950; Handbook of Social Psychology, vol. II, p. 797). Лидер — это центр группы, фокус группы, центр информации, «звезда». Он больше влияет на членов группы, чем они на него. Лидер — это тот, кто способствует прогрессу группы, решению ее проблем. Лидер — энергичный, представительный, самоуверенный, более социомобильный, инициативный, более экстравертированный (с установкой на других). Лидер может быть «авторитарным» и «демократическим» и т. п. (ibid., p. 880–909). Все эти характеристики лидера в известной степени верно выражают его социально-психологические особенности и его место во взаимоотношениях в группе.

Много ценной информации о лидере содержится в ряде зависимостей, корреляций, которые раскрыты при изучении психологии группы. Г. Грин (1948) установил коэффициент корреляции, равный 0,74, между точностью оценки собственного руководства и способностью суждения о руководстве других (ibid., p. 643). Х. Вуд выявил корреляцию между рангом личности в группе и ее способностью предсказывать мнение группы (ibid., p. 645). У. Бронфенбреннер (1944) определил, что ранг личности в группе по одному критерию коррелирует с его рангом по другому критерию (ibid., p. 792).

Важно отметить, что чем примитивнее структура группы, тем больше она определяется окружающей средой, внешней необходи-

мостью. Этот вывод подтверждается и нашими данными о высоком уровне взаимоотношений в производственных коллективах и их значении. Особенности группы опосредуют социально-психологические явления.

Подчеркивается острая необходимость связи людей друг с другом. Моральное одиночество очень тягостно для человека. Оно часто приводит к различным психическим расстройствам. Это очевидный факт, который подтверждается и зарубежными, и нашими данными (Социология сегодня, 1965, с. 281).

Обсуждается вопрос о количественных границах малой группы. Наиболее основательную градацию неоформленных, первичных групп, связанных интимно и устойчиво между собой, дает Дж. Джеймс (см.: Беккер, Босков, 1961, с. 350). Обследовав вместе с сотрудниками 9129 неофициальных групп, он установил, что группы, состоящие из 2, 3, 4, 5 и 6—7 человек, встречаются соответственно в 71, 21, 6, 1, 5 и меньше 1% случаев. Неофициальные группы в большинстве случаев входят в официальные группы, которые выполняют ограниченные цели (работа, учеба, служба и т. д.). В этом случае рамки малой группы расширяются, но примерно до 20 человек. Малая группа, таким образом, в зарубежной социальной психологии имеет размеры от 2 до 20 человек и включает в себя неформальную, а часто и формальную структуру связи.

Правда, вопрос о границах неформальной группы решен более твердо. Неформальная интимная группа не превышает 8—10 человек, а наиболее близкие отношения устанавливаются между 2—5 участниками. Причем срок установления неформальных групп, в которые люди вступают легче или труднее, колеблется от 4 недель до 4 месяцев (Социология сегодня, 1965, с. 316) и становится более или менее устойчивым и стабильным.

Что же касается общей количественной границы группы, то здесь нет единой и твердой точки зрения. Здесь границы группы определяются возможностью тесного взаимодействия в официальном и неофициальном смысле, возможностью воспринять и вспомнить друг друга, возможностью непосредственного контакта лицом к лицу, общим ощущением (Small Groups, p. 127—132, 424—457) и т. п. В итоге количественная граница малой группы условна, возможна и свыше 20 человек в случае непосредственного контакта, взаимодействия и взаимовлияния. Чтобы сделать эту границу более ощутимой для читателя, мы приведем установившийся в нашей литературе тер-

мин «первичный коллектив». Наш первичный коллектив и является, очевидно, по смыслу количественной границей малой группы, включающей в себя формальную и неформальную стороны. Наш первичный коллектив — это учебный класс, производственная бригада, воинское подразделение, семья и т. п., он составляет количественные границы малой группы. При значительном интересе к неформальной структуре группы, к психологической группе на Западе дебатировался вопрос о соотношении официального и неофициального. Большинство исследователей считают, что важным является официальная и неофициальная сторона группы (это верная точка зрения), другие делают крен на приоритет неофициального в жизни групп, третьи считают, что неофициальное нужно изгнать из учреждений и общественных организаций.

Большое значение придается группе, ее нормам в определении поведения членов группы (Sherif, 1936). Содержание и цели действия индивида определяются нормами главной для него группы. Группы развивают нормы. Индивидуальные различия в восприятии, установках, заявлениях в группе уменьшаются с течением времени. Большинство членов группы вырабатывают какую-то групповую норму посредством взаимодействия, дискуссий, знакомства с суждениями друг друга. В дальнейшем группы все больше оказывают влияние на индивида. Правда, это зависит от отношения индивида к группе, от ее положения в группе, от его конформизма. Однако какая-то степень конформизма присуща всем людям. Степень влияния группы зависит от ее привлекательности, престижа, от степени общения членов группы. Сплоченность увеличивает влияние группы. Влияние группы увеличивается особенно там, где существует неравный статус взаимодействующих лиц: пациент и врач, учитель и ученик. Большая частота взаимодействия между членами группы и видами деятельности ведет к большей общности и ясности норм (Беккер, Босков, с. 373—375).

По определению Э. Фромма, основными потребностями человека являются потребности в связи с другими и потребность в свободе и автономии (см.: Социология сегодня, 1965, с. 281). Человек будет искать связи, общения с группой и подчиняться ее целям, искать согласия с другими. Каждый из нас выберет для себя основную группу, нормы которой наиболее созвучны его личным установкам.

Существенное влияние на особенности поведения группы оказывает количество ее членов. По мнению Р. Бейлса, характер дискус-

сии и результат решения резко изменяются в группе, которая становится больше 5 человек.

А. Хэр, изучая поведение группы бойскаутов, установил: 1) большие группы имеют меньше согласия, труднее меняют свои решения, чем меньшие; 2) лидер в больших группах имеет меньше влияния на членов, чем в меньших группах; 3) большие группы распадаются на меньшие (American Social Review, 1952, р. 261–267). Конечно, эти данные имеют ограниченное и конкретное значение, но факт изменений в зависимости от различного количества членов группы является бесспорным.

Г. Хоуменс связывает поведение группы и ее членов с углубленным анализом основных переменных групп (Homans, 1950), к которым он относит: структуру группы, условия среды, задания и задачи группы. По мнению Г. Хоуменса, изменяя переменные, мы управляем группой, делаем ее динамичной. Без учета и овладения группой мы не добьемся эффективного воспитания, не будет иметь успеха пропаганда. Сама группа как сложная система, по мнению Г. Хоменса, включает сложный квартал переменных: а) активности — особенности поведения группы; б) сентимент — словесное или выразительное взаимодействие установок и чувств у членов группы друг к другу; в) интеллектуальное взаимодействие, г) норма — положение, принятое большинством. Группа — это организованная система в определенной среде. Управлять группой можно только через все переменные: среду, структуру и задания группы.

Большое значение для развития зарубежной социальной психологии, ее престижа и признания имели исследования социальной психологии групп на производстве. Создателем социальной психологии промышленности является Элтон Мэйо. Свои первые работы в «Общей электрической компании» он начал еще в 1924 г. и продолжал их до 1932 г. Работу начал на основе принципов системы Тейлора. Основными факторами повышения производительности труда, по Тейлору, являются: 1) правильная организация движений; 2) вопросы усталости; 3) окружающие физические условия (свет, влажность и пр.). Э. Мэйо для одной из групп рабочих изменил освещенность, чтобы повысить производительность труда. Результат оказался несколько неожиданным, так как производительность труда поднялась и в опытной группе, и в контрольной, где освещение оставалось прежним. На основании этих и повторных опытов, в результате которых повышалась производительность труда, Э. Мэйо

сделал ряд важных заключений: 1) доброжелательное и внимательное отношение к рабочим — основная причина повышения производительности, 2) зарплата имеет значение не сама по себе, а в отношении со статусом рабочего (плохо, когда рабочему с более высоким статусом платят меньше, чем с низким); 3) разнообразие в работе, самостоятельность и активность рабочих — важное условие удовлетворенности работой. Особенно большого внимания заслуживает открытие Э. Мэйо неформальной и формальной групп на производстве. Неформальная группа может повышать и понижать производительность. В большинстве случаев лидер неформальной и руководитель формальной группы — разные люди (Mayo, 1933).

Большое внимание неформальной группе уделяют Дж. Морено и его последователи при изучении самых разнообразных групп, в том числе и промышленных. Сам Дж. Морено изучал группу девушек-прачек, которые ссорились между собой и производительность труда которых была низка (Moreno, 1934). Исходя из своих принципов и техники социометрии, Дж. Морено разобрался в микроструктуре группы: кто кому симпатизирует, у кого есть взаимные антипатии. На основе матрицы микрогруппы была изменена макрогруппа таким образом, чтобы на одних операциях ближе стояли уважающие друг друга работницы. Ссоры прекратились, производительность труда поднялась. Подобным исследованиям Дж. Морено придавал универсальное значение, считая, что налаживание человеческих отношений, преобразование формальных групп на основе глубинных отношений, т. е. отношений в неформальной группе, — вот подлинный путь гуманизации отношений людей и повышения производительности труда.

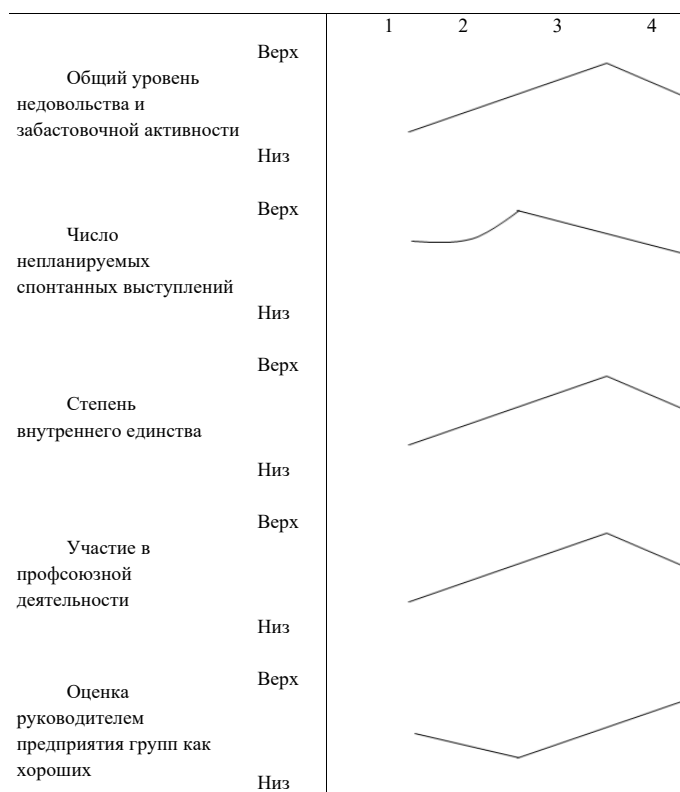
Многие отмечали большую роль неформального лидера в рабочих группах, который направляет работу, привлекает группу на свою сторону, влияет на отношения предпринимателя и рабочих (Handbook of Social Psychology, vol. II, p. 1104–1124).

Отмечается большое влияние рабочих друг на друга. На храбрость солдат и на труд рабочего мнение непосредственных товарищей оказывает большее влияние, чем мнение лиц, более отдаленных (Беккер, Бесков, 1961). Сплоченность рабочих повышает производительность в зависимости от ее (сплоченности) направленности. По мнению Э. Жака, рабочие должны играть более ответственную роль на предприятии. Должны быть обеспечены взаимные консультации при конфликтах рабочих с предпринимателями (там же, с. 701).

Француз П. Жардилье отмечает, что производительность труда в наше время все в большей мере определяется прогрессом коммуникаций, взаимной информацией, а не изучением и развитием рабочих движений (Jardillier, 1964).

Широкое исследование групп промышленных рабочих провел в США Л. Сейлс в 1954–1959 гг. При помощи метода интервью он опросил 300 рабочих групп 30 фирм (Sayles, 1958). По мнению Л. Сейлса, поведение рабочих групп зависит от характера самой группы, от способностей лидера по линии производства (мастер, менеджер) и профсоюзов.

Л. Сейлс приводит классификацию рабочих групп в соотношении с их поведением. Это выражено в следующей схеме (особенности групп: 1 – апатичная; 2 – неустойчивая; 3 – стратегическая; 4 – консервативная):

Здесь нас интересует не сама конкретная классификация разного характера групп и сведение их к четырем. Безусловно, типов рабочих групп значительно больше, однако сама по себе попытка классификации различных типов групп и в связи с этим различный характер их поведения заслуживают самого пристального внимания. Именно тип и структура группы оказывают существенное влияние на поведение, на социальную психологию группы. Заслуживает внимания идея Л. Сейлса о динамичности, изменчивости групп в различное время. Схематически эти изменения выглядят так:

Изменение характера группы за непродолжительное время	Причины изменений
Неустойчивая — апатичная	Неизвестны
Апатичная — неустойчивая	
Консервативная — стратегическая	Ухудшение положения группы
<i>Через длительные промежутки времени</i>	
Стратегическая — апатичная	Потеря критического отношения к производству
Стратегическая — консервативная	Непрерывное улучшение положения на предприятии

Здесь нам тоже не важна конкретная картина и причины изменения рабочих групп, но плодотворна сама идея о взаимопереходах, изменениях характера и типа групп во времени и анализ причин этих изменений.

Большой вклад в социальную психологию производства вносит Д. Браун (Brown, 1963).

Прежде всего Д. Браун детализирует вопрос о формальной и неформальной группах применительно к производству.

Формальная группа — это группа, созданная для выполнения какой-либо работы. Общность этой группы опирается на чисто производственные критерии. Формальная организация групп сама имеет несколько структур, несколько планов:

1. Иерархическая структура отношений подчинения. В этой структуре информация поступает вверх, а команды — вниз.
2. Функциональная структурная организация по характеру производительных работ (штамповка — сборка — паковка и т. п.).

3. Структура отношений с инженерно-техническим персоналом (ibid.).

В формальных структурах организации групп могут быть разного рода нарушения коммуникации в результате: аритмии различных этапов производства, неправильного расположения и использования специалистов, пространственно-временных трудностей в связи.

Кроме формальной структуры и организации групп, для решения производственных задач большую роль в трудовой деятельности играют неформальные группы. Если объединение формальной группы осуществляется для ограниченной, узкой цели (производство, общественная работа), то неформальная группа — сама для себя и цель, и задача. Люди в неформальной организации объединяются по психологической близости, общности многих интересов. Например, неформальные группы часто объединяются как квалифицированные и полуквалифицированные рабочие, женатые мужчины, пожилые женщины, пенсионеры или просто как симпатизирующие друг другу люди. Неформальные группы часто можно обнаружить по ряду признаков: сходство в одежде, совместное курение, общие раздевалки и умывальники, обед за одним столом, совместные вечеринки, шутки и разговоры в кругу определенных людей.

Наиболее близкие друзья в неформальных группах — это 2–3 человека. Но неформальная группа часто доходит до 8–10 человек. Большему количеству неформальной группы препятствуют трудности постоянного общения. При наличии неформальной группы больше 8–10 человек наблюдается разделение на подгруппы, связь между которыми поддерживается через определенных людей. Эти связные на переходах групп играют огромную роль в неформальной структуре, они образуют «нервную систему» групп.

Таким образом, неформальная структура организаций, групп существует внутри формальной структуры, пронизывает всю ее группами, сетями групп либо изолированными индивидами. Эти неформальные группы и их сети могут организовывать клики, толпу, охватывать весь завод. Не считаться с неформальной группой на производстве невозможно. Совершенно бесполезно пытаться изменить человека через него самого. Наиболее мощный рычаг воздействия на человека через группу. Болезненно разрушение неформальных групп. Если они не благоприятствуют работе, лучше изменить их направленность. Индивидуальное исследование индивида не раскроет

неформальной группы. Необходимо изучать взаимоотношения рабочих, используя наблюдение, социометрию, интервью. Неформальная группа обычно добивается от своих членов вполне определенного поведения, вырабатывает общую систему отношения к администрации. Невозможно изменить отношения через индивида. Групповая дискуссия, активное участие в ней членов группы — наиболее надежный способ изменения отношений. Было замечено, что низкая производительность и большая текучесть наблюдаются среди рабочих, которые не смогли стать членами неформальных групп. Большое значение придается созданию благоприятной общей психологической атмосферы взаимоотношений, что, по многим данным, дает существенные сдвиги в подъеме производительности труда.

Обращается серьезное внимание на качества лидера и руководителя производства. Так, бригадир или формальный лидер с высокой производительностью находится под меньшим надзором со стороны своего начальства, менее делает упор на производительность как главную цель, поощряет общение рабочих и обсуждает с ними производственные вопросы, больше времени тратит на руководство, чем непосредственно на работу, более внимателен к рабочим, более самоуверен, понимает свое положение по отношению к фирме в целом.

Неформальный лидер редко совпадает с формальным. Любой лидер превосходит членов в каком-либо отношении, особенно в решении данных задач. Лучше тип лидера — демократический и худший — автократический и анархический.

Учитывая большую роль неформального лидера, как и неформальной группы, необходимо использовать его влияние при решении и производственных задач.

Мы видим, что в зарубежной социальной психологии групп придается огромное значение принципу организации групп по формальной и неформальной структуре. Причем в большинстве работ как общей, так и производственной социальной психологии явно отдается предпочтение неформальным психологическим группам. Формальная структура часто выступает как внешняя, чуждая сила по отношению к неформальной группе. Однако в большинстве работ признается необходимость сближения формальной и неформальной групп как универсального ключа, разрешающего все конфликты капиталистического общества. Понятно, что это не реально. Однако в частных случаях, опираясь на познание и использование

неформальных групп, на Западе удастся снять остроту конфликта, сгладить резкие противоречия неформальных групп с формальной организацией, предотвратить забастовки.

Если в условиях антагонистических противоречий сближение неформальной и формальной групп является утопией в конечном счете, то в условиях нашего общественного строя сближение и органический синтез этих групп вполне возможен.

§ 6. Социально-психологические исследования групп и коллективов в СССР

Из истории исследований групп и коллективов

Социально-психологические исследования групп и коллективов в нашей стране были развернуты уже в 1920—1930-е годы. Уже в первых исследованиях наметились общая классификация групп и коллективов и методические приемы исследования социально-психологических явлений. Развернутую классификацию коллективов по механистической основе дали представители рефлексологии: В. М. Бехтерев (1921), А. С. Залужный (1930—1931), Б. В. Беляев (1929). Собственно коллектив они характеризовали через единство и взаимодействие, общность рецепции и реагирования. Коллектив, связанный общим настроением, есть толпа. Коллектив, связанный общим наблюдением и сосредоточением, есть театр, концерт, зрелище. Наконец, коллектив, связанный общим суждением, характеризует совет, съезд и т. п. Б. В. Беляев определил группу как множество индивидов, которые влияют друг на друга. Как можно видеть, все эти определения еще довольно неопределенные и слишком общие.

Заслуживают большого внимания конкретные исследования социально-психологических явлений групп, проведенные в 1920-х годах. В. М. Бехтерев в экспериментах на группах студентов наблюдал изменения восприятия (оценка временного интервала), ассоциации памяти, воображения, мышления, поведения. Групповые эксперименты заключались в следующем: показ серии картинок на 10 секунд (паровоз, животные, люди); счет двузначных чисел, предложения по проекту памятника Н. А. Некрасову, оценка временного интервала. Этапы опыта: после показа картинок сначала предлагалось воспроизвести детали паровоза, животных (память), далее установить сходство и различие деталей на картинках (мышление), затем

выразить свое отношение к сюжету картинки, на которой мальчик ворует яблоки, а сторож бьет его (чувства, оценка поведения других), подводились результаты умножений чисел (мышление), собирались предложения по проекту памятника (творческое воображение).

Каждый испытуемый в группе заполнял свои листки в соответствии с тем, что он запомнил, как установил сходство и различие, как оценил поведение и т. д. После этого проходило обсуждение всех серий опыта и проводилось голосование. Затем членам групп предлагалось записать свои показания на новых листках. Результаты первых и вторых показателей членов групп соотносились.

Таким образом, В. М. Бехтерев установил значение группы: в группе улучшаются результаты всех членов, повышается эффективность памяти, мышления, творческого воображения, смягчается отношение к проступкам. Он определил значение образования и половых различий для групповой деятельности.

В изучение групп и коллективов ценные методические приемы и принципы обработки материала ввел А. С. Залужный (1931). Под его влиянием разрабатываются подробные схемы изучения экзогенных (среда) и эндогенных (внутренних) факторов коллективов (Кауфман, Волянский, 1934; Фортунатов, 1926). В работах А. С. Залужного, Г. А. Фортунатова даются разнообразные схемы наблюдений, различных опросов главным образом детских коллективов. Следует вообще отметить, что к концу 1920—началу 1930-х годов изучение коллективов смещается на детей. В эти годы продвижению исследований и области коллектива мы обязаны главным образом представителям педагогической науки. Подлинным новатором в изучении и практическом создании коллективов выступает в эти годы Л. С. Макаренко. Как в теории (учение о коллективе), так и в практике он внес много ценного.

А. С. Макаренко дал новую классификацию коллективов:

1. Первичный коллектив — члены его находятся в постоянном деловом, дружеском, бытовом и идеологическом объединении (отряд, класс, семья). Первичный коллектив — звено связи между личностью и вторичным коллективом (школа, предприятие). Первичный коллектив — основа прикосновения к личности. Коллектив — это целеустремленный комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива.
2. Вторичный, или более широкий, коллектив — это школа, предприятие, совхоз, воинская часть. В нем цели, отношения и взаимоотно-

ношения вытекают не из простого общения, приятельских и групповых связей, а из более глубокого социального синтеза, из задач народного хозяйства, из наших социалистических принципов.

Большое значение в жизни и развитии коллектива А. С. Макаренко придавал различным целям (ближние, средние, более отдаленные), мажорному тону в жизни коллектива, этапам его развития. Педагогика коллектива А. С. Макаренко — это богатый источник для социально-психологических исследований групп и коллективов.

После А. С. Макаренко проблема коллектива развивалась в педагогическом направлении в трудах В. А. Сухомлинского, Т. Е. Конниковой, А. Л. Шнирман и др. Названные авторы развивают дальше идеи А. С. Макаренко о значении коллектива в жизни школы, о соотношении ученического и педагогического, школьного и семейного коллективов, о соотношении личности и коллектива, о развитии различных взаимоотношений в школьных коллективах. Правда, перечисленные исследования опирались лишь на анализ и обобщения положительного опыта работы с коллективами, исходили из основных положений А. С. Макаренко о коллективе.

Социальная психология групп и коллективов, которая развивается в наше время, несомненно, возьмет все то ценное, что накопила педагогическая мысль в изучении коллектива. Идея о первичном и вторичном коллективе, о значении целей в жизни коллективов, об этапах развития коллективов, о коллективных отношениях как центре воздействия на индивида, о связи личности с общественным целым через правильно организованный коллектив — все эти идеи обогащают социальную психологию коллективов.

В 1960-е годы в нашей стране были развернуты научные социально-психологические исследования групп и коллективов и в педагогике, и в социальной психологии. Интересные исследования на ученических группах и коллективах проведены Я. Л. Коломинским (1963) и А. Б. Ценципером (1965). Эти авторы на современном научном уровне проникают в тонкую интимную структуру ученических групп, дают учителям надежный инструмент работы не только с классом в целом, но и с отдельными неформальными группировками. В последнее время появляются работы, в которых раскрываются социально-психологические особенности производственных коллективов. Это исследования группы К. К. Платонова (Личность и труд, 1965); это работы, проведенные под руководством Г. В. Осипова (Социология в СССР, т. I—II, 1965); В. И. Шубкина и др.

В перечисленных исследованиях подчеркивается роль производственных коллективов, в формировании отношения к труду большое значение придается взаимоотношениям в коллективе и между коллективами, в повышении эффективности трудовой и воспитательной деятельности. В этих исследованиях выявляется разный уровень группового сознания и групповой ориентации коллективов. Перечисленные исследования закладывают основы научной социальной психологии производственных коллективов.

Общее направление исследований производственных коллективов в лаборатории социальной психологии ЛГУ

Группа ленинградских социальных психологов, понимая важность проблем, которые связаны с изучением производственных коллективов, провела ряд исследований различных групп молодых рабочих и учащихся профессионально-технических училищ. Сначала углубленно изучалось несколько производственных бригад в течение продолжительного времени с использованием разнообразных методик. Было необходимо разобраться в том, как характер и уровень различных взаимоотношений в производственных бригадах влияют на уровень производительности труда, на дисциплину, инициативу, на воспитание членов коллектива.

Результаты этого исследования, в котором просвечивалась реальная и сильная тенденция прямой зависимости высокого уровня отношений от достижений производственных коллективов, побудили расширить рамки исследования с тем, чтобы охватить больше производственных бригад в целях большей статистической достоверности выводов. С этой целью было проведено два новых исследования, в которых с различных сторон изучались те же соотношения между уровнем отношений в производственных бригадах и эффективностью их деятельности. В одном из этих исследований изучались 19 бригад на Металлическом заводе им. XXII съезда КПСС, в другом обследовался широкий круг рабочих (787 человек) на разных предприятиях Ленинграда.

В настоящее время развертываются исследования эффективной работы производственных групп как в естественных, заводских условиях, так и в лабораторной, экспериментальной ситуации. Появилась необходимость в исследовании формирования взаимоотношений в системе подготовки рабочих кадров в ПТУ.

Сравнительное исследование нескольких бригад коммунистического труда

В качестве объекта первого исследования была выбрана бригада коммунистического труда (руководитель — И. Д.) на одном из заводов радиопромышленности в Ленинграде. В исследовании применялись следующие методы: наблюдение, изучение продуктов деятельности, документации, печатных материалов, социометрия, беседы, анкеты.

Изученный коллектив — бригада предварительной сборки штампов на заводе. Она оформилась как бригада коммунистического труда в ноябре 1958 г. В бригаде 13 человек. Средний возраст — 20,7 лет. Колебание возраста — от 31 до 15 лет. Средний образовательный ценз — 9,8 класса. Колебание образования от 6 классов до высшего образования. Средняя квалификация — 1,7 разряда плюс 3 ученика. Колебание квалификации от 4-го до 1-го разряда. Партийность: членов КПСС — 1, кандидатов в члены КПСС — 1, членов ВЛКСМ — 12, беспартийных — 5. Совмещают работу с учебой 85% членов бригады. Не учатся 15%. Отношение квалифицированных рабочих к ученикам 84:16.

С начала существования бригада пошла по пути разработки и развития коллективных форм работы и жизни. От индивидуальных комплексных планов ее члены перешли к созданию единого бригадного комплексного плана. Это привело к коренным изменениям как в усовершенствовании производственного процесса, так и в психологии членов бригады. Переход от индивидуальной к коллективной работе привел к ряду усовершенствований производственного процесса, повысилось качество выпускаемой продукции, что позволило работать бригаде без ОТК; существенно возросла производительность труда. В сравнении с индивидуальной работой в бригаде стали выпускать продукцию более чем на 50% больше. Сократился срок выпуска штампов цехом с 2—3 недель до 6—9 дней, снизилась себестоимость штампа на 13 рублей.

В бригаде решили работать на один наряд, а зарплату делить по разрядам. Постепенно складывались и входили в жизнь новые традиции: ежемесячно из зарплаты выделялся общий фонд на культурные нужды (театр, музей, кино, поездки за город и т. д.), члены бригады отказались от труда уборщиц и перешли к самообслуживанию рабочих мест и помещения бригады, систематически собирают металлолом и участвуют в строительстве с переводом денег в комсомольскую копилку.

Бригада систематически борется за распространение движения коммунистических бригад в цехе и на заводе. Под их влиянием две бригады в цехе вступили в борьбу за это высокое звание.

Все ученики в бригаде участвуют во всех коллективных мероприятиях: работа, отдых, воскресники, самообслуживание, обсуждение комплексных планов и т.д., что сближает членов коллектива.

Отличительной особенностью бригады является то, что здесь обучение учеников носит не индивидуальный, как в других бригадах и цехах, а коллективный характер, поэтому освоение операций (развитие технических способностей) и вхождение в самостоятельный труд (формирование ответственного отношения к труду) проходит значительно быстрее, чем в других бригадах и цехах завода.

Для изучения внутренних, скрытых взаимоотношений в бригаде применялась социометрическая техника выявления симпатий и антипатий членов группы по отношению друг к другу.

С этой целью членам бригады был предложен вопросник, который включал следующие вопросы:

1. С кем бы вы желали работать вместе:
 - а) на операции (назовите фамилии),
 - б) в бригаде (назовите фамилии)?
2. С кем бы вы не хотели работать вместе?
 - а) на операции (назовите фамилии),
 - б) в бригаде (назовите фамилии)?
3. С кем бы вы хотели дружить в свободное от работы время:
 - а) отдыхать (назовите фамилии),
 - б) совместно учиться (назовите фамилии),
 - в) по-настоящему дружить (назовите фамилии)?

Шкала авторитета:

I место занял	Г. А. 10 (+), 2 (о) — слесарь.
II	И. Д. 9 (+), 3 (о) — бригадир.
III—IV	Е. С. 8 (+), 4 (о) — разметчик; А. А. 9 (+), 2 (о), 1 (—) — слесарь.
V—VI	Е. И. 6 (+), 6 (о), А. П. 6 (+), 6 (о) — ученики.
VII	П. Ф. 6 (+), 5 (о), 1 (—) — ученик.

Таблица 7

Социометрическая диагностика. Матрица с критерием работы

№ пп	Испытуемый	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	И.Д.		+	+	+	+	+	0	+	+	+	+	0	0
2	М.Д.	+		0	0	+	+	0	+	0	0	0	0	0
3	Е.С.	+	+		+	+	+	0	+	+	+	0	0	0
4	Н.П.	0	+	0		+	+	0	+	0	0	0	0	0
5	К.И.	0	+	0	0		+	+	+	0	0	0	0	0
6	А.М.	0	+	0	0	+		0	+	0	0	0	0	0
7	П.Н.	0	+	0	0	+	+		+	0	0	0	0	0
8	С.И.	0	+	0	0	+	+	0		0	0	0	0	0
9	Г.А.	+	+	+	0	+	+	0	+	0	+	+	+	+
10	Е.И.	0	+	0	0	+	+	0	+	0		+	+	+
11	А.П.	0	+	0	0	+	+	0	+	0	+		+	0
12	П.Ф.	0	+	–	0	+	+	0	+	0	+	+		0
13	А.А.	0	+	–	+	+	+	0	+	+	+	+	+	

Примечание: (+) – выбор, (0) – безразличие, (–) – отрицательное отношение; по вертикали – кого выбрал, отвергнул; по горизонтали – кто выбрал.

VIII, IX, X М.Д. 4 (+), 8 (о) – технорук; Н.П. 4 (+), 8 (о), П.Н. 4 (+), 8 (о) – слесари 3-го разряда.

XI К.И. 4 (+), 7 (о), 1 (–) – слесарь 3-го разряда.

XII, XIII С.И. 3 (+), 9 (о); А.М. 3 (+), 9 (о) – слесари 3-го разряда.

Итог матрицы по работе:

- наиболее авторитетны в бригаде И.Д., Г.А., Е.С., А.А.;
- наименее авторитетны К.И., С.И., А.М.;
- ученики Е.И., А.П., П.Ф., избрав себя взаимно, заняли средние места – V, VI и VII;
- неожиданно низкие места у М.Д., Н.П. – VIII, IX, X.

Распространение выборов и отрицаний: всего выборов – 76, безразличие – 77, отрицательные выборы – 3, что составляет около 2%.

Члены бригады в специальной инструкции были предупреждены, что их ответы останутся в тайне, что опыт может быть продуктивным только при условии искренних ответов. Данные социометрического опыта приведены в таблице 7.

Если учитывать только положительные выборы и отрицание, так как процент безразличий трудно установить и он не вытекает из опыта, то их соотношение таково: отрицание (антипатия) – 3,8%, а положительные выборы – 96,2%.

Таким образом, процент положительных выборов абсолютно преобладает.

Интересно отметить, что те, кто несерьезно отнесся к выборам и выбрал весь коллектив, тот сам занимает низкое положение в шкале авторитета; К. И., С. И., А. М. выбрали весь коллектив, а заняли XI, XII, XIII места, т. е. последние. Вероятно, выбор всего коллектива является для них формальной отпиской, маскировкой, за которыми скрывается безразличное, малоавторитетное положение в коллективе.

Матрица по критерию отдыха (О), учебы (У), дружбы (Д) дала следующие результаты:

1. Относительно высокие места в шкале авторитета во внерабочее время занимают те товарищи, которые по критерию работы стоят выше: И. Д.: О – V–IX, У – IV–VIII, Д – III–VII (работа – II место); Г. А.: О – I – IV, У – IX, Д – III–VII (ср.: работа – I место).
2. Высокое положение на шкале выборов во внерабочее время занимают все ученики школы № 38. Это естественно, так как они долго совместно отдыхали и обучались, поэтому и взаимно выбрали друг друга.
3. Низка шкала авторитета во внерабочее время у тех, у кого и на работе низкий авторитет.
4. Довольно высок процент выборов по критерию отдыха, учебы, дружбы за пределами бригады. Всего выборов – 112, из них 16 извне. Это составляет примерно 17%.
5. Особенно большой процент выборов по критерию дружбы. Всего выбрано 27 человек, из них за пределами бригады 7 человек. Это составляет примерно 26%.
6. Из соотношения таблиц по критерию работы и по критериям отдыха, учебы и дружбы можно сделать следующий вывод.

Отношения в сфере работы существенно не изменяются в сфере отдыха и учебы. Шкалы авторитета в основном аналогичны. Взаимные выборы чаще совпадают. На этом основании можно сделать общий вывод, что отношения в бригаде прочны, многосторонни, что в ней существует определенная глубина коллективных отношений. Эти взаимоотношения выявляются как по социометрическому

исследованию, так и по наблюдениям за жизнью и работой бригады. Это отношения взаимопомощи, солидарности, доброжелательности, взаимного обмена опытом в труде, учебе, общественной жизни. Интересы коллектива бригады стоят на первом месте в решении вопросов труда, общественной жизни. Эти же интересы доминируют и в выборе форм учебы, в организации коллективных форм отдыха.

Для сравнения уровня взаимоотношений и влияния его на уровень производственных показателей, общественную жизнь, учебу, на воспитание ценных качеств личности мы ориентировочно изучили ряд других бригад. Эти бригады по уровню взаимоотношений еще не могут участвовать в движении за коммунистический труд. Так, в бригаде П. К. принцип «один за всех, все за одного» еще не стал господствующим. Рабочая М. Д. часто заступалась за нарушителей дисциплины, выступала против увеличения интенсивности в работе. Когда же М. Д. понадобилось получить льготу от бригады, то большинство бригады не удовлетворило ее просьбу. Наличие противоречий в подходе к важным вопросам труда и учебы приводит к тому, что суточный график работы часто не выполняется, отсюда возникает штурмовщина к концу месяца. Совмещают работу с учебой только 10% членов бригады. Еще имеют место завалы в работе и возвращение продукции. Интересы коллектива еще не стали законом для членов коллектива. Воспитательное влияние взаимоотношений в коллективе незначительно: совмещает работу с учебой меньшинство, в общественной жизни члены бригады принимают слабое участие, обучение профессиям идет медленно. Аналогичные факты мы можем наблюдать и в других бригадах, где уровень взаимоотношений еще недостаточно высок и интересы коллектива еще не стали доминирующими для членов данных коллективов. В этих бригадах официальная и неофициальная стороны разобщены. За пределами завода и рабочего времени члены этих бригад не встречаются, не чувствуют близости друг к другу.

Из этого исследования мы видим, что бригады коммунистического труда характеризуются высшим уровнем взаимоотношений: доминирование интересов коллектива в решении производственных задач, в развитии общественных навыков поведения и выборе коллективных форм отдыха, в стимулировании культурно-технического роста членов коллектива, воспитании ценных качеств личности и способностей. Развитие взаимоотношений внутри бригады всегда

закономерно перерастает в активное вовлечение других коллективов и лиц в движение за коммунистический труд.

Без развития взаимоотношений внутри бригады до высшего уровня (взаимопомощь, единство целей, передача опыта труда, общественных навыков, учебы, доминирование во взаимоотношениях принципа «один за всех, все за одного») любой коллектив будет иметь упущения в работе, учебе, общественной жизни, в воспитании членов коллектива. Без подобных взаимоотношений коллектив не может получить высокое звание коллектива коммунистического труда.

Внутренние, психологические отношения (взаимное расположение, доброжелательность — неофициальные), производственные и общественные связи (официальные) в бригадах коммунистического труда всегда сближаются, совпадают. Бригада коммунистического труда развивается не через внутренние конфликты и противоречия, а через противоречия уже достигнутого уровня с необходимостью достижений все более сложных задач в труде, быту и учебе, во взаимном сближении. Высокий уровень взаимоотношений в бригаде коммунистического труда самым плодотворным образом влияет на высокие производственные показатели, на постоянное стимулирование культурно-технического роста членов бригады, на воспитание и развитие ценных качеств личности и ее способностей.

Под влиянием требований коллектива и высокого уровня взаимоотношений в коллективах коммунистического труда складывается ответственное и требовательное отношение к себе у членов бригады. Это ответственное и более требовательное и обязывающее отношение к себе мобилизует и концентрирует психологические резервы личности на решение более значимых жизненных задач: совершенствование производственных и общественных навыков и достижений, постоянное стремление к повышению идейно-теоретического и культурно-технического уровня.

Перечисленные обстоятельства являются основными условиями влияния характера взаимоотношений в коллективах на формирование и развитие ценных качеств личности. И наоборот, отсутствие должного уровня взаимоотношений в коллективах порождает различного рода недостатки, упущения в производстве и воспитании членов коллектива.

Продолжением этого исследования является работа, выполненная на базе Балтийского судостроительного завода им. С. Орджоникидзе нашим сотрудником А. Самойловым. Были изучены две

бригады: бригада сварщиков, которая является коллективом коммунистического труда, и бригада такелажников, которая не участвует в этом движении. В исследовании применялись разнообразные методы: наблюдение в значимых ситуациях, социометрия, анкеты, беседы.

Применение социометрического метода позволило определить степень общительности каждого члена изучаемых бригад, его популярность и авторитет среди других членов бригады, выяснить качественный характер авторитета, определить, признанием каких лиц он пользуется, а также дало возможность обнаружить взаимно и односторонне выбирающих по различным критериям лиц, наличие внутри этих коллективов подгрупп. Анализ этих данных в сочетании с показателями, полученными другими методами, позволил еще глубже разобраться в динамике внутриколлективных отношений.

Для социометрического исследования были использованы вопросы, которые включают 8 критериев:

1. С кем бы ты хотел провести вместе праздничный вечер, присутствовать на товарищеской вечеринке, отметить день рождения, свадьбу?
2. Кого бы ты хотел иметь соседом по комнате (квартире)?
3. С кем бы ты хотел работать на одной операции или над рационализаторским предложением?
4. С кем бы ты хотел работать в одной бригаде?
5. Кого бы ты хотел иметь соседом по общежитию (дому)?
6. С кем бы ты хотел заниматься в кружке, школе, техникуме или институте?
7. С кем бы ты хотел пойти вместе в кино, музей, театр, на концерт или обменяться мнениями по прочитанной книге?
8. С кем бы ты хотел заниматься в одной спортивной секции?

В результате обследования были получены следующие сводные данные, отраженные в матрицах (таблицы 8—9).

Итоги полученных социограмм показывают, что общительность, взаимность в бригаде сварщиков (бригада коммунистического труда) выше, чем в бригаде такелажников.

Хотя бригада коммунистического труда по составу меньше бригады такелажников, ее члены по всем критериям сделали 121 выбор. При этом члены своей бригады были выбраны 110 раз, а лица вне бригады — 11 раз. В бригаде такелажников эти показатели таковы: все-

го было сделано 92 выбора, из них 71 раз выбор пал на членов своей бригады, что на 41 выбор меньше, чем в бригаде коммунистического труда, и 21 раз на лиц, не входящих в состав бригады (т. е. вдвое больше, чем в бригаде коммунистического труда).

Подсчет количества лиц, выбранных каждым членом бригады, и суммирование этих результатов для сравнения взаимоотношений, общительности членов той и другой бригады показывают, что в бригаде коммунистического труда эти показатели выше, чем в бригаде такелажников (38 против 30).

Результаты исследования дали возможность определить популярность каждого члена бригады¹. Сравнение членов бригады свидетельствует о неравномерности популярности в бригаде такелаж-

Таблица 8
Матрица № 1 по бригаде сварщиков

№ пп	Испытуемый	1	2	3	4	5	6	7	Сколько лиц выбрал он
1	С. О.	—		8	1, 4, 7	1, 2, 3, 4, 6, 7	1, 3, 4, 5, 6, 7	2	5
2	М. П.	1, 2, 3, 4, 6	—	1, 4		6	1, 2	4, 5	5
3	Т. Н.	1, 2, 3, 4, 6	1, 4, 7	—		7	1	4	5
4	К. П.	1, 4, 7	5	5, 6	—	1, 2, 4	2, 3, 4	5, 8	6
5	И. Н.	1, 3, 4	5		1, 2, 4, 6, 7, 8	6, 7, 8	6, 7	3, 5	4
6	С. И.	1, 2, 3, 4	5		1, 2, 3, 4, 7, 8	—	1, 2, 3, 4, 7	6, 8	5
7	Е. Н.	1, 2, 7	4	4	1, 3, 5, 8	1, 2, 4, 3, 5, 6, 7, 8	4, 8	—	6
Сколько лиц его выбрали		6	4	4	4	6	6	6	
Сколько выборов он получил		23	6	6	19	25	21	10	

Примечание: В матрицах номера критериев соответствуют их месту в вышеприведенном списке; по горизонтали — кого выбирают, по вертикали — кто его выбрал.

- 1 Явление популярности фиксируется в исследовании в виде числа лиц, выбравших данного индивида.

ников: некоторые ее члены были выбраны всеми или почти всеми членами бригады, а другие – только одним лицом. Это способствует созданию внутри бригады подгрупп, что говорит не о спаянности ее членов, а об отсутствии настоящего единства.

В связи с этим особый интерес приобретает анализ отношения членов этих бригад к своим руководителям.

Хотя П. Н., бригадир такелажников, и был выбран пятью членами своей бригады из семи, он получил всего 9 выборов по всем критериям, а И. Н. (бригада коммунистического труда) был выбран всеми членами бригады и получил при этом 25 выборов, т. е. почти в три раза больше. Изучая отношение каждого отдельного члена бригады к руководителю, мы видим, что П. Н. пользуется признанием¹ (т. е. был выбран данным лицом не менее чем по 4 из 8 крите-

Таблица 9
Матрица № 2 по бригаде такелажников

№ пп	Испытуемый	1	2	3	4	5	6	7	8	Сколько лиц выбрал он
1	П. Н.	—	3	1, 4	2, 4	5				4
2	С. П.		—	1, 4	1, 2, 4	3, 5, 4	3, 5, 4			3
3	К. И.	4	4, 5, 6	—		3, 4	1			3
4	Е. С.	4	1, 3, 5, 6, 7	3	—	1, 4				4
5	И. М.		3, 4	1, 2, 3, 5, 7	1	—				5
6	А. Л.	4	3, 4				—	6	8	4
7	Л. И.	1, 2, 3	1, 4, 7		4		6	—		4
8	Б. П.	3, 4, 5	3, 4, 5, 7, 8	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8			2, 5, 6		—	
Сколько лиц его выбрали		5	7	6	4	4	2	1	1	
Сколько выборов он получил		9	21	20	7	8	4	1	1	

1 Явление признания фиксируется в исследовании в виде выбора данным лицом другого не менее чем по 4 критериям из всех 8.

риев) лишь у одного члена бригады — Л. И., в то время как И. Н. выбран по 5—6 критериям большинством членов бригады.

Исследование сплоченности внутри каждой бригады выявляет ряд существенных явлений.

Сравнение показателей признания каждого члена бригады остальными говорит о том, что каждый член бригады коммунистического труда признал несколько членов своей бригады в то время, как в бригаде такелажников 4 члена бригады, в том числе и сам бригадир, не смогли выбрать среди членов своей бригады кого-нибудь хотя бы по 4 из 8 критериев.

Сравнение бригад по выбору ее членов показывает, что взаимного признания в бригаде такелажников не оказалось совсем, а в бригаде коммунистического труда взаимным признанием пользуется большинство ее членов.

По количеству односторонних выборов первенство принадлежит бригаде такелажников — их в бригаде в три раза больше, чем в бригаде коммунистического труда (12 против 3), да и общая сумма выборов в бригаде такелажников распределяется более неравномерно, чем в бригаде коммунистического труда. Два ее члена собрали выборов больше, чем пять остальных вместе взятых.

Если попытаться сравнить обе бригады по критериям в зависимости от того, какой из этих критериев собрал наибольшее количество выборов, то обнаруживается очень интересный факт. Несмотря на все вышеуказанные различия, наибольшее количество выборов в этих бригадах получил четвертый критерий: «С кем бы ты хотел работать в одной бригаде?».

В данном случае мы имеем дело с очень важным для динамики внутриколлективных отношений моментом, так как в этом проявляется восприятие членами бригад своего коллектива в целом. Из этого чувства производственной общности вырастает более глубокое чувство солидарности, взаимопомощи и дружбы, что в конечном счете определяет осознание каждым членом этого коллектива своего места в нем, позволяет ему правильно оценивать свое поведение и поведение своих товарищей, способствует осознанию того социального процесса, который происходит в нашем обществе.

Результаты проведенных исследований говорят о том, что новая, коммунистическая форма организации труда (бригады коммунистического труда) тесно связана с новым типом личных отношений

людей, атмосферой дружбы, коллективизма, взаимного уважения членов данного коллектива.

Данные, полученные на основе других методов: метода значимых ситуаций, анкеты, беседы, — вскрывают преимущества бригады коммунистического труда. В бригаде коммунистического труда работают на один наряд, а зарплату делят по разрядам. Продукция сдается без проверки ОТК. Члены бригады в постоянном поиске технических усовершенствований. Инструмент в бригаде общий, не закрывается; табельная доска отсутствует. Все члены коллектива бригады борются за повышение производственной квалификации, за освоение смежных специальностей и т. д. Прерогативы коллектива распространяются не только на производственные показатели, но захватывают и сферу учебы, организацию отдыха. Проведенные исследования раскрыли перед нами ряд существенных зависимостей, которые связаны с высоким уровнем непосредственных взаимоотношений в производственных бригадах.

Высокий уровень личных, доброжелательных взаимоотношений прямо влияет на производительность труда, на развитие рационализации, на отношение рабочих к труду. Выясняется ведущий характер выборов по критерию «совместная работа». Этот критерий дает больше всего выборов. Вероятно, качество работы, уровень квалификации и выбор по критерию работы зависят друг от друга и являются определяющими тенденциями для выборов по другим критериям.

Важным является распространение хороших взаимоотношений, которые складываются в процессе работы, за сферу непосредственного труда. Нами установлено прямое влияние высокого уровня взаимоотношений, сплоченности коллектива в процессе труда на развитие более тесных связей в сфере учебы, организации отдыха и т. д.

Проведенное исследование показывает, что не всегда официально высокое положение индивида в группе соответствует его действительному положению в системе взаимоотношений. Задача социальной психологии заключается в том, чтобы раскрыть эти несоответствия и устранить их путем рекомендаций администрации либо направленной беседы с членами бригады.

Весьма важным представляется то сближение, которое мы наблюдаем между официальной и неофициальной линией взаимоотношений в бригадах с высоким уровнем отношений. Это сближение обнаруживается в виде закономерной тенденции. Оно свидетельствует о том, что в сфере производства происходит сближение обществен-

ных и личных интересов, что производственные, государственные планы и отношения начинают сближаться с теплотой непосредственных межличных отношений.

Близкие, теплые взаимоотношения в производственных условиях оказывают влияние на отношения, которые складываются у рабочих за пределами производства. У членов коллектива проявляется взаимная тяга друг к другу, стремление проводить вместе свободное время, совместно учиться, заниматься спортом.

Развитие взаимоотношений внутри производственных коллективов не создает обстановки панибратства, исключительности своего коллектива. Наоборот, подобные коллективы весьма требовательны к работе, учебе и поведению своих товарищей. Кроме того, само внутреннее развитие данных коллективов невозможно без вовлечения в борьбу за коммунистический труд других коллективов. Как правило, все члены бригад коммунистического труда вовлечены в шефскую работу: оказывают разнообразную помощь бригадам совхозов и колхозов, связаны со школами, борются за вовлечение в движение за коммунистический труд соседних бригад и участков.

Зависимость деятельности бригад от уровня взаимоотношений в них

В связи с полученными результатами у нас появилась необходимость несколько расширить рамки исследования, выйти на более широкую производственную базу с тем, чтобы более надежно статистически подтвердить наши первоначальные данные.

В 1963 г. в связи с организацией небольшой лаборатории социальной психологии при Ленинградском университете нам удалось осуществить эти цели. Кроме продолжения исследований естественных производственных коллективов, которых можно охватить лишь ограниченное количество, мы провели обследование более широкого круга рабочих (787 человек), сгруппировав их по ряду признаков: члены бригад коммунистического труда, рабочие, участвующие в движении за коммунистический труд и не участвующие в нем.

Первое из этой серии исследование, которое опиралось на изучение естественных производственных коллективов, было проведено К. М. Замберг и Н. В. Голубевой на Металлическом заводе им. XXII съезда КПСС. Исследованию было подвергнуто 19 бригад (15 бри-

гад из кузнечного и 4 бригады из гидротурбинного цехов). Исследование строилось на основе методов: наблюдения, беседы с рабочими (членами бригад), мастерами и другими компетентными лицами, анкетирования.

На основе первичного количественно-качественного анализа собранного материала обследования все бригады были подразделены на три уровня взаимоотношений в них: высокий (10 бригад), средний (5 бригад), низкий уровень отношений (4 бригады).

Высокий уровень взаимоотношений характеризуется тесной сплоченностью рабочих, постоянной взаимопомощью, высокими производственными и общественно-политическими показателями членов производственных коллективов, высокой оценкой своей группы ее членами. Средний уровень отношений характеризуется товарищеским стилем отношений, хорошими производственными показателями на фоне отдельных срывов в поведении и в работе некоторых членов коллектива. В бригадах с низким уровнем отношений членов бригады объединяет только работа, требования бригадира и внешняя необходимость трудиться. Подобные уровни взаимоотношений динамичны. Они обнаруживаются, проявляются в разнообразных показателях: качество работы, производственная дисциплина, отношение к работе и т. д.

Выделив таким образом три уровня взаимоотношений, в производственных коллективах, мы можем проследить влияние этих отношений на жизнь, работу, развитие членов коллектива. И наоборот, исходя из качества и количества работы, из участия в общественной жизни членов коллектива, можно увидеть сам коллектив, обнаружить характер сложившихся в нем отношений.

Высокий уровень взаимоотношений в бригадах обязательно связан с развитием коллектива, с перспективами роста, развития и самосовершенствования каждого члена коллектива. Так, в бригадах с высоким уровнем отношений повышает квалификацию 81% рабочих, со средним — 51%, с низким — только 24%.

Характер взаимоотношений в коллективе и сложившийся уровень требований в нем влияют на участие в общественной работе, способствуют формированию черт коллективиста. В бригадах с высоким уровнем отношений в активной общественной работе принимают участие 70%, а с низким — всего лишь 29% рабочих.

Раскрывается существенная зависимость между уровнем отношений в бригадах и дисциплиной ее членов (таблица 10).

Таблица 10

Влияние взаимоотношений в бригадах на дисциплину

Уровень отношений в бригадах	Члены бригад, не нарушающие производственную дисциплину		Члены бригад, нарушающие производственную дисциплину	
	Количество	%	Количество	%
Высокий	36	97,3	1	2,7
Средний	15	71,4	6	28,6
Низкий	13	61,9	8	38,1

В бригадах с высоким уровнем отношений нарушения дисциплины случайны, эпизодичны. В бригадах с низким уровнем отношений нарушения дисциплины носят устойчивый характер и проявляются в прогулах, опозданиях на работу. Выявляется тесная зависимость между уровнем отношений и качеством выпускаемой продукции. 8 бригад из 10 с высоким уровнем отношений имеют личное клеймо. Качество выпускаемой продукции преимущественно отличное. Коэффициент специальной контингенции зависимости качества продукции от уровня отношений равен 91%, т. е. весьма высок.

Характер и уровень норм выработки по месяцам (учтено 7 месяцев) более высокий, устойчивый и равномерно повышающийся в бригадах с высоким уровнем отношений.

Зависимость уровня отношения к работе от уровня отношений в производственных коллективах проявляется не только в качестве продукции и в нормах выработки, но и в участии в рационализации и изобретательстве. 70% членов бригад с высоким уровнем отношений являются рационализаторами и изобретателями. В бригадах с низким уровнем отношений участие в рационализации незначительное.

Весьма показательны анкетные данные, которые раскрывают субъективное отношение рабочих к своей работе (рисунок 1). Рисунок 1 наглядно раскрывает существенную зависимость между уровнем отношений в коллективе и отношением к работе его членов. С другой стороны, эту же зависимость можно обнаружить по данным опроса о желании перейти на другую работу (таблица 11).

Данные, полученные К. М. Замберг и Н. В. Голубевой, позволяют сделать предварительные общие выводы. Существует многосто-

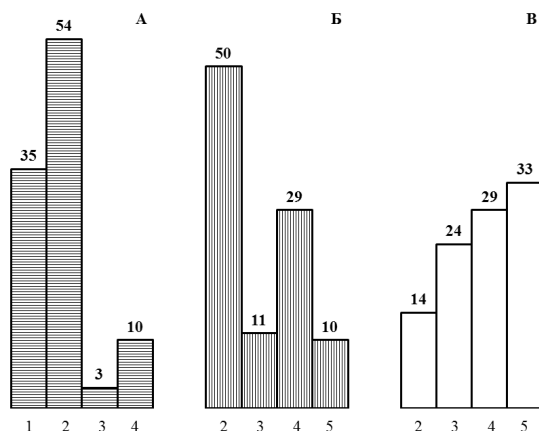

Рис. 1. Зависимость между уровнем отношений в коллективе и отношением к работе его членов.

А — высокий, Б — средний, В — низкий уровень отношений. Характер ответов: 1 — работой вполне доволен; 2 — скорее доволен, чем недоволен; 3 — безразличен к работе; 4 — скорее недоволен, чем доволен; 5 — совершенно недоволен. Количество рабочих указано в процентах

Таблица 11

Влияние отношений на текучесть рабочих

Уровень отношений в бригадах	Члены бригад, не желающие перейти на другую работу		Члены бригад, желающие перейти на другую работу	
	Количество	%	Количество	%
Высокий	34	91,9	3	8,1
Средний	11	52,4	10	47,6
Низкий	4	19	17	81

ронная зависимость между уровнем отношений в бригадах и личностным поведением членов этих коллективов. Это проявляется в качестве выпускаемой продукции и в нормах выработки, в уровне дисциплины, в участии в общественной работе и в рационализации, в отношении к работе и в стремлении повышать свою квалификацию. Эти положения подтверждают и те данные, которые получены нами ранее на меньшем количестве производственных коллективов.

Отсюда напрашивается вывод о первостепенном значении складывающихся взаимоотношений в производственных коллективах в развертывании движения за коммунистический труд, в повышении производительности труда, в воспитании членов коллектива.

Исследование большого количества производственных бригад

Во второй половине 1963 г. нами проведено исследование на ряде ленинградских предприятий (в основном машиностроительных заводов) с охватом 787 рабочих. Обследование проведено на основе анкетного опроса и карточек, заполняемых мастерами, интервью, наблюдений, дневников и пр.

Материал для количественно-качественного анализа был сгруппирован по трем признакам: члены бригад коммунистического труда, бригады, которые борются за это звание, и бригады, которые не участвуют в этом движении.

Подобная группировка позволяет анализировать состав участников движения за коммунистический труд, выявить характерные черты, прогрессивные тенденции, присущие участникам движения за коммунистический труд. Эта же группировка позволяет в известной мере и опосредованно сделать заключение о влиянии уровня взаимоотношений в производственных бригадах на поведение ее членов.

Мы говорим об опосредованности подобных заключений лишь постольку, поскольку непосредственно, длительно взаимоотношения в бригадах не изучались, а об уровне отношений можно судить лишь по факту принадлежности изучаемого рабочего к бригаде коммунистического труда либо на основе заключений мастера об отношениях данного рабочего с товарищами по бригаде. Подобный подход и группировка материала для анализа вполне правомерны, так как позволяют охватить большее количество исследуемых рабочих.

Кроме того, в социальной психологии и в конкретно-социологических исследованиях практикуются самые разнообразные принципы группировки материала, например принцип условных групп в зависимости от степени механизации выполняемого труда (ручная работа без механизмов, ручная работа по обслуживанию механизмов, работа по управлению станками и механизмами, управление автоматическими станками и линиями, наладка различных станков и линий) (Башилов и др., 1963).

Нами получены интересные данные по составу участников движения за коммунистический труд (таблица 12).

Таблица 12
Характеристика состава бригад

Характер бригад	Мужчин, %	Женщин, %
Члены бригад коммунистического труда	51,85	48,15
Участники движения за коммунистический труд	53,40	46,60
Не участвуют в движении за коммунистический труд	61,88	38,12

Из таблицы 12 видно, что имеет звание и участвует в движении за коммунистический труд примерно равное число мужчин и женщин. В то же время среди не участвующих в движении за коммунистический труд мужчин значительно больше, чем женщин.

Весьма интересные данные получены по возрастному показателю. Судя по рисунку 2, мы наблюдаем существенный рост количества участников в движении за коммунистический труд с 19 до 25 лет и особенно в период между 26 и 30 годами¹.

В исследовании наблюдается зависимость участия в движении за коммунистический труд от общего рабочего стажа, от стажа работы по специальности и на данном предприятии.

Анализ диаграмм, приведенных на рисунке 3, показывает многое. Существенный сдвиг в борьбе за коммунистический труд наблюдает-

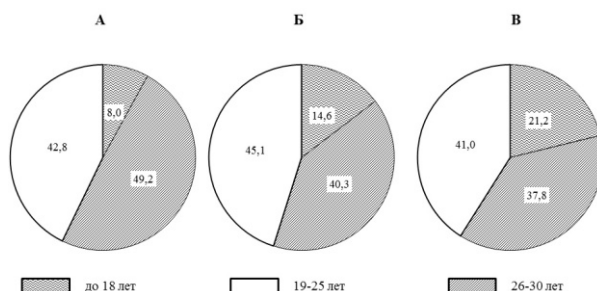

Рис. 2. Зависимость участия в соревновании за звание бригады коммунистического труда от возраста (процентах).

А — члены бригад коммунистического труда; Б и В — соответственно рабочие, участвующие и не участвующие в движении за коммунистический труд

¹ Исследование в основном охватывало рабочих до 30 лет.

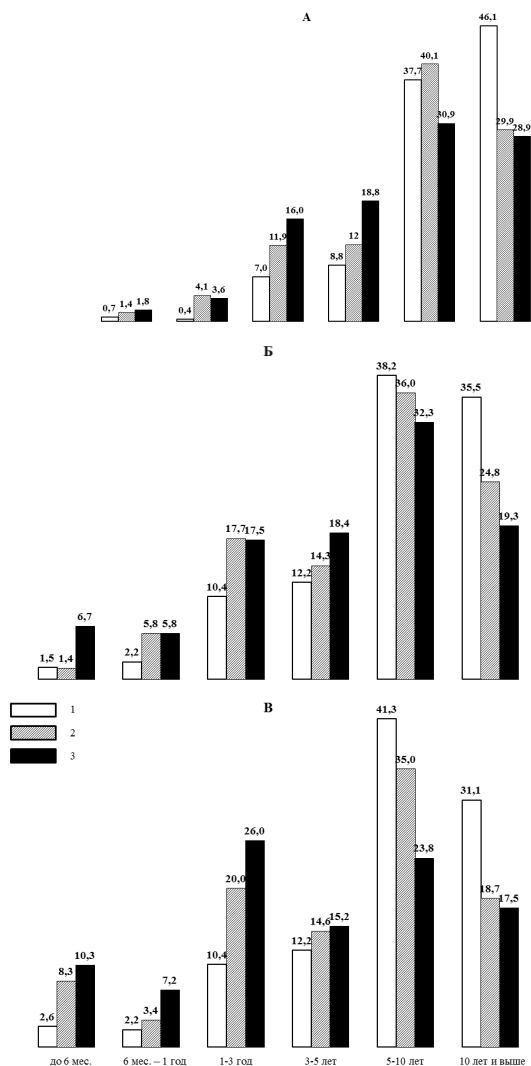

Рис. 3. Зависимость участия в движении за коммунистический труд от рабочего стажа (А), стажа по специальности (Б), и стажа работы на предприятии (В).

1 — члены бригад коммунистического труда; 2 — участвующие в соревновании за звание бригады коммунистического труда; 3 — не участвующие в движении за коммунистический труд. Количество рабочих указано в процентах

ся среди рабочих со стажем от 5 до 10 лет и свыше 10 лет. То же можно сказать и относительно стажа по своей специальности, а также стажа работы на данном предприятии. Здесь также 5–10 лет и выше 10 лет являются решающими. Эти данные показывают, что ведущей силой движения за коммунистический труд являются кадровые, опытные рабочие. Последнее подтверждается и уровнем квалификации рабочих, участвующих или не участвующих в движении за коммунистический труд (таблица 13).

Таблица 13

Уровень квалификации рабочих в различных бригадах

Характер бригад	Количество рабочих по разрядам, %		
	5,65	36,66	57,79
Члены бригад коммунистического труда	5,65	36,66	57,79
Участники движения за коммунистический труд	13,26	36,74	50,00
Не участвуют в движении за коммунистический труд	21,52	42,60	35,88

Из таблицы 13 видно, что с ростом квалификации рабочих растет и движение за коммунистический труд.

Наши данные по составу участников движения за коммунистический труд в какой-то мере перекликаются с данными, которые получены в Институте истории АН СССР при изучении состава участников движения за коммунистический труд на предприятиях Москвы, где было собрано 1432 анкеты на 9 крупных промышленных предприятиях (Остапенко, 1963).

Какие же характерные особенности раскрываются у рабочих в процессе борьбы за коммунистический труд? Формируется коммунистическое отношение к работе и специальности, разворачивается борьба за отличное качество выпускаемой продукции, наблюдается активное участие в рационализации и изобретательстве, расширяется и обогащается сфера общения с другими людьми через участие в общественной работе.

Самый заметный и существенный сдвиг происходит у рабочих в их отношении к труду по мере достижения успехов в борьбе за коммунистический труд.

Это изменение отношения к труду обнаруживается по целому комплексу признаков: по росту выполнения норм выработки, по качеству выпускаемой продукции, по изменению субъективного отно-

нения к работе и специальности, по повышению уровня моральной мотивации в трудовой деятельности, по творческому характеру труда. Так, диаграмма (рисунок 4) показывает существенные сдвиги в выполнении и перевыполнении норм выработки в зависимости от того, является ли рабочий членом бригады коммунистического труда, участвует или не участвует в движении за коммунистический труд. Та же тенденция прогрессивных изменений наблюдается и относительно качества выпускаемой продукции (таблица 14).

Качество выпускаемой продукции у членов бригад коммунистического труда и участников этого движения значительно выше, чем у рабочих, которые не участвуют в этом движении.

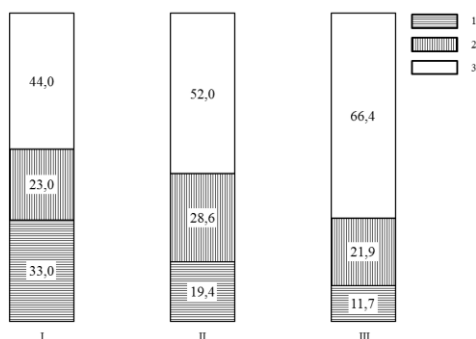

Рис. 4. Зависимость выполнения норм выработки (по карточке мастера) от участия в движении за коммунистический труд.

I — члены бригад коммунистического труда, II — участвующие, III — не участвующие в движении за коммунистический труд; 1 — перевыполняют, 2 — выполняют, 3 — не выполняют норму. Количество рабочих указано в процентах

Таблица 14
Качество работы по карточке мастера

Характер бригад	Процент рабочих, выпускающих продукцию		
	хорошую	среднюю	плохую
Члены бригад коммунистического труда	70,5	29,2	0,3
Участники движения за коммунистический труд	64,0	35,3	0,7
Не участвуют в движении за коммунистический труд	52,9	44,4	2,7

Показательными являются и субъективное отношение к работе и специальности в зависимости от уровня бригады. Мы видим значительно большее удовлетворение работой и специальностью у членов бригад коммунистического труда и у участников этого движения (рисунок 5). Отношение к работе проявляется и в устойчивости, постоянстве работы, в желании продолжать работу на своем месте.

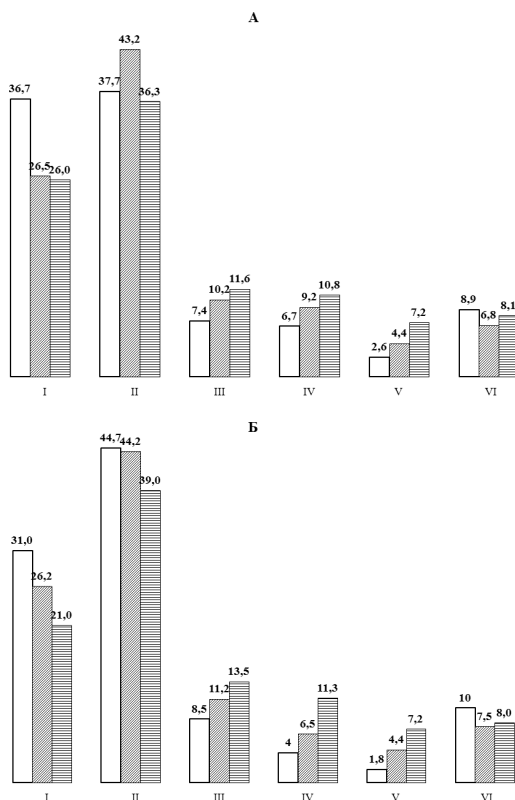

Рис. 5. Зависимость объективного отношения к работе (А) и специальности (Б) от уровня бригад.

I – члены бригад коммунистического труда; 2 – участвующие, 3 – не участвующие в движении за коммунистический труд. Ответы опрашиваемых: I – работой (специальностью) вполне доволен; II – скорее доволен, чем недоволен; III – безразличное отношение; IV – скорее нравится, чем не нравится; V – совершенно не нравится; VI – не могу сказать. Количество рабочих указано в процентах

Как показывает диаграмма (рисунок 6), большинство членов бригад коммунистического труда и участников этого движения желает возвратиться на свое прежнее место работы.

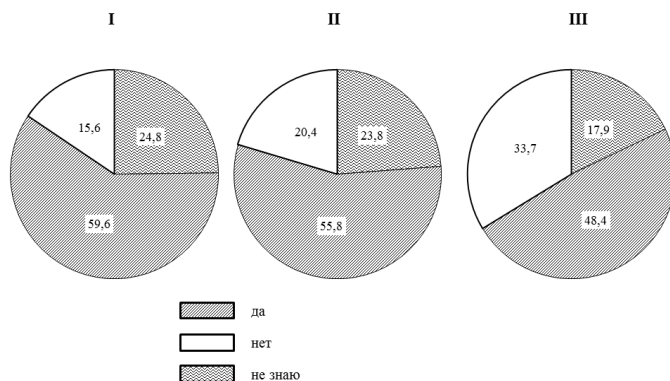

Рис. 6. Ответы рабочих (в процентах) — членов бригад коммунистического труда (I), участвующих (II) и не участвующих (III) в движении за коммунистический труд на вопрос анкеты: «Предположим, что по каким-то причинам вы временно не работаете. Вернулись бы вы на прежнее место работы?»

Из диаграммы (рисунок 7) видно, что члены бригад коммунистического труда и участники этого движения значительно реже меняют место своей работы.

Существенным показателем отношения к труду является уровень мотивации трудовой деятельности рабочих. Как видим из диаграммы (рисунок 8), происходит существенный сдвиг в качестве мотивации. Все более доминирующее значение в мотивации приобретает смысл работы, ее полезность. Материальная заинтересованность в труде все более пронизывается моральными мотивами.

В ходе борьбы за коммунистический труд происходит изменение в самом характере труда рабочих. Он приобретает все более содержательный и творческий характер. Всемерно развивается рационализация и изобретательство (рисунок 9).

Достижение бригадой коммунистического высокого уровня труда и борьба за это звание порождают стремление к расширению сферы общения с товарищами, приводят к значительным сдвигам в отношениях среди рабочих, к активному участию в общественной рабо-

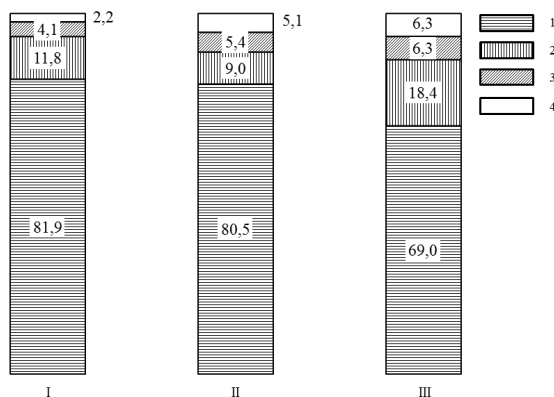

Рис. 7. Зависимость продолжительности работы на одном предприятии от уровня бригад (в процентах).

I – члены бригад коммунистического труда; II – участвующие и III – не участвующие в движении за коммунистический труд. 1 – рабочие, не менявшие место работы; 2 – менявшие место работы один раз; 3 – два раза; 4 – три раза

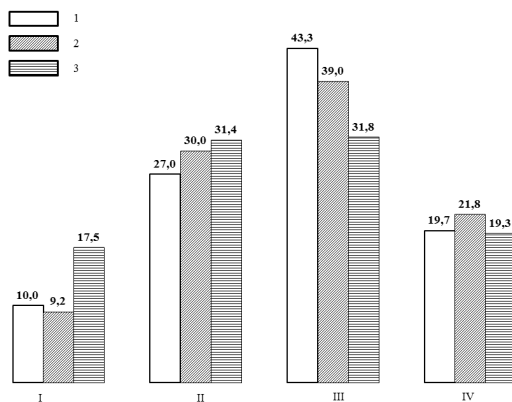

Рис. 8. Уровень мотивации трудовой деятельности.

Ответы: I – хороша любая работа, если она оплачивается; II – заработок – главное, но надо думать и о смысле работы; III – нельзя забывать о зарплате, но основное – смысл работы, ее общественная полезность; IV – хороша та работа, где ты приносишь больше пользы, где ты необходим. 1 – члены бригад коммунистического труда; 2 – участвующие, 3 – не участвующие в движении за коммунистический труд. Количество рабочих указано в процентах

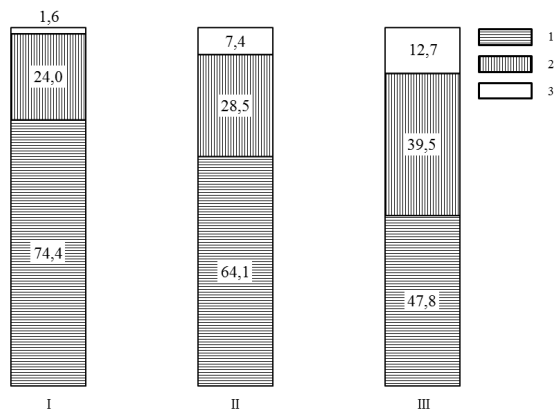

Рис. 9. Участие в рационализаторстве и изобретательстве членов бригад коммунистического труда (I), участвующих (II) и не участвующих (III) в движении за коммунистический труд (в процентах).

1 — участвуют в рационализаторстве и изобретательстве; 2 — не имеют рационализаторских и изобретательских предложений, но есть предложения по улучшению организации труда; 3 — не участвуют в рационализаторстве и изобретательстве и не имеют предложений, направленных на улучшение организации труда

те. Эти изменения обнаружены по анкете и карточке мастера и отражены на диаграммах (рисунок 10).

В нашем исследовании выступают ярко и другие существенные изменения в поведении рабочих в зависимости от разного уровня бригад, к которым они принадлежат. Улучшается трудовая дисциплина, уменьшается количество порицаний за поведение на работе и в быту, растет стремление к повышению квалификации, изменяются взаимоотношения с товарищами в лучшую сторону.

Исследование зависимостей уровней отношений в производственных бригадах и характера поведения членов этих коллективов раскрывает весьма существенные и прогрессивные тенденции.

Движение за коммунистический труд не только преобразует качество самого процесса труда, но и приводит к качественным сдвигам в уровне отношений в производственных коллективах.

Взаимоотношения самым благоприятным и прямым образом влияют на жизнь, работу, развитие членов коллективов.

Мы обнаружили тенденцию выхода, расширения сферы взаимоотношений с производства на отдых, учебу, быт, общественную

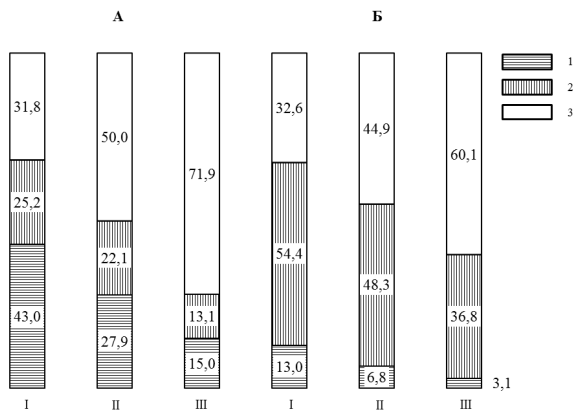

Рис. 10. Участие в общественной работе (А) и отношение (по карточке мастера) к ней (Б) членов бригад коммунистического труда (I), участвующих (II) и не участвующих (III) в движении за коммунистический труд.

А: 1 — находящиеся на выборной общественной работе и имеющие постоянные общественные поручения; 2 — выполняющие временные поручения; 3 — не участвующие в общественной работе. Б: 1 — в высшей степени добросовестное; 2 — вполне добросовестное отношение к общественной работе; 3 — не участвующие в общественной работе

работу. Отношения ответственной зависимости в развитых коллективах дополняются теплотой близких, психологических связей. Человек человеку становится товарищем, другом, братом. Однако с развитием близости, теплоты, человечности в отношениях растет и взаимная требовательность, заинтересованность в общих успехах. Поэтому в развитых коллективах отношения психологической близости не перерастают в отношения панибратства, групповой спайки во вред общим интересам.

С развитием взаимоотношений в производственных бригадах происходят существенные изменения в субъективных и объективных факторах труда. С объективной стороны происходит бурный рост производительности труда, улучшается качество выпускаемой продукции, качественно изменяется характер труда. С субъективной стороны самыми важными являются сдвиги в сознании, характере, в мотивах труда рабочих, в обогащении и разнообразии сфер общения и взаимоотношений рабочих.

Таким образом, исследования взаимоотношений производственных коллективов, которые проводились нами с разных сторон

и с использованием различных методик исследования, позволяют раскрыть многие существенные зависимости. Главный наш вывод заключается в том, что характер и уровень непосредственных взаимоотношений в производственных коллективах прямо влияет на уровень производительности труда, на уровень мотивации и отношения рабочих к труду, на содержательность деятельности и успехи в воспитательной работе.

Существенным представляется определяющий характер тех взаимоотношений, которые складываются в процессе производства и которые определяют направление формирования всех других отношений: участие в общественной жизни, организация коллективных форм отдыха и учебы и т. д.

Мы видим, что нет той важной сферы жизни и деятельности рабочих, на которые не оказали бы непосредственное влияние существующие отношения между рабочими в производственных коллективах. Под влиянием хороших взаимоотношений существенно укрепляется дисциплина, растет инициатива и рационализация рабочих, развивается общественная активность, появляется стремление к самосовершенствованию, растет уровень морального удовлетворения трудом, повышается осознание ценности своего рабочего коллектива.

Вот почему проблема рабочего производственного коллектива, особенно производственной бригады, и характер складывающихся непосредственных взаимоотношений в них должны находиться в центре внимания научных социально-психологических исследований в практике работы партийных, общественных организаций и администрации предприятий.

Эффективность деятельности малых групп. Развивая предшествующие исследования, мы обратились к изучению проблемы эффективности рабочих малых групп. Здесь встают вопросы не только уровня и характера взаимоотношений, которые складываются в группах и которые влияют на эффективность их работы, но и ряд других проблем. От каких психологических факторов и условий зависят сами взаимоотношения в группе, что составляет основу хорошей сработанности и эффективности решения тех или иных задач группой? Эти вопросы впервые поставлены и разрабатываются по оригинальной методике в лаборатории, руководимой Ф. Д. Горбовым (1964).

В ряде исследований Ф. Д. Горбова и его сотрудников убедительно раскрыты условия сработанности и эффективности в работе ма-

лых групп: психофизиологическая совместимость, наличие паритетных тактик, положительный характер эмоциональных психических установок, общность интересов и потребностей и отсутствие выраженных эгоцентрических устремлений.

Разработка принципов рационального, оптимального комплектования малых групп возможна только на базе исследований условий и факторов, которые определяют успешность их работы. Актуальность подобных исследований очевидна, поскольку разрешение вопросов подбора оптимальных малых групп для решения различных задач необходимо для производства, военного дела и для освоения космоса.

Изучение малых групп проводится сотрудниками нашей лаборатории в искусственных лабораторных условиях (Н. В. Голубева, М. И. Иванюк) и в естественной производственной обстановке (Л. Н. Фоменко).

В настоящее время можно сообщить о предварительных данных и некоторых особенностях исследования нами малых групп. Лабораторные исследования проводятся на основе гомеостатической методики с дополнением ряда приборов, опросов, бесед и инструкций. В нашей лаборатории специально разработаны три прибора, которые мы условно называем приборами «гомеостат» (рисунок 11). Для разработки приборов много сделали В. В. Головкин, М. И. Иванюк и Б. Ф. Штейнбук.

Решение задачи на гомеостатах разной степени сложности зависит от согласованных действий двух или чаще трех операторов. Фиксируется решение задачи либо зажиганием общей лампочки, либо установлением стрелки прибора оператора на отметке 0.

На первом приборе в результате вращения рукоятки по кругу с 9 пунктами каждому из трех операторов нужно было найти заданный пункт (рисунок 11А). Например, экспериментатор на своем пульте задавал для первого оператора 3-й пункт, для второго — 1-й, для третьего — 6-й пункт. Различные комбинации могут быть заданы операторам. Если операторы находят заданные пункты, то зажигается лампочка.

На втором приборе (рисунок 11Б–В) регулировка установки стрелки на отметке 0 требует еще более сложных согласованных действий, так как варианты регулировки еще более усложнились. Если для первого прибора было достаточно, чтобы один член группы понял, как надо решить задачу, а другие члены группы согласи-

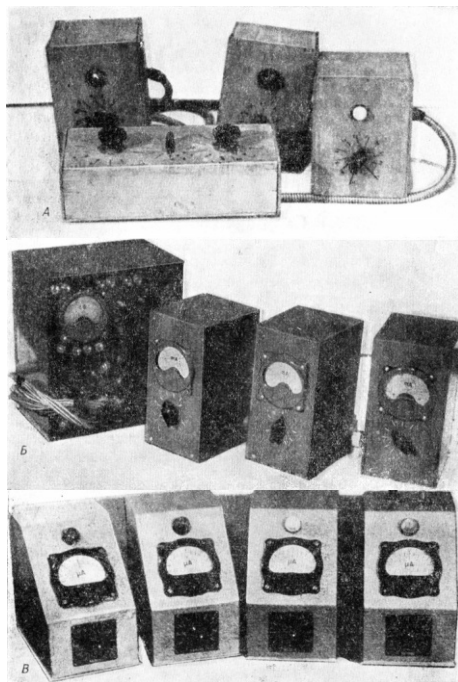

Рис. 11. Общий вид приборов «гомеостат»

лись бы выполнить его указания, то на втором приборе задача могла быть решена только в результате взаимодействия и активности не менее двух членов группы из трех и наличия постоянных связей между всеми членами группы.

На этих двух приборах проводились опыты с группами из трех человек. Данные приводятся по 15 группам (13 групп – студенты, 1 группа – сотрудники кафедры психологии, 1 группа – учащиеся 11-го класса). Возраст испытуемых – 19–37 лет. С каждой группой проведено от 5 до 8 опытов. Учитывалось время решения задачи и поведение членов группы в ходе ее решения. Записывались разговоры между членами группы.

Предварительные результаты исследования. В решении задач на приборах выделяется четыре типа групп:

- I. Все члены группы не проявляют активности в решении задачи, пытаются решить задачу беспорядочным вращением ручек при-

боров, результатами работы не обмениваются, сбиваются часто на шутки и посторонние разговоры.

- II. Активен один член группы, двое других подчиняются ему, выполняют его указания и сообщают о своих результатах. Тип индивидуального руководства, или «автократии» (по терминологии К. Левина).
- III. Активны два члена группы, они вносят разные предложения, обмениваются информацией, а третий пассивен.
- IV. Активны все члены группы, они постоянно обмениваются информацией друг с другом. Это «демократическая» группа I (по терминологии К. Левина).

Время решения задач на гомеостатах и количество мешающих действий с развитием взаимодействия, взаимопонимания и сотрудничества закономерно сокращается от I к IV группе (рисунки 12–13).

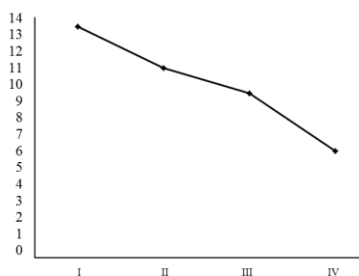

Рис. 12. Время решения задач на гомеостатах (в минутах) испытуемыми четырех групп

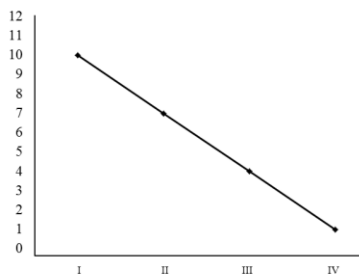

Рис. 13. Количество мешающих решению задач на гомеостатах действий (ордината), которые допускают испытуемые I–IV групп (абсцисса)

Следовательно, для подобного рода задачи взаимный Я-обмен информацией и тесное взаимодействие между членами I группы являются необходимыми и важными условиями.

Правда, на более простом гомеостате, где достаточно понимания задачи одним из трех операторов, хорошо работает II тип групп — организация индивидуального руководства, «автократия».

В этих опытах выявляется значение многих других факторов, которые благоприятствуют или мешают решению задачи. Быстрое понимание инструкции, задачи и активная деятельность лидера, который четко направляет действия группы, оказываются благоприятными для решения задачи на более простом гомеостате с зажигающейся лампочкой. Следовательно, для решения относительно простых задач достаточно способности и организаторской деятельности одного из трех членов группы. Что касается гомеостата со стрелками, где условия значительно усложнены (примерно отношение простого гомеостата к сложному 1:4), то решение задачи возможно только при тесном взаимодействии не менее двух из трех, а лучше между всеми тремя операторами. Здесь, следовательно, лучше работает «демократическая» IV группа с коллегиальной, коллективной деятельностью операторов.

Кроме того, оказывается, что характер и особенности взаимоотношений операторов должны соответствовать тем задачам, которые перед ними стоят. В одних условиях лучше коллективная активность и взаимный обмен информацией, а при решении других задач лучше четкое выделение руководителя, лидера и взаимное соподчинение операторов.

Заслуживает внимания расхождение показаний при индивидуальном обследовании поведения человека в группе. В наших опытах проявилось расхождение в особенностях темперамента.

При обследовании в лаборатории дифференциальной психологии один испытуемый проявил себя как яркий тип, обладающий сильной нервной системой. При работе же в группе по гомеостатической методике этот испытуемый оказался явно слабым типом. Далее, некоторые сильные испытуемые в связи с усложнением задачи становились слабыми. Поэтому проявления личности в индивидуальной и групповой обстановке должны подвергнуться тщательно и систематическому исследованию.

Обращает на себя внимание и тот существенный факт, что не всегда большое количество связей между людьми (по работе, по учебе,

по совместному отдыху) благоприятствует решению задачи на гомеостатах. «Друзья» и «приятели» иногда отвлекают друг друга, производят менее согласованные действия, отчего решение задачи по времени увеличивается, увеличивается и количество мешающих действий. Однако этот вывод и наблюдение проистекают не из частных особенностей «приятелей», которые участвовали в наших экспериментах, а из особых лабораторных, случайных и искусственных условий эксперимента. Значит, этот вывод носит лишь частный характер. Следует подчеркнуть, что при изучении более массового материала в естественных условиях, на производстве мы обнаруживаем другую тенденцию: выход отношений за сферу производственных контактов в сферу организации досуга, отдыха, учебы, быта благоприятно сказывается на решении производственных задач.

Несомненно, что для эффективного решения любых задач разными группами требуется какая-то мера тесноты взаимоотношений. В одних случаях благоприятны самые близкие, дружеские отношения (семья), в других достаточно товарищеская внимательность и доброжелательность (работа), в третьих — нужна только общность цели. Однако теплота человеческих отношений во всех условиях благоприятна.

Эффективность работы малых групп мы изучали не только в лабораторных условиях, но и непосредственно на заводе «Светлана» (сотрудник — Л. Н. Фоменко), группы монтажниц состояли из 2, 3, 4 и 5 человек. Количество монтажниц в группе зависит от технологии сборки ламп. В предварительной беседе с начальником цеха было установлено, что прежний опыт работы монтажниц при сборке ламп, когда в потоке было значительно больше монтажниц (20—30 человек), давал больший темп и более низкое качество работы. И наоборот, когда монтажница в одиночку производила все операции по сборке ламп, то темп работы значительно снижался, а качество работы повышалось. Производству же нужны и высокий темп, и высокое качество работы. Поэтому администрация цеха, руководствуясь прошлым опытом, пошла на объединение монтажниц по 2—3—4—5 человек в потоке в зависимости от технологии и типа собираемой лампы.

Задача заключается в том, чтобы с точки зрения социальной психологии определить: какое количество монтажниц в потоке является оптимальным, наиболее эффективным, от каких психологических факторов зависит успешность работы различных малых групп монтажниц?

Для изучения были взяты три хороших потока — № 15, 6, 13, три средних — № 4, 8, 9, три худших — № 3, 7, 1; всего 9 потоков.

Монтажницы, работающие на сборке, имеют много общего: женщины, примерно одинакового возраста и образования.

Для изучения условий и факторов успешной работы группы применялись различные методы: интервью, анкеты, социометрия, метод парных сравнений, беседы с компетентными лицами (бригадиры, начальники участка и цеха). Так, при помощи метода парного сравнения удалось всех монтажниц распределить по рангу производственных показателей. Мы определили производственные качества в целом каждой монтажницы путем оценки их компетентными лицами, двумя бригадами участка № 4.

Оценки бригадами монтажниц сопоставлялись с объективными показателями выработки и процента брака каждого потока за 1964 и 1965 гг. Мы пришли к выводу, что низкая выработка и большой процент брака наблюдается у монтажниц, получивших последние места VIII—XII, а монтажницы, получившие первые места, имеют высокие производственные показатели (высокую выработку и низкий процент брака).

Мы также обратили внимание на непостоянство состава потоков и выявили, что производительность труда падает, а процент брака растет, если в потоке меняется состав монтажниц. Обычно в поток вводится монтажница-ученица, не имеющая ни опыта работы, ни стажа, ни разряда, поэтому мы сделали вывод, что производительность труда зависит непосредственно от опыта работницы. Примером этой зависимости могут служить снижение выработки и рост процента брака на потоках № 15, 13, 4. Это было связано с уходом из потока опытной монтажницы и заменой ее ученицей.

Проанализируем данные потока № 15. В марте 1965 г. выработка потока равнялась 8800 шт. ламп типа 6ФЗП, в апреле выработка составила 8000 шт. ламп. В марте процент брака равен 2,3, а в апреле 2,2. В этот период поток работал с одним и тем же составом. В мае 1965 г. у этого потока выработка равнялась 7200 шт. ламп, а процент брака равнялся 2,7. Эти изменения вызваны тем, что в мае в этот поток вместо опытной работницы пришла ученица, не имеющая ни опыта работы, ни разряда.

То же самое мы видим на примере потока № 13. В 1964 г. в этом потоке работали опытные монтажницы с большим стажем, высоким разрядом и дружившие между собой. Выработка колебалась в пре-

делах 3200—4700 шт. ламп. Процент брака составлял 1,5—2, с приходом новенькой процент брака повысился до 6.

На основе метода парных сравнений и оценки монтажниц компетентными лицами, а также на основе анализа результатов работы в связи со сменой состава потока выясняются существенные факторы успешной работы групп. Естественно, что таким фактором оказался уровень производственной квалификации, технических способностей монтажниц. Именно этот факт лежит в основе успешной работы групп, в основе лучших производственных показателей.

Проведенное социометрическое исследование по критерию «С кем бы вы хотели работать в одном потоке?» подтверждает это положение. На выбор монтажниц в совместной работе влияют два фактора: хорошие производственные показатели и личные симпатии. Но чаще всего выбор падает на высококвалифицированных монтажниц и зависит больше от оценки деловых качеств, способностей монтажниц, чем от чувства симпатий и антипатий, хотя последние играют некоторую роль во взаимных выборах. В оценке по анкетному опросу качеств, необходимых монтажницам, также чаще всего отмечаются уровень производственной квалификации, опыт работы, внимательность и усидчивость.

Бесспорным является зависимость успешной работы малых групп от производственной квалификации, от способностей монтажниц, от нормальной деловой и благожелательной атмосферы отношений между монтажницами и между монтажницами и мастерами.

Выбор оптимального количества монтажниц, их размещение в группе зависят от характера технологического процесса, от трудоемкости операций и от качества обратных связей монтажниц с браковщиками.

Таким образом, предварительное исследование эффективности работы малых групп в лабораторных и производственных условиях показывает, что успешность их работы зависит от способностей и опыта участников, от нормальных деловых взаимоотношений и общей благоприятной психологической атмосферы, от характера решаемой задачи и др.

Изучение производственных коллективов и групп как в естественных, так и в искусственных условиях раскрывает сложную систему взаимоотношений между рабочими, позволяет понять то большое влияние, которое эти взаимоотношения оказывают на все стороны деятельности рабочих. Характер производственного коллектива

и группы во многом зависит от особенностей тех взаимоотношений, которые складываются в них. Сами взаимоотношения между рабочими определяются многими факторами: производственной квалификацией, задачами, стоящими перед коллективом, взаимным уважением, общительностью, развитым чувством коллективизма и т. п.

Исследование групп в ПТУ

На складывающиеся взаимоотношения оказывает влияние тот опыт общения, с которым пришел молодой рабочий на производство из общеобразовательной школы, училища, техникума. Поэтому важно изучение генезиса общения и взаимоотношений рабочих до вхождения в производственный коллектив. Значимый источник пополнения рабочего класса являет собой система ПТУ. Поэтому в нашей лаборатории проводится исследование формирования коллектива учащихся ПЗУ. Поскольку решающей фигурой в формировании этих коллективов является мастер, то и полное название темы таково: «Влияние взаимоотношений между мастером и учащимися на формирование коллектива учащихся ПТУ». Исследование проводила наша сотрудница А. А. Русалинова в пяти группах ПТУ № 43 Ленинграда. Основные методы исследования: наблюдение, беседы с мастерами, завучем, старшим мастером, учителями, анкетирование учащихся и мастеров.

При обработке материалов анкет применялась трехбалльная система оценок, позволившая получить сравнимые в количественном отношении показатели. Исследование велось по трем основным направлениям:

- а) установление уровня развития положительного отношения мастера к учащимся;
- б) установление уровня положительного отношения учащихся к мастеру;
- в) установление уровня развития коллектива учащихся.

Конечной целью исследования было установление соотношения между этими тремя факторами.

В результате обработки анкетных материалов мы получили следующие показатели в процентах (таблица 1).

Коэффициент корреляции между отношением мастера к учащимся и отношением учащихся к мастеру равен 0,688, что свиде-

Таблица 1

Уровни развития положительного отношения	Номер группы				
	18	2	24	19	1
мастера к учащемуся	70,5	56	76,4	31,8	85,1
учащихся к мастеру	75,6	43,9	75	63,7	95,8

тельствует о наличии довольно значительной связи между этими факторами. Наглядное представление о их взаимосвязи дает график (рисунок 14).

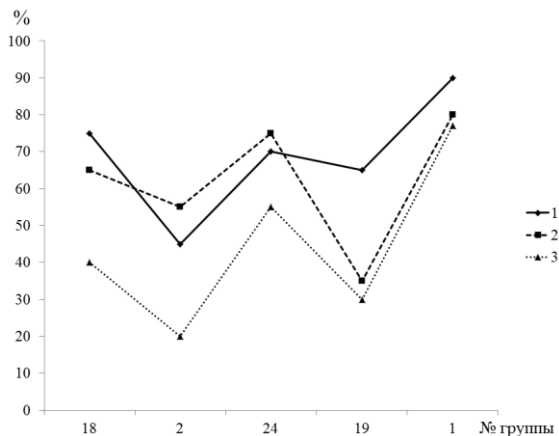

Рис. 14. Взаимоотношения мастера и учащихся (в процентах).

1 — положительное отношение к мастеру; 2 — положительное отношение мастера к учащимся; 3 — представление учащихся о положительном отношении к ним мастера

На графике отмечен также уровень представлений учащихся о положительном отношении мастера к ним. Коэффициент корреляции между представлениями учащихся об отношении к ним и действительным уровнем отношения составляет 0,776, а для соотношения между представлениями учащихся и их собственным отношением к мастеру этот коэффициент равен 0,948. Это говорит о том, что представление учащихся об отношении к ним мастера, с одной стороны, довольно тесно связано с действительным отношением мастера

к учащимся, а с другой — существенно определяет отношение учащихся к мастеру.

Для выяснения того, как соотносятся представления учащихся об отношении к ним мастера и уровень развития коллектива, применялась суммарная оценка по ряду показателей. В эту суммарную оценку были включены: оценка уровня сплоченности группы в ведущих видах деятельности, в теоретическом и производственном обучении, в общественной работе; оценка работы актива группы; уровень положительного отношения учащихся к своей группе; уровень положительного отношения учащихся к учебе и работе по специальности. Суммарные оценки уровня развития коллективов групп отмечены на рисунке 15.

При первом чисто зрительном сравнении графиков на рисунках 15–14 создается впечатление, что они никак не гармонируют. Но это впечатление ошибочно. На самом деле из общей тенденции выпадает только 24-я группа, и объяснение этого отклонения было получено из материалов наблюдения и бесед с мастером группы. Эти материалы свидетельствуют о том, что положительное отношение мастера к группе оказывает влияние на формирование коллектива в группе только тогда, когда оно реализуется в постоянном активном, разностороннем общении мастера с группой, выходящем

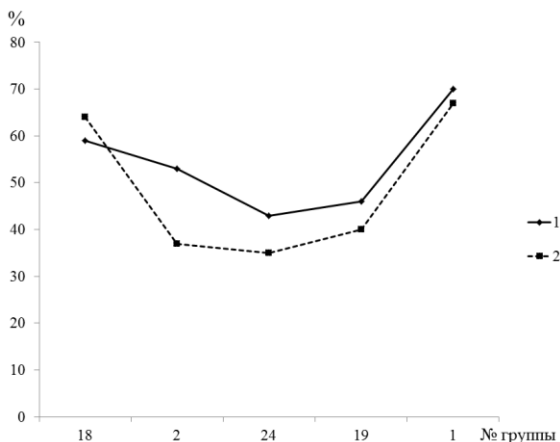

Рис. 15. Общая оценка уровня развития коллектива учащихся (в процентах).

1 — суммарная оценка сплоченности; 2 — сплоченность в совместном отдыхе

за рамки чисто делового общения. Недаром общий уровень развития коллективов групп дает высокий коэффициент корреляции с уровнем сплоченности групп в совместном отдыхе – 0,874 (рисунок 15).

Коэффициенты корреляции между уровнем развития коллектива и отношением мастера к учащимся (0,580), а также между уровнем развития коллектива и отношением учащихся к мастеру (0,602) дают нам возможность сделать выводы об определенной зависимости формирования коллектива учащихся ПТУ от уровня взаимоотношений между учащимися и мастером.

Установив это, можно пойти несколько дальше, т. е. установить, какие именно черты личности мастера определяют тот или иной уровень отношения учащихся к мастеру. Этот вопрос исследовался с помощью методики оценочной характеристики.

Наибольшее влияние на формирование положительного отношения учащихся к мастеру оказывают именно те качества личности мастера, в которых проявляется его отношение к людям вообще и к учащимся в частности. Это такие качества, которые условно названы «добрый», «приветливый», «справедливый», «хорошо относится ко всем ученикам», «с ним можно поговорит по душам» (рисунок 16). Они дают наивысший коэффициент корреляции с уровнем положи-

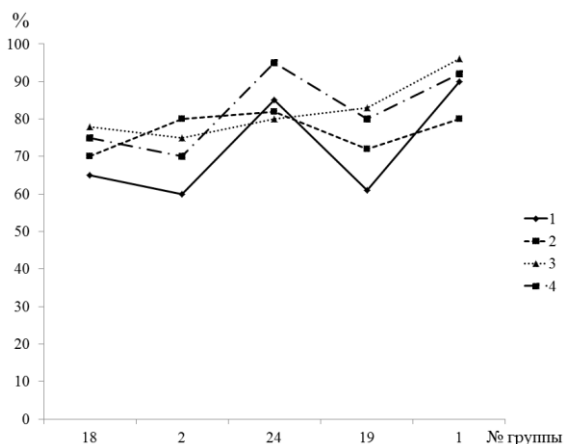

Рис. 16. Качества личности мастера, в которых проявляется его отношение к ученикам (в процентах).

1 — добрый; 2 — хорошо относится к ученикам; 3 — приветливый; 4 — справедливый

тельного отношения учащихся к мастеру. Аналогичные данные получены другим нашим сотрудником А. Л. Свенцицким при опросе 300 учащихся ПТУ № 2 Ленинграда. В ряду наиболее привлекательных моральных качеств своего мастера учащиеся называют доброту, отзывчивость, справедливость, а в числе наименее привлекательных — грубость, несправедливость, злость.

В формировании взаимоотношений в ученических коллективах имеет решающее значение поведение мастера, его деловые качества, отношение к людям, заинтересованность судьбами будущих рабочих.

Отношения учеников к мастеру, отношение мастера к ученикам и отношения между учащимися находятся в прямой зависимости и связи, а место этих разных отношений в системе связей зависит в каждом случае от конкретных ситуаций. Однако доминирующее значение поведения и качеств мастера в этих отношениях бесспорно. Что касается взаимоотношений самих учащихся, то ведущим фактором являются те отношения и качества, которые проявляются и складываются между учащимися на производственной практике, в системе трудовой активности. Следовательно, процесс труда и характер складывающихся непосредственных отношений в нем являются решающими для формирования всех других взаимоотношений как для членов производственных коллективов, так и для ученических коллективов в системе ПТУ. Сам же характер развития опыта общения еще в рамках ПТУ оказывает влияние на особенности общения вступающего в трудовой коллектив молодого рабочего, выпускника ПТУ.

Заключение

В итоге всех наших поисков в исследованиях производственных и учебных коллективов мы убеждаемся в социальной значимости социально-психологических работ, более ясно представляем, на что главным образом необходимо обращать внимание.

В социально-психологическом исследовании необходимо добираться до внутренних, действительно существующих межличных отношений между членами производственных бригад. В любой бригаде, кроме ответственной зависимости, официальной и деловой структуры (бригадир, технорук, распределение рабочих по операциям, по видам работ и т. д.), существует система внутренних, психологических отношений между членами бригады. Это так назы-

ваемые официальные и неофициальные сферы взаимоотношений, которые необходимо изучать в социально-психологическом исследовании. В бригадах с высоким уровнем взаимоотношений мы наблюдали сближение отношений должностования, ответственной зависимости с теплотой личных отношений: взаимное уважение, стремление к расширению сферы общения за пределы производства. Это сближение отношений обнаруживается в виде закономерной тенденции. Сближение взаимоотношений не создает обстановки панибратства, исключительности своего коллектива. Наоборот, подобные коллективы весьма требовательны к работе, учебе и поведению своих товарищей.

Высокий уровень взаимоотношений в бригаде нами определяется как наиболее рациональное и гармоничное сочетание официальной структуры с теплотой и близостью межличных отношений. Высокий уровень взаимоотношений в коллективах — это та мера, которая находится между голым администрированием и панибратской спаянностью и групповщиной. Эта мера находится на стыке сближения неформальной и формальной структур связей в коллективе. В подобных бригадах отношения ответственной зависимости, требования выполнения и перевыполнения плана воспринимаются участниками как личная цель, личная оценка событий и людей по качеству их работы, по отношению к делу. В такой бригаде — уважение и почет самому добросовестному и способному труженику, осуждение и критика нерадивому работнику. Здесь-то и происходит слияние или расчленение общественного и личного, отношений ответственной зависимости с отношениями личной симпатии, уважения или наоборот. Эти положения подкрепляются данными о взаимных выборах членами бригады друг друга по различным критериям: совместная работа, проведение досуга и др.

В бригадах с низким уровнем отношений взаимность выборов падает по всем критериям, а иногда наблюдаются устойчивые и различные группировки, возникшие на разных основах. В подобных бригадах дисциплина труда и взаимоотношения поддерживаются внешней необходимостью соблюдения трудовых обязанностей.

Уровень взаимоотношений в бригадах решающим образом определяет эффективность. По нашим данным, нормы выработки более высокие и устойчивые в бригадах с более высоким уровнем взаимоотношений. Раскрывается существенная зависимость между уровнем отношений в бригадах и дисциплиной ее членов, их участием

в рационализации, изобретательстве, в стремлении повышать свою квалификацию, в характере участия в общественной жизни и т. д.

Характер и уровень взаимоотношений в бригадах не является статичным, неподвижным. Наоборот, взаимоотношения в бригадах весьма динамичны. На их развитие по линии деловых и психологических отношений влияют многие факторы: организация труда на производстве, система материального и морального стимулирования, работа партийной и других общественных организаций, руководство и организация производства, прошлый опыт общения рабочих в других коллективах, психологические качества участников.

Подчеркивая значение межличных отношений между рабочими, мы убеждаемся, что решающим критерием, господствующей тенденцией в выборах рабочими друг друга является критерий работы. Квалификация и способности рабочих, их отношение к труду стоят на первом месте шкалы выборов. Выбор по критерию работы составляет основу отношений в производственных коллективах. Он влияет в дальнейшем и на выбор по другим критериям: совместная общественная работа, учеба, проведение досуга, занятия спортом и т. д. Следовательно, при всей значимости отношений взаимной симпатии и антипатии, т. е. межличных отношений, сами они существенно зависят от деловых, трудовых качеств рабочих и ими определяются. Отношение к труду рабочего, его производственная квалификация, отношение к людям определяют то, как будут складываться его взаимоотношения в производственном коллективе.

Характер и уровень взаимоотношений существенно зависят и от тех задач, которые решает тот или иной коллектив. Для социалистического производственного коллектива наилучшей структурой связи является принцип демократического централизма, который объединяет волю и разум руководителя на всех ступенях с инициативой и согласованными действиями всех участников. В бригадах с высоким уровнем отношений руководитель выступает таковым в системе ответственной зависимости и пользуется наибольшим либо весьма значимым уважением и авторитетом среди членов своего коллектива. В этом случае лидер является руководителем и официально и неофициально, т. е. он пользуется действительным авторитетом не только сверху, но и снизу. Здесь, разумеется, как и во всем, требуется мера. Этой мерой является приоритет принципа, истины, общественно значимой цели, которая поднимает и личность. Раз-

рыв, противоречия в этих системах связи у руководителя с членами коллектива могут свидетельствовать о низком уровне взаимоотношений либо о начале, зародыше, о возникновении данного коллектива. Последняя ситуация возникает иногда при появлении нового руководителя в коллективе, где уже сложились разные группировки.

Вместе с тем в конкретных обстоятельствах возникают задачи, для решения которых требуется особая жесткая или гибкая структура взаимоотношений. В военной обстановке часто требуется делать акцент на проведении принципа единоначалия.

Решение задач требует часто исключительной согласованности, сработанности и быстрого взаимопонимания и взаимодействия операторов (данные Ф. Д. Горбова, Н. В. Голубевой). Как ни велика роль производственного критерия, задач, которые решает коллектив в организации взаимоотношений участников, не последнее место в этом занимают и социально-психологические условия. К ним относятся: прежний опыт общения человека в различных коллективах, психологические особенности человека. Недостаточный опыт коллективных переживаний, радости коллективного труда и творчества создает трудности при вхождения в новый коллектив человека. В этом немаловажную роль может сыграть сознательная работа по развитию взаимоотношений и коллективных переживаний в системе ПТУ (данные А. А. Русалиновой) и общеобразовательных школах (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский). Очень многие психологические особенности: темперамент (А. И. Ильина), способности (Н. В. Голубева), характер (Н. В. Голубева, А. Самойлов) влияют на межличностные отношения в производственных коллективах.

Характер взаимоотношений, которые складываются в производственных коллективах, существенно влияет на формирование) и развитие профессиональных интересов, на формирование коммунистического отношения к труду (Н. В. Голубева, Э. С. Чугунова, А. Л. Свенцицкий и др.).

Высокий уровень отношений в коллективе порождает более устойчивое отношение к работе. Показатели об удовлетворенности своей специальностью и работой значительно выше в бригадах коммунистического труда, чем в обычных бригадах.

Развитие взаимоотношений внутри бригады благотворно сказывается на взаимоотношениях между бригадами. Как правило, бригада с высоким уровнем взаимоотношений не может замкнуться в себе. Многие бригады коммунистического труда борются за вовлечение

в это движение других коллективов, ведут большую шефскую работу за пределами своего предприятия.

Развитие взаимоотношений и сплоченности в бригадах существенно зависит от взаимного восприятия и понимания людьми друг друга (А. А. Бодалев, А. А. Русалинова, В. Н. Шубкин). Недооценка своих товарищей, своего коллектива и самого себя отрицательно сказывается на взаимоотношениях в коллективе. Следовательно, организация взаимоотношений внутри бригад с социально-психологической точки зрения включает не только коммуникативные особенности (формы и характер общения), но и гностические моменты (взаимопонимание, представление людей друг о друге). Всем, например, известно, какую огромную роль во взаимоотношениях между людьми играют речевые особенности: тон речи, ее содержание, уважение человеческого достоинства, искренность (П. М. Якобсон). Весьма существенное влияние на настроение рабочих, на их отношение к труду оказывают взаимоотношения их с администрацией, с руководителями (Э. С. Чугунова, А. А. Русалинова).

При всей значимости отмеченных социально-психологических факторов в развитии взаимоотношений в производственных коллективах все же решающими и главными являются общий характер экономической структуры общества и идейная общность людей. Эти факторы определяют и социально-психологический характер складывающихся взаимоотношений. Вместе с тем в конкретных ситуациях может быть разрыв, противоречия этих сторон. При идейной общности у людей может отсутствовать взаимное уважение, взаимное понимание, согласованность в действиях. Мы должны направлять социально-психологическое сближение людей на основе их идейной общности. Этому способствуют закономерные процессы общественного развития в нашей стране.

Таким образом, центром исследований нашей социальной психологии становится все больше коллектив и характер взаимоотношений в нем. Конечно, социальная психология должна включать в круг своих проблем разнообразные коллективы: производственный, школьный, дошкольный, семейный, воинский и др.

Наша традиционная классификация коллективов на первичные (бригада, учебный класс, партгруппа, отделение в армии и т. п.) и вторичные (завод, совхоз, школа, воинская часть и т. п.) является полезной и продуктивной. Эта классификация противостоит изобилию и большой неопределенности понятий групп в зарубежной

социальной психологии, в которой все решается преимущественно в неформальной, психологической сфере. Отвергая такую односторонность, мы, вместе с тем, считаем оправданным и необходимым включение в структуру коллективов явлений, которые идут от неформальной, психологической атмосферы группы и от формальной структуры группы, которая всегда общественно обусловлена. Каждый коллектив с социально-психологической точки зрения представляет такой синтез формальной и неформальной структуры. Чем более развит коллектив, чем он более сплочен, тем наиболее оптимально и органически связываются неформальные и формальные структуры группы.

В передовых бригадах коммунистического труда мы видим высокую формальную структуру (разумное распределение функций, операций, поручений между членами коллектива, отношения ответственной зависимости), которая опирается на прочную неформальную структуру (взаимное уважение, авторитетность лидера, распределение обязанностей по способностям, глубокое уважение к целям коллектива, к его нормам, личные хорошие отношения). В бригадах и коллективах, где напряженная, конфликтная система, обязательно существуют противоречия в формальной и неформальной структурах. Социальная психология призвана раскрывать механизм этих противоречий и помогать в их устранении. На всех стадиях развития коллектива необходимо учитывать особенности неформальной структуры и требования, которые предъявляются обществом, планом, технологией к формальной структуре данного коллектива. Приоритет, разумеется, за общественными требованиями и целями, которые стоят перед коллективом. Но все это невозможно выполнить и диктаторски навязать без учета особенностей личности, без завязывающихся связей и отношений между ними. Гуманное, научное, оптимальное использование способностей людей, особенностей их межличных отношений является лучшим и вернейшим путем создания оптимальной официальной структуры. В этом и состоит главное призвание социальной психологии как науки. Социальная психология, разумеется, должна подниматься и до анализа взаимоотношений между коллективами, до вторичных коллективов, до отношений руководителей и подчиненных. И в этом случае задача социальных психологов — дойти до неформальных групп, связей, которые существуют наряду с официальной структурой. Социально-психологически что-либо можно понять, лишь раскрыв действи-

тельные связи формальных и неформальных групп внутри первичных и вторичных коллективов.

Словом, в нашу систему понятий и исследований коллектива должны будут органически войти продуктивные понятия из зарубежной социальной психологии.

Определений коллективов и групп существует очень много. Мы не претендуем на исчерпывающее определение коллектива и характеризуем его по основным признакам.

Признаки коллектива: общественно-значимые цели, компактное по территории объединение со своими органами управления, временная устойчивость, известная завершенность функций (обучение и воспитание — школа, выпуск телевизоров — завод, охрана границ — застава и т. п.), сложная неформальная динамика и структура групп, отношения ответственной зависимости (формальная структура группы). Коллектив есть единство межличных отношений и отношений ответственной зависимости (неформальная и формальная структуры), призванный решать общественно значимые задачи.

Нижние количественные границы коллектива определены. Они не могут быть меньше 2 человек. Верхние границы первичного коллектива должны определяться обществом (А. С. Макаренко определял их как отряд, учебный класс) с учетом возможности непосредственных контактов и взаимовлияний. Верхняя граница первичного коллектива находится где-то между 15—40 участниками. За пределами 40 человек усложняются возможности непосредственных контактов, взаимовлияний, появляются сложные подгруппы и т. п. Поэтому верхнюю границу коллектива четко и определенно провести трудно.

Нижняя граница вторичного коллектива зависит от особенностей коллектива. Если это село (вторичный коллектив), то семьи в нем (первичный коллектив) могут состоять из 2—3—4—5—6 и более человек. Это и будет нижняя граница вторичного коллектива. Если это предприятие, то бригады в нем могут быть от 2 до 15—20 и более человек. Это и будет нижней границей вторичного коллектива. Что касается верхних границ вторичного коллектива, то они определяют известной завершенностью функций (село, школа, предприятие, воинская часть). В числовом выражении это трудно выразить. Уровень развития коллективов выражается в мажорном настроении, в отсутствии напряжений и конфликтов внутри и между коллективами, между исполнителями и руководителями, в выполнении стоящих перед коллективом задач. Значит, уровень развития первичных

и вторичных коллективов определяется не только через официальные признаки (проценты выполнений и достижений), но и через общую психологическую атмосферу взаимоотношений в них.

Можно также согласиться с положением В. Г. Бобровой и М. М. Вахрушевой, что на первых этапах развития детского коллектива система личных отношений оказывает определенное влияние на формирование коллектива, тогда как на высшем этапе развития коллектива, наоборот, формирующиеся внутриколлективные отношения начинают вносить изменения, коррективы в систему личных отношений (см.: Быстров, Маствилискер, 1965, с. 181). По нашей терминологии, происходит органический синтез неформальной и формальной структур, межличных отношений с отношениями ответственной зависимости, идейная общность согревается теплотой человеческих отношений.

Глубокое научное изучение и практическое мастерство управления коллективами возможны только через изучение и направленное развитие этих двух сторон в жизни коллектива.

Определение групп — дело очень сложное. Мы не можем претендовать на их универсальное определение. Группы могут носить социологический (это общественные классы) и политический смысл (это большие партии). Мы претендуем на выделение социально-психологических признаков групп. С точки зрения социальной психологии все группы подразделяются на два вида: неформальные и формальные. Они могут входить в коллектив, объединяться в нем по мере развития коллектива либо, наоборот, расходиться при распаде коллектива. Группы могут существовать и самостоятельно. Например, клика подростков, узкий круг часто встречающихся товарищей — это неформальная группа. Распределение обязанностей в классе, в бригаде, ознакомление с правами и обязанностями и их исполнение — пример формальной группы.

Глава IV

Социальная психология личности

Проблема личности является одной из центральных для современной социальной психологии. Это объясняется как потребностями внутреннего развития наук о человеке (Ананьев, 1957, 1962), так и современной расстановкой сил в идеологической борьбе.

Известные достижения физиологии и психологии в области тирологии высшей нервной деятельности и темперамента, в изучении способностей и характера приближают нас к решению вопроса о психологической природе и структуре личности. В этих направлениях имеются известные достижения в плане раскрытия природы каждого из перечисленных компонентов (темперамент, способности, характер) психологической природы личности. Хотя понятно, что эти достижения имеют относительный смысл в сравнении с изучением социально-психологического аспекта личности: восприятие и понимание людьми друг друга, коммуникация, социализация личности, личность и групповые нормы, ориентация личности и т. п. А между тем без раскрытия социально-психологических особенностей личности и соответствующих закономерностей содержание и структура личности значительно обедняются.

Так, в нашей лаборатории установлен факт изменения особенностей темперамента в условиях групповой деятельности по сравнению с тем, что выявлено в индивидуальных, общепсихологических экспериментах. В подобных ситуациях происходят существенные сдвиги и в других структурах личности (способностях, чертах характера и т. п.). Кроме того, оценка, восприятие и понимание других существенно коррелируют с самооценкой, и наоборот (Бодалев, 1965).

Следовательно, психологический анализ личности должен быть дополнен социально-психологическим. Вместе с тем без социально-психологического подхода невозможно найти звено перехода от пси-

хологии к социологии личности. Так, например, эффективность всех средств массовой коммуникации, воздействие идеологии, культуры всегда опосредуются сложившимися установками, эталонами, стереотипами личности, а часто эти воздействия буквально передаются нам через конкретное лицо. Всё, что не проходит этот социально-психологический барьер, не действует, не становится социально-психологическим достоянием личности. Изменить что-либо в социальной психологии личности можно только через изменения эталонов, отношений, установок, жизненного опыта. Вспомним указания В. И. Ленина о том, что достигнутым можно считать все то, что вошло в быт, в привычку. Далее, воздействие личности на массы (важная социологическая проблема) не может быть достаточно успешным без учета подражания, внушения, конформизма и других социально-психологических проявлений взаимодействующих личностей.

В наш век бурного развития индустрии, наук и острой идеологической борьбы стоит первостепенная задача — использовать достижения наук о человеке (в том числе и социальной психологии) в целях его всестороннего развития и подлинной гуманизации взаимных отношений людей.

В настоящей главе будут раскрыты известные достижения зарубежной социальной психологии личности как науки, которые могут быть использованы и развиты дальше в нашей стране. Разумеется, нас совершенно не могут удовлетворить методологические и идеологические установки в разработке проблем социальной психологии личности в капиталистических странах. Хорошо известно, что методология социальной психологии личности там строится на бихевиоризме (Ф. Олпорт). В методологическом отношении эта теория страдает механицизмом, стандартизацией и уходом от социального содержания личности.

Широко распространенными и столь же неправильными в методологическом отношении являются фрейдистские и неопрейдистские социально-психологические теории личности (К. Хорни, Э. Фромм и др.). Социально-психологические особенности личности ими выводятся из глубинных стремлений, а особенности взрослого человека определяются в значительной мере характером развития человека в раннем детстве.

Не выдерживает методологической проверки факториальная теория личности (Р. Кеттелл, Б. Скиннер), в которой главные и второстепенные факторы и их зависимости слишком рядоположены в смыс-

ле связи черт личности, личности и среды, конституции и личности; явно идеалистический уклон в общей теории личности мы обнаруживаем в теории поля (К. Левин), транзактной теории (Э. Кентрил, Ф. Килпатрик). В обеих весьма различных между собой теориях личности основой поведения личности и ее проявления в конечном счете являются потребности, влечения, мир положений, стремления к увеличению опыта, которые разворачиваются в окружающей среде, служащей лишь стимулом, поводом, вызовом, коррективом и не более того.

Из методологической несостоятельности всех перечисленных теорий социальной психологии личности отнюдь не следует отрицание конкретно-научных данных, собранных сторонниками этих теорий. Наоборот, в системе каждого направления имеются крупные конкретно-научные достижения, которые являются результатом поступательного и преемственного развития социальной психологии и могут быть с пользой для дела использованы в нашей науке.

В последние годы в нашей стране вместе с развитием и становлением марксистской социальной психологии разворачиваются исследования и по проблемам социальной психологии личности. Разумеется, исследования по психологии личности в нашей стране проводились и проводятся систематически (не о них речь). В рамках исследований общей психологии личности так или иначе затрагивались и социально-психологические аспекты личности. Но надо прямо сказать, что исследования социальной психологии личности все еще впереди, что к этим исследования все больше обращаются психологи и социологи.

§ 7. Достижения зарубежной социальной психологии личности

При изучении структуры личности зарубежные социальные психологи уделяют большое внимание анализу общих явлений: соотношению статуса и роли личности, социализации личности, отношениям и установкам личности. Подробно изучаются социально-психологические, гностические и коммуникативные особенности личности: восприятие и понимание людьми друг друга; речь как средство общения, мотивы деятельности личности и др.

Статус и роли личности. Понятия статуса и роли личности широко применяются в зарубежной социальной психологии и социологии. Эти понятия хорошо связывают социологический аспект в лич-

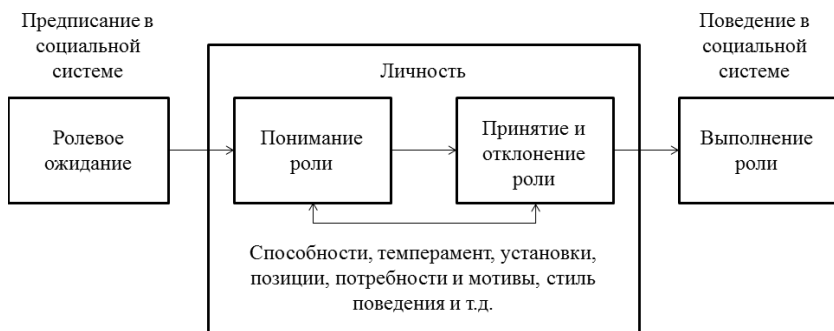
ности с ее психологической природой и являются, таким образом, звеном перехода от психологии к социологии личности.

По утверждению зарубежных ученых, теория ролей не имеет единого основателя, как, скажем, теории бихевиоризма и фрейдизма. Т. Сабин полагает, что «в отличие от теории поля и психоанализа, концепции которых основаны К. Левином и З. Фрейдом, теория роли развивалась как результат работы независимых исследований...» (*Handbook of Social Psychology*, vol. I, p. 223). В развитии представлений о роли, по мнению Т. Сабина, приняли участие С. Холл, Дж. Джеймс, Ч. Кули и др. В последнее время теории роли большое внимание уделяют Т. Парсонс, Р. Линтон, Г. Олпорт.

«Статус, — по мнению Т. Сабина, — есть собрание прав и обязанностей, которые обозначаются термином: мать, глава деревни, учитель и т.д.» (*ibid.*, p. 224). По Т. Парсонсу, статус выражает основную позицию личности в социальной структуре, которая может быть отнесена к высшему или низшему рангу (Беккер, Босков, 1961, с. 437). Таким образом, статус выражает социальную основу личности, ее права и обязанности. Статус — это личность как член общества, занимающая определенное место в общественной структуре. Правда, иногда понятие статуса употребляется и в более узком смысле. Например, статус или ранг личности в данной структуре группы (Р. Парк) (там же, с. 431). Все же основное содержание этого понятия носит сугубо социальный характер и связано с должностью, с правами и обязанностями личности. Следовательно, понятие статуса носит более социологический характер и связывается с учением о стратификации и мобильности личности и групп в том или ином обществе.

Понятие роли, тесно связанное с понятием статуса, носит скорее социально-психологический характер, так как в нем выражается связь психологии личности с общественной системой. Тесная связь понятий статуса и роли выражается в том, что статус — это позиция, должность личности, а роль — это выполнение, вхождение личности в ту или иную деятельность в соответствии со своими психологическими возможностями. Так, учитель (статус) может формально относиться к своим обязанностям (роль) или видеть в них весь смысл своей жизни (роль). Т. Сабин по этому поводу пишет так: «Активность личности происходит вокруг статуса, позиции, и она заключает в себе роли. Роли и позиции связаны. Роли определены в терминах действительного исполнения личностью своих обязанностей» (*Handbook of*

Social Psychology, vol. I, 1959, p. 224). Близким к этому является мнение Р. Линтона, который определяет роль как динамический аспект статуса: когда индивид осуществляет свои права и обязанности, он выполняет свою роль (Беккер, Босков, 1961, с. 505). Роль личности связана не только с реализацией статуса, но и с психологическими качествами личности. Это хорошо выразил Т. Сабин: «Когда интересуются Я (психологией личности. — Е. К.), тогда рассматривают личность как организацию качеств. Когда мы изучаем роли, мы рассматриваем личность как организацию действий» (Handbook of Social Psychology, vol. I, 1959, p. 244). Таким образом, роль одной стороной развернута к социологии, к статусу личности, а другой — к психологии, к психологическим качествам. Понятие и явление роли становится центральным для социально-психологической науки, так как роль является звеном связи социальных явлений с психологическими особенностями. Наглядно и схематически эту связь хорошо изобразил Г. Олпорт (Allport, 1961, p. 185).

На этой схеме мы видим, что роли определяются по критерию ожидания и по оценке выполнения в социальной системе, в обществе. Понимание, принятие и выполнение ролей существенно зависит от психологических особенностей личности. Личность и ее роль в социально-психологическом отношении есть, таким образом, не только совокупность всех общественных отношений, но и активный субъект, который преобразует эти отношения. Ведущими в этих отношениях, разумеется, являются общественные отношения. Для социальных психологов Запада психологический фактор выступает в этом ряду как совершенно самостоятельный, с чем, конечно, мы не можем согласиться.

Личность на своем жизненном пути усваивает, принимает (или отвергает) и выполняет разнообразные роли в разной степени успешно (член семьи, ученик, студент, рабочий, врач и т.д.). Статус и исполнение ролей оказывают существенное влияние на все стороны личности: на самооценку и оценку других, на восприятие и понимание людей и событий, на формирование всех качеств личности. С другой стороны, психологические особенности человека (способности, темперамент, черты характера) существенно влияют на статус и особенно на роль личности.

Определение роли включает в себя ожидание и предвидение поведения в соответствии со статусом, понимание роли, принятие (или отклонение) и выполнение ее. Роль может оцениваться в социальной, социально-психологической и психологической системах. Роль в социальном плане — это скорее объективный результат и общественная значимость деятельности субъекта, личности. Роль в психологическом плане — это соответствие качеств индивида выполняемой роли. Роль в социально-психологическом смысле — это глубина понимания, принятие и ответственность в исполнении роли, это соотношение различных ролей, их конфликтность, это соотношение индивидуальной роли с групповыми нормами и ценностями и т. п. Все ценностные ориентации, нормы существенно зависят от динамики ролей, и наоборот. Система и характер связи психологии индивида с ролью есть ключ к пониманию типологии личности: выдающиеся деятели, посредственные личности, всякого рода социальные и психологические аномалии (например, мания величия в образе императора, героя и т.д.).

В рамках социальной психологии проблема связи статуса, роли, индивидуальных психологических качеств является чрезвычайно актуальной. Это одно из важнейших структурных образований в социальной психологии. Посредством исследования этих явлений и их связи мы можем понять сложный механизм перехода от психологии индивида к обществу, через принятие и исполнение разнообразных ролей личностью. Самое слово «личность», на латыни *persona*, было заимствовано римлянами у этрусков, у которых оно означало маску и роль актера (Рубинштейн, 1935, с. 470). Этимология слова указывает на его общественную функцию, на связь понятия роли с личностью. Социально-психологическую природу личности наиболее полно можно раскрыть через ее разнообразные роли.

Заимствуя понятия «статус» и «роль» из зарубежной социальной психологии, мы не должны забывать методологической несостоятельности их рассуждений о соотношении психологии личности и общества. Как правило, большинство социальных психологов и социологов при объяснении общественных явлений имеют совершенно явную тенденцию — все общественные явления объяснять психологическими закономерностями. Эта явно неприемлемая тенденция убедительно и всесторонне рассмотрена в ряде работ марксистских социальных психологов и социологов (Осипов, 1964; Парыгин, 1965).

Учение о социализации

Большое место в зарубежной социальной психологии личности занимает учение о ее социализации. Социальная психология социализации личности рассматривает процесс становления человека, как он из ребенка становится адекватным членом общества взрослых. Ведущими теориями в этом отношении являются фрейдизм и S—R теория, или бихевиоризм. Сторонники фрейдизма выводят особенности взрослого человека и процесс его постепенной социализации из особенностей раннего развития ребенка в семье, фатально предопределяющих последующую судьбу человека. В методологическом отношении эти биологизаторская и фатально-средовая концепции для нас совершенно неприемлемы. Бихевиоризм слишком односторонне и механистически подчеркивает универсальную роль среды, что также в методологическом отношении довольно односторонне.

Вместе с тем в конкретном анализе явлений и процессов социально-психологического становления индивида содержится весьма ценный и поучительный материал относительно социализации в онтогенезе и вхождения личности в различные группы и культуры.

Социализация и воспитание ребенка в первые годы в значительной степени определяются его родителями (Child Psychology, 1963, p. 62—108).

Если стремление родителей достаточно сильно в формировании тех или иных черт характера ребенка, то они, как правило, добиваются своей цели. Характер и направленность воспитательных воздействий родителей существенно зависят от их непосредственного социального положения и окружения. Так, например, активная и разнообразная или монотонная и однообразная работа родителей часто отражается на воспитании ими своих детей. Дети активных родителей становятся деятельными, уверенными в себе, привыкают

рассчитывать на свои силы, дети пассивных — вырабатывают спокойный, приспособительный тип поведения. Не всегда, конечно, это соотношение равно 100%, так как бывают и противоречивые данные. Однако сама идея о влиянии характера деятельности родителей на воспитание ими своих детей является значимой. Социальные факторы, по мнению Ж. Клозена, влияют и на методы воспитания. В больших семьях реже применяется грубое физическое наказание или окрик. Характер надзора за отцом на работе отражается на методах воспитания.

Сильное влияние на семью и воспитание детей, по Ж. Клозену, оказывают особенности микрорайона, перенаселенность, трущобы, нехватка средств питания, большая преступность. В этих неблагоприятных условиях самый сильный удар приходится по детям, а не по взрослому населению, хотя страдают все.

Проступки, а затем и преступления детей происходят из-за безнадзорности в семье и протекающего отсюда сознания безопасности и возможности скрыть свой проступок от семьи (Child Development and Personality, 1963, p. 357—426).

Интересно отметить влияние семьи на определенные черты характера и поведения. Так, математически точно установлена корреляция между тенденцией к агрессивности детей, ссорами родителей и плохим поведением отца. Отмечается отрицательная корреляция между физическими наказаниями и следованием примеру отца или матери (Handbook of Social Psychology, vol. II, p. 669, 684).

Если в раннем детстве в социализации ребенка решающую роль играют родители, семья (а через них и среда), то с поступлением в школу влияние семьи дополняется школой, учителями и товарищами.

Были проведены исследования, которые выявили условия школьных успехов детей (Crandall, 1963, p. 426—444). По мнению В. Крендола, существует корреляция между профессией и социально-экономическим положением родителей и успехами в школе. В США успехи детей представителей «среднего» класса, в который там включают интеллигенцию, рабочую аристократию, мелких буржуа, выше, чем у неквалифицированных рабочих. Понятно, что это полностью определяется классовой структурой и экономическими возможностями различных социальных классов.

Вторая причина влияний на школьников — деятельность учителя и школьного коллектива. Правда, Крендол не раскрывает качеств учителей, которые являются решающими во влиянии на учащихся

ся. Что касается коллектива, то Крендол замечает, что интенсивное сплочение учащихся во внешкольной сфере приводит к усреднению учебных достижений.

Большое значение в успехах социализации зарубежные социальные психологи придают формам подкрепления, поощрения и наказания и необходимости их изменения в зависимости от возраста и развития детей. В подобных исследованиях установлено, что порядок подкрепления с возрастом должен изменяться: в самом раннем возрасте — это ласка матери; затем — сласти, картинка, возможность манипулирования с предметами; внимание и одобрение старших; подтверждение правильности и, наконец, трудность задач, оценки и сооценки (*ibid.*, ch. V–VI).

В связи с подкреплением следует подчеркнуть, что внимание, одобрение, поощрение значительно эффективней действуют, чем порицание или невнимание. Одобрение и порицание влияют на успехи как детей, так и взрослых. Так, например, Д. Браун установил, что внимательность к рабочим и благоприятная атмосфера могут поднять производительность труда до 300%, одобрение приводило к улучшению работы на 87,8%, а порицание — только на 11,9% (Brown, 1963).

В особенностях и типе подкрепления и поощрения детей необходимо учитывать критические периоды, особенно важные в смысле социализации: первые 2–3 года, поступление в школу, подростковый период, юношество.

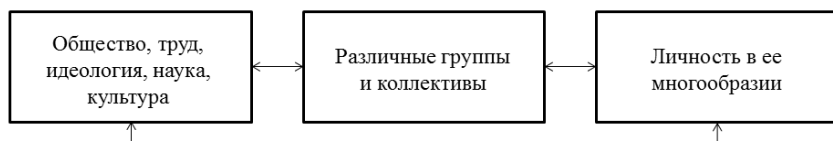
Социальное развитие человека, определяясь средой и различными воздействиями, представляет собой определенную систему. Оно имеет этапы со своими «доминантами», уровнями, которые необходимо учитывать при воздействии на человека. Так, Г. Мёрфи описывает интересный случай: близнецы были воспитаны с момента рождения в разных семьях (высокообразованная и малообразованная). Спустя значительное время, проверили умственные способности близнецов. Разница получилась примерно вдвое. Для уменьшения этой разницы с худшим испытуемым в течение продолжительного времени проводилась тренировка, которая уменьшила разницу примерно на 20% (*Experimental Social Psychology*, 1937). В данном случае уже сложились известные системы, которые труднее изменить, чем формировать в начале пути.

Известен и такой факт, что упущенное в развитии какого-либо психического процесса (например, памяти) в онтогенетическом периоде в зрелом возрасте труднее наверстать.

С другой стороны, выработанная система может не только сдерживать внешние воздействия, замедляя их эффективность, но и действовать в противоположном направлении. Так, человеку, который знает несколько языков или специальностей, значительно легче выучить и приобрести новый язык и специальность.

Проблема социализации включает в себя вопросы вхождения личности в группы и такие механизмы социализации, как подражание, внушение, конформизм, сознательное следование примеру, влияние массовых средств коммуникаций и культуры.

Схематически все эти моменты социализации можно представить так:

В основу вхождения и выбора различных групп обычно кладут различные критерии: соседство, этнографическая принадлежность, раса, возраст, пол (Беккер, Босков, 1961, с. 367). Другие вводят как основу выбора группы (там же) физическую близость, однородность одной или больше черт характера. Дж. Морено дополняет эти критерии выбором близостью семейного дохода, уровнем культуры, однородностью престижа, профессией и т. п.

Словом, социализация личности в смысле вхождения и выбора группы объясняется многочисленными факторами. Не меньшее значение в социализации личности имеет обратное влияние группы, ее лидера на принятие групповых норм, на способ поведения личности.

По мнению Л. Фестингера, С. Шахтера и К. Бака, степень влияния группы зависит от привлекательности ее для личности, от степени общения и сплоченности в группе (там же, с. 373). По мнению М. Шерифа, большинство членов группы вырабатывает какую-то совокупность норм посредством взаимодействия и знакомства с суждениями друг друга (Sherif, 1936). С течением времени под влиянием группы индивидуальные различия в восприятиях, в установках, в явлениях несколько сглаживаются. Чем сильнее группа, тем больше влияет она на своих членов.

В механизм социализации входят явления подражания, внушения, конформизма.

Как утверждает Дж. Хеббен, роль подражания с возрастом изменяется. Если для взрослого подражание выступает как одна из форм общения, взаимодействия, то для дошкольника подражание является одной из основных форм, механизмов, посредством которых ребенок «усваивает все основы общества и становится частью социального организма, в котором он живет, развивается» (Hubben, 1953, p. 709).

Известно, какую огромную роль играет внушение как механизм социализации личности. Влияние внушения на личность определяется не только качествами и состоянием последней, а главным образом объемом группы, авторитетностью ее и внушающих лиц для внушаемого независимо от того, происходит это в прямой или косвенной форме (Handbook of Social Psychology, vol. I, p. 24–29).

Особенности механизма конформизма были подробно изучены С. Ашем, К. Осгудом и Р. Крачфильдом.

По данным С. Аша, который проводил опыты методом подставных групп, 37% студентов колледжа и 48% военных подчиняются давлению группы (Asch, 1951). Больше приспосабливаются и конформны те, уровень возбуждения которых не столь высок, как у тех, которые сопротивляются нажиму, давлению группы. Расход нервной энергии у конформных меньше. К. Осгуд в экспериментах с группой из 5 человек, которые подвергались экспериментальному групповому давлению, установил, что 30% испытуемых конформны. Для конформных, по мнению К. Осгуда, характерны уважение авторитетов и законов, сверхконтроль, колебания при принятии решений, внушаемость и т. п. Для тех, которые неконформны, характерны активность, уверенность в себе, отстаивание своей точки зрения и т. п. (Hollander, 1963).

Связь личности с культурой и социализация личности в этом смысле включают все предшествующие звенья опосредования плюс массовые средства коммуникации, под влиянием которых создаются культурные модели и образцы познания, коммуникаций и поведения (Handbook of Social Psychology, vol. II, p. 961–968).

Таким образом, отмечая ложную методологию и общую теорию социализации личности (фрейдизм и бихевиоризм), мы приобретаем много ценных конкретных положений относительно факторов и условий социализации, форм подкрепления, этапности и системности в развитии, значения механизмов групповой динамики, подражания, внушения и конформизма в социализации личности.

Кроме того, интересен сам ход и структура социализации человека, которые должны быть глубоко исследованы в системе нашей социально-психологической науки.

Отношения личности

Одно из центральных мест в современной социальной психологии личности занимает понятие «отношение» (attitude). Некоторые наши социологи предпочитают слово attitude переводить как «установка». Из дальнейшего изложения мы увидим, что перевод термина attitude зависит от того, какой смысл мы, русские, вкладываем в понятие отношения и установки, а также в зависимости от симпатии исследователей к теории отношений и теории установки. Точный перевод attitude означает «отношение, позиция». Однако, если понятие «установка» трактовать широко, универсально, понимая его природу как целостное образование личности, т. е. как отношение, определяющее отражение, то слово attitude можно переводить и как «отношение», и как «установка», т. е. это одно и то же.

Отношение, или установка, в зарубежной социальной психологии рассматривается с разных сторон: природа отношения, установки, измерение отношений, соотношение установки с групповыми нормами, с ценностями, возможность изменения отношений, место отношений в системе психики (с социально-психологической точки зрения).

Отметая бихевиористский и фрейдистский методологический налет механицизма и субъективного идеализма, попытаемся выделить рациональные моменты. Природа отношения и установки раскрывается в нескольких определениях Д. Дроба (1933): отношение — умственная диспозиция индивида на действие или противодействие.

Г. Олпорт в 1935 г. дал такое определение: отношение — это умственное, психическое или физиологическое состояние готовности, обусловленное опытом и динамически влияющее на ответы индивида на все объекты и ситуации, с которыми он соотносится (Handbook of Social Psychology, vol. I, p. 45). Последнее определение довольно полно и глубоко раскрывает основные элементы в структуре отношений: зависимость отношений от опыта, проявление отношений в нервной системе, в ответных реакциях на внешние воздействия.

М. Ширер дает более обобщенное определение отношений. По его мнению, отношение есть обобщение опыта, включающего прошлое,

настоящее и будущее, всегда зависящее от повторного подкрепления и социального контакта. В этом определении схватывается суть отношения в более высоком, обобщенном и абстрактном виде.

К такому же обобщенному определению приходит и Г. Грин, для которого «концепция отношений не представляет конкретного действия или ответа индивида, она есть абстрактная форма большого числа соотношений стимулов и ответов» (*ibid.*, p. 335). Отношения для Г. Грина носят гипотетический характер. Отношения — это факт нашего сознания, в котором связывается ряд стимулов и ответов; отношения — это латентный факт взаимосвязи ряда стимулов и ответов; отношение — синдром соответствия комплекса воздействия на них. Интересной является идея Грина о поле отношений как комплексе стимулов — ответов, во взаимосвязи которых выступает тип данного отношения. Как поведет себя человек в той или иной ситуации, зависит от ситуации и поля, типа сложившихся отношений.

В состав отношений как целостного образования Дж. Хардинг и многие другие включают познавательные, эмоциональные и поведенческие элементы (*Handbook of Social Psychology*, vol. II, p. 1023).

Таким образом, если отвлечься от поведенческих наслоений в определении отношений и установок, то можно удерживать рациональные признаки их действительной природы: отношения зависят от опыта связи индивида со средой; отношения есть нечто общее, некий синтез в этой связи; отношения включают познавательные, эмоциональные и поведенческие элементы: среда не прямо действует на индивида, а через это выработанные отношения; отношения бывают разных уровней обобщения; в отношениях следует выделять их поле, их основу.

Самым значительным достижением зарубежной социальной психологии отношений являются поиски техники и количественных приемов измерения отношений.

Отношения и установки теснейшим образом связаны с групповыми нормами, с ценностями. Эта связь двоякая. С одной стороны, отношения и установки формируются под решающим воздействием групповых норм и общественных ценностей, а с другой — нормы и ценности становятся достоянием личности и ее поведения только через отношения и установки. По мнению Дж. Хардинга, на отношения личности влияют родители, учителя (воспитание), контакты с членами своей и других групп, групповые нормы, массовые средства коммуникации (*ibid.*, p. 1037, 1046).

Отношения личности связаны с ценностями. Много по этому поводу сказано У. Томасом и Ф. Знанецким. Субъективно ценность — это есть установка, отношение личности, а объективно ценность есть направленность, содержание, общественная значимость ценности. Двойкий характер ценности определяется тем, что определенная ценность может вызвать массу различных установок, отношений и одна установка может проявиться в отношении самых различных ценностей (Беккер, Босков, 1961, с. 114—120). Отношения и установки личности существенно влияют на групповые явления. Так, в серии остроумных опытов К. Осгуд показал, что установка на группу порождает конформизм (Hollander, 1963, p. 362—378). Обстановка опыта такова: 5 испытуемых отгорожены друг от друга, но знают о присутствии соседей; каждый испытуемый, нажимая кнопку своего прибора, в ответ на вопрос «какой круг больше, меньше?» (хотя они оба равны), давал ответ «больше—меньше»; испытуемым было сказано, что они все отвечают в свою очередь после другого. На самом деле первые четыре ответа давал экспериментатор, а каждый из пяти испытуемых считал себя пятым. Результат: много ответов соответствовало показаниям предыдущих, т. е. ответам экспериментатора. Таким образом, сама установка личности на действие других оказывает конформное действие.

В ряде опытов отмечено влияние установки отношений на оценку других, на оценку себя, на зависимость отношений от взаимоотношений. Так, Т. Ньюкомб у группы студентов спрашивал об их отношении (нравится или не нравится) к 15 знакомым. Чем больше сходных оценок, тем больше близость, теснее взаимоотношения. В ряде других опросов Т. Ньюкомб установил факт того, что, чем больше испытуемому нравится человек, тем больше, по его мнению, он нравится ему. На нравящегося нам человека мы проецируем свои качества и т. п. (ibid., p. 298—311). В перечисленных исследованиях обнаруживается влияние отношений, установок личности на взаимоотношения в группе, и наоборот.

Представляет серьезный интерес положение об изменениях и устойчивости отношений.

В этом смысле интересные идеи содержит транзактная теория, развиваемая Э. Кентрилом. В ряде своих работ и исследований Э. Кентрил проводит мысль о том, что развитие человека определяется его стремлением к самосовершенствованию (эта идея была высказана еще Б. Спинозой в его «Этике»), стремлением к увеличению качеств

своего опыта. Э. Кентрил опросил несколько тысяч человек о том, довольны ли они своим образом жизни. За исключением одного человека, все ответили, что нет (Cantril, 1950).

В этом проявляется исключительный динамизм отношений человека к действительности, постоянное стремление его к новым свершениям. Отношения наши, опираясь на прошлый опыт и являясь весьма устойчивыми, как бы устремлены в будущее. Эта в общем правильная идея Э. Кентрила облечена в методологически субъективно-идеалистическую концепцию его транзактной психологии, которая для нас неприемлема. Источник стремления к обновлению опыта Э. Кентрил выводит из субъекта. Кроме того, Э. Кентрил считается только с делами, с чувственным опытом и не придает особого значения абстрактным понятиям (интеллектуальному уровню изменений).

Об устойчивости, укорененности, константности отношений свидетельствуют исследования по индустриальной социальной психологии. Так, Д. Браун в главе «Отношения и мнения» убедительно раскрывает устойчивость и пути изменения отношений (Brown, 1963). Невозможно изменить отношение к тому или иному вопросу с помощью лекций. Бесполезно превращать одно отношение в другое, можно только сделать его из менее реального более реальным. Путь изменения отношений — это групповая дискуссия с активностью ее членов. Изменить отношение через индивидуумы невозможно. Трудно изменить отношения тех, кто обладает большей информацией и более высоким интеллектом, чем мы. Отношения меняются больше через неформальную группу.

В подобной серии рассуждений могут быть правильные и ошибочные положения, но все они подчеркивают устойчивую изменимость отношений и установок, против чего невозможно возражать.

Таким образом, целостный и синтетический характер отношений, их зависимость от прошлого опыта, включенность в них познания, эмоций и моторики, влияние отношений на все стороны психики человека, двоякая зависимость от группы и устойчивая изменяемость — вот те идеи, которые могут быть рационально использованы в нашей системе исследований.

Восприятие и понимание людьми друг друга

Существенное место в зарубежной социальной психологии занимает изучение процессов перцепции личности, вопросы восприятия и понимания людьми друг друга. Много внимания критическому анализу

состояния этой проблемы в зарубежной социальной психологии уделил А. А. Бодалев (1965). Как отмечает исследователь, при общей методологической и теоретической несостоятельности в решении проблемы восприятия зарубежные социальные психологи продвигаются в технике исследования, в получении конкретных данных относительно восприятия и понимания человека человеком. В этом отношении А. А. Бодалев отмечает достижения в изучении соотношения восприятия, эмоций и речи. По данным М. Ванденберга и М. Маттиссона, всякого рода аномалии, особенно шизофрения, нарушают возможность различения (восприятия) эмоциональных состояний: радости, печали, беспокойства, страха, гнева и т. д.

По данным многих зарубежных психологов, эмоциональные состояния проявляются во многих характерных выразительных движениях, позах, в особенностях речи, которые имеют большое значение во взаимном восприятии. Так, М. Кроут установил положительную корреляцию между состоянием покорности, смирения и положением пальцев рук, сведенных кончиками вместе; для состояния самоободрения характерна поза с одним пальцем, зажатым пальцами другой руки. Дж. Гельм связывает состояние Я беспокойства и смущения с почесыванием и трением различных частей лица. Р. Покорны указывает на связь походки с качествами человека: раскачивание при ходьбе — признак аккуратности, точности, педантичности.

О связи восприятия с эмоциями свидетельствуют не только эмоциональные выразительные движения, но и особенности подкрепления, поощрения и ситуации восприятия. По данным Д. Джексона, М. Шерифа и Г. Мёрфи, изображения лиц, которые поощрялись в экспериментальной ситуации, воспринимались предпочтительно как положительные, а лица, за неверное восприятие которых штрафовали или наказывали, оценивались отрицательно. Эти факты подтверждают значение подкреплений и эмоций для восприятия человека.

Существенное значение в восприятии и понимании других людей имеют особенности речи. Так, Г. Олпорт устанавливает Я-корреляцию между голосом и некоторыми физическими и психическими чертами человека. А исследователь Т. Сабин в ряде остроумных опытов устанавливает возможность конструирования особенностей другого человека по голосу. По прослушанным фразам других можно с известной достоверностью установить возраст, пол и род занятий говорящих. Много исследований в зарубежной социальной психо-

логии, как показывает А. А. Бодалев, посвящено изучению влияния прошлого опыта и отношений между людьми на характер взаимного восприятия человека человеком. В этом отношении представляют большой интерес исследования Э. Кентрила и его сотрудников с искаженными очками и пространством комнаты. Так, искажающие очки даже небольшой силы давали известные изменения в восприятии незнакомых лиц. Напротив, молодожены видели друг друга, как обычно, даже при более сильно искажающих очках. Искажение происходит и тогда, когда новобранец смотрит на адмирала. В первом случае на особенности восприятия сказывается близость и теплота отношений, во втором — различный социальный статус.

Проблеме восприятия, или перцепции, зарубежные социальные психологи придают весьма существенное значение. Универсальность подхода к проблеме восприятий заключается в том, что социальные психологи проникают и в сферу психологии, и в сферу физиологии, и в сферу социологии, строят целые теоретические системы. Это лучше всего проиллюстрировать на транзактной психологии, созданной Э. Кентрилом и его учениками. Человек, по мнению Э. Кентрила (Cantril, 1950), руководствуется в своей жизни своим миром положений, своим опытом, своими восприятиями; он постоянно стремится к увеличению своего оценочного опыта или мира положений. Абстрактный, понятийный, концептуальный уровень ориентировки человека имеет второстепенный характер и сам изменяется под влиянием опыта, под влиянием изменения оценочных суждений.

На основе многочисленных опытов и опросов, которые проводил сам Э. Кентрил и его многочисленные сотрудники, он пытается доказать преимущественно субъективный, бессознательный и тенденциозно направленный характер наших восприятий. Опыты проводились с трапезоидом (вращающаяся с другими предметами искаженная оконная рама), с очками разной силы искажения видимых предметов, со светящимися шарами, которые то увеличивались, то уменьшались; с искаженными формами комнаты, незаметными для испытуемых, в которых демонстрировались разные люди и предметы; проводилось обсуждение спортивных игр и фильмов с соперничающими сторонами и т. д. Следовательно, опыты чаще всего направлены на изучение иллюзий в восприятиях. Из этих-то ограниченных опытов Э. Кентрил и создает свою универсальную теорию транзактной социальной психологии. Восприятия субъективны, они есть мир положений человека, который опирается на прошлый

опыт, на свои действия. Восприятия есть бессознательные заключения. В восприятиях данный раздражитель особого значения не имеет, поскольку все определяется имеющимся у субъекта миром положений. Эта концепция, безусловно, субъективно-идеалистическая и совершенно для нас неприемлемая. Однако, отменяя ложную концепцию, мы можем удержать хорошую технику исследований и некоторые существенные данные. Прошлый опыт и характер отношений между людьми оказывает решающее влияние на восприятие. Характер и особенности деятельности человека признаются в числе ведущих звеньев формирования образа и эталона восприятия. Последние положения доказываются и многочисленными исследованиями советских психологов (В. П. Зинченко, В. И. Киреев и др.).

Заслуживает внимания момент «бессознательного» умозаключения в восприятиях (впервые этот феномен отметил И. М. Сеченов). Можно, сославшись на опыт каждого из нас, утверждать, что точность, быстрота восприятий существенно зависят от количества автоматизированных, бессознательных компонентов. Опытный ученый, художник, наблюдательный человек как бы мимоходом, но точно схватывает и воспринимает предметы и людей.

Наши восприятия — это всегда известная система, генерализация, эталон, стереотип. Константность восприятий в общей психологии является уже давно доказанным законом. В области социальной психологии константность выступает в виде различного вида эталонов, сквозь призму которых каждый из нас воспринимает социальные события, людей и самих себя. Так, например, в странах, где еще очень живучи пережитки каст, оформление внешности и восприятие событий и людей происходит под углом зрения кастовых норм и эталонов. Касты в Индии различаются по особенностям верхней одежды, специальных знаков на лбу, различных меток мелом и красками. Мы всегда подводим восприятие событий или людей под имеющиеся у нас категории, эталоны. Так, Дж. Бренер утверждает, что счастье мы выводим из прыжков, хлопанья в ладоши (*Handbook of Social Psychology*, vol. II. p. 650). Это восприятие и эталон экспрессии другого, особенности самовыражения в экспрессии возникают медленно в процессе жизни, обучения и воспитания (*ibid.*, p. 637).

В формировании эталонов решающее значение имеют медленный процесс развития и влияние норм и оценок различных групп. По мнению В. Келлога, лишь к 3 годам ребенок вырабатывает способность узнавания (эталонов) позы страха, гнева, удивления, схе-

мы и презрения (*ibid.*, p. 638). По данным Ф. Ленарда и Э. Банлаки, которые опрашивали 613 учащихся от 7 до 17 лет на распознавание чувств по фотографиям, было установлено, что с возрастом наблюдается прогресс в распознавании эмоциональных состояний, хотя у учащихся 11–13 лет был обнаружен регресс в распознавании некоторых чувств (Бодалев, 1965, с. 19).

Влияние групп и их норм на восприятие и эталоны отмечают многие зарубежные авторы. Так, М. Шериф считает, что со временем индивидуальные различия в восприятиях в социальном смысле (восприятие людей, событий) уменьшаются. А групповые нормы, принятые большинством или всей группой, становятся все больше системой отсчета и в индивидуальных восприятиях (Sherif, 1936). Об этом же говорят многочисленные исследования по конформизму.

Так, по данным С. Аша и К. Осгуда, решающее значение на восприятие конформного индивида оказывает группа. А исследователь Р. Крачфильд (*Individual in Society*, 1962, p. 504–529) уточняет, что влияние группы на восприятие индивида зависит от размера группы, ее состава, от единодушия, от отношений в группе, от крайностей и степени различий суждений, от поощрения и принуждения. Существенно сказывается на особенностях восприятия одиночество, в условиях которого наблюдают нарушение счета времени, появление галлюцинаций.

Многие авторы отмечают сильное влияние на восприятие и оценку других собственной самооценки и восприятия. Так, по данным, которые приводит Л. Беркович, лица оценивают других по качествам, которые у них есть или отсутствуют. Собственные качества принимаются за нулевую шкалу отсчета. Отсутствие у себя отдельных качеств приводило к преувеличению их у других, и наоборот (Hollander, 1963, p. 172–180).

Стереотипности, эталонности восприятий зарубежные социальные психологи и социологи придают решающее значение как в ориентации человека в ближайшей среде, так и во всех социальных и политических событиях¹. По мнению У. Липпмана, К. Юнга, Э. Богардуса, Э. Кентрила и мн. др., большинство людей ориентируется в жизни, опираясь на стереотипы и эталоны. Современная действительность слишком разнообразна, текуча, быстро изменяется. Каждый человек

1 Подробно и обстоятельно эта сторона восприятий рассмотрена в: Ядов В. А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Л.: Изд-во ЛГУ 1961. С. 65–73.

на своем жизненном пути встречается массу людей, событий, разнообразные ситуации. Если бы каждому человеку приходилось заново приспосабливаться, ориентироваться в новой обстановке, с новыми лицами, его сил для этого не хватило бы. Вот почему наш организм выработал систему, стереотип, эталон, под который мы и подгоняем все новые события. Это чрезвычайно экономный приспособительный механизм, который вырабатывается стихийно, под воздействием средств массовой коммуникации и всех видов культуры. Эти эталоны экономны, сильны, но не всегда могут быть логически оправданы, даже могут быть ошибочны (как, например, расовые предрассудки), но они целесообразны, поскольку сохраняют существующий порядок, поддерживают выработанные нормы и т. п.

По мнению многих социальных психологов (Э. Кентрил, Д. Браун), стереотип, эталон невозможно снять, изменить, апеллируя только к идеям, абстракциям, понятиям. Только через личный опыт и через активное участие и деятельность в ближайших группах возможно изменение эталонов и стереотипов.

Зарубежные социальные психологи и социологи переоценивают роль стереотипного восприятия, преуменьшают значение сознательности и идейности, подчеркивают неотвратимость и неизменность предрассудков всякого рода. Это в конечном счете служит для них психологическим оправданием расовых изуверств и религиозного фанатизма.

Отметая идеологические и методологические пороки подобных рассуждений, мы ни в коей мере не можем преуменьшать значение эталонов восприятий в жизни людей, природу и механизм которых мы должны углубленно изучать с диалектико-материалистических позиций.

Многочисленные важные аспекты социальной психологии восприятий: влияние группы на восприятие; соотношение самооценки и оценки в восприятиях; разнообразные выразительные движения и восприятия; взаимоотношения и восприятия; восприятия и эталоны — вот неполный перечень вопросов, к изучению которых уже приступили и в нашей стране (А. А. Бодалев и его сотрудники).

Речь как средство коммуникации. Известное внимание зарубежные социальные психологи уделяют речи как средству коммуникации. В этом плане рассматривается ряд вопросов: развитие речи, значение языковой среды для развития речи, роль обратной связи в речевом общении, статус и речь, отношения и речь и мн. др.

В плане развития речи исследуется исторический и онтогенетический аспекты проблемы. В трудах историков, антропологов, этнографов (Л. Брюль, Э. Тейлор, Ф. Боас) отмечаются конкретность, точность, описательный характер речи первобытных людей. У некоторых северных племен существовало 20 слов для обозначения льда, 11 — для холода, 41 — для снега. Тасманийцы не имели слов «сладкий», «горячий», «твердый» и т. п. Вместо слова «твердый» они говорили — «как камень», вместо «высокий» — «ноги», «круглый» — «луна» и т. п. В Южной Африке у племен бовенда были специальные названия для каждого вида дождя. Эти особенности речи свидетельствуют о том, что в ходе истории характер обобщения и на этой основе общения значительно изменялся. В ходе истории происходил переход от слова-имени (название конкретного предмета) к слову-комплексу (название группы предметов) и от них — к слову-понятию. Слово и речь на уровне понятия есть подлинно человеческий способ общения и коммуникации. Подлинное речевое, человеческое общение невозможно без обобщений, без общих значений (Л. С. Выготский). Единичный опыт живет лишь в индивидуальном сознании, но он же, выраженный в общепринятых значениях, в словах речи (обобщения) становится средством общения. Без обобщения нет речевого общения, к чему бы обобщение ни относилось: к предметам труда, собственным переживаниям и собственному содержанию сознания.

Для социальной психологии имеет большое значение исследование речи в онтогенезе. Здесь многие авторы отмечают период 8–10 месяцев, когда ребенок начинает произносить самые различные звуки; в последующий период происходит освоение речи взрослых через произношение гласных и согласных. К 1,5–2 годам ребенок учится языку взрослых людей. Подчеркивается значение постоянной языковой среды для развития речи (слушание речи взрослых). Отмечается большая роль словесного опосредования в ответах на внешние воздействия у детей. Был выработан рефлекс на отношение (на меньшую и большую фигуру). При увеличении этих фигур с сохранением разницы между ними рефлекс сохранялся лишь у детей, которые имели слово и понятие «больше» (Child Psychology, p. 108–143).

Зарубежные социальные психологи уделяют большое внимание речи как средству коммуникации людей. Подчеркивается значение обратной связи при коммуникациях. Так, в опытах Х. Ливитта, специально изучавшего этот вопрос, инструктор передавал группе студентов описание сложной геометрической фигуры. В одной серии

опытов испытуемые не видели инструктора и не имели права задавать ему вопросы, во второй серии они видели инструктора, в третьей — они могли задавать вопросы, на которые инструктор мог отвечать только «да» или «нет», в четвертой — они могли задавать любые вопросы инструктору. Результат: при свободной обратной связи коммуникаций увеличивалась точность, уверенность испытуемых в правильности своей работы: при нулевой обратной связи сокращалось время работы, но увеличивалось число ошибок; при повторении опытов крайности показателей смягчаются (Hare, 1962, p. 414–424).

Характер обратной связи влияет на саморегуляцию своего голоса. Как показал Г. Мейл, при нарушении слуховой самостимуляции нарушалась интонация, появлялись необычные оттенки речи (дрожание), убыстрялась речь и т. п. (Mohl, 1961).

По мнению Г. Миллера, речь имеет важное значение для достижения кооперации членов социальной группы, социальная психология должна изучать вербальные привычки членов различных социальных групп (Handbook of Social Psychology, vol. II, p. 693).

В плане социальной психологии много внимания уделяется анализу характера словесных ассоциаций в изолированных и в групповых условиях. Так, Ф. Олпорт предлагал испытуемым писать слова в ответ на слово-раздражитель в группе и в изолированных условиях (Hare, 1962, p. 31–35). Он отметил положительное влияние группы на скорость ассоциаций, в группе больше ассоциаций непосредственного окружения и меньше — личных, в группе больше слов и идей, но ниже их качество.

Разными авторами отмечается значение лидера как центра потока информации и коммуникаций. Подчеркивается связь структуры группы по линии дружбы, власти, престижа с потоками коммуникаций. Отмечается значение неформальных групп в передаче всякого рода слухов и информации. При этом роль неформальных каналов преувеличивается. Так, Е. Катц считает, что избиратель голосует, любой из нас совершает покупки, следует моде, идет в кино не прямо под воздействием официальных средств коммуникации, а через посредство лиц, близких нам и более подверженных массовым средствам коммуникации (Hollander, 1963, p. 449–506).

Подчеркивая важные конкретные факты в изучении социальной психологии речи, мы должны отметить разнохарактерность этих исследований, их отставание от того значения, которое действительная речь имеет как средство коммуникации и групповой жизни вообще.

Мотивы поведения личности

В связи с гностической и коммуникативной сторонами личности в зарубежной социальной психологии рассматривается проблема мотивации личности. Как и в других вопросах, в области общей методологии и теории мотивов преобладают ложные универсальные системы (фрейдизм, гештальтизм, транзактная психология), под углом зрения которых интерпретируются действительные, конкретные мотивы.

Все представители фрейдизма и современного неопрейдизма обычно биологизируют и психологизируют источник активности человека. В основе поведения человека, его истории и культуры, по мнению З. Фрейда и его учеников, лежат глубинные, бессознательные двигатели — влечения. Для самого З. Фрейда — это сексуальные влечения, «либидо», для А. Адлера — влечения к власти, к могуществу, для О. Ранка — стремление к смерти. Современные неопрейдисты (К. Хорни, Э. Фромм) к глубинным влечениям присоединяют некоторые социальные факторы, синтез которых и составляет источник побуждения человека.

Своеобразную психологическую теорию источников активности человека разрабатывает один из основателей гештальтизма, создатель теории поля К. Левин и его последователи (Р. Липпигт, Л. Фестингер и др.). Согласно его плюралистической теории, в основе психики и деятельности человека лежит психически напряженная система, возникающая либо на основе истинных потребностей, либо — квазипотребностей, либо при психическом пресыщении. Для изучения поведения человека, его психики, направленности необходимо прежде всего изучить динамику развертывания потребностей. На основе этих положений К. Левин и его ученики разработали методы исследования. Особое внимание они уделили методу «прерванного действия». Если прервать основное действие человека (т. е. то, чем занимается человек в настоящее время), то у него создается напряженная система, так как не удовлетворена какая-либо истинная или квазипотребность в основном действии (действие не завершилось). Эта напряженная система влияет на дальнейшее поведение. Так, например, основное действие, которое состояло из решения задач различной сложности, прерывалось экспериментатором случайно или с целью помешать решению задачи с разной продолжительностью прерывания и т. д. Случайное прерывание основного действия приводило к его возобновлению после прерывания в 100% случаев; мешающее

прерывание — в 79% случаев; гетерогенное прерывание (совершенно отличное от основного) — в 85% случаев. Причем у душевнобольных и умственно отсталых возобновление основного действия после прерывания наблюдалось значительно реже. В гомогенном прерывании основного действия (сходном с основным действием) происходит разряд основного действия. Замещение или прерывание основного действия на разном уровне реальности (деятельностью, речью, мышлением) показывает, что замещение действием эффективней, чем речью, речью эффективней, чем мышлением.

В школе К. Левина применялся и метод косвенного исследования. Посредством этого метода изучалось влияние психически напряженных систем (незаконченных действий) на различные психические функции. В этих опытах установлено, что незаконченные действия лучше запоминаются, чем законченные.

Третьим методом школы К. Левина был метод «психического пресыщения». Задачи различной сложности повторялись до тех пор, пока испытуемый либо отказывался от рисования звездочек, штрихов, повторения стихотворений, либо заметно нарушалось качество выполнения этой задачи. Установлено, что это состояние есть психическое пресыщение, так как небольшое видоизменение цели задания вновь повышало качество его исполнения.

Все перечисленные методы К. Левина сочетались с общим методом наблюдения за разнообразными реакциями, поведением испытуемого в ходе эксперимента и в естественных условиях.

Методы школы Левина и некоторые положения относительно динамики потребностей могут быть использованы и нашей социальной психологией.

К данным школы К. Левина следует подходить критически потому, что методологически эта школа разделяет пороки гештальтпсихологии. Динамику потребностей К. Левин отрывает от их содержания, слишком увлекается формалистической топологией, в опытах часто не доходит до собственно потребностей, преувеличивает значение внутренних факторов, а внешние условия сводит лишь к вызовам, не анализируя природы самой потребности.

Но достижения школы Левина можно использовать потому, что разнообразные их методы позволяют проникнуть не только в динамику, но в структуру и в содержание потребностей. Например, посредством этих методов можно изучить динамику потребностей от напряжения к разряду и пресыщению, установить разную

силу напряжения потребностей от повелительного и неодолимого к состоянию «либо-либо», к нейтральности и пресыщению. Можно также выявить структурные взаимоотношения потребностей с разнообразными психическими процессами: памятью, мышлением, эмоциями и т. д.

Динамическую теорию потребностей К. Левин дополняет анализом социальных факторов (значение конкретной ситуации, групповой атмосферы). К. Левин полагает, что активность личности определяется двояко: состоянием потребностей и особенностями ближайшего окружения. Он говорит, что изменения в окружающей среде или привлекательность для нас тех или иных условий определяют напряженность личности (Handbook of Social Psychology, vol. I, p. 197). К. Левин вводит понятия «барьера» и баланса сил. Человек стремится к цели. В ее достижении ему мешают различные препятствия (барьеры). Если «барьер» чрезмерный, то личность не может его преодолеть. Если «барьер» мал, то останавливается развитие личности. Поведение личности определяется соотношением уровня барьера с силой и значимостью целей. Для разных людей существует различная мера (баланс) соотношения барьеров и значимости целей. Например, если человеку нужно в данный момент написать статью, пойти к больному другу или сходить в кино, то поведение его будет зависеть от силы желаний и от внешних препятствий, «барьеров» (ibid., p. 195). Из соотношения этих сил и строится поведение человека.

Интересной является попытка швейцарского психолога Э. Клаппареда не только теоретически понять, но и экспериментально изучить потребности. В качестве эксперимента он применил решение задач различной сложности, которые помогают удовлетворить потребности. Клаппаред пришел к выводу, что как только наша потребность, которая возникает при решении задач, находит в прошлом опыте что-нибудь такое, что может служить нашим целям, то этот прошлый опыт пускается в ход. Потребность вызывает прошлый опыт, ведет к постановке гипотез и к решению задач. Интересной является мысль Клаппареда о различии интеллекта и воли в связи с потребностью. Интеллект выражает средство удовлетворения потребностей, воля выражает цель стремлений, потребностей, когда средства ясны. Перспективна и мысль Клаппареда о законе умственного развития: развитие психической жизни пропорционально расстоянию между потребностями и способами ее удовлетворения.

Так, например, потребность в воздухе легко и автоматически удовлетворяется, поэтому на основе этой потребности не изощряются умственные силы человека. В то же время потребность в пище, несомненно, сыграла огромную роль в изощрении умственных сил человека в его борьбе с природой. Эта мысль Клапареда соответствует положению К. Маркса о том, что «слишком расточительная природа „ведет человека... на помочах“» (Маркс, Энгельс, т. 23, с. 522). Однако, используя положения Клапареда о потребностях, не следует забывать, что природа потребностей биологизируется им, что Клапаред не понял общественно-исторической обусловленности потребностей, исходил из объяснения, но не из преобразования потребностей.

Представители транзактной психологии (например, Э. Кентрил) видят источники активности человека в постоянном стремлении к увеличению качеств своего опыта, к активному самосовершенствованию. По данным опроса большого количества представителей различных стран, Э. Кентрил установил достоверность стремления всех опрошенных к улучшению своего образа жизни, образа жизни своей семьи, своей социальной группы, своей страны (Cantril, 1905). Вопрос об источниках активности — это вопрос о возможностях самосовершенствования, о возможностях роста, возможностях продвижения и перспектив.

С этими положениями согласуется ряд конкретных данных. Так, У. Уайт отмечает, что многие студенты после окончания колледжей и университетов устраиваются чаще в крупные корпорации в которых больше перспектив роста и продвижения по работе, хотя в мелких предприятиях предоставляется большая самостоятельность и большая зарплата (Whyte, 1957).

В последнее время зарубежные социальные психологи все большее значение в источниках активности придают социальным факторам. Эту точку зрения проводит Г. Мёрфи, который утверждает что человеческая натура, индивид со своей наследственностью, перестраивается в условиях различных культур и обществ (Handbook of Social Psychology, vol. II, p. 604).

Анализ источников активности и мотивов имеет большое значение в социальной психологии групп и в сфере их производственной деятельности. Так, в основе самой классификации групп на формальную и неформальную, на вторичную и первичную лежат различные мотивы. Основой первичных групп являются мотивы психологической близости, глубоких симпатий и взаимопонимания. Вторичная

группа скрепляется мотивами долженствования, мотивами необходимости разрешения тех или иных общественно-значимых задач (Ч. Кули, Е. Шилз, Р. Фэри).

Динамика и структура групп определяется мотивами выбора членами группы друг друга. Эти мотивы могут носить психологический характер, определяться экономическим и образовательным статусом, производственной квалификацией и т. д. (Дж. Морено, С. Шахтер) (Беккер, Босков, 1961, с. 368—369).

Особенно большое значение для понимания источников активности имеет изучение мотивов в сфере производства. Многие зарубежные социальные психологи отрицают ведущий характер зарплаты как стимула повышения производительности труда. Так, еще Э. Мэйо отметил, что величина зарплаты не является основным движущим стимулом рабочих. В ряде работ, в которых проводились опросы рабочих о стимулах и мотивах их труда, зарплата занимает 3—5-е места. Зато выдвигаются на первый план мотивы: возможность роста и продвижения по службе, гарантированная работа, благоприятная обстановка на заводе (отношения с администрацией и товарищами по работе) удовлетворение от мастерского выполнения своего дела, общее знание о производстве в целом и назначении выпускаемой предприятием продукции (Brown, 1963).

По данным обследования 6000 рабочих 71 предприятия в Америке, ответы о мотивах труда распределились следующим образом:

- 1) гарантированная работа;
- 2) возможность продвижения по работе;
- 3) зарплата;
- 4) содержание, характер труда, человеческие отношения с администрацией и рабочими.

Аналогичные данные получены социологом У. Вульфом:

- 1) устойчивость в работе;
- 2) возможность продвижения;
- 3) тип работы;
- 4) зарплата;
- 5) условия труда.

В работах зарубежных социальных психологов и социологов, которые исследуют мотивы труда, на первое место выдвигается проблема гарантированной, устойчивой работы. Это совершенно не случай-

ное обстоятельство в условиях хронической и периодической безработицы в странах капиталистического Запада.

Таким образом, оценивая проблему социальной психологии личности в зарубежной науке, мы совершенно и категорически расходимся с методологическими и общетеоретическими установками бихевиористов, фрейдистов, гештальт-психологов и представителей транзактной психологии. Вместе с тем мы считаем, что совершенство технических приемов и методик исследования позволяет зарубежным социальным психологам добывать конкретные ценные научные данные и тем самым способствует общему прогрессу социально-психологической науки.

§ 8. Проблемы и исследования некоторых аспектов социальной психологии личности

Социально-психологическая природа личности

В социально-психологическом аспекте исследование личности — для нас дело еще новое. Советские психологи углубленно изучают психологическую природу личности. Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, А. Г. Ковалёв, В. С. Мерлин, В. Н. Мясищев, Н. Д. Левитов, Б. М. Теплов и многие другие ученые исследуют динамическую природу личности, ее способности и характер, раскрывают сложную структурную взаимосвязь компонентов личности, подчеркивают значение направленности личности. Сущность личности понимается как система отношений, которые реализуются в деятельности разнообразными способами (теория, разработанная в основных чертах В. Н. Мясищевым).

Личность как система отношений и способов их реализации является ведущей концепцией в понимании психологической природы личности.

Следует отметить, что в грузинской школе психологии, созданной В. Н. Узнадзе и разрабатываемой его учениками, психологическая природа личности связывается с их общей теорией установки. Так, А. С. Прангишвили включает в психологическую природу личности целостную организацию существенных сил человека, динамичность, внутреннюю подготовленность, или установку, которая составляет основной модус личности (Сообщения АН ГССР, т. XVII, № 9).

Отношение к установке в советской психологии различно (Дискуссия по проблеме установки, 1955). Большинство психологов склон-

ны понимать установку как автоматизированный, привычный способ поведения, связанный с формированием динамических стереотипов (В. Н. Мясищев, Б. М. Теплов, П. А. Рудик и др.). Грузинские психологи понимают установку более широко: как общепсихологическое понятие личности, как такую целостную, системную внутреннюю подготовительную фазу (установку), сквозь которую отражается окружающая действительность и которая во взаимодействии с ситуацией предваряет деятельность. В таком широком понимании установка сближается с принципом теории отношений личности. Однако, опираясь на марксистское понимание сущности личности, на преобладающую точку зрения советских психологов, теория отношений, разрабатываемая В. Н. Мясищевым, выражает тот же смысл. В самом понятии установки, весьма важном и перспективном для развития советской психологии личности, содержится элемент энергетического, автоматизированного плана и несколько затуманивается содержательная, информационная сторона. В теории же отношений подразумевается как информационный, содержательный компонент (отношение к людям, себе, труду и т. д.), так и энергетический момент (положительные и отрицательные отношения, напряженность и разряд в отношениях и т. д.).

Подчеркивая значение теории отношений и установки для углубленного изучения психологии личности, мы должны внести в них коррективы с точки зрения социальной психологии.

Большинство психологов и социологов считают, что сущность личности «есть совокупность всех общественных отношений». Для наших целей это известное положение К. Маркса необходимо привести полностью: «Фейербах сводит религиозную сущность к человеческой сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений».

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

- 1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство [Gemut] обособленно и предположить абстрактного — *изолированного* — человеческого индивида;
- 2) поэтому у него человеческая сущность может рассматриваться только как „род“, как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными* узами» (Маркс, Энгельс, т. 3, с. 3).

Из этого глубокого тезиса К. Маркса следует очень многое для понимания природы и сущности личности. У нас почему-то принято сущность личности понимать только как совокупность всех общественных отношений. Но ведь, по Марксу, существует еще человеческая сущность, порождаемая природными узами. Смысл этого высказывания К. Маркса состоит в том, чтобы природную сущность индивида не отрывать от общественной сущности, не противопоставлять одно другому, а понять их в подлинном единстве. Из этого видно, что сущность личности не одна (общественные отношения, природные узы). К. Маркс, распространяя материалистический принцип на понимание истории, делает акцент на общественной природе человека. Ограниченность же Фейербаха заключалась в том, что он не занимался критикой действительной сущности человека, т. е. критикой совокупности всех общественных отношений, и подходил к человеку абстрактно, как к родовой сущности. Это не ошибка и не несостоятельность Фейербаха, а его ограниченность, недостаточность. Надо феьербаховскую сущность человека дополнить, понять, преобразовать на основе общественной сущности, на основе связи человека со всей совокупностью общественных отношений. Кроме того, определение личности в своей сущности как совокупности всех общественных отношений есть сведение личности к социальным группам. В этом В. И. Ленин видел научный подход К. Маркса к личности и отмечал, что в его работах «действия „живых личностей” в пределах каждой... общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений...» (Ленин, т. 1, с. 430).

В этом плане хорошо известны глубокие характеристики сущности личности персонифицированного капиталиста, данные К. Марксом в «Капитале». Очень точны характеристики личностей буржуазии и пролетариата во многих работах Ф. Энгельса и В. И. Ленина. По нашему мнению, подобный анализ сущности личности как совокупности всех общественных отношений является глубоко научным социологическим, общественно-политическим анализом личности. Личность как совокупность всех общественных отношений есть предмет всех общественных наук и главным образом социологии. Социальные психологи и просто психологи, опираясь на так понятую сущность личности как на методологическую и теоретичес-

кую основу, т. е. на сущность наиболее глубокого порядка, должны раскрыть в соответствии со спецификой своих наук свое представление о сущности личности. Здесь такое же соотношение, как в физическом и философском понимании материи. Конкретно-физическая сущность материи неисчерпаема, и понимание ее сущности и структуры изменяется с прогрессом наук. Материя как объективная реальность, действующая на наши органы чувств, остается основой и первоисточником всего, наиболее глубокой и общей сущностью. Подобно этому нужно представлять себе психологию, социальную психологию личности и ее социологическую и историко-материалистическую сущность.

В социально-психологическом плане отношения личности выступают всегда как взаимоотношения с средой. Эти личностные взаимоотношения наделены смыслом для индивида, касаются его, выражают его. Что-нибудь для личности в социально-психологическом смысле существует только как личностное достояние, как осознанное или бессознательное, как пережитое и выраженное в поступках. В этом микромире взаимоотношений вся суть социальной психологии. Межличностные отношения в микромире всегда формируются, раскрываются во взаимодействии. В них порой может преобладать: субъективный, добровольный момент, оценка других не по их качествам, а в зависимости от своих временных состояний, ложных установок; выбор друзей по своим личным мотивам. Зарубежная социальная психология этим уровнем отношений главным образом и занимается. Это не значит, что для нас этот микромир не существует. Так могут думать только догматики в марксизме, которые ничего, кроме голых схем, не понимают, которые далеки от жизни. А действительность такова, что наш микромир, наш опыт, наши личные взаимоотношения значительно отстают от нашего общественного производства, от нашей идеологии и достижений наук. Всякого рода предрассудки, пороки в облике личности (алкоголизм, курение, религиозный фанатизм, преступность, хищения и др.) имеют корень именно здесь, в микромире, в социальной психологии людей. Никто сейчас не станет отрицать живучесть этих пережитков, их распространенность, известную нашу слабость и беспомощность в конкретном механизме и способах борьбы с этими недугами. Дело в том, что без учета микромира, личных взаимоотношений в этот мир трудно проникнуть лишь на базе общих схем и рассуждений. А между тем совершенно достоверна сила микросреды в формиро-

вании поведения и облика личности. В. А. Сухомлинский подробно изучил 270 «трудных» детей: 189 выросли без отца, у 77 детей распалась семья, лишь четверо из благополучной по виду семьи.

Аспирант В. В. Бойко изучал причины выраженной грубости 30 детей. По его данным, 10 детей были свидетелями развода, у 6 — пьет отец, у 9 — ссоры родителей, у 3 — деспот отчим, у 2 — умерла мать. Огромно влияние неформальных, интимных групп на подростков. По данным Н. С. Мансурова, 85% всех нарушений порядка, которые совершены несовершеннолетним, произошли под влиянием неформальных групп подростков, и только 15% случаев совершены в одиночку (Мансуров, 1965).

Разумеется, микросреда, сфера межличных отношений является огромной силой в формировании ценных и порочных качеств личности. Словом, ближайшая среда — это наиболее чувствительный барометр и механизм формирования социальной психологии личности. Это отнюдь не означает, что мы не придаем значения совокупности всех общественных отношений в формировании социальной психологии личности (см. § 2). Напротив, все общественные отношения представляют наиболее глубокую и общую основу и сущность формирования всех качеств личности. Это макросреда, внутри которой существует и разворачивается микросреда. Мы должны подниматься над философией Л. Фейербаха, человека с его микросредой не должны превращать в абстракт и отрывать его от истории, от общества от макросреды. Это и сделал К. Маркс. Но мы обязаны за совокупностью всех общественных отношений, внутри их, видеть межличностные отношения, без изучения которых упускается из виду конкретная личность.

Если микроотношения являются межличными, непосредственно психологическими, в значительной мере субъективными и добровольными, то общественные макроотношения носят объективный характер. Мы застаем общественные отношения в готовом виде, не можем их лично изменить, а можем только приспособиться к ним, они складываются помимо нашей воли, они могут проходить или нет через наше сознание и т. д. и т. п. Межличностные отношения, конечно, разворачиваются внутри данной системы общества, т. е. на базе всей совокупности общественных отношений, но они имеют и относительную самостоятельность. Они могут строиться под воздействием устаревшей, прежней системы общества и идеологии, хотя и протекают в рамках прогрессивного общества. Они каждый раз выража-

ют данный достигнутый уровень развития взаимодействующих людей и являются весьма субъективными или, точнее, в разной степени субъективными по отношению ко всей совокупности общественных отношений. Более того, после смены всей совокупности общественных отношений (в сфере производства, экономики, политики) межличностные, бытовые, психологические отношения между людьми могут еще длительное время отражать и выражать старые традиции, привычки, обряды, нормы взаимоотношений и т. д. В нашем обществе, в нашей совокупности общественных отношений можно встретить пьяниц, воров, деспотов, лицемеров, карьеристов, туенядцев и т. п. Конечно, наша совокупность общественных отношений здесь ни при чем. Влияние враждебной идеологии и наличие пережитков в сознании имеет важное, но не решающее значение. Все дело в известной самостоятельности быта, в специфике межличностных отношений, наконец, в психологической инерции и в самих психологических особенностях людей, которые могут отставать от стремительной поступи века, от развития общественных отношений. Не случайно В. И. Ленин отмечал, что «достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки» (Ленин, т. 45, с. 390). Для социальных психологов это положение В. И. Ленина является основой.

Если наша совокупность общественных отношений не стала достоянием сознания личности, не стала мерой его поведения (последнее самое важное), то причину нужно искать не только в дореволюционной капиталистической общественной формации (сменилось уже несколько поколений в нашей стране), но и определенной самостоятельности межличностных отношений и психологических особенностях людей.

Что же такое сущность личности с точки зрения социальной психологии? В марксизме, как мы видели, признается двоякая сущность человека: как совокупность всех общественных отношений и как родовая сущность природных связей и уз. Последние есть не что иное, как психологические и физиологические связи: симпатии, антипатии, стремление к общению и его различные конкретные формы.

Психология личности имеет дело с родовой, природной, антропологической структурой личности: темперамент, характер, способности и их уровень развития, их соотношение между собой. Это родовая психологическая сущность личности изменяется и перестраивается в ходе истории, под решающим воздействием совокупности всех общественных отношений. Личность приобретает вполне со-

держательную систему отношений, которые реализуются различными способами в ее направленности, характере, способностях. Система отношений личности – это средство преобразования природы человека под воздействием совокупности всех общественных отношений (общественные требования становятся личными). Общая характеристика отношений по их месту в структуре личности входит в сферу психологии личности.

Социальная психология изучает те отношения личности, которые складываются из конкретных взаимоотношений людей в семье, в кругу приятелей, на работе. Для социальных психологов именно эти отношения опосредуют собой воздействие более широкого общественного целого, т. е. совокупности всех общественных отношений. Следовательно, краткое определение социальной психологии личности таково: наука, изучающая совокупность всех межличных отношений, сквозь которые действует вся совокупность общественных отношений. Кроме того, сами общественные отношения, как говорил В. И. Ленин, складываются из бесконечного количества непосредственных отношений (Ленин, т. 18) взаимодействующих лиц и помимо их сознания, как стихийно возникающие общественные тенденции. Эти общественные отношения, как товарный фетишизм (капиталистическое общество), как познаваемые движущие общественные закономерности (социалистическое общество), определяют общественную систему, составляют совокупность общественных отношений, определяют и межличные отношения, т. е. психологию и социальную психологию личности. Вся совокупность общественных отношений становится достоянием любого человека не прямо, а через его родовые качества (темперамент, способности) и через межличностные отношения. Взаимоотношение и перестройка родовых качеств человека под воздействием общественных отношений составляет предмет психологии. Преломление общественных отношений сквозь межличностные связи и сложившуюся систему личных отношений составляет предмет социальной психологии. Личность как совокупность всех общественных отношений, как выразитель и носитель социальных категорий является социологической категорией, в данном случае сводится к социальной группе. Значит, социально-психологические особенности личности приобретает из сферы непосредственного общения и взаимоотношения с другими людьми, сквозь которые просвечивает вся совокупность общественных отношений. Само взаимоотношение человека с человеком существ-

венно зависит от их восприятия и понимания друг друга. Исследованию этой проблемы социальной психологии личности посвящены работы А. А. Бодалева и его сотрудников.

Исследования гностических особенностей личности

А. А. Бодалев и его сотрудники, используя разнообразные методики исследования, собрали огромный материал по проблеме восприятия и понимания людьми друг друга. Проведенный глубокий качественный и количественный анализ собранного материала позволил А. А. Бодалеву открыть новую и существенную главу в социальной психологии, показать место восприятия и понимания людьми друг друга в их взаимоотношениях, раскрыть существенные особенности и закономерности изучаемых явлений.

Во взаимодействии людей необходимо своевременно получать информацию о признаках и качествах друг друга. По мнению А. А. Бодалева, в этом смысле имеют значение непосредственные сигналы друг о друге в процессе взаимодействия, информация о собственном состоянии, внешние условия для участников взаимодействия и итоговая информация.

При сходстве видов деятельности выделяются общие признаки у людей (боксеры, артисты, художники, военные и т. д.). При разном положении (статусе) при взаимодействии выделяются различные признаки (учитель и ученик, рабочий и мастер, солдат и офицер и т. п.). Скорость, точность и глубина осведомления о признаках других зависят от способностей людей, от типа нервной системы, от опыта общения и знания людей. Осведомление о признаках человека имеет регулирующее значение для процесса взаимодействия с ним.

А. А. Бодалев на основе оригинальной методики раскрывает значение первого впечатления о людях. В этом первом впечатлении фиксируются: примерный (возраст, внешний облик, эмоциональные состояния, черты характера. Причем первое впечатление включает много субъективного (различные показания испытуемых об одном человеке), зависит от опыта общения воспринимающего, каждый из которых имеет свою мерку, «классификацию типов». Поэтому первые впечатления далеки от совершенства, хотя и сохраняют известную инерцию, а тем самым в какой-то мере определяют, регулируют взаимоотношения.

Особый интерес представляют факты и закономерности восприятия людьми друг друга в возрастном аспекте. С возрастом увеличива-

ется значение в восприятии деталей физического облика (рост, глаза, волосы, рот и т. д.). От 7 лет до 21 года это увеличение равно 2,2 раза. С возрастом увеличивается выделение деталей экспрессии (мимика, пантомима) в 3,6 раза. Вместе с тем с возрастом падает выделение в восприятиях и описаниях деталей внешнего оформления (одежда).

Что же в физическом облике выделяют взрослые? Прежде всего это рост, глаза (цвет), волосы (цвет). В восприятиях физического облика выделяются и другие детали. Так, в процессе исследований по тахистоскопической методике с использованием 20 фотографий лиц, на которых отсутствовали различные детали лица, испытуемые заметили отсутствие контуров лица в 73% случаев, волос — 72%, глаз — 69,5%, рта — 42,2%, носа — 38,6%, ушей — 34,3%, бровей — 27,2%. Демонстрация каждой фотографии занимала 0,75 секунды, при постоянном освещении, на расстоянии экрана от испытуемого 1,2 м.

Таким образом, особенности первого впечатления, изменение восприятия других с возрастом, опорные точки восприятия взрослых — все это факторы, которые сказываются на ориентировке в других людях, влияют на регуляцию взаимоотношений с ними. Нетрудно, например, заметить, что показаниям о росте, цвете глаз и волос следователь может больше доверять, чем описанию бровей, ушей. Мы не будем требовать детального описания физического облика и особенностей экспрессии от детей 7–8 лет.

Не следует поддаваться инерции первого впечатления и на его основе строить свои отношения с другими людьми. Хотя сущность и является уже в восприятиях, но глубокое понимание другого человека совершенно невозможно по первому впечатлению.

Итак, для взаимоотношений между людьми имеет значение не только восприятие, но и понимание ими друг друга. В формировании общего представления о человеке и для понимания его, по мнению А. А. Бодалева, имеют значение житейские обобщения и эталоны. На основе опроса пенсионеров, рабочих, студентов, школьников А. А. Бодалев установил широко распространенное житейское представление: связывать особенности психических качеств людей с их внешностью. Из 72 опрошенных 9 человек отнесло людей с квадратными подбородками к волевым, 17 человек признали людей с большим лбом умными, 14 — людей полных добродушными, 2 — толстогубых сексуальными, 3 — жесткие волосы сочли признаком непокорности, 5 — рост ниже среднего признаком властолю-

бия и т. д. Конечно, все это весьма приблизительно, но в житейской практике, в сфере социальной психологии общения эти обыденные представления могут влиять на взаимоотношения. Эталоны, по мнению А. А. Бодалева, являются более высокими этико-эстетическими оценками, на основе которых люди судят друг о друге в смысле того, какие они есть и какими должны быть. Так, студенты классифицируют друг друга по академическим показателям и по отношению к общественной работе, а у преподавателя выделяют удачное или неудачное сочетание лекторских данных с достоинствами ученого. Несколько молодых рабочих подразделили руководителей на знающих производство, на плохих организаторов или, наоборот, хороших организаторов без знания дела, или отметили гармоничное сочетание обоих качеств. Словом, эталон — это классификационная шкала, которая складывается постепенно и позволяет различных людей относить к той или иной категории и соответственно строить с ними отношения.

Далее, А. А. Бодалев показывает возрастной план оценки людьми друг друга. В дошкольном и дошкольном возрасте эти оценки весьма ситуативны, неустойчивы, часто изменяются. Важно отметить, что ребенок часто повторяет оценку своего товарища или ту, которую дал взрослый. Это наглядный пример значения межличных контактов в формировании представления о другом человеке.

Начиная от школьного возраста и до зрелого, взаимопонимание изучалось А. А. Бодалевым посредством метода свободных характеристик. Так, ученики 5-го класса в своих характеристиках товарищей отмечали значительно чаще, чем ученики 1-го класса, такие особенности, как: склонности, интересы, действия, волю, отношение к труду и к коллективу. Вообще подчеркивается больше качеств личности и меньше внешних моментов.

В характеристиках своих товарищей у учеников 8-го класса по сравнению с 5-м наблюдается дальнейший сдвиг в сторону подчеркивания способностей, особенностей ума, кругозора, эмоционально-динамических особенностей и т. п. Ученики 10-го класса дают уже развернутые психологические характеристики.

Словом, с возрастом, с общим развитием совершенствуется восприятие и понимание людьми друг друга. Это существенно сказывается на особенностях общения людей друг с другом. Сам же характер общения и виды деятельности людей в свою очередь влияют на особенности восприятия и понимания людьми друг друга. Так, напри-

мер, тренер по баскетболу отмечает прежде всего рост, вес и возраст игрока и в соответствии с этим строит план игры и свое отношение к игроку. Опытный мастер производства дает характеристику в зависимости от отношения человека к труду, к общественной работе, к товарищам.

В восприятии и понимании людьми друг друга существует известная взаимозависимость. Как показали исследования нашей сотрудницы А. А. Русалиновой, положительное представление и отношение мастера к ученикам своей группы отражается закономерно на положительном представлении и отношении учащихся к мастеру (§ 6). Это же положение подтверждается нашим дипломантом Ю. С. Лютоевым, который изучил взаимоотношения командира подразделения со своими подчиненными.

Интересные данные о представлении учащихся об учителях содержатся в докторской диссертации Н. В. Кузьминой «Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности». Ученики начальных классов воспринимают личные отношения учителя к себе и товарищам. Отношения учителя к товарищу определяют взаимоотношения учащихся. Учащиеся старших классов уже оценивают не только личные отношения учителя к ним, но и отношение учителя к делу, к себе, к обществу и государству. Учащиеся сначала анализируют отношения учителя к ним, а затем качество его преподавания. Преподавание и его качество начинают замечаться и оцениваться с 5-го класса.

В восприятии и понимании людьми друг друга существуют смысловые барьеры, которые определяются уровнем понимания тех или иных нравственных и эстетических норм. Так, например, школьники до 6-го класса не могли сказать, что такое гуманизм и оптимизм. Проведение специальных этических бесед с детьми способствует снижению смыслового барьера и тем самым в какой-то мере улучшает взаимопонимание и самооценки.

Весьма интересное исследование по проблеме взаимопонимания провели ученые социологи из Новосибирска В. Н. Шубкин, Ю. Д. Карпов, Г. М. Кочетов (1964). Была исследована группа из 13 научных сотрудников (6 мужчин и 7 женщин, 30–40 лет) и произведена количественная обработка материала, собранного посредством метода полярных профилей. Все оценки других лиц, коллектива, а также самого себя выводились на основе средних величин по каждой из 43 пар качеств (трудолюбив–ленив, одарен–бездарен, организо-

ван—не организован, волевой—безвольный и т. д.) и по 7 укрупненным группам качеств:

- I. Интеллектуальные качества (одаренный, творческое воображение и т. п.).
- II. Импульсивно-волевые качества (сдержанный, эмоциональный, настойчивый и т. п.).
- III. Моральные качества (доброта, скромность и т. п.).
- IV. Деловые качества (умение организовать людей).
- V. Мотивы поведения (альтруизм, стремление к истине и т. п.).
- VI. Отношение к жизни (оптимизм, юмор и пр.).
- VII. Физические особенности.

Проведено в разное время два опроса, чтобы выявить устойчивость оценок и прогностические возможности каждого. В последнем случае члену группы давали результаты показателей каждого о себе и коллектива о каждом. Каждый участник на вопрос «Кто есть кто?» должен был прогнозировать других и себя в оценках коллектива и товарищей.

Подобная чисто социально-психологическая структура опыта весьма перспективна и значима, так как позволяет раскрыть действительный уровень взаимных представлений, понять, откуда идут трудности во взаимоотношениях, помочь коллективу и личности лучше осознать свое место, раскрыть всю внутреннюю динамику межличных отношений.

В исследовании В. Н. Шубкина и его сотрудников выявлены высокие прогностические возможности людей. Подтверждается мысль Л. Н. Толстого о том, что человек есть дробь, где числитель — это то, что о человеке думают, что он на самом деле, а знаменатель — то, что он сам о себе думает. Установлено, что самооценка более устойчива, а коллективная — более динамична. Коллективные оценки интеллектуальных и импульсивно-волевых качеств примерно одинаковы для мужчин и женщин. Отмечается различие мужчин и женщин по деловым и моральным качествам в коллективных оценках. Для последних выводов исследования одной группы из 13 научных работников недостаточно. Однако в принципе подобные исследования для социальной психологии невозможно переоценить.

Гностические, оценочные суждения человека о себе, как правило, существенно влияют на оценки других, и наоборот. Это обстоятельство выявлено в исследованиях В. Н. Шубкина и В. Н. Куницыной. На восприятие и понимание подростком своих товарищей

существенно влияет то, как подросток оценивает себя (Куницына, 1966). Здесь, как правило, переоценка или недооценка себя сказывается на противоположном характере оценки другими.

Следует отметить, что начало подобным исследованиям заложено уже давно в нашей советской психологии. Еще в 1935 г. Б. Г. Ананьев провел оригинальное и весьма убедительное исследование по соотношению оценки, сооценки и самооценки и их роли в учебно-воспитательной работе, в успехах учебы и в нравственном развитии учащихся (Ананьев, 1935).

Восприятие и понимание людьми друг друга, оценки и самооценки составляют гностический аспект социальной психологии личности, который играет огромную роль в регуляции взаимоотношений между людьми. Понятно, что сами взаимоотношения, их разнообразие, уровень существенно определяют взаимопонимание, взаимовосприятие (Павел сначала смотрит в Петра, познает себя и других. — Маркс, Энгельс, т. 23, с. 62, примечание). В плане развития определяющими, решающими в этом отношении являются взаимоотношения между людьми. Однако в каждой конкретной ситуации дело часто приобретает совершенно обратный характер: восприятие и понимание начинают определять и регулировать взаимоотношения между людьми.

Исследование мотивационных побудительных сил личности

Процесс взаимоотношений между людьми зависит не только от гностической стороны (восприятие и понимание, эталоны, оценки), но и от мотивационно-побудительных сил человека, от развивающихся и формирующихся отношений людей друг к другу, к труду. Поэтому характер и уровень побудительных сил человека, его отношение к различным сторонам жизни и деятельности должны привлекать пристальное внимание социальных психологов. Не случайно зарубежная психология проблеме отношений и установок считает одной из центральных.

Анализу побудительных сил человека, его активности уделили большое внимание В. Н. Мясищев (теория отношений), А. Н. Леонтьев (соотношение смысла и значения), В. Н. Узнадзе, А. С. Прангишвили (установки), Н. Ф. Добрынин (принцип значимости). Советские психологи единодушны в признании того, что при изучении любого психологического процесса, свойства личности невозмож-

но обойти саму систему, ядро активности личности. Для одних таким ядром является отношение (В. Н. Мясищев), для других смысл, установка или значимость. Не вдаваясь в детальный психологический разбор упомянутых принципов, принимая теории отношений и установок как наиболее соответствующие марксистской методологии, мы должны исследовать установки и отношения личности в плане социальной психологии.

В системе отношений и мотивов личности ведущими являются отношения и мотивы, связанные с трудовой деятельностью человека.

В лаборатории социальной психологии изучению данной проблемы уделяется должное внимание. Нас интересуют такие вопросы, как мотивы выбора той или иной специальности, факторы и условия, которые благоприятствуют развитию интереса к профессии, соотношение интереса к профессии с удовлетворенностью ею, пути формирования и развития коммунистического отношения к труду.

Разработкой этих вопросов заняты сотрудники нашей лаборатории (Э. С. Чугунова, А. Л. Свенцицкий, И. П. Волков и др.). Исследование проводится на различном материале с использованием разнообразных методик. Мы изучаем преимущественно учащихся профессионально-технических училищ, выпускников этих училищ, которые проработали от ½ года до 10 лет на, предприятиях Ленинграда, молодых рабочих до 30 лет.

К настоящему времени проведено три исследования. Тесно между собой связанные, эти исследования имеют некоторые различия в объеме, в методиках и во времени проведения. В первом из них изучались (Э. С. Чугуновой) факторы, определяющие профессиональную устойчивость выпускников ПТУ, и были собраны сведения о 791 рабочем, проработавшем после училища на производстве от ½ года до 10 лет. Основными методами были анкетный опрос, карточка, которую заполнял мастер, и беседы. На первом этапе этого исследования произведен предварительный статистический и логический анализ полученных материалов.

По полу и по семейному положению рабочие распределялись так: мужчин — 439 (55,5%), женщин — 352 (44,5%); семейных — 428 (54,11%), несемейных — 363 (45,89%).

Все опрошенные были разбиты на три группы в зависимости от уровня профессиональной устойчивости:

I группа (высшая степень профессиональной устойчивости) включала 611 человек. Представители этой группы ни разу не меня-

ли места работы. Из них только 133 человека изменили специальность на сходную и в сторону повышения или совмещения.

II группа (средний уровень профессиональной устойчивости) — 142 человека. Представители этой группы 1–2 раза меняли место работы, а 138 человек из них изменили и специальность.

III группа (низкий уровень профессиональной устойчивости) — 38 человек. Они меняли место работы 3 и более раз. Почти все из них изменили специальность, которую приобрели в училище.

Демографические данные по полу и по семейному положению в этих группах в процентном отношении представлены на рисунке 17. Из диаграмм мы видим, что менее устойчивы к работе и специальности несемейные и женщины.

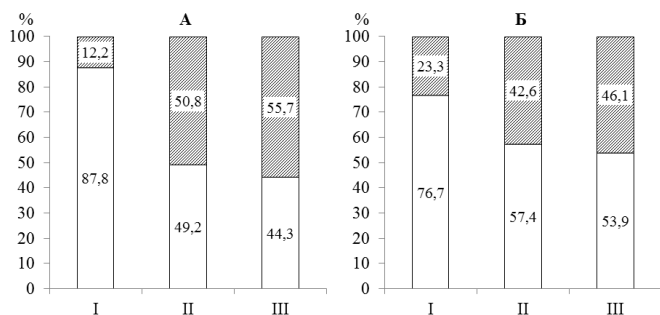

Рис. 17. Демографические данные по полу (А) и семейному положению (Б) трех групп.

Белые столбики — мужчины (А) и семейные (Б); заштрихованные — женщины (А) и несемейные (Б)

Какие же факторы благоприятствуют или мешают формированию устойчивости положительного отношения к специальности и к работе?

Существенное влияние на формирование устойчивого отношения к профессии имеют первоначальные мотивы выбора специальности. Как видно из диаграммы (рисунок 18), выбор специальности на основе интереса к профессии благоприятствует формированию устойчивого положительного отношения к ней. Вместе с тем необходимо учитывать, что во всех группах рабочих весьма высок процент мотива выбора специальности в силу сложившихся обстоятельств. Как показывают многие исследования, выбор специальности

из-за обстоятельств у молодых людей встречается больше чем в 30% случаях. Это говорит о плохой работе по профориентации молодежи, о еще не сформировавшихся интересах к различным видам труда и об их неустойчивости. Значительная часть молодежи в стремлении к самоутверждению, в поисках своего места в общей борьбе за построение коммунизма еще ясно не определила конкретной сферы деятельности. Кроме того, еще масса обстоятельств, и среди них не последнее место занимает материальное положение, может заставить молодого человека выбрать ту специальность, к которой у него нет интереса.

Вместе с тем почти равный процент в каждой из групп выборов специальности по обстоятельствам свидетельствует о той колоссальной силе непосредственного процесса труда, который и из такой исходной базы может сформировать устойчивое положительное отношение к профессии. В самом деле, 36,7% рабочих группы I выбрали специальность первоначально по обстоятельствам, а в дальнейшем, в ходе самостоятельной работы, прониклись устойчивым уважением и любовью к своей профессии. Однако большинство рабочих, которые выбрали свою специальность по обстоятельствам, все же переменили ее. Это положение следует учитывать при формировании ПТУ и при приеме учеников на предприятия.

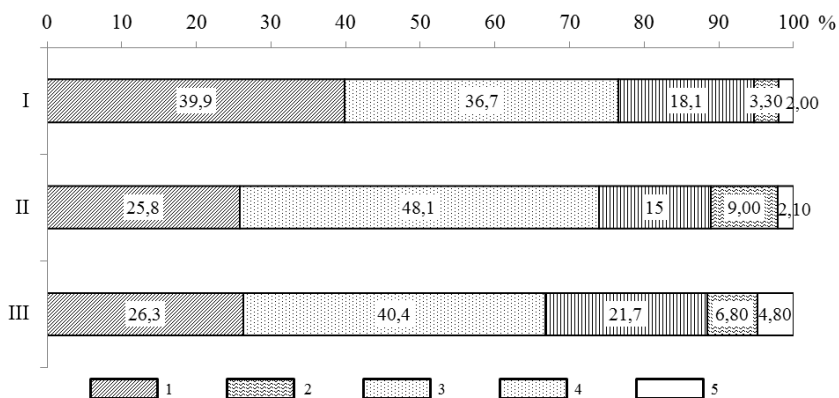

Рис. 18. Первоначальные мотивы выбора специальности рабочими трех групп.

1 — интерес к профессии; 2 — привлекала хорошая оплата; 3 — обстоятельства сложились таким образом; 4 — традиции семьи, совет друзей, товарищей; 5 — неопределенное мнение

Большое место в выборе специальности занимают традиции семьи, советы друзей и товарищей. Этот источник мотивации говорит о неустойчивости и неопределенности личных интересов молодых рабочих к специальности. Поэтому из этой среды выходят впоследствии рабочие и с устойчивой, и неустойчивой позицией к своей специальности.

Заслуживает пристального внимания большой процент (25,8 и 26,3) изменения интереса к специальности во II и III группах рабочих, несмотря на то, что эта профессия была первоначально выбрана на основе интереса к ней. Это говорит о том, что в самих условиях работы на производстве лежат причины как положительного развития интереса к специальности (даже на основе случайного ее выбора), так и отрицательные моменты, которые разрушают интерес к специальности, хотя она и была выбрана по интересу к профессии.

В ходе трудовой деятельности влияние первоначального мотива выбора специальности на устойчивость интереса к ней не снижается. Но в новых производственных условиях на формирование устойчивого интереса к профессии начинают влиять и другие факторы: осознание общественной значимости труда, его социальной ценности, развитие моральных стимулов и творческий элемент труда (возможность совершенствоваться, проявлять смекалку и инициативу) и многие другие мотивы.

Так, у представителей I группы молодых рабочих наибольшее количество голосов получено за девиз «Нельзя забывать о заработке, но основное – смысл работы, ее общественная полезность». А представители II и III групп подали довольно большое количество голосов за то, что у них «не вызывает интереса характер продукции, которую выпускает цех, завод». Следовательно, забота об осознании молодыми рабочими ценности выпускаемой ими продукции должна занимать видное место в формировании интереса к профессии.

Существенное значение в формировании интереса к профессии имеет творческий элемент труда. Творческие возможности профессии зависят от объективных условий – от характера самого труда, наличия или отсутствия интеллектуальных моментов в работе. Имеется ли возможность проявить инициативу (смекалку) в работе? – с этим фактором сами рабочие связывают свое отношение к труду. Влияние этого фактора на профессиональную устойчивость показано на рисунке 19.

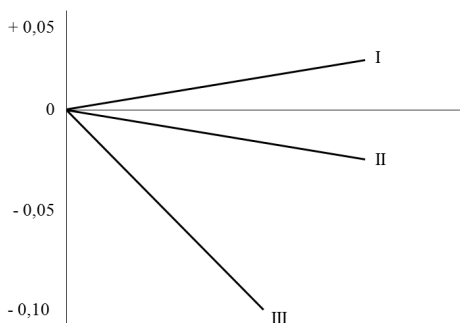

Рис. 19. Зависимость профессиональной устойчивости от возможности проявления инициативы, смекалки в работе по трем группам

Творческие возможности профессии включают в себя не только объективные, но и субъективные факторы. Эти возможности зависят от уровня профессиональной подготовки молодого рабочего, от степени развития инициативы, творчества в работе еще в процессе производственного обучения в училище.

Чрезвычайно важно, чтобы творческие возможности профессии выявились и практически осваивались молодыми рабочими как можно раньше, чтобы они не воспринимались как удел только отдельных опытных, с большим стажем рабочих (рисунок 20).

При соблюдении этого условия следует ожидать, что намечающиеся тенденции положительного влияния на профессиональную устойчивость творческой деятельности молодых рабочих будут все более крепнуть и станут закономерными.

Чрезвычайно важно, что устойчивое отношение к профессии поддерживается постоянством интереса к ней и возможностью систематического повышения квалификации.

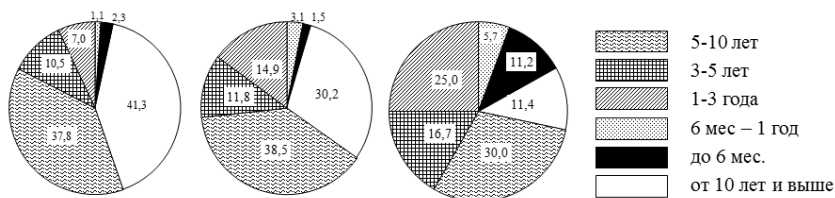

Рис. 20. Зависимость технического творчества от стажа работы на предприятии (в процентах)

На графике (рисунок 21) отражено мнение всех трех групп по вопросу «Что нравится в специальности?». Для наиболее устойчивой I группы рабочих ведущими являются интерес к специальности (+0,75) и возможность повышать квалификацию (+0,4). Показатели даны на основе средневзвешенного мнения.

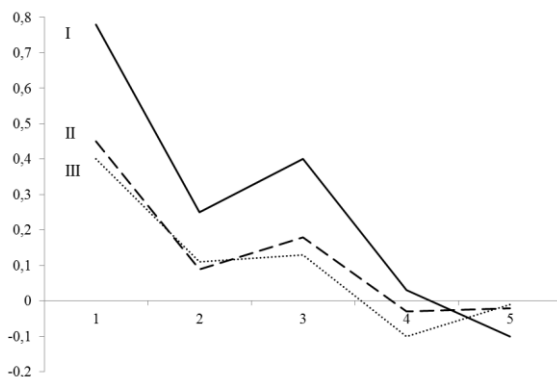

Рис. 21. Средневзвешенное мнение рабочих трех групп по вопросу «Что нравится в специальности?»

1 — специальность интересная; 2 — хорошая оплата; 3 — есть возможность повышать квалификацию; 4 — другие моменты; 5 — неопределенное мнение

Следовательно, для формирования устойчивого положительного отношения к профессии необходимо развивать творческое начало труда, создавать возможности повышения квалификации, конкретно показывать общественную значимость выпускаемой продукции.

Теснота взаимоотношений в производственном коллективе между товарищами по работе, между рабочими и администрацией определяется стажем совместной работы на данном предприятии, стилем сложившихся взаимоотношений и, главное, общностью целей в трудовой деятельности. Теснота и динамика этих связей проявляются в создании «психологического климата» на производстве. Благоприятная психологическая атмосфера сказывается прямо или косвенно на отношении к своей профессии молодых рабочих и на длительности их пребывания на данном месте работы.

По нашим данным, чаще всего меняют работу и специальность рабочие III группы, проработавшие всего в данном производственном коллективе от 1 до 3 лет. И более всего устойчивы в профессию-

нальном отношении представители I группы, работающие в одном и том же коллективе от 5 до 10 и свыше лет. Коэффициент корреляции, который показывает зависимость между стажем работы на данном предприятии и профессиональной устойчивостью, является положительным и достоверным для данной совокупности ($r = +0,3186$).

Отношение администрации к рабочим сказывается на оценке своего труда со стороны рабочих, влияет на «психологический климат» на производстве, на профессиональную устойчивость молодых рабочих.

Теснота взаимоотношений в производственном коллективе зависит от участия в движении за коммунистический труд как рабочих, так и администрации. Участие в таком соревновании сближает людей не только в сфере непосредственного производства, но и во вне-рабочее время: в часы отдыха, в бытовой жизни.

По нашим данным, рабочие II и III групп (почти около 40% в каждой группе) не участвуют в движении за коммунистический труд. И это в конечном итоге отрицательно отражается на их профессиональной устойчивости.

Из диаграммы (рисунок 22) видна прямая зависимость между участием в общественной работе, отношением к ней со стороны рабочих и профессиональной устойчивостью. Те, кто не занимаются общественной работой (а их больше половины — 61% среди рабочих

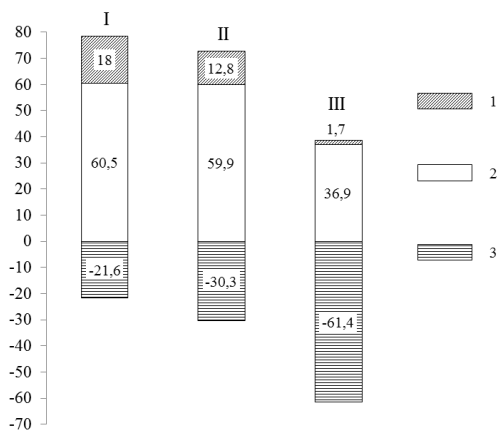

Рис. 22. Отношение к общественной работе рабочих трех групп (в процентах).

- 1 — в высшей степени добросовестное; 2 — вполне добросовестное;
3 — не участвуют в общественной работе

III группы), по-видимому, не испытывают потребности в общении со своими товарищами по работе и без труда расстанутся с данным предприятием, с цехом. Влияние тесноты взаимоотношений в процессе общественной работы на профессиональную устойчивость контролировалось официальными данными, полученными от мастера, комсорга, парторга.

Данные о тесноте взаимосвязи в производственном коллективе, полученные при анкетировании, сопоставлялись с ответами, полученными на контрольный вопрос № 7 анкеты: «Если у вас есть желание перейти на другую работу, то куда именно?».

Голоса рабочих III группы (в процентах) распределились следующим образом:

1. Хотел бы перейти на другой участок, бригаду, цех (без изменения специальности)	17,66
2. Хотел бы перейти на другое предприятие (без изменения специальности)	23,58
3. Готов перейти на любое место с повышением заработка	17,16
4. Хотел бы сменить специальность	35,73
5. Другие мотивы	5,87

Этот контроль подтверждает, что 58,40% проголосовали за вопросы № 1, 2 и 3. Иначе говоря, более чем у половины рабочих III группы сложилась внутренняя психологическая готовность выйти из данного коллектива. Именно этот психологический фактор послужит причиной изменения места работы в будущем. По-видимому, следует обратить особое внимание на укрепление внутриколлективных связей как в официальной сфере взаимодействия людей на производстве, так и в неофициальной, содействовать созданию благоприятного «психологического климата» в больших и малых коллективах.

Таким образом, на профессиональную устойчивость и на характер отношения к труду влияет ряд существенных факторов. Особенности первоначальных мотивов выбора профессии в дальнейшем сказываются на отношении к ней. Положительным мотивом выбора профессии является установившийся интерес к ней. Совет родителей, родных и друзей может также сыграть положительную роль в дальнейшем формировании устойчивого интереса к профессии. Выбор профессии по обстоятельствам дает впоследствии большой

отсев, но может свидетельствовать и о еще несформированных профессиональных интересах, и о значительных возможностях воспитательного воздействия на формирование этих интересов как в системе ПТУ, так и непосредственно на предприятиях.

Однако как ни велика роль первоначального мотива выбора профессии, все же решающее значение в деле формирования устойчивого интереса к профессии имеет непосредственный процесс труда, особенности его содержания и организации, общественное значение выпускаемой продукции, правильное сочетание моральных и материальных стимулов труда, развертывание творческих элементов в работе, установление хороших взаимоотношений с товарищами и администрацией. Все эти зависимости подтверждаются и другими исследованиями, которые проведены нашим сотрудником А. Л. Свенцицким.

Изучая возможности метода интервью в социально-психологическом исследовании, А. Л. Свенцицкий провел опрос 300 учащихся первого года обучения ПТУ № 2 Ленинграда с целью выяснения их отношения к специальности. Интервью были взяты у 259 юношей и 41 девушки в возрасте 15–18 лет. По специальностям учащиеся распределялись следующим образом:

Слесари	97 человек
Токари	78
Электромонтеры	51
Фрезеровщики	49
Электрообметчики	25

Показательно, что большинство данных, которые получены в результате исследования А. Л. Свенцицким, согласуются с выводами работы Э. С. Чугуновой. Так, по данным А. Л. Свенцицкого (таблица 15), на первом месте в выборе профессии стоит интерес к специальности. Значительное число голосов получил мотив выбора профессии по совету друзей и родных. Этот мотив действительно значим для поступающих в ПТУ, и он имеет тенденцию роста, так как А. Л. Свенцицкий проводил опрос как бы по свежим следам (первый год обучения в ПТУ), а Э. С. Чугунова проводила опрос среди выпускников ПТУ, которые уже работают на производстве от ½ до 10 лет и больше.

Таблица 15
Мотивы выбора специальности

Степень удовлетворенности специальностью	Количество лиц, указавших на этот мотив					
	Слесари (97 чел.)	Токари (78 чел.)	Электромонтеры (51 чел.)	Фрезеровщики (49 чел.)	Электрообмотчики (25 чел.)	В целом по всем специальностям
1. Специальность казалась интересной	78	65	45	29	17	234
2. Привлекала хорошая оплата	14	4	—	9	11	38
3. Обстоятельства сложились, так что другого выбора не было	26	20	6	22	6	80
4. Совет родных, друзей	67	32	36	39	23	197
5. Специальность казалась легкой	2	—	6	3	—	11
6. Не знаю	2	—	—	—	—	2

Примечание: Опрошенные иногда давали несколько вариантов ответов.

Как мы уже знаем, на основе мотива «по совету друзей и родных» может быть сформирован устойчивый интерес к профессии, если проводить специальную работу в ПТУ и на предприятиях, но этот мотив порождает и текучесть, неустойчивое отношение к специальности, если положиться на стихию. Примерно треть опрошенных выбирает специальность случайно, по обстоятельствам. Следовательно, как в первом, так и во втором исследовании отчетливо устанавливается то, что выбор профессии в молодые, юношеские годы более чем в половине случаев определяется внешними факторами: в силу сложившихся обстоятельств, по совету друзей и родных, из-за хорошей оплаты и т. п. Хотя, конечно, и внутренняя готовность, установка к конкретной специальности в эти годы становится характерной чертой многих юношей и девушек. Это период основательного формирования жизненно значимых интересов и склонностей молодых людей, их стремления определить свою жизненную перспективу.

Вот почему так актуален вопрос о специальной работе по профессиональной ориентации среди молодых людей юношеского возраста. Для молодых людей, у которых сложился интерес к опреде-

ленной профессии, специальная работа по углублению и упрочению этого интереса может положительно сказаться на уровне овладения профессиональным мастерством и на удовлетворенности своей работой. Это тем более следует подчеркнуть, что и из этой группы молодых людей по разным причинам меняет свою специальность довольно значительная часть. Что касается большей части молодых людей, которые выбирают специальность по внешним основаниям (совет родных, друзей, по обстоятельствам), то для них специальная и вдумчивая работа по формированию их профессиональных интересов имеет первостепенное значение. Показ общественного значения профессии, раскрытие творческих сторон данной специальности и ее возможностей в гармоничном развитии личности — вот далеко не полный перечень средств формирования интересов к специальности.

Специальная работа по формированию профессиональных интересов необходима потому, что уже к концу первого года обучения в ПТУ 53 человека (из 300 опрошенных) изъявили желание сменить специальность, хотя выбирали они ее по разным мотивам (таблица 16).

Из таблицы 16 видно, что наименее устойчивы в отношении к профессии те, которые выбрали ее по обстоятельствам (35%); значителен процент (18%) лиц, которые изменяют свое отношение к профес-

Таблица 16
Мотивы выбора специальности учащимися,
которые хотят ее сменить

Содержание мотива	Количество лиц, указавших на данный мотив	Процентное отношение к общему числу лиц, указавших на данный мотив
1. Специальность казалась интересной	43	18
2. Привлекала хорошая оплата	8	21
3. Обстоятельства сложились так, что другого выбора не было	28	35
4. Совет родных, друзей	26	13
5. Специальность казалась легкой	3	27
6. Не знаю	—	—

сии, хотя и выбрали ее по интересу. Это говорит о неустойчивости проявляющихся профессиональных интересов у молодых людей 15–18 лет.

Весьма высоки показатели изменения отношения к профессии при выборе ее по мотиву хорошей оплаты (21%) и по легкости специальности (27%).

Существенное влияние семьи, родственников и друзей на выбор профессии сказывается в том, что это влияние продолжается и в дальнейшем. Поэтому в этой категории лиц меньше всего тех, которые пожелали сменить специальность (всего 13%).

Показатели таблицы 16 свидетельствуют о том, что независимо от первоначального мотива выбора профессии с течением времени происходит изменение отношения к специальности. Это говорит о подвижности и изменчивости профессиональной направленности в 15–18-летнем возрасте.

В деле развития и формирования профессиональных интересов большое значение имеет опора на те положительные факторы, которые определяют привлекательность данной специальности, удовлетворенность ею, преимущества данной специальности по сравнению с другими.

Как показывает исследование, наиболее привлекательными сторонами специальности для учащихся ПТУ являются ее разнообразие и общественная значимость, а также хорошие санитарно-гигиенические условия, ее физическая легкость, и, наоборот, наиболее непривлекательными в специальности считаются однообразие работы и плохие санитарно-гигиенические условия (таблица 17).

Как мы видим, представители различных специальностей в привлекательных сторонах профессии отмечают много общего: разнообразие, общественную значимость и т. п. Расхождения наблюдаются в оценке физической легкости, напряженности. Так, среди электрообмотчиков физически легкой считают свою специальность 50% опрошенных, а среди слесарей, фрезеровщиков – только 7%.

Существенное различие наблюдается в определении непривлекательных сторон специальности. Особенно значительный процент опрошенных отмечает плохие санитарно-гигиенические условия как самую непривлекательную сторону специальности.

Наибольшую неудовлетворенность разными сторонами специальности выражают слесари, токари, фрезеровщики, наименьшую – электромонтеры и электрообмотчики. Как показывает таблица 17,

Таблица 17
Отношение учащихся к своей специальности

Отзыв о профессии	Количество лиц, указавших на это отношение (в скобках % к опрошенным по специальности)				
	Слеса- ри (97 чел.)	Тока- ри (78 чел.)	Элек- трон- теры (51 чел.)	Фрезе- ровщи- ки (49 чел.)	Электро- обмот- чики (25 чел.)
<i>Привлекательные стороны специальности</i>					
Разнообразие в работе, интересная специальность	80 (82)	63 (81)	46 (90)	45 (92)	25 (100)
Физически легкая	7 (7)	9 (11)	4 (8)	7 (14)	12 (50)
Моя специальность очень важна для общества	62 (64)	46 (59)	37 (72)	33 (72)	15 (60)
Хорошие санитарно- гигиенические условия	5 (5)	2 (3)	2 (4)	2 (4)	8 (32)
<i>Непривлекательные стороны специальности</i>					
Однообразная работа, неинтересная специальность	12 (12)	4 (5)	—	1 (2)	—
Физически утомляет	12 (12)	15 (19)	—	11 (22)	—
Моя специальность не очень важна для общества	2 (2)	—	—	—	—
Плохие санитарно- гигиенические условия	22 (23)	30 (38)	—	14 (28)	2 (8)

у представителей разных специальностей особенно различаются данные об определении непривлекательных сторон профессии: плохие санитарно-гигиенические условия, однообразие, большая физическая нагрузка. Поэтому в формировании профессиональной устойчивости следует обратить серьезное внимание на устранение непривлекательных условий в различных специальностях.

Уже в стенах ПТУ у учащихся складывается определенное отношение к своей специальности, проявляется удовлетворенность избранной профессией. Об этом можно судить на основании ответов на вопрос: «Что вы думаете о своей специальности?».

Согласно данным таблицы 18, абсолютное большинство учащихся положительно относится к своей специальности.

Для уточнения этого отношения были использованы и косвенные вопросы, чтобы сравнить отношение учащихся к другим рабочим

Таблица 18
Степень удовлетворенности специальностью
в различных профессиональных группах

Степень удовлетворенности специальностью	Количество лиц, указавших на тот или иной ответ				
	Слесари (97 чел.)	Токари (78 чел.)	Электромонтеры (51 чел.)	Фрезеровщики (49 чел.)	Электромотчики (25 чел.)
Очень нравится	36	24	42	18	14
Скорее нравится, чем не нравится	47	39	9	20	8
Ни хорошая, ни плохая	10	9	—	7	2
Скорее не нравится, чем нравится	—	—	—	—	—
Совершенно не нравится	—	—	—	—	—
Не могу сказать	4	6	—	4	1

и нерабочим специальностям по сравнению со своей специальностью. Ответы фиксировались по пятибалльной системе с вычислением среднего арифметического.

Таблица 19 наглядно подтверждает степень высокой удовлетворенности специальностью у учащихся. Эта степень различна. Она постепенно снижается от электромонтеров, электрообмотчиков к фрезеровщикам, слесарям и токарям, хотя у всех остается на высоком уровне.

Обнаруживается также характерная тенденция к снижению уровня удовлетворенности специальностью по сравнению с другими рабочими специальностями и по сравнению вообще со всеми специальностями. Как правило, отмечает А.Л. Свенцицкий, судить об истинном отношении к специальности лучше всего по последним показателям сравнения своей специальности со всеми остальными, здесь проявляется та же тенденция. Высокий уровень удовлетворения своей специальностью ставит ее высоко по сравнению с другими рабочими специальностями и со всеми другими. Для формирования профессиональных интересов важен дифференцированный подход, который опирается на разную степень удовлетворенности специальностью со стороны представителей различных профессий. Необходимо показать общественную значимость и место данной про-

Таблица 19

Степень удовлетворенности специальностью
в разных профессиональных группах по сравнению с другими

Способы оценки	Оценки степени удовлетворенности (в баллах)				
	Сле- сари	Токари	Элек- тромон- теры	Фре- зеров- щики	Электро- обмот- чики
На основе вопроса: «Что вы дума- ете о вашей специальности?»	4,28	4,21	4,82	4,37	4,5
На основе сравнения только с рабочими специальностями	4,34	4,1	4,49	4,19	4,17
На основе сравнения со всеми другими специальностями	3,77	3,57	4,11	3,66	4,06

фессии, перспективу ее развития в системе других специальностей. Подобная работа может снять известную недооценку своей специальности по сравнению с другими, возвысит ее престиж.

Система и характер взаимоотношений в группе учащихся с мастером являются значимыми условиями, которые оказывают влияние на формирование устойчивого отношения к специальности. Это положение подтверждается рядом исследований (Э. С. Чугунова, А. А. Русалинова) и данными А. Л. Свенцицкого. По данным последнего, все учащиеся ПТУ, которые желают сменить свою специальность, значительно ниже оценивают свою группу по ее сплоченности и дружбе, чем те учащиеся, которые не желают сменить свою специальность. Так, если уровень оценки своей группы всеми учащимися равен 0,22 (максимальная оценка +1 означает «у нас очень дружная группа»), то учащиеся, которые желают сменить специальность, оценивают свою группу по 0,14, т. е. ниже на 0,08.

Следовательно, характер взаимоотношений в группе и отношение учащихся к группе оказывают влияние на устойчивое отношение к специальности. Невысокая оценка группы совпадает с большим числом случаев желания сменить свою специальность. Поэтому работа по формированию взаимоотношений и сплоченности учебной группы может благотворно сказаться и на развитии положительно-го отношения к своей профессии.

Большой интерес представляют данные А. Л. Свенцицкого об отношении учащихся к мастеру. Так, на вопрос «А лично вы стараетесь

в чем-то быть похожим на вашего мастера или считаете, что в этом нет особой необходимости?» получен 141 утвердительный и 131 отрицательный ответ. Значит, в чем-то на мастера ориентируются многие ученики. И это, безусловно, стимулирует развитие профессиональной направленности.

Учащиеся отмечают наиболее привлекательные качества характера мастера: доброту, отзывчивость, справедливость. К наименее привлекательным качествам мастера они относят грубость, несправедливость, злость. Эти положительные и отрицательные моральные качества должен учитывать мастер при работе с учащимися, так как от их проявления существенно зависят взаимоотношения между ним и учащимися, а в конечном счете и отношение учащихся к делу, к своей будущей специальности.

Важно отметить как положительный фактор то, что учащиеся не замыкаются в своей узкой специальности. Они думают о постоянном самосовершенствовании, повышении своей рабочей квалификации, о совмещении специальностей, без чего трудно представить современного рабочего. И это вполне закономерное и положительное явление. Одно дело, когда наблюдается мало мотивированная частая смена специальностей, и совершенно другое дело, когда мы наблюдаем стремление к постоянному повышению квалификации до уровня инженера, техника, стремление к овладению смежными профессиями для совершенствования в своей собственной.

Из 300 опрошенных 162 человека учатся одновременно в ПТУ и в школе рабочей молодежи.

Весьма показательны ответы 300 опрошенных относительно планов на будущее (опрошенные могли указать несколько вариантов ответов):

	ответов
Желание стать инженером	128
Желание стать квалифицированным рабочим по этой специальности	147
Желание стать квалифицированным рабочим по другой специальности	23
Приобрести несколько рабочих специальностей	80
Приобрести специальность, связанную с заводом, промышленностью	45
Нет определенных планов	3

Таким образом, на формирование профессиональных интересов в ПТУ оказывают влияние самые разнообразные условия. Первоначальный мотив выбора специальности может благоприятствовать или мешать работе по развитию профессиональной направленности. Отсюда необходимость и важность тех мотивов, по которым поступают молодые люди в данное училище. При этом следует учитывать изменчивость и еще недостаточную устойчивость и осознанность своего призвания юношами и девушками в 15–18 лет.

Как ни велико значение первоначального мотива выбора специальности, однако решающее значение в формировании профессиональной направленности имеет организация деятельности учащихся в самом училище. Привитие любви к профессии в стенах училища должно осуществляться через целый комплекс продуманных мероприятий. Следует всемерно поднимать престиж осваиваемых профессий. Особое внимание нужно уделить профессии слесаря и токаря, так как здесь намечается тенденция к понижению интереса к данным специальностям.

Решающее значение должно иметь развитие творческих элементов с самого начала обучения, так как увеличение интеллектуальной нагрузки, возможность проявить смекалку и инициативу благоприятно отражаются на развитии любви к профессии.

Разнообразие работы, ее общественная значимость, хорошие санитарно-гигиенические условия благоприятствуют формированию профессиональной направленности. Отношение мастера к своей профессии и к учащимся, его нравственный облик, взаимоотношения, которые складываются в группах учащихся, прямо и непосредственно сказываются на формировании профессиональной направленности.

Для подтверждения изложенных данных о мотиве выбора специальности и условиях, которые определяют удовлетворенность ею, можно сослаться на третье исследование, которое также проведено А.Л. Свенцицким. Сопоставляя возможности методов интервью и анкетного, А.Л. Свенцицкий провел интервью со 134 молодыми рабочими, которые за 2 года до этого были обследованы на основе анкет. Эти 134 рабочих были отобраны на основе пятипроцентной выборки из 2665 человек, которые были опрошены с помощью анкет коллективом лаборатории социологических исследований Ленинградского университета (Здравомыслов, Ядов, 1964, с. 72).

Весьма интересно отметить большинство совпадающих ответов во всех перечисленных исследованиях, что повышает достоверность

наших данных. Так, например, в результате последнего исследования мотивы выбора специальности распределились следующим образом. На первом месте стоит содержательный мотив — интерес к самой специальности. Весьма существенное место занимает мотив выбора специальности в силу сложившихся обстоятельств. Затем идут мотивы выбора профессии по советам родных, друзей и из-за стремления к хорошей оплате.

Что касается условий, которые определяют удовлетворенность работой и специальностью, то, по данным этого исследования, они распределяются в следующей последовательности: удовлетворенность содержанием труда, условиями труда и размерами заработной платы, отношением администрации, взаимоотношениями между рабочими в своем коллективе, организацией труда.

На первом месте стоит содержание самого характера труда, возможности творческого применения умственных и физических сил. Многие молодые рабочие совмещают свой труд с учебой. Из 134 опрошенных учатся в школе 6 человек, в техникумах и институтах — 24. В ближайшее время собирался поступить в техникумы и вузы 21 человек. Интересно, чем же мотивировал этот 51 рабочий свое стремление учиться? 39 из них (76%) выразили желание расширить круг знаний по своей специальности, 9 человек (17%) собирались сменить специальность в результате обучения, 3 человека не имели определенных планов на будущее.

Изучение профессиональной направленности и фактов, которые ее определяют, выявляет ряд существенных условий.

1. Первоначальный характер мотивов при выборе специальности может способствовать либо затруднять работу по формированию профессиональных интересов.
2. Наиболее благоприятным является мотив выбора специальности по интересу, по призванию.
3. Выбор профессии по обстоятельствам и по совету родных и друзей дает двоякие результаты, которые определяются всей системой учебно-воспитательной и производственной работы в профессионально-технических училищах и характером труда при самостоятельной работе.
4. Удовлетворенность работой и специальностью у представителей различных профессий весьма различна. Удовлетворенность работой и специальностью главным образом определяется содер-

жанием труда, его творческими элементами, возможностью постоянно совершенствоваться, проявлять смекалку и инициативу.

5. В формировании отношения к труду, специальности не последнее место занимают взаимоотношения с товарищами и администрацией, которые создают благоприятную или противоположную психологическую атмосферу.
6. Благоприятствуют формированию положительного отношения к труду и другие существенные моменты: зарплата, санитарно-гигиенические условия, организация труда и т. д.
7. Ставя вопрос о формировании положительного устойчивого отношения к той или иной специальности, не следует думать об узкой замкнутости рабочего в своей профессии. Сама жизнь и материалы исследования показывают, что учащиеся ПТУ и молодые рабочие прекрасно понимают, что не может быть настоящего, подлинного совершенствования в своей специальности без овладения смежными профессиями, без постоянного расширения и развития собственного кругозора. Вот почему многие квалифицированные рабочие сейчас стоят на уровне работников ИТР. Например, на Братской ГЭС на 1 января 1963 г. наладкой, ремонтом и управлением сложных машин и механизмов занимались 6 человек с высшим образованием и 119 — со средним специальным (Семёнов, 1965, с. 45).

Исследования мотивов выбора профессии, характера складывающихся отношений к ней во время самостоятельной работы раскрывают многофакторную природу условий, которые стимулируют и тормозят формирование мотивов и интересов. В социально-психологическом отношении имеет большое значение изучение влияния семьи, товарищей, администрации и собственный сложившийся уровень ориентации в данный момент.

Мы видели, что у подростков 15—18 лет еще довольно пластичны интересы к той или иной профессии. Выбор профессии по совету семьи, друзей и товарищей занимает значительное место. Хорошие отношения с товарищами и администрацией содействуют положительному отношению к работе, специальности, создают общую благоприятную психологическую атмосферу. Все это есть не что иное, как система межличных взаимоотношений, которая формирует соответствующие отношения к труду. Понятно, что сквозь эту систему действуют такие мощные социальные факторы, как характер выпускаемой продукции, организация и ритмичность производства, уро-

вень зарплаты и т. п. Но сами эти факторы сказываются положительно или отрицательно в зависимости от устойчивости интереса к специальности, от характера сложившихся взаимоотношений, т. е. они действуют через социально-психологические особенности личности и групп. Если человек безразлично относится к заводу, профессии, то низкий уровень зарплаты, плохая организация труда приведут сразу к уходу с данного предприятия. Для личности с устойчивым и ответственным отношением к своей работе плохая организация труда послужит стимулом активного вмешательства в эти обстоятельства.

Социально-психологические условия существенно влияют на творческую активность рабочих и учащихся ПТУ. Э. С. Чугуновой удалось выяснить интересные зависимости.

Все опрошенные рабочие (787 человек) были разделены на три группы по характеру творческой активности:

- I группа — рационализаторы и изобретатели — высокая творческая активность;
- II группа — рабочие периодически подают предложения по улучшению условий труда — средний уровень;
- III группа — низкий уровень активности.

На основе средневзвешенной оценки (максимальная оценка — +1) выясняется оценка взаимоотношений с товарищами по работе: в I группе — +0,138; во II группе — +0,036; в III группе — -0,073.

Эти показатели говорят о значительном влиянии взаимоотношений между товарищами на уровне творческой активности.

Подобная зависимость прослеживается и в отношениях рабочих с администрацией: оценка по I группе составляет +0,116; по II группе — +0,073; по III группе — -0,014. Следовательно, уровень и характер отношений с администрацией оказывает большое влияние на творческую активность рабочих.

Осознание важности выпускаемой продукции заводом выражается в таких показателях: I группа — +0,238; II группа — 0,011; III группа — -0,092. Интерес к профессии и специальности весьма существенно определяет творческую активность.

Таким образом, характер взаимоотношений между людьми, их межличностные отношения влияют на мотивы выбора профессии, на устойчивость интереса к специальности, на отношение к труду. С другой стороны, сложившиеся отношения, интересы сами активно влияют на характер трудовой деятельности.

Заключение

«Основы социальной психологии» познакомили читателя с современной методикой и техникой исследований, позволили остановиться на основных направлениях изучения групп, коллективов, личности, которые проводятся в зарубежной и нашей социальной психологии.

Разумеется, в книге не преследовалась цель дать полный и исчерпывающий обобщающий материал по всем поставленным вопросам. Работа над книгой убеждает в том, что во всех разделах социальной психологии еще непочатый край работы. Это относится и к более углубленному критическому анализу истории возникновения и развития социальной психологии. Поскольку предмет социальной психологии как науки является весьма динамичным, существенно зависит от объема и глубины исследовательской работы, постольку постоянное совершенствование наших представлений в этой области — дело первостепенной важности.

Значительные качественные сдвиги должны произойти в открытии новых методик социально-психологических исследований, так как существующие приемы еще довольно громоздки, применяются с большим трудом, часто искажают картину изучаемых явлений. Перспективным в этом отношении представляется путь моделирования естественных социально-психологических задач в лабораторных условиях. Наши приборы гомеостаты являются одной из первых «ласточек» в этом направлении.

Предстоит большая работа по усовершенствованию системы шкалирования социально-психологических явлений, по развитию приемов количественной обработки собираемого материала. Ведь только единство качественного и количественного анализа может продвигать социально-психологическую науку вперед.

Заключение

Хотя к настоящему времени разделы социальной психологии групп и коллективов наиболее развиты, однако и здесь предстоит больше работы, чем сделано до сих пор. Необходимо дать подробную классификацию групп и коллективов по их структуре и динамике в зависимости от различных факторов: возраст, пол, образование, решаемые задачи и др. Только на основе обобщения большого комплекса исследований групп и коллективов можно более совершенно диагностировать и прогнозировать их состояние и развитие, можно переходить к системе моделирования и управления малыми группами.

Не менее ответственные задачи стоят перед исследователями социально-психологических аспектов гностической и коммуникативной деятельности личности. Проблема познания людьми друг друга в этой связи занимает центральное место, так как ее решение существенно повлияет на взаимопонимание и на регуляцию отношений людей друг с другом. Еще очень мало сделано в анализе речи как средства коммуникации и регуляции общения людьми друг с другом.

Все перечисленные проблемы весьма актуальны и в какой-то мере изучаются в различных странах. Поэтому здесь мы выступаем лишь за дальнейшее развитие и интенсификацию подобных исследований.

Значительно хуже дело обстоит с изучением массовидных социально-психологических явлений, различных социальных расстройств психики людей, сферы массовых средств коммуникаций, рекламы, сервиса, промышленности и военного дела.

Вероятно, и в решении перечисленных вопросов успех должен прийти не через непосредственное изучение массовидных явлений, а через изучение групп, коллективов, личности. Так, например, все средства массовой коммуникации, рекламы можно проверить на эффективность через воздействие на конкретные и различные группы и коллективы.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Психология педагогической оценки. Л.: Учпедгиз, 1935.
- Ананьев Б. Г.* Человек как общая проблема современной науки // Вестник ЛГУ. 1957. № 11.
- Ананьев Б. Г.* Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки // Вестник ЛГУ. 1962. № 23.
- Артемов В. А.* К вопросу о социальной психологии // Психология. Т. II. Вып. 2. М.—Л.: Госиздат, 1929.
- Башилов В. И., Джаирьян И. А., Макаров Н. И., Платонов К. К.* Социально-психологическое исследование личности рабочего // Тезисы докладов на II съезде общества психологов. Вып. V. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963.
- Беккер Г., Босков А.* Современные социологические теории. М.: ИЛ, 1961.
- Белых О. В., Беляев Б. В.* Возможность применения теории графов в социологии // Человек и общество. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966.
- Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.
- Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921.
- Бехтерев В. М.* Влияние коллектива на личность // Педология и воспитание. М., 1928.
- Бодалев А. А.* Восприятие человека человеком. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965.
- Быстров Г. В., Масвилискер Э. И.* IV научная конференция Уральского отделения общества психологов // Вопросы психологии. 1965. № 4.
- Валентинова Н. Г.* Социальный эксперимент // Вопросы организации и методики конкретно социологических исследований. Ростовиздат, 1963.
- Валентинова Н. Г.* Влияние взаимоотношений в производственном коллективе на отношение интереса к труду // Социология в СССР. Т. II. М.: Мысль, 1965.

Литература

- Вахитов М.* Об одной новейшей социальной утопии. М.: Соцэкгиз, 1958.
- Голубева Н. В., Иванюк М. И.* Эффективность работы малых групп // XVIII Международный психологический конгресс. Т. III. М., 1966.
- Голубева Н. В., Кузьмин Е. С.* Опыт изучения производственных коллективов // Социология в СССР. Т. II. М.: Мысль, 1965.
- Горбов Ф. Д.* Индивидуум и группа в экспериментальной групповой психологии // Проблемы инженерной психологии. Л., 1964.
- Дискуссия по проблеме установки // Вопросы психологии. 1955. № 6.
- Залужный А. С.* Детский коллектив и методы его изучения. М.: ГИЗ, 1931.
- Зайцев В. Л.* Представление учащихся об источниках нравственного влияния // Советская педагогика. 1965. № 12.
- Беляев Б. В.* Проблема коллектива и его экспериментально-психологического изучения // Психология». Т. II. Вып. 2. М.—Л.: Госиздат, 1929.
- Здравомыслов А. Г., Ядов В. А.* Опыт конкретного исследования отношения к труду // Вопросы философии. 1964. № 4.
- Здравомыслов А. Г., Ядов В. А.* Влияние различий в содержании и характере труда на отношение к труду // Опыт и методика конкретных социологических исследований. М.: Мысль, 1965.
- Ильина А. И.* Индивидуальные особенности общительности в связи со скоростными проявлениями темперамента подвижных и инертных групп учащихся: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. М., 1965.
- Каминский Л. С.* Статистическая обработка лабораторных и клинических данных. Медгиз, 1964.
- Кауфман И., Волянский А.* Изучение социально-классовой среды рабочего подростка. Л.: Тип. им. Анохина, 1934.
- Колбановский В. Н.* Некоторые актуальные проблемы общественной психологии // Вопросы философии. 1963. № 12.
- Количественные методы в социологических исследованиях / Под ред. А. Г. Аганбегяна. Новосибирск, 1964.
- Коломинский Я. Л.* Опыт психологического исследования взаимоотношений между учениками в классе: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1963.
- Кузьмин Е. С.* К вопросу о социальной психологии // Проблемы общей и индустриальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.

- Куликов Н. В.* Вопросы психологии внушения в общественной жизни // Проблемы общественной психологии. М.: Мысль, 1965.
- Куницына В. Н.* Восприятие человека подростком // XVIII Международный психологический конгресс. Т. III. М., 1966.
- Левитов Н. Д.* Методы изучения педагога в Америке // Вопросы изучения учителя / Под ред. Г. С. Прозорова. М.: Учпедгиз, 1935.
- Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1, 18, 24, 45.
- Мансуров Н. С.* Общественная психология и педагогическая наука // Советская педагогика. 1965. № 9.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3, 23.
- Морено Д.* Социометрия. М.: ИЛ, 1958.
- Ольшанский В.* Личность и социальные ценности // Социология в СССР. Т. II. М.: Мысль, 1965.
- Осипов Г. В.* Современная буржуазная социология. М.: Наука, 1964.
- Остапенко И.* Научное исследование состава участников движения за коммунистический труд на предприятиях Москвы // Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований. Росвузиздат, 1963.
- Парыгин Б. Д.* Общественное настроение как социологическая категория // Вестник ЛГУ. 1963. № 5.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология как наука. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965.
- Попов Г. И.* Конкретно-социологические исследования в практике теологической работы // Социология в СССР. Т. I. М.: Мысль, 1965.
- Прангишвили А. С.* Сообщения АН ГССР. Т. XVII. № 9.
- Рожин В. П.* Введение в марксистскую социологию. Изд. ЛГУ, 1962.
- Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М.: Госучпедиздат, 1935.
- Свенцицкий А. Л.* Интервью как метод конкретного социологического исследования // Философские науки. 1965. № 4.
- Семенов В.* Социальная структура советского общества // Коммунист. 1965. № 11.
- Сопиков А. П.* Влияние группы на поведение члена этой группы // XVIII Международный психологический конгресс. Т. III. М., 1966.
- Социология в СССР. Т. I—II. М.: Мысль, 1966.
- Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965.
- Тезисы докладов на II съезде общества психологов. Вып. III. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963.

Литература

- Фортунатов Г. А. Метод изучения детских коллективов // Очерки НОТ в школе. Т. 1. ГИЗ, 1926.
- Ценципер А. Б. Изучение положения ученика в коллективе // Советская педагогика. 1965. № 11.
- Чугунова Э. С. О некоторых социально-психологических условиях профессиональной устойчивости молодых рабочих // Человек и общество. Ч. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. № 12.
- Шубкин В. Н. Личность и коллектив // Количественные методы в социологических исследованиях. Новосибирск, 1964.
- Шубкин В. Н., Карпов Ю., Кочетов Г. М. Личность и коллектив (количественные оценки в социально-психологическом исследовании) // Количественные методы в социологических исследованиях. Новосибирск, 1964.
- Ядов В. А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
- Allport F. H. Social Psychology. Boston, 1924.
- Allport G. W. Pattern and Growth in Personality. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1961.
- Asch S. E. Effects of Group Pressure on the Modification and Distortion of Judgments // H. Guetzkow (Ed.). Groups, Leadership and Men. Pittsburgh, PA: Carnegie Press, 1951. P. 177–190.
- Brown J. The Social Psychology of Industry. Baltimore, 1963.
- Cantril H. The Pattern of Human Concerns. New Brunswick, 1905.
- Cantril H. The “Why” of Man’s Experience. N. Y., 1950.
- Child Development and Personality / Ed. P. Mussen. N. Y. 1963.
- Child Psychology / Ed. by H. Stevenson. Chicago, 1963.
- Crandall V. Achievement // Child Psychology. 1963. P. 426–444.
- Experimental Social Psychology: An interpretation of research upon the socialization of the individual / Ed. G. Murphy. N. Y.: Harper, 1937.
- Kilpatrick F. P. Explorations in Transactional Psychology. N. Y.: New York University Press, 1961.
- Handbook of Social Psychology. V. I / Ed. G. Lindzey. 1959.
- Handbook of Social Psychology. V. II / Ed. G. Lindzey. 1959.
- Hare A. P. Small groups: Studies in social interaction. N. Y.: Knopf, 1962.
- Hollander E. P. Current Perspectives in Social Psychology: Readings with commentary. N. Y.: Oxford University Press, 1963.
- Homans G. The Human Group. N. Y., 1950.
- Hubben J. Imitation. The Encyclopedia American. V. 14. N. Y., 1953.
- Individual in Society / Eds D. Krech, R. Cruttenfield. N. Y., 1962.

- Jardillier P.* La psychologie industrielle. Paris, 1964.
- Mayo E.* The Human Problems of Industrial Civilization. N. Y., 1933.
- Moede W.* Experimentelle Massenpsychologie. Leipzig, 1920.
- Moreno J.* Who Shall Survive? Washington, 1934.
- Mohl G.* Sensory factors in the control of expressive behavior // Acta Psychologica. V. XIX. Amsterdam, 1961.
- Parsons T.* Theories of Society. V. I. N. Y., 1961.
- Sayles L.* Behavior of Industrial Work-groups. N. Y., 1958.
- Shiels E.* Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties // British Journal of Society. 1957. V. VIII.
- Sherif M.* The Psychology of Social Norms. N. Y.: Harper, 1936.
- Whyte W.* The Organization Man. N. Y., 1957.

МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Предисловие

Данная книга посвящена методам современной социальной психологии, которые впервые в отечественной научной литературе описываются здесь в развернутом виде. В то же время авторы книги — преподаватели и сотрудники кафедры социальной психологии Ленинградского университета — не претендуют на исчерпывающий обзор всех ныне применяемых социальными психологами методов.

Прежде всего в работе рассматриваются методы, методологические и процедурные вопросы эмпирического социально-психологического исследования, а также проблемы моделирования и аппаратурно-технического обеспечения в социальной психологии. При этом авторы опирались не только на свой исследовательский опыт, но и учитывали современный уровень использования аналогичных методов в нашей стране и за рубежом. В книге делается попытка упорядочить методы социальной психологии.

Как известно, почти все методы, применяемые в социальной психологии в настоящее время, фактически являются междисциплинарными. Тем не менее специфика теоретико-методологического аппарата каждой науки накладывает достаточно выраженный отпечаток на практику любого междисциплинарного метода в своей сфере. Авторы в первую очередь пытались подчеркнуть особенности применения описываемых методов именно в социальной психологии. Однако они затрагивают немало вопросов, интересных и для представителей других отечественных наук. Книга предназначена студентам, аспирантам, научным сотрудникам и преподавателям, занимающимся социальной психологией, а также представителям смежных наук, прежде всего социологии, педагогики и журналистики.

Методы социальной психологии / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семёнова. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977.

Методы социальной психологии

Авторами глав и разделов являются: глава I — кандидат психологических наук, доцент А. Л. Свенцицкий, кандидат психологических наук В. Е. Семёнов; глава II, § 1 — кандидат психологических наук А. А. Ершов, § 2 — кандидат психологических наук В. В. Бойко; глава III — В. Е. Семёнов; глава IV — А. Л. Свенцицкий; глава V, § 1 и § 3 — кандидат психологических наук, доцент И. П. Волков, § 2 — кандидат психологических наук, доцент В. Н. Панферов, кандидат психологических наук Э. С. Чугунова; глава VI — В. Н. Панферов, кандидат психологических наук В. П. Трусов; глава VII — доктор психологических наук, профессор Е. С. Кузьмин, научный сотрудник В. А. Богданов; приложение, § 1 — кандидат психологических наук Н. Н. Обозов, § 2 и § 4 — инженер Н. А. Васильев, § 3 — В. В. Бойко.

Редакторы благодарят сотрудников кафедры социальной психологии О. С. Михалюк и А. Ю. Шалыто за активную помощь в работе над книгой.

Глава I

Социально-психологическое исследование (вопросы методологии и процедуры)

Марксистская социальная психология как наука входит в систему современной психологии наряду с другими ее отраслями. В силу этого социальная психология опирается на основные методологические принципы марксистской психологической науки: детерминизма, единства сознания и деятельности, развития сознания в деятельности. Фундаментом этих принципов является диалектико-материалистическая методология.

В соответствии с принципом детерминизма сознание человека обусловлено общественным бытием. Применительно к социальной психологии это означает, что социальное окружение, существующее в виде «микросреды» и «макросреды», оказывает определяющее влияние на сознание личности и группы, формирование потребностей, установок, отношений, интересов, ценностных ориентаций индивидов и группы в целом. Рассматривая вопрос о соотношении воздействий микро- и макросреды в каждом конкретном случае, необходимо прежде всего подчеркнуть роль общественно-экономической формации, в условиях которой находится общество. «Совершенно очевидно, что во взаимоотношениях микро- и макроусловий, непосредственных и опосредованных влияний решающее значение имеют макроусловия и опосредованные влияния. Однако специфика микро- и непосредственной сферы общения накладывает свой узор, определяет конкретную инструментовку и механизм формирования социально-психологических явлений» (Кузьмин, 1967, с. 15).

Принцип единства сознания и деятельности означает, что они образуют органическое целое — не тождество, а единство. Сознание и деятельность взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Человек осуществляет ту или иную деятельность на основе соответствующих актов сознания, обеспечивающих целенаправлен-

ность его действий и постоянный контроль за их осуществлением. В то же самое время деятельность человека оказывает формирующее влияние на сознание. Отсюда следует, что сознание человека можно изучать посредством анализа его деятельности, образцов поведения, и такой исследовательский подход осуществляется как в общей, так и в социальной психологии.

Принцип развития сознания в деятельности означает, что сознание каждой отдельно взятой личности представляет собой продукт как исторического развития человечества, так и индивидуального развития данной личности. «Диалектико-материалистическое понимание психического развития устанавливает зависимость последнего от трудовой деятельности, обучения, игры. Усвоение общественного опыта, которое при этом происходит, и выступает в качестве специфической для человека формы психического развития» (Общая психология, 1970, с. 70). В рамках социальной психологии этот принцип также находит свое применение, например при изучении формирования личности в зависимости от ее официальных и неофициальных ролей.

Наряду с указанными общими методологическими принципами марксистская социальная психология имеет в своей основе и собственные специфические принципы, которые еще находятся в стадии формулирования и дискуссионного обсуждения (Ковалев, 1972, с. 12—15; Кузьмин, 1963, с. 144—146; Парыгин, 1965, с. 80—84).

Рассматривая социальную психологию как психологическую науку, нельзя игнорировать ее тесные связи с марксистской психологией. Отсюда следует, что «система понятий марксистской социальной психологии должна быть согласована с системой понятий общей психологии и социологии» (Платонов, 1975, с. 72). Построение такой системы понятий является сейчас одной из важнейших проблем марксистской социальной психологии. Для решения этой проблемы необходимо рассматривать марксистскую социальную психологию как систему научного знания, выделяя ее структурные элементы и анализируя их функциональные взаимосвязи (см.: Парыгин, 1971, с. 26—38).

Несмотря на дискуссионность вопроса о предмете марксистской социальной психологии, число исследований, проводимых в области социально-психологической проблематики, из года в год неуклонно растет.

При этом важно подчеркнуть, что современный этап развития марксистской социальной психологии характеризуется всё боль-

шим вниманием к методологическим аспектам социально-психологического исследования. «Наиболее плодотворный путь развития системы социально-психологического знания — это сочетание исследовательской практики и рефлексии этой практики самим исследователем» (Андреева, 1975, с. 56).

В социальной психологии различают три уровня исследования: экспериментально-эмпирический, теоретический и философско-методологический (см.: Социальная психология, 1975, с. 29).

Экспериментально-эмпирический уровень представляет собой процесс сбора первичной информации, фиксирующей социально-психологические факты, и описание полученных данных обычно в рамках определенных теоретических построений.

Теоретический уровень исследования обеспечивает объяснение данных экспериментально-эмпирического изучения путем соотнесения их с результатами других научных работ. На этой ступени строятся концептуальные модели социально-психологических процессов. Обоснованность модели зависит от того, насколько в ней сочетаются индуктивный и дедуктивный выводы, т.е. построение модели не только на экспериментально-эмпирической, но и теоретической основе.

На философско-методологическом уровне социально-психологического исследования затрагивается вся система общественной психологии как объекта исследования, рассматривается структура этой системы и ее элементы. На этой ступени определяется соотношение социально-психологических категорий, что в итоге обеспечивает связь и взаимовлияние всех трех уровней исследования. Философско-методологический уровень исследования дает мировоззренческое обобщение полученных результатов на основе классового партийного подхода.

Несмотря на то, что современная социальная психология располагает весьма обширным арсеналом методов, проблема методов остается чрезвычайно актуальной (Бодалев, 1973, с. 99–100). До сих пор нет удовлетворительной их классификации. Авторы предлагают скорее простые перечни методов, причем разные авторы предлагают различные перечни. Так, Е. С. Кузьмин, уделивший наибольшее внимание методам социальной психологии в отечественной литературе, выделяет такие методы, как наблюдение, эксперимент и опрос (включая анкетирование, интервью, социометрию и полярные профили) (Кузьмин, с. 27–44).

Некоторые авторы вообще выделяют только две группы методов — экспериментальные и различные виды наблюдения. Характерно, что во всех случаях, по сути, не выдвигается каких-либо оснований того или иного списка методов и рассматриваются только методы эмпирических социально-психологических исследований, точнее, методы сбора первичной информации.

По нашему мнению, прежде всего необходимо более четко систематизировать методы современной социальной психологии. При этом представляется спорным выделение в специальный класс методов обработки и анализа первичных данных, так как они принадлежат к сфере логики и математики и относятся скорее к технической стороне тех или иных социально-психологических методов. В сущности любой метод сбора первичной информации в социально-психологическом исследовании уже несет в потенции ту или иную программу обработки, хотя бы минимальную (например, частотные и процентные распределения выделенных единиц содержания документов или ответов на вопросы анкеты и т. п.). Учитывая вышесказанное, попытаемся упорядочить методы современной социальной психологии следующим образом¹:

1. Методы эмпирического исследования:

- 1) наблюдение;
- 2) изучение документов;
- 3) опрос (интервью; анкетирование);
- 4) специализированные социально-психологические методы (социометрия, экспертная или групповая оценка личности и т. д.);
- 5) тесты;
- 6) эксперимент.

2. Методы моделирования.

3. Управленческо-воспитательные методы.

В нашей схеме все методы социальной психологии подразделяются на три группы — методы эмпирического исследования, методы моделирования и управленческо-воспитательные методы, образуя систему добывания социально-психологических фактов, их теоретического осмысления и практического применения полученных знаний в це-

1 Данная схема методов социальной психологии предлагается В. Е. Семёновым.

лях управления и воспитания. Еще раз отметим, что в данной схеме методы эмпирического исследования понимаются шире, чем просто методы сбора первичной информации. В идеале они включают и адекватные способы обработки полученных первичных данных (например, социометрия уже имеет свой специфический стандартизированный аппарат математической обработки данных), т. е. представляют собой определенный процедурный алгоритм.

В отличие от группировок эмпирических методов, предложенных другими авторами, мы пытаемся упорядочить эти методы, ранжируя их на некоторой комбинированной суммарной шкале, по которой они следуют от более давних к более новым, современным, от фиксирующих внешнее поведение к устанавливающим внутренние личностные характеристики и казуальные зависимости, от менее контролируемых стандартизированных к более контролируемым стандартизированным.

Начиная с наиболее старого универсального метода — наблюдения (в данном случае за «живым» поведением, деятельностью людей), мы переходим к изучению документов, которое является как бы наблюдением в сфере документов, продуктов деятельности людей. Затем следует переход к опросу, при помощи которого обычно пытаются выявить более глубокие внутренние характеристики личности, хотя и более субъективным способом по сравнению с предыдущими методами. Далее нами выделяется группа специализированных социально-психологических методов (например, социометрия, экспертная или групповая оценка), которые имеют свои особые частные задачи, процедуру и технику, отличающиеся от других более обобщенных методов, в частности эти методы обычно более стандартизированы, чем опросные. Стандартизация роднит их с предельно алгоритмизированными методами тестов. И наконец, завершает методы эмпирических социально-психологических исследований эксперимент как высшая форма эмпирического познания, метод, позволяющий выявить причинно-следственные связи и закономерности.

Моделирование следует за методами эмпирического исследования, так как может выступать и в качестве источника эмпирической информации, и в качестве средства для теоретических построений. Таким образом, продвигаясь от сбора первичной информации через ее теоретическое осмысление, мы закономерно приходим к методам практического применения полученных социально-психологичес-

ких знаний, которые мы условно назвали управленческо-воспитательными методами (к ним можно отнести, например, так называемые ситуационно-ролевые игры, «групповую дискуссию» и т. п.). Эти методы направлены на выработку понимания и навыков эффективных совместных действий и общения, на корректировку конфликтов и напряжений в группах и коллективах, а также на формирование и изменение социальных установок личности.

Почти все перечисленные методы в настоящее время благодаря усилившимся связям между общественными науками практически являются междисциплинарными и применяются не только в социальной психологии, но и в других науках (например, в социологии, педагогике). Однако специфика социально-психологической теории, ее понятийного аппарата и задач накладывает особый отпечаток на использование и конкретные формы данных методов в социально-психологических исследованиях. Причем следует отметить, что некоторые их разновидности возникли и были введены в практику именно как социально-психологические (например, социометрия, «групповая дискуссия», включенное наблюдение).

Для современного этапа развития эмпирических социальных, в том числе и социально-психологических исследований и их методологии характерны некоторые общие тенденции.

Одной из таких основных тенденций является распространение системного подхода к изучаемым объектам. Социально-психологический объект в качестве системы предполагает прежде всего рассмотрение его как некоторой целостности, выявление его внутренней структуры, составляющих элементов, установление их взаимосвязей, характеризующих особенности объекта, а также рассмотрение объекта как элемента более широкой структуры и выявление его взаимосвязей с ней (см.: Лекции по методике конкретных социальных исследований, 1972, с. 26–32).

Так, когда мы изучаем первичный производственный коллектив социалистического предприятия, мы рассматриваем его как некое единство входящих в него людей, исследуем взаимоотношения между ними, их официальную и неофициальную структуру и динамику и в то же время учитываем влияние на первичный коллектив более широкой структуры вторичного производственного коллектива с его официальной и неофициальной структурой и динамикой взаимоотношений, которые в конечном счете определяются социалистическим общественным строем.

Еще одной особенностью современных социальных исследований является принцип формализации, который проявляется в уточнении изучаемого предмета, в операционализации (эмпирической интерпретации) употребляемых исследователем понятий, в однозначности и единообразии задаваемых правил сбора первичной информации. Не случайно такие традиционные методы, как наблюдение, беседа, изучение документов, в наше время получили второе рождение в более формализованном, строгом виде так называемых методов «структурированного наблюдения», «стандартизированного интервью» и «контент-анализа».

Из стремления к формализации исследовательских методов закономерно проистекает и требование повышения надежности, достоверности получаемых при их помощи данных. Поэтому в современных эмпирических исследованиях большое внимание уделяется проведению пробного (пилотажного) исследования, проверке конкретных методик на надежность (т. е. на обоснованность и устойчивость получаемых данных), контролю за достоверностью собираемой информации.

Так, становится традицией обсуждение разработанных методик экспертами (компетентными судьями) как специалистами по методам, так и специалистами по данной изучаемой проблематике (с точки зрения соответствия методики поставленным задачам и изучаемым объектам). Все чаще в процессе исследования применяются вспомогательные методы для проверки результатов, полученных основным методом (например, данные анкетного опроса проверяются данными наблюдения и выборочного интервьюирования). Для повышения устойчивости собираемой информации употребляются однозначные точные инструкции сборщикам, при наблюдении или изучении документов используется несколько независимых наблюдателей или кодировщиков, работающих над одними и теми же эмпирическими объектами. При опросах в целях повышения достоверности получаемых данных осуществляется контроль за анкетами и интервьюерами, за соблюдением правил анонимности и добровольности в ходе опроса обследуемых и т. д.

Для современных эмпирических социальных исследований чрезвычайно характерной является математизация на всех стадиях исследований. Уже на начальной стадии, при разработке программы, делаются попытки схематизировать и систематизировать предмет изучения, символически представить гипотезы на языке математи-

ческой логики (особенно при планировании эксперимента). Широко применяются статистические методы для определения выборки эмпирических объектов изучения. Инструментарий сбора информации предусматривает ее первичное измерение, осуществляемое при помощи шкалирования. Постоянно расширяется арсенал математических приемов и методов обработки полученных данных (корреляционный и факторный анализ, таксономия, статистика проверки гипотез и т. п.). Растет использование вычислительной техники, включая электронно-вычислительные машины, которые иногда употребляются даже на стадии сбора информации (например, в так называемом «машинном контент-анализе»).

Следует также обратить внимание на наметившийся в современных социально-психологических исследованиях сдвиг к возрастанию роли методов, которые позволяют свести к минимуму влияние исследователя на объект изучения, т. е. на обследуемых людей. Поэтому все чаще применяются такие методы, как скрытое невовлеченное и вовлеченное наблюдение, изучение документов, естественный эксперимент, по сравнению с прежним повсеместным господством опросов и лабораторного эксперимента. Причем исследователи все шире используют различные технические средства и приборы (кино- и фототехнику, звуко- и видеозапись, перфокарты и т. д.). В то же время продолжает совершенствоваться и обогащаться аппаратура и техника лабораторного эксперимента. Распространение подобных методов ставит перед социальными психологами и ряд этических проблем, связанных с возможностью и допустимостью открытого вторжения в жизнь людей. При этом советские ученые, прежде всего, должны руководствоваться принципами марксистской этики и гуманизма.

В согласии с указанными тенденциями оказывается также стремление алгоритмизировать *процедуру* современного эмпирического социально-психологического исследования. Обобщая выделяемые разными авторами процедурные стадии, представим их в следующей последовательности:

1. Разработка программы исследования (постановка проблемы, задач, определение объекта и предмета изучения, уточнение основных понятий и т. д.).
2. Определение эмпирических объектов исследования (выборка).
3. Разработка методики данного конкретного исследования.

4. Проба (пилотаж) методики, ее доработка, проверка надежности.
5. Сбор первичной информации, сопровождающийся контролем надежности и достоверности получаемых данных.
6. Логическая и количественная обработка собранных данных.
7. Интерпретация результатов, выводы, отчет.

Мы не будем подробно останавливаться на отдельных процедурных стадиях, которые практически являются общими для эмпирических социальных исследований вообще и неоднократно и достаточно полно описаны в советской литературе (см.: Здравомыслов, 1969; Лекции по методике конкретных социальных исследований, 1972; Ядов, 1968, 1972). Обратим внимание лишь на некоторые важные, с нашей точки зрения, особенности процедуры. В первую очередь, вслед за многими авторами, подчеркнем роль хорошо продуманной программы исследования, которая позволяет получить более надежные, репрезентативные и достоверные данные наиболее экономным и кратким путем. В то же время понятно, что не во всяком, особенно в прикладном, исследовании программа может включать все рекомендуемые компоненты (например, не всегда удастся сформулировать четкие гипотезы или запрограммировать исчерпывающий план обработки первичной информации), иногда что-то исследователь чувствует лишь интуитивно, но именно эти полудогадки могут привести к успеху. Тем не менее несомненно следует стремиться к полноте и четкости программы, обращая особое внимание на возможно более тонкое однозначное определение понятий исследования.

Например, что конкретно понимается под социально-психологическим климатом коллектива в данном исследовании, каковы эмпирические референты, индикаторы этого понятия (характер взаимоотношений по горизонтали и вертикали, стиль руководства, удовлетворенность своей работой и т. д.). Круг измеряемых признаков климата должен быть строго очерчен.

Социальным психологам необходимо более внимательно относиться к соблюдению принципа репрезентативности при отборе эмпирических объектов исследования. Порой выборка формируется совершенно стихийно, что отнюдь не равнозначно действительно случайному отбору по жребию. Репрезентативность не следует также отождествлять лишь с количественными показателями (не всегда чем больше обследуемых, тем лучше). Так, сравнительные исследования различных типологических групп при четких гипотезах

могут быть очень экономными (например, изучение различий в характеристиках социально-психологического климата в коллективах рабочих и служащих).

Разрабатывая конкретную методику, нельзя обойтись без пилотажа, хотя, к сожалению, на практике это требование нередко игнорируется. Однако не вызывает сомнений положение о том, что методика, не проверявшаяся на надежность (т.е. на обоснованность и устойчивость), по сути не имеет права называться таковой. Нет никаких гарантий, что мы получим именно ту информацию, которую хотим получить. Так, опрашиваемые могут неправильно понимать адресованные им вопросы, а в ходе эксперимента может оказаться неконтролируемым существенный фактор, оказывающий влияние на реакции испытуемых. На стадии пилотажа следует проиграть, прорепетировать весь процесс сбора и обработки информации. Это значит, что нужно испытать не только исследовательский инструмент, но и самих исследователей-исполнителей, их компетентность, пригодность для той или иной конкретной работы (интервьюирование, наблюдение, шифровка данных опроса для машинной обработки и т.п.), а также проверить оптимальность ситуации, места и времени проведения исследования (например, не стоит интервьюировать или тестировать людей на работе во время обеденного перерыва, когда они торопятся на обед). Таким образом, необходимо проверить всю организационную систему исследования.

В ходе сбора первичной информации должна строго соблюдаться научная этика (принцип добровольности участия обследуемых в исследовании, использование полученных данных только в научных целях, обязательное устранение недостаточно качественной информации и т.д.). Главное в любом исследовании — прежде всего получить надежную и достоверную информацию. При отсутствии таковой дальнейшие процедурные стадии теряют смысл. В результате сбора первичных данных исследователь обычно имеет некоторое n° количество определенных доброкачественных документов (анкеты, кодировальные карточки при контент-анализе, протоколы наблюдения или эксперимента и т.д.), которые затем обрабатываются и анализируются.

В отношении обработки первичных данных напомним, что в настоящее время, когда в социально-психологических исследованиях используются почти только одни порядковые шкалы, не следует забывать об адекватных способах обработки полученной информации,

т. е. можно применять лишь ограниченный набор статистических приемов (например, вычисление медианы и квартильных отношений, но не средней арифметической и квадратических отклонений, четырехклеточной и ранговой корреляции, но не корреляции Пирсона и т. п.). Собранные эмпирические данные в зависимости от их количества, поставленных задач и технических возможностей исследователя можно обработать либо вручную (по возможности используя различные вспомогательные счетные устройства), либо при помощи счетно-перфорационных машин и ЭВМ. При этом очень важно обеспечить надежные вычисления, в том числе путем правильной шифровки и кодирования данных для машинной обработки (как и при сборе первичной информации, следует организовать выборочный контроль этих процессов).

Интерпретация полученных после обработки и анализа данных является творческим процессом, который не подчиняется четкой алгоритмизации и часто требует привлечения многих других данных теоретических и эмпирических исследований. Скажем, мы обнаружили при контент-анализе современных фильмов определенной страны значительное количество сцен жестокости и насилия. Чтобы правильно истолковать это явление, мы, очевидно, должны иметь данные о количестве подобных сцен в фильмах прошлых лет, о целях создателей подобных фильмов, о реальной социальной действительности, которую они отражают, о вкусах и запросах аудитории и, наконец, обязательно должны учесть социальный строй того или иного общества, общественные ценности и нормы (см. также главу 3). Только тогда мы сможем правильно объяснить наплыв подобных сцен в фильмах.

Исследование нельзя считать законченным до тех пор, пока не написан достаточно полный отчет о нем (научная публикация является только частным случаем такого отчета).

В зависимости от типа исследования различаются и отчеты. Социально-психологические эмпирические исследования можно разделить на преимущественно научно-исследовательские (проверка теоретических положений и гипотез, поиск новых общезначимых фактов и закономерностей, разработка исследовательских методов и т. д.), преимущественно практико-прикладные (связанные с конкретным социальным планированием на предприятиях и в учреждениях, с совершенствованием деятельности тех или иных коллективов и т. д.), а также смешанного типа. Исследования первого типа

чаще всего проводятся специализированными научно-исследовательскими учреждениями, второго типа — теми же учреждениями на хоздоговорных началах по заказу различных организаций либо социальными психологами, работающими на предприятиях и в учреждениях (как известно, в настоящее время во многих организациях социальные психологи работают в отделах кадров, НОТ и социологических лабораториях).

Как показывает опыт, отчет об исследовании любого типа должен содержать следующие разделы:

1. Введение (в нем излагаются предпосылки работы, ее условия, перечисляются участники и т. п.).
2. Программная часть (литературный обзор, задачи исследования, гипотезы и т. п.).
3. Объект и методы (описание эмпирических объектов исследования, методов, процедур пилотажа, проверки надежности получаемых данных, сбора первичной информации).
4. Результаты (описание и анализ полученных данных в соответствии с логикой поставленных задач и гипотез, используя достаточно компактные таблицы, графики и т. п.).
5. Выводы и рекомендации.
6. Заключение (краткое обобщение материалов отчета и возможные планы на будущее).
7. Приложения (инструментарий, использованный в исследовании, т. е. анкеты, схемы наблюдения, кодировочные матрицы, инструкции, большие таблицы, статистические выкладки и т. п.)

Однако в зависимости от типа исследования меняется значение различных разделов отчета. В научно-исследовательском отчете особенно основательно излагается программа исследования, тщательно обосновывается выбор конкретных объектов и методов, результаты подвергаются углубленной математической обработке. Важное место уделяется осмыслению результатов.

В то же время в отчете по прикладному исследованию главный акцент делается на изложении конкретных результатов и на раздел выводов и рекомендаций. Особое значение имеют рекомендации. Начинающие исследователи нередко сосредотачиваются главным образом на технике исследования, на количественной обработке данных, забывая, что основная цель прикладной работы — именно рекомендации. В конечном итоге прикладное исследование имеет

значение ровно настолько, насколько полезны его рекомендации. Следует также подчеркнуть, что отчет по прикладному исследованию должен быть написан языком, понятным и для неспециалиста. Все специальные термины должны поясняться, таблицы и графики — быть достаточно простыми и легко воспринимаемыми.

Что касается научной публикации, то она, в сущности, является лаконичным научным ответом и содержит те же разделы. В настоящее время отечественные социально-психологические публикации, к сожалению, лишены единообразной организации материала и нередко страдают пропусками существенных данных¹. Особенно точно и тщательно нужно описывать объект и методы исследования (например, социально-демографические данные обследуемых, какой характер имеет выборка, проводились ли пилотаж и испытание на надежность, какие конкретно способы корреляции применялись и т.д.). Короче говоря, по словам В. Я. Ядова, «итоговый документ следует составить так, чтобы дать возможность читателю самостоятельно проанализировать обоснованность и достоверность всех выводов, а также при желании воспользоваться эмпирическими данными для постановки иных задач» (Ядов, 1972, с. 226).

Чтобы выполнить эти требования к научной публикации или отчету, исследователь должен быть предельно добросовестным и точным. Кроме всего прочего, в отчете или публикации необходимо по возможности упомянуть всех участников исследования.

В заключение следует добавить, что личность исследователя, его этические нормы имеют огромное значение при проведении социально-психологического исследования. И это не удивительно: ведь он имеет дело с наиболее тонкими эмоциональными и духовными проявлениями людей. Социальный психолог должен помнить об этом всегда: и в то время, когда он разрабатывает программу изучения, и в ходе исследования, когда он непосредственно работает с людьми, и, наконец, тогда, когда он пишет отчет или статью об исследовании.

1 В качестве примера четкой организации материала в социально-психологических публикациях можно привести статьи И. П. Волкова (1969, с. 99–108; 1971, с. 17–22).

Глава II

Наблюдение

§ 1. Метод наблюдения в социальной психологии

Научно целенаправленное, организованное и определенным образом фиксируемое восприятие исследуемого объекта называют наблюдением. Изучение социального поведения людей с помощью метода наблюдения проводилось социологами, этнографами, журналистами, юристами, психиатрами, социальными психологами и педагогами. Пионерами использования социально-психологического наблюдения считаются исследователи поведения детей в 1920–1930-е годы: М. Я. Басов, П. П. Блонский, А. С. Залужный, Ш. Бюлер, В. Штерн, В. Олсон и др.

В 1923 г. М. Я. Басов разработал методику психологического наблюдения, наиболее передовую для своего времени. Единицей поведения, по его мнению, служит не реакция, как у бихевиористов, а «акт» поведения, который представляет собой активное действие. Схема психологического наблюдения должна обеспечивать регистрацию не только внешнего проявления, но и внешних и внутренних стимулов, которые вызвали поведение, а также общую обстановку, в которой оно осуществляется («фон»). Основной и оригинальный принцип этой методики, отличающий ее от применявшихся ранее дневниковых психологических наблюдений (например, у В. Штерна, К. Бюлера), — это максимально возможная фиксация объективных внешних проявлений, четко отграниченная от их психологического истолкования. Предполагается наблюдение непрерывного процесса, а не отдельных его моментов, непрерывная избирательная «фотографическая» запись в определенные отрезки времени (Басов, 1975, с. 13).

П. П. Блонский (1921) большое внимание уделял точности фиксации наблюдаемого, использованию при этом различных технических средств и квантификации.

Им тщательно выделялись признаки инстинктивно-эмоционального (невербального) поведения, выявлению которых обучались будущие психологи. Имелись в виду элементы экспрессии лица, глаз, мимики, пантомимики, жестикуляции и движений. А. С. Залужный (1931) критиковал зарубежных психологов (Руссел, Барк, Варендок) за недостаточное внимание к среде и неточность выбора объекта наблюдения. При изучении детских коллективов он применял трехчленную схему наблюдения для описания среды, ситуации (экзогенная, т. е. внешняя, сфера наблюдения) и актов поведения отдельных членов коллектива (эндогенная, т. е. внутренняя, сфера).

С исследований Д. Томас и ее сотрудников (1933) начинается систематическая квантификация наблюдений за поведением детей. Дальнейшее развитие метод наблюдения получил в работах Е. Чеппл, Р. Бейлза, Р. Липпитта, Л. Картера и других социальных психологов. Совершенствованию техники наблюдения способствовала разработка метода группового эксперимента, в котором наблюдение составляет необходимую процедуру контроля и фиксации первичной информации. Определенным стимулом для применения метода наблюдения стали технические достижения в фиксации различных признаков поведения людей, а также развитие других методов. Особое использование получил метод наблюдения при изучении поведения отдельных лиц и групп в их обычной жизни и деятельности (А. Ф. Лазурский, 1916; Э. Мейо, 1927; К. Токи, 1935; К. Левин, 1937) в том числе, когда исследователь становится членом наблюдаемой группы или общности (Н. Андерсон, 1923; У. Уайт, 1937; В. Б. Ольшанский, 1966; У. Сарджент, 1973; и др.).

Наблюдаемое социальное поведение человека, групп или общностей всегда конкретно-исторически обусловлено обществом, непосредственной средой, определенными мотивами и целями. В свою очередь, наблюдение подчиняется соответствующей задаче, гипотезе исследователя, зависит от его направленности, теоретических позиций, знаний и опыта. Особенности наблюдения социально-психологических явлений определяются спецификой предмета исследования. Советские психологи, используя любые методы познания психики человека, групп и общностей, исходят из марксистского понимания активной, преобразовательной сущности деятельности людей. Их исследования основываются на принципах единства сознания и деятельности (Рубинштейн, 1934), общего строения внутренней и внешней деятельности, опосредованности психики «сигнальными» процессами, взаимосвязи значения и личностно-

го смысла элементов сознания (Леонтьев, 1975, с. 94–101). В связи с этим к процедуре наблюдения предъявляются определенные требования (Процесс социального исследования, 1975, с. 335–338; Роговин, 1969, с. 148–168; Ядов, 1972, с. 112).

Общая процедура наблюдения

Наблюдение обычно складывается из следующих процессов:

- а) определение задачи и цели (для чего, с какой целью?);
- б) выбор объекта, предмета и ситуации (что наблюдать?);
- в) выбор способа наблюдения, наименее влияющего на исследуемый объект и наиболее обеспечивающего сбор необходимой информации (как наблюдать?);
- г) выбор способов регистрации наблюдаемого (как вести записи?);
- д) обработка и интерпретация полученной информации (каков результат?) (Ядов, 1972, с. 113).

Задачами наблюдения могут быть предварительная ориентировка в объекте, выдвижение гипотезы, ее проверка, уточнение результатов, полученных с помощью других методов, иллюстрация. Объектом наблюдения бывают отдельные лица в различных ситуациях общения, их большие и малые группы, общности. Наблюдаемые ситуации могут быть естественные и экспериментальные, управляемые и не управляемые наблюдателем, спонтанные и организованные, стандартные и нестандартные, нормальные и экстремальные, различающиеся по видам деятельности, контактов и взаимоотношений между людьми, коммуникативной обстановки и т. д.

Предметом социально-психологического наблюдения служат вербальные и невербальные акты поведения отдельного человека, группы или нескольких групп в определенной социальной среде и ситуации. Наблюдаются:

- а) речевые акты, их содержание, последовательность, направленность, частота, продолжительность, интенсивность, экспрессивность, особенности лексики, грамматики, фонетики, синхронизация;
- б) выразительные движения, экспрессия лица, глаз, тела, звуков;
- в) движение, перемещения и неподвижные состояния людей, дистанции между ними, скорость и направление движения, соприкосновения;

- г) физическое воздействие: касание, толчки, удары, поддержка, совместные усилия, передача, отнятие, задержка;
- д) сочетание перечисленных признаков.

Е. Чеппл при исследовании межличностных контактов предлагает замерять их количество, длительность, темп, активность, приспособление, инициативу, синхронизацию, доминирование и другие индикаторы поведения участников общения (Chapple, 1940, с. 22).

По мнению Ю. П. Воронова, фиксируемыми признаками личных контактов должны быть ситуации (мизансцены), последовательность и направленность контакта (ко всем сразу, к себе или без адреса, к отдельным лицам) (Воронов, 1974, с. 131–138).

Способ наблюдения определяется задачей, объектом и ситуацией, характером взаимодействия между наблюдателем и наблюдаемым. Различают включенное, когда наблюдатель становится членом исследуемой группы, и невключенное наблюдение «со стороны»; открытое и скрытое (инкогнито); полевое и лабораторное (Алексеев, 1973, с. 65–72; Здравомыслов, 1969, с. 156–164; Процесс социального исследования, 1975, с. 338). По упорядоченности наблюдения могут быть случайные и систематические, сплошные и выборочные; по характеру фиксации — констатирующие и оценивающие, а также смешанного типа.

Способы регистрации замера наблюдаемых процессов, событий различаются по степени точности, полноты, надежности и обоснованности информации, по техническим и психическим возможностям, по форме и языку записи, по трудоемкости процесса фиксации, кодировки и расшифровки, анализа, по использованию различных шкал замера.

Результаты наблюдения подвергаются классификации, группировке, математическому анализу, контент-анализу, сопоставлению с результатами, полученными другими исследователями и другими методами.

Разновидности и приемы наблюдения

Социально-психологическое наблюдение подчиняется правилам, общим для любого научного наблюдения: соответствие цели исследования, планирование и проведение наблюдения по определенной схеме взаимодействия личностей, выражение воспринимаемых фактов на операциональном языке, доступном другим наблюдателям,

выбор способов наблюдения и фиксации в зависимости от характера изучаемых действий людей и возможностей наблюдения, проверка объективности и надежности наблюдения другими исследователями и другими методами.

Е. С. Кузьмин отмечает три категорических требования для успешного применения наблюдения: четкая формулировка цели, разработка соответствующей схемы и способов фиксации (Кузьмин, 1967, с. 30). В социальной психологии рекомендуется прежде всего метод наблюдения значимых ситуаций (там же, с. 29–30). Как правило, при исследовании межличностного общения членов групп, коллективов фиксируется одновременно частота, интенсивность, направленность, длительность различных актов поведения, дается их описание и графическое изображение (динамометрия или социограмма).

Процедура и техника наблюдения всегда зависят от цели, объекта и возможностей исследования.

Наблюдение применяется главным образом при исследовании малых групп и первичных коллективов. По мере увеличения числа наблюдаемых объектов уменьшается число измеряемых признаков. Так, наблюдение за толпой ограничивается регистрацией таких параметров, как число столкновений или их наличие, передвижения групп, лиц определенного пола, цвета одежды, направление и скорость их передвижения, число жестикулирующих, кричащих, говорящих, смотрящих на один объект, изменение громкости шума толпы и т. д. Такое наблюдение может дать только общую динамику настроения, коммуникативной активности индивидов, их групп. Без опроса, анализа ситуации невозможно понять мотивы, содержание взаимоотношения людей в толпе (Вахеметса, Плотников, 1968, с. 84–93; Фёдоров, 1925). Для социально-психологического исследования личности, малых групп и коллективов обычно используется комплекс методов. Ведущее место занимает наблюдение в экспериментах, особенно при разработке малоизученных проблем. По мнению П. Фресса, первая фаза эксперимента состоит из «наблюдения, которое позволяет обнаружить важные факты и узнать их со всей определенностью» (Фресс, Пиаже, 1966, с. 106).

Для изучения структуры и динамики взаимоотношений, контактов в группах и коллективах наблюдение применяется в качестве основного или вспомогательного метода. Уточняя характер взаимоотношений, сложившийся в группах ПТУ, мы вели наблюдение за общением учащихся, фиксируя их с помощью кино- и фотокаме-

ры. Это позволило подтвердить результаты, полученные методом социометрии (Ершов, 1969). Основным методом анализа коммуникативного поведения бригадиров разливочного цеха первого мо-локозавода г. Ленинграда было квантифицированное наблюдение. Регистрировались частота и длительность актов вербального и невербального общения бригадира с рабочими, манипуляций с машиной и визуального контроля за ее работой. Обработка результатов наблюдения упрощалась тем, что проводился десятиминутный замер коммуникативного поведения каждого бригадира по десять раз. Проверка на устойчивость методики наблюдения осуществлялась стандартизованным выбором времени и места для наблюдения, одновременным наблюдением и регистрацией поведения бригадира двумя исследователями, сравнением результатов.

В итоге сделан вывод о зависимости эффективности работы бригады от коммуникативной активности бригадира. В лучших бригадах бригадир сравнительно чаще общался с рабочими (Ершов, Максимова, 1974).

С помощью наблюдения обнаруживаются и прослеживаются конфликты в общении между людьми. Изучая конфликты в производственных коллективах, румынский психолог Джета Дан Спынойу пользовалась квантифицированным наблюдением и групповой динамограммой. Регистрировались следующие параметры поведения: время, относящееся исключительно к взаимосвязи человек—труд; время взаимосвязи человек—труд с перцептуальной связью человек—человек; время взаимосвязи труда с отношениями, установленными устным путем; время, занятое исключительно перцептуальной и словесной связью, трудовыми навыками. Посредством «фотографирования» динамики функциональных и межличностных связей на отрезках в 10 с были обнаружены конфликтные ситуации, их проявление в функциональных, коммуникативных и перцептуальных связях. Недостаточно констатировать только то, что, например, рабочий А конфликтует с рабочим Б. Распространение и разрешение конфликта отсюда еще неясны. С помощью «фотографирования» динамики исследователи смогли выявить не только эпицентр конфликта, но и вовлеченные движущие силы, направление распространения, результаты. Все это фиксируется в виде динамограммы (стрелки указывают направление актов поведения участников взаимодействия) (Dan Spinoiu Geta, 1970). С целью диагностики напряженностей в трудовых группах на капиталистических пред-

приятнях Ф. Шерке выделяет три ступени динамики межличностных конфликтов и присущие им поведенческие признаки, которые наблюдаются:

- **первая ступень** — негативная натянутость во взаимоотношениях, ее признаки: «нервное» беспокойство, недружелюбный тон обращения, частые жалобы и затруднения, недуги, «тенденциозное» непонимание, общие разногласия, желание критиковать, сплетня, увеличивающаяся «непунктуальность»;
- **вторая ступень** — негативная напряженность, ее признаки: взаимная раздраженность, «заряженный» тон обращения, различия во мнениях, частые затруднения, ворчание, длительная неудовлетворенность, нытье, оппозиция, интриги, наущничество.
- **третья ступень** — конфликт, который открыто выражается во вспышках аффектов, порывах, в тяжелых обидах и оскорблениях, спорах, пререканиях и ссорах, в насилии, оскорблении, в отказе от работы, в открытом упорстве, неповиновении, в других сходных столкновениях и разрыве (Scherke, 1956, S. 45—46).

Приведенные признаки конфликтных взаимоотношений далеко не равнозначны как по своей определенности, внешней выраженности и однозначности, так и по возможности интерпретации наблюдаемых фактов. Для адекватного отражения социально-психологических процессов при их наблюдении в полевых условиях необходимо избегать неопределенных показателей, которые несут в себе образное, общее, а потому весьма субъективное толкование наблюдений типа «нервное» беспокойство, «заряженный» тон обращения.

Наблюдение за структурой и динамикой групповой деятельности при решении общей задачи рекомендуется вести не включенно, со стороны, с помощью схемы, моделирующей поступательное и циклическое изменение взаимодействия членов группы. Классическим примером такого наблюдения служат исследования по схеме, предложенной Р. Бейлзом (см.: Бейлз, 1957; Воронов, 1974, с. 131—138; Ядов, 1972, с. 115). Эта схема более всего пригодна для наблюдений в условиях лабораторного эксперимента. В качестве примера процедуры наблюдения в полевых условиях может быть исследование, проведенное под руководством В. Ньюстеттера в летнем лагере школьников возраста от 10 до 15 лет (1932 и 1933) (Newstetter et al., 1938). Целью наблюдения было определить отношения членов группы друг к другу в диадах. Наблюдались все подростки в течение 10 мин. Их пове-

дение по особой инструкции отмечалось в тетради. В инструкции, в частности, сказано следующее:

Выберите для наблюдения спонтанно возникающую групповую ситуацию. Заметьте место действия и столько социальных ситуаций, чтобы каждый пункт записи был понятен: на кого направлено действие наблюдаемого индивида, на кого в особенности, поименно или на всех. Регистрируйте каждое действие другого, который относится к наблюдаемому индивиду. Насколько возможно, протоколируйте каждое слово и каждое действие. Далее предлагается 9-пунктовая шкала оценки развития отношений от сердечности до враждебности:

- 1) физическое выражение симпатии (прикасаться, гладить и т. д.);
- 2) знаки особого расположения в доброжелательном смысле (давать, одолжить, приглашать, предпочитать, защищать);
- 3) знаки товарищеского отношения (игровая возня, шепот, смех, улыбки, совместная работа, высказывания, приобщение других);
- 4) случайные разговоры (беседы, которые не обязательны для занятий, приветствия);
- 5) почти нейтральное, но еще немного позитивное расположение (вопросы, согласие, одобрение, похвала, любезное одолжение, выполнение маленьких просьб, игнорирование обиды);
- 6) знаки равнодушия к правам, требованиям или просьбам другого (игнорирование вопроса или просьбы, отказ выполнить просьбу, попытка быть впереди или господствовать без ссоры, мягкая ирония или критика);
- 7) признаки нескрываемого, явного конфликта с правами, требованиями или желаниями других (спор, возражения против правил, норм, первенства других);
- 8) признаки злобы или презрения личностного типа без прямого нарушения прав, требований или желаний (критика ирония, обвинение);
- 9) признаки гнева или намеренных оскорблений (пренебрегать, противиться, ругаться, угрожать, вызывать на драку, бить).

Наблюдение может проводиться членами исследуемых групп с помощью опросников. Сюда включается и самонаблюдение.

Для примера приведем опросник описания поведения лидера (BDQ), сконструированный Д. Хэмпфилом и А. Кунсом (1957) (Yemphill, Coons, 1957, p. 6—38). Целью исследователей было создать

как можно более объективный метод описания и замера специфического поведения лидера группы, как он выражает свою активность. Отсюда процедурные проблемы: какие фрагменты из общего поведения следует рассматривать как лидерское поведение и с помощью каких категорий может быть классифицировано это поведение? Чтобы выделить поведение лидера, было использовано следующее операциональное рабочее определение лидерства: *лидерство — это поведение индивида, когда он руководит активностью группы относительно общей цели*. Следовательно, исключается из наблюдения поведение, направленное на достижение индивидуальных целей. Была принята следующая классификация типов поведения лидера (руководителя) группы:

- 1) интеграция — способы поведения, которые направлены на то, чтобы повысить кооперацию среди членов группы или ограничить их конкуренцию;
- 2) коммуникация — способы поведения, которые повышают понимание и знание о процессах, протекающих в группе;
- 3) продуктивность — способы поведения, которые нацеливают на объем выполняемой работы;
- 4) репрезентация — способы поведения, с помощью которых группа представляется вовне;
- 5) членство — способы поведения, которые позволяют руководителю стать членом группы;
- 6) организация — способы поведения, которые содействуют дифференциации обязанностей и ролей и предписывают правила (нормы) поведения в группе;
- 7) оценка — способы поведения, которые связаны с распределением поощрений и наказаний;
- 8) инициация — способы поведения, которые ведут к изменению групповой активности;
- 9) доминирование — способы поведения, в которых руководитель игнорирует идеи или личность члена группы.

Чтобы обеспечить наибольшую точность при описании поведения, для независимости от наблюдателей и различных ситуаций, были предписаны следующие критерии для конструирования пунктов опроса:

- 1) пункты должны описывать специфические акты поведения, а не общие свойства или характеристики поведения;

Наблюдение

- 2) вопросы должны быть применимы для различных организационных структур, групп или ситуаций; они должны быть не настолько специфичны, чтобы использоваться только в немногих ситуациях или группах;
- 3) пункты должны формулироваться в понятиях, значимых для опрашиваемых;
- 4) вопросы должны соответствовать тому, что измеряется, а также и другим измерениям;
- 5) поведение должно быть описано в настоящем времени;
- 6) пункт начинается с местоимения «он»;
- 7) вопрос должен быть ограничен одним способом поведения;
- 8) вопросы не должны ограничиваться наречиями, характеризующими частоту, с которой происходят акты поведения;
- 9) вопросы не должны нести ни эмоциональных, ни оценочных компонентов, исключая ситуации, когда эти компоненты неразрывно связаны с описываемым поведением.

Наиболее значимы 1, 2 и 9-й критерии, соблюдение которых сводит к минимуму искажение описания поведения, идущее от описывающего и ситуации. Чтобы противодействовать возможному смещению объективного количественного описания и качественной оценки поведения руководителя, применялась форма «принудительного выбора», т.е. альтернативный ответ, обе альтернативы которого в равной мере оказываются социально приемлемы. Предлагается три пятиступенчатые комбинации. Комбинация А и В состоят из наречий, которые выражают частоту актов поведения, причем шкала В исключает крайние оценки. Шкала С содержит наречия, которые выражают количество, объем поведения:

- Комбинация А: всегда, часто, иногда, редко, никогда.
- Комбинация В: часто, довольно часто, иногда, редко, очень редко.
- Комбинация С: много, довольно много, средне, сравнительно мало, нисколько.

Предпочтительно, где это возможно, использовать комбинацию А. Метрически все комбинации упорядочены в пределах от -2 до $+2$.

Данная методика была предъявлена 357 студентам и преподавателям. 205 человек описали поведение руководителя группы, в которой они были членами. 152 человека описали собственное поведение как руководителей. Дополнительно была дана общая оценка поведения описываемого руководителя, его оценка по 10 измерени-

ям, а также биографические данные описываемых и описывающих. Результаты показали, что экстремальные оценки применялись редко, особенно при самоописании. Ответы концентрировались на высоких или низких частотах, неравномерно распределяясь по шкале измерения. Проверка связи между общей оценкой поведения руководителя и ответами по отдельным пунктам опросника подтвердила действие «гало-эффекта», т. е. переноса оценки одного признака на другие. При самоописании корреляции были ниже, чем при описании чужого поведения.

Опросник неоднократно модифицировался применительно к объектам и целям исследования. Например, в опроснике Х. Ангера (1969) предлагаются вопросы такого типа:

1. Он покидает рабочее место позже, чем его сотрудники:
всегда, всякий раз, часто, иногда, довольно редко, никогда.
2. Он недоволен своими сотрудниками, если дела идут плохо:
всякий раз, часто, неоднократно, время от времени, при случае, довольно редко.

Степень интенсивности реакции может быть выражена посредством цифр, например: 1 — слабо, 6 — выражено сильно. Кроме того, взаимодействия членов группы могут дифференцироваться символами согласия, приятия, симпатии (+), отклонения, отвержения, антипатии (—), безразличия, равнодушия (0). С помощью удвоения знака достигается измерение выраженного отношения людей друг к другу, например: (++) — сильное согласие, (+0) — малое согласие.

Разновидность наблюдения — самонаблюдение — лежит в основе многих материалов, исследуемых социальными психологами (автобиографии, письма, записи самоанализа, опросы).

Систематическое самонаблюдение чаще всего проводится в форме ответов на вопросы анкет, составленных исследователем. «В этом случае, — пишет Поль Фресс, — не наблюдают испытуемого, а обращаются к его опыту. Так, ответ на вопрос: „Вы сердитесь, когда вас дразнят?“ — заменяет возможное, но трудно провоцируемое наблюдение на сведения, сообщаемые самим испытуемым и основанные на множестве наблюдений». Следовательно, процедуры конструирования, проверки на надежность методик по самонаблюдению те же, что и для анкет. «Психологи, пользующиеся методом анкет или вопросников, не должны забывать, что самонаблюдение дает не непосредственные данные, имеющие бесспорное зна-

чение, а ответ, который требует еще истолкования» (Фресс, Пиаже, 1966, с. 115).

Вариантом самонаблюдения, дополняющего наблюдение и социометрию, служит метод, который мы назвали социокоммуникометрией. С помощью единой шкалы и однородных признаков исследуемые члены группы определяют интенсивность или частоту реальных и желаемых контактов с каждым из остальных членов группы в процессе совместной деятельности того или иного вида (обычное деловое и личное общение). Преимущество данного метода по сравнению с социометрией заключается в следующем.

Как и шкала приемлемости или социальной дистанции, этот метод позволяет отразить связи каждого с каждым из членов группы. Кроме того, измеряется не только прожективное общение, что делает социометрия, но и одновременно в тех же единицах — интенсивность и направленность реального общения. Когда социометрию дополняют наблюдением, то сопоставимость результатов может затрудняться различием субъектов, которые измеряют общение в группе, их систем отсчета. При социокоммуникометрии такого рода искажения снимаются, хотя субъективность оценок поведения и отношений может быть высока. Посредством социокоммуникометрии измеряются следующие социально-психологические показатели:

- 1) коммуникативная активность группы, ее членов, т. е. интенсивность реального общения (коэффициент активности);
- 2) социометрическая активность группы, ее членов, т. е. интенсивность желаемого общения;
- 3) комфорт общения — состояние, при котором интенсивность фактического общения совпадает с желаемой;
- 4) дискомфорт общения — состояние, при котором интенсивность, частота или продолжительность реального и желаемого общения не совпадают, т. е. оценка желаемой активности не равна оценке фактической активности. Если оценка желаемой активности сравнительно выше реальной, то дискомфорт имеет положительную направленность — на сближение. Если ниже — отрицательную. Могут быть вычислены также показатели коммуникативного и социометрического статуса каждого члена группы.

Дискомфорт в общении — состояние определенной потребности в изменении характера контактов с людьми.

Он служит мотивом изменения поведения членов группы. С помощью данного метода изучалась социально-психологическая обстановка в коллективах ИТР. Результаты позволяют сделать вывод том, что частота, продолжительность и направленность контактов между членами группы зависят:

- а) от особенностей функциональной взаимосвязи и зависимости членов коллектива в процессе совместной деятельности;
- б) от пола, возраста, профессии и других характеристик членов коллектива;
- в) от пространственно-временных и других физических условий общения (например, расположение рабочих мест, шум);
- г) наконец, от индивидуальных особенностей членов коллектива и сложившихся взаимоотношений между ними.

Преимущества и недостатки метода наблюдения.

Проблема надежности

Наблюдение позволяет непосредственно воспринимать и фиксировать акты поведения, отражать конкретные процессы в конкретных ситуациях, что устраняет опасность забывания или последующих ошибок в суждениях. Между описанием собственного поведения, например, в процессе опроса и наблюдением этого же поведения «со стороны» существует значительное различие в степени объективности в пользу второго.

Посредством наблюдения можно более точно измерить степень интенсивности актов или способов поведения, чем иными методами. Так, степень взаимодействия в рабочем коллективе, влияние престижа личности на спонтанное общение, реакции, которые возникают в коллективе при высказывании вышестоящего руководителя, могут быть измерены намного точнее при наблюдении, чем посредством субъективного описания впечатлений членов группы. При этом результаты наблюдения не зависят от установок, наблюдаемых на стереотипные или показательные ответы, как это бывает в случае опроса, хотя, конечно, не исключено притворное поведение в присутствии наблюдателя. Кроме того, опытный наблюдатель воспринимает происходящее целостно и может одновременно регистрировать поведение ряда лиц или целой группы (Процесс социального исследования, 1975, с. 327–329).

Однако наблюдению присущи и свои недостатки. Установки, интересы, психологические состояния, личностные особенности наблю-

дателя могут весьма чувствительно влиять на результаты наблюдения (Роговин, 1969, с. 162–168). Искажение восприятия событий тем больше, чем сильнее наблюдатель ориентирован на подтверждение своей гипотезы. Он воспринимает избирательно, только часть происходящего. Длительное наблюдение приводит к усталости, адаптации к ситуации, вызывает чувство монотонности, что увеличивает опасность неточных записей. Наблюдатель может находиться под влиянием наблюдаемых лиц. Трудности интерпретации наблюдаемого обусловлены также неоднозначной связью между мотивами и формами поведения. Наконец, наблюдение требует значительных затрат времени.

Проблема надежности наблюдения сводится не только к уточнению гипотез предмета исследования, к выделению критериев и категорий, признаков наблюдения, к контролю и сравнению полученных результатов на одинаковых объектах, но и к устранению ошибок личностного и психологического происхождения в самом восприятии наблюдателя.

Типичными ошибками наблюдения считают следующие:

1. Гало-эффект, который основывается на обобщенном впечатлении наблюдателя и ведет к грубому обобщению, оценке «в черно-белых красках».
2. Эффект снисхождения, который состоит в тенденции давать слишком положительную оценку наблюдаемым событиям, поступкам.
3. Ошибка центральной тенденции, которая заключается в стремлении усреднять оценки наблюдаемых процессов; известно, что крайние признаки поведения намного реже встречаются, чем свойства средней интенсивности.
4. Логическая ошибка, когда, например, делают заключение об интеллекте человека по его красноречию или о том, что любезный человек одновременно добродушен; эта ошибка построена на предположении о тесной связи определенных признаков личности.
5. Ошибка контраста, которая вызвана склонностью наблюдателя подчеркивать противоположные себе черты у наблюдаемых.

Встречаются ошибки первого впечатления, предубеждений, этнических, профессиональных и других стереотипов, подмена описания факта мнением о нем и т. д. (Водович, 1974, с. 109–120; Процесс социального исследования, 1975). Таким образом, повышение надежности результатов наблюдения прежде всего зависит от подго-

товки и тренировки наблюдателей, от четкой организации наблюдения, выбора обоснованных однозначных наблюдаемых признаков, которые регистрируются по единой системе индикаторов на доступном для других языке.

Наблюдение требует наблюдательности, умения не только смотреть, но и видеть, — качества, которое считали важнейшим для ученого Ч. Дарвин и И. П. Павлов. Зоркость, свежесть взгляда, способность увидеть то, что не укладывается в рамки ранее усвоенного, свойственны творческому мышлению. В обучение наблюдателя входят упражнения по наблюдению за отдельными признаками, аспектами поведения без потери связи с целым; отработка терминологической точности в описании событий и явлений; овладение современными техническими средствами наблюдения и регистрации.

Стоит также вспомнить, что П. П. Блонский советовал психологам пользоваться стенографией.

Для социального психолога в роли наблюдателя важно установить взаимоприемлемые отношения с наблюдаемыми людьми. При этом психологам, как и медикам, всегда необходимо помнить известный этический завет: «Не навреди!».

Область применения метода наблюдения определяется личностными и психическими возможностями наблюдателей, техническими средствами наблюдения и регистрации, особенностями объекта, доступностью для наблюдения тех или иных социально-психологических явлений, взаимоотношениями между наблюдателями и наблюдаемыми и т. д.

Наблюдение используется в первую очередь тогда, когда требуется минимальное вмешательство в естественный процесс поведения, взаимоотношений людей, когда стремятся получить целостную картину происходящего, отразить как осознаваемые, так и неосознаваемые, вербальные и невербальные формы поведения.

Обычно наблюдение в социально-психологическом исследовании применяется вместе с другими методами: с экспериментом, опросом, анализом документов.

§ 2. Наблюдение в изучении процессов массовой информации

Наблюдение за поведением аудитории оратора, театральной публики — несомненно, самый древний метод изучения слушателей и зрителей. Достаточно вспомнить, что многие положения класси-

ческой риторики сформулированы на основе наблюдения. Известно, что в Древней Греции и в Риме ораторы и поэты фиксировали и обобщали свои наблюдения за внешними реакциями публики. Наблюдательность, проницательность, способность распознавать замыслы собеседников по действиям, жестам и выражениям лиц — одно из качеств, которым отвечали дипломаты (часто они же были ораторами) древней Индии. Об этом свидетельствует источник, относящийся к I тысячелетию до н. э. (Законы Ману, 1913, с. 67). Мимика лиц в аудитории, напряженное молчание, негодование, аплодисменты, возгласы одобрения и т. д. — все эти данные о поведении аудитории учитывались столетиями, информируя выступающего об эффективности воздействия на слушателей и зрителей. Но только в последние годы регистрация и анализ реакций аудитории производятся на научной основе.

Научные наблюдения за публикой в театре и кинозале предпринимались советскими социологами искусства еще в 1920-е годы. Была разработана таблица — координатная сетка.

По вертикали заносили виды реакций зрителей (сочувственное вмешательство в спектакль, напряженная тишина, сильный смех, разговоры о происходящем, шум, кашель, выход из зрительного зала и т. п.), а по горизонтали — определенные моменты (эпизоды, сцены, акты) спектакля или фильма. Наблюдатели рассаживались в зрительном зале и фиксировали на сетке реакцию публики. Систематическое наблюдение позволяло установить некую среднюю повторяющуюся реакцию и отклонения от нее. Подобный метод наблюдения практиковал: В. Э. Мейерхольд в своем театре в течение театрального сезона 1924—1925 гг. (Фёдоров, 1925). В это же время с помощью наблюдения изучалась реакция зрителей фильма С. М. Эйзенштейна «Броненосец Потёмкин». Пример научного, хотя и спонтанного наблюдения реакции слушателей в зале находим в работе С. Л. Рубинштейна. С помощью этого метода он зафиксировал взаимодействие слуховых данных восприятия со зрительными (Рубинштейн, 1946, с. 222).

Со временем место наблюдателя-экспериментатора заняла техническая аппаратура. Магнитофоны фиксируют акустические реакции зрителей, съемка зрительного зала инфракрасными лучами — моторно-эмоциональные реакции (выражение лица, движения, жестикуляции и т. д.). В нашей стране такие наблюдения сейчас почти не проводятся, хотя уже в 1920-е годы советские исследовате-

ли применяли различные технические средства изучения зрителя, включая съемку зрительного зала с помощью магниевой вспышки. Недавно московский исследователь М. Марков с помощью специальной аппаратуры пытался фиксировать кожно-гальванические реакции зрителей при восприятии кинофильма¹.

Остановимся на некоторых особенностях методики наблюдения в изучении эффективности массовой коммуникации.

Кто наблюдается? Объектом наблюдения является различная по структуре аудитория: масса (уличная толпа, посетители кинотеатра и т. п.), малая группа (семья, соседи, посетители красного уголка и т. п.), а также отдельная личность или сам источник информации, точнее, его деятельность, организация, взаимодействие служб и должностных лиц. Нередко в поле зрения исследователей попадают социальные институты, которые оказывают влияние на средства массовой информации или испытывают на себе их действие.

Что наблюдается? Организатор наблюдения констатирует факт, имеющий вербальную или моторно-эмоциональную основу.

Интерес представляют такие акты поведения, которые гипотетически или по здравому смыслу могут свидетельствовать об отношениях наблюдаемого к интересным для исследователя моментам информационного содержания, изменениям в окружающей действительности. Наблюдаются не сами отношения, но значимые действия людей, действия, которые характеризуют эти отношения.

В изучении явлений массовой информации следует разграничить два типа наблюдения: одно ведется за непосредственным процессом контакта аудитории и коммуникатора, т. е. когда люди смотрят, слушают, читают; другое наблюдение за поведением аудитории осуществляется после общения с массовым средством информации. Рассмотрим ситуацию непосредственного наблюдения взаимодействия коммуникатора с аудиторией.

1. *Наблюдение пространственно-временных особенностей ситуации, в которой осуществляется контакт аудитории с массовым источником.* Характеризуя активность аудитории, с которой она преодолевает пространство и время на пути к контактам с информацией, определяют: а) частоту контактов аудитории с коммуникатором или передачей; б) объем времени, уделяемого массовому средству или его отдельным передачам; в) ценность этого

1 В настоящее время подобные исследования продолжаются.

времени в распорядке дня человека; г) количество времени, затрачиваемого реципиентом на то, чтобы установить контакт с коммуникатором; д) места, в которых происходит контакт аудитории с коммуникатором; е) житейские препятствия, которые преодолеваются в тех случаях, когда аудитория стремится включиться в прием информации данного коммуникатора и т. д.

2. *Наблюдение социально обусловленной деятельности людей, которая протекает параллельно или уступает место контакту с массовым средством.* Информация, адресованная человеку, преодолевает «препятствия» социального характера, словно бы конкурирующие с ней. Коммуникация, будь то чтение газеты, прослушивание радио или просмотр телепередачи, может выступать фоном обычных домашних или производственных дел, занятий человека, которые социально обусловлены, например, шофер ведет машину, слушая радио, или студент готовится к экзамену и временами посматривает на телевизор. Бывает так, что обычная деятельность людей сама выступает фоном, на котором воспринимается массовое средство, поглощающее основное внимание человека. Например, домашняя хозяйка специально присела у телевизора, чтобы посмотреть передачу, но при этом ее руки чистят фасоль в миске. Коммуникация, таким образом, может быть основным стимулом, овладевающим активным вниманием аудитории, или только значительным стимулом, или она совсем уступает место параллельным действиям человека. В этой связи имеет смысл наблюдать и оценивать случаи: а) когда аудитория предпочитает коммуникацию другим видам деятельности; б) когда передаваемая информация «конкурирует» с социально обусловленными поступками, занятиями, домашними делами, общественными и семейными обязанностями и т. д.
3. *Наблюдение особенностей взаимоотношений людей, вызванных под влиянием средств коммуникации.* Информация, отправленная аудитории, сталкивается с социально-психологическими особенностями воспринимающего человека — с его установками, настроениями, мотивами потребления содержания и т. п. Эти особенности восприятия также проявляются через поведение людей, которое свидетельствует о том или ином отношении человека к деятельности передающих каналов этой связи, наблюдаются и фиксируются: а) реплики, разговоры, обсуждения передач и печатных изданий в аудиториях различной структуры,

высказывания отдельных личностей во время прослушивания, просмотра программ, дискуссии и т. п.; б) кто является действующим лицом, т. е. говорит и действует руководитель группы, «домашний авторитет», подчиненный и т. п.; в) какую роль берут на себя члены аудитории в связи увиденным, прочитанным, услышанным (активную — пассивную, критикуют — одобряют, навязывают свое мнение или комментируют, разъясняют другим, прислушиваются к мнению других, доверяют коммуникатору или ссылаются на другие источники и т. п.).

4. *Наблюдение внешних признаков проявления внимания, интереса к коммуникации.* Фиксируются элементы вербального моторно-эмоционального характера — возгласы одобрения, тишина, кашель, смех, аплодисменты, движения тела, рук и т. д. Например, К. Вульф и М. Фиск, изучая отношение детей к комиксам, регистрировали все реплики по поводу книги, которая читается под наблюдением, позы, движение губ, мимику, реакции на появление кого-либо в комнате, на телефонные звонки, поведение экспериментатора и сверстников (Wolf, 1948—1949, p. 5—50).
5. *Наблюдение не выраженных внешне признаков внимания.* Речь идет о фиксации бессознательного эмоциональной активности реципиентов. Наилучшим ее индикатором, как полагают специалисты, являются физиологические реакции субъекта: давление, частота пульса, потоотделение. Как известно, во время эмоциональных реакций нервный процесс распространяется не только по коре больших полушарий, но также в подкорковые центры, которые регулируют деятельность внутренних органов. Ожидание, страх, беспокойство, радость, удовлетворение и другие проявления эмоций составляют одну из сторон психической деятельности человека.

Сопоставляя наблюдение за соматическими реакциями с картиной внешнего и вербального поведения, исследователи получают данные о степени воздействия коммуникации на бессознательном и сознательном уровнях (Broadbeck, Jones, 1963, p. 98—134).

Теперь рассмотрим ситуацию наблюдения после процесса взаимодействия массового средства информации и реципиента. Эффект информации наблюдают в различных сферах отношений: в межличностном общении; в отношениях людей к труду и своим обязанностям, в отношениях человека с различными социальными института-

ми, в том числе со средствами массовой коммуникации. С помощью метода наблюдения получают данные:

- а) о функциональных особенностях того или иного средства массовой коммуникации;
- б) об оценках, которые выносит аудитория информации;
- в) о структуре аудитории различных каналов.

Несколько примеров. Возможный путь выявления социальных функций телевидения с помощью наблюдения продемонстрировали Курт и Гледис Лэнги. Вывод, который они сделали, свидетельствует о том, что телевидение избирательно отражает события и потому уступает в объективности по сравнению с непосредственным участием человека в происходящем. К такому убеждению Лэнги пришли в результате наблюдения и опроса мнений людей, непосредственно видевших церемонию встречи одного военно-политического деятеля США, и телезрителей, смотревших трансляцию этого шествия у себя дома. Полученные данные касались интерпретации события и его значения очевидцами и телезрителями. Была выявлена роль телевидения в трансляции общественных событий. В частности, авторы поколебали тезис о том, что буржуазное телевидение «несет правду» в дом зрителей, что «камера не лжет». Предполагаемая точность репортажа далеко не произвольна: каждая камера показывает избирательно, опускает многие сценки, тем самым позволяет зрителю догадываться об остальном происходящем и самому делать выводы о том, что осталось за комментируемым кадром (Lang, Lang, 1966, p. 278–292).

У. Стейэлмана интересовали оценки аудитории отражаемой коммуникатором действительности. Наблюдатели были расставлены у газетных киосков и регистрировали, какое внимание публика обращала на заголовки в газетах. Так удалось ответить на вопрос, помогают ли заголовки распродать тираж (Stiegleman, 1949, p. 379–388). М. Партен описывает участие таксомоторной компании в изучении оценок содержания радиопередач.

Водители такси вели запись реакций пассажиров на передачи, которые они слушали, находясь в машине (Parten, 1950, p. 83). Х. Кентрил и Г. Олпорт описали наблюдение за тем, как ведет себя аудитория в зависимости от того, насколько полно и верно отражается в поведении оратора представление о ее психологии. В один американский город с визитом прибыл знаменитый проповедник.

Послушать его собралось столько народа, что пришлось разместить людей в двух залах. В одном из них проповедник выступал непосредственно перед публикой, реагируя на ее настроение, выражение лиц, а в другом зале проповедника слушали через динамики. Наблюдение показало разительную разницу в поведении двух аудиторий (Cantril Allport, 1935, p. 42–45). Ч. Свансон, Дж. Дженкинс и Р. Джоунс с целью изучения отношений аудитории к сообщениям о важных событиях (речь президента) наблюдали реакции зрительного зала, записывали разговоры в барах и реплики в адрес телепрограммы. Г. Белкнап, сопровождая Дж. Кеннеди во всех его встречах с избирателями во время предвыборной кампании, фиксировал реакции толпы на политические термины, фразы, темы речей кандидата, чтобы затем подсказать ему, как лучше строить выступления (New York Times, 1960, 7 Oct.).

Известно, что, если некоторая часть аудитории обращается более или менее постоянно к содержанию определенных коммуникаторов, то это может свидетельствовать о том, насколько и для кого ценно то, что передается этими средствами. Л. Уорнер и П. Лунт в работе, посвященной изучению социальных классов, сообщают о том, как они с помощью наблюдателей, расставленных у газетных киосков, провели учет того, кто и какие газеты и журналы покупает. У касс кинотеатров регистрировалось число зрителей различных социальных прослоек, присутствовавших на просмотре фильма (Warner, Lunt, 1941, p. 54). Д. Лукас воспользовался приемом наблюдения, изучая степень «постоянства» театральной публики, что, конечно, свидетельствует об оценке, даваемой аудиторией коммуникатору.

Один из аспектов исследований коммуникации, где применима техника наблюдений, — изучение самих источников информации и тех, кто готовит и передает ее. Так, У. Диебер применял метод наблюдения и подробное интервью, изучая отношение между репортерами и правительственными источниками новостей. Один из последователей Диебера применил метод участвующего наблюдения при изучении репортеров газет в пригородной общине. В нашей стране сотрудник Калининградского телевидения В. Н. Солнцев методом включенного наблюдения и анализа содержания пытался выявить роль структуры редакций теленовостей в передаче событий.

Кто наблюдает? Ответ на этот вопрос можно дать в зависимости от того, что является предметом наблюдения, в каких условиях оно ведется, хочет исследователь или нет, чтобы знали о его намере-

ниях. В простейшем случае в роли наблюдающих выступает сам исследователь или коллектив научных сотрудников. Однако нередко функция наблюдателя доверяется другим людям или техническим средствам. Делается это главным образом для того, чтобы не скрывать естественное поведение людей присутствием постороннего, присматривающегося к их поступкам человека.

В Англии, к примеру, роль наблюдателей доверяется постоянным местным корреспондентам, которые в основном отвечают на вопросы, рассылаемые телерадиосетью, а параллельно подслушивают реплики, мнения окружающих, приглядываются к уличным происшествиям. В роли наблюдателей выступают представители массовых профессий, которые по роду деятельности постоянно вращаются среди многих людей, это кладовщики, страховые агенты, профсоюзные деятели, работники культуры и бытовых предприятий, некоторые должностные лица в армии и т. п. (Silvey, 1948—1949, p. 71—90). Иногда исследователи делают выводы, основываясь на показаниях одной части аудитории о другой. Например, Джон и Матильда Райли, доверяя наблюдательности родителей, опрашивали их о том, каким будет, по их мнению, поведение детей в отношении определенного содержания массовых средств информации (Райлидж, Райли, 1965, с. 228—232). Австралийский ученый С. Форсей, наоборот, обратился к наблюдательности детей с тем, чтобы определить структуру и уровень авторитарности семьи и их влияние на выбор телевизионных программ (Forsy, 1963, p. 64—80).

Все чаще в изучении коммуникативного процесса применяют механические средства наблюдения за аудиторией. О том, много или мало зрителей включили свои телевизоры на данный момент времени, могут сказать механические устройства, основанные на принципе измерения нагрузки электрической сети (естественно, такой метод не годится, если приемник принимает больше, чем одну станцию, ибо невозможно сказать, какую программу смотрит аудитория). К простейшим методам механического наблюдения можно отнести метод совпадающего звонка. Интервьюер звонит по телефону на квартиру зрителя слушателя и задает подошедшему к телефону вопрос о том, смотрят (слушают) ли в семье передачу, идущую в данный момент в эфире, если нет, то почему, что в семье думают о подобных передачах и т. п.

Для целей наблюдения используют специальную аппаратуру. Так, Л. Богарт применял смотровую камеру для регистрации числа

рекламных объявлений, которые воспринимались испытуемыми при чтении газеты. С помощью аппаратуры измерялся охват зрения. Записи движения глаз потом сравнивались с тем, что запомнили читатели. В более сложных экспериментальных условиях исследователи применяют для контроля поведения видеозапись (Halloran, 1964, p. 75–76).

В США и Англии широко применяется электронный метод контроля за поведением аудитории. Он заключается в том, что к телевизору присоединяются специальные приборы, регистрирующие момент включения приемника, время его работы, волну, на которой он принимает передачу. В Англии, например, такие приборы («тамеры») устанавливаются в квартирах тех жителей, которые входят в выборочную «модель района». В США компания Си-Би-Эс применила метод моментального «подсматривания» за аудиторией, основанный на принципе радара. Телевизионный передатчик посылает, а специальные приборы, установленные в телевизорах, принимают и вновь отражают сверхчастотную волну. Электронная аппаратура, установленная в студии, подсчитывает отраженные сигналы и дает показания о количестве приемников, настроенных на прием данной станции.

Общий недостаток электронного и радарного методов наблюдения заключается в том, что в этих случаях определяется не число людей, смотрящих передачу, а число приемников, настроенных на станцию. А ведь между этими величинами нет прямой зависимости. В этом лишний раз убеждает один из новейших «механических» методов изучения зрителя. Миниатюрной кинокамерой снимается почти целый фильм о семье, собравшейся перед телевизором. Кинокамера начинает съемку вместе с включением приемника и снимает все, что в поле ее зрения. В Англии подобное наблюдение было проведено в 99 индивидуальных квартирах. Было снято на пленку поведение зрителей в течение 6 тыс. вещательных часов. Оказывается 14% времени, в течение которого работает телевизор, никто из наблюдаемых зрителей не смотрел программы, хотя приемники были включены; 25% указанного времени люди находились у телевизоров, но занимались посторонними делами, вплоть до того, что иные объяснялись в любви или даже дрались (Silvey, 1966, p. 5).

Особые преимущества всех механических способов наблюдения, во-первых, в том, что они не зависят от свойств человеческой памяти; во-вторых, обеспечивают непрерывность сведений о при-

еме тех или иных программ. Однако при «механическом» наблюдении, а еще больше при наблюдении очевидцев событий остро встает вопрос этики.

Такие средства сбора данных, как подслушивание или наблюдение в квартире с помощью кинокамеры, задевают права личности. У исследователя нет моральных оснований следить за человеком на прогулке или в его собственном доме.

Как наблюдать? Известно, что различают случайное (несистематизированное) и систематическое наблюдение. При исследовании массовых средств предпочтение лучше отдать систематизированному наблюдению. Для того чтобы быть полным и целеустремленным, наблюдение должно быть аналитическим и формализованным. Это два основных требования к процедуре метода. Исследователь выполняет их, если, соблюдая все правила научной организации своей работы, кроме того, выполнит ряд условий:

1. Начиная исследования с помощью метода наблюдения, необходимо провести предварительное изучение поведения аудитории в ситуации, связанной с задачами наблюдения и проверяемыми гипотезами, и определить сферу наблюдения и перечень действий, которые необходимо наблюдать, чтобы получить ответ на поставленные вопросы. Наблюдать буквально все, что делают люди во время общения с массовым средством, очень сложно, а часто не имеет смысла. С другой стороны, результаты обследования могут быть ошибочными, если регистратор опускает существенные моменты поведения аудитории. Исследователь должен сосредоточиться на значимых актах поведения, т. е. таких поступках реципиентов, которые свидетельствовали бы об их отношении к передаваемому в рамках поставленных задач. Цель предварительного наблюдения как раз и состоит в том, чтобы определить наиболее вероятные поступки аудитории при восприятии изучаемой программы, передачи, отдельной информации, которые могут свидетельствовать об изучаемых отношениях аудитории к коммуникации. Такие поведенческие акты в удобной для исследования форме и порядке заносятся в протокол. Протокол становится как бы стандартным тестом, при помощи которого один или несколько исследователей могут вести наблюдение за одним или несколькими реципиентами или аудиторией в целом. Разумеется, если наблюдатель ведет регистрацию в при-

сутствии аудитории, то он делает это незаметно для всех, например, под видом своих занятий, письма и т. п., либо время от времени отлучается, чтобы записать увиденное. Основные пункты протокола могут быть определены, исходя из личного опыта наблюдателей, здравого смысла, консультаций с компетентными людьми и т. п.

2. Следует объединить в группы такие акты поведения, подлежащие регистрации, которые дают ответ на каждую из поставленных задач. Дело в том, что об отношении аудитории к массовому средству, его содержанию или некоторым компонентам содержания трудно судить по одному, отдельно взятому факту поведения. Чаще всего исследователю приходится выбирать среди наблюдаемых реакций такие, которые, словно подкрепляя друг друга, на своем языке свидетельствуют об определенных чувствах, настроениях, оценках аудитории относительно того, что передано. Например, о том, что информация теленовостей принимается одобрительно, можно убедиться из совокупности реакций зрителей: 1) блок реакций предпочтения — все оставили свои дела, параллельные занятия и обратились к телевизору, просят друг друга не мешать слушать и смотреть, обращают внимание друг друга на информацию и т. п.; 2) блок реакций одобрения — разряженная атмосфера удовлетворенности, веселый смех и т. п.; 3) блок положительных мнений — одобрительная критика, комментарии, одни члены аудитории поясняют услышанное другим и т. п.
3. Необходимо определить характер ситуации, в которой происходит наблюдение, и учесть его возможные ошибки. Наблюдение можно организовать в разных ситуациях. Оно может быть естественным, если изучается поведение аудитории в условиях повседневной жизни, или экспериментальным (стандартным), если условия окружающей среды определяет сам исследователь. Экспериментальное наблюдение дает более строгие выводы, но нельзя полагать, что его условия достаточно отражают реальную картину. Данные необходимо сопоставить с массовым наблюдением.

Как уже отмечалось, наблюдать можно непосредственный процесс взаимодействия коммуникатора и реципиентов (сиюминутные реакции), можно отмечать перемены в поведении людей после воздействия на них передающих средств (отсроченные ре-

акции). Ситуация наблюдения выбирается в зависимости от задач, гипотез организации исследования. Например, С. Фешбах, изучая влияние телевизионного содержания на агрессивность в поведении детей, наблюдал их игру почти сразу же после демонстрации экспериментальной передачи (Feshbach, 1963, p. 83–97). Действенность коммуникации можно наблюдать и спустя значительное время, повторяя наблюдение многократно на протяжении ряда лет. Так, И. Пул приступил к изучению влияния телевидения на формирование вкусов детей, рассчитывая следить за ними в течение 20 лет. Среди комплекса методов, используемых им (интервью, дневники, тесты), значительное место отводится наблюдению (Halloran, 1966, p. 58).

Систематизированное наблюдение может быть включенным (соучаствующим) и невключенным. Если в роли регистратора поведения группы (формальной или неформальной) выступает ее непосредственный член, который разделяет ее нормы, уважает ее авторитеты и т. д., то всегда существует опасность искажения результатов наблюдения.

Вот некоторые возможные источники предвзятости наблюдателя. Ошибки наблюдения, не зависящие от наблюдателя:

- а) если в качестве регистратора выступает непосредственный член аудитории, то многое в поведении других он способен воспринимать как должное, само собой разумеющееся и не помечать значимых проявлений отношения аудитории к процессу коммуникации;
- б) наблюдаемое специфическое поведение аудитории регистратор может понять и описать как реакцию на информацию, хотя причина реакции иная; например, зрители несколько приподнято обсуждают выпуск теленовостей, но причина тому — не содержание информации — просто аудитория настроена несколько эмоциональнее обычного, так как дело происходит в предвыходной день, когда люди предвкушают радости завтрашнего отдыха;
- в) искажения в описании поступков людей связаны с определенным отношением регистратора к отдельным членам аудитории; так, регистратор способен допустить ошибку под влиянием авторитета, к которому он относится с уважением или которому противится;

- г) поведение аудитории ошибочно истолковывается, если наблюдатель делает обобщения на основе собственных реакций; регистратору может показаться важным и значимым или, наоборот, не стоящим внимания то, о чем повествует коммуникатор;
- д) верному впечатлению о поведении аудитории в коммуникативном процессе могут мешать физические условия, в которых оказался наблюдатель: неудобная поза, плохо слышно, что говорят в аудитории, не видно, что делают наблюдаемые люди, или плохо видно, слышно коммуникатора, и потому неясно, по поводу чего реагирует аудитория; в результате таких неудобств допускаются пропуски в наблюдаемой картине, наблюдатель раздражается, излишне напрягается; возникающие эмоции будут отражаться на результатах наблюдения;
- е) объективному наблюдению могут помешать случайные «пустяки» (плачет ребенок, плохо работает телевизор и т. п.); прежде чем оценивать отношение аудитории к передаче, необходимо отметить значимость элементов окружающей обстановки, которые рассеивают внимание, важно учесть также, в одинаковой ли мере «пустяки» мешают членам аудитории и лично наблюдателю.

Ошибки наблюдения, зависящие от самого наблюдателя:

- а) на результатах наблюдения сказываются личные убеждения наблюдателя, его стереотипы поведения, установки; их не изменить, и от них не избавиться, поэтому важно, чтобы регистратор осознавал это и контролировал свои действия;
- б) на итогах наблюдения могут отрицательно отразиться старания наблюдателя преодолеть личную предвзятость отношении к деятельности коммуникатора, к конкретной информации или к членам аудитории; стремясь быть объективным и тщательным, наблюдатель неосознанно упрощает или усложняет фиксируемую картину;
- в) большое значение имеет стиль мышления наблюдателя, способ принятия решений — наблюдатель меньше допустит ошибок, если в жизни он привык поступать обдуманно, не делая выводы «наскоком»;
- г) важно, приступая к наблюдению, оценить самочувствие лица, которое его проходит; головная боль и прочее, что ме-

шает в данный момент сконцентрироваться на деле, ставит под угрозу точность реакций наблюдателя, а значит, и достоверность его выводов.

4. Надо выбрать удобный и надежный способ фиксации поведения аудитории. Возможны два варианта. Либо фиксируют наличие или отсутствие в каждый данный момент какого-либо действия, на основе чего будут указаны частоты появления тех или иных актов поведения. Либо оценивают интенсивность или протяженность наблюдаемых действий. В последнем случае пользуются шкалами оценок: интенсивности и времени.

Известно несколько видов шкал оценки интенсивности действий. Напомним наиболее распространенный вариант. Для каждого действия аудитории на шкале отмечаются три, пять, а иногда семь делений интенсивности, определяемой в баллах или вербально. Например, интенсивность такой реакции аудитории, как обмен мнениями по поводу телеинформации, могла быть описана в трех степенях: всеобщий, единичный, нет обмена. Чем больше делений на шкале, тем больше оттенков наблюдаемых действий она описывает. Выбор количества делений шкалы зависит от того, какое явление наблюдается, а также от возможной тонкости суждений о наблюдаемой реакции или действии человека.

5. Необходимо продумать систему синхронизации наблюдаемых реакций аудитории с отдельными моментами содержания информации или деятельности коммуникатора. В этом случае особую роль играют шкалы оценки времени. Они выполняют две задачи и соответственно имеют два вида: а) в протоколе наблюдения приводится синхронная шкала времени, наблюдатель отмечает акты поведения в соответствии со временем течения передачи программы; шкала как бы «увязывает» (синхронизирует) наблюдаемое действие с содержанием информации; вместо временных интервалов в качестве пунктов синхронной шкалы можно указать основные мысли (фрагменты) изучаемого содержания, если оно заранее известно наблюдателю, — в таком случае все акты поведения аудитории окажутся «увязанными» с непосредственными своими побудителями; б) шкала времени может быть придана каждому пункту наблюдения; в этом случае исследователя интересует, как долго продолжалась та или иная реакция аудитории; в) от исследователя требуется объективно и доказа-

тельно изложить итог наблюдения. Делая выводы об особенностях отношений аудитории к тому, что и как передают массовые средства, исследователь должен соблюсти два правила. Во-первых, позаботиться о том, чтобы не приписывать людям таких мотивов поведения, которых не оказалось в наблюдаемый момент. Часто человек многим наблюдаемым в жизни фактам готов приписать наиболее знакомую и приемлемую, с его точки, зрения, причину. Например, фиксируется, что передачи для детей очень популярны среди взрослых. Пойдя по пути шаблонных представлений об аудитории, исследователь признает, что взрослым движет желание «побывать» в своем детстве, вспомнить минувшее и дорогое. Или: слушать передачи взрослых обязывает роль воспитателей и т. п. Однако если обратить внимание на некоторые детали наблюдаемой ситуации, то, например, оказывается, что значительную часть аудитории составляют одинокие и бездетные женщины. Мотивы предпочтения детских передач, следовательно, иные (Lazarsfeld, 1940, p. 112). Во-вторых, подводя итоги наблюдения, следует остерегаться общих, претендующих на многое формулировок, надо оговорить возможные отклонения в выводах из-за обстоятельств, сопутствующих наблюдению, и т. д.

Основным мерилом объективности наблюдения считают сравнение показаний двух или нескольких регистраторов, следивших за поведением одной и той же группы людей в одних и тех же условиях. Если это условие не соблюдается, нет гарантий, что наблюдение не представляет собой лишь более или менее субъективные впечатления какого-либо индивида. Чтобы стало возможным совпадение показателей нескольких наблюдателей, чтобы результаты наблюдения были понятны читателям точно так же, как авторам, нужно употреблять термины определять операционально, т. е. они должны быть как можно более описательными и как можно менее объяснительными (Фресс, Пиаже, 1966, с. 111).

Для проверки обоснованности наблюдения его данные можно сравнивать с итогами опросов. Данные, полученные при наблюдении невербальных форм поведения, могут быть сопоставлены с записью речи испытуемых.

Глава III

Качественно-количественный анализ документов (контент-анализ)

Одним из междисциплинарных методов в социальных науках является контент-анализ, или специальный, достаточно строгий¹ метод качественно-количественного анализа содержания документов, понимаемых в широком смысле (официальные и личные документы, материалы массовой и межличностной коммуникаций, литературы и искусства и т. д.) Суть метода заключается в систематической и надежной фиксации определенных единиц изучаемого содержания, а также в квантификации получаемых данных. В последние годы контент-анализ приобрел весьма широкое распространение как за рубежом, так и в нашей стране, причем преимущественно в исследованиях материалов массовой коммуникации.

Для развития контент-анализа советскими исследователями в историческом и методологическом плане важнейшее значение имеют теоретические положения и практические примеры конкретного анализа различных документов, содержащиеся в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Так, известно систематическое изучение содержания прессы разных стран, которое предпринял К. Маркс в ходе работы над своим произведением «Гражданская война во Франции». При этом К. Маркс классифицировал и сопоставлял сообщения почти тридцати органов прессы разных государств (Коробейников, 1969, с. 100–101). Первый марксистский анализ материалов периодической печати с применением количественных показателей был проведен В. И. Лениным

1 Под «строгим» в данном случае понимается метод, предполагающий четкое разграничение самой процедуры, пред- и постпроцедурных этапов. При этом процедура удовлетворяет требованиям обоснованности исследовательских действий и воспроизводимости результатов (см.: Алексеев, 1973, с. 22).

и изложен в его статьях в «Правде» 1912–1914 гг. (Алексеев, 1969, с. 9–27).

Очень важные для методологии анализа содержания документов положения и выводы можно найти во многих ленинских работах (см. «Развитие капитализма в России», «Статистика и социология», «Лев Толстой как зеркало русской революции» и др.). Исключительное значение для использования контент-анализа в марксистских социальных науках имеет ленинская теория отражения.

Советские социологи с конца 1960-х годов активно применяют контент-анализ в своих исследованиях а также занимаются вопросами его методологии (см. работы А. Н. Алексева, Г. М. Андреевой, А. В. Баранова, Б. А. Грушина, В. С. Дудченко, А. Г. Здравомыслова, В. С. Коробейникова, М. Й. Лауристин, В. В. Сазонова, Л. Н. Федотовой, В. А. Ядова и др.).

В то же время в практике отечественных социально-психологических исследований контент-анализ пока используется крайне редко и без должной методологической и методической основы. Не случайно этот метод даже не упоминается в наиболее известных современных работах, касающихся методов социальной психологии. Поэтому следует специально остановиться на истории и методологических проблемах контент-анализа.

Краткая история развития контент-анализа

Как научный метод контент-анализ, или анализ содержания (*англ.* content analysis), начинает широко использоваться в социальных науках с 1920–1930-х годов в США. Зарождение же этого метода американские исследователи относят к началу XX в. и более ранним периодам. Первое применение качественно-количественный анализ содержания получил в сфере журналистики и литературоведения. При этом исследователи обычно подсчитывали площадь, занимаемую теми или иными разделами на страницах газет, либо частоту употребления в художественной литературе разных периодов определенных слов, частей речи и т. п.

Позднее, с конца 1930-х годов, его использовал Г. Лассуэлл для исследований в сфере политики и пропаганды. Ласуэлл во многом модернизировал контент-анализ, вводя новые категории и процедуры, придавая особое значение квантификации данных.

Развитие средств массовой коммуникации, в частности кино и радио, закономерно привело к росту контент-аналитических ис-

следований в этой области. Во время Второй мировой войны контент-анализ применялся некоторыми государственными учреждениями США и Англии для изучения пропаганды в разных странах, а также в разведывательных целях.

Накопленный методический и практический опыт контент-аналитических исследований был подытожен в начале 1950-х годов в книге Б. Берельсона «Контент-анализ в коммуникационных исследованиях» (Berelson, 1952). В ней автор дал свое до сих популярное за рубежом определение этого метода, описал различные виды его использования, наиболее распространенные категории и единицы, условия, необходимые для количественного (частотного) анализа, и пр.

Весьма заметную роль в развитии метода сыграла конференция, посвященная контент-анализу, результатом которой стал сборник «Тенденции в контент-анализе» (Trends in content analysis, 1959). В ней приняли участие представители многих социальных наук, однако выяснилось, что лидирующее положение в контент-аналитических исследованиях заняли психологии и психолингвисты. В 1940–1950-е годы контент-анализ в США оформляется как междисциплинарный метод. Однако проблемы специфики его применения в различных науках, в том числе в социальной психологии, разрабатываются слабо.

Наиболее интересной методической новинкой в контент-анализе после обобщения Берельсона явилась методика «связанности символов» (Осгуд и др., 1959), позволяющая обнаружить неслучайно связанные между собой элементы содержания. Новым этапом в развитии американского контент-анализа можно назвать рождение в 1960-х годах так называемого «машинного анализа» на основе специальных словарей и программ для ЭВМ (Ф. Стоун и др.). Контент-анализ на ЭВМ обладает как несомненными преимуществами, так и некоторыми недостатками (см. компактное пособие по контент-анализу в США: Holsti, 1968, vol. 2, p. 596–692).

Что касается западноевропейских и других буржуазных исследователей содержания, то они шли вслед за американскими аналитиками и опирались на их опыт. Однако следует отметить наличие некоторых оригинальных методик качественно-количественного анализа содержания, разработанных ими (Ж. Кейзер, А. Моль). Говоря об определенных успехах в технике контент-анализа, достигнутых буржуазными исследователями, следует указать на слабость

теоретико-методологических позиций их работ, в которых господствует утилитарно-прагматический подход, игнорируется теория отражения, используются в качестве основы для интерпретации полученных результатов психоаналитические и бихевиористские теории личности со всеми присущими им недостатками.

В настоящее время контент-анализ применяется также и в социалистических странах Европы (Болгария, ГДР, Польша, ЧССР).

При этом исследователи обычно используют технику «классического» частотного контент-анализа. В то же время в Венгрии содержание текстов анализируется в русле имеющейся там социографической традиции. Опыт использования контент-анализа в странах социализма требует более пристального внимания советских исследователей.

В нашей стране еще в 1920-е годы советские исследователи применяли качественно-количественный анализ документов а разнообразных формах. Так, в социологических и журналистских целях исследовалось содержание советских газет, также писем читателей в редакцию (В.А. Кузьмичев, С. Б. Ингулов и др.). В частности, В.А. Кузьмичев провел тематический анализ 12 советских еженедельных газет, используя ту же группировку содержания, что и американский исследователь тех лет М. Уилли. Он выявил резкую разницу между содержанием советской и американской прессы, причем в советских газетах на первых местах оказались темы экономики и политики, а в американских — «журнальный» материал (рассказы, моды, кулинария и т. п.) и материалы об отдельных лицах (Кузьмичев, 1930, с. 37–38).

В психологических целях изучалось содержание газет, писем, политбесед, автобиографий, воспоминаний (И. Н. Шпильрейн, И. А. Рыбников, П. П. Блонский и др.). Особой тщательностью отличалось предпринятое в Институте экспериментальной психологии исследование, целью которого было изучить устный и письменный словарь красноармейца и словарь «политвоздейственной работы», а методом — «статистическое изучение зафиксированного текста» (Шпильрейн, Рейтынбарг, Нецкий, 1928).

Интересно использовал качественно-количественный анализ при изучении автобиографических сочинений Н. А. Рыбников, который сравнивал «субъективное описание времяпровождения» школьников с объективными данными их бюджета времени (Рыбников, 1930, с. 40–43).

Установление связей между анализируемым текстом и данными об авторах, а также о читателях характерно для советских исследователей 1920-х годов. Вообще выход за пределы изучаемого текста, осознанный как методологический принцип анализа содержания, является значительным достоинством их работ.

Однако методики качественно-количественного анализа содержания документов, применявшиеся в 1920-е годы, в целом нельзя назвать строгими. Таковыми они тогда еще и не могли быть в силу объективного положения в эмпирических социальных исследованиях, методология которых только начинала складываться. В дальнейшем, в 1930–1950-е годы, имели место лишь отдельные случаи качественно-количественного анализа документов.

С конца 1960-х годов в развитии качественно-количественного анализа содержания документов в нашей стране начинается новый этап, который отличается более единообразным и упорядоченным подходом, разработки на базе марксистской методологии общих обоснованных требований к данному методу. Этот этап начался с критического знакомства с зарубежными разновидностями контент-анализа и собственных опытов использования аналогичной техники.

Итогом методолого-методической и практической работы по контент-анализу, проведенной нашими исследователями в 1960-х годах, явился состоявшийся в 1970 г. в Новосибирске социологический семинар, по результатам которого был издан специальный сборник (Проблемы контент-анализа в социологии, 1970). В настоящее время опыт контент-анализа в нашей стране наиболее полно отражен в сборнике «Методологические и методические проблемы контент-анализа» (1973).

Отечественные публикации о социальных исследованиях с применением контент-анализа свидетельствует о том, что чаще всего анализируется содержание материалов массовой коммуникации (преимущественно газет). Нередко контент-анализ используется также в качестве метода обработки первичной информации, полученной другими методами (обычно это открытые вопросы анкет). Вместе с тем он пока практически не применяется для исследования личных документов и материалов межличностной коммуникации.

Если в начале контент-анализом у нас занимались почти исключительно социологи¹, то в 1970-х годах можно говорить о выраженной

1 Следует отметить, что определенная работа в области контент-анализа ведется с 1967 г. также на психологическом факультете ЛГУ (В. В. Бойко, Б. Д. Еремеев, В. Е. Семенов и др.).

тенденции к формированию этого метода как междисциплинарного (не случайно среди авторов указанных выше сборников по контент-анализу имеются представители психологии, истории, информатики и т. д.). Таким образом, в настоящее время происходит процесс становления отечественного строгого метода анализа содержания документов, который имеет междисциплинарный характер, что, однако, не снимает вопроса о специфике применения контент-анализа в разных науках, в том числе в социальной психологии.

***Методологические принципы контент-анализа
в социальной психологии***

Так как специфика любой науки прежде всего связана с ее предметом, а также с эмпирическими объектами исследований, то контент-анализ в социальной психологии в первую очередь должен применяться для изучения человеческого общения, коммуникаций и их субъектов как представителей определенных микро- и макрогрупп. При этом непосредственными объектами исследования являются документы, рассматриваемые как *сообщения*. Понятие «сообщение» является именно социально-психологическим, в нем акцентируется динамический характер объекта, его включенность в коммуникационную систему, что подразумевает зависимость сообщения от личностных и групповых особенностей коммуникатора и реципиента. Поэтому в методологическом аспекте для контент-анализа в социальной психологии важно рассматривать сообщение как элемент коммуникационной системы в его отношениях с другими элементами.

Как известно, существуют различные модели коммуникации, предложенные как зарубежными, так и советскими учеными (чаще всего применительно к массовой коммуникации). Однако они не совсем подходят для наших целей, и мы предлагаем собственную социально-психологическую модель коммуникации (рисунком 1).

При построении коммуникационной модели, а также при анализе сообщения как ее элемента необходимо исходить из принципов ленинской теории отражения. Следует помнить, что в конечном счете в основе сообщения лежит «субъективный образ объективного мира» (В. И. Ленин), т. е. отражение внешнего мира опосредуется внутренними условиями отражающего субъекта. Отсюда необходимо, чтобы в социально-психологической модели коммуникации учитывался не только коммуникатор (автор) сообщения с его социально-

психологическими особенностями, но и такой элемент, как объект сообщения (те или иные явления, факты действительности) в его специфичности (например, в гносеологическом плане). Следует также учитывать, что содержание сообщения как бы постоянно варьирует в зависимости от личностных и групповых особенностей или иного воспринимающего субъекта (реципиента). Важно учитывать и другие социально-психологические и социологические условия коммуникации (в частности ситуации создания и восприятия сообщений).

При рассмотрении социальной коммуникации, на наш взгляд, в целях полноты классификации, кроме традиционной межличностной (интерперсональной) и массовой (прежде всего, журналистской) коммуникаций, следует выделить внутриличностную (интраперсональную) и групповую (коллективную)¹ коммуникации. В качестве разновидностей массовой коммуникации особого рассмотрения требуют специальная (профессиональная, например литература и журналы для психологов) и эстетическая (эмоционально-образная, т. е. художественная литература и искусство) коммуникации.

Опираясь на приведенную выше модель коммуникации, а также учитывая опыт отечественных и зарубежных контент-аналитических исследований, можно наметить основной круг проблематики контент-анализа в социальной психологии (причем в содержании сообщений как бы отражены с разной степенью определенности все остальные элементы модели, опосредованные сознанием коммуникатора). Тогда основными областями применения контент-анализа в социально-психологических исследованиях будут:

- 1) изучение через содержание сообщений социально-психологических особенностей их создателей (коммуникаторов, авторов) как отдельных личностей, так и групп, в том числе скрытых (порой неосознаваемых) проявлений и тенденций, дающих о себе знать лишь кумулятивно, в потоке сообщений; одним из видов подобного изучения являются сравнительные исследования типов личности и ценностей в различных обществах и культурах;

1 Разновидность коммуникации, служащая для распространения местной информации, предназначенной большим локальным группам и вторичным коллективам (например, коллектив завода, жильцы большого дома и т. п.).

- 2) изучение реальных социально-психологических явлений (объекта, субстанции сообщений), которые отражены в содержании сообщений (в том числе явлений имевших место в прошлом, которые недоступны для исследования другими методами); особый интерес в этом плане представляет анализ произведений литературы и искусства, а также публицистики, при этом нельзя забывать о возможной субъективной трансформации объекта коммуникатором;
- 3) изучение через содержание (сообщений социально-психологической специфики различных *средств* коммуникации (антропологических, письменных, технических), а также особенностей форм и приемов организации содержания, в том числе пропагандистских;
- 4) изучение через содержание сообщений социально-психологических особенностей их *реципиентов* (адресатов, аудитории); это имеет смысл только тогда, когда известно, что коммуникатор (автор сообщения) достаточно верно представляет реципиента;
- 5) изучение через содержание сообщений (и ответных на них сообщений) социально-психологических аспектов воздействия (эффектов) коммуникации на реципиентов как представителей различных социальных микро- и макрогрупп, а также изучение успешности общения.

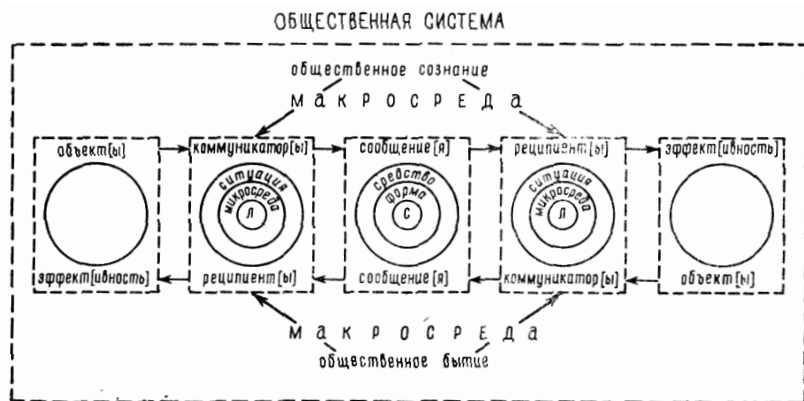

Рис. 1. Социально-психологическая модель коммуникации (Л — личность; С — содержание)

Кроме того, можно выделить виды применения контент-анализа во вспомогательных целях:

- б) для обработки и уточнения данных, полученных другими методами в социально-психологических исследованиях (обработка открытых вопросов анкет и интервью, «словесных портретов», данных прожективных методик и т. д.);
- 7) специальное — науковедческое — употребление для изучения научной литературы по социальной психологии (эволюция интересов ученых к различным проблемам в разное время, анализ цитирований и ссылок и т. д.).

Таким образом, для решения социально-психологических задач контент-анализ может применяться: а) как сугубо самостоятельный метод исследования содержания сообщений; б) в комплексе с иными методами, т. е. когда одновременно исследуется не только сообщение, но и другие звенья коммуникационной цепи; в) как вспомогательный метод обработки массивов данных, полученных другими методами.

Процесс и техника контент-аналитического исследования

Применение контент-анализа как основного метода в социально-психологическом исследовании накладывает отпечаток на весь исследовательский процесс. Ориентируясь на обобщенную программу и процедуру современного эмпирического социального исследования в процессе контент-анализа, можно выделить семь основных стадий.

1. Разработка программы контент-аналитического исследования.

При подготовке программы следует воспользоваться социально-психологической моделью коммуникации, которая поможет более четко определить задачи и объект анализа. С точки зрения общего принципа исследования анализа содержания условно можно разделить на дедуктивные, когда исследователя интересует проверка какой-то определенной гипотезы (или гипотез), и индуктивные, когда его интересует определенный тип сообщения и он старается охватить все элементы содержания, не имея отчетливых гипотез.

Не все документы могут стать объектом контент-анализа, необходимо, чтобы исследуемое содержание позволяло задать однозначные правила для надежного фиксирования нужных характеристик

(принцип формализуемости). Например, трудно или совсем невозможно формализовать описание лирического героя некоторых поэтических произведений. Необходимо также, чтобы интересующие элементы содержания встречались с достаточной частотой (принцип статистической значимости).

Критерием здесь может служить закон больших чисел. Поэтому материалом анализа могут быть не только большие совокупности однородных документов, например автобиографий или газетных статей, но и один документ, например личный дневник, имеющий, однако, достаточный объем.

2. *Определение эмпирических объектов исследования, выборка.* Данная проблема в контент-анализе решается, по сути, так же, как и в исследованиях, использующих другие методы (например, опросные). Однако при анализе документов имеются свои особенности формирования репрезентативной выборки. Так, в исследованиях материалов массовой коммуникации выборка осуществляется как бы на нескольких уровнях: а) отбор коммуникационных органов; б) выбор материалов за те или иные периоды времени; в) определение видов сообщений; г) тип выборки среди этих сообщений.

3. *Разработка методики контент-анализа.* Разрабатывая конкретную методику анализа содержания, необходимо постоянно ориентироваться на объект исследования, обращаться к образцам интересующих нас документов. При этом для полученных дедуктивным путем при разработке программы исследования понятий (категорий) отыскиваются их эмпирические соответствия, индикаторы (те или иные слова, суждения и т. п.). Нередко индуктивным способом, непосредственно знакомясь с материалами, служащими объектом анализа, удается получить новые категории или, наоборот, отбросить неудовлетворительные, расширить или ограничить задачи, короче, усовершенствовать программу исследования. В любом случае методика создается в постоянной работе с образцами отобранных документов.

В контент-аналитических исследованиях может использоваться множество разнообразнейших *категорий* (т. е. наиболее общих, ключевых понятий, соответствующих исследовательским задачам), которые подразделяются на подкатегории (более частные понятия) и обычно сопровождаются определенными, задаваемыми аналитиком классификационными признаками (скажем, категория «герой» журнальной публицистики может подразделяться на подкатегории

«герой реальный и вымышленный», а его признаками могут быть профессия, пол, семейное положение и т.д.). Естественно, что в социально-психологическом анализе содержания применяются категории, соответствующие проблематике и научному аппарату социальной психологии. Их можно упорядочить в зависимости от отношения к различным элементам модели коммуникации. Так, если мы изучаем посредством анализа содержания особенности того или иного коммуникатора, то соответствующими категориями могут быть: «предмет сообщения», «оценки» (которые коммуникатор дает этому предмету), «ценности» и «нормы» (которых он придерживается и которые пропагандирует), «референтные группы» (на которые он ориентируется) и т.д.

Используемые нами категории должны найти адекватное выражение на языке исследуемых документов. Таким их выражением являются *единицы анализа* (иногда их называют «единицами наблюдения»), которые соответственно делению категорий подразделяются на классификационные единицы разного уровня (упоминавшаяся категория «герой журнальной публицистики» преобразуется в операциональную единицу анализа: «персонаж, которому в конкретной публикации уделяется больше строк текста, чем любому другому персонажу», подкатегория «реальный герой» превращается в классификационную единицу первого порядка: «документальный персонаж, на реальность прообраза которого непосредственно указывается в тексте», признак «профессия» находит выражение в классификационных единицах второго порядка: слесарь, технолог, машинистка и т.д.).

В практике контент-анализа (прежде всего материалов массовой коммуникации) имеются наиболее употребительные, *стандартные* единицы анализа. К ним относятся: *слово* или «термин», «символ» (например, Г. Лассуэлл со своими сотрудниками во время Второй мировой войны проводил так называемый «символический анализ» мировой прессы, фиксируя частоту использования таких слов-символов, как «Англия», «Россия», «демократия», «фашизм», имена политических деятелей и т.д., а также благоприятное, неблагоприятное или нейтральное отношение к ним) (Lasswell, 1949); *суждение* или законченная мысль, эта единица широко применялась группой московских исследователей под руководством Б. А. Грушина для анализа содержания различных средств массовой коммуникации (см.: 47 пятниц — информационный бюллетень ИКСИ АН СССР, 1969,

Вып. 1, № 25); *тема* (в частности, в ходе анализа содержания «теле-новостей» Ленинградской студии телевидения, посвященных трудовым делам коллективов, регистрировались такие темы, как «выпуск новой продукции», «обязательства и планы на будущее», «выполнение планов и обязательств», «связь науки с производством» и т. д.) (Бойко, Семёнов, 1970, с. 71–76); *персонаж* или герой, класс персонажей, группа, коллектив (например, анализируя описания брака и любви в молодежных журналах (Семёнов, 1973, с. 164–171), а также исследуя русскую портретную живопись (там же), мы фиксировали социально-демографические и прочие характеристики персонажей); *автор* или выступающий (в том виде, как он называется в сообщении: так, внештатные авторы на страницах газет могут изучаться с точки зрения их социально-профессиональной принадлежности и пола на основании подписей под публикациями); целое сообщение или публикации (Алексеев, 1968, с. 63–75).

В одном контент-анализе нередко употребляются несколько единиц анализа или их система.

Так как единицы анализа сами по себе могут быть не всегда правильно истолкованы, то они рассматриваются на фоне более широких содержательных структур — *единиц контекста* (например, слово следует рассматривать в структуре предложения, персонаж — в рамках целого сообщения и т. п.).

В анализе содержания применяются также вспомогательные *единицы измерения*, при помощи которых измеряется количество пространства или времени в сообщениях, уделяемое тем или иным единицам анализа (например, страницы, строки, квадратные сантиметры — для печатных и письменных материалов, часы и минуты — для радио- и телевизионных передач). В целях измерения единиц анализа можно также использовать шкалирование.

Методика контент-анализа основное свое выражение должна обрести в так называемой «*инструкции кодировщику*», т. е. человеку, который будет собирать эмпирическую информацию, кодируя (регистрируя) заданные единицы анализа с их классификационными и измерительными единицами. Инструкция необходима даже в том случае, когда в качестве кодировщика выступает сам автор программы и методики исследования. В ней, насколько это возможно, точно и однозначно излагается весь алгоритм действий кодировщика, при этом даются операциональные определения единиц анализа, правила их кодирования, приводятся конкретные примеры из доку-

ментов, являющихся объектом исследования, оговаривается, как следует поступать в спорных случаях, и т. д.¹

4. *Проба (пилотаж) методики, проверка ее надежности.* На этой стадии исследования необходимо провести *пробный (пилотный)* контент-анализ, который обыкновенно выявляет имеющиеся недостатки методики. После доработки остается окончательно проверить *надежность* методики, т. е. испытать ее на *обоснованность* (соответствие задачам и теоретическим понятиям исследования) и *устойчивость* (воспроизводимость результатов).

Обоснованность (валидность) обычно проверяется при помощи компетентных судей (специалистов по проблематике данного исследования) или посредством получения аналогичных данных другими методами.

Устойчивость (нередко ее отождествляют с «надежностью» или «объективностью» анализа) определяется при помощи повторного кодирования тех же документов по единой инструкции тем же кодировщиком («устойчивость во времени») или кодированием одних и тех же документов разными кодировщиками по единой инструкции («устойчивость среди аналитиков»).

Если данные разных кодирований находятся в достаточном соответствии (например, расхождение не выше 5%, или коэффициент корреляции на уровне значимости 0,05), то можно считать, что методика позволяет получить устойчивые результаты. При этом для пилотажа мы можем взять случайным образом какую-то часть документов из нашей общей выборки (например, 30 или 50 единиц). Причины низких показателей устойчивости следует искать в качестве инструкции или в недостаточной умелости кодировщиков, или в трудностях формализации содержания, или в неадекватной обстановке работы кодировщиков, или в комбинации этих помех. Как и при любом наблюдении, кодировщики могут допускать следующие типы ошибок: а) неточность (искажение), б) просмотр (пропуск), в) обнаружение того, чего на самом деле нет («мираж») (Акофф, Эмери, 1974, с. 255–256). Поэтому всегда полезно помнить о простоте и экономичности методики анализа, что облегчает работу кодировщиков и повышает надежность результатов. Важное значение также имеет тренировка кодировщиков, осуществляемая автором методики. Бывают случаи, когда некоторые люди не подходят для работы по кодированию в контент-аналитическом исследовании, так как это требует боль-

1 Образцы инструкций см.: 47 пятниц. 1969. Вып. 5. № 30.

шого внимания, терпения и добросовестности. В отчетах и статьях о результатах анализа содержания необходимо приводить данные об устойчивости кодирования, причем на устойчивость следует проверять все единицы анализа (Семёнов, 1977).

5. *Сбор первичной эмпирической информации.* Если требуется проанализировать очень много материалов и процесс кодирования растягивается на недели, время от времени следует проводить выборочную проверку устойчивости получаемых данных (иногда весь процесс кодирования проводится параллельно двумя или большим числом кодировщиков). В зависимости от характера исследования, четкости его задач и гипотез регистрация единиц анализа может производиться или при помощи заранее выработанных макетов таблиц (в клетках которых отмечается появление определенных единиц), или перфокарт (а также особых карточек) (Вооглайд, 1972, с. 64–72; 47 пятниц, вып. 5), или специальных кодировальных матриц.

Если исследование имеет поисковый характер, когда приходится собирать избыточную первичную информацию, то уместнее всего использовать кодировальные матрицы (рисунок 2). Удобно, когда столбцы такой матрицы означают отдельные документы (сообщения), а строки — классификационные единицы соответствующих единицам анализа (перечень тем, персонажей и т. п.). Тогда в каж-

	1	2	3	...	n	Σ_n
A		+				
B	+					
C		+	+			
...						
n						
Σ_n						

Рис. 2. Кодировальная матрица для контент-анализа

дом столбце оказывается закодированным по интересующим нас признакам отдельное сообщение.

Кодировальная матрица может быть отдельным листом, если анализируемых сообщений классификационных единиц немного (например, не более ста) и может быть целой тетрадью таких матричных листов при большом количестве сообщений и единиц. При этом в матрице всегда должны оставаться запасные ряды для новых классификационных единиц, которые могут появиться в ходе продолжительного поискового анализа.

6. *Количественная обработка собранных данных.* Количественная обработка полученных в процессе кодирования данных (включая машинную обработку) осуществляется в принципе так же, как и в любом социально-психологическом исследовании.

Могут быть использованы частотные и процентные распределения, разнообразные коэффициенты корреляции и индексы, перекрестные таблицы и графы, статистические критерии проверки гипотез и т. д. Однако имеются и некоторые специальные формулы и способы, разработанные для нужд контент-анализа. Например, «коэффициент неустойчивости» Джаниса—Фаднера (Ядов, 1968, с. 178—179) или формула для измерения «удельного веса» определенного содержания, предложенная А. Н. Алексеевым (Алексеев, 1970, с. 41—47).

Весьма важными в контент-анализе являются способы подсчета совместной встречаемости (связанности, зависимости) различных элементов содержания в сообщениях. Начало разработки этих способов на базе общепсихологического принципа ассоциативности в функционировании человеческой психики было положено американским психологом А. Болдуином в 1942 г.

Однако его новаторский опыт нашел последователей лишь в конце 1950-х годов в лице известного психолога и психолингвиста Чарльза Осгуда и его сотрудников (Osgood, 1959, p. 33—38). По Ч. Осгуду, неслучайные зависимости элементов содержания в сообщениях свидетельствуют об определенных ассоциациях в мышлении коммуникатора, случайные — указывают на процессы диссоциации. Для нас в данном случае прежде всего важна техническая сторона методики анализа зависимости элементов содержания, предложенной Ч. Осгудом.

Процедура данной методики состоит в том, что в сообщениях (или в порциях какого-то текста) регистрируется наличие или отсутствие определенных, намеченных задачами исследования содер-

жения, затем подсчитывается совместная встречаемость этих единиц и определяется случайность или неслучайность их совместного появления. При этом анализируемые единицы фиксируются в матрице, подобно той, которую мы приводили выше, а на следующей стадии анализа рассчитывается квадратная матрица возможных и фактических совместных появлений единиц анализа (рисунок 3).

	A	B	C	...	n
A	—	0,08	0,24		
B	0,06	—	0,12		
C	0,36	0,02	—		
...				—	
n					—

Рис. 3. Матрица возможных и фактических совместных появлений единиц контент-анализа

Например, единица *A* встречается в 40% анализируемых сообщений ($P_A = 0,4$), а единица *B* — в 20% сообщений ($P_B = 0,2$), тогда можно ожидать, что по теореме умножения вероятностей совместно эти единицы появятся с вероятностью 0,08 ($P_{AB} = P_A \times P_B = 0,4 \times 0,2 = 0,08$).

Записываем это значение в соответствующую верхнюю от матричной диагонали клетку. Теперь смотрим, сколько раз совместно встречаются в сообщениях единицы *A* и *B* на самом деле. Оказывается, что они встречаются только в 6% сообщений ($F_{AB} = 0,06$). Записываем это число в соответствующую нижнюю от диагонали клетку. Таким же образом рассчитываем остальные вероятности и частотности совместного появления всех единиц анализа. Далее, сравнивая фактические и вероятностные величины, определяем, какие фактические зависимости оказываются неслучайными (например, на рисунке 3 видно, что совместное появление единиц *A* и *B* — случайно, так как фактическая величина ниже вероятностной, а еди-

ниц *A* и *C* — не случайно, так как фактическая величина превосходит вероятностную).

Затем можно рассчитать уровень значимости неслучайных зависимостей, выделить плеяды взаимосвязанных единиц и т. д.

Подобный анализ зависимостей различных единиц анализа может показать сознательные и неосознанные тенденции в «политике коммуникатора». Так, Ч. Осгуд с сотрудниками проанализировали беседы одного из американских радиокомментаторов, а затем построили модель его ассоциативной структуры, в которой, в частности, обнаружилась неожиданная взаимосвязь между такими понятиями, как «молодежь», «болезненные проявления», а также «общая консервативная тенденциозность».

Существуют и другие способы расчета совместной встречаемости элементов содержания, которые используются помимо нужд контент-анализа (Московичи, 1971, с. 116—119). Весьма удобным для измерения статистической связанности двух различных категорий (единиц) содержания является хорошо известный коэффициент ассоциации Юла (Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации, 1968, с. 156; Гаршис, 1973, с. 114). Здесь мы, однако, вступаем в область традиционного корреляционного анализа, который, как уже говорилось, вполне применим для обработки первичных данных в контент-анализе. Следует добавить, что первичная информация после стадии кодирования может представлять собой фиксацию только присутствия-отсутствия искомых единиц (частотный анализ) или регистрацию значений единиц по какой-либо шкале (чаще всего порядковой), что требует в дальнейшем и соответствующей статистической обработки.

7. Интерпретация полученных результатов, выводы. Как показала практика, чисто описательные исследования, имеющие дело только с результатами анализа содержания и не использующие достоверные данные о других элементах коммуникационной модели, не контролируемые эти элементы как переменные, слишком приблизительны и малопродуктивны. Это происходит как раз по причине невозможности сколько-нибудь обоснованной интерпретации данных. Так, большая «насыщенность» множества текстов некоторой темой может быть: а) свидетельством «давления» самой отображаемой реальности (густо насыщенной соответствующим явлением); б) выражением специфических интересов создателей текстов; в) ответом на активный запрос потребителей... Для того чтобы отнести неко-

тую характеристику содержания текстов (если не исключительно, то главным образом) за счет влияния одного из указанных блоков, необходимо либо найти другими методами соответствующую тенденцию в одном из этих блоков, либо найти соответствующую тенденцию, по крайней мере, в двух из этих блоков, и тогда придется признать ответственным за эту характеристику остающийся третий блок (Алексеев, Дудченко, 1972, с. 82).

Таким образом, уже разрабатывая программу контент-аналитического исследования, необходимо стремиться строить его по экспериментальному плану (Ядов, 1972, с. 73–74). Манипулируя элементами социально-психологической модели коммуникации по экспериментальному плану, мы можем посредством контент-анализа сделать выводы об этих элементах (о коммуникаторе, об объекте коммуникации и т. д.). Нельзя не согласиться с мнением, что без акцента на исследовательском проекте и умозаключениях анализ содержания в основном является только задачей применения дескрипторов, т. е. сведения многого к немногому в результате кодирования документов (Stone, 1966, р. 16). Однако простое переструктурирование и обобщение содержания, конечно, не могут удовлетворить исследователя. Контент-анализ в социальной психологии — это метод исследования документов, рассматриваемых как сообщения для изучения в социально-психологическом плане различных видов социальной коммуникации и их субъектов, а также отражаемой в сообщениях действительности посредством надежной регистрации и количественной обработки определенных единиц содержания.

В заключение следует сказать о связях контент-анализа с другими методами социально-психологического исследования. Особенно тесно он связан с наблюдением. Некоторые авторы даже отождествляют эти методы. Но специфика контент-анализа проявляется в том, что он имеет дело только с опосредованным отражением человеческого поведения, зафиксированным в виде каких-либо документов (письмо, печать, звуко- и видеозапись и т. д.), а не с «живыми» поступками и действиями, как это бывает при непосредственном наблюдении. Связь анализа содержания с такими методами, как биографический (Логинова, Семёнов, 1973, с. 104–106), прожективные тесты (например, ТАТ), опросы, обусловлена тем, что первичная информация в них предстает в виде более или менее произвольных текстов и образов (дневники, описания, рисунки, ответы на открытые вопросы и т. д.), т. е. документов в широком понимании. Поэтому

техника контент-анализа способна повысить эффективность указанных методов.

К достоинствам метода контент-анализа следует отнести: возможность избежать влияния исследователя на изучаемый объект (элиминировать «эффект присутствия») по сравнению, например, с опросными методами; достижимость высокой степени надежности получаемых данных (документы наиболее удобны для перепроверки); возможность исследования социально-психологических явлений в историческом плане посредством анализа документов прошлого; широкая доступность использования принципа лонгитюдного изучения (в том числе для целей прогнозирования).

Основным недостатком этого метода является значительная сложность и громоздкость процедуры и техники, необходимость высокой квалификации кодировщиков-аналитиков, что затрудняет его широкое распространение и делает менее оперативным по сравнению с другими методами.

Тем не менее следует отметить большое значение контент-анализа для прикладных и практических целей. Так, качественно-количественный анализ сообщений может быть использован в деятельности органов массовой коммуникации для повышения эффективности распространяемого ими содержания (в социально-психологическом аспекте).

В настоящее время для развития контент-анализа как метода социальной психологии в нашей стране актуальными задачами являются: во-первых, более широкое внедрение этого метода в исследовательскую практику социальных психологов (особенно в сфере изучения межличностной коммуникации и личных документов) и, во-вторых, более глубокая разработка и стандартизация его техники, в том числе создание программ контент-анализа для ЭВМ. Решение этих задач будет способствовать получению более содержательных и надежных результатов при изучении документов в социально-психологических исследованиях.

Глава IV

Методы опроса

К числу наиболее распространенных средств познания явлений общественной психологии относятся всевозможные опросы. Цель опроса состоит в получении информации об объективных и/или субъективных (мнения, настроения и т. п.) фактах со слов опрашиваемых.

Сбор первичной информации путем опросов стал практиковаться среди представителей общественных наук — социологов, этнографов, психологов и т. д. — еще в XIX в. Тогда же при переписях населения и различных статистических обследованиях начали применяться массовые опросы, охватывавшие сотни и тысячи людей. Большое значение опросам при изучении закономерностей общественной жизни придавали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, которые нередко прибегали к данным, полученным путем опросов.

Все разнообразие методов опроса, применяемых в социально-психологических исследованиях, можно свести к двум основным типам:

- 1) опрос «лицом к лицу» — интервью, проводимое специалистом-интервьюером по определенному плану;
- 2) заочный опрос — анкеты, предназначенные для самостоятельного заполнения и распространяемые исследователями по почте, через массовую печать, с помощью специальных людей-анкетеров и т. п.

Одним из первых использовал анкету в психологическом исследовании Ф. Гальтон с целью изучения происхождения умственных качеств и условий развития ученых. На вопросы его подробной анкеты ответили 100 крупнейших английских ученых. Полученные данные были проанализированы и изложены Гальтоном в монографии «Английские люди науки: их природа и воспитание» (1874). Пионерами

применения анкетного метода в психологии являлись также А. Бине во Франции и С. Холл в США, основные работы которых относятся к концу XIX—началу XX вв. А. Бине прибегал к анкетированию для исследования интеллекта детей, а С. Холл — для изучения психологических особенностей детского и юношеского возраста. В это же время анкетный опрос как метод психологических и педагогических исследований начинает применяться и в России.

Устный опрос является методом, традиционным для психологических исследований, и издавна используется психологами различных научных школ и направлений. Во всяком случае даже исследователи, старающиеся базировать свои выводы на экспериментальных данных, порой вынуждены в той или иной мере прибегать к получению дополнительной информации со слов испытуемых.

Решающим фактором, который в конечном счете определяет подлинную научность того или иного опроса, является позиция исследователя — его методология. Для марксистской социальной психологии особенно важны принципы исторического материализма, который является ее методологическим фундаментом. В своих социально-психологических исследованиях ученые-марксисты рассматривают явления общественной психологии в тесной связи с социально-экономическими условиями, с объективными факторами общественной жизни. Марксистская методология требует четкого разграничения социальных фактов как объективных общественных действий личности и фактов общественного или индивидуального сознания. Путем опросов можно получить информацию о фактах как первого, так и второго рода.

Однако опросам как методам сбора первичной информации свойственна и известная ограниченность. Их данные во многом основаны на самонаблюдении опрашиваемых. Эти данные нередко свидетельствуют, даже при условии полной искренности со стороны опрашиваемых, не столько об их подлинных мыслях и настроениях, сколько о том, какими они их изображают. В то же время существует множество таких сторон общественной психологии, изучение которых невозможно без использования опросов. Так, получение информации о мнениях, чувствах, мотивах, отношениях, интересах и т. п. чаще всего осуществляется посредством опросов в той или иной форме. При этом данные могут отражать явления, относящиеся не только к настоящему времени, но также к прошедшему и будущему. Безусловно, глубина и полнота ответов, их достовер-

ность зависят от умения опрашиваемого наблюдать за самим собой и адекватно излагать переживаемые процессы и явления.

Общепризнанная среди советских психологов точка зрения состоит в том, что данные самонаблюдения представляют собой важный материал для исследователя. При этом С.Л. Рубинштейн подчеркивает: «Высказывания субъекта — показания его самонаблюдения должны быть взяты не как совокупность положений, заключающих в себе готовую истину о субъекте, а как более или менее симптоматические проявления, истинная природа которых должна быть выявлена исследователями в результате их сопоставления с соответствующими объективными данными. Объективный анализ высказываний испытуемого приводит нередко к результатам, отличным или даже прямо противоположным их непосредственному содержанию» (Рубинштейн, 1959, с. 171).

Имеющийся опыт проведения социально-психологических исследований показывает, что опросы могут играть позитивную роль при условии сопоставления полученной информации с результатами анализа статистических данных, официальной и личной документации, материалов наблюдения. Необходимо только избегать абсолютизации методов опроса, применения их там, где нужны другие методы сбора первичной информации.

Случаи применения опросов

Область применения опросов в социально-психологических исследованиях довольно обширна.

1. На ранних стадиях исследования, в процессе работы по разведывательному плану используется только интервьюирование. С помощью данных интервью устанавливаются переменные, относящиеся к изучаемой проблеме, и выдвигаются рабочие гипотезы. При этом опрашиваются лишь компетентные лица, которые могут дать обстоятельную информацию по интересующим исследователя вопросам. Если в качестве основного метода сбора данных выбрана анкета, то интервью обычно применяется для предварительного испытания этого вопросника.
2. Опрос выступает как основное средство сбора первичной информации — для получения данных, позволяющих измерить взаимосвязь изучаемых переменных. При этом особое значение приобретают стандартизация методики опроса и определе-

ние достоверности полученной информации. Если программа исследования предусматривает экспериментальную процедуру, опрос может использоваться с целью выявления основных критериев экспериментальной и контрольной групп как до начала эксперимента, так и после его окончания.

3. Опрос служит для уточнения, расширения и контроля данных, полученных как другими методами, так и путем той или иной формы опроса. В последнем случае нередко материалы анкетирования дополняются данными интервью. При этом повторно опрашивается некоторая часть лиц, входящих в выборочную совокупность.

Виды интервью

Рассмотрим основные виды интервью, используемые в практике социально-психологических исследований.

В *стандартизированном* интервью формулировки вопросов и их последовательность определены заранее, они одинаковы для всех опрашиваемых. Интервьюеру не разрешается переформулировать какие-либо вопросы или вводить новые, а также изменять их порядок.

Методика *нестандартизированного* интервью, наоборот, характеризуется полной гибкостью и варьируется в широких пределах. Интервьюер, который руководствуется лишь общим планом интервью, имеет право сам в соответствии с конкретной ситуацией формулировать вопросы и изменять порядок пунктов плана.

Каждому из этих видов интервью присущи свои преимущества и недостатки (Массобу, Массобу, 1954, р. 451–455).

Преимущества стандартизированного интервью

- а) полученные данные более сравнимы друг с другом;
- б) оно является более надежным, т. е. результаты повторных интервью одной и той же группы опрашиваемых совпадают чаще;
- в) ошибки в формулировании вопросов сведены до минимума;
- г) оно с успехом может быть использовано даже интервьюером с высокой квалификацией.

Недостатки стандартизированного интервью

Возможность ошибок вследствие неоднозначного понимания разными людьми тех или иных слов в вопросах; несколько «формальный» характер опроса, затрудняющий хороший контакт между интер-

вьюером и опрашиваемым, а также не допускающий дополнительных вопросов.

Преимущества нестандартизированного интервью

- а) возможность стандартизации смысла вопросов, а не других внешних и поверхностных аспектов, как это иногда случается в стандартизированном интервью; поэтому предпочтительнее, по мнению сторонников нестандартизированного интервью, использовать слова, имеющие эквивалентные значения для различных опрашиваемых, даже если эти слова не являются объективно идентичными (заметим, что в данном случае возникают дополнительные трудности распознавания тех людей, для которых необходимо менять некоторые термины в опросах);
- б) оно является более обоснованным, так как по форме сближается к обычной беседе и вызывает более естественные ответы;
- в) гибкость позволяет приспособливать его к той или иной индивидуальной ситуации;
- г) возможность получения более глубокой информации.

Основной недостаток нестандартизированного интервью состоит в том, что порой трудно сопоставить полученные данные вследствие вариаций либо даже ошибок в формулировках вопросов и их последовательности.

Многими достоинствами двух указанных видов личного опроса обладает *полустандартизированное, или «фокусированное», интервью*, в котором используется так называемый «путеводитель» интервью с перечнем как строго необходимых, так и возможных вопросов.

При этом основные вопросы должны быть заданы каждому опрашиваемому. Необязательные вопросы (подвопросы) используются или исключаются интервьюером в зависимости от ответов опрашиваемого на основные вопросы. Эта методика дает интервьюеру возможность различных вариаций в пределах рамок «путеводителя». В то же время полученные таким образом данные в большой степени сопоставимы.

Выбор исследователем того или иного вида интервью зависит от уровня изученности проблематики, целей исследований и его программы в целом. Так, например, невозможно составить удовлетворительные вопросы для стандартизированного или полустандартизированного интервью, если нет ясного представления об основных

границах, в пределах которых находятся возможные ответы. Лишь после проведения нескольких десятков интервью можно будет основанно перейти к определению наиболее целесообразной формы вопросов и их последовательности.

Применение стандартизированного интервью целесообразно в том случае, когда необходимо опросить большое количество людей (несколько сотен или тысяч) и затем подвергнуть полученные данные статистической обработке. Этот вид интервью часто используется в качестве основного метода сбора первичной информации, например при изучении общественного мнения.

Нестандартизированное интервью, наоборот, очень редко применяется как основное средство сбора данных. Но зато на ранних стадиях исследования, когда необходимо предварительное знакомство с изучаемой проблематикой, иначе говоря, разведка, без нестандартизированного интервью не обойтись. Этот вид интервью нередко используется и с целью дополнения и контроля данных, собранных другими методами.

Полустандартизированное интервью одинаково часто применяется как в качестве основного средства получения первичной информации, так и для того, чтобы только проконтролировать материалы, собранные другим путем.

Этапы построения вопросника

Какой бы метод опроса ни использовался, всегда необходимо руководствоваться определенным планом или вопросником (исключением в этом смысле является лишь ненаправленное интервью)¹. Вопросник может иметь разную степень структурности в зависимости от метода опроса. Степень структурности вопросника варьируется в широких пределах от «свободного» интервью до жестко стандар-

1 В этом случае интервьюер сообщает опрашиваемому о проблематике исследования и позволяет ему самому выбрать тему разговора. Задача интервьюера — следовать за ходом мыслей опрашиваемого, делая лишь необходимые замечания, чтобы позволить ему полнее высказаться. Таким образом, опрашиваемому предоставлена возможность концентрировать свое внимание на любых аспектах исследуемой проблемы, которые являются наиболее важными для него. Пока опрашиваемый продолжает говорить, со стороны интервьюера не делается никаких попыток изменить тему. Интервьюер может задавать вопросы, но не в заранее предписанной форме.

тизированного вопросника с разработанными заранее вариантами ответов.

План нестандартизированного интервью представляет собой перечень ряда пунктов или основных (первичных) вопросов. Это вопросы, вводящие новую тему. Кроме них, задаются зондирующие (или вторичные) вопросы, которые предназначены для того, чтобы расширить или уточнить информацию, полученную в ответ на основной вопрос. Зондирующие (а нередко и первичные) вопросы в ходе нестандартизированного интервью формулируются самим интервьюером.

Полная противоположность данному виду интервью — стандартизированное, план которого — это детально разработанный вопросник, имеющий сугубо структурную форму. Здесь план интервью по существу мало отличается от перечня вопросов анкеты.

Правила составления вопросов для интервью и заочной анкеты во многом являются общими. Однако специфика формы опроса — личное взаимодействие участников интервью или заполнение анкеты самим опрашиваемым, — конечно, должно учитываться при построении вопросника. Эта специфика может обуславливать форму и содержание вопросов, их последовательность.

Отметим ниже основные этапы работы исследователя по построению вопросника для стандартизированного интервью или анкеты:

- 1) определение характера информации, которую необходимо получить;
- 2) составление приблизительного ряда вопросов, которые должны быть заданы;
- 3) составление первого плана вопросника;
- 4) предварительная проверка этого плана путем пробного интервьюирования;
- 5) исправление вопросника (если исправления существенны, необходима еще одна пробная проверка) и его окончательное редактирование.

Необходимость точно следовать этим этапам зависит от намеченной степени стандартизации вопросника. Так, при использовании нестандартизированного интервью часто нет необходимости в пробном интервьюировании. В других видах интервью пробное интервьюирование может играть важную роль для повышения надежности опроса. Короче говоря, чем более стандартизируется ин-

тервью, тем обязательнее тщательная отработка опросника. Составление вопросника для анкеты требует обязательного следования всем указанным выше пунктам.

Содержание вопросов

Широко разнообразные по содержанию вопросы, используемые в интервью и анкетах, можно разделить на несколько типов.

1. Вопросы, выявляющие фактическую информацию о личности и социальном положении опрашиваемого. Это вопросы о возрасте, образовании, профессии, заработной плате и т. п. Они являются чрезвычайно важными, так как ответы на них позволяют классифицировать опрашиваемых по различным категориям, исходя из возраста, уровня образования, характера профессии и т. п. Вопросы такого типа нередко воспринимаются опрашиваемыми как сугубо личные. Вот почему в интервью большинство этих вопросов задается, как правило, в самом конце, когда между интервьюером и опрашиваемым уже установлен определенный контакт. При заочном опросе такие вопросы заключают анкету.
2. Вопросы, выявляющие факты поведения в прошлом или настоящем. Здесь имеются в виду вопросы о тех или иных действиях как самого опрашиваемого, так и других лиц. Полученная при этом информация должна быть оценена с точки зрения ее достоверности. Нелишне задаться следующими вопросами. Каким образом опрашиваемый узнал о том или ином факте — путем личного, непосредственного наблюдения, на основе умозаключения или со слов других, окружающих его людей? Насколько точно помнит опрашиваемый об этом факте? Какие мотивы могут побуждать опрашиваемого говорить о данном факте? Нередко оценку достоверности такой информации необходимо делать сразу же в процессе интервью. С этой целью используются контрольные вопросы, применяемые и в анкетах.
3. Вопросы, выявляющие мнения о фактах, отношениях, мотивы и нормы поведения. Получение достоверной информации в ответ на эти вопросы является наиболее трудным делом. Ни для кого не секрет, что возможно существенное различие между ответом опрашиваемого на вопрос, что он сделал бы в такой-то ситуации, и его действительным поведением. Встречаясь с вопросами подобного типа, опрашиваемые чаще, чем в предыдущих случаях,

проявляют неискренность или уклоняются от ответов. Последнее может происходить также и по той причине, что эти вопросы в общем труднее для понимания, нежели вопросы, направленные на выявление фактов.

Даже в том случае, если человек отвечает совершенно искренне, содержание ответа может оказаться недостоверным. Люди далеко не всегда отчетливо осознают все свои отношения и настроения. Так, Б.А. Грушин, рассказывая об опыте работы института общественного мнения «Комсомольской правды», отмечает явление «неумышленного (неосознанного) отклонения мнения высказываемого от мнения действительного, а субъективного мнения от объективной картины, отклонения, порожденного не желанием сказать правду, а, к примеру, неумением ее понять или выразить» (Грушин, 1965, с. 96).

Здесь многое будет зависеть от предусмотрительности исследователя, составляющего вопросник, и мастерства интервьюера. При этом с целью получения более достоверной информации используются различные косвенные приемы (см. ниже).

Высказывая мнения о фактах, опрашиваемые обычно стремятся сделать ответы социально приемлемыми, исходя из своего понимания общественных норм и ценностей. Ярким подтверждением этого является случай, о котором рассказывает польский социолог К. Жигульский: «В одной из стран Азии был применен вопросник, проведенный исследователями-социологами в условиях Европы и Америки. В целях определения путей социального продвижения молодого поколения в данной стране коллективом социологов был задан вопрос: как ты думаешь: достиг ли в своей жизни более высоких профессиональных успехов, нежели твой отец? Ответы в большинстве случаев были неожиданно похожими, и, вопреки известным фактам профессионального роста, связанного с индустриализацией, урбанизацией, возрастанием народного дохода, жизненного уровня и т. д., многие утверждали, что не достигли в своей жизни большего по сравнению со своими отцами. Оказалось, что глубоко укоренившийся обычай в данной стране не позволяет заявлять перед посторонними об успехах, превышающих успех отца, независимо от фактического положения вещей. Такой ответ рассматривался бы как недостойный, нарушающий основную заповедь — беречь честь родителей» (Жигульский, 1969, с. 490).

Проблема достоверности информации, получаемой в ответ на вопросы о мнениях и мотивах, должна постоянно находиться в поле зрения исследователей. Эта информация нуждается в строгом контроле.

4. Вопросы, выявляющие интенсивность мнений и отношений. Иногда одной из задач исследования является оценка интенсивности того или иного мнения опрашиваемых.

Э. Кэнтрил отмечает следующие способы измерения интенсивности, используемые при изучении общественного мнения посредством интервью (Cantlrlil, 1947, p. 51–52):

- 1) оценка интервьюером глубины чувства опрашиваемого по интонации его ответов, репликам, мимике;
- 2) самооценка опрашиваемого относительно того, является ли его мнение сильным или слабым;
- 3) самооценка опрашиваемого по «графическому термометру» (т. е. по специальной шкале, которая позволяет измерять «температуру» отношения: чем выше эта «температура», тем сильнее выражение данного отношения).

Выбор того или иного способа оценки интенсивности мнения зависит как от специфики вопроса, так и от степени опытности интервьюера.

Правила формулирования вопросов

Содержание вопросов обусловлено программой исследования. При этом важно, чтобы исследователь (или интервьюер) был уверен, что опрашиваемые поймут его вопросы именно так, как это требуют задачи исследования.

При формулировании вопросов рекомендуется учитывать следующее:

1. Каждый вопрос должен быть логически отдельным. Например, не следует ставить вопрос так: «Какие права необходимо расширить тем общественным формам управления производством, которые, по вашему мнению, наиболее важны для предприятия?» Его надо разделить на два вопроса:
 - а) «Какие общественные формы управления производством наиболее важны, по вашему мнению, для предприятия?»;

- б) «Какие права, на ваш взгляд, необходимо расширить этим общественным формам управления производством?».
2. Следует избегать малораспространенных иностранных узко-специальных терминов и слов с двойным значением, на первый взгляд, это правило кажется само собой разумеющимся. Однако на практике его нередко забывают, и тогда формулируются вопросы, понятные далеко не всем. Например: «В какой библиотеке вы абонированы?».
 3. Нельзя задавать слишком длинных вопросов. Особенно это касается интервью, так как опрашиваемый может не запомнить всего вопроса и ответить только на его часть или же вообще отказать от ответа.
 4. Если опрос касается предмета, с которым опрашиваемый недостаточно знаком или о котором он не имеет необходимого запаса специальных терминов, иногда желательно сделать предисловие к соответствующим вопросам. (Это более осуществимо в интервью.) Такое предисловие может включать соответствующее пояснение или пример. Тогда вопросы сами по себе будут оставаться краткими.
 5. Каждый вопрос должен быть конкретным, насколько это возможно. Часто предпочтительнее касаться отдельных случаев, а не каких-либо обобщений. Так, вряд ли принесет большую пользу исследователю вопрос: «На чем обычно основано ваше решение посмотреть тот или иной фильм?». Ведь один и тот же человек в одном случае смотрит данный фильм, потому что ему посоветовали знакомые, в другом случае — потому что ему нравится роман, по которому фильм поставлен, в третьем случае — привлекло участие любимого актера и т. д. Лучше всего спрашивать о каком-то определенном фильме. (Естественно, что здесь нельзя ограничиваться одним-двумя вопросами подобного рода.)
 6. Следует либо подробно указывать все возможные варианты ответа, которые опрашиваемому необходимо иметь в виду, либо не указывать ни одного. Например, неправильно был бы сформулирован вопрос: «Из каких источников вы узнаете о важнейших политических событиях в жизни страны и за рубежом: из газет или по радио?». В этом случае не учитывается, что возможны и другие источники информации: телевидение, журналы, собрания общественных организаций, другие люди и т. д.

Рекомендуется также уравнивать число возможных вариантов ответов «за» и «против», так как их перевес с той или другой стороны может повлиять на ответ. Пример: «Как вы считаете, оказывает ли работа в студенческих строительных отрядах какое-либо воспитательное влияние на будущего специалиста?»:

- а) конечно, оказывает влияние;
- б) пожалуй, оказывает влияние;
- в) пожалуй, не оказывает влияния;
- г) конечно, не оказывает влияния;
- д) не думал над этим¹.

Как видим, количество положительных суждений соответствует количеству отрицательных.

7. Необходимо предлагать опрашиваемому только такие варианты ответов, каждый из которых может быть приемлем в равной степени. Опрашиваемый не должен считать, что выбор того или иного варианта означал бы потерю его престижа. Известно, например, что иногда причиной поступления юношей и девушек в профессионально-технические училища является затруднительное материальное положение в их семьях. Однако вопрос о материальном положении, сформулированный прямо «в лоб», мог бы вызвать смущение опрашиваемых или даже отрицательное отношение к интервьюеру. В этом случае мы считали возможным говорить каждому опрашиваемому примерно следующее:

«Я знаю, что многие юноши и девушки поступают в училища, потому что им надо поскорее овладеть специальностью и помогать семье. Встретились ли вы с такой же необходимостью или же вы могли и дальше учиться в школе?». Обратите внимание на слово «многие», которое здесь употреблено, хотя на самом деле затруднительное материальное положение отнюдь не является основным мотивом поступления в профессионально-технические училища. Данная формулировка вопроса была необходима, чтобы юноша или девушка, вынужденные скорее приобрести рабочую специальность из-за материальных трудностей, не чувствовали себя в ущемленном меньшинстве и отвечали вполне искренне.

1 Этот пример, а также большинство других, приводимых здесь, взяты из анкет, разработанных на кафедре и в лаборатории социальной психологии Ленинградского университета (под руководством Е. С. Кузьмина).

8. Нужно формулировать вопрос таким образом, чтобы избегать стереотипных, шаблонных ответов. Так, Л. Н. Коган рекомендует для этого ставить опрашиваемого в ту или иную воображаемую (игровую) ситуацию, которая требует обдуманного выбора (см.: Коган, 1970, с. 127–128). Он приводит следующий пример. При выявлении читательских интересов вопрос «Кто ваш любимый писатель?» побуждает опрашиваемых к стереотипным ответам. Поэтому опрашиваемого просили представить, что он выиграл в книжной лотерее, и ему предлагают на выбор 20 книг разных писателей при условии, что ни одной из них у него дома нет. Но «сумма выигрыша такова, что опрашиваемый может взять только три из указанных 20 книг. Есть все основания полагать, что такая проблематичная ситуация вызывает более обдуманный ответ.
9. Следует остерегаться включения в вопрос слов, которые сами по себе могут вызвать негативное отношение опрашиваемых. Так, в одной анкете, обращенной к студенческой молодежи, стоял вопрос: «Какое из мероприятий, проведенных вашей комсомольской организацией в минувшем году, вам больше всего понравилось?». Многие опрашиваемые, увидев слово «мероприятие», отказались под различными предлогами отвечать на анкету. Это слово ассоциировалось у студентов с формальными «мероприятиями», проводимыми в институте лишь «для галочки», и в итоге вызвало негативное отношение ко всему опросу. Замена одного лишь слова дала возможность успешно провести исследование (см.: Васильев, Кулагин, Чупров, 1967, с. 22).
10. Вопрос не должен иметь внушающего характера. Совершенно не допустимы такие формы: «Не согласны ли вы с тем, что ...», «Не считаете ли вы ...», «Не кажется ли вам ...» и т. д.

В итоге можно сделать вывод о том, что та или иная формулировка вопроса зависит от цели и предмета исследования, используемого метода опроса и социально-демографических характеристик опрашиваемых.

Открытые и закрытые вопросы

Все вопросы, используемые в интервью и анкетах, можно разделить на открытые (неструктурные) и закрытые (структурные). Первые не дают опрашиваемому никакого руководства ни в отношении

формы, ни в отношении содержания его ответов; вторые предлагают делать выбор лишь из числа указанных вариантов ответа. При этом любая стандартизация возможных ответов должна исчерпывать объем вопроса, включая, согласно смыслу, позитивные и негативные варианты ответов и ответы типа «не знаю», «затрудняюсь сказать».

Вот пример открытого вопроса: «Если мастер отдает рабочему распоряжение, с которым тот не согласен, то как нужно поступить рабочему, по вашему мнению?».

Этот же самый вопрос примет закрытую форму, если добавить к нему ряд возможных вариантов ответа:

- а) беспрекословно выполнить приказ;
- б) обязательно высказать свою точку зрения, не выполняя приказа;
- в) это зависит от его отношений с мастером;
- г) не спорить с мастером, но постараться сделать по-своему;
- д) выполнить приказ, но пожаловаться вышестоящему руководителю;
- е) не знаю.

Возможные варианты ответа порой предъявляются опрашиваемому в интервью на отдельных карточках (это особенно целесообразно, когда число вариантов более двух-трех). Если интервьюер перечисляет их устно, опрашиваемые не всегда смогут удержать в памяти все варианты, что приведет к случайным ответам.

Все закрытые вопросы можно подразделить на:

- 1) вопросы дихотомические.
- 2) вопросы с множественным выбором.

Дихотомический вопрос включает в себя два противоречащих друг другу варианта ответа. Например: «Как вы считаете, соответствует или не соответствует эта работа вашим физическим способностям?». Отвечая на вопрос такого рода, опрашиваемый должен говорить «да» или «нет», соглашаться, с чем-либо или не соглашаться. Конечно, здесь всегда возможен и ответ: «Не могу сказать».

Дихотомические вопросы позволяют четко определить мнение опрашиваемых по поводу явлений, требующих безоговорочного одобрения или неодобрения. Однако это неизбежно приводит к потере различных градаций отношений. Дихотомические вопросы наиболее удобны для табулирования и статистической обработки.

В вопросе с *множественным выбором* опрашиваемому предлагается серия возможных вариантов ответа. Так, варианты ответа на вопрос: «Как вы считаете, соответствует или не соответствует эта работа вашим физическим способностям?» — могут быть следующие:

- а) полностью соответствует;
- б) большей частью соответствует;
- в) большей частью не соответствует;
- г) совершенно не соответствует;
- д) не могу сказать.

Этот вопрос составлен по принципу оценочной шкалы. Преимущество таких вопросов в том, что они позволяют более точно, чем дихотомические вопросы, определить мнение. Однако, как показывают наши исследования, здесь у опрашиваемых порой появляется тенденция избегать выражения крайних точек зрения (см.: Свенцицкий, 1966, с. 117–119).

Вопрос с *множественным выбором* может быть составлен таким образом, что опрашиваемый вправе указать не один, а несколько вариантов ответа. Например: «Какие перемены необходимы в вашей работе, чтобы она доставляла вам большее удовлетворение?»:

- а) повышение уровня механизации труда;
- б) улучшение отношений в коллективе (бригаде, цехе);
- в) увеличение возможностей повысить квалификацию;
- г) увеличение возможностей полнее применить свои знания и умения;
- д) улучшение отношений с мастером;
- е) совершенствование санитарно-гигиенических условий труда (температура, воздух и т.д.);
- ж) улучшение организации труда;
- з) улучшение отношений с администрацией (цеха, предприятия);
- и) улучшение техники безопасности;
- к) улучшение технологического оборудования.

Отвечая на этот вопрос, можно выбрать от одного до десяти вариантов ответа. В некоторых редких случаях число выборов искусственно ограничивается для опрашиваемого.

Полученные нами данные говорят о том, что та или иная последовательность предложенных вариантов ответа оказывает заметное влияние на их выбор опрашиваемыми. Варианты, стоящие в начале

предложенного перечня, по сравнению с теми же суждениями, но помещенными в конце, получали в среднем на 4,5% больше «голосов».

В целях нейтрализации такого явления рекомендуется предъявлять половине опрашиваемых один порядок последовательности возможных ответов, а другой половине (идентичной) — другой порядок. Влияния последовательности предложенных ответов легче избежать в интервью, нежели в анкете, так как при интервьюировании можно предъявлять опрашиваемому целый набор карточек, на каждой из которых указан лишь один ответ.

Эти карточки перемешиваются перед каждым интервью.

Главное преимущество закрытых вопросов — единообразие ответов, легко поддающихся ручной и особенно машинной обработке. Однако опрашиваемый может указать на тот или иной ответ, не вникая в его смысл. Подтверждением этого является следующий пример. Комиссия по научно-фантастической литературе Союза писателей Азербайджана провела в 1967 г. опрос с целью выяснить, как читатели оценивают современную фантастику. Они должны были высказать свою точку зрения по поводу ряда произведений этого жанра, названных в анкете. В данный перечень входила также несуществующая книга несуществующего автора. В результате 10 процентов (!) из 600 опрошенных указали, что они «читали» эту книгу, причем некоторым она «особенно понравилась», а некоторым «особенно не понравилась». Таким образом, процент необдуманных ответов на закрытый вопрос может быть весьма значительным, искажая действительное положение вещей.

Некоторые исследователи отмечают, что закрытые вопросы иногда вызывают чувство раздражения у опрашиваемого в процессе интервью. Человек может полагать, что ни один из вариантов ответа не представляет полностью его мнения со всеми оттенками, которые ему хотелось бы выразить.

Открытые вопросы в интервью часто выглядят более естественными, что позволяет создавать благоприятную атмосферу для интервьюирования. Другое достоинство открытых вопросов состоит в возможности получения более обдуманных ответов, однако и тогда они могут оказаться неполными вследствие забывания опрашиваемым каких-либо фактов или своих мнений и чувств, относящихся к прошлому.

Во многих интервью и анкетах используются одновременно и открытые, и закрытые вопросы. Выбор между ними зависит от целей

исследования, времени и средств, имеющихся в распоряжении, и самое главное — от уровня знания исследователем тех социально-психологических явлений, которые он должен изучить. Так, если проблема мало изучена, рекомендуется обратиться к открытым вопросам для последующей стандартизации на втором этапе работы.

Как правило, открытые вопросы чаще применяются в интервью, нежели в анкете, потому что людям обычно легче рассказать о чем-либо, чем изложить это в письменной форме.

Косвенные приемы получения информации

Многие люди хотят обсуждать в интервью дискуссионные вопросы или отвечать на них в анкете, давать о себе информацию слишком личного характера, выражать свои отношения, зная, что они могут не одобряться. Поэтому ответы на вопросы, заданные в прямой форме, порой свидетельствуют о том, что опрашиваемые находят приемлемым сказать в данной ситуации, а не о том, что они думают на самом деле. Кроме того, далеко не все аспекты личного отношения опрашиваемого к какому-либо явлению всецело им осознаются. Нередко опрашиваемый затрудняется при самостоятельном анализе своих установок, желаний, настроений, мнений. В подобных случаях исследователю могут помочь косвенные приемы получения информации, т. е. такие, истинные цели которых замаскированы для опрашиваемого.

При этом часто используется сочетание *прямого и косвенного вопросов*. Так, если вопрос «Устраивает ли вас ваша теперешняя работа?» является прямым — однозначным в понимании его смысла опрашиваемым и исследователем, то ответы на косвенные вопросы той же анкеты воспринимаются ими по-разному. Для исследователя вопросы: «Хотели бы вы перейти на другую работу?», «Предположим, что по каким-то причинам вы временно не работаете. Вернулись бы вы на свое прежнее место работы?» — интересны прежде всего в плане выяснения степени удовлетворенности опрашиваемого своей работой, для опрашиваемого они могут значить только то, о чем идет речь в вопросе¹. Таким образом, не формулировка вопроса сама по себе, а лишь характер интерпретации ответа позволяет называть тот

1 Вопросы из анкеты, разработанной коллективом лаборатории социологических исследований Ленинградского университета см.: Человек и его работа (социологическое исследование). 1967. С. 73—75.

или иной вопрос прямым или косвенным. В этом же исследовании при определении степени удовлетворенности работой посредством контрольного интервью учитывались также ответы на другие прямые вопросы, которые в данном отношении выступали в роли косвенных. Например, вопросы о мотивах учебы рабочего или его планах на будущее (Свенцицкий, 1965, с. 41–42).

Разновидностью косвенных приемов являются *безличные вопросы*. Например, при выяснении отношения опрашиваемых к условиям их труда далеко не всегда целесообразно задавать вопрос в такой форме: «Лично вы удовлетворены или не удовлетворены условиями труда в вашем цехе?». Такой слишком прямой и личный вопрос может смутить опрашиваемого, вызвать у него нежелание отвечать искренне. Поэтому рекомендуется задавать вопрос в безличной форме: «Удовлетворительные или неудовлетворительные условия труда в вашем цехе?». Данный вопрос внешне не касается отношения самого опрашиваемого к условиям труда, однако при ответе он нередко выражает именно свою точку зрения. С другой стороны, безличный вопрос имеет и ограничения, поскольку опрашиваемый может давать ответ не о собственной точке зрения, а лишь о мнениях других людей или о том, чего требует, на его взгляд, объективная реальность.

В числе косвенных приемов получения информации можно также отметить проективные вопросы. В них речь идет не о самом опрашиваемом, а о каком-то другом воображаемом человеке или группе лиц. Например: «Как вы считаете, что сделал бы рабочий, если бы мастер незаслуженно накричал на него?». Иногда проективный вопрос представляет собой более детально описанную ситуацию с вымышленной личностью и у опрашиваемого выясняется, что будет делать или чувствовать эта воображаемая личность.

Некоторые западные психологи полагают, что при ответе опрашиваемый поставит себя на место лица, упоминаемого в вопросе, и таким образом выразит свое собственное отношение, проявит такие черты, которые он, отвечая на прямой вопрос, мог бы исказить и подвергнуть цензуре. Однако интерпретация ответов на проективные вопросы вызывает большие трудности. В ряде случаев они действительно отражают собственное отношение опрашиваемых, но часто этого не случается.

Проверка эффективности проективных вопросов проведенная нами, показывает, что они дают информацию, которая может найти использование при контроле ответов на прямые вопросы. Но в це-

лом ответы на проективные вопросы менее определенны, чем ответы на прямые вопросы, опрашиваемые чаще отвечают «Не знаю», при интервьюировании в их ответах случаются различные оговорки, ведущие к противоречиям. Однако при этом нельзя не согласиться с К. К. Платоновым, считающим, что результатом интервью «является не только содержание формально получаемых ответов, но и их „подтекстов“ — недоговорок, а иногда и обмолвок, которым излишне большое значение придают психоаналитики, но полностью игнорировать которые — это значит упускать подчас очень ценный материал» (Личность и труд, 1965, с. 57–58). Таким образом, очевидна необходимость дальнейшего исследования возможностей проективных вопросов. Их использование в интервью, по-видимому, более эффективно, чем в анкете, поскольку может дополняться наблюдением за опрашиваемым.

С целью диагностики отношений в интервью применяются также информационные тесты. Использование этих тестов основано на предположении о том, что количество и характер информации, которыми располагает человек по поводу какого-нибудь предмета или явления, находятся в прямой зависимости от отношения этого человека к данному предмету или явлению. Иначе говоря, вместо того чтобы задавать прямые вопросы, выясняющие отношение к каким-либо фактам, иногда уместнее получить от опрашиваемого лишь описание данных фактов и уже на основе самой словесной ткани ответа делать выводы об отношениях опрашиваемого.

Существует большое количество косвенных приемов получения информации, которые используются западными психологами и социологами. Интерпретация данных при этом часто производится в духе психоаналитических концепций. Тем не менее косвенные приемы нельзя оставлять без внимания. Изучение их обоснованности является важной методической задачей при использовании опросов.

Последовательность вопросов

Разработанные исследователями правила, касающиеся порядка расположения вопросов, относятся к методу интервью в значительно большей степени, чем к заочному анкетированию. Человек, получивший анкету, почти всегда просматривает ее всю, от начала до конца, и только потом принимается за ответы. При интервьюировании, напротив, возможен эффект неожиданности вопроса (часто весьма необходимый).

Интервью — это процесс социально-психологического взаимодействия, имеющий свои фазы развития. Поэтому к вопросам, стоящим в начале интервью, предъявляются одни требования, к вопросам, стоящим в середине, — другие, к заключительным вопросам — третьи. Порядок вопросов в интервью должен способствовать установлению и последующему укреплению контакта между интервьюером и опрашиваемым. Некоторые вопросы вводятся в план интервью специально с этой целью, хотя они могут и не иметь прямого отношения к теме исследования.

В. Гуд и П. Хэтт, авторы известного на Западе учебника «Методы социального исследования», считают, что последовательность вопросов интервью должна отвечать указанным требованиям (Goode, 1952, p. 136–138):

1. По мере развития опроса интерес опрашиваемого должен расти. Необходимо, чтобы первый вопрос по возможности приковывал внимание, заинтересовывал опрашиваемого, но не был дискуссионным. В противном случае процент лиц, отказывающихся отвечать, гораздо больше, чем тогда, когда дискуссионный вопрос поставлен в середине интервью.
2. Более сложные вопросы должны следовать за более простыми. Чем далее опрашиваемый вовлекается в интервью, тем труднее ему отказаться от продолжения ответов на вопросы. Поэтому, если некоторые вопросы требуют размышления, их не рекомендуется ставить слишком рано. Но они не должны идти и слишком поздно, ибо опрашиваемый утомляется. Как правило, утомление наступает в пределах 15–25 мин.
3. Нельзя слишком поспешно задавать опрашиваемому сугубо интимные вопросы. Лучше приберечь их к концу интервью, когда между участниками уже установлен известный контакт.
4. В смысловом отношении вопросы должны спокойно следовать один за другим так, чтобы последующие вопросы уточняли предыдущие.

Однако строгая логическая последовательность вопросов хороша до известных пределов. В некоторых случаях рекомендуется отступать от логического порядка, чтобы избежать влияния на ответы опрашиваемых тех вопросов, которые были поставлены в этом интервью раньше. С целью прервать ход мыслей опрашиваемого и не допустить такого влияния можно задавать тематически родственные вопросы

подальше один от другого или даже вставлять между ними так называемые «буферные» вопросы, относящиеся совершенно к другой теме (см.: Noelle, 1963, S. 49). Считается что подобное перемешивание тем препятствует и появлению утомления. Таким образом, наилучшая логическая и наилучшая психологическая последовательность вопросов порой противоречат друг другу.

Для того чтобы предотвратить нежелательное влияние последовательности вопросов, часто прибегают к зондированию по принципу «воронки». Приступая к какой-либо отдельной теме, интервьюер начинает с неструктурных вопросов, а затем переходит к более структурным. Например, выявление роли тех или иных факторов, влияющих на отношение к труду, целесообразнее начинать с общих вопросов типа «Что вам нравится в вашей работе? Что не нравится?». Лишь затем интервьюер должен переходить к вопросам, выясняющим отношение опрашиваемого к различным сторонам его работы — степени ее сложности, заработку, организации труда, возможности продвижения и т. п. Далее вопросы сужаются еще более. Выявляется, в какой степени опрашиваемый удовлетворен или не удовлетворен каждой из этих сторон работы. Эти вопросы внешне могут выглядеть совершенно нейтрально, например: «Не расскажете ли вы об этом подробнее? Почему вы считаете именно так?» и т. п.

Практика применения опросов показывает, что некоторые опрашиваемые, не желая показать свою неосведомленность, высказывают то или иное мнение о фактах, совершенно им неизвестных. Поэтому рекомендуется сначала задавать так называемый информационный вопрос, чтобы установить, имеет ли опрашиваемый вообще какие-либо сведения по данному предмету. Лишь тем опрашиваемым, которые располагают достаточной (с точки зрения интервьюера) информацией, задается далее вопрос на отношение.

Выяснение таких фактических данных о личности опрашиваемого, как возраст, образование, семейное положение и т. д. должно приходиться на конец интервью (вопросника анкеты).

Перед этим рекомендуется ставить какой-либо вопрос для оживления интереса опрашиваемого.

Предварительная проверка вопросника

Такая проверка, или тестирование, осуществляется всегда посредством интервью. Этот этап работы является совершенно необходимым при использовании стандартизированного интервью или ан-

кеты. Цель предварительной проверки вопросника состоит в том, чтобы проверить:

- 1) ясность формулировок вопросов;
- 2) обеспечат ли эти вопросы получение всех требуемых данных;
- 3) последовательность вопросов с целью устранения нежелательных влияний;
- 4) не упущены ли какие-либо важные аспекты изучаемой проблемы;
- 5) составлен ли данный вопросник так, чтобы добиться высокого уровня сотрудничества со стороны опрашиваемых (см.: Likert, p. 241–242).

Предварительные интервью проводятся среди лиц всех тех категорий, которые будут охвачены впоследствии массовым опросом. Нет никаких твердых правил относительно того, сколько человек необходимо проинтервьюировать в процессе предварительной проверки вопросника. Если предыдущие этапы работы хорошо выполнены, то достаточно незначительного числа интервью. Их количество может колебаться от 15 до 100. Желательно, чтобы эти интервью проводились более чем одним человеком. Важно также непосредственное участие исследователя на данной стадии работы в качестве интервьюера.

В пробное интервьюирование может входить также обсуждение задаваемых вопросов с опрашиваемыми лицами. По окончании интервью у каждого из них спрашивается, что данный вопрос означает, какие трудности они испытывали при ответах, как они сами задали бы тот или иной вопрос и т. д.

Важно также иметь запись наблюдений и критических замечаний интервьюера. Какие трудности он встретил при интервьюировании? Какие вопросы вызывают негативные реакции опрашиваемых? Влиял ли характер вопросов на контакт между участниками интервью? Каково поведение опрашиваемых в ходе интервью: скучали ли они или, наоборот, были заинтересованы? Сколько необходимо места для записи ответов? (если испытывается анкетная форма), и т. д.

В процессе пробного интервьюирования опрашиваемые могут отказываться отвечать на некоторые вопросы. Следует переформулировать эти вопросы или поставить их в иной последовательности, добиваясь, чтобы количество отказывающихся ответить людей не превышало пяти процентов.

Если необходимы существенные изменения, такие, как пополнение совершенно новыми вопросами, то следует провести вторую серию предварительных интервью. Иногда требуется три-четыре подобных проверки, и лишь после этого вопросник принимает окончательный вид.

В ходе предварительной проверки вопросника проверяются также и интервьюеры. На основе полученных ими данных можно сделать вывод, насколько тот или иной интервьюер подходит для сбора этого материала.

В тех случаях, когда в исследовании принимает участие большое число интервьюеров, обычно по окончании пробного опроса составляется письменная инструкция проведения интервью. Эта инструкция может быть необходимой для любого вида интервью. В ней указывается, где и когда необходимо брать интервью, на основе каких принципов выбираются предназначенные для опроса лица, что интервьюеры обязаны говорить им о целях исследования, каков должен быть характер зондирования и т. д.

Процесс интервьюирования.

Установление контакта с опрашиваемым

Интервьюер должен стремиться к созданию ситуации, в которой опрашиваемый побуждался бы к искренним ответам. Первое условие успешного интервьюирования — создание дружеской атмосферы. Некоторые исследователи считают, что метод интервью уже несет в себе большую потенциальную возможность для создания доброжелательных отношений, так как опрашиваемый принимает во внимание тот факт, что кто-то озаботился лично поговорить с ним.

Вступительные слова интервьюера должны быть краткими, основанными и уверенными. Во вступлении интервьюер четко излагает цели исследования, используя понятную для опрашиваемого терминологию, заверяет его в анонимности ответов, если это необходимо, предъявляет свои полномочия (удостоверение личности и т. п.). Многословные вступления лишь рассеивают внимание опрашиваемого и утомляют его. Интервьюеру следует перейти к вопросам интервью как можно быстрее. Однако он обязан ответить на любые законные вопросы опрашиваемого (например, почему именно его выбрали для интервью).

В случае отказов опрашиваемых от интервью задача интервьюера состоит в том, чтобы добиться согласия. Если опрашиваемый ссы-

ляется на свою некомпетентность, нужно объяснить ему, что в интервью не может быть ни «правильных», ни «неправильных» ответов и мнение каждого заслуживает внимания. При ссылках опрашиваемого на отсутствие времени для интервью необходимо постараться убедить его, что материалы исследования будут неполными, если не беседовать с такими занятыми людьми, как он.

В ряде исследований возникает необходимость до некоторой степени маскировать их действительные цели. Это позволяет избегать нежелательного эффекта различных предположений, которые могут возникнуть у опрашиваемого. Так, например, изучение стиля руководства в той или иной организации, по-видимому, целесообразнее представить опрашиваемым как изучение организации труда. Правда, недостаток подобной маскировки состоит в том, что некоторые вопросы могут показаться опрашиваемым не относящимися к делу, и они будут давать ответы, неадекватные полностью или частично. Тем не менее возможность нежелательных воздействий на ответы больше в том случае, когда цель исследования совершенно не замаскирована, нежели тогда, когда приняты некоторые маскировочные меры.

Вступительные слова интервьюера и его первые вопросы играют большую роль в установлении контакта с опрашиваемыми. Они должны вызывать у опрашиваемого интерес и желание дать интервью.

Создавая атмосферу дружелюбия, интервьюеру тем не менее рекомендуется всегда сохранять известную степень деловой официальности, не допускать панибратства во взаимоотношениях с опрашиваемым. Не следует впадать также в другую крайность и принимать менторский тон.

Опытный интервьюер обычно чувствует, когда он установил достаточный контакт с опрашиваемым. Теперь можно переходить к вопросам, касающимся основной темы интервью.

Основная фаза интервью

Хотя интервьюеру принадлежит более активная роль, чем опрашиваемому, не рекомендуется злоупотреблять ею. По меткому замечанию американских социологов В. Гуда и П. Хэтта, интервью — это скорее «псевдобеседа», так как «один из собеседников должен постоянно помнить, что он исследователь. Он не может упускать из виду плана беседы. Оставаясь доброжелательным и внимательным к словам партнера, он должен твердо вести беседу по заданному руслу, чтобы

собеседнику порой казалось, что он сам предлагает этот путь разговора» (Goode, Hatt, 1952, p. 191).

Контакт, достигнутый между интервьюером и опрашиваемым к моменту наступления основной фазы интервью, нуждается в постоянной поддержке. Степень этого контакта — величина переменная. При умелой тактике интервьюера его контакт с опрашиваемым должен укрепляться по мере развития интервью.

Исключительно важно, чтобы интервьюер постоянно сохранял нейтральную позицию в процессе интервью. Ему нельзя ни в коем случае обнаруживать своего собственного отношения к предмету исследования, например, показывать свое удивление или неодобрение по поводу слов опрашиваемого или же радостно поддакивать, услышав подтверждение своих предположений.

Однако нейтральность интервьюера не следует принимать как абсолютную бесстрастность. С целью поддержания контакта интервьюер может смеяться в ответ на шутки опрашиваемого, делать замечания, поддерживающие разговор, типа: «Это очень интересно», «Я понимаю вас хорошо». Иначе говоря, необходимо всеми способами проявлять внимание и интерес к личности опрашиваемого.

В некоторых очень редких случаях интервьюеру позволяется полный отказ от нейтральной позиции. Если стоит задача выявления степени убежденности опрашиваемого в каком-либо мнении, его ответ можно оспорить, с тем чтобы увидеть, как он будет защищать свою точку зрения. Однако такая тактика не всегда окажется эффективной, ее нельзя применять ко всем категориям опрашиваемых и во всех ситуациях.

Должен ли интервьюер задавать вопрос по памяти или читать его по имеющемуся плану? На этот счет нет единого мнения. Главное — чтобы в процессе интервью не было неловких пауз, в то время как интервьюер изучает план или старается вспомнить следующий вопрос. Однако задавание вопросов по памяти, по-видимому, предпочтительнее, так как чтение по плану придает интервью чрезмерно официальный характер.

Среди специалистов есть разногласия и относительно того, сколько времени необходимо давать опрашиваемому для обдумывания ответов. Некоторые считают, что интервью следует вести в очень быстром темпе, чтобы вынудить опрашиваемого отвечать спонтанно, без особой преднамеренности. Другие полагают, что, давая опрашиваемым больше времени, можно сократить число поверхност-

ных, необдуманных или неопределенных (типа «не знаю») ответов. По-видимому, интервьюирование в быстром темпе целесообразно для тех вопросов, которые могут встретить эмоциональное противодействие со стороны опрашиваемого, а в большинстве интервью предпочтительнее предоставить опрашиваемому достаточно времени для обдумывания ответа.

Интервьюер должен быть уверен в том, что опрашиваемый правильно понял вопрос и ответил именно на этот вопрос. В противном случае следует прибегнуть к зондированию. Конечно, зондирование возможно лишь в тех видах интервью, которые предоставляют интервьюеру соответствующую свободу действий. Так, в стандартизированном интервью допускается лишь повторение вопроса, причем обязательно в той же самой форме.

Если интервьюер не достиг своей цели использованием одного зондирующего вопроса, он продолжает расспрашивание в этом направлении до тех пор, пока не получит необходимой информации. Зондирующие вопросы нужно задавать в такой форме, чтобы они выявляли ответы, которые можно интерпретировать, исходя из задач исследования.

Интервьюеру следует также научиться узнавать, когда прекратить зондирование. Нередко причиной того, что опрашиваемый дал неадекватный ответ на вопрос, является беспокойство, вызванное у опрашиваемого этим вопросом. Интервьюер должен, внимательно наблюдая за поведением опрашиваемого, своевременно обнаруживать признаки такого беспокойства. В некоторых случаях желательно прекратить зондирование, даже если не получена необходимая информация. Продолжение интервью с опрашиваемым, выведенным из равновесия, отрицательным образом скажется на результатах интервью. Можно вернуться к этой теме позднее, когда опрашиваемый окончательно успокоится.

Нередко опрашиваемый, отвечая на какой-либо вопрос, дает также информацию и по одному из последующих вопросов. Тем не менее интервьюер должен задать и этот последующий вопрос, для того чтобы быть полностью уверенным в ответе. Предварительно рекомендуется сказать, например, следующее: «Вы, кажется, уже касались этого, но...». При этом всегда есть возможность получить дополнительную информацию, и опрашиваемый не подумает о том, что интервьюер задает опросы совершенно механически, не обращая внимания на содержание ответов.

В некоторых случаях интервьюер встречается с противоречивыми ответами опрашиваемого. Иногда в задачу интервьюера не входит то или иное реагирование на эти противоречия, поскольку существование противоречивых точек зрения у одного и того же опрашиваемого может быть как раз тем результатом интервью, которое интересует исследователя. Но чаще цели исследования требуют подвергнуть контролю противоречивые ответы.

В этом случае у интервьюера есть два пути. Первый — указать опрашиваемому на противоречие и выяснить, с чем оно связано. Здесь требуется максимум такта со стороны интервьюера, чтобы не нарушить контакт и не вызвать нежелание опрашиваемого отвечать на последующие вопросы. Перед тем как обратить внимание опрашиваемого на противоречие, интервьюеру рекомендуется сказать примерно следующее: «Я хочу удостовериться в том, что понял вас правильно. Может быть, я ошибся, но вы ранее сказали...». Это позволяет сохранить взаимоотношения с опрашиваемым и получить необходимую информацию. Второй путь выявления истины — обращение к косвенному зондированию.

Одной из основных причин противоречий является изменение степени доверия опрашиваемого к интервьюеру: в начале интервью доверие ниже, затем обычно оно возрастает. Поэтому ответы на вопросы, задаваемые в конце или в середине интервью, являются более надежным показателем реального мнения, нежели начальные ответы. Заметим также, что опрашиваемый в ходе интервью нередко нуждается в повторных заверениях в анонимности его ответов.

На некоторые вопросы интервьюер получает ответ «не знаю». Этот ответ иногда действительно свидетельствует об отсутствии мнения, но нередко он маскирует следующие состояния: боязнь высказать свою точку зрения, нежелание думать о данном вопросе, уклонение от ответа на время, чтобы собраться с мыслями, непонимание вопроса и т. д. Задача интервьюера — оценить ответ «не знаю», исходя из всех предположений, и, когда это возможно, повторить вопрос. Интервьюеру рекомендуется говорить в одном случае: «Кажется, я сказал не совсем ясно. Позвольте мне повторить вопрос»; в другом случае: «Да, многие люди никогда не думали об этом раньше, но я хочу все-таки узнать ваше мнение»; в третьем случае: «Я понимаю, что это очень трудный вопрос, и, может быть, никто не знает на него ответа, но мне интересно, что вы думаете по этому поводу?».

Завершение интервью

После того как интервьюер задал опрашиваемому все необходимые вопросы, следует обязательно его поблагодарить, извиниться за беспокойство. Иногда интервьюеру рекомендуют не спешить с уходом от опрашиваемого. Дело в том, что, когда интервью закончено и известное напряжение, которое испытывал опрашиваемый, значительно ослабло, он может ненароком сказать об очень важных, с точки зрения исследователя, вещах. Он думал о них в ходе интервью, но они казались ему неприятными или слишком тривиальными для такого разговора.

Регистрация данных интервью

Существует ряд способов регистрации данных интервью.

1. *Дословная запись.* При этом желательно знание стенографии. В противном случае необходимо дописывать ответы по окончании интервью как можно скорее. Часто дословные ответы приводятся в окончательном отчете исследователя как иллюстрации различных оттенков в тех или иных отношениях, поэтому ответы не следует сокращать или как-либо видоизменять.
2. *Запись по памяти.* Если вопросы касаются очень острых или интимных тем, то сам факт какой-либо фиксации ответов может вызывать у опрашиваемого чрезмерную скованность. В таких случаях интервьюеру рекомендуется записывать ответы по окончании интервью. Недостатки этого способа считаются довольно серьезными. В данном случае интервьюер может сделать особенный акцент на ответах, которые кажутся ему значительными в силу тех или иных его личных предпочтений. Менее существенные, с точки зрения интервьюера, замечания опрашиваемого могут вообще исчезнуть из виду. Вообще запись по памяти влечет к значительной потере информации. Кроме того, некоторые опрашиваемые могут счесть интервью не очень серьезным и отнестись к своим ответам легкомысленно, если интервьюер не будет каким-либо образом их фиксировать.

Нередко первый и второй способы регистрации применяются в сочетании: запись ответов на один вопрос производится в ходе интервью, запись на другие вопросы – по памяти. Интервьюер, внимательно наблюдающий за опрашиваемым, может

распознать признаки его беспокойства, вызванные вопросами, и прекратить дословную запись.

3. *Механическая звукозапись.* Весь ход интервью записывается на ленту магнитофона. Это позволяет с большой обоснованностью судить о данных интервью не одному компетентному человеку, а нескольким. При этом интервьюер может уделять опрашиваемому большее внимание, чем при других способах регистрации. Однако механическая звукозапись имеет большие ограничения вследствие ряда трудностей (потеря или искажение содержания ответов из-за неправильного расположения микрофона, неполадки регистрационного аппарата, недостаточно ясная речь некоторых опрашиваемых или интервьюеров и т. д.). Кроме того, опрашиваемые чувствуют себя стесненно, видя рядом микрофон. Некоторые буржуазные психологи находят возможным скрывать от опрашиваемых факт механической звукозаписи, прибегая к маскировке технических средств. Такой прием несовместим с марксистской этикой, требующей обязательного согласия людей на запись их слов.

При использовании механической звукозаписи можно рекомендовать следующий способ. В случае согласия на запись все оборудование, регистрирующее содержание интервью, помещается вне поля зрения опрашиваемого. Это позволяет в известной степени преодолеть некоторую скованность опрашиваемого, почти неизбежную при механической звукозаписи. Ему психологически легче говорить тогда, когда он не видит соответствующего оборудования.

4. *Классификация.* Этот способ используется не часто. Его рекомендуют практиковать лишь тогда, когда интервьюер очень хорошо знаком с предметом исследования и число оцениваемых величин является сравнительно небольшим. Интервьюер обеспечен специальным бланком, в котором приведены образцы возможных оценок. Он не записывает ответов, но на их основе, исходя из имеющихся образцов, дает оценку тех переменных, которые подвергаются исследованию (например, уровень экономической обеспеченности, степень удовлетворенности работой и т. д.). Отнесение к тому или иному разряду обычно основано на серии вопросов или на всем интервью в целом.

Недостатком данного способа регистрации считается подверженность личным предпочтениям интервьюера. Многие ис-

следователи полагают, что более адекватной оценки можно добиться, если поручить классификацию не интервьюеру а другим специалистам, производящим оценку по окончании опроса на основе подробных отчетов об интервью. Однако при этом из их поля зрения выпадают такие данные наблюдения, как выражение эмоций, различные интонационные нюансы и т. п.

5. *Кодирование.* Этот способ отличается от предыдущего тем, что интервьюер не делает суммарных суждений относительно той или иной серии ответов опрашиваемого, а в ходе интервью кодирует ответы опрашиваемых на определенные вопросы, исходя из заранее предусмотренных категорий. Такой способ особенно хорошо подходит для закрытых вопросов.

Нередко с целью ослабить влияние отношений интервьюеров на результаты исследования кодирование ответов на вопросы производится другими специалистами по окончании массового опроса. Для этого необходимо иметь дословные протоколы интервью. Данный прием обычно практикуется при открытых вопросах. Недостатки его состоят в значительной утрате данных интервьюеров о наблюдении за опрашиваемыми. Выбор какого-либо способа регистрации ответов зависит от задач исследования, квалификации интервьюеров и чисто технических причин.

Специфика заочного опроса (анкетирования)

К заочному опросу наиболее целесообразно прибегать в тех случаях, когда необходимо:

- а) выяснить отношения людей по острым дискуссионным или интимным вопросам;
- б) опросить большое число людей (от сотен до нескольких тысяч) в сравнительно небольшой срок, особенно в тех случаях, когда они расселены по обширной территории.

При составлении анкеты необходимо учитывать специфические особенности заочной формы, опроса. На первой странице анкеты указывается организация, проводящая этот опрос. Далее идет вступление – обращение к опрашиваемому. Здесь называются цели исследования, объясняется, почему опрашиваемый должен ответить на вопросы анкеты (можно, например, подчеркнуть важное общественное значение изучаемой проблемы). Иногда желательно дать некоторое разъяснение того, как заполнять анкету (здесь воз-

можны примеры). Следует также обязательно заверить опрашиваемого в анонимности полученных ответов. Это вступление должно быть лаконичным и вежливым. В конце анкетного бланка всегда выражается благодарность опрашиваемому.

Еще на стадии построения вопросника необходимо учитывать требования, обусловленные использованием вычислительной техники с целью обработки анкет. В одних анкетах на каждой странице отводится колонка для шифровки ответов, которая производится по окончании опроса. В других анкетах место шифра на полях анкеты не оставляется, а в конце ее помещается специальная шифровальная таблица. Возможны также анкеты, в которых вообще не предусмотрено место для шифра ответов. В этих случаях шифровальная таблица печатается на отдельном бланке, который не попадает в руки опрашиваемого. В общем, составляя макет анкеты, необходимо иметь в виду, что структура вопросов и технология обработки ответов тесно взаимосвязаны.

Внешний вид анкеты имеет очень большое значение, поскольку он может оказать как благоприятное, так и неблагоприятное психологическое воздействие на опрашиваемых. Здесь важно и качество бумаги, и полиграфическое оформление анкеты в целом. Желательно использование нескольких шрифтов, с тем чтобы можно было разделить вопросы от предложенных вариантов ответа, обратить внимание опрашиваемого на отдельные фразы и слова.

С целью удобства восприятия закрытых вопросов необходимо в каждом конкретном случае помещать вопрос вместе с вариантами ответа на одной странице, не переходя на другую. Если в анкете имеются открытые вопросы, необходимо оставить на бланке достаточно места для ответов.

Иногда, чтобы уменьшить утомление опрашиваемого в процессе заполнения анкеты, в нее включают различные рисунки юмористического содержания, имеющие отношение к теме опроса.

Существует несколько способов проведения заочного опроса:

- 1) рассылка анкетных бланков по почте;
- 2) распространение анкет, напечатанных в газетах и журналах;
- 3) вручение анкет опрашиваемым по месту их работы или жительства.

Заочный опрос по почте, когда опрашиваемый должен отправить заполненную анкету в адрес исследователя, весьма экономичен, од-

нако практика показывает, что процент возврата анкет очень невелик (не более 5%). В случае неполучения анкет в срок исследователи прибегают к напоминаниям по почте, по телефону или, если возможно, лично посещают опрашиваемых. При распространении анкет посредством публикации в периодической печати исследователи встречаются с теми же проблемами.

Довольно широко используется в социальной психологии опрос посредством анкет, вручаемых анкетером лично каждому опрашиваемому. При этом иногда анкеты заполняются сразу в присутствии анкетера, иногда они оставляются у опрашиваемых, чтобы те ответили на вопросы в удобное для себя время и возвратили бланки к назначенному сроку. Этот способ опроса имеет ряд преимуществ по сравнению с другими. Так, возврат анкет может достигать почти 100%, что бывает обусловлено не только организацией опроса, но и профессиональными умениями анкетеров.

Повышение надежности первичной информации при опросах

Имеется ряд способов контроля надежности первичных данных получаемых путем опросов (см.: Шляпентох, 1973; Ядов, 1972, с. 137–145).

Прежде всего отметим, что в любом вопроснике предусматривается серия основных и контрольных (обычно косвенных) вопросов для повышения достоверности информации. Контроль ее достоверности возможен следующими способами: путем соответствующей отработки системы основных и контрольных, прямых и косвенных вопросов, с помощью техники шкалирования вариантов ответа в нескольких измерениях, повторных опросов в панельном исследовании, путем сравнения с другими сообщениями или объективными данными, которые касаются рассматриваемых факторов (наблюдение, анализ продуктов деятельности, эксперимент и т. д.).

Сравнение методов интервью и анкеты

Сопоставление данных, получаемых путем интервью и анкеты, показывает, что каждый из этих методов опроса имеет свои преимущества и недостатки. Рассмотрим сначала преимущества метода интервью.

Информация, получаемая в интервью, является более полной (содержательной) и глубокой, чем анкетная. В первую очередь речь идет о сложных вопросах. Возьмем, например, вопрос: «Каким образом вы выбрали вашу нынешнюю специальность?». Поставленный

в анкете, даже в закрытой форме, этот вопрос заставляет опрашиваемого самостоятельно анализировать мотивы своего выбора специальности. Но для многих такая задача оказывается непосильной. В интервью же, отвечая на зондирующие вопросы, опрашиваемый всегда может рассказ о своих желаниях и интересах, об обстоятельствах, в которых происходит выбор специальности.

Информация, получаемая в интервью, является более определенной, чем в анкете. Заполняя анкету, опрашиваемый пропускает вопрос, если он предпочитает не отвечать на него. В интервью же в случае ответов типа «не знаю», «не могу сказать», «не думал над этим» или противоречивости слов опрашиваемого можно продолжать зондирование и получить определенный ответ.

Интервью дает возможность наблюдения за опрашиваемым. Разработан целый ряд методик для регистрации не только ответов, но и интонации, мимики, поведения опрашиваемого (см., например: Свенцицкий, 1968).

Интервьюер может на основе внешних реакций опрашиваемого сделать то или иное суждение об отношении последнего к предмету разговора, о степени искренности ответа, наконец, в целом об эмоциональной атмосфере, в которой проходит данное интервью.

Однако во многих случаях анкетный опрос оказывается предпочтительнее метода интервью. Основное преимущество анкетирования состоит в возможности массового охвата большого количества лиц. Проведение интервью требует значительных затрат времени и средств, а также предъявляет к интервьюерам более высокие профессиональные требования, чем к анкетерам. Те или иные качества личности интервьюера могут оказывать существенное влияние на ход интервью и его результаты, что исключено при заочном анкетировании.

Как показывают наблюдения, многим опрашиваемым кажется, что анкета гарантирует анонимность в большей степени, чем интервью, и потому они могут давать в анкетах более искренние ответы. Иногда важно и то, что заочная анкета не требует немедленного ответа и опрашиваемый может отвечать более обдуманно, чем в интервью.

Выбор между методами интервью и анкеты зависит от уровня изученности проблематики, целей исследования и его программы в целом. Анкетирование нельзя проводить, не имея определенных рабочих гипотез. Метод интервью менее требователен в этом отношении.

Методы опроса

Он может быть эффективным даже при недостаточно четко сформулированных гипотезах исследователя. Преимущество нестандартизированного интервью — получение более глубокой информации, гибкость опроса. Недостаток — сравнительная узость охвата опрашиваемых. Массовый стандартизированный опрос путем анкеты дает репрезентативные результаты, но в более узкой сфере проблем. На наш взгляд, сочетание анкетирования и интервью является одной из наиболее плодотворных методик опроса, так как эта методика наряду с охватом большого числа опрашиваемых в сравнительно короткий срок позволяет получать материал и для глубокого анализа.

Глава V

Специализированные социально-психологические методы

§ 1. Метод социометрических измерений

Метод социометрии относится к эффективным инструментам социально-психологического исследования структуры малых групп и коллективов. Кроме того, он выступает также и методом изучения личности как элемента группы. Ценность социометрии повышается при ее комплексировании с другими методами исследования личности и группы.

Из истории метода

Термин «социометрия» означает измерение межличностных взаимоотношений в группе. Основоположник социометрии известный американский психиатр и социальный психолог Дж. Морено не случайно так назвал этот метод (Морено, 1958). Совокупность межличностных отношений в группе составляет, по Морено, ту первичную социально-психологическую характеристику, которой во многом определяют не только целостные характеристики группы, но и душевное состояние человека. Методологической ошибкой Морено явилась абсолютизация этой структуры, придание ей универсальной роли в мотивации социального поведения. Марксистская методология социометрии рассматривает возможности этого метода только в рамках анализа структуры контактных групп, не распространяя ее принципы на общественное поведение личности в целом (см.: Кузьмин, 1965; Коломинский, 1969; Волков, 1970; Паниотто, 1973).

Задачи измерений

Социометрическая техника применяется для диагностики межличностных и межгрупповых отношений в целях их изменения, улучшения и совершенствования.

С помощью социометрии можно изучать типологию социального поведения людей в условиях групповой деятельности, судить о социально-психологической совместимости членов конкретных групп. Для социолога этот метод позволяет вскрыть и изучить строение таких микросоциальных объектов, какими являются социальные группы. Как известно, любая контактная группа или социальная общность рождается на основе какой-то совместной деятельности и потребностей людей. Наряду с официальной структурой во взаимоотношениях между членами группы завязывается система неофициальных взаимоотношений, основанных на эмоциональной природе человеческой общительности. Измерить эти взаимоотношения — одна из практических задач социометрии.

Вместе с официальной или формальной структурой общения, отражающей рациональную, нормативную, обязательную сторону человеческих взаимоотношений, в любой социальной группе всегда имеется психологическая структура неофициального или неформального порядка, формирующаяся как система межличностных предпочтений, симпатий и антипатий. Особенности такой структуры во многом зависят от ценностных ориентаций участников, их восприятия и понимания друг друга, взаимооценок и самооценок. Как правило, неформальных структур в группе возникает несколько, например структуры взаимоподдержки, взаимовлияния, популярности, престижа, лидерства и др. Неформальная структура зависит от формальной структуры группы в той степени, в которой индивиды подчиняют свое поведение целям и задачам совместной деятельности, правилам ролевого взаимодействия. С помощью социометрии можно оценить это влияние. Социометрические методы позволяют выразить внутригрупповые отношения в виде числовых величин и графиков и таким образом получить ценную информацию о состоянии группы.

Для социометрического исследования важно, что любая структура неформального характера, хотим мы этого или не хотим, всегда в тех или иных отношениях проецируется на формальную структуру, т. е. на систему деловых, официальных отношений, и тем самым влияет на сплоченность коллектива, его продуктивность. Эти положения проверены экспериментом и практикой.

Наиболее общей задачей социометрии является изучение структурного аспекта социальной группы и царящей в ней психологической атмосферы. Социометрический тест позволяет, конечно, иссле-

довать эти проблемы весьма приблизительно и лишь с определенной степенью надежности. Однако, дополненный данными наблюдений и эксперимента, выступает удобным средством для быстрого и технически достаточно простого проникновения во внутреннее строение группы. Одноактная социометрия дает лишь «срез», приблизительную «фотографию» групповой структуры, а многоактная — характер ее изменения.

Социометрические исследования, проводимые в производственных группах, бригадах на промышленных предприятиях, могут дать ценный материал для теоретической и практической разработки необходимых мероприятий социального развития производственных коллективов¹.

Ясно, что только с учетом групповых факторов может быть выработана действительно научная и эффективная система управления развитием и совершенствованием социальных отношений в коллективе на производстве и в быту. Социометрия позволяет в определенных отношениях изучить эти факторы и тем самым внести свою посильную лепту в решение задач прикладной и экспериментальной социальной психологии.

Социометрическая процедура

Общая схема действий при социометрическом исследовании заключается в следующем. После формулировки задач исследования и выбора измерений формулируются основные гипотезы и положения, касающиеся возможных критериев для опроса членов групп. Социометрический опрос существенно отличается от анкетного опроса или интервью, так как вопросы, на которые должны ответить члены группы, касаются эмоциональной стороны их межличностных взаимоотношений. Здесь не может быть полной анонимности, иначе социометрия окажется малоэффективной. Требование экспериментатора раскрыть свои симпатии и антипатии нередко вызывает внутреннее затруднение у опрашиваемых и проявляется у некоторых людей в нежелании участвовать в опросе. Однако у исследователей имеются специальные приемы для недопущения таких случаев. Когда вопросы или критерии социометрии выбраны, они заносятся

1 Один из разделов этого плана, как известно, специально посвящен совершенствованию социальных отношений в труде и досуге рабочих и служащих (см.: Планирование социального развития коллектива предприятия. Методические рекомендации. М., 1971).

на специальную карточку (социометрическая карточка — см. ниже) или предлагаются в устном виде по типу интервью. Каждый член группы обязан отвечать на них, выбирая тех или иных членов группы в зависимости от большей или меньшей склонности, предпочтительности их по сравнению с другими, симпатий или, наоборот, антипатий, доверия или недоверия и т. д.

При этом социометрическая процедура может проводиться в двух формах. Первый вариант — *непараметрическая процедура*. Это предложение ответить на вопросы социометрической карточки без ограничения числа выборов испытуемого. Если в группе насчитывается, скажем, 12 человек, то в указанном случае каждый из опрашиваемых может выбрать 11 человек (кроме самого себя). Таким образом, теоретически возможное число сделанных каждым членом группы выборов по направлению к другим членам группы в указанном примере будет равно $(N-1)$, где N — число членов группы.

Точно так же и теоретически возможное число полученных субъектом выборов в группе будет равно $(N-1)$. Сразу уясним себе, что указанная величина $(N-1)$ полученных выборов является основной количественной константой социометрических измерений. При непараметрической процедуре эта теоретическая константа является одинаковой как для индивидуума, делающего выборы, так и для любого индивидуума, получающего выборы. Достоинством данного варианта процедуры является то, что она позволяет выявить так называемую эмоциональную экспансивность каждого члена группы, а вместе с этим сделать срез многообразия межличностных связей в групповой структуре. Однако при увеличении размеров группы до 12–16 человек этих связей становится так много, что без применения вычислительной техники проанализировать их становится весьма трудно.

Другим недостатком непараметрической процедуры является большая вероятность получения случайного выбора. Некоторые испытуемые, например, руководствуясь личным мотивом, нередко пишут в опросниках: «выбираю всех». Ясно, что такой ответ может свидетельствовать только о двух моментах: либо у испытуемого действительно сложилась такая обобщенная аморфная и недифференцированная система отношений с окружающими (что маловероятно), либо испытуемый заведомо дает ложный ответ, прикрываясь формальной лояльностью к окружающим и к экспериментатору (что наиболее вероятно).

Анализ таких случаев привел некоторых исследователей к попыткам изменить социометрическую процедуру в таком направлении, чтобы снизить вероятность случайного выбора. Так родился второй вариант — *параметрическая процедура* с ограничением числа выборов. Испытуемым предлагают выбирать строго фиксированное число из всех членов группы. Например, группе из 25 человек каждому лицу предлагают выбрать всего лишь 4 или 5 человек. Величина ограничения числа социометрических выборов получила название «социометрического ограничения» или «лимита выборов».

Многие исследователи считают, что введение «социометрического ограничения» значительно повышает надежность социометрических данных и облегчает статистическую обработку материала. С психологической точки зрения социометрическое ограничение заставляет испытуемых более внимательно относиться к своим ответам, выбирать для ответа только тех членов группы, которые действительно соответствуют предлагаемым ролям партнера, лидера или товарища по совместной деятельности. Лимит выборов значительно снижает вероятность ответов и позволяет стандартизировать условия выборов в группах различной численности в одной выборке. А это, в свою очередь, дает возможность сопоставительного анализа материала по различным группам.

В настоящее время принято считать, что для группы в 22–25 участников минимальная величина «социометрического ограничения» должна выбираться в пределах 4–5 выборов. Существенное отличие второго варианта социометрической процедуры состоит в том, что социометрическая константа $(N-1)$ сохраняется только для системы получаемых выборов (т. е. из группы к участнику). Для системы отданных выборов (т. е. в группу от участника) она измеряется новой величиной d (социометрическим ограничением). Введением величины d можно стандартизировать внешние условия выборов в группах разной численности. Для этого необходимо определять величину d по одинаковой для всех групп вероятности случайного выбора. Формулу определения такой вероятности предложили в свое время Дж. Морено и Е. Дженнингс:

$$P(A) = \frac{d}{N-1},$$

где P — вероятность случайного события (A) социометрического выбора; N — число членов группы.

Обычно величина $P(A)$ выбирается в пределах 0,20–0,30. Подставляя эти значения в формулу (1) для определения d с известной величиной N , получаем искомое число «социометрического ограничения» в выбранной для измерений группе.

Недостатком параметрической процедуры является невозможность раскрыть многообразие взаимоотношений в группе. Возможно, выявить только наиболее субъективно значимые связи. Социометрическая структура группы в результате такого подхода будет отражать лишь наиболее типичные, «избранные» коммуникации. Введение «социометрического ограничения» не позволяет судить об эмоциональной экспансивности членов группы.

При составлении программы исследования можно запланировать проведение социометрии, как в первом, так и во втором варианте. В таком случае возможно получить более содержательный материал. Так, например, американские ученые Энг и Френч в 1948 г. произвели социометрическое измерение статусов членов 32 групп учащихся колледжей. На одних и тех же группах и по одним и тем же критериям были проведены три серии параллельных социометрических опросов. После обработки ответов были высчитаны коэффициенты корреляции между этими сериями. Первая серия проводилась без ограничения выборов, вторая — с ограничением в 5 выборов, третья — с ограничением в 2 выбора. Результаты показали, что наиболее тесно связаны между собой первая и вторая серии (коэффициент корреляции +0,78), менее тесно — первая и третья (коэффициент корреляции +0,65). Отсюда был сделан вывод о принципиальной возможности и достаточной эффективности социометрической процедуры с ограничением выборов.

Социометрические критерии

Выбор критериев социометрии диктуется задачами исследования и вытекает из его программы. Если, например, требуется изучить групповую структуру взаимных симпатий или взаимопомощи, то вопросы формулируются таким образом, чтобы смысл их по возможности полно отвечал социальному и моральному содержанию этих взаимоотношений и был приурочен к конкретной деятельности, где эти взаимоотношения могут проявиться. Выполнив эти требования, вы получите *значимый критерий*. Например, если вы задаете вопрос типа: «Выберите тех из членов группы, кто является вашим товари-

щем?», — то такой критерий не отвечает вышеуказанным требованиям, это слабый критерий. Товарищи могут быть разные, скажем, по работе — одни, и по досугу — другие. Одних людей мы склонны записать в свои товарищи уже только потому, что часто обращаемся к ним. Других мы не склонны зачислять в свои товарищи даже тогда, когда просим у них в долг. Поэтому нужно сформулировать критерий по возможности конкретнее, на основе какой-то реальной ситуации. Например, в данном случае его можно сформулировать так: «Если бы вы захотели организовать встречу Нового года у себя дома, в кругу близких знакомых и товарищей по работе, то кого бы из членов группы вы пригласили?». В такой формулировке роль и значение товарища очерчены более строго и конкретно. Однако это совершенно не значит, что подобный критерий в равной степени заинтересует всех членов группы. Другим членам группы, может быть, более понравится, скажем, такой критерий: «Кого из членов вашей группы вы желали бы иметь своим соседом по квартире?» — или: «Кого из членов вашей группы вы пригласили бы на вашу свадьбу?» и т. д. Критерии, позволяющие изучать симметричные отношения (партерства), называются *двойными*. Они позволяют выбрать (отвергнуть) партнера равной роли. Например, выбор товарища по парте в школьном классе.

Рекомендуется не загромождать социометрическую карточку большим числом критериев, но выбрать такие, которые, во-первых, были бы логически связаны между собой и, во-вторых, вызывали бы активный интерес у большинства испытуемых. Необходимо подбирать такие вопросы, смысл которых был бы очевиден для всех членов изучаемой социальной группы. Целесообразно при этом учитывать социально-демографические, профессиональные, психологические и другие признаки.

Часто в социометрическом исследовании ставится задача выявить неформальную структуру авторитетности, вскрыть отношения лидерства и подчинения, основанные на процессах межличностного взаимовлияния. Для этих целей применяются так называемые *одинарные ролевые критерии* лидерства—подчинения. Выделение такого типа критериев в самостоятельную группу основано на допущении, что человек, способный на взаимопомощь, поддержку товарища, постоянное дружеское общение с ним, иногда не способен взять на себя руководство его поведением в каких-либо важных для них обоих жизненных ситуациях. Этот случай, однако, не исчерпывает моди-

фикации симметричных отношений. Некоторые люди только тогда ощущают внутренний комфорт и уверенность в совместной деятельности, когда находят себе достойный образец для подражания, т. е. сильного и авторитетного лидера. Другие, наоборот, постоянно проявляют стремление к лидерству. Поэтому в любой группе неформальные отношения лидерства и подчинения представляют собой относительно самостоятельную вертикальную групповую структуру, нередко совпадающую с официальным распределением ролей. Изучить ее можно с помощью одинарных ролевых критериев лидерства—подчинения. Например: «Кого из членов вашей бригады вы выбрали бы своим бригадиром?» — или: «Кого из членов вашей группы вы бы выбрали в качестве лидера вашей группы в самые ответственные моменты выполнения производственной программы?». Вопросы можно сформулировать и в обратном порядке, т. е. с требованием отрицательного выбора. Для получения полной социометрической структуры выборов-отвержений желательно включить в социометрическую карточку обе формы формулировок критерия: положительную и отрицательную.

Ролевые критерии лидерства могут быть сформулированы и несколько иначе. Например: «Если бы вы организовывали для членов вашей группы и своих знакомых турпоход или вылазку за город, то кого из членов вашей группы вы пригласили бы в организационную вашу компанию?». Здесь опрашиваемый сам выступает в роли лидера. Прежде чем ответить на социометрический критерий, он должен вообразить себя в позиции лидера, поставить себя на его место. В первом случае, когда спрашиваем о желаемом лидере, получаем групповую структуру неофициальных влияний на основе отображения реально сложившихся в группе отношений членов к желаемому и популярному лидеру, во втором — структуру на основе воображаемого выбора желательных компаньонов и подчиненных. Если в результате сравнения такие структуры будут не похожи друг на друга, то можно сделать вполне правомерный вывод о недостаточной структурированности группы. Если такие структуры совпадают, то это говорит о наличии осознаваемой членами группы дифференциации ролей и иерархии влияний в группе. Выяснение этих вопросов имеет прямое отношение к изучению социально-психологических возможностей данной группы при решении тех или иных задач в совместной работе. Например, в спортивных командах эти отношения во многом определяют сыгранность игроков и коллективно-психологиче-

ские возможности команды в наиболее острые моменты спортивного состязания. Малейшее неподчинение игровому лидеру в атакующей ситуации ведет к ошибкам во взаимодействии, срыву инициативы. В зависимости от того, какую групповую структуру мы исследуем, выбирают те или иные критерии.

Кроме указанных разновидностей социометрических критериев, часто необходимо знать, насколько группа осознает и правильно оценивает внутригрупповые связи. Такое исследование можно осуществить также с помощью социометрических приемов, называемых «*тестом социальной перцепции*» (см.: Орн, 1970, с. 111–122). Для этого необходимо включать в социометрическую карточку критерии гностического характера. Последние формулируются следующим образом. Например, в приводимом ниже отрывке из социометрической карточки под номером 1 задаются положительный и отрицательный критерии лидерства. Буква К означает коммуникативный критерий, а буква Г — гностический.

Сопоставление данных по коммуникативным (К) и гностическим (Г) критериям позволяет сделать вывод о степени осознанности структуры взаимоотношений в группе. Социальному психологу такой прием помогает изучить характер восприятия и понимания участниками друг друга в различных знаковых, смысловых ситуациях общения и взаимных оценок.

Каким же образом подобрать значимые и устойчивые критерии для социометрии?

Проиллюстрируем это примером конкретного социометрического исследования нескольких групп студентов психологического факультета Ленинградского университета (Волков, 1970, с. 33–35). Исследователи поступали следующим образом. Была сформулирована гипотеза о том, что для студенческой молодежи значимыми могут оказаться только те критерии, которые непосредственно отражают сущность познавательных потребностей в студенческом возрасте применительно к специфическим условиям учебы и быта изучаемых групп. Чтобы выяснить такие субъективные значимые ситуации, было решено произвести со студентами ряд нестандартизированных интервью. Задавался один вопрос: «О чем вы только что беседовали с товарищами вашей группы в перерыве после лекции?». На основе данных интервью отобрали 20 различных критериев. Однако в социометрическую карточку были включены лишь шесть наиболее значимых критериев и один наименее значимый (для сравнитель-

ного анализа). Для определения степени субъективной значимости критерия (силы критерия) был проведен письменный опрос студентов того же факультета по принципу случайной выборки.

В процессе опроса каждый опрошиваемый давал по 10-балльной шкале оценку каждому критерию по степени личного интереса к нему. Шкала была составлена таким образом, что оценка в 10 баллов давалась наиболее интересному вопросу. После статистической обработки результатов опроса были рассчитаны средние шкальные оценки критериев, полученные от 80 опрошенных студентов, вычислены среднеквадратичные отклонения, характеризующие устойчивость интереса к вопросу, затем вычислены коэффициенты корреляции между показателями шкальных оценок по каждой паре критериев. В социометрическую карточку вошли лишь шесть критериев, средняя шкальная оценка которых колебалась в пределах от 7 до 5,3 балла, а среднеквадратичное отклонение колебалось в пределах $\pm 2,8$ балла. Все эти критерии оказались положительно связанными между собой (коэффициенты корреляции в пределах $+0,49$ — $+0,23$ при достаточно высоком уровне значимости). В четырех случаях были получены низкие положительные корреляции между критериями различных типов, но их средние оценки оказались значительно выше других и они были включены в анкету.

Киевский социолог В. И. Паниотто предложил другой прием для измерения взаимного влияния ответов на разные социометрические критерии. Как, например, влияют ответы по вопросу *A* на ответы по вопросу *B*. Автор ввел коэффициент, который он назвал *коэффициентом причинности* (Паниотто, 1973, с. 34–35).

$$P_{AB} = \frac{\sum_{i=1}^n x_{AB}^{(i)}}{\sum_{i=1}^n x_A^{(i)}}$$

где P_{AB} — вероятность влияния ответов по критерию *A* на ответы по критерию *B*; $x_A^{(i)}$ — число выбранных лиц, названных *i*-м испытуемым по критерию *A*; $x_B^{(i)}$ — число выбранных лиц, названных *i*-м испытуемым по критерию *B*; $x_{AB}^{(i)}$ — число выбранных лиц, названных *i*-м испытуемым одновременно по критерию *A* и *B*.

Коэффициент причинности позволяет определить, в какой мере ответ на один критерий предопределяет ответ на социометрический критерий.

Социометрическая карточка

Социометрическая карточка, или социометрическая анкета, составляется на заключительном этапе разработки программы. От качества ее оформления во многом зависит результат опроса. В тех случаях, когда проводится анкетный опрос большого числа групп и людей по именной анкете (не анонимной, а с указанием имени и фамилии заполняющего), социометрические критерии могут быть включены в общую анкету наряду с другими вопросами, но их нужно выделить в особый подраздел анкеты. Такая форма социометрии требует в ходе ответов обязательного написания в анкете фамилий тех товарищей, которые предпочитают, или фамилий тех, которые отвергаются. Воспользоваться шифром здесь весьма трудно. В этом состоит одно из больших затруднений применения социометрии в рамках массового именного анкетного опроса. В то же время достоинство его в том, что он дает материал по межгрупповым взаимоотношениям.

Когда социометрия является предметом самостоятельного исследования, то порядок составления социометрической карточки таков:

1. Вначале готовятся списки членов социометрируемых групп. Каждый член группы должен иметь свой порядковый номер в списке. Это его шифр.
2. Затем составляется карточка с учетом размера изучаемой группы. Под заголовком «Социометрическая карточка» дается краткая инструкция к заполнению. Здесь указывается, что, отвечая на вопросы, необходимо в графу «выборы» проставлять номера тех членов групп по списку, которые наиболее полно соответствуют вашим отношениям к ним по предложенным критериям выбора.

Социометрическая карточка

№	Тип	Критерии	Выборы			
1	К	А) Кого бы вы хотели выбрать своим бригадиром? Б) Кого бы вы не хотели выбрать своим бригадиром?				
	Г	Как вы думаете, кто выберет вас по пункту а? Как вы думаете, кто выберет вас по пункту б?				

3. При опросе без ограничений выборов в социометрической карточке после каждого критерия должна быть выделена графа, размеры которой позволяли бы давать достаточно полные ответы.
4. При опросе с ограничением выборов справа от каждого критерия на карточке чертится столько вертикальных граф, сколько выборов мы предполагаем, разрешить в данной группе. Определение числа выборов для разных по численности групп, заранее заданной величиной $P(A)$ в пределах 0,14–0,25 можно произвести, пользуясь таблицей 1.

Таблица 1

Величины ограничения социометрических выборов

Число членов групп	Социометрическое ограничение d	Вероятность случаев выбора $P(A)$
5–7	1	0,20–0,14
8–11	2	0,25–0,18
12–16	3	0,25–0,19
17–21	4	0,23–0,19
22–26	5	0,22–0,19
27–31	6	0,22–0,19
32–36*	7	0,21–0,19

Примечание: * Внутригрупповая социометрия эффективна лишь в группах, члены которых хорошо знают друг друга.

5. В тех случаях, когда исследователю желательно установить сравнительную ценность сделанных предпочтений, в социометрическую карточку можно ввести своеобразную шкалу. Для этого в графе выборов указывают порядок выбора или предпочтения соответствующей цифрой — выбор в первую очередь, во вторую, в третью и т. д.;
6. Все данные по возрасту, полу, образованию и пр. лучше всего получить косвенным путем и не загромождать социометрическую карточку излишними вопросами. Однако, если по каким-то причинам это сделать затруднительно, то все подобные вопросы следует включать в конец карточки. Тут же, в конце карточки, должны быть напечатаны слова благодарности за помощь

исследователям или учреждению, проводящему опрос, и уверенность в том, что данные анкеты будут достоянием только научного анализа и огласке и обсуждению в группе не подлежат. В заключительной части некоторых социометрических карточек иногда пишется вежливое напоминание заполняющему проверить ответы, посмотреть, не забыл ли испытуемый указать свой шифр (номер) в начале листа и т.д.

Опыт социометрических измерений показывает, что если карточка оформлена типографским способом, написана простым, ясным языком, не утомляет при чтении, не вызывает лишних вопросов, то и заполнение ее значительно облегчается, а надежность ответов повышается.

При проведении межгрупповой социометрии участникам предъявляются списки членов всех групп, межличностные коммуникации между которыми требуется установить. Опросник должен быть составлен с учетом числа групп, их размера по общим правилам. Можно просить участников социометрии писать ответы в форме фамилий членов групп. Но, как свидетельствует опыт, такая форма ответов менее эффективна, чем ответы с помощью шифра, скажем, порядкового номера фамилии того или иного члена группы по списку, о чем говорилось выше.

Подготовка социометрического опроса

Результативность социометрии во многом зависит от соответствующей психологической подготовки опрашиваемых. Здесь не должно быть места никакому искусственному или административному нажиму со стороны исследователя или заинтересованных лиц. Заполнение социометрической карточки — дело добровольное, сугубо личное и интимное. У начинающих исследователей часто возникают сомнения в успехе опроса только потому, что ряд лиц сразу же отказывается участвовать в опросе. Чтобы избежать таких инцидентов, необходима предварительная социометрическая разминка. Она может быть проведена в двух формах. Либо в форме индивидуальной беседы исследователя с каждым членом группы, либо беседы с группой в целом. В любом из этих случаев необходимо корректно и кратко изложить в научно-популярной форме задачу опроса, указать на его научную важность и уверить испытуемых в полном сохранении тайны опроса.

Иногда встречаются группы, желающие незамедлительно узнать результаты опроса. Нецелесообразно сообщать такие результаты сразу в один сеанс, нужно подготовить мнение всех членов группы и тех, которые оказались в положении аутсайдеров. В таких случаях важно помнить, что, раскрывая перед членами группы систему их неформальных связей, исследователь замыкает массу новых информационных обратных связей, ранее не осознаваемых членами группы. Это может привести к нежелательным напряжениям в структуре группы или вылиться в инциденты и даже конфликты в общении. Лишь в специальном лабораторном социометрическом эксперименте вполне допустимо и оправданно раскрытие итогов социометрии перед всей группой сразу после опыта. Задача исследователя в таких случаях — показать полную личную незаинтересованность в сообщаемых фактах, иначе повторный опрос окажется неэффективным.

При заполнении социометрических карточек каждому участнику должна быть предоставлена самостоятельность. Не должно быть никаких подсказок со стороны, не разрешается брать социометрическую карточку домой. Если участник опроса затрудняется вспомнить членов группы из списка, следует помочь ему установить фамилии тех, кого он хочет отметить в карточке. Условия заполнения должны быть по возможности равными для всех. Чем меньше социометрических критериев, чем лучше оформлена карточка и чем лучше информирована группа о предстоящем опросе, тем меньше времени нужно для опроса. Лучше всего опрашивать группу фронтально, т. е. всех одновременно, например, в классе, в красном уголке или в аудитории. Исследователь должен всегда держаться приветливо и уверенно. Не следует посвящать участников в тонкости дела. Заполненные социометрические карточки возвращаются исследователю. Нельзя перепоручать сбор социометрических карточек кому-либо из неподготовленных членов группы. Хорошая и добросовестная предварительная подготовка опроса, основанная на достаточном знании техники социометрии и личном предварительном знакомстве исследователя с участниками опроса, как правило, дает надежные социометрические факты. Когда социометрические карточки заполнены и собраны, начинается этап их математической обработки. Простейшими способами количественной обработки являются табличный, графический и индексологический.

Социоматрица

Вначале следует построить простейшую социоматрицу. Пример социоматрицы дан в таблице 2. Результаты выборов разносятся по матрице с помощью условных обозначений.

Таблица 2

Пример социоматрицы для группы, численностью N-членов

№	Кто выбирает: фамилия испытуемого j-е члены	i-е члены: Кого выбирают	Сделанные выборы		Всего
		1, 2, 3, 4, 5, ...	(+)	(-)	
1	А-ов	+ + — — ...	2	2	4
2	В-ин	+ + — — ...	2	2	4
3	Г-ев	+ + ...	2	0	2
4	П-ов	+ — — + ...	1	1	2
5	С-ов	+ — — + ...	2	2	4
6
...
...
N
Полученные (+) выборы (—)		4, 2, 2, 1, 0, ... 0, 1, 1, 2, 3, ...	9	7	16

Примечание: + — положительный выбор; — — отрицательный выбор.

Анализ социоматрицы по каждому критерию дает достаточно наглядную картину взаимоотношений в группе. Могут быть построены суммарные социоматрицы, дающие картину выборов по нескольким критериям, а также социоматрицы по данным межгрупповых выборов.

Табличные приемы представления социометрических выборов достаточно разнообразны, их модификации зависят от уровня математической подготовки исследования. Так, например, в работе Н. В. Кузьминой показаны социоматрицы выборов, дающих возможность сравнительного анализа данных на разных этапах изменений (Кузьмина, 1970, с. 92—94).

Основное достоинство социоматрицы — возможность представить выборы в числовом виде, что, в свою очередь, позволяет про ранжировать членов группы по числу полученных и отданных выбо-

ров, установить порядок влияний в группе. На основе социоматрицы возможно построение социогаммы — карты социометрических выборов (социометрической карты), а также расчет социометрических индексов.

Социогамма

Социогамма — схематическое изображение реакции испытуемых друг на друга при ответах на социометрический критерий. Социогамма позволяет произвести сравнительный анализ структуры взаимоотношений в группе в пространстве на некоторой плоскости («щите») с помощью специальных знаков (рисунки 4).

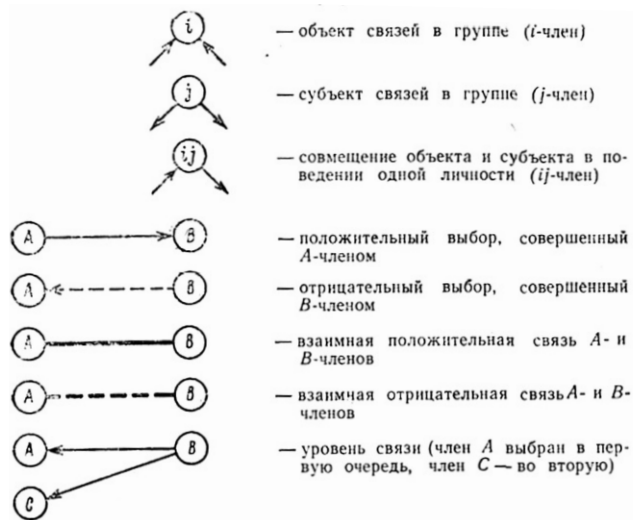

Рис. 4. Символика социогаммы

Социогаммная техника является существенным дополнением к табличному подходу в анализе социометрического материала, ибо она дает возможность более глубокого качественного описания и наглядного представления групповых явлений.

Построению социогаммы предшествует заполнение социоматрицы, затем идет выбор соответствующего графического символического языка для обозначения различных типов социометрических связей.

Различают несколько типов социограмм. Социограммы *произвольного вида* показывают комбинацию связей с наиболее удобным (рисунок 5) расположением членов группы по результатам выборов. Социограммы *локограммного вида* (от слова «локус») заранее располагают на плоскости членов группы так, чтобы это расположение моделировало их действительное местоположение в том помещении, где происходит основная деятельность группы, например в помещении цеха, в классе и пр.

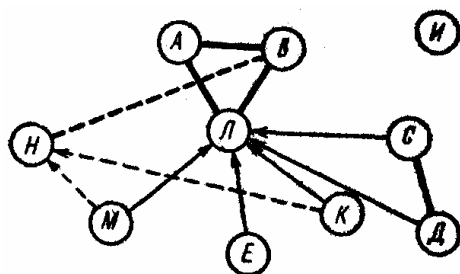

Рис. 5. Социограмма

Распространены также *концентрические* или *мишневые* социограммы, располагающие всех членов группы на концентрических окружностях, вписанных друг в друга. Чем выше положительный статус, тем ближе к центру круга располагается член группы, и наоборот.

Анализ социограммы начинается с отыскания центральных, наиболее влиятельных членов, затем взаимных пар и группировок. Группировки составляются из взаимосвязанных лиц, стремящихся выбирать друг друга. Наиболее часто в социометрических измерениях встречаются положительные группировки из 2, 3 членов, реже — из 4 и более членов (см. рисунок 5).

Группировки выполняют роль эмоционально-психологических ядер систем общения. Их наличие или отсутствие характеризует «психологический климат» группы.

В социограмме на рисунке 4 положительную взаимную группировку составляют члены АВЛ и СД, отрицательную взаимную группировку — НВ. В остальных случаях члены группы на рисунке 4 объединены односторонними связями. В хорошо организованных, сплоченных группах лидеры группировок положительно взаимосвязаны, что находит отражение в социограмме.

Социометрические индексы

Различают персональные социометрические индексы (П. С. И.) и групповые (Г. С. И.). П. С. И. дают характеристики индивидуальных социально-психологических свойств личности в роли члена группы. Г. С. И. дают числовые характеристики целостной социометрической конфигурации выборов в группе. Они описывают свойства групповых структур общения. Основными П. С. И. являются *индекс социометрического статуса* i -члена, *эмоциональной экспансивности* i -го члена, объема, интенсивности и концентрации взаимодействия ij -го члена. Символы i и j обозначают одно и то же лицо, но в разных ролях: i – выбираемый, j – он же выбирающий, ij – совмещение ролей.

Индекс социометрического статуса i -го члена группы определяется по формуле (3.1):

$$C_i = \frac{\sum_{l=1}^N (R_i^+ + R_i^-)}{N-1}, \quad (3.1)$$

где C_i – социометрический статус i -го члена, R_i – полученные i -м членом выборы, \sum – знак алгебраического суммирования числа полученных выборов i -го члена, N – число членов группы.

Социометрический статус – это свойство личности как элемента социометрической структуры занимать определенную пространственную позицию (локус) в ней, т. е. определенным образом соотноситься с другими элементами. Такое свойство развито у элементов групповой структуры неравномерно и для сравнительных целей может быть измерено числом – индексом социометрического статуса. Элементы социометрической структуры группы – это личности, члены группы. Каждый из них в той или иной мере взаимодействует с каждым другим, общается, непосредственно обменивается информацией и т. д. В то же время каждый член группы, являясь частью целого (группы), своим поведением воздействует на свойства целого. Реализация этого воздействия протекает через различные социально-психологические формы взаимовлияния. Субъективную меру этого влияния подчеркивает величина социометрического статуса. Но личность может влиять на других двояко – либо положительно, либо отрицательно. Поэтому принято говорить о положительном и об отрицательном статусе. Статус также измеряет потенциальную способность человека к лидерству. Чтобы высчитать социометрический статус, необходимо воспользоваться данными социоматрицы.

Возможен расчет C_i^+ — положительного — и C_i^- — отрицательно-го статуса в группах малой численности (N).

Индекс эмоциональной экспансивности j -го члена группы высчитывается по формуле (3.2):

$$E_j = \frac{\sum_{i=1}^N (R_j^+ + R_j^-)}{N-1}, \quad (3.2)$$

где E_j — эмоциональная экспансивность j -го члена, R_i — сделанные i -м членом выборы (+, -).

С психологической точки зрения показатель экспансивности характеризует потребность личности в общении.

Из Г. С. И. наиболее важными являются следующие.

Индекс эмоциональной экспансивности группы — высчитывается по формуле (3.3):

$$A_g = \frac{\sum_{j=1}^N \left(\sum_{i=1}^N R_j^{(+, -)} \right)}{N}, \quad (3.3)$$

где A_g — экспансивность группы, N — число членов группы.

Индекс (3.3) показывает среднюю активность группы при решении задачи социометрического теста (в расчете на каждого члена группы).

Индекс психологической взаимности (сплоченности группы) в группе высчитывается по формуле (3.4):

$$G_g = \frac{\sum_{i,j=1}^N \left(\sum_{i,j=1}^N A_{ij}^+ \right)}{1/2 \cdot N(N-1)}, \quad (3.4)$$

где G_g — взаимность в группе по результатам положительных выборов, A_{ij}^+ — число положительных взаимных связей в группе.

При умножении формулы (3.4) на 100 она покажет удельный вес положительной взаимности в группе по отношению к теоретически возможной взаимности в процентах. При анализе «кругов общения» возможно применение других индексов (Коломинский, 1969, с. 202–212).

С точки зрения количественной природы тех величин, которые мы получаем при вычислениях размера индивидуального статуса, это не что иное, как величины условных вероятностей выбора того или иного члена группы другими членами либо в положительном, либо в негативном отношении. Если эта величина значительно больше или значительно меньше вероятности случайно полученного выбора (см. формулу 1), то можно говорить о том, что социомет-

рический статус данного индивидуума отражает необходимые и существенные особенности его роли и позиции в структуре группы. Если же величина статуса близка или равна величине вероятности случайного выбора, то она еще не отражает необходимых и существенных межличностных связей данного члена группы с остальными. Однако такие теоретические допущения оправданы лишь в случае процедуры с ограничением выборов. При социометрии без ограничений выборов теоретически вероятность случайного выбора равна 1.

Сравним:

<i>Непараметрическая социометрия</i>	<i>Параметрическая социометрия</i>
Условие: $N=15$	Условие: $N=15$
$d=(N-1)$	$d=3$

Вероятность случайного выбора:

$$P_1(A) = \frac{(N-1)}{(N-1)} = 1, \quad P_2(A) = \frac{d}{N-1} = \frac{3}{14} = 0.21.$$

Сравнение теоретических и эмпирических показателей социометрического статуса весьма важно при диагностике лидерства и прогнозировании поведения членов группы в целом. Вышеприведенный пример наглядно показывает целесообразность введения в социометрию величины d (социометрическое ограничение).

Существует много других индексов, расчет которых основан на применении данных социометрии. Введение более сложных индексов, характеризующих групповое взаимодействие, обычно связывается с применением различных социометрических шкал для ранговой оценки типа социометрической связи и социальной дистанции между элементами групповой структуры.

Надежность измерений

Те или иные способы количественной оценки надежности данных социометрии должны вытекать из задач исследования и его гипотез. При этом должен использоваться аппарат математической статистики (например, t -критерий по Стьюденту при малом количестве измерений).

Задача определения статистических мер надежности полученных данных зависит в социометрии от числа измерений. Чем больше это число, тем выше ожидаемая надежность фактов. Поэтому вряд ли

имеет смысл производить оценку устойчивости данных, полученных в одномоментном социометрическом срезе на группах менее 25 человек. В этом случае целесообразнее дать качественную оценку надежности результатов измерений с помощью дополнительной информации об изучаемой группе, например методом интервью. Следует также иметь в виду, что статистические приемы оценки надежности данных, построения полигонов распределения выборов и т. д. оправданы лишь при условии действия закона больших чисел, т. е. на выборах не менее 30 человек. Поэтому для оценки надежности социометрии на малых группах целесообразно использовать результаты изучения этих же групп, полученные другими методами. Например, методом рейтинга, парных сравнений и т. д.

Желание некоторых исследователей проверять результаты социометрии методом наблюдения за группой либо методом «выбора в действии» зачастую приносит разочарование, ибо данные социометрических выборов отнюдь не всегда совпадают с наблюдаемыми взаимодействиями этих же лиц или с выборами их в действии. Это расхождение, однако, не дает оснований сомневаться в достоверности социометрических данных, оно лишь подчеркивает психологическую специфичность социометрической структуры группы, скрытой под внешним слоем взаимодействий. Поэтому в таких случаях более адекватными методами проверки социометрии являются интервью с испытуемыми по поводу мотивации их выборов либо повторные социометрические замеры для выявления устойчивости выборов.

Таким образом, прикладная ценность социометрической техники состоит в возможности проникнуть в невидимые на официальном уровне, но реально существующие групповые структуры межличностных взаимоотношений с целью их изучения или перестройки.

Ограниченность же данного метода заключается в субъективном подходе к природе получаемой информации о взаимоотношениях людей, в невозможности дать оценку надежности данных на малых выборах без привлечения других методов исследования.

§2. Групповая оценка личности

Появление групповой оценки личности в методическом арсенале социальной психологии связано с прикладными исследованиями личности в педагогической и промышленной психологии в целях эмпирической констатации наличия степени выраженности (раз-

вития) социально-психологических качеств ребенка, ученика, студента, рабочего, бригадира, инженера и т.д.

Групповая оценка личности во многих отношениях напоминает экспертную оценку, которая широко используется в промышленности при оценке изделий, поэтому нередко групповую оценку личности называют экспертной оценкой личности, с чем нельзя согласиться, так как под экспертом понимается специалист высшей категории, «знаток» конкретно определенной сферы явлений и объектов. В отношении людей экспертами являются специалисты — психологи и педагоги, которые в любом случае могут помочь интерпретировать результаты групповой оценки личности, но выступить в качестве субъектов оценки они могут лишь в том случае, когда сами являются членами производственного коллектива. Поэтому субъектов групповой оценки личности называть экспертами можно метафорически.

Широкое распространение групповая оценка личности получила в промышленной психологии, где на ее основе пытаются решать вопросы отбора и расстановки кадров. Проблемами групповой оценки личности на сегодняшний день занимается такое большое число ученых у нас и за рубежом, что перечислять их фамилии не имеет смысла.

Анализ работ многочисленных авторов позволяет сделать следующие выводы:

1. Проблема оценки производственных кадров является важнейшей задачей в общественной экономике на современном уровне развития производства и общественной жизни, как для социалистических, так и для капиталистических стран.
2. Решить эту задачу призвана психологическая наука, которая в этих целях чаще всего использует методы групповой оценки личности и тестов.
3. О возможности создания универсальной методики групповой оценки личности (ГОЛ) существует противоречивое мнение. Одни исследователи считают это невозможным, другие, как, например, Ликерт, видят достаточно оснований для предположения, что эффективное руководство имеет почти во всех областях работы одинаковые характеристики.
4. Содержательная сторона методики ГОЛ очень сильно варьируется у различных исследователей по перечню качеств личности, включаемых в опросники для оценки. Эти вариации касаются следующих моментов:

- числа качеств, которое у разных исследователей варьируется от 20 до 180;
 - уровня обобщенности определений-слов этих качеств;
 - словесных форм, когда одно и то же смысловое (семантическое) содержание представлено в различных понятиях-словах (например, «добросовестность»—«ответственность»).
5. Число респондентов, используемых для характеристики аттестуемых, определяется различными авторами без сколько-нибудь убедительной аргументации и также варьируется с большой неопределенностью. Тем не менее М. Форверг считает, что объективность ГОЛ возрастает по мере увеличения числа респондентов. Данные Ф. Г. Гурвича позволяют считать, что использование 15–20 экспертов для оценки объекта является статистически оправданным. Практика психологических экспериментов показала также, что 15 испытуемых достаточно для получения результатов на 5% уровне вероятности ошибки.
 6. Размерность шкал для количественной оценки качеств (интенсивности их выраженности, веса) у различных исследователей неодинакова. Здесь нет сколько-нибудь единого мнения и каждый исследователь избирает размерность шкалы в зависимости от того, насколько ему удобнее интерпретировать результат. Однако большинство исследователей пользуется порядковой пятиступенчатой шкалой.
 7. Проблемы практического использования методики ГОЛ, определение границ ее возможного применения зависят от того, насколько верно будет понята психологическая сущность групповой оценки личности как социально-психологического явления.

Психологическая сущность ГОЛ

Производственная деятельность каждого человека протекает в условиях взаимодействия с другими людьми (начальниками, подчиненными, сотрудниками, равными по рангу), т. е. в условиях должностного (официального) и неофициального общения. Производственная деятельность людей носит общественный, коллективный характер. В этом смысле успех производственной деятельности конкретного работника зависит не только от его индивидуальных способностей, например, к инженерной деятельности, но и от тех межперсональных отношений, которые сложились у него с другими членами кол-

лектива. Эти отношения могут благоприятствовать или, наоборот, препятствовать развитию, раскрытию и реализации индивидуальных потенций личности.

В процессах производственного взаимодействия (общения) у членов коллектива вырабатываются взаимные представления друг о друге как о хорошем или плохом специалисте, товарище, человеке и т. д. Эти представления являются результатом каждодневного восприятия деятельности и поведения своих сотрудников, начальников, подчиненных. По содержанию эти представления являются оценочными характеристиками различных свойств личности (характера, способностей, знаний, умений, воли и др.).

В процессах общения, на основе возникающих друг о друге представлений формируется некоторое *общественное мнение* о каждом из членов производственного коллектива (подразделения).

В том, что ГОЛ есть отражение общественного мнения о человеке, заключена ее социально-психологическая сущность, которая, в свою очередь, состоит в том, что она есть результат взаимного познания людей друг другом в процессах непосредственного или опосредованного общения. Таким образом, ГОЛ детерминирована особенностями общения людей в процессах индивидуально-личностного сотрудничества.

Поэтому логично предположить, что ГОЛ будет детерминирована структурой общения между людьми, которые выступают в ролях объектов и субъектов оценки личности. Структура же общения, в свою очередь, детерминирована официальной административно-организационной структурой предприятия и неофициальными деловыми (производственными) и личными контактами.

Из социально-психологической сущности ГОЛ, которая состоит в том, что она является отражением общественного мнения о человеке, вытекает *задача анализа (изучения) структуры общения между объектами и субъектами оценки личности*, необходимость учета социально-психологической позиции личности (СППЛ) в коллективе.

Из того, что ГОЛ есть статистическая совокупность *индивидуальных представлений* о человеке, следует ее общепсихологическая сущность, которая состоит в том, что ГОЛ, как и всякое представление, есть воспроизведенный (вторичный) образ объекта (человека в данном случае), полученный в прошлом опыте в процессе восприятия этого объекта (человека).

Объективная ценность представлений состоит в том, что они базируются на конкретно-чувственном (практическом) взаимодействии с объектом, т.е. на опыте общения с человеком, когда речь идет о ГОЛ. В представлении выделяются и фиксируются наиболее важные, сущностные особенности объекта, что и придает ГОЛ особую диагностическую силу.

Представление всегда носит более или менее обобщенный характер, поскольку впечатление об объекте (человеке), фиксируемое в представлении, неразрывно связано с его словесным оформлением (вербализацией).

Центральной психологической проблемой ГОЛ, как и всякого представления, является проблема адекватности объекту (на уровне здравого смысла эту проблему облачают в понятие «объективность»).

Следующий аспект анализа психологической сущности ГОЛ проистекает из личностной природы объекта оценки. Поскольку объектом ГОЛ является человек, постольку и в содержании ГОЛ отражаются все его индивидуальные, личностные и индивидуальные особенности как субъекта труда, общения и познания. Здесь мы сталкиваемся еще с одной общепсихологической проблемой – проблемой структуры личности.

Практическое значение этой проблемы для данного исследования состоит в необходимости определения соотносительной важности тех или иных свойств человека при выполнении конкретных функций.

Исследования в области психологии познания людьми друг друга показали, что «континуум элементов структуры личности» представленной в общей психологии, не охватывает всего объема возможных характеристик человека, которые имеют место при его социально-психологической интерпретации. Это, возможно, связано с тем, что человек в традиционной психологии, которая вышла из философской теории познания, рассматривался как гносеологическая категория, т.е. всего лишь как субъект познания. Социальная психология, которая к тому же сделала своим предметом человека как субъекта общения, расширила представление о личности, включив в изучение личности не только гносеологический аспект человеческого сознания, но и онтологическую сущность его функционирования (Панферов, 1970).

Это обстоятельство указывает на необходимость в конструировании методики ГОЛ обратиться к достижениям социально-психологической теории личности.

Все высказанные предпосылки можно заключить следующим определением групповой оценки как социально-психологического феномена: *групповая оценка личности* есть концентрированное выражение общественного мнения о человеке, члене социальной общности, образ-представление о личности, фиксируемый в форме суждения.

Психологическая сущность ГОЛ определяет границы ее практического использования. Здесь необходимо отдавать себе отчет о том, что ГОЛ не является прямым способом диагностики человеческих способностей. Она есть всего лишь отражение некоторых свойств личности, проявленных человеком во внешнем поведении как деятельности, т. е. ГОЛ отражает с большей или меньшей степенью адекватности потенции личности по внешним признакам поведения и деятельности.

ГОЛ содержит информацию о реальных проявлениях личностных потенций и позволяет определить фактическую сторону в поведении личности независимо от того, выяснен ли вопрос о наличии или отсутствии способностей к производственно-ролевому функционированию. Поэтому ГОЛ следует понимать, как научно составленную информацию об уровне проявления качеств личности оцениваемого сотрудника в конкретном производственном коллективе.

В связи с этим санкции, связанные с моральным или материальным наказанием человека, на основании ГОЛ осуществлять нельзя, так как это может быть, с одной стороны, несправедливо, с другой стороны, это дискредитирует сам метод и идею аттестации и, с третьей стороны, нарушают морально-целостное единство психологической атмосферы в коллективе.

Положительное использование ГОЛ на практике возможно в целях отбора резерва на выдвижение, научной организации воспитательных воздействий на личность, как это имело место в психолого-педагогическом эксперименте А. Ф. Лазурского.

Адекватность ГОЛ

Адекватность как проявление истинности ГОЛ зависит от следующих трех основных моментов:

- 1) познавательных способностей субъектов, которые производят оценку «экспертов»;
- 2) от того, насколько объект оценки (аттестуемый) сумел проявить свои свойства;

- 3) от позиций (ситуаций), в которых происходит взаимодействие и взаимопознание субъекта и объекта ГОЛ, т.е. «эксперта» и аттестуемого.

Из первого момента, обуславливающего адекватность ГОЛ, вытекает проблема подбора «экспертов». Сложность решения этой проблемы состоит в том, что психологическая наука в настоящее время не располагает средствами диагностики способностей к пониманию других людей. Поэтому проблема подбора «экспертов» пока может решаться с опорой на математическую теорию вероятности, поскольку ГОЛ есть коллективное представление о личности. Здесь возникает вопрос о том, как статистические закономерности детерминируют степень адекватности группового суждения? Какое число «экспертов» можно считать достаточным для того, чтобы обеспечить высокий уровень адекватности ГОЛ?

Дело в том, что «экспертом» следует считать не любого человека, способного к пониманию других людей, а только тех людей, которые находятся или находились с оцениваемым человеком в отношениях личного взаимодействия, т.е. имели опыт общения с ним по поводу решения трудовых, общественных и личных задач. Здесь возникает задача определения деловых и личностных связей в процессе производственного общения. Эти связи опишет СППЛ (социально-психологическую позицию личности) тех людей, которые выступают в роли «экспертов» и аттестуемых.

Социально-психологическая позиция личности (СППЛ) характеризуется системой связей и характером отношений между членами производственного коллектива. Характер деловых контактов людей задается официальной (административной) субординационной структурой. Однако целый ряд индивидуальных заданий решается по различным причинам за пределами этой официальной структуры, на базе неофициально возникающих контактов между сотрудниками. Неофициальные деловые отношения формируются как результат объективной необходимости для выполнения производственных заданий вследствие неэффективности официальной структуры.

Формально СППЛ на уровне официального общения может быть охарактеризована отношением «начальник—подчиненный», на уровне неофициального общения — тремя видами связей:

- 1) исходящими от личности;

- 2) направленными к ней;
- 3) встречными.

Система встречных деловых контактов может определить деловое ядро коллектива. Система устремленных к одному и тому же человеку связей будет характеризовать 1-го как ведущего в деловом отношении. Система исходящих от личности связей будет характеризовать ее коммуникативную активность.

Эти связи действуют внутри официальной структуры и могут перекрываться ею.

Официальная субординационная структура всякого предприятия предполагает три основных массовых уровня отношения «начальник—подчиненный»:

- 1) начальники подразделений (цеха, отдела, лаборатории);
- 2) руководители среднего звена (мастера, бригадиры, ведущие инженеры);
- 3) рядовые исполнители.

Неофициальные связи пронизывают все три уровня этого отношения. Следовательно, «экспертов» следует отбирать с учетом как их официальной, так и неофициальной позиции по отношению к аттестуемому.

По этим предпосылкам можно задать вполне определенную модель для отбора экспертной группы, которая будет репрезентироваться девятью субъектами по три с каждого официального уровня отношения «начальник—подчиненный». Эти трое должны определяться по наибольшей частоте каждого из видов неофициальных связей.

Стрелками в таблице 3 указано направление проявленных связей. Такова идеальная модель сочетания официальных и неофициальных структур взаимодействия. Эта модель характеризует девять возможных формальных СППЛ «экспертов» по отношению к одному и тому же аттестуемому. Однако на практике по отношению к конкретному аттестуемому эта идеальность может быть нарушена из-за отсутствия какого-либо из видов связей неофициальной структуры отношений. (Отбор «экспертов» можно производить средствами социометрии.)

Описание аттестуемого со всевозможных СППЛ «экспертов» позволит получить более целостное представление о его личности со стороны проявленных качеств.

Таблица 3
Модель-схема отбора экспертов

Официальная структура	Неофициальная структура «Эксперты»—аттестуемые	Частоты связей
Уровень начальников подразделения	1.→1	max
	2.→1 ←	max
	3.→1	max
Уровень руководителей среднего звена	4.→1	max
	5.→1 ←	max
	6.→1	max
Исполнительский рядовой уровень	7.→1	max
	8.→1 ←	max
	9.→1	max

Второй вопрос по отбору «экспертов» связан с определением оптимального статистически показательного числа «экспертов». Здесь мы имеем возможность сослаться на данные, приводимые в статье Ф. Г. Гурвича «Методы и процедуры получения экспертной информации», где опубликован результат исследования зависимости величины ошибки от числа экспертов. Данные свидетельствуют об уплощении кривой ошибок, когда число экспертов достигает 15 субъектов. По данным этого исследования, 15–20 экспертов можно считать числом статистически достоверным для практически адекватного описания объекта (Гурвич, 1973).

Классификация качеств личности аттестуемого

Здесь излагаются принципы отбора качеств личности на примере ГОЛ инженера и составление их достаточно полного перечня.

Достаточно полным перечнем качеств можно считать такой, который отражает всю личностную структуру инженера как функционала производства, что предполагает наличие в этой структуре ряда общих и специфических личностных качеств, свидетельствующих о профессиональных способностях инженера.

Профессиональные качества личности формируются в трудовых процессах, специфика которых порождает и профессиональную спе-

цифику личности. Труд является главной детерминантой развития личности. Следовательно, самым объективным и адекватным основанием для определения перечня качеств личности инженера будет его функциональная структура деятельности. Для выяснения этой структуры необходим анализ конкретного трудового процесса инженера, выступающего в качестве рядового исполнителя, руководителя среднего звена (ведущий или старший инженер), руководителя подразделения (начальник лаборатории или отдела).

Другим основанием для разработки перечня качеств и их классификации может послужить общепсихологическая структура личности. Недостатком этого основания классификации качеств личности инженера явится то, что она задается априори по отношению к конкретным требованиям трудовой деятельности инженера, а в силу этого может быть излишне громоздкой и смещенной в решении соотносительной ценности качеств личности в деятельности инженера.

Третьим основанием для классификации качеств личности может послужить эмпирическое представление о личности инженера самих инженеров. Относительный недостаток этого основания по сравнению со вторым состоит лишь в том, что на уровне эмпирических представлений структура личности инженера может быть отражена в менее четких понятиях по сравнению с научными определениями. Но зато, во-первых, это основание содержит в себе адекватную и конкретную детерминацию характером трудовой деятельности инженера, хотя и отраженную, субъективно выраженную в индивидуальных представлениях инженеров, во-вторых, эмпирические представления изложены на практическом, жизненном языке инженеров.

В пользу этого обстоятельства говорит методологический принцип, установленный в результате конкретных исследований американской социальной психологии: субъекты достигают большего согласия в оценках, когда им разрешают использовать их собственную терминологию и категории, чем тогда, когда они вынуждены давать ответы, выбирая из предложенного перечня (The handbook of social psychology, 1969, vol. 3, p. 401).

Таким образом, через предварительное изучение эмпирических представлений инженеров о собственной профессии попутно решается еще одна проблема методики – это проблема поиска адекватных по смыслу слов-понятий для обозначения качеств личности инженера.

Однако всё-таки разработка перечня качеств, подлежащих оценке, должна производиться с опорой на все три основания для классификации, так как каждое из них объективно не находится в каком-либо противоречии как друг с другом, так и с научными принципами классификации. Все эти три основания лишь взаимовыгодно дополняют друг друга.

Функциональная структура деятельности инженера до сих пор операционально не изучена. Имеются лишь общие описания некоторых элементов, и то относящихся к структуре творческого процесса вообще. На основе таких описаний и составляются более или менее удачные перечни некоторых качеств, необходимых в деятельности инженеров.

Анализ функциональной структуры деятельности инженера позволяет определить общий характер труда инженера как творческий труд, основанный на мыслительных операциях пространственными отношениями вещей и их физическими свойствами. Следовательно, первое место и определяющее значение в классификационной структуре личности инженера должно быть придано творческим и умственным способностям.

Общепсихологическая структура личности в данном случае может быть использована для группировки эмпирически обозначенных качеств и для их последующей научной интерпретации. Сами же понятия о конкретных качествах инженера этой структуры вывести довольно сложно, и к тому же подобный способ составления перечня не дает объективных гарантий в правильности его составления.

Поэтому на первом этапе разработки методики ГОЛ инженера необходимо обладать достаточной эмпирической информацией о качествах инженера. Такого рода информация может быть получена путем интервью или методом «свободных» характеристик, которые должны быть получены от самих инженеров. Так, например, инженерам различных рангов предлагается опросный лист, в котором опрашиваемый должен в свободной форме ответить на вопрос: какими качествами должен обладать: 1) инженер, 2) ведущий инженер, 3) начальник отдела?

Содержательный анализ полученной эмпирической информации позволяет определить тот набор качеств инженера, который мыслится как необходимый для данной изучаемой совокупности инженеров.

В этой же информации отражен и характерный для них язык (слова-понятия), в который облекается в практике общения оценочная структура личности инженера.

Такого рода прием поиска перечня качеств позволяет приблизить предлагаемые критерии оценки личности к системе эмпирических критериев, которые бытуют на изучаемом предприятии в производственном коллективе. Таким образом, удастся повысить степень объективности ГОЛ, хотя полностью и не исключаются индивидуальные отклонения в понимании некоторых качеств.

В целях нивелирования индивидуальных отклонений в понимании некоторых слов-качеств личности можно использовать специально составленный толковый словарь, который должен состоять из понятий, вошедших в оценочный опросный лист для характеристики личности.

В опытный вариант методики ГОЛ инженеров, разрабатываемый на кафедре социальной психологии ЛГУ, был включен толковый словарь из 109 понятий, которые описывают на эмпирическом уровне требования к личности инженера проекта.

109 качеств личности были классифицированы следующим образом:

- I. *Качества, выражающие отношение к работе:* трудолюбие, творческое отношение к работе, оптимистическое отношение к работе, внимательное отношение к работе, увлеченность работой, коммунистическое отношение к труду, «болеть» за производство.
- II. *Качества, характеризующие общий стиль человеческого поведения и деятельности:* целеустремленность, верность слову, принципиальность, деловитость, авторитетность, исполнительность, организованность, наблюдательность, работоспособность, оперативность, коммунистическая убежденность, личное обаяние, дисциплинированность, собранность, инициативность, настойчивость, смелость, продуктивность, активность. Аккуратность, находчивость, энергичность, самостоятельность.
- III. *Знания:* экономические знания, знание вопросов организации труда, техническая эрудиция, общая культура, математические знания, знание личных прав и обязанностей, технические знания по своей специальности, политический кругозор, гуманитарные знания, информированность о деятельности предприятия, его задачах и планах, богатство словарного запаса.
- IV. *Качества ума:* аналитичность, гибкость, сообразительность, рассудительность, критичность, прозорливость, широта, чувство юмора, логичность, способность к обогащению, оригинальность, пространственное мышление и воображение.

- V. *Качества, относящиеся к инженерно-организационной деятельности*: опытность в работе, умение обучать работе, умение проводить техническую политику, умение быстро переключаться с одной работы на другую, умение определять перспективу технического прогресса, умение контролировать работу, умение видеть задачу. Умение осуществлять взаимодействие с другими подразделениями, умение работать с литературой и справочниками, умение объяснять техническую задачу, умение сделать выводы по заданию. Умение ориентироваться в работе, умение планировать работу, умение решать техническую задачу, умение внедрять новое, умение распределять работу, рациональный подход к решению технической задачи (умение учесть технологические требования), умение читать чертеж, схему, богатство техническими идеями.
- VI. *Качества, относящиеся к административно-организаторской деятельности*: умение создать трудовую атмосферу, умение руководить людьми, знать свой коллектив, умение создать благоприятные отношения с коллективом, умение увлечь людей, умение постоять за коллектив, умение разбираться в людях, умение правильно поощрять и наказывать, умение убеждать людей.
- VII. *Качества, характеризующие отношение к людям*: дипломатичность, общительность, честность, коллективизм, справедливость, доброжелательность, доверчивость. не быть мелочным, воспитанность, уравновешенность, умение ладить с людьми, ненавязчивость, способность понимать других, терпимость к другим, уважение к другим. Не сковывать инициативу других, учитывать мнение других, забота о росте подчиненных, требовательность к другим, внимательность, индивидуальность в подходе к людям.
- VIII. *Качества, характеризующие отношение к себе*: самокритичность, скромность, требовательность к себе, самоотверженность, самосовершенствование, самолюбие, уверенность в себе.

Не требует каких-либо специальных доказательств положение о неравнозначности перечисленных выше качеств в том или ином виде инженерной деятельности, что ставит задачу на выяснение веса каждого из качеств в системе требований к деятельности инженера проекта. Эта задача может быть решена посредством ранжирования каждого качества по заданной шкале.

№	Качества	Отсутствие качества допустимо	Качество должно быть присуще	
			В большой степени	В малой степени
1	Технические знания	0	9 8 7 6 5	4 3 2 1
2	Вежливость...	0	9 8 7 6 5	4 3 2 1

В проведенном исследовании операция ранжирования качества проводилась по десятибалльной шкале (от 0 до 9).

Однако, как известно, проблема иерархии не решается простым установлением сравнительного веса качеств. Проблема иерархии предполагает выяснение еще и степени связанности, и группировки качеств, так как психологические качества личности не выявляются сами по себе, изолировано друг от друга. Они находятся во взаимобусловленных отношениях, которые, в конечном счете, и определяют силу выраженности того или иного качества.

Решение этой задачи на эмпирическом уровне производилось посредством корреляционного и факторного анализа. Корреляционный анализ позволял определить качества, которые наилучшим образом репрезентируют комплексы требований, а факторный анализ позволял определить их группировку.

В результате этих исследований удалось определить некоторый минимум качеств, который наиболее сильно в статистическом отношении представляет весь объем требований, выраженных в 109 качествах. В их число попали следующие качества:

1. *Качества, выражающие отношение к работе:* трудолюбие, внимательное отношение к работе, творческое отношение к работе.
2. *Качества, характеризующие общий стиль поведения и деятельности:* исполнительность, самостоятельность, верность слову, авторитетность, энергичность.
3. *Знания:* технические знания по своей специальности, математические знания, общая культура, информированность о деятельности предприятия, его задачах и планах.
4. *Качества ума:* гибкость, прозорливость.
5. *Инженерно-организационные умения:* умение решать техническую задачу, умение работать с литературой и справочниками, умение видеть задачу, умение обучать работе, умение ориентироваться в работе, опытность в работе, умение проводить техни-

ческую политику; умение осуществлять взаимодействие с другими подразделениями, умение объяснить техническую задачу, умение планировать работу.

6. *Административно-организаторские умения*: умение создать трудовую атмосферу, умение руководить людьми, умение постоять за коллектив, умение разбираться в людях, умение убеждать людей.
7. *Качества, характеризующие отношение к людям*: честность, беспристрастность, воспитанность.
8. *Качества, характеризующие отношение к себе*: требовательность к себе, скромность, уверенность в себе, самосовершенствование.

Следует заметить, что структура требований подвижна в зависимости от профиля инженерной деятельности и от должностного статуса инженера. Поэтому при использовании ГОЛ на предприятиях необходимо в каждом конкретном случае изучить специфику профессиональных требований по выше описанной последовательности.

ГОЛ складывается из оценки человека-объекта по качеству в пределах предлагаемой шкалы. По каждому качеству (при интервальной шкале) можно получить сумму всех оценок, их среднее значение, среднее квадратическое отклонение, коэффициент вариации и другие статистические показатели. Суммы оценок или их средние значения можно подвергнуть корреляционному и факторному анализу, т. е. к данным ГОЛ применим весь аппарат вариационной статистики.

§ 3. Оценочная биполяризация как метод социально-психологической диагностики

Биполярные измерения широко распространены в психологических исследованиях личности, качества которой описываются парными прилагательными-антонимами (сильный—слабый, трудолюбивый—ленивый, хороший—плохой и т. д.). В практике биполярных измерений личности применяются опросники типа «полярных профилей» (М. Форверг), «семантического дифференциала» (Ч. Осгуд), тесты, содержащие перечни биполярных факторов (Дж. Гилфорд, Р. Кеттелл, Г. Айзенк и др.).

Способность личности к биполярной оценке свидетельствует о двунаправленности ее отношений: человек вычленяет себя из окружающего мира с помощью оценки степени подобия себя окружающим и, как следствие, либо противопоставляет себя другим («Я»—«не Я»),

либо включает их в систему своего внутриличностного общения («Я»—«другие Я»). К. Маркс в «Капитале» отмечал, что человек рождается без зеркала в руках. «Человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» (Маркс, Энгельс, т. 23, с. 62).

Наблюдения также показывают, что практические работники, имеющие дело с людьми (врачи, учителя, руководители), основывают свою деятельность на допущении, что и другие люди сходны с ними, и поэтому нередко приписывают им качества, которыми обладают сами, отрицая черты, не свойственные им самим.

Биполярная оценка, таким образом, служит способом установления степени подобия индивида качествам тех «значимых других», которые попадают в его перцептуальную сферу. Сравнение себя с другими с помощью биполярной оценки оказывается основным механизмом социальной перцепции.

Поскольку оценка других производится на уровне не только реального, но и воображаемого общения, то степень осознаваемого подобия индивида другим выступает индикатором чувства тождественности, т. е. наличия у себя тех же качеств, которые он приписывает другим. Решающую роль в этом внутриличностном механизме играют особенности самосознания личности (наше «Я»), к которому мы обращаемся как к эталону и ориентиру для сравнения. Эта закономерность используется психологами для изучения качеств личности по тем оценкам или чертам, которые она дает (приписывает) другим. Сам же процесс приписывания оценок (черт) получил название персонификации.

Ю. Н. Емельянов, исследовавший особенности персонификации в организаторской деятельности, отмечает, что «способ, которым индивид поддерживает необходимый уровень самотождественности, находит отражение в отношениях (установках) значимым для него лицам» (Емельянов, 1975, с. 5). Качественные же оттенки своих отношений (установок) индивид обнаруживает в оценочных суждениях, которые классифицируются мышлением по схеме логических дихотомий. Поэтому и возникает явление биполярной оценки, степень которой можно измерить количественно и использовать затем в качестве диагностического приема.

Первая попытка социально-психологической разработки и использования техники оценочной биполяризации была предприня-

та Ф. Фидлером в его исследованиях по оценке эффективности руководителей и лидеров в малых группах. Используя идею Ч. Осгуда об измерении прагматического значения понятий («семантический дифференциал») и технику социометрического выбора, Ф. Фидлер разработал опросник для измерения степени подобия или сходства самого себя («Я») со своей противоположностью («не Я»). В основу измерения подобия была положена *оценка схожести* — индекс предполагаемого подобия между противоположными образами (ASO — assumed similarity of opposites). Предпринятое Фидлером исследование лежало в рамках проблем социальной перцепции и впоследствии получило название «проблемы предполагаемого сходства» (assumed similarity).

Испытуемому предлагалось воспроизвести по памяти образ какого-либо человека, которого он хорошо знал (знает) и согласен выбрать в качестве наиболее предпочитаемого сотрудника (MPC — most preferred co-worker). Выбор производился анонимно, т. е. в уме. Затем испытуемому предлагалось дать оценку личностных и деловых качеств реального или воображаемого лица (интроекта) по списку, включающему 16–20 пар прилагательных-антонимов в полярном семизначном континууме, например:

Помогающий	_ _ _ _ _ _ _	Мешающий
Дружелюбный	_ _ _ _ _ _ _	Враждебный

Затем испытуемый производил выбор и оценку наименее предпочитаемого сотрудника (LPC — least preferred co-worker) из числа ныне или ранее знакомых ему лиц. При помощи специального коэффициента схожести профилей оценок предпочитаемого и не предпочитаемого сотрудников (D) производилось сравнение. Получаемая оценка называлась оценкой схожести — индексом ASO.

По гипотезе ожидалось, что, во-первых, степень, в которой испытуемый будет поляризовать оценки предпочитаемого и не предпочитаемого сотрудников, явится значимым показателем его подобия одному из них. Во-вторых, что эффективные руководители будут отличаться от неэффективных по профилям схожести, что даст основания для практических выводов по отбору кандидатов на руководящие должности.

Ф. Фидлер провел обширные измерения индекса ASO у руководителей и лидеров различных контактных групп и обнаружил зна-

чимые различия этого внутриличностного параметра у испытуемых, замерив его влияние не только на стиль руководства, но и на групповую эффективность в спорте, на производстве, в армейских подразделениях, научных организациях, студенческих группах и т. д. (Fiedler, 1961, p. 308–318).

В исследованиях Ф. Фидлера было также отмечено, что реальное поведение людей в роли руководителей или лидеров группы существенно различается в зависимости от характеристик их самосознания и степени биполярности оценок, даваемых окружающим людям. Чем больше биполярность оценок, тем более категоричен субъект в своих решениях, выводах и суждениях о других людях, склонен к авторитарному влиянию, непримирим к недостаткам других. Наоборот, «личность с низким ASO, — писал Ф. Фидлер, — склонна воспринимать даже плохих сотрудников лучше, чем они есть на самом деле» (Fiedler, 1964, p. 159). Результаты исследования Фидлера были использованы в практике американского менеджмента при оценке и отборе способных организаторов.

Аналогичные описанным методические приемы измерения оценочной биполяризации были разработаны и использованы в прикладных социально-психологических исследованиях на кафедре социальной психологии ЛГУ им. А. А. Жданова в период 1970–1976 гг.

С целью измерения степени оценочной биполяризации у 60 руководителей первичных трудовых коллективов ленинградского научно-производственного объединения «Позитрон» наши сотрудники А. Ю. Шалыто и Н. Ю. Хрящева посредством опроса и контент-анализа отобрали 20 полярных прилагательных, означающих личностные и деловые качества испытуемых. Обследуемых просили произвести выбор «предпочитаемого» и «непредпочитаемого» сотрудника и оценить их по 10-балльной шкале.

Гипотеза исследования предполагала, что набор прилагательных должен характеризовать два типа отношений руководителя:

- 1) отношение к делу, к задаче группы;
- 2) отношение к подчиненным, к их межличностным взаимоотношениям.

Ожидалось, что эффективные руководители будут отличаться от неэффективных по степени биполярной оценки предпочитаемого и не предпочитаемого сотрудников в зависимости от преобладающего у них типа отношения и стиля руководства. Высчитывались индек-

сы положительной персонификации — оценка качеств предпочитаемого сотрудника (МПС), негативной персонификации (ЛПС) и индекс оценочной биполяризации как разность между суммами оценок качеств предпочитаемого и не предпочитаемого сотрудников (АСО). (В данном и последующих исследованиях для аббревиатур индексов использовались буквы русского алфавита.) Поскольку для оценки применялось два набора качеств — деловые и личностные, то и индексы рассчитывались отдельно по группе деловых (10) и группе личностных (10) качеств. Получаемые в итоге индексы: АСО_д (деловые качества) и АСО_л (личностные качества) — сравнивались у руководителей научных и производственных коллективов, которые на основе экспертной оценки были подразделены на эффективных и неэффективных.

Обнаружилось, что между средними величинами измеряемых индексов у руководителей наблюдаются достоверные различия в зависимости от степени их эффективности и типа управляемой группы («производство» — «наука»). В производственных коллективах эффективными оказались руководители с более поляризованной системой деловых оценок, т. е. с повышенным индексом АСО_д. В условиях же научных коллективов более эффективным явился тип личности руководителя с менее поляризованной системой оценок. Был сделан также вывод, что показатель степени оценочной биполяризации является удобным диагностическим средством для предсказания поведения руководителя по отношению к подчиненным в ситуациях с хорошо структурированной («производство») и малоструктурированной («наука») групповой задачей. Хорошо адаптированные руководители с высоким АСО, по мнению экспертов, лучше справлялись со своей ролью в условиях более структурированной задачи, были менее склонны проецировать свои недостатки на подчиненных и были способны более точно оценивать людей. Наоборот, для эффективных руководителей с пониженной степенью оценочной биполяризации более адекватными оказались условия менее структурированной, т. е. более творческой, деятельности.

В исследовании А. Ю. Шалыто и Н. Ю. Хрящевой испытуемые наряду с опросом по биполярной шкале проводились через интеллектуальный тест Векслера, личностный опросник Айзенка и ряд выборочно взятых шкал ММРІ. Корреляционный анализ индексов биполярного теста с показателями других тестов не выявил сколько-нибудь значимых зависимостей. Из всех субтестов по Вексле-

ру значимо связался с МПС лишь один («понятливость»). Чем ниже «понятливость», тем сильнее стремление завышать оценку МПС ($r = -0,29$, $p < 0,05$). Наиболее сильная прямая связь обнаружена между АСО и ЛПС ($r = 0,83$, $p < 0,001$). В известном смысле эти индексы оказались взаимозаменяемыми, что согласуется с выводами Ф. Фидлера.

Интересные данные были получены нашим дипломантом Л.А. Феоктистовым в измерениях АСО у командиров курсантских групп военных училищ. В группах с высокоструктурированной задачей и более жесткими дисциплинарными нормам оказывался более эффективным командир с высоким АСО авторитарным стилем руководства. Наоборот, чем менее структурирована была групповая задача и более неформальна атмосфера вертикальных взаимоотношений, тем вероятнее было выдвижение лидера с меньшим АСО. Были также сделаны выводы о психологической совместимости лиц, измеряемых биполярными индексами. Наиболее психологически совместимые командиры групп и их заместители характеризовались противоположными значениями индекса (высокое—низкое).

В исследовании мастеров-женщин (завод им. Ленинского комсомола в г. Новгороде), проведенном Р.Л. Гординым и А.А. Отюговым по аналогичной методике, был использован набор из 22 прилагательных. Индекс АСО по деловым (АСО_д) и личностным (АСО_л) качествам коррелировался с другими показателями, полученными на основе стандартизированного опроса мастеров и работников одного из ведущих цехов завода. Оказалось, что в рабочих коллективах, руководимых мастерами с повышенным АСО_д по сравнению с АСО_л, ниже ощущение нервности работы, меньше межличностных конфликтов, выше согласие работниц со стилем руководства мастера, благоприятнее «психологический климат». Мастера-женщины с повышенными АСО_д по сравнению с мастерами, у которых повышенное АСО_л, оказались более деловыми, более покладистым и контактными в общении, более терпимыми к личностным недостаткам других. Среди мужских групп операторов, действующих в стрессовых условиях, О.П. Ерицян обнаружил обратные зависимости. Он провел замеры индекса оценочной биполяризации у членов более 30 экипажей самолетов гражданской авиации (Ил-18), используя перечень из 25 пар прилагательных, применив 10-балльную оценку качеств «предпочитаемого» и «непредпочитаемого» сотрудника. Обнаружилось значимое положительное влияние индекса АСО_д на «психологичес-

кий климат» в экипаже (Ерицян, 1973; Проявление личностных качеств летчиков в экипаже, 1975, с. 246–250).

В исследовании дипломантки Л. Н. Ивановой ставилась задача поиска связей социометрических показателей с индексами биполярной оценки у группы студентов психологического факультета. Применялся корреляционный и факторный анализ. Результаты показали, что между социометрическими и оценочными индексами обнаруживаются известные взаимозависимости. Так, социометрический статус индивида значимо зависит от его АСО_д по нормативным качествам, важным с точки зрения успешного решения групповой задачи: дисциплинированный, трудолюбивый, исполнительный, обязательный и др. Чем больше размер контактной группы, тем менее поляризованной должна быть оценка индивидом других членов группы. Особенно это важно для лица, желающего стать в ней лидером. Исследование также показало, что степень оценочной биполяризации (индекс АСО) зависит у индивида от его реакций на величину группового давления. Этот вывод подтверждает гипотезу о закономерных взаимосвязях внутриличностной и межличностной систем общения, которые Б. Г. Ананьев называл интраиндивидуальной и интериндивидуальной структурами личности.

При интерпретации индексов по результатам факторного анализа оказалось целесообразным рассматривать индекс оценки предпочитаемого сотрудника (МПС) как меру идеализированной положительной самооценки индивида («Пример, на который я желал бы равняться, каким бы я хотел быть»). Индекс оценки не предпочитаемого сотрудника (ЛПС) интерпретировался наоборот («Каким бы я не желал быть»). При оценочной биполяризации, очевидно, имеет место явление приписывания индивидом своих собственных качеств другим, значимым для него лицам.

В опытах И. П. Волкова и В. А. Васильева с баскетбольными командами, составленными из игроков с разной величиной АСО_д и АСО_л по 20 спортивно-игровым и личностным качествам и выровненных по уровню тактико-технической и физической подготовленности, обнаружилась более высокая сплоченность и результативность игровых пятерок, составленных из игроков с высоким индексом АСО_д и низким АСО_л (Васильев, 1973, с. 28–29; Волков, 1973, с. 137–138; Волков, Васильев, 1977).

Таким образом, измерение оценочной биполяризации доказывает факт двунаправленности отношений личности как участника группы:

- 1) на задачу и дело группы;
- 2) на людей, их межличностные взаимоотношения.

Личность моделирует в своем поведении эту двуплановость отношений и проявляет ее в определенной степени оценочной bipolarизации, завышая и занижая свою самооценку по сравнению с той, какую ей дают окружающие лица.

Практическим выходом этих исследований является возможность выявления людей с различным уровнем социально-психологической совместимости по степени их подобия, сходства в способностях оценивать других людей и самих себя. Это важно для комплектования групп, подбора руководителей.

Другой подход для использования и развития техники bipolarной оценки в качестве метода социально-психологической диагностики лежит в области системно-аналогового рассмотрения личности как инварианта контактной группы. Этот подход позволяет провести некоторые параллели между социометрической техникой измерения межличностных связей в группах и техникой измерения внутриличностных связей между воображаемыми, т. е. мыслимыми партнерами общения. По аналогии с социометрией технику таких внутриличностных измерений можно условно назвать персонометрией.

Принципиальная возможность персонометрического подхода, т. е. изучения структурно-функциональных характеристик личности с точки зрения аналогичных свойств группы, доказывается явлением интракоммуникации — самообщением, самоотношением, которые, по мнению Н. И. Сарджвеладзе и В. М. Соковнина, следует считать имманентными частями, ядром структуры личности (Сарджвеладзе, 1974, с. 131–137; Соковнин, 1974).

В этом случае явление оценочной bipolarизации выступает индикатором степени поляризованности внутриличностной группы по аналогии со степенью поляризованности структуры реальной группы. В социометрии эту степень выявляют критерии, требующие от испытуемых как выбора желательных, так и отвержения нежелательных партнеров.

Роли же участников внутриличностной группы займут персонификации, т. е. воображаемые партнеры. Каждый из этих образов, выявленный в опросе испытуемого, может быть подвергнут bipolarной оценке, сопоставлению, сравнению и тем самым может быть определено его влияние на мотивацию поведения.

Следовательно, метод оценочной биполяризации может служить целям персонометрии аналогично социометрии. Первая вскрывает структурные характеристики личности как индивидуального субъекта общения, вторая — группы как социального субъекта.

На эту аналогию между структурой личности и структурой группы в свое время обращал внимание Б. Г. Ананьев, писавший, что «современная психология все более глубоко проникает в связь, существующую между интериндивидуальной структурой того социального целого (группы. — *И. В.*), к которому принадлежит личность, и интраиндивидуальной структурой самой личности» (Ананьев, 1968, с. 303). Современные системные представления о целеустремленных системах, какими прежде всего являются личность и группа, позволяют предполагать, что их свойства взаимно отражают и дополняют друг друга по принципам изо- и гомоморфизма (см.: Акофф, Эмери, 1974).

Принципиальное различие между социометрией и персонометрией лишь в том, что в социометрии испытуемый, отвечая на социометрическую анкету, работает с предметным образом реально существующего партнера по группе, в то время как в персонометрии этот образ может и не иметь предметного аналога, быть лишь воображаемым, мыслимым образованием, сформировавшимся в сознании. Такие мыслимые образы, выражаемые в понятиях о человеческих свойствах, составляют основу персонификаций, объектом которых могут быть не только отдельные люди, но и идеи, группы, организации, даже вещи и животные. Общеизвестна, например, способность детей разговаривать с игрушками и наделять их собственными качествами, точно так же мы все хорошо владеем внутренним диалогом, строя свое поведение рефлексивно. Это свидетельствует о наличии в сознании персонифицированных образов, т. е. значений, которые заменяют реальных партнеров.

Персонифицированные образы «значимых других», выступающие в роли воображаемых субъектов, партнеров, оппонентов внутриличностной системы общения, группируются в функциональные структуры аналогично группировкам людей в реальных группах. Из практики же известно, что устойчивость человеческих группировок задается их функционально-иерархической организацией, во главе которой стоит руководитель или эффективный лидер.

Таковыми во внутриличностной системе общения выступает центральный образ себя, наше «я». Лишь в условиях психопатологии про-

исходит нарушение этой внутриличной центровки, теряется способность интерпретировать образы (деперсонализация).

Персонифицированные образы, выполняющие роль интракоммуникантов, А. А. Леонов и В. И. Лебедев называют интроектными образами, или «интроектами». По их мнению, наличие интроектов в человеческой психике следует объяснять теорией интериоризации Л. С. Выготского (Леонов, Лебедев, 1975, с. 164). Интроекты включены в речемыслительные процессы и не являются прямыми копиями реальности. Некоторые из них могут не осознаваться и не поддаваться вербализации.

Объединенные в семантические блоки и интегрированные самосознанием, интроекты образуют иерархизированную структуру — «интроектную группу».

Наиболее отчетливо идея интроектной группы сформулирована в работах Э. Семрада и У. Шутца, прямо рассматривающих личность как интроектную группу, функционирующую «в режиме дискуссионного клуба» (Schutz, 1962, p. 48—65).

Явление оценочной биполяризации при этом может рассматриваться в аспекте взаимоотношений интроектов, несущих либо позитивные, либо негативные экспектации. Для проверки интроектной модели личности может быть использована техника оценочной биполяризации. В социометрии разработан вариант теста социальной перцепции, а также методика, предложенная Дж. Келли. Охарактеризуем эту методику.

Измерительная техника Дж. Келли использует явление оценочной биполяризации в качестве диагностического приема, базируясь на предположении о том, что личность — это группа созданная из усвоенных индивидом качеств других людей. В разработанном Дж. Келли тесте в роли измеряемых элементов выступают люди, составляющие ближайшее окружение исследуемой личности, т. е. группу. Тест имеет много общего с социометрией и техникой оценочной биполяризации. Испытуемого просят написать на карточках имена людей, которые выбираются им как «значимые другие» (Я, родители, жена—муж, друзья, товарищи, сотрудники, руководители, учителя и др.). Затем карточки предъявляются испытуемому по три и его просят определить, по каким биполярным признакам (оптимист—пессимист, энергичный—ленивый и т. д.) двое из этих людей подобны друг другу и отличны от третьего.

Ответы испытуемого записываются в специальной таблице, позволяющей подсчитать степень сходства и различия этих образов, называемых Келли «конструктами» (Козлова, 1976, с. 134–135).

Поскольку оценка конструктов биполярна, каждый из полюсов представляет собой персонифицированный эталон, с которым сравнивается всякий другой воспринимаемый человек. Это предположение согласуется с опытами А. А. Бодалева, показавшими, что эталоны выполняют роль «мерки», которую индивид прикладывает к людям всякий раз, когда воспринимает и оценивает их (Бодалев, 1970, с. 19).

Следовательно, выявляя структуру эталонов личности, мы, таким образом, изучаем ее как референтную или эталонную группу, что еще раз подтверждает гипотезу сходства структурно-функциональной организации личности и группы. Отсюда представляет экспериментальный интерес изучение самосознания личности в аспекте модели референтной группы. По определению Н. С. Петровой, «референтная группа — это те значимые другие — будь то реально существующая группа, либо отдельный индивид, либо даже абстрактная идея, — с которыми индивид соотносит свое поведение, оценку себя и других» (Петрова, 1973, с. 127).

Явление оценочной биполяризации подсказывает, что у каждой личности должна существовать не только позитивная, но и негативная референтная группа и что центральными членами этих групп будут объекты, или идеи, персонифицированные в образах значимых для личности индивидуальных и социальных субъектов общения. Технику выявления и измерения подобных свойств личности А. В. Петровский и Я. Л. Коломинский предложили назвать «референтометрией». Референтометрический статус личности, согласно данным А. С. Морозова, свидетельствует, в какой мере испытуемый ориентируется в своих действиях на свойства (мнения) этих субъектов по лично значимым для него вопросам. В его опытах с комсомольскими активистами в условиях отрядной жизни в летнем лагере отдыха такими индивидуальными и социальными субъектами были выбраны «друг» и «наш отряд». Для измерения степени оценочной биполяризации применялась техника семантического дифференциала. При сравнении обнаружилось, что социальный субъект «наш отряд» обладал большей мотивационной значимостью, в особенности для лиц со средним и высоким социометрическим статусом (Морозов, 1975, с. 143–149).

Это свидетельствует, что, во-первых, личность как интроектная группа моделирует свойства реальных групп; во-вторых, референтная группа формируется у личности не только как совокупность отдельных значимых для нее лиц, но и групп, организаций. Познавая группу, мы познаем личность, и наоборот.

Для изучения особенностей интроектной организации личности как модели референтной группы И. П. Волковым, Ю. Г. Емельяновым, Л. Г. Почебут был проведен опыт, в котором приняли участие 30 сотрудников психологического факультета (15 мужчин и 15 женщин). Испытуемых просили припомнить всех сколько-нибудь значимых для них лиц в континууме «друзья—недрузи», которые когда-либо встретились на их жизненном пути. По влиянию на испытуемого лица классифицировались на положительных (П-лица) и отрицательных (Н-лица). В итоге выяснилось, что П-лица постоянно присутствуют в активной памяти испытуемых. Испытуемые вспоминали разнообразных П-лиц и события, связанные со встречами с ними, но характеристики П-лиц были более расплывчатыми и более обобщенными, чем Н-лиц. Причем в количественном отношении ориентация испытуемых на П-лиц в два раза превосходила ориентацию на негативные образы, т. е. на Н-лиц. Однако позитивная ориентация оказывалась менее устойчивой, нежели негативная. Последняя, как показал опыт, была и более конкретной, а характеристики Н-лиц были более определенными, категоричными, нежели П-лиц. В сфере личной жизни Н-лица упоминались чаще, чем в трудовой.

Отсюда был сделан вывод, что в трудовом коллективе, в ситуациях официальных взаимоотношений и социального контроля личность преимущественно функционирует в режиме позитивной референтной группы. В личной же, неофициальной жизни человек часто стремится достигнуть самотождественности «своими силами», нередко по контрастной концепции, более полагаясь на свою индивидуальность, чем на социальные роли. Мотивация в таких условиях нередко начинает сильнее зависеть от негативной референтной группы. Но поскольку личное неофициальное всегда тесно переплетено на работе с официальным, то не удивительно, что Н-ориентация приобретает мотивационное значение и в условиях трудового коллектива, в особенности для лиц, профессиональная деятельность которых состоит в управлении людьми.

Исследование Ю. Н. Емельянова на руководителях производственных и научных коллективов подтвердило это предположение.

Проявляя в целом Н-ориентацию, руководители тем не менее в два раза чаще мотивировали свои управленческие решения необходимостью борьбы с недисциплинированными и дезорганизующими элементами, нежели необходимостью следования примеру лучших, т. е. их решения сильнее зависели от поведения Н-лиц, нежели П-лиц (Емельянов, 1975, с. 10–14).

Таковы некоторые теоретико-методические вопросы использования оценочной биполяризации в качестве метода социально-психологической диагностики.

Глава VI

Эксперимент

История науки доказала ведущую роль экспериментального метода в развитии и дифференциации научных знаний, в развитии и становлении частных научных теорий. Достаточно вспомнить тот факт, что психология, одна из древнейших наук, отпочковалась от философии в самостоятельную отрасль знаний только в середине XIX столетия, когда началось систематическое экспериментирование в психологии (Фехнер, Вебер, Вундт и др.).

Возникновение социальной психологии как самостоятельной науки среди других психологических наук также обязано проникновению эксперимента в сферу человеческих отношений, которое произошло в начале XX в. благодаря усилиям В. Мёде, А. Ф. Лазурского, В. М. Бехтерева и др. «Возникновение и развитие социальной психологии как науки, — пишет Е. С. Кузьмин, — начинается с проникновения экспериментального метода в исследования личности и группы со всемерным совершенствованием техники получения и количественной обработки материала» (Кузьмин, 1967, с. 6).

По мере становления научной психологии экспериментальный метод начинает играть все большую и большую роль в научной деятельности психологов как на все расширяющемся фронте прикладных исследований, так и в области теоретических изысканий. «Экспериментальный или статистический методы первоначально играли весьма скромную роль в движении познания. Однако сейчас без них не может обойтись ни одна наука» (Копнин, 1973, с. 85).

Что же такое эксперимент?

Эксперимент — исследовательская деятельность в целях изучения причинно-следственных связей, которая предполагает:

- 1) опытное моделирование явления и условий при их качественно-количественной определенности;

- 2) активное воздействие исследователя на явления;
- 3) измерение отклика (реакций) на воздействия;
- 4) неоднократная воспроизводимость результатов.

Эксперимент как деятельность является видом человеческой практики, благодаря чему экспериментальный факт приобретает свойства критерия истины, так как «практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания» (Ленин, т. 29, с. 193). Это свойство экспериментального факта превращает эксперимент в самый сильный метод познания.

Второе преимущество экспериментального метода перед другими состоит в том, что он направлен на исследование причинно-следственных отношений между свойствами изучаемых объектов, что, собственно, и позволяет по-настоящему овладеть законами природы и общества в практических целях.

При рассмотрении эксперимента как деятельности можно обозначить систему необходимых исследовательских этапов и задач.

1 этап. Теоретический этап исследования (постановка проблемы)

На этом этапе решаются следующие задачи:

- 1) формулирование проблемы и темы исследования;
- 2) определение объекта и предмета исследования;
- 3) определение экспериментальных задач и гипотез исследования.

Логика формулирования проблемы и темы обусловлена главенствующей целью исследования, в качестве которой может выступить теоретическая, практическая или методическая задача. В первом случае речь идет об экспериментальной разработке теории, во втором — о прикладном эксперименте, в третьем — о методическом эксперименте. Важно, чтобы название темы включало основные понятия предмета исследования.

Границы предмета исследования следует устанавливать при одновременном учете следующих моментов:

- 1) цели и задач исследования;
- 2) объекта исследования;
- 3) материальных и временных возможностей экспериментирования;

Эксперимент

- 4) результатов научной разработки вопроса, которые зафиксированы в частной объяснительной теории.

Обращение к объяснительной теории направлено на выяснение известных факторов, которые оказывают влияние на объект исследования и его свойства, что позволяет определить круг решенных и нерешенных проблем и сформулировать гипотезы и задачи конкретного эксперимента.

Главная задача этого этапа состоит в разработке предмета экспериментального познания, что требует четких определений концептуальных понятий, в которых описывается предмет.

Этот этап может рассматриваться как относительно самостоятельная исследовательская деятельность теоретического характера.

2 этап. Методический этап исследования

На этом этапе осуществляется разработка методики эксперимента и экспериментального плана.

Методика эксперимента должна воспроизводить предмет исследования в виде переменных экспериментальной ситуации. В эксперименте выделяют два ряда переменных:

- 1) независимые переменные;
- 2) зависимые переменные.

«Фактор, изменяемый экспериментатором, называется независимой переменной; фактор, изменение которого вызывает независимая переменная, называется зависимой переменной» (Фресс, Пиаже, 1966, с. 120).

Основная проблема, которая решается на этом этапе, состоит в установлении наиболее полного соответствия переменных экспериментальной ситуации предмету исследования. Речь идет в данном случае о репрезентации теоретического представления о предмете исследования в эмпирических показателях экспериментальной ситуации.

Разработка экспериментального плана предполагает два момента:

- 1) составление программы экспериментирования как рабочего плана и последовательности процедур опыта;
- 2) математическое планирование обработки экспериментальных данных, т. е. математическую модель обработки результатов эксперимента.

3 этап. Экспериментальный этап

На этом этапе осуществляется непосредственное экспериментирование, проведение опытов. Он связан с созданием экспериментальной ситуации, наблюдением, управлением ходом эксперимента и измерением реакций испытуемых.

Основная проблема этого этапа состоит в создании у испытуемых идентичного понимания задачи их деятельности в эксперименте. Эта проблема решается через воспроизводство константных условий для всех испытуемых и через инструкцию, которая выполняет роль единой установки на деятельность. На этом этапе очень важна роль экспериментатора и его поведение, так как испытуемые включают его личность в контекст экспериментальной ситуации.

Экспериментальная ситуация характеризуется:

- 1) условиями опыта (окружающая физическая и социальная среда);
- 2) тест-объектами (вербальными и предметными раздражителями);
- 3) инструкцией (установкой на деятельность);
- 4) экспериментаторами;
- 5) личностью испытуемого;
- 6) ответами-реакциями испытуемых.

Экспериментальная ситуация включает в себя ряд организованных и неорганизованных переменных.

Организованными переменными называются те, которые включены в опыт как независимые переменные. Все другие характеристики условий, не изучаемые как факторы, относятся к неорганизованным переменным и должны быть предельно константными. Следовательно, окружающая физическая и социальная среда, не включенные в контекст опыта как независимые переменные, должны быть постоянными.

При организации тест-объектов следует учитывать порядок их предъявления, так как он сказывается на результатах опыта. Поэтому влияние порядка следует нейтрализовать. Для этого существуют методы уравнивания или ротации, которые более надежно обеспечивают нейтрализацию порядка, чем интуиция. Принцип этого метода состоит в том, что данный порядок приводят в соответствие с обратным порядком. Ротация возможна тогда, когда одни и те же изменения проводят несколько раз подряд. Если же предполагается одноразовое изменение, тогда организация порядка проводится по таблице случайных цифр.

Инструкция имеет своей целью привести всех испытуемых к единому пониманию задачи, выполняя роль своеобразной психологической установки. Что касается роли экспериментатора, то считается, что для большей объективности результатов экспериментатор, проводящий опыты, не должен знать гипотезу.

Основное правило экспериментирования состоит в том, что все переменные, кроме одной, должны быть константными на протяжении всего опыта, и только одна из переменных, играющая роль изучаемого фактора, может варьировать. Варьирующая переменная всегда должна иметь количественную или качественную определенность и обладать изменяющимися в процессе опыта параметрами.

В настоящее время в эксперименте имеется возможность измерять сразу или последовательно целый ряд переменных. Это открывает новые возможности перед экспериментальным методом, но только в том случае, если вводимые исследователем переменные не просто изменяются в ходе опыта, а изменяются под контролем, т. е. являются организованными. Что же касается основного правила экспериментирования, то оно сохраняет свою силу для всех неорганизованных факторов.

Таким образом, в свете математической теории эксперимента, основанной на факторном анализе, главное правило экспериментирования допускает оперирование сразу несколькими переменными при условии их организации (количественной выраженности и планомерного изменения), сохраняя требование нейтрализации по отношению ко всем неорганизованным факторам экспериментальной ситуации на протяжении всего опыта.

4 этап. Аналитический этап

На этом этапе осуществляются количественный анализ результатов (математическая обработка), научная интерпретация полученных фактов, формулирование новых научных гипотез и практических рекомендаций.

Относительно математических коэффициентов вариационной статистики следует помнить то, что они сами по себе не открывают сущности изучаемых психических свойств личности, так как являются внешними по отношению к их сущности, описывая всего лишь вероятностный исход их проявления и отношения между частотами сравниваемых событий, а не между их сущностями. «Статисти-

ческая обработка данных — это не прием, с помощью которого мы извлекаем якобы чистый металл из руды, а инструмент, позволяющий наиболее точно описывать реальное поведение» (там же, с. 134).

Сущность явлений раскрывается посредством последующей научной интерпретации как сопоставления эмпирических фактов по логике причинно-следственных отношений, смоделированных в экспериментальной ситуации. Только после этого можно сделать заключение о практическом и теоретическом смысле экспериментального факта.

Развитие экспериментального метода связано с разработкой четырех его сторон:

- 1) изобретением новых экспериментальных процедур (логики оперирования переменными);
- 2) разработкой измерительных операций;
- 3) комплексированием методов;
- 4) совершенствованием технического оснащения.

Всякое новшество в развитии экспериментальной социальной психологии так или иначе было связано, по крайней мере, хотя бы с одной из них.

Логика оперирования переменными предполагает конкретизирование основного правила экспериментирования по той или иной схеме.

Например, естественный социально-педагогический эксперимент А. Ф. Лазурского осуществляется по следующей схеме:

- 1) измерение психологических качеств личности испытуемого по трем уровням (низший, средний, высший);
- 2) социально-педагогическое воздействие на испытуемого в целях повышения уровня развития отстающих качеств;
- 3) вторичное измерение качеств личности после осуществленного социально-психологического и педагогического воздействия;
- 4) сравнение результатов первого и второго измерения;
- 5) выводы об эффективности осуществленных воздействий как педагогических приемов, приведших к положительным результатам; оценка качеств личности осуществлялась компетентными судьями, в качестве которых выступали педагоги.

Экспериментальная схема А. Ф. Лазурского сохранила свое научное значение для промышленной социальной психологии в связи с прак-

тическими задачами профессиональной аттестации производственных кадров посредством групповой оценки личности (см. гл. V, § 2).

При изучении «группового эффекта» схемы экспериментального метода усложняются. Так, например, эксперименты В. Мёде (1920), Ф. Олпорта (1924), В. М. Бехтерева (1928) при изучении эффективности психической деятельности индивида в группе состояли из двух процедур. Сначала тот или иной психический процесс изучался у членов группы в одиночку, затем в группе. Результаты первого и второго измерений сравнивались, и по установленной разнице судили о «групповом эффекте».

В этой экспериментальной схеме хорошо завуалирована от испытуемых настоящая цель исследования. Все внимание испытуемых сосредоточено на выполнении предложенной деятельности, показатели которой выступают в качестве надежных критериев «группового эффекта». Остается сожалеть, что эта экспериментальная схема в настоящее время не получила широкого распространения и развития.

Использование технических средств в социально-психологических исследованиях позволило расширить возможности экспериментального метода, создавая реальную перспективу моделирования все более сложных явлений групповой деятельности. Развитие этой тенденции привело к разработке и использованию гомеостатического принципа в социально-психологическом эксперименте¹.

Процедура гомеостатического эксперимента состоит в том, что группе испытуемых от двух человек и более (количество зависит от возможностей установки принять то или иное число людей) предлагается одна общая задача совместной деятельности. Индивидуальные действия каждого члена группы должны обязательно влиять на общий ход решения задачи таким образом, что успешность действия одного из членов зависит от действия других. Объективная взаимосвязь и взаимозависимость действий испытуемых, запрограммированные в экспериментальной установке, провоцируют их на общение.

Приборы типа «гомеостат» могут быть механической, электрической или электронной конструкции. «Гомеостаты» обязательно имеют объект управления и органы управления. В качестве объекта управления могут быть либо какая-нибудь фигура, которую сво-

1 В нашей стране гомеостатический эксперимент получил развитие в работах Ф. Д. Горбова, М. А. Новикова, Н. В. Голубевой, М. И. Иванюка, Н. Н. Обозова, А. И. Уманского, А. С. Чернышова и др.

ими совместными действиями должны воспроизвести испытуемые, либо показания какого-либо измерительного прибора с подвижной отметкой, которую испытуемые своими совместными действиями должны привести на указанное деление шкалы. Все действия на приборах испытуемые совершают с помощью органов управления, в качестве которых могут выступать рукоятки-маховики, ручки потенциометров, тумблеры, кнопки и т. д.

Испытуемым с помощью органов управления предлагается регулировать состояние или положение объекта управления таким образом, чтобы привести этот объект к заданным параметрам. Каждый из испытуемых должен иметь свой орган управления, посредством которого он реализует свои или групповые решения в достижении общей цели.

С помощью различных приборов-приставок можно фиксировать моторную активность испытуемого на органах управления, его вербальную активность, изменения физиологического состояния организма и т. д., т. е. осуществить комплексное исследование личности в пределах моделируемой деятельности.

По возможностям исследования социально-психологических проблем гомеостатический эксперимент может приобрести универсальный характер, разумеется, при комплексировании с другими методами на его основе. Моделируя предметное и социально-психологическое взаимодействие испытуемых, гомеостатический эксперимент ассимилирует в себе преимущества разнообразных логических схем социально-психологического эксперимента, открывая возможность их воспроизводства в одной экспериментальной процедуре.

Например, при исследовании деятельности операторов в условиях различного типа взаимодействия посредством гомеостатического эксперимента на телевизионной установке были воспроизведены сразу несколько экспериментальных схем¹.

Конструкция установки предусматривала реализацию гомеостатического принципа. На двух телевизионных экранах предъявлялись тест-объекты (геометрические фигуры, лица). На одном из экранов изображение подавалось с искажениями, на другом оно было в норме. Двое испытуемых должны были настраивать искаженное изображе-

1 Этот опыт был проведен В. Н. Панферовым и С. М. Михеевой под руководством А. А. Бодалева и Е. С. Кузьмина. Техническое решение и исполнение экспериментальной установки было сделано Н. А. Васильевым (см.: Васильев, 1973, с. 158—160).

Эксперимент

ние до нормы. Для этого у каждого из них имелся свой пульт с выведенной на нем ручкой потенциометра (настройки). На одном пульте было возможно изменять изображение одновременно и по вертикали, и по горизонтали, на другом — только по вертикали, т. е. испытуемые ставились в заведомо неравные условия.

В экспериментальной процедуре варьировались три типа объективного взаимодействия. Для этого предусматривались три частных процедуры опытов.

В процедуре 1 партнерам предоставлялись равные возможности в наблюдении эталона, но влиять на искаженное изображение один из них мог в двух измерениях, другой — в одном. В процедуре 2 наблюдать контрольный объект позволялось только испытуемому, который мог изменять изображение в двух измерениях, что усиливало объективное неравенство между испытуемыми в сравнении с процедурой 1.

В процедуре 3 наблюдать контрольный объект позволялось только испытуемому, который мог изменять изображение в одном измерении.

Посредством вариации объективных условий взаимодействия изучались следующие вопросы:

- 1) влияние функции контроля и объективно заданной активности на дифференциацию ролей ведущего и ведомого;
- 2) влияние заданных условий взаимодействия на стиль общения в группе.

Однако опыты начинались не с группового взаимодействия, а с индивидуального обучения перцептивно-моторной деятельности на установке. Это позволило, с одной стороны, определить индивидуальные способности каждого из испытуемых к данному виду перцептивно-моторной деятельности, с другой стороны, включить выявленный уровень способностей в одну из переменных последующих групповых опытов. Таким образом, в эксперименте была воспроизведена экспериментальная схема по изучению «группового эффекта». К тому же была получена возможность варьировать состав экспериментальных групп по уровню способностей ее членов к перцептивно-моторной деятельности. По критерию способностей в опыты были включены группы трех типов:

- 1) группа, где оба члена обладали одинаково высоким уровнем развития перцептивно-моторных навыков («сильный—сильный»);

- 2) группа, где оба члена обладали одинаково низким уровнем развития перцептивно-моторных навыков («слабый—слабый»);
- 3) сменная группа («сильный—слабый»). По схеме «индивид—группа» решалась задача на определение эффективности обучения операторов перцептивно-моторным навыкам в одиночку и в группе. Посредством вариации состава группы по индивидуальным способностям к перцептивно-моторной деятельности решалась задача наиболее эффективного сочетания членов при обучении.

С экспериментом комплексировался метод взаимной оценки членов группы, которую они выдавали друг другу по перечню из 40 качеств личности. Посредством этого метода решался вопрос о круге социально-психологических требований, выраженных в виде качеств личности, которые предъявляют партнеры друг к другу в зависимости от принятой в групповом взаимодействии роли ведущего или ведомого.

Кроме того, по ходу опытов велось систематическое наблюдение за общением между партнерами. Второй экспериментатор-наблюдатель количественно фиксировал различные формы обращения испытуемых друг к другу. Это дало возможность определить стиль взаимодействия и дифференциацию ролей в группе, связав их с объективно заданными условиями деятельности.

Таким образом, оказалось возможным сочетать в одном гомеостатическом эксперименте сразу несколько экспериментальных приемов и методов на основе объективных критериев операторской деятельности.

По мере усложнения задач, стоящих перед исследователями, усложнялся и эксперимент. Но в каждой из областей социальной психологии более сложным, более глубоким становился какой-то один из аспектов экспериментальной процедуры. Так, в области массовой коммуникации наибольшее развитие получили измерительные операции и, соответственно, большое количество измеряемых переменных, применение сложного многофакторного анализа. В области социальной психологии личности очень тщательно разрабатываются методы ввода независимых переменных; исследователи с помощью различных приемов стараются определить, идентичное ли воздействие на каждого испытуемого оказало то или иное условие опыта. Что касается исследования малых групп, то если на первых этапах исследования большое внимание уделялось влиянию таких объективных характеристик групп, как ее объем, типы связей меж-

ду членами, характеристики задач, стоящих перед группой, то в настоящее время пристально изучаются процессы общения, принятия решений, взаимопомощи и т. п. и ведущее место среди методов стали занимать эксперименты игрового типа; при этом стало возможно изучать «тактику» индивидуального и группового поведения. И независимо от области исследования много новых возможностей экспериментирования открыло и открывает совершенствование технического оснащения.

Значительно стимулировало разработку экспериментального метода введение в конкретные, эмпирические исследования такого фактора, как добровольность (свобода выбора) поведения испытуемых. Были обнаружены различия в поведении, а еще больше в функционировании познавательной деятельности человека в зависимости от мнения о свободе поведения (как своего, так и других людей), которые заключались в том, что люди по-разному интерпретировали поведение, свое и других, приписывали разные личностные качества себе и другим. Появление нового источника детерминации человеческого поведения (который существовал в реальной жизни всегда, но не был до последнего времени заложен в саму структуру эксперимента) и необходимость учета его породили новый тип эксперимента. Так, свобода поведения индивида предполагает определенную степень непредсказуемости его поступков и оценок, а применительно к эксперименту — трудность создания единой установки на выполнение требований экспериментатора. Так как создания испытуемым собственных гипотез о цели эксперимента, о его роли в опыте и вообще оценок всех аспектов опыта не избежать, то важной заботой исследователей стало формирование двух разных интерпретаций процедуры эксперимента: одной — для испытуемых, другой — для экспериментаторов. Для этой цели стали применяться подставные испытуемые, ошибочная обратная связь, скрытые косвенные измерения, «создание» в самом эксперименте временных состояний, настроений, применение многих отвлекающих внимание от истинных целей опыта приемов. Испытуемый стал субъектом деятельности в эксперименте.

Для иллюстрации этих положений рассмотрим полностью конкретный эксперимент (Davidson, Steiner, 1971, p. 357–366).

Проблема исследования. Обзор предшествующей литературы показал, что ответные действия, реакции человека на действия другого зависят в определенной мере от степени свободы действий, при-

писываемой этому другому индивиду. Так, если поведение партнера строго предписано правилами, авторитетами или другими источниками, например недостаточным знанием ситуации, то индивид не может с уверенностью судить о свойствах личности другого, менее восприимчив к позициям (оценкам) другого, не формирует сильных положительных или отрицательных оценок и пытается «подать себя», представить себя с лучшей стороны. Если поведение другого кажется индивиду свободным, то наблюдается противоположный эффект — оценка личности по поведению, восприимчивость к оценкам, выгодное предъявление себя. Эти предположения, которые вытекали из обсуждений предыдущих опытов, авторы решили проверить экспериментально.

Выбор типа взаимодействия испытуемого и другого. Ситуация обучения. Испытуемый в качестве обучаемого, другой — в качестве обучающего, обладающего различными возможностями подкрепления. В одном случае «учитель» оценивал ответы ученика по специальной оценочной шкале, в другом — в соответствии с собственными стандартами оценок (неизвестными для испытуемого).

Гипотезы исследования. Они обычно повторяют положения, излагаемые при описании проблемы, но несколько конкретизируются. Для данного опыта гипотезы были следующие: испытуемые будут оценивать тех обучающихся, которые оценивают их ответы по собственным стандартам, по сравнению с обучающими, подкрепляющими каждый ответ:

- 1) как имеющих большую свободу выбора своего поведения;
- 2) более правильные мнения и предпочтения обучающихся, высказанные последними в процессе опыта (ввиду большего внимания к этим высказываниям);
- 3) будут стараться представить себя в лучшем свете.

Испытуемые: 90 студентов первого курса, впервые участвующие в психологическом опыте. Были организованы четыре группы в зависимости от сочетания двух независимых переменных:

- а) свобода тактики подкрепления;
- б) тип подкрепления (100% или 40% ответов).

Логика экспериментальной процедуры для исследователя:

- 1) получить ответы от испытуемого по вопроснику, связанному с авторитарностью;

Эксперимент

- 2) назначить испытуемого на роль обучаемого, а подставного — на роль обучающего;
- 3) ввести первую независимую переменную (наличие или отсутствие предписанных правил оценки ответов);
- 4) решение первого задания испытуемым и ввод подставным второй независимой переменной (подкрепление наградой (наказанием) каждого верного (неверного) ответа или подкрепление только 40% ответов);
- 5) создать у испытуемого ожидание выполнения второго подобного задания при том же распределении ролей;
- 6) дать возможность испытуемому слышать высказывания подставного по некоторым проблемам;
- 7) дать возможность испытуемому «подать себя» в лучшем свете обучаемому с помощью конформных ответов;
- 8) измерение зависимых переменных (см. гипотезы) и эффективности воздействия независимых;
- 9) объяснение истинной природы опыта испытуемым;
- 10) обработка и интерпретация результатов.

Логика экспериментальной процедуры для испытуемого:

- 1) встреча с другим испытуемым (подобным себе) в лаборатории и заполнение обычного личностного вопросника;
- 2) знание о цели опыта и назначение по жребию ролей, получение роли обучаемого;
- 3) объяснение заданий опыта обоим испытуемым;
- 4) решение первого задания испытуемым-обучаемым и их оценка другим испытуемым-обучающим;
- 5) знание о том, что через некоторое время будет второе задание;
- 6) отдых перед вторым заданием, в то время как второй испытуемый проходит тест;
- 7) более близкое знакомство со вторым испытуемым;
- 8) испытуемый проходит тест, второй испытуемый отдыхает;
- 9) знание истинной природы опыта испытуемым.

Целостная процедура опыта («совмещение двух логик» — экспериментатора и испытуемого в единой процедуре). Укажем только некоторые приемы совмещения по этапам:

- 1) когда испытуемый приходил в лаборатории, ему рассказывали об опытах в психологии вообще и под предлогом измерения фоновых характеристик предъявлялся вопросник;

- 2) объяснение фиктивной цели опыта: влияние поведения учителя на выполнение заданий учащегося; жребий с помощью специально сконструированного прибора, чтобы испытуемый всегда «терпел неудачу» — становился обучаемым;
- 3) испытуемому объяснялось, что он должен решить как можно быстрее 25 анаграмм (20 с на каждую), причем из них 20 решалось легко, а 5 — вообще не решалось. Обучающему в одном случае говорилось, что он должен действовать строго согласно инструкции, в которой даны стандарты выполнения (обучающему давалась карточка с инструкцией, содержание которой оставалось до конца опыта неизвестным испытуемому). В другом случае обучающему говорили, чтобы он оценивал выполнение задания и действовал так, как считает необходимым;
- 4) решение испытуемым задания. Различимый стиль подкрепления ответов: половине испытуемых за каждый верный ответ (20 раз) выдавалось по 10 шил. (итого 2 дол.) и за каждый неверный ответ (5 раз) изымалось тоже по 10 шил. (0,5 дол.), итоговый выигрыш — 1,5 дол.; для другой половины 8 верных ответов из 20 подкреплялось по 25 шил. (2 дол.) и 2 неверных ответа из 5 наказывалось (изымалось по 25 шил. — итого: 0,5 дол.), итоговый выигрыш — 1,5 дол.;
- 5) сообщалось, что после выполнения некоторых вспомогательных процедур будет повторено первое задание, но на другом материале;
- 6) испытуемому предлагалось отдохнуть, почитать журнал, но он мог либо читать, либо подслушивать разговор экспериментатора с обучающим. А в это время подставной отвечал на ассоциативный тест (10 ассоциаций типа девушка—любовь, школа—обучение и т. п.) и высказывал свое мнение по 6 вопросам о тактике обучения (например, что эффективнее — поощрять верные ответы или наказывать за неверные). Для всех групп испытуемых подставной давал одни и те же ответы;
- 7) измерение степени конформности испытуемого. Испытуемым сообщали, что в данном опыте как частная проблема исследуется различие деятельности знакомых пар и незнакомых (обучающий—обучаемый). Но — важный момент — чтобы можно было сравнивать разные пары, для знакомства предлагалось использовать строго контролируруемую технику. Экспериментатор предлагал обоим испытуемым дать ответы на 8 вопросов и по этим от-

ветам составить представление о важных чертах личности друг друга. Сначала экспериментатор давал вопросник, на который уже отвечал испытуемый перед опытом, подставному, и на этом бланке карандашом были отмечены ответы, которые подставной должен был дать, что подставной и делал. Ответы обучающего (для всех групп) по двум вопросам совпадали с первым мнением, по трем — незначительно отличались, по трем — значительно отличались. Затем этот вопросник с ответами подставного давался испытуемому, и он выбирал — ответить ли как в первый раз или изменить ответы в сторону совпадения с подставным, так как испытуемый ждал, что с его ответами подставной познакомится перед началом второй серии;

- 8) испытуемого просили ответить на ряд вопросов, а подставному предлагалось отдохнуть, почитать журнал. В это время испытуемого просили вспомнить ответы подставного на ассоциативный тест и на вопросы, связанные с тактикой обучения. Это происходило так: давался вопрос теста и 3 ответа, из которых один был верным, нужно было вспомнить ответ подставного. Затем испытуемого просили оценить, насколько свободен был обучающий в использовании подкрепления.

Все гипотезы опыта подтвердились. Оказалось, что только мнение о свободе выбора обучающим тактики поведения оказало влияние на внимание к ответам обучающего и на конформность; в то же время стиль подкрепления не выявил таких различий.

При обсуждении результатов авторы обратили внимание на то, что необходимо видеть в подкреплении обучающим ответов обучаемого не только инструмент для усиления (ослабления) реакций, но и информацию о намерениях обучающего. Помнить, что каждый испытуемый в любом опыте все же ограничен определенными правилами и что в реальной жизни континуум «ограниченное—свободное поведение» намного шире, и сделать из этого факта соответствующие коррекции в практике воспитания детей, взаимоотношений «учитель—учащийся» и в других подобных жизненных ситуациях.

Обычно много трудностей испытывают молодые исследователи при отчете о проделанном ими эксперименте. Поэтому мы считаем необходимым дать перечень тех сведений, которые обязательно следует упомянуть при написании отчета.

Описание эксперимента должно включать в себя, по крайней мере, четыре раздела: проблема, метод исследования, результаты, обсуж-

дение результатов. Уже первое предложение должно четко формулировать проблему, для решения которой и был задуман эксперимент, и далее необходимо дать достаточную информацию из литературных источников, показывающую, в чем состоит проблема, каковы специфические вопросы эксперимента и почему этот вопрос важен.

При объяснении метода нужно дать полную информацию о ходе эксперимента, применяемом оборудовании, испытуемых. Так, из описания должны быть известны возраст, пол, образование, критерий выбора, экспериментальная «простоватость» (участвовали данные испытуемые в других подобных экспериментах или нет) испытуемых. Особое внимание следует обратить на полноту характеристики экспериментальной ситуации: условий, времени, места испытания, опросников. Многое из того, что мы в повседневной речи подразумеваем, пропускаем, при описании экспериментальной ситуации должно быть сформулировано. Ибо из истории известно, что основание для различных результатов в руках у разных экспериментаторов лежит чаще всего в просматриваемой ими разнице условий их опытов. И, по выражению одного из психологов, на данном этапе развития социальной психологии любое прилагательное может стать независимой или зависимой переменной.

При описании процедуры опыта необходимо точно представить все стимулы и инструкции, предъявляемые испытуемым, распределение испытуемых по группам и различие условий, создаваемых для каждой из групп, способы кодирования данных.

Далее должны быть представлены точные количественные данные, обеспечивающие читателя основаниями для теоретического аргументирования; в первую очередь должны быть представлены данные, поддерживающие (или отвергающие) ответ автора на вопрос, представленный в проблеме. Таблицы и графики должны обращать внимание читателя на решающие или необычные (неожиданные) аспекты данных. Изложение результатов должно сопровождаться краткими сведениями о статистических критериях и статистической значимости полученных различий.

При обсуждении результатов следует показать теоретическую важность эксперимента, связь результатов опыта с литературными данными, следствия данных представленного эксперимента для будущих исследований, ограничения полученных данных, альтернативные объяснения результатов, а также сказать о недостатках проведенного опыта.

В заключение мы предлагаем ряд более частных положений и требований, которые следует учитывать опытным исследователям для увеличения чистоты (эффективности) экспериментального метода. Помимо трудностей экспериментального метода в любых науках, эксперимент в социальной психологии имеет свои особенности. И первой такой особенностью является *необходимость точного контроля и эффективного воздействия независимой переменной*. Независимая переменная должна быть в идеале совершенно идентичной для всех испытуемых. Требование контроля ведет к максимальному упрощению и стандартизации ввода независимой переменной, но в таком случае воздействие такой переменной будет таким слабым, что не окажет никакого влияния. В опытах по изучению изменения социальной установки часто применяют стандартную печатную информацию: испытуемый должен все прочесть, а затем измеряют возможные изменения установок. Такую информацию легко измерять и контролировать, но влияние на установки она оказывает очень слабое. В качестве противоположной ситуации можно привести другой опыт, в котором опытный юрист «атаковал жизненную философию» каждого из испытуемых, приспосабливаясь к индивидуальным особенностям каждого. Воздействие на испытуемых было большое, но за счет недостатка контроля. Таким образом, зачастую две цели социально-психологического эксперимента — контроль и воздействие — оказываются в противоречии: увеличить одно можно только за счет уменьшения другого.

При достижении компромисса между требованиями контроля и воздействия возникает другая проблема. Оказать влияние на испытуемого можно только «сложным стимулом», а это ведет к множественности альтернативных интерпретаций. Для ограничения числа возможных интерпретаций следует использовать несколько операциональных переменных при изучении одной теоретической переменной. Этого можно добиться как проведением повторных экспериментов с иными операциональными переменными, так и варьированием независимых переменных в одном эксперименте. Так, в одном эксперименте разные группы испытуемых оценивали одного и того же человека, который выступал с одним и тем же сообщением, но социальная роль его при «встрече» с очередной группой испытуемых менялась. Одна независимая концептуальная переменная — социальная роль, несколько операциональных независимых переменных — ученый, журналист, директор, генеральный кон-

структор, бригадир введены были в рамках одного опыта (Семёнов, 1971, с. 38–43).

Необходимость фиктивного контекста. Так как испытуемые будут стараться угадать, понять опыт и будут реагировать на экспериментальную ситуацию соответственно своей интерпретации, необходимо «помочь испытуемым расшифровать» природу опыта. Фиктивный контекст опыта должен включать в себя независимую, зависимую переменную и всю процедуру опыта. Фиктивный контекст должен быть нетривиален (убедителен для испытуемых) и привлекать их внимание. Часто требуется очень сложный, тщательно разработанный фиктивный контекст.

Для проверки любой гипотезы при достаточной изобретательности можно найти подходящий контекст, интегрирующий все необходимые процедуры опыта.

Выбор независимой переменной. В социальной психологии мало стандартных методик конструирования независимых переменных. Социально-психологические эксперименты очень сильно зависят от общности, в которой они проводятся, и даже выработанные стандартные процедуры должны корректироваться, модифицироваться для изучения разных контингентов испытуемых. Наиболее часто встречающаяся ошибка при конструировании переменной — считать, что требуемая независимая переменная «уже создана самой жизнью» и мы не пытаемся варьировать ее непосредственно в опыте. Например, мы интересуемся различиями в выполнении определенных заданий испытуемыми с высокой и низкой самооценкой.

Если измерить самооценку по какой-то шкале и сравнить две группы по их производительности, то это будет только корреляция, которая будет показывать какую-то связь, но не даст никаких знаний о причине. Чтобы избежать недостатков простой корреляции, нужно создать высокую (и низкую) самооценку в самом опыте. Так, можно использовать один из признаков самооценки («социальную сензитивность») и варьировать его. Для этого нужно провести серию тестов, а затем испытуемые получают фиктивные данные об успешности тестовых испытаний. Половине испытуемых будет сказано, что они неудачно выполнили тестовые задания и, значит, у них слабо развита способность «социальной сензитивности», другой половине будет сказано, что они удачно выполнили тестовые задания.

Следующая проблема перед экспериментатором — что выбрать в качестве независимой переменной: вербальную инструкцию или со-

бытие. Эти два вида ввода переменных часто дополняют друг друга, но между ними сохраняются важные различия. В первую очередь эти различия связаны с вышеописанной дилеммой – «контроль или воздействие». Вербальная инструкция обеспечивает более точный контроль, событие обеспечивает более сильное воздействие. Например, если экспериментатор просто скажет, что группа, в которой находится сейчас испытуемый, придерживается тех же стандартов оценки, что и он, или что эта группа очень интересна, то это окажет намного меньшее воздействие на индивида, чем, если индивид сам увидит, что группа имеет такие характеристики. Поэтому, несмотря на то, что событие можно интерпретировать по-разному, тот факт, что событие оказывает намного большее воздействие на испытуемого, чем инструкция, является решающим в выборе формы ввода независимой переменной.

Существует ряд специальных методик для ввода независимых переменных с целью соблюдения условий маскировки связи данного события с опытом:

- а) непредвиденный случай;
- б) независимую переменную вводит подставной участник эксперимента;
- в) используется весь эксперимент как независимая переменная, а зависимая переменная измеряется позже;
- г) независимая переменная «не имеет никакого отношения» к эксперименту. Очень показательна в этом отношении техника «потерянных писем». Определенное количество писем (в конвертах) было «потеряно» в местах, где их наверняка должны были найти студенты. Вопрос, интересующий экспериментатора, – сколько из этих писем будет опущено в почтовый ящик, а независимой переменной был адрес на конверте.

Выбор зависимой переменной. При выборе зависимой переменной нужно решать те же проблемы, что и при выборе независимой переменной. Первая из них – выбор события, реакций, соответствующих концептуальной переменной. Все реакции можно расположить в континууме от поведения, имеющего чрезвычайную важность для испытуемого, до незначачих для испытуемого «ответов на бумаге». Примерные варианты уровней ответов будут следующие:

- а) фактическое поведение;

- б) обязательство совершить определенный поступок без последующего фактического выполнения («поведенческо-подобные» реакции);
- в) интервью, в котором само присутствие интервьюера ведет к обстановке серьезного исследования;
- г) обычный вопросник, измеряющий установки, мнения индивида.

Очень важным моментом в двух последних формах измерения является необходимость обеспечить и значимость для испытуемых ответов и скрыть истинные намерения исследователя. Необходимо измерить зависимую переменную как бы случайно, как побочный продукт исследования, и в то же время не подчеркивать своего интереса в этом измерении и не преуменьшать этого интереса, чтобы избежать в одном случае подозрения, в другом — небрежного отношения к своим ответам.

Зависимую переменную необходимо маскировать. Примеры таких маскировок:

- а) измерять зависимую переменную в контексте другого «эксперимента»;
- б) сказать, что данное измерение представляет интерес, но причины интереса другие;
- в) ряд косвенных техник сбора информации. Вот пример методики, не слишком распространенной ввиду ее специфичности, но показывающей возможности творческого развития экспериментальных процедур. В пустую комнату входят испытуемые. Экспериментатор предлагает всем занять места. Первым садится помощник экспериментатора (подставной) на определенном расстоянии (очень далеко или рядом) от экспериментатора. Затем садятся остальные. Расстояние от выбранного испытуемым места до экспериментатора или до подставного и является искомой зависимой переменной.

В редких случаях возможен опыт, в котором испытуемый не осознает своего участия в эксперименте, обычно же испытуемые отвечают не на саму экспериментальную ситуацию, а на интерпретацию, какого поведения ждут от них. Отсюда вытекает крайняя необходимость правдоподобного фиктивного контекста. Так как никогда нельзя быть уверенным в том, что испытуемые приняли гипотезу экспериментатора, а не действуют по своей, в конце опыта экспери-

ментатор должен попытаться выявить, какой гипотезой пользовался испытуемый. Ненамеренное влияние самого экспериментатора на результаты опытов можно проиллюстрировать на примере следующего опыта. Испытуемые участвовали в опыте в качестве «экспериментаторов». Автор опыта формировал несколько групп экспериментаторов и разным группам давал разные фиктивные гипотезы опыта. Испытуемые, материал и вся процедура опыта для всех «экспериментаторов» были идентичны, но предварительная гипотеза у каждой группы «экспериментаторов» была своя, и результаты получались разные для разных групп «экспериментаторов», чаще всего «смещения» были в сторону подтверждения фиктивной гипотезы. Для большей объективности результатов можно использовать следующие способы увеличения беспристрастности оценок экспериментаторов:

- а) экспериментатор не должен знать гипотезу;
- б) знать гипотезу, но не знать, какие группы испытуемых находятся в каких условиях;
- в) использовать несколько экспериментаторов, каждый из которых знает только часть условий.

В настоящее время к эксперименту все чаще и чаще обращаются при решении многих социально-психологических проблем. Интересна и показательна статистика, приведенная американскими психологами (Higbee, Wells, 1972, p. 963—966), которые подсчитали количество типов исследования, опубликованных в официальных социально-психологических журналах американской психологической ассоциации (сравнивались публикации 1949, 1959, 1969 гг.), причем отнесение статьи к тому или иному типу проводилось на основании главного метода, который применял тот или иной исследователь. Из этих статистических данных для наших целей интересны три факта:

- а) если в 1949 г. многофакторная экспериментальная процедура применялась в 17% опубликованных работ, то в 1959 г. эта цифра возросла до 71% и сохранилась в 1969 г. (73%); иначе говоря, каждые 7 из 10 исследований использовали эксперимент в качестве основного метода;
- б) уменьшение числа единичных экспериментов (в 1969 г. по сравнению с 1959 г.) и увеличение числа экспериментов, проведен-

- ных различными исследователями в различных научных центрах, но посвященных одной проблеме;
- в) появление к 1969 г. нового типа работ, посвященных анализу самой структуры эксперимента, рассмотрению эксперимента как ситуации общения экспериментатора и испытуемых; обсуждение таких проблем, как ненамеренное влияние экспериментатора на результаты опыта, роль добровольности испытуемых, влияние требований экспериментальной ситуации, влияние предвосхищения оценки и т. п.

Авторы этих статей показывали, что результаты многих опытов значительно больше связаны с мотивами, чувствами, мыслями испытуемых относительно их роли в эксперименте, чем с жизнью за пределами лаборатории. Отсюда малая степень генерализации получаемых в опытах закономерностей на реальную жизнь. Результатом такого более глубокого анализа экспериментальной процедуры было предложение многих «тактических» требований к эксперименту, часть которых была изложена выше.

Эксперимент является необходимым методом исследования в любых науках, как естественных, так и гуманитарных, причем во многих этот метод ведущий, решающий важнейшие проблемы. Такое же место должен занять эксперимент и в социальной психологии. Несмотря на многие критические оценки этого метода, эксперимент остается важнейшим средством получения достоверной информации. Да, действительно, часто трудно создать требуемые экспериментальные ситуации, многие эксперименты ведутся очень долго, а результаты можно выразить решением дихотомии «да — нет», часто непосредственно на сам эксперимент затрачивается меньше времени, чем на подготовительную работу к нему, лабораторные опыты далеки от жизни — таковы некоторые из оснований критической оценки. Но в то же время эксперимент имеет такие достоинства, которыми не обладает ни один из других методов исследования: обнаружение причины событий, а не просто связи; контроль над сопутствующими основному явлению факторами и выделение и изучение влияния различных компонентов сложного стимула.

Обоснование экспериментального метода, предложенное в XIX в. английским логиком Д. Миллем и заключающееся в требовании соблюдения двух процедур — установления сходства $y = f(x)$ и установления различия — $y = f(-x)$ — сохраняет силу и для современной экс-

Эксперимент

периментальной процедуры. Но если для Д. Милля как логика x и y оставались символами, идентичными самим себе, то при определении x и y в социальной психологии проблема наиболее полного и точного описания независимой и зависимой переменной встает очень остро. Зачастую создается ситуация, когда выявление какого-либо рода закономерностей оказывается менее полезным, чем описание, выделение отдельных понятий, характеризующих одно из психологических явлений. Таким образом, в такой же мере, в какой прогресс социальной психологии зависит от разработанности экспериментальной методики, успешное применение самого метода в значительной мере зависит от строгости, точности, «развитости» категориальной структуры социально-психологической науки.

Глава VII

Моделирование

Моделирование входит в число общенаучных методов так же, как, например, и методы наблюдения и эксперимента. Однако, в отличие от последних, метод моделирования не приобрел явно выраженной качественной специфики в своем приложении к объектам социально-психологических исследований. Думается, что причину этого следует искать не только в относительной кратковременности активного применения метода в данной области.

Важно отметить, что именно при посредстве моделирования в любой науке становится ощутимой ее связь с общенаучной методологией. И при построении модели, и при каком-либо использовании ее исследователь находит обоснования своим операциям в опыте других наук. Отношения модели и «оригинала» (прототипа) в таком случае устанавливаются между структурами двух научных дисциплин, одна из которых перестраивается по образцу более развитой. В последние десятилетия развитие взаимосвязей между различными областями научного познания стимулировано распространением методологии системного подхода. Моделирование же всегда находило опору в представлениях о единстве науки.

В силу указанных обстоятельств авторы, разрабатывающие даже конкретные вопросы моделирования в своей науке, часто ссылаются на примеры, заимствованные из практики самых разнообразных наук. Правомочность такого подхода имеет свои философские основания и не вызывает сомнений. Но социальная психология накопила уже и собственный опыт, позволяющий иллюстрировать общие принципы и этапы моделирования приложениями его к своим частным проблемам.

На этом же иллюстративном материале удобно построить классификацию моделей, способную дать достаточно полное представ-

ление о средствах и целях моделирования в социальной психологии. В этом и состоят основные задачи данной главы.

Термин «моделирование», несмотря на общее стремление унифицировать его употребление, служит в научной литературе для обозначения целого ряда весьма различных процедур. Необходимо рассмотреть все основные значения термина, поскольку живучесть многообразия в его понимании представляется неслучайной.

Наиболее распространенные определения моделирования сводятся к следующему. Целью метода является получение новых знаний о каком-либо объекте путем вывода по аналогии. Базой вывода при этом служит модель, т. е. некоторая известная система отношений, присущая другому объекту или абстрактной конструкции. Такое понимание метода можно найти в работах А. А. Братко с соавт. (1969), И. Б. Новика (1969), К. Б. Батороева (1974) и др.

Логической основой метода моделирования является умозаключение по аналогии. Выводы по аналогии — это выводы, в которых посылка относится к одному объекту, а заключение — к другому. Вывод о тождестве некоторых отношений (свойств) в моделирующей и моделируемой системах (в модели и прототипе) делается на основании тождества других отношений (свойств) в тех же системах. Схему вывода по аналогии логики представляют так: «Если явления *А* и *Б* имеют общие свойства *а*, *б*, *с*, *д* и если известно, что явление *А*, кроме того, обладает еще и свойством *е*, то можно сделать вывод, что и явление *Б* также обладает свойством *е*» (Категории диалектики как ступени познания, 1971, с. 174). При использовании математических моделей между двумя рассуждениями по аналогии вклинивается дедуктивное рассуждение.

Познавательная ценность выводов по аналогии, их состоятельность долгое время находились под сомнением. Еще и сейчас встречаются мнения, признающие лишь эвристическую ценность аналогии как источника гипотез. К вопросу о состоятельности аналогий мы вернемся при обсуждении обоснованности метода моделирования. Здесь же следует только заметить, что некорректное использование метода, а отсюда и неверие в его доказательную силу были порождены отсутствием теории вывода по аналогии. Такая теория в настоящее время интенсивно разрабатывается А. И. Уемовым (1971).

Очевидно, что правомерность вывода по аналогии зависит от характера аналогичных отношений, от значимости их в моделируемой системе. Установление различий между существенными и несущ-

щественными отношениями моделируемой системы есть наиболее сложный и в то же время самый ответственный этап моделирования.

Именно этот этап определяет степень адекватности будущей модели. Понятно, что решение этой задачи зависит не столько от теории моделирования, сколько от развития самой социальной психологии.

В приведенном выше определении смысл моделирования сводился к применению модели для получения новых данных. Но целью модели может быть и сохранение данных, полученных другим методом. На этом основании, кстати, различают дескриптивные (описывающие) и прогностические модели. С другой стороны, моделированием называют и построение модели.

Последнее понимание моделирования особенно характерно для прикладных психологических исследований. Под влиянием кибернетики получили распространение функциональные модели, заведомо не претендующие на аналогию с внутренним строением прототипа, а устанавливающие лишь соответствие между функциями модели и моделируемого объекта. Более того, моделям и упорно называют такие построения, которые не обладают и функциональным сходством с объектом, но выполняют ту же функцию организации эксперимента, что и концептуальные модели.

Таким образом, отчетливо выделяются, по крайней мере, два аспекта моделирования как метода. Функциональный аспект раскрывает цели и способы применения моделей, взаимодействие моделирования с другими средствами теории. В генетическом аспекте на первый план выступают вопросы, связанные с порождением и развитием модели, с субстратом модели, с соотношениями модели и объекта.

Необходимость адекватной стратегии изучения сложно организованных объектов вызвала к жизни в наши дни методологию системного подхода. Системное исследование обеспечивает неразрывное единство трех аспектов изучения некоторого объекта: функционального, структурного и генетического. Такой мощный метод научного познания, как моделирование, также представляет собой сложную систему. Это обстоятельство, на наш, взгляд, и приводит к смещению в определениях понятия «моделирование» его различных аспектов. К структурному аспекту моделирования должны, очевидно, относиться те его правила и принципы; которые делают модель целостной и внутренне непротиворечивой. В дальнейшем изложении мы будем стремиться отразить все указанные аспекты моделирования.

Процесс построения модели, следуя за А. Модем, можно представить в такой последовательности этапов (Моль, 1973, с. 29–31):

- 1) нахождение образной (метафорической) аналогии между изучаемой системой и некоторой другой, более изученной;
- 2) проверка обоснованности найденного образа, его соответствия наблюдаемой реальности;
- 3) введение аналогии в логические рамки, которые позволяют проверить степень полноты соответствия аналогии реальным данным;
- 4) проверка существенности, ценности аналогии, т. е. установление значимости в модели и прототипе тех отношений, которые пока не были приняты во внимание.

Если учет последних не приводит к серьезным поправкам в образе, то модель-аналог признается полезной. После этого начинаются этапы детализации модели:

- 5) установление масштабов входящих в логическую модель величин и пределов их изменчивости (области валидности), при которых данная аналогия является вполне справедливой;
- 6) исследование возможностей интерпретации в терминах модели второстепенных отношений прототипа, от которых мы отвлекались на первых этапах;
- 7) описание предложенной модели возможно более формальным способом.

Такое описание уже является важным результатом, благодаря которому множество разрозненных фактов можно рассматривать при посредстве ограниченного числа принципов, положенных в основу модели. Это новое освещение фактов, которое дает модель, открывает широкие возможности для целенаправленного поиска новых фактов.

Заметим, что формализация не обязательно достигает уровня, на котором обнаруженные отношения описываются математически. В широком смысле слова формальным можно считать любое логическое изложение концепции, устанавливающее причинно-следственные связи. Главное преимущество формально-логического описания заключается в том, что оно превращает неупорядоченную совокупность терминов и категорий теории в дедуктивную систему.

Указанные этапы развития можно проследить в истории теории игр. Г. Е. Журавлев справедливо отмечает, что кажущаяся сей-

час чем-то чужеродным для психологов сугубо формальная теория игр исходит из глубокого генетического родства игры и человеческой деятельности (Журавлев, 1976, с. 117–139). Теория игр специально создана для описания социального поведения человека в ситуациях выбора. Поэтому теоретико-игровой подход позволяет формализовать и количественно оценить такие человеческие качества, которые существенны в ситуации выбора: рискованность, осторожность, бескорыстие, конформизм.

Возможен и другой подход к построению модели, при котором формальная структура выбирается на интуитивных основаниях. Принятая формальная модель может подсказать нам общее структурное представление об изучаемой системе.

В таком случае осознание и вербализация концепции следуют за ее готовой математической формой. Множество возможных абстрактных структур заведомо меньше множества их конкретных интерпретаций, поэтому, собственно говоря, и возможно моделирование.

Если математическая структура используется в качестве первичного аналога и далее выполняются все перечисленные выше этапы построения модели, против такого подхода не может быть возражений. К сожалению, довольно часто построение моделей начинают с выбора математического аппарата, а проверить согласие аксиоматики этого аппарата и моделируемой реальности можно, как правило, лишь на отдаленном этапе моделирования. При этом всякое усовершенствование и развитие модели оказываются ограниченными исходной аксиоматикой данного аппарата. Хорошим примером такого тупика, на наш взгляд, может послужить модель конформного поведения, использующая аппарат конечных марковских цепей (Кемени, Снелл, 1972).

Мы не будем повторять здесь содержание указанной работы, а вместо этого постараемся показать, почему применение математического аппарата оказывается моделированием.

При построении математической теории, при формализации исходных понятий отвлекаются от содержания теории, т. е. от конкретной природы ее объектов, но это отвлечение не означает пренебрежения к содержанию. Содержание фиксируется в самом характере формальных отношений. Эти формальные отношения и термины теории обозначаются некоторыми знаками, что и позволяет считать формальное описание изучаемого объекта его знаковой моделью. Системность знаков считают отражением системных отноше-

ний, присущих обозначенным объектам. Развитие математических структур не сводится, однако, к простому выявлению их из какой-либо новой области экспериментальных фактов. Ввиду этого знаковая математическая модель обладает и такими аксиоматическими свойствами, которые уже не задают, а открывают при развитии модели. При дальнейшем использовании аппарата описания мы переносим эти свойства на изучаемый объект, как и при любом моделировании. Исследование знаковой модели, таким образом, приводит к выводам относительно интересующего нас объекта.

Учитывая изложенные обстоятельства, большинство авторов, разрабатывающих проблемы моделирования в психологии, подчеркивают необходимость создания специфического математического аппарата, порожденного психологическими задачами. Такова, например, точка зрения В. Ф. Рубахина, Б. Ф. Ломова, Ю. М. Забродина и др. авторов сборника «Психология и математика» (Психология и математика, 1976).

Вспомним, однако, аппарат факторного анализа, разработанный психологами и для психологов. Не случайно математики называют его моделью факторного анализа. В самом употреблении термина «модель» нужно видеть напоминание о ряде постулатов, лежащих в основе метода и ограничивающих его применение. Действительно, не всякий количественно представимый показатель может входить в исходный для процедуры анализа набор переменных. Не следует поэтому пренебрегать проверкой справедливости исходных предпосылок метода для конкретных показателей (Многомерный статистический анализ в социально-экономических исследованиях, 1974, с. 230–236).

Говоря о построении модели, нельзя не коснуться вопроса о ее субстрате. Традиционная классификация подразделяет модели на вещественные и знаковые. К знаковым моделям мы уже обращались. Вещественными моделями называют такие, которые имеют природу, сходную с природой изучаемого явления. К вещественным моделям социально-психологических явлений можно, видимо, отнести те, которые моделируют один вид групповой деятельности посредством другого. Примером этого типа моделирования являются исследования на кибернометре, проводимые Н. Н. Обозовым (см. приложение, § 1). Психомоторные совместные действия при этом рассматриваются как простейшая модель внутригруппового взаимодействия. Отметим также, что большинство лабораторных экспери-

ментов в социальной психологии заканчиваются выводами по аналогии такого рода.

Вопрос о субстрате модели сложной системы непосредственно связан с проблемой адекватности моделирования. В литературе отношение «быть моделью» рассматривается чаще всего как симметричное. Это означает, что из двух систем, связанных этим отношением, любая может выступать в качестве модели другой. Впрочем, для процесса моделирования удобно, чтобы модель была проще «оригинала». Поэтому требования, согласно которым «идеальная модель» должна быть изоморфным отображением реального объекта, сменились менее жесткими. Считается достаточным, если между моделью и ее объектом сохраняются гомоморфные отношения, уже несимметричные (Гастев, 1975, с. 16).

В этой связи уместно вспомнить существенные обстоятельства практики моделирования. В качестве аналогов психической деятельности человека используются как технические модели психики, так и механизмы отражательной деятельности высших животных. Модели распределения статуса, доминирования в группе строятся буржуазными социальными психологами даже на основе аналогий с поведением крыс, птиц и т. п. (Рашевский, 1966, с. 175—214).

Техническими моделями психики (эвристическими, программными) называют программы для ЭЦВМ, описывающие человеческое поведение. С помощью таких программ в последнее время стремятся моделировать не только функции психики, но и материальную структуру, порождающую эти функции. Социально-психологическую проблематику на технических моделях разрабатывает в Советском Союзе школа Н. М. Амосова. Типичным для их подхода является определение личности как многопрограммного автомата со многими критериями оптимизации. С моделью группового поведения можно познакомиться в статье Д. Н. Галенко (1972, с. 130—142). Понятно, что аналогия таких вещественных моделей и прототипа недостаточно глубока, ибо не учитывает специфику субстрата психического. С другой стороны, философы давно говорят, что прогресс в моделировании человеческой психики достижим только с учетом ее социальной природы (Нович, 1969, с. 119).

Единство функционального, структурного и генетического аспектов изучения сложно организованных объектов следует соблюдать не только при их анализе, но и при их концептуальном синтезе, который является одной из функций моделирования. Логически со-

стоятельную аналогию можно проводить между генетически близкими системами. Какие бы преобразования ни изменяли структуру системы-продукта, между ней и структурой продуцирующей системы всегда можно установить гомоморфное соответствие. Но и биологические, и технические системы достаточно далеко отстоят в эволюционном ряду от тех явлений, которые непосредственно интересуют социальную психологию. Представляется, что для успешного моделирования общения, этого доминирующего феномена социальной психологии, необходимо искать формальные аналогии между языковыми структурами и структурами общения.

Как известно, язык — важнейшее средство и продукт общения, и необходимое условие возникновения сознания. Даже в своих грамматических категориях язык несет отпечаток создавшей его общественной среды. Так, категория лица глагола объективирует отношения ролей участников диалога, а в ряде восточных языков (корейском, японском) категория лица учитывает даже социальную дистанцию участников общения. Языковедение служит мостом для проникновения математических методов в другие гуманитарные науки и занимает среди них ведущее место по степени математизации. Имеется и много других предпосылок, чтобы утверждать перспективность языковых аналогий для построения социально-психологических моделей.

Надо сказать, что оценка адекватности модели является критическим звеном в процессе моделирования.

Имеющаяся литература чаще всего содержит только перечень условий, которые необходимо соблюдать, чтобы снизить вероятность ошибки при выводе по аналогии. Часть из них мы уже приводили выше. Еще одно заключается в следующем: если объект, в отношении которого мы делаем вывод по аналогии, обладает каким-либо свойством, не совместимым с тем свойством, о существовании которого мы умозаключаем, то общее сходство не имеет никакого значения. Впрочем, такие условия выдвигаются авторами обычно только на основании здравого смысла и зачастую противоречат друг другу. Строгие логические условия обоснованности аналогий содержит упоминавшаяся выше работа А. И. Умова.

Более общие вопросы обоснованности (валидности) моделирования рассматривают А. Зигель и Дж. Вольф, построившие техническую модель, имитирующую групповую деятельность операторов (Зигель, Вольф, 1973, с. 219–220). Эти авторы различают содержательную и конструктивную валидность. Содержательная валид-

ность соответствует полноте модели. О ней судят, сопоставляя результаты моделирования с данными о функционировании реальных систем. Конструктивная обоснованность модели означает степень, до которой предсказания модели могут быть сопоставлены с психологическими концепциями. Оба вида обоснованности трудно оценить количественно. А. Зигель и Дж. Вольф предлагают оценивать конструктивную валидность модели по совпадению с результатами факторного анализа на множестве показателей сопоставимых с переменными модели. С последним положением трудно согласиться, поскольку очевидна возможность произвола при интерпретации результатов факторизации.

В книге Зигеля и Вольфа мы находим и яркий пример модельного эксперимента, этого органичного слияния методов моделирования и эксперимента. Моделируя на ЭЦВМ групповую деятельность, авторы получают возможность изучать процессы, специфика которых не допускает прямого экспериментирования над ними.

Необходимо упомянуть еще об одном критерии классификации. По виду применяемого математического аппарата различают статистические и детерминированные модели. Это, казалось бы, чисто формальное различие в способе моделирования в значительной степени определяется целями моделирования. Говоря об этом, мы имеем в виду не только отмечаемую многими приспособленность статистики для описания поведения коллективов. Статистические модели удобны, прежде всего, для описания функционирования, поведения системы, а ее структуру описывают языком «качественной» математики, т. е. теории множеств, теории графов и т. п.

Сомнения в перспективах большинства существующих моделей вызывает их сугубо формальный характер, не позволяющий очевидным для психолога образом переходить к проверяемым на практике выводам. «Количественная», т. е. основанная на измерениях, проверка базовых отношений модели на первых этапах ее разработки, как правило, затруднительна. В то же время наглядность модели, представление ее в графически образном виде могут выявить присущую ей убедительность или отсутствие таковой еще на качественном уровне знания об этих отношениях. Такую образность представления об изучаемой системе обеспечивает теория графов, сохраняющая и желаемую формальную строгость. Учитывая это, естественно при моделировании структур использовать язык теории графов.

Впервые графовые модели объектов социальной психологии начали использовать в школе К. Левина. На русский язык переведены некоторые работы Ф. Харари, Д. Картрайта, Дж. Райли (Кемени, Снелл, 1972), в которых теория графов применяется для изучения структуры взаимоотношений между индивидами внутри группы и динамики ее изменений. Этому же направлению посвящен и ряд отечественных публикаций (Паниотто, 1975; Сороко, 1970).

Все множество целей моделирования можно разделить в соответствии с тремя достаточно самостоятельными направлениями. От моделей ожидают, прежде всего:

- 1) формального упорядочивания, структурирования имеющихся данных;
- 2) наглядности представления об этой структуре;
- 3) возможности перехода к методикам и технике сбора данных, к измерительным процедурам.

Указанные требования позволяют по известным ассоциациям обозначить эти функции моделей как соответственно логическую, образную и практическую. В данном случае допустимы, вероятно, и другие критерии классификации. Желательно, чтобы каждая конкретная модель выполняла все три эти функции.

Постановка вопроса о том, какой состав элементов модели способен обеспечить перечисленные функции модели, необходимо приводит нас к категориям науки. Систему категорий данной науки, отношения между которыми соответствуют реальным системообразующим связям изучаемого объекта, понимают как категориальную модель объекта познания (Ярошевский, 1971). Задача формализации отношений между категориями остается пока в стороне от внимания теоретиков.

Поэтому описание структуры категорий обычно заменяют описанием их состава, т. е. перечнем составляющих. Есть все основания полагать, что одним из наиболее обещающих путей моделирования объектов социальной психологии является логико-алгебраическое представление отношений между ее фундаментальными категориями.

Категории могут быть представлены и в виде вершин некоторого графа, ребра которого создают у исследователя образ «естественных» связей между изучаемыми им феноменами. Можно отметить идейное родство таких графовых представлений с блок-схемными моделями, разрабатываемыми в школе Н. М. Амосова. От графовых представ-

лений удобно переходить как к более абстрактным знаковым моделям (например, алгебраическим), так и к вербальным концепциям. Однако попытки графового представления отношений между категориями в известной литературе пока не встречаются.

С категориальным аппаратом науки тесно связана и проблема квантификации индикаторов социально-психологических явлений. Судя по опыту других наук, категории берут на себя функции построения предмета исследования и предмета квантификации. Имеет все основания сравнение категориальных систем с координатными. Сам факт отнесения явления к той или иной категории (координатной оси) уже представляет собой измерение на шкале наименований. Распространенные шкалы для измерения установок, ценностей и т. п. тоже могут служить примером использования моделей в социальной психологии. Однако класс шкалирующих моделей заслуживает отдельного и обстоятельного анализа, который невозможно осуществить в рамках данной главы. К тому же в литературе на русском языке имеются достаточно полные обзоры работ по этой теме (Процесс социального исследования, 1975).

В заключение необходимо коснуться вопроса о связи моделирования с другими методами социальной психологии. Моделирование органично соединяет эмпирическое исследование с построением теории. Действительно, в основании модели всегда лежат данные, полученные традиционными методами. Аккумулируя их, модель в то же время указывает новые направления научного поиска. Стремление формализовать модель неизбежно приводит к переосмыслению многих, даже устоявшихся понятий науки. Тем самым психология переходит на новый этап своего развития — от количественного накопления фактов к новому качеству их системной интерпретации. Методы наблюдения и контент-анализа особенно нуждаются в строгой системе категорий, позволяющей различать и опознавать акты поведения. Построить такую систему невозможно, не имея концептуальной модели изучаемого явления. Из концептуальной модели, исследователь исходит, конструируя схему опроса. Взаимосвязь моделирования и эксперимента уже отмечалась выше.

Приложение

Аппаратурно-технические методы

§ 1. Аппаратурный метод исследования срабатываемости и совместимости людей

Одним из перспективных путей развития экспериментальной групповой психологии является разработка различных моделей групповой деятельности. Гомеостат — первая аппаратурная модель, созданная Ф. Д. Горбовым и М. А. Новиковым для изучения совместной деятельности. Благодаря моделированию разных степеней взаимосвязанности членов группы она позволяет определить порог ее срабатываемости. Целесообразным является моделирование как конкретных видов совместной деятельности, так и обобщенных, в которых изучаются взаимодействия логических процессов, функций, состояний и свойств личности. Модели совместной работы могут использоваться как диагностические средства и тренажеры, что значительно расширяет диапазон их применения.

Для исследования психомоторной срабатываемости используется модифицированный аппарат — кибернометр Роже Ламбера (1965) (см.: Обозов, Овчинников, 1968, с. 37). Этот аппарат предназначен для измерения влияния каждого члена группы на ход совместной работы. В несколько модифицированном виде кибернометр может быть применен для индивидуального обследования испытуемых. Наша экспериментальная установка в одном варианте имеет жесткую кинематическую цепь — систему рычагов — и мягкую кинематическую цепь — веревочный вариант. Во втором варианте рычаги с «движком» заменяются веревочной системой (леской), имеющей другой тип движка.

Первый вариант типа А (с жесткой системой связи) может применяться для индивидуального и группового экспериментов. Для ин-

дивидуального обследования используются только две системы рычагов и движок (работа двумя руками). Этот тип аппарата может быть применен для совместной работы двух испытуемых (работа одной рукой). Для группового эксперимента используется также система рычагов с четырьмя рукоятками, и здесь совместно могут работать два и четыре испытуемых.

Второй вариант типа А (с мягкой системой связи) применяется только для группового эксперимента (два и четыре члена группы). Для варианта с мягкой системой связи производится замена центральных звеньев рычагов и движка. В отличие от жесткой мягкая кинематическая цепь ограничивает степени свободы каждого рычага, а тем самым увеличивает взаимозависимость членов группы. Если первый вариант кибернометра дает возможность взаимодополнить действия одного члена группы действиями других участников совместной работы, то второй вариант ограничивает взаимодополняемость и каждое последующее действие одного члена группы невозможно без соответствующего действия предыдущего.

Специальное устройство позволяет получить запись не только общей траектории перемещения «движка» по лабиринту, но и незначительных колебательных движений, совершаемых в процессе выполнения координированных действий.

Третий вариант типа А (с мягкой связью) позволяет исследовать группу с более широким количественным диапазоном (от 3 до 9 человек). Специальное устройство позволяет регистрировать двигательную активность каждого члена группы. В отличие от первого и второго вариантов, этот кибернометр дает возможность исследовать срабатываемость группы в условиях: а) регулируемого группой режима работы; б) заданного и меняющегося периодически и аperiodически. Лабиринты имеют вид диска, на котором изображены дорожки с ритмичным и аритмичным шагом отрезков. Лабиринт устанавливается на специальной подставке, включающей двигатель, который вращает его вокруг оси. Скорость вращения диска может регулироваться. В процессе работы группы двигатель может включаться и отключаться по специальной программе. Это создаст трудности перестройки работы группы на новый темпо-ритм.

Испытуемым при работе на всех трех вариантах кибернометра дается инструкция. «Перед вами прибор для исследования координации движений. Вы должны с помощью рукояток перемещать «движок» по лабиринту от исходного положения дорожки лабиринта

до конечного положения. Вы должны вести „движок“ таким образом, чтобы при этом не загоралась красная лампочка. Задача рассчитана на выполнение точности ваших действий (при групповой работе – совместных действий). Темп работы не ограничивается и должен быть выбран вами в зависимости от удобства действий»¹.

Помимо первичных данных, полученных при обработке диаграммной ленты с записью общего времени выполнения каждой операции, длительности и количества ошибок, колебательных движений рук, могут быть использованы производные показатели.

Интегральный показатель успешности работы K_y подсчитывался по формуле:

$$K_y = \frac{t_0 - t_{гр}}{t_0} + \frac{O_0 - O_{гр}}{O_0},$$

где t_0 – среднее время выполнения операции по данной выборке испытуемых; $t_{гр}$ – индивидуальное время или время работы данной группы; O_0 – среднее количество ошибок по операции данной выборки испытуемых; $O_{гр}$ – индивидуальное или групповое количество ошибок по данной операции; K_y подсчитывается по каждой пробе в отдельности. K_y оценивает не только общую успешность совместной работы, но дает интегральную характеристику гомеостатического равновесия в работе системы (группы). При лучшей сбалансированности системы (группы) коэффициент имеет положительный знак. При чрезмерной ориентированности группы на скорость или точность работы K_y имеет отрицательный знак и значение.

Коэффициент полезного действия отражает отношение времени полезно затраченного к общему времени выполнения пробы:

$$КПД = 1 - \frac{t_0}{t},$$

где t_0 – длительность ошибок, допущенных при перемещении движка; t – общее время выполнения пробы.

Запись колебательных движений на диаграммной ленте при работе на кибернометре первого и второго вариантов позволяет определять экономичность выполнения проб и операций каждым испы-

1 Прибор сконструирован и изготовлен под руководством Н. Н. Обозова студентами факультета психологии ЛГУ В. М. Давыдовым, Е. М. Ивановым, В. С. Степановым; экспонировался на выставке «Научно-техническое творчество молодежи – 76» на ВДНХ СССР.

туемым в отдельности, а в парном эксперименте — отдельно по левой и правой руке.

Коэффициент экономичности подсчитывается по следующей формуле:

$$K. \text{ Э.} = 1 - \frac{K}{t},$$

где K — количество колебательных движений в данной пробе, t — время выполнения пробы. При работе на кибернометре третьего варианта счетчики импульсов регистрируют дискретно моторную активность — напряженность каждого члена группы. Моторная активность рассчитывается:

$$M_a = \frac{K}{t},$$

где K — количество колебательных движений, зарегистрированных счетчиком импульсов в опыте, t — время работы. Известно, что при одинаковой успешности совместной и индивидуальной работы напряженность, энерготраты бывают разными. Фиксация моторной активности дает возможность оценить не только меру моторного участия каждого члена группы, но и сравнить степень напряженности, например, двух групп, имеющих одинаковый K_y .

Для исследования срабатываемости членов группы, решающих мыслительные задачи, разработана установка на базе кибернометра (тип В, с мягкой кинематической цепью), которая включает дополнительно рабочее поле — матрицу, имеющую 25 элементов (5×5) (вместо лабиринта) и специальное кодировочное устройство. Для регистрации речевых реакций и определения характера поиска буквы используется магнитофон. Эта методика позволяет исследовать эффективность совместных действий при решении группой оперативных задач (перцептивно-мыслительного класса). Испытуемым — членам группы — дается следующая инструкция: «Вы должны, совместно перемещая „движок“ по матрице, определить букву русского алфавита. Если лампочка, расположенная на матрице, загорится, значит, элемент, которого вы коснулись „движком“, входит в контур буквы. Основание буквы находится со стороны значка дельта. Вы должны как можно быстрее и с минимальным количеством ходов определить, какая буква закодирована на матрице. Каждый элемент матрицы пронумерован, поэтому вы в процессе совместной работы должны громко вслух называть предлагаемый ход». (Экспериментатор в специальной тетради, имеющей на каждой странице

25 квадратов, регистрирует последовательность и количество ходов. Кроме того, такая инструкция позволяет получить более качественную регистрацию речи испытуемых на магнитофоне.) Задача считается решенной, если члены группы согласовали окончательное мнение о том, какая буква закодирована на матрице. Буква может быть задана как на всей матрице, так и на ее части. Испытуемые могут предупреждаться и не предупреждаться, на какой части задана буква, что существенно определяет сложность задачи. В эксперименте могут использоваться четыре набора букв, уравненных по степени сложности: **I** – Г, Е, Ч, О, Н, Б; **II** – С, Т, И, П, Т, Р; **III** – С, Н, Б, О, Т, И; **IV** – Г, П, Ч, Е, Р, Ш.

В ходе эксперимента регистрируются следующие параметры:

- 1) общее время решения задачи;
- 2) количество сделанных ходов;
- 3) психомоторная активность каждого члена группы в отдельности;
- 4) речевые реакции испытуемых.

Кроме основных замеряемых параметров, производится и более детальный анализ полученных данных, что диктуется задачами эксперимента. Наиболее общей оценкой эффективности решения задачи может быть коэффициент успешности K_y (подсчитывается по формуле, показанной выше). Моторная активность каждого подсчитывается по формуле, также описанной в статье.

Речевые реакции могут быть классифицированы по следующим категориям: команда, указание, гипотеза, мнение, информация-размышление, информация-сообщение, вопрос, отрицание гипотезы и хода, согласие с ходом и гипотезой, эмоциональные реакции. Гипотезы оцениваются по их близости к конечному решению задачи. В общем виде их можно разбить на истинные и ложные. По соотношению гипотез и контрольных действий (проверочных) могут быть выделены различные типы решения задач по стратегиям обобщенности поиска и по стратегиям стиля работы (импульсивный, уравновешенный, инертный).

Для оценки взаимоотношений в группе производится индивидуальный опрос испытуемых по специальной схеме после эксперимента, что дает возможность выявить их удовлетворенность: «собой», «партнером», «работой». Проведение методики САН (самочувствие, активность, настроение) «до» и «после» совместной работы определяет субъективное состояние членов группы. Фиксация физио-

логических параметров (КГР, пульса, тремора) дает информацию о состоянии организма совместно работающих лиц. Включение данных поведения (соматического и речевого), субъективных состояний и физиологии позволяет определить степень совместимости и сработанности группы. Совместимость — такой эффект сочетания взаимодействующих индивидов, который показывает максимально возможную степень субъективной удовлетворенности при достаточных энерготратах или напряженности (по физиологическим данным). Совместимость связана с неформальным, интимно-эмоциональным взаимодействием (общением), продуктивность для нее не имеет никакого смысла. Сработанность — такой эффект сочетания совместно работающих индивидов, который показывает максимально возможную в данной совместной деятельности успешность при минимальных энерготратах или напряженности (по физиологическим данным) и при некоторой субъективной удовлетворенности состоянием (желательно высокой, но не всегда реально возможной).

Для исследования организаторской деятельности в иерархических системах управления используется 3-й тип кибернометра (С). Особенностью данного устройства является то, что оно позволяет изучать раздельно поведение руководителя (диспетчера) и группы (операторов). Наряду с раздельными показателями эффективности деятельности руководителя и группы можно получить общую оценку согласованности системы управления «диспетчер — группа операторов». Прибор устроен так, что имеет пульт экспериментатора. На нем расположено кодировочное устройство, состоящее из трех идентичных составных частей (панелей с тумблерами): электросекундомера, фиксирующего время решения задачи; счетчика импульсов, регистрирующего количество ходов, произведенных группой. Принцип кодировки букв аналогичный тому, который описан выше при изложении особенностей устройства экспериментальной методики для определения эффективности работы группы, решающей оперативные задачи (перцептивно-мыслительного класса). Особенностью же 3-го типа кибернометра является то, что у каждого члена группы своя отдельная матрица, а не общая, как это было в описанном выше устройстве. Каждый член группы А, В и С определяет свою букву русского алфавита независимо от других. Члены группы могут быть изолированы друг от друга, и все связи должны идти только через руководителя (диспетчера). Руководитель распределяет между членами группы общее количество возможных ходов, которое зада-

ется извне экспериментатором. Электросекундомер на пульте руководителя показывает время решения групповой задачи.

Перед диспетчером (руководителем) экспериментатор ставит задачу: «Вы должны с помощью группы определить, какое слово из трех букв закодировано на матрицах. Может быть дана любая смысловая триграмма. Количество ходов, которое могут использовать члены управляемой вами группы, ограничено. В случае, если количество ходов перерасходовано, задача считается нерешенной, и экспериментатор отключает прибор. Задачу необходимо решить как можно быстрее, так как эффективность вашей работы и группы в целом будут оценивать по времени и количеству использованных ходов». Если на группу дается, например, всего 20 ходов, то руководитель должен так распределить их между членами группы, чтобы хватило каждому для определения буквы. Диспетчер в зависимости от расходования ходов может отключать любого члена группы от работы на время, чтобы «подтянуть» других, не справляющихся с задачей, помочь им в решении. Счетчики импульсов (четыре), расположенные на пульте диспетчера, информируют об общем количестве ходов, осуществленных группой и каждым «подчиненным» в отдельности (а, b, c).

В ходе эксперимента регистрируются:

- 1) время решения группой задачи;
- 2) количество сделанных ходов;
- 3) речевые реакции руководителя и членов группы;
- 4) определяется стиль руководства.

Эффективность совместной работы системы «диспетчер — группа операторов» оценивается по коэффициенту успешности K_y (формула дана выше).

Моделирование совместной деятельности имеет перспективы только в том случае, если оно связано с практикой, производственными процессами. Описанные модели-методы использовались при исследовании производственных коллективов, спортивных команд. Подтвердилась их валидность и надежность.

§ 2. Техника гомеостатического метода

В 1960-е годы в нашей стране исследовательские группы, возглавляемые учеными-психологами Ф.Д. Горбовым, Е.С. Кузьминым,

Н. Н. Обозовыми др. начали применять для изучения различных вопросов психологии оригинальный экспериментальный метод, получивший условное наименование гомеостатического.

Исследовательская работа проводилась на основе использования специально сконструированных и изготовленных физических приборов, названных затем «гомеостатами». Главная особенность метода выражалась в том, что он был, во-первых, чисто лабораторным, а во-вторых, включал в себя, помимо гомеостатов, целую систему вспомогательных современных физических электронных приборов. Были отмечены ценные в научном и прикладном значении результаты.

Как пишет Е. С. Кузьмин, изучались вопросы «оптимального и рационального» комплектования групп, факторы и условия, определяющие характер взаимоотношения членов группы, соответствие структуры группы поставленной задаче, успешность решения задач. Изучение проводилось «на основе гомеостатической методики, с дополнением ряда приборов, опроса, бесед и инструкций» (Кузьмин, 1967, с. 102). Таким образом, в итоге исследовательских усилий был создан экспериментальный гомеостатический метод, применяемый в лабораторных условиях для изучения различных проблем малых групп, коллективов и личностей при использовании средств физического, предметного моделирования групповой деятельности.

Устройство приборов «гомеостат»

В основу создания гомеостатических технических устройств может быть положен любой принцип: механический, электрический, оптический, электронный и т. д. Создаваемая техническая система должна иметь *основную* регулировку в плане: состояние равновесия — нарушение равновесия, и наоборот.

При этом решающее значение имеет *управление* регулировкой и выражение ее *количественной* характеристики, измеряемой приборами (счетчик, самописец и т. д.) в тех или иных единицах (мера длины, угол отклонения, величина электротока, количество импульсов, интенсивность света и т. д.).

Важны также элементы системы, ее структура и функциональность. Конструктивное исполнение гомеостатов может быть самым разнообразным: от комплекса многих приборов, применяемых стационарно в лабораторных условиях, имеющего значительные исследовательские возможности, до легких портативных устройств,

предназначенных для решения сравнительно простых вопросов непосредственно в производственных условиях.

В лабораториях Ленинградского государственного университета были изготовлены и применены в эксперименте разнообразные конструкции гомеостатов, в основу которых положены вышеупомянутые принципы.

Принципиальной схемой большинства гомеостатов явился классический мост Уинстона, его разновидности и комбинации его элементов.

К мосту подводится сетевое или батарейное электропитание, в диагональ плечей моста включен индикатор равновесия. Плечи моста разбиты на элементы, предусмотрена их различная комбинация и дозированная регулировка.

Обычно гомеостат состоит из 3–8 отдельных, выносных пультов для испытуемых и одного прибора — пульта руководителя, которые электрически и, следовательно, функционально связаны между собой кабелем в одну регулируемую систему.

Выносной пульт испытуемого состоит из переменных одинарных или сдвоенных резисторов, переключателей, тумблеров, индикаторного электроизмерительного прибора с пределом измерения до 1 мА и нулем посередине шкалы, индикаторных лампочек и др.

Переменные резисторы, являясь элементами плечей моста, ручки от которых выведены на переднюю панель, предназначены для операторской деятельности испытуемого.

Переключатели служат для образования разновидностей электросхемы всех пультов гомеостата и, следовательно, для создания той или иной функциональной структуры деятельности испытуемых.

Электроизмерительный прибор предоставляет испытуемому приблизительную информацию о ходе решения задачи и о ее решении.

Прибор — пульт руководителя — включает в себя электропитающее устройство; приспособление автоматической отметки положения «0» на приборах испытуемых, указывающего на то, что задание выполнено; ручки предъявления задач различной сложности и типа; ручки принудительной электросвязи пультов испытуемых, определяющей функциональную структуру гомеостата; блок регистрации кинестетической активности испытуемых, состоящий из счетчиков типа МЭС-54 или других. Некоторые гомеостаты имеют приспособления, создающие помеху в ходе эксперимента или стимулирующие деятельность испытуемых.

При помощи этого пульта руководитель может:

- 1) задавать ту или иную функциональную структурность гомеостата;
- 2) предъявлять испытуемым последовательный ряд задач — общих, групповых, личных — различной сложности;
- 3) наблюдать за ходом эксперимента и управлять им;
- 4) в ряде случаев получать информацию в цифровой форме о кинестетической деятельности каждого испытуемого или всех вместе.

Помимо приборов, собственно гомеостат, гомеостатический исследовательский комплекс включает в себя целый ряд сложных вспомогательных приборов общего назначения, предназначенных в основном для получения, сбора, регистрации и хранения если не всей, то важнейшей части экспериментальной информации.

Процедура эксперимента определяется и зависит от 4 основных составляющих эксперимента:

- 1) от целей исследования;
- 2) количества испытуемых;
- 3) типа гомеостата;
- 4) количества вспомогательной аппаратуры.

Эксперимент проводится достаточно подготовленным руководителем и его помощниками. Продумывается размещение приборов и испытуемых, для них составляется подробная инструкция.

Эксперимент включает ряд задач, подзадач различной сложности (легкую, среднюю и сложную), которые последовательно ставятся перед испытуемыми. В зависимости от этого эксперимент распадается на взаимно связанные этапы.

Возможен и иной процедурный вариант, который включает в себя последовательное предъявление и решение «яичной» задачи; подзадачи, решаемой несколькими членами группы; общей для всей группы задачи.

Среди процедурных приемов необходимо указать на следующие:

- 1) свободное или принудительное объединение членов группы в подгруппы;
- 2) обязательный или свободный выбор связи моторной деятельности членов группы;
- 3) ввод в деятельность испытуемых дозированных элементов помех или стимуляции.

Большим процедурным достоинством некоторых гомеостатов (например, Ф.Д. Горбова) является:

- а) возможность количественного замера личной кинестетической деятельности испытуемого;
- б) регулируемая и замеряемая связь этой деятельности с кинестетическими усилиями остальных членов группы;
- в) возможность элементарного математического описания этой деятельности.

В опыте фиксируется количество неудач, ошибок, пропусков задач, нарушения очередности, отмечаются важные и несущественные задачи. На случай успеха или неудачи должен быть запасной вариант продолжения опыта.

Время является важнейшей компонентой эксперимента, и группа испытуемых должна выполнить все действия, необходимые для успешного решения задачи в пределах отведенного времени. На практике для получения значимых и надежных результатов эксперимент продолжается не менее 5 и не более 30 мин, хотя это и не является критичным.

Во всех случаях качество решений предпочитается скорости. Особо отмечаются простои, ожидания и т.д.

Встречается гомеостатическое моделирование, которое полностью определяется успешным результатом, а не временем выполнения.

При помощи счетчиков импульсов и самописцев (Н-320/5), подключенных к ручкам или элементам механизма решения задач, регистрируются операторская активность и моторные компоненты деятельности. В основном при этом используется наблюдение, возможности которого (точность, строгость, объективность и степень чувствительности) намного увеличиваются применением группы вспомогательных приборов, о которых говорилось выше, регистрирующих важнейшие рабочие характеристики исследования.

Весьма ценную информационную характеристику поставляют приборы кино- и фоторегистрации. Наиболее удобен в этой роли видеоманитофон, применение которого желательно. Основной вид информации — вербальная информация — записывается приборами магнитной записи, имеющими дистанционное управление (диктофоны).

Возникающие при этом значительные трудности преодолеваются применением многоканальных магнитофонов или приборов, поз-

воляющих вести запись сигналов от различных источников (от испытуемых) на один обычный магнитофон (микшер).

Необходимо, однако, учитывать, что в этом варианте возникают определенные затруднения с расшифровкой информации, имея в виду состав группы (3–8 чел.) и общее значительное количество испытуемых.

Полезным приемом является задать испытуемым после эксперимента дополнительные вопросы, раскрывающие или дополняющие отдельные моменты процедуры.

Вопросы и ответы записываются на магнитную ленту, расшифровка которой не вызывает затруднений.

Дает вполне позитивные результаты применение для этой цели прибора— анкеты опроса, которая позволяет автоматически предъявить испытуемым в письменной форме определенное количество (до 50) вопросов и получить на них суммарный ответ от всех испытуемых.

Итак, проведение эксперимента по процедуре позволяет нам получить качественно-количественный замер всей индивидуальной и коллективной активности испытуемых, т. е. информационную характеристику исследования.

Полученная нами информационная картина включает три вида информации:

- 1) *вербальная информация* — является важнейшим видом. Ею обмениваются во время опыта испытуемые в порядке очередности или хаотично. Она обычно выражается указаниями, командами, замечаниями, репликами, высказываниями и т. д.;
- 2) *информация о поведении* испытуемых, направленности их действий и реакциях;
- 3) *информация о кинестетических операциях* испытуемых, их моторной активности.

В заключение следует *упорядочение* информации (временная последовательность, привязка к типам задач, личности, подгруппам и т. д.), *изучение и социально-психологическая интерпретация*.

Гомеостатический метод характеризуют следующие достоинства:

- 1) он является недорогим и эффективным методом лабораторного исследования проблем личности, групп и коллективов;

- 2) этот метод позволяет применить для управления экспериментом и последующего анализа полученной информации математические приемы и ЭВМ;
- 3) использование портативных гомеостатов по упрощенной методике незаменимо для получения оперативной, прикладной информации при изучении групп учащихся, для комплектования экипажей, спортивных команд и т. д.

Несмотря на то, что все модели «гомеостата» весьма условны, этот способ исследования считается достаточно адекватным природе изучаемых социально-психологических явлений, степень его достоверности и эффективности определяется совпадением полученных в эксперименте характеристик с предварительным расчетом, практикой, с результатами применения других методов социальной психологии.

Приборы «гомеостат», несмотря на известную условность и разумные упрощения, дают возможность строить гипотезы, подсказывают исследователю новые экспериментальные пути, позволяют выявлять сущность важнейших социально-психологических феноменов. Они могут быть применены везде, где мы имеем дело с малой группой: на производстве, в военном деле, космонавтике, учебной группе, семье и т. д.

§ 3. «Анализатор программ» средств массовой информации

«Анализатор программ» — это устройство для непрерывной записи реакций аудитории на звуковое и зримое содержание средств массовой информации. Оно позволяет регистрировать отношение (реакции) реципиентов к содержанию и форме информации по ходу ее восприятия.

«Анализатор программ» был впервые применен учеными Колумбийского университета по инициативе П. Лазарсфельда и Ф. Стентона в 1939 г. С тех пор метод неоднократно использовался для изучения аудитории в Англии, Франции, США, Японии. В СССР, в Эстонии, подобный прибор оригинальной конструкции был построен Ю. Вооглайдом и У. Вейсманом и использован для оценки выступлений ораторов аудиторией зрительного зала (Методологические проблемы исследования массовой коммуникации, 1967, с. 202–207). В своих исследованиях мы использовали устройство такой же кон-

струкции для выявления оценок аудиторией содержания телевизионных интервью (Бойко, 1975, с. 65–76).

Принцип работы «анализатора программ» заключается в следующем (Curtis, Sturmthal, 1944; Hollonguist, Suchman, 1944, p. 265–334; Novland, 1949, p. 105–120).

Испытуемые слушают (смотрят) передачу, информацию и тут же оценивают ее в процессе ознакомления. Каждый момент информации, по договоренности с испытуемыми, может быть охарактеризован конкретными понятиями: истинно—ложно, новое—старое, возбуждает воображение или нет и т. д. Если «да», то испытуемый нажимает одну кнопку (например, зеленую), если «нет» — другую (например, красную), при нейтральном отношении кнопки не нажимаются. Когда «анализатор» имеет шкальное устройство, то испытуемому дается в руки небольшая пластмассовая коробочка.

Воспринимая информацию, он тут же с помощью рукоятки устанавливает стрелку на том или ином пункте шкалы. Суммарные или средние показания кнопочных и шкальных анализаторов фиксируются на пульте экспериментатора синхронно с передаваемой информацией. В комплект аппаратуры входит несколько пультов для испытуемых (кнопочных устройств или приборчиков со шкалами) и пульт экспериментатора, который лучше смонтировать за пределами экспериментальной аудитории, просмотрочного зала.

Методика программного анализатора имеет ряд достоинств по сравнению с другими методами изучения. Она позволяет получить не только итоговую оценку содержания и оценку формы содержания, но, что более важно, синхронную оценку каждого ее элемента. Когда реципиент синхронно с передаваемой информацией указывает свое отношение к ней, есть гарантия, что он не забудет что-либо из переданного, как это случается при опросах после передачи, не усреднит своих оценок отдельным частям передачи. Он не оценит всю передачу (информацию) под давлением одного или некоторых ее компонентов. Исследователь получает возможность увидеть, какие именно составные части содержания определяют положительное, нейтральное или отрицательное отношение к информации в целом. С другой стороны, исследователь может попросить испытуемых оценить не только содержание, но и строго определенные компоненты формы передаваемого, например образность стиля, звучность, композицию и т. д.

«Анализатор» дает возможность в течение одного эксперимента получить многоплановую характеристику информации, например, оценить сразу содержание и форму. Для этого требуются:

- 1) два или несколько независимых комплектов аппаратуры, что дает возможность исследователям одновременно фиксировать сразу две или несколько оценок со стороны аудитории (сколько комплектов, столько и оценок);
- 2) участие в опыте двух или нескольких «выравненных» групп испытуемых, т. е. групп, по возможности одинаковых по своим социально-демографическим признакам (сколько комплектов, столько и групп).

Каждой группе испытуемых дается специальная инструкция выражать свое отношение (реагировать) на строго определенные понятия, которые, по мнению экспериментатора, свидетельствуют о тех или иных особенностях воспринимаемой информации. Например, стоит задача оценить новизну, актуальность и полезность содержания телевизионных новостей. Каждая группа, участвующая в опыте, получает одно конкретное задание. Чаше, однако, проводится серия экспериментов с одним комплектом аппаратуры и одной постановочной задачей для испытуемых.

После того как передача продемонстрирована, обычно проводится анкетирование или интервью с целью выяснить, почему аудитория реагирует на определенные моменты информации так или иначе. Для этого экспериментатор может просматривать ленту с записью реакций испытуемых или показывать ее участникам опыта и попросить их объяснить отношение к каждому моменту передачи. Если информант забыл, почему он так реагировал на содержание, то ему могут предложить прослушать (просмотреть) соответствующее место передачи еще раз.

Затем наступает стадия обработки полученных итогов. Общее число положительных и отрицательных сигналов аудитории за каждую единицу времени передачи и по каждому пункту содержания может быть представлено графически — в «программном профиле». Верхняя линия «программного профиля» — шкала времени. В основании профиля — единицы содержания программы, информации, пьесы и т. д. Это может быть кратко сформулированная суть отрывка из текста, сцена и т. п. Вертикально, слева на «программном профиле» располагается шкала, показывающая общее число

(процент) реакций в каждой данной точке (т. е. за единицу времени и содержания) транслируемой передачи. Число положительных ответов откладывается вверх от нулевой линии этой шкалы, а отрицательное — вниз от нулевой линии. Итоги ранее проведенного опроса испытуемых помогают исследователю объяснить причину «пиков» на «программном профиле».

Заканчивая описание результатов, полученных с помощью «анализатора программ», исследователь должен гарантировать их достоверность, а также надежность метода. Принято считать, что измерительный инструмент надежен, если результаты, полученные с его помощью, не зависят от частоты повторения опытов. Для этого показания нескольких групп, «выравненных» по полу, возрасту, образованию, роду занятий, коррелируются между собой. Отдельно сравниваются положительные и негативные реакции испытуемых относительно тех понятий, на которые они, согласно инструкции, предшествующей опыту, должны обращать внимание. Надежность теста можно установить иным путем. Как указывалось выше, изучаемая программа (информация) разбивается на основные единицы (фрагменты) содержания. Такие единицы содержания нумеруют и разделяют на две части — четную и нечетную. Сопоставляются между собой положительные реакции каждого испытуемого в четном и нечетном рядах цифр, которыми зашифровано основное изучаемое содержание. Корреляция полученных рядов множеств покажет степень плотности ответов испытуемых. Чтобы сказать, достоверны (обоснованны) или нет результаты, полученные с помощью техники «анализатора», нужно знать, измеряет ли она то, что исследователь предполагает измерить. Для этого сравниваются между собой показатели «программного профиля» и опросов, проведенных в заключении опыта. Данные «программного профиля» располагаются по рангу: на первом месте ставится номер того фрагмента (момента, эпизода) информации, который получил наибольшее число положительных реакций аудитории, на втором месте — номер эпизода, который вызвал несколько меньшее число одобрений, и т. д. Так образуется первый столбик цифр. Во втором столбике по рангу выстраиваются номера фрагментов информации, получивших одобрительную оценку в интервью или анкете. Между двумя рядами находится коэффициент ранговой корреляции, величина которого позволяет судить о достоверности результатов, полученных с помощью «анализатора программ».

В качестве «анализатора программ» при изучении коммуникативного процесса используется аппарат, созданный на основе известного физиологам и психологам самописца. В последние годы этот аппарат усовершенствован. С 1954 г. Би-Би-Си проводит опыты с более сложной системой, позволяющей записывать на магнитную пленку одновременно с передачей и реакцию группы зрителей, каждый из которых выражает свое одобрение или неудовлетворение передачей нажатием нужной кнопки (Cazaneuve, 1963). Другой тип «анализаторов» в качестве задающего устройства имеет переменный резистор (потенциометр), который заключен в небольшую коробочку и снабжен шкалой и ручкой (типа ручки от переключательной радиоэлектронной аппаратуры). Вращением ручки испытуемый устанавливает оценку тому, что видит и слышит. Так, в приборе эстонских психологов имеется шкала с делениями от -100% до $+100\%$ с нулем посередине. Задающие устройства (их число практически не ограничено) соединены с регистрирующей аппаратурой, которая находится перед экспериментатором. На табло автоматически показывается суммарная (или средняя) оценка суждений испытуемых в пределах задающей шкалы.

Различают два вида оценок — для отдельных фрагментов передачи, информации (синхронные оценки) и для всего содержания (итоговая оценка). Для получения оценок, синхронизированных с содержанием информации, следует предварительно прохронометрировать информацию (например, через каждый пять секунд) и в те же самые интервалы времени снимать показания на табло экспериментатора. Оценка аудитории окажется «привязанной» к каждому временному моменту содержания информации.

Техника «программного анализатора» имеет ряд недостатков:

1. Трудность возникает в выборе показателей, отражающих только состояние потребностей, установок, настроений личности, а не степень эмоционального напряжения (удовольствия—неудовольствия, одобрения—неодобрения и т. п.) при восприятии данной информации, и наоборот. Прослушав обозревателя по международному положению, испытуемый дал отрицательную оценку. Остается неясным: то ли освещаемый вопрос несимпатичен испытуемому, что обусловлено его установкой, то ли реакция вызвана качеством выступления и передачи, что обусловлено эмоциональным состоянием в момент передачи.

2. Достоверность полученных данных снижается в результате того, что оценочные понятия вроде «нравится—не нравится», «хорошо—плохо», «новое—старое» и т. п. имеют разный смысл для отдельных испытуемых.
3. Оценочные понятия могут быть соотнесены слушателями, зрителями с разными параллельными компонентами содержания. Так, в опытах К. Ховленда испытуемые военнослужащие отрицательно воспринимали один из эпизодов учебного фильма. Оказалось, однако, что этот кусок по содержанию и форме был очень интересен. Неудовлетворение было вызвано поведением врага, о котором рассказывал данный фрагмент.
4. Интерпретацию получаемых данных усложняют три психологических фактора, связанных с восприятием и оценкой содержания испытуемым. Во-первых, реакции исследуемой аудитории могут быть вызваны не столько конкретной информацией, сколько ассоциациями, ожиданиями, предвосхищениями публички, обусловленными предыдущими контактами аудитории с подобным содержанием. Во-вторых, находясь под влиянием предшествующего воспринимаемого материала, аудитория несколько «запаздывает» с оценкой последующего содержания (явление «перекрытия»). В-третьих, отношение аудитории к определенной части увиденного или услышанного возникает некоторое время спустя после начала данного эпизода («сдвиг фаз»).
5. Погрешности техники возникают из-за того, что используется в экспериментальных условиях. В обычных условиях прослушивания и просмотра радио-телевизионного вещания поведение аудитории может быть иным, если передача не нравится, человек просто выключает радио или телевизор. В экспериментальной ситуации действия индивида ограничены: он должен считаться с инструкцией и выполнять полученное задание до конца.
6. Когда исследователь обращается к испытуемому с просьбой пояснить свою оценку того или иного момента содержания, нет гарантии в том, что слушатель-зритель не ответит так, чтобы оправдать свою реакцию (например, случайное нажатие не той кнопки).

Недостатки метода существенные. Но, принимая меры для их устранения, с помощью «анализатора программ» можно получить интересные сведения о структуре передаваемого содержания, об оценках его отдельных моментов с точки зрения аудитории. «Анализатор» мо-

жет применяться в социометрических исследованиях при изучении малых групп и воздействия лидеров, изучения мнений официальных лиц, как средство оперативного выяснения отношения в группы (участников конференции, комиссии, комитета, бюро) к обсуждаемым вопросам и предложениям при тайном голосовании.

§4. Полуавтоматическая анкета

Полуавтоматическая анкета предназначена для оперативного получения информации по ограниченному кругу вопросов в социально-психологическом или социологическом исследовании. Конструктивно анкета выполнена в виде портативного чемодана с габаритами 80 × 40 × 15 см и весом около 6 кг. Прибор, в основу которого положен принцип использования электромеханических импульсов счетчиков, включает в себя следующие основные узлы, электрически связанные друг с другом: анкетное табло, блок фиксации информации, блок выпрямителей переменного тока и коммутирующее устройство.

Анкетное табло состоит из таблицы с 25 вопросами. каждый из которых подсвечивается поочередно миниатюрными электролампами.

Блок фиксации информации собран из 26 обычных, относительно малогабаритных электромеханических счетчиков импульсов на 4 разряда каждый, 25 счетчиков служат для фиксации ответов респондентов, один счетчик предназначен для определения числа опрошенных лиц.

Блок выпрямителей представляет собой обычный выпрямитель из полупроводниковых диодов, позволяющий получить достаточную величину выпрямленного тока — до 5 А при напряжении 30 В.

Коммутирующее устройство собрано из шагового искателя ШИ 25/4 и телефонного номеронабирателя. Шаговый искатель выполняет функцию автоматического переключения электрических цепей электромеханических счетчиков и ламп подсветки вопросов. При помощи специально приспособленного номеронабирателя опрашиваемой управляет работой шагового искателя, вырабатываемые при этом импульсы электрического тока попадают в электрическую цепь счетчиков, где считаются и суммируются. Электрическая схема этих узлов и их соединений достаточно проста и не нуждается в графическом изображении и подробных пояснениях. Электропитание прибора — сеть 220 В, потребляемая мощность — приблизительно 70 Вт.

Процедура опроса. Прибор приводится в состояние готовности: первый вопрос автоматически подсвечивается индикаторной лампочкой. Испытуемый в течение дозированного или произвольного отрезка времени обдумывает вопрос, принимает решение об оценке и с помощью номеронабирателя фиксирует свою оценку на соответствующем счетчике. После этого индикаторная лампочка на первом вопросе гаснет, указывая на то, что оценочная информация принята и зафиксирована; далее автоматически загорается лампочка на следующем вопросе. Эта процедура повторяется и при ответах на последующие вопросы. Пропуски вопросов не допускаются.

Достоинства прибора. Применение полуавтоматической анкеты в нескольких социально-психологических исследованиях показало, что прибор является весьма эффективным при проведении массовых опросов. К числу его достоинств относятся:

1. *Высокая экономичность.* Меняя лишь трафарет с вопросами, можно использовать анкету в различных исследованиях без дополнительных затрат времени и средств на печатание анкет. При обслуживании одним—двумя достаточно подготовленными лаборантами производительность прибора — 15—20 человек в час. Большая экономия времени достигается также за счет того, что первичная обработка данных (суммация) производится параллельно с опросом.
2. *Выгодное отличие от других конструкций.* Использование в приборе электромеханической основы делает его более надежным и сравнительно дешевым, так как отпадает надобность в использовании дорогих и сложных блоков. Кроме того, появляется возможность изготовления анкеты в обычных условиях, без помощи высококвалифицированных специалистов. К конструктивным достоинствам анкеты следует отнести также наглядность в отображении информации (она фиксируется и выдается в цифровой форме) и введение в прибор приспособления простого или автоматического сбора результатов опроса.
3. *Универсальность в использовании оценочных шкал.* Применение в приборе номеронабирателя позволяет использовать в исследовании различные типы закрытых вопросов, как содержащих одну альтернативу («да», «нет»), так и с многочисленным «всего» ответов. Для этого необходимо лишь ввести в инструкцию условные обозначения.

4. *Надежная гарантия анонимности.* Анонимность опроса не нуждается в дополнительных доказательствах, так как наглядно демонстрируется самой конструкцией прибора. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что в исследованиях с применением анкеты практически не было случаев отказа от участия в опросе.

К недостаткам прибора прежде всего следует отнести невозможность автоматической фиксации индивидуальных ответов.

Дальнейшее совершенствование прибора будет идти в основном по пути уменьшения его габаритов и веса за счет применения малогабаритных счетчиков. Эта дает возможность увеличить число вопросов в анкете. Установление дополнительных малогабаритных счетчиков позволит фиксировать не только суммарные данные, но и разброс индивидуальных оценок. Однако и в настоящее время полуавтоматическая анкета является высокоэффективной при массовых опросах.

Литература

- 47 пятниц. Вып. 1 (Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР и ССА). 1969. № 25.
- 47 пятниц. Вып. 5 (Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР и ССА). 1969. № 30.
- Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М., 1974.
- Алексеев А. Н.* Действенность критики в периодической печати // Вест. Моск. ун-та. Сер. XI. 1968. № 6.
- Алексеев А. Н.* В. И. Ленин — исследователь рабочей печати // Журналист, пресса, читатель. Л., 1969.
- Алексеев А. Н.* Опыт измерения удельного веса категорий содержания на страницах газеты // Проблемы контент-анализа в социологии. Новосибирск, 1970.
- Алексеев А. Н.* Контент-анализ — техника или методология? // Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1. М.—Л., 1973а.
- Алексеев А. Н.* Применение метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании // Молодежь. Образование, воспитание, профессиональная деятельность. Л., 1973б.
- Алексеев А. Н., Дудченко В. С.* О специфике контент-анализа как социологического метода // Социологические проблемы семьи и молодежи. Л., 1972.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Андреева Г. М.* Методологические проблемы социально-психологического исследования // Вопросы психологии. 1975. № 2.
- Басов М. Я.* Избранные психологические произведения. М., 1975.
- Батороев К. Б.* Кибернетика и метод аналогий. М., 1974.
- Бодалев А. А.* Формирование понятия о другом человеке как о личности. Л., 1970.

Литература

- Бодалев А. А.* Социальная психология и психологическая теория // Социальная психология и социальное планирование. Л., 1973.
- Бойко В. В.* Психологическое исследование профессии телеинтервьюера // Журналист, пресса, аудитория. Вып. 1. Л., 1975.
- Бойко В. В., Семенов В. Е.* К вопросу об интерпретации статистических результатов контент-анализа // Проблемы контент-анализа в социологии. Новосибирск, 1970. С. 71–76.
- Братко А. А.* и др. Моделирование психической деятельности. М., 1969.
- Быков В. В.* Методы науки. М., 1974.
- Васильев Н. А.* Экспериментальная телевизионная установка // Социальная психология и социальное планирование. Л., 1973.
- Васильев В. А.* Метод измерения характеристик самосознания спортсменов, влияющих на исход спортивной борьбы // Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. Л., 1973.
- Васильев В., Кулагин А., Чупров В.* Ваше мнение? М., 1967.
- Вахеметса А. Л., Плотников С. Н.* Человек и искусство. М., 1968.
- Водович В. И.* Надежность информации в социологическом исследовании. Киев, 1974.
- Волков И. П.* Опыт социометрической диагностики социально-психологической организации студенческих групп // Человек и общество. Вып. 6. Л., 1969.
- Волков И. П.* Методы социометрических измерений в социально-психологических исследованиях. Л., 1970.
- Волков И. П.* Социометрические методы в социально-психологических исследованиях. Л., 1970.
- Волков И. П.* Исследование лидерства как функции групповой задачи // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 4. Л., 1971.
- Волков И. П.* Влияние характеристик сознания игроков на командную сыгранность // Психология физического воспитания и спорта. Ч. II. Л., 1973.
- Волков И. П., Васильев В. А.* Групповая продуктивность в зависимости от характера восприятия и оценки партнеров // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 8. Л., 1977.
- Вооглайд Ю. В.* Методы, использованные при исследовании аудитории газеты «Эдази» и деятельности редакции // Труды по социологии. Вып. II. Тарту, 1972.
- Вопросы методики и техники социологических исследований (методы сбора информации). М., 1975.

- Воронов Ю. П.* Методы сбора информации в социологическом исследовании. М., 1974.
- Галенко Д. Н.* Моделирование гипотез о социальном поведении групп людей // Кибернетика. 1972. № 2.
- Гастев Ю. А.* Гомоморфизмы и модели. М., 1975.
- Грушин Б. А.* К проблеме качественной репрезентации в выборочном опросе // Опыт и методика конкретных социологических исследований. М., 1965. С. 96.
- Гурвич Ф. Г.* Методы и процедуры получения экспертной информации // Экономика и математические методы. 1973. Т. IX (5).
- Емельянов Ю. Н.* Социально-психологическое исследование организаторского потенциала руководителя: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1975.
- Ерицяи О. П.* Социально-психологическое исследование летных экипажей воздушных судов гражданской авиации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1973.
- Ершов А. А.* Влияние взаимоотношений между людьми на формирование их отношения к труду: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1969.
- Ершов А. А., Максимова Р. А.* Социально-психологический подход к производительности трудовых коллективов // Вест. Ленингр. ун-та. 1974. № 5.
- Жигульский К.* Методологическое приложение // Социальные проблемы труда и производства / Ред. Г. В. Осипов, Я. Щепан. М., 1969.
- Журавлев Г. Е.* Проблемы применения теории игр в психологии // Психология и математика. М., 1976.
- Законы Ману / Пер. Эльмовича. СПб., 1913. Гл. VII (Царь).
- Здравомыслов А. Г.* Методология и процедура социологических исследований. М., 1969.
- Зигель А., Вольф Дж.* Модели группового поведения в системе человек—машина. М., 1973.
- Категории диалектики как ступени познания. М., 1971.
- Кемени Дж., Снелл Дж.* Кибернетическое моделирование. М., 1972.
- Ковалев А. Г.* Курс лекций по социальной психологии». М., 1972.
- Коган Л.* Искусство и мы. М., 1970.
- Козлова И. Н.* Личность как система конструкторов. Некоторые вопросы психологической теории Дж. Келли // Системные исследования. М., 1976.

Литература

- Коломинский Я. Л. Психология личных взаимоотношений в детском коллективе. Минск, 1969.
- Копнин П. В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973.
- Коробейников В. С. Анализ содержания массовой коммуникации // Вопросы философии. 1969. № 4.
- Кузьмин Е. С. К вопросу о социальной психологии // Проблемы общей и индустриальной психологии. Л., 1963.
- Кузьмин Е. С. Из опыта изучения производственных коллективов // Проблемы общественной психологии. М., 1965.
- Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л., 1967.
- Кузьмин Е. С. Социально-психологические основы работы с людьми и методы их изучения // Научные основы политической работы в массах. Л., 1972.
- Кузьмина Н. В. Методы исследования педагогической деятельности. Л., 1970.
- Кузьмичев В. А. Печатная агитация и пропаганда. М.—Л., 1930.
- Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г. М. Андреевой. М., 1972.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.
- Леонов Д. А., Лебедев В. И. Психологические проблемы межпланетного полета. М., 1975.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Личность и труд / Под ред. К. К. Платонова. М., 1965.
- Логинова Н. А., Семенов В. Е. Биографический методиконтент-анализ // Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 2. М.—Л., 1973.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23.
- Методика исследования восприятия информации. Л., 1972.
- Методика и техника конкретно-социологических исследований. Киев, 1968.
- Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации. М., 1968.
- Методика конкретных социологических исследований. М., 1965.
- Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1. М.—Л., 1973.
- Методологические проблемы исследования массовой коммуникации. Тарту, 1967.
- Методы социально-психологических исследований. М., 1975.
- Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование. М., 1975.

- Многомерный статистический анализ в социально-экономических исследованиях. М., 1974.
- Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973.
- Морено Дж.* Социометрия. М., 1958.
- Морозов А. С.* Опыт экспериментального исследования эмоционально-оценочного отношения к своей группе // Социально-психологические аспекты общественной активности личности и коллектива. Ярославль, 1975.
- Московичи В. А.* Информационные языки. М., 1971.
- Новик И. Б.* Философские вопросы моделирования психики. М., 1969.
- Обозов Н. Н., Овчинников В. С.* Установка для исследованная сенсомоторной совместимости // Электроника и спорт. Л., 1968.
- Общая психология / Под ред. А. В. Петровского. М., 1970.
- Орн Ю.* О социометрических тестах выбора и перцепции // Советская педагогика и школа. Тарту, 1970.
- Паниотто В. И.* Структура взаимоотношений в малых социальных группах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Киев, 1973.
- Паниотто В. И.* Структура межличностных отношений. Киев, 1975.
- Панферов В. Н.* Классификация социально-психологической интерпретации личности // Вестник Ленингр. ун-та. 1970. № 23.
- Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971.
- Парыгин Б. Д.* Социальная психология как наука. Л., 1965.
- Петрова Н. С.* Референтные группы и некоторые проблемы психологии общения // Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. Л., 1973.
- Платонов К. К.* Личность как объект социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
- Практикум по психологии / Под ред. А. Н. Леонтьева, Ю. Б. Гиппенрейтер. М., 1972.
- Проблемы контент-анализа в социологии. Новосибирск, 1970.
- Процесс социального исследования. М., 1975.
- Проявление личностных качеств летчиков в экипаже // Личность и коллектив. М., 1975.
- Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л., 1976.
- Психология и математика. М., 1976.
- Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук. М., 1972.
- Райлидж И., Райли М.* Массовая коммуникация и социальная система // Социология сегодня. М., 1965.

Литература

- Рашевский Н.* Две модели: подражательное поведение и распределение статуса // Математические методы в современной буржуазной социологии. М., 1966.
- Роговин М. С.* Введение в психологию. М., 1969.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
- Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
- Рыбников Н. А.* Автобиографии рабочих и их изучение. М.—Л., 1930.
- Рывкина Р. В., Винокур А. В.* Социальный эксперимент. Новосибирск, 1968.
- Сарджвеладзе Н. И.* Структура самоотношения личности и социальные потребности // Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.
- Свенцицкий А. Л.* Интервью как метод конкретного социологического исследования // Философские науки. 1965. № 4.
- Свенцицкий А. Л.* Пути повышения эффективности интервью как метода социальной психологии // Теоретические и методические проблемы социальной психологии XVIII Международный психологически конгресс. Симпозиум 34. М., 1966.
- Свенцицкий А. Л.* Интервью как процесс социально-психологического взаимодействия // Проблемы общей, социальной и инженерной психологии. Вып. 2. Л., 1968.
- Семенов В. Е.* Образы брака и любви в молодежных журналах // Молодежь. Образование. Профессиональная деятельность. Л., 1973.
- Семенов В. Е.* Применение метода контент-анализа в социально-психологических исследованиях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1973.
- Семенов В. Е.* Личность и группа на страницах промышленной газеты // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 8. Л., 1977.
- Семенова З. Ф.* Влияние роли и статуса на процессы социальной перцепции и на восприятие информации // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 4. Л., 1971.
- Соковнин В. М.* Интракоммуникативные аспекты социализации личности // Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.
- Сороко Э. М.* Некоторые вопросы анализа структуры малых групп с помощью конечных графов // Социально-психологические проблемы взаимоотношений в группах учащихся и рабочей молодежи. Минск, 1970.

- Социальная психология. Краткий очерк / Под ред. Г. П. Предвечно-го, Ю. А. Шерковина. М., 1975.
- Социальное планирование. Л., 1973.
- Социальные исследования. Вып. 5. Теория и методы. М., 1970.
- Суходольский Г. В. Основы математической статистики для психологов. Л., 1973.
- Таршис Е. Я. Измерение связанности категорий в контент-анализе // Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1. М.—Л., 1973.
- Уемов А. И. Логические основы метода моделирования. М., 1971.
- Уманский Л. И., Луточкин А. И. Методы изучения явлений общественной психологии // Вопросы психологии. 1972. № 2.
- Фёдоров В. Ф. Опыт изучения зрительного зала // Жизнь искусства. 1925. № 23.
- Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1966. Вып. 1—2.
- Человек и его работа (социологическое исследование) / Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М., 1967.
- Шляпентох В. Э. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М., 1973.
- Шпильерейн И. Н. Рейтынбарг Д. И., Нецкий Г. О. Язык красноармейца. М.—Л., 1928.
- Ядов Б. А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту. 1968.
- Ядов В. А. Социологическое исследование. М., 1972.
- Якобсон П. М. Социальная психология в США и ее методы исследования // Вопросы психологии. 1968. № 5. С. 165—171.
- Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. М., 1971.
- Berelson B. Content analysis in communication research. Glencoe, IL, 1952.
- Broadbeck A. J., Jones D. B. Television viewing and the norm-violating practices and perspectives of adolescents: A synchronized depth and score program of policy research // Television and Human Behavior. N. Y., 1963.
- Cantril H. Gauging public opinion. Princeton, 1947.
- Cantril H., Allport G. W. The psychology of radio. N. Y.—L., 1935.
- Cazaneuve J. Sociologie de la Television. Paris, 1963.
- Chapple E. D. Measuring human relations: an introduction to the study of the interaction of individuals // Genet. Psychol. Monogr. N. Y., 1940.
- Curtis H., Sturmthal A. F. Program analyzer Test of two educational films // Lazarsfeld P. F., Stanton F. (Eds). Radio Research. N. Y., 1944. P. 485—506.

- Dan-Spînoiu G.* Relațiile umane în grupele de muncă industrială // Revista de psihologie. Bucuresti. 1970. T. 16. № 1.
- Davidson A., Steiner I.* Perceived freedom and schedule of reinforcement as the determinants of attractiveness // J. Personality and Soc. Psychol. 1971. V. 19.
- Feshbach S.* The effects of aggressive content in TV programs upon the aggressive behavior of the audience // Television and human behavior. Tomorrow's research in mass communication. N. Y., 1963.
- Fiedler F. E.* Leadership and leadership effectiveness traits. A reconceptualization of the leadership trait problem // Leadership and interpersonal behavior. N. Y., 1961.
- Fiedler F. E.* Contingency model of effectiveness leadership // Advances in Experimental Social Psychology. N. Y., 1964.
- Forsy S. D.* The influence of family structure upon the patterns and effects of family viewing // Television and human behavior. Tomorrow's research in mass communication. N. Y., 1963.
- Friedrich W.* Methoden der marxistisch-leninistischen Sozial form. Berlin, 1971.
- Goode W. J., Hatt P. K.* Methods in social research. N. Y., 1952.
- Halloran J. D.* The effects of mass communication. With special reference to television. L., 1964.
- Higbee K. L., Wells M. G.* Some research trends in social psychology during the 1960-s // Amer. Psychology. 1972. V. 27. № 10. P. 963–966.
- Hollonguist T., Suchman E.* Listening to the listeners // Radio Research. 1942. V. 43. N. Y., 1944.
- Holsti O. R.* Content analysis // The Handbook of Social Psychology. Cambridge, Mass., 1968. V. 2.
- Hovland C. Y. et al.* Experiments on mass communication. N. J.: Princeton, 1949.
- Lang K., Lang G.* The unique perspective of television // Reader in Public Opinion and Communication. N. Y., 1966.
- Lasswell H. D. et al.* Language of Politics. N. Y., 1949.
- Lazarsfeld P. F.* Radio and Press. N. Y., 1940.
- Likert R.* The Sample interview survey as a tool of research and policy formation // The Policy Sciences. Stanford, 1951.
- Maccoby E. E., Maccoby N.* The interview: a tool of social science // Handbook of Social Psychology. Reading, Mass., 1954. V. 1.
- Newstetter W. J. et al.* Group adjustment: A study in experimental sociology. N. Y., 1938.

- Noelle E.* Umfragen in der Massengesellschaft. Einführung in die Methoden der Demoskopie. München, 1963.
- Osgood Ch. E.* The representational model and relevant research methods // Trends in content analysis. Urbana, 1959.
- Parten N.* Surveys, polls and samples. N. Y., 1950.
- Scherke F.* Die Arbeitsgruppe in Betrieb. Wiesbaden, 1956.
- Schutz W.* The ego, FIRO-theory and as completer // Theories of leadership and interpersonal behavior. N. Y., 1962.
- Selltiz C., Jahoda M., Cook S. W.* Research methods in social relations. N. Y., 1966.
- Silvey P.* The measurement of audiences. L., 1966.
- Silvey R. J.* Radio audience research in Great Britain // Communications research. N. Y., 1948–1949.
- Stigleman W. A.* Do newspaper headlines really promote street sales? // Journalist Quarterly. 1949. V. 26.
- Stone Ph. et al.* The general inquirer: A computer approach to content analysis in the behavioral sciences. Cambridge (Mass.), 1966.
- The handbook of social psychology. Research methods. Mass., 1968. V. 2.
- The handbook of social psychology. Mass., 1969. V. 3.
- Trends in content analysis. Urbana, 1959.
- Warner L. W., Lunt P. S.* The social life of modern community. New Haven, 1941.
- Wolf K. M., Fiske M.* Children say about comics // Communications Research. N. Y., 1948–1949.
- Yemphill J. K., Coons A. E.* Development of the leader behavior description questionnaire // Leader behavior: its description and measurement. Columbus (Ohio), 1957.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

(главы 1–2)

Глава I

Краткая история социальной психологии

§ 1. Описательный период в истории социальной психологии

Относительно полная история социальной психологии может быть написана в будущем, когда более четко определятся структура, объем и содержание социальной психологии как науки. В настоящее время историю социальной психологии можно наметить лишь в общих чертах, раскрыть лишь некоторые ее характерные особенности. Это еще довольно молодая и недостаточно устоявшаяся дисциплина, характерной особенностью которой является ее неоднородность, многоплановость, наличие разнообразных школ и направлений, тяготение ее представителей либо к психологии, либо к социологии.

Последнее обстоятельство объясняется рядом причин: особенностями исторического возникновения и развития социальной психологии, сложностью и многообразием объекта исследования, различными методологическими и исследовательскими установками ученых.

История социальной психологии тесно связана с историей психологии и через нее — с историей философии. В ряде случаев обнаруживаются и непосредственные связи между философией и социальной психологией. Так, задолго до того, как социальная психология стала наукой, философы искали ответ на ключевой социально-психологический вопрос — какова социальная природа человека?

Психология, которая изучает сложный духовный мир человека, как наука сложилась позднее других наук, примерно в середине XIX в. Социальная психология как специализированное направление психологии оформляется в самостоятельную науку лишь

Социальная психология: История. Теория. Эмпирические исследования / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семёнова. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979.

к 1920-м годам. Подобно тому как оформлению психологии в науку предшествовали два этапа — накопление психологических знаний в лоне философии (VI в. до н. э.—XVII—XVIII вв.) и выделение описательной психологии (XVIII—середина XIX в.), таким же образом развертывалась и история социальной психологии. Поэтому историю социальной психологии можно разделить на три этапа:

- 1) накопление социально-психологических знаний в сфере философии и общей психологии (VI в. до н. э.—середина XIX в.);
- 2) выделение описательной социальной психологии из философии (социологии) и общей психологии в самостоятельную область знания (1850—1860-е гг.—1920-е годы);
- 3) оформление социальной психологии в экспериментальную науку (1920-е гг.) и ее современное развитие.

Сходство это далее выражается и в том, что оформление психологии и социальной психологии в науку произошло на трех основаниях: 1) стал применяться эксперимент; 2) качественный анализ явлений был дополнен количественным; 3) от описания явлений общая психология и социальная психология перешли к выявлению и использованию законов. Вместе с тем в истории социальной психологии и истории общей психологии есть и расхождения. Описательный и научный период в социальной психологии оформляется позднее соответствующих периодов в истории общей психологии. Развитие социально-психологических знаний является менее целостным, системным, более случайным. Эти знания мы можем выделить ретроспективно из высказываний философов по поводу психики, души или общества при отсутствии сознательного выделения ими социально-психологических явлений. Вот почему ученые (Г. Олпорт в США, Б.Д. Парыгин в СССР), которые касаются первого этапа истории социальной психологии (развитие знаний в лоне философии), лишь бегло упоминают философов: Платона, Аристотеля, Дж. Вико, Т. Гоббса и др. И в самом деле, систематическая и глубокая разработка истории социальной психологии и соотнесение ее с историей философии, исходя из круга ее собственных проблем, — это задача предстоящих серьезных исследований.

Можно с достаточным основанием утверждать, что еще задолго до Платона философами выдвигались важные с точки зрения социальной психологии вопросы. Так, уже Гераклит подразделяет всех людей на два класса: тех, кто руководствуется логосом, разумом

и управляет своими потребностями, и тех, которые подчинены своим прихотям и потребностям, мало отличающимся от животных.

Уже античной философией были выдвинуты и так или иначе истолкованы многие важные социально-психологические проблемы. В античной Греции и Древнем Риме разрабатываются различные основания типологии людей. Платон исходит из положения о преобладании различных частей души у разных людей, сословий и представителей разных народностей. Так, у философов преобладает ум, у воинов — мужество, у ремесленников — телесные вожделение; у греков — преимущественно разумная душа, у северных варваров — мужественная душа. Здесь впервые намечается социально-этническая классификация характеров людей.

Понимание личности как общественной по своей природе восходит к Аристотелю, который определял человека как политическое, общественное животное. Эта идея Аристотеля составляет сердцевину социально-психологического подхода к личности. Он, в противоположность Платону, рассматривал мотив объединения людей в группы как нечто инстинктивное, приводящее человека к положительным социальным чувствам и связям, а также коллективному способу жизни, связанному с межличностным общением.

На важную роль речи как средства общения обратили внимание софисты, стоики. Уже в древности отмечали, что общение осуществляется не только через речь, но и через подражание, «через истечение атомов» (Демокрит). Следовательно, проблема общения, которая является центральной для современной социальной психологии, была уже намечена в древности, а затем разрабатывалась в философии нового времени в работах Т. Гоббса, Дж. Локка, М. В. Ломоносова.

Глубокая портретная типология личности по нравственным качествам (лживость, пустословие, лицемерность и др.), намеченная Теофрастом в древности, вскрывала социальные типы людей своего времени. Затем уже в XVIII в. возникновение физиогномики И. Г. Лафатера и френологии Ф. Галля было своеобразной попыткой откликнуться на необходимость быстрой ориентировки в других людях.

Особого внимания заслуживает постановка и решение антропологических и психологических вопросов во французской философии XVIII в., философии Л. Фейербаха, в трудах русских революционных демократов XIX в. Сам акцент на природу человека, разработка антропологического принципа в философии позволили представи-

телям этих направлений выдвинуть важнейшие социально-психологические проблемы: значимость непосредственных человеческих, эмоциональных отношений между людьми в жизни общества; положение о том, что человек не столько продукт наследственности, сколько результат воспитания, влияния социальной среды (обстоятельства определяют человека). Русские революционные демократы шли значительно дальше, подчеркивая роль собственной деятельности человека в изменении обстоятельств.

Таким образом, в ходе развития философской и общепсихологической мысли выдвигались важные социально-психологические проблемы и делались попытки их решения. Поэтому углубленное изучение этого периода — дело первостепенной важности.

Второй период в истории социальной психологии можно назвать и описательным, и эмпирическим. Возможно, последнее название будет даже более точным. В историко-философском плане он подготовлен французскими материалистами XVIII в., Людвигом Фейербахом и другими немецкими философами с их активным интересом к человеку и его отношениям. Немаловажное значение имела и позитивистская социология французского мыслителя Огюста Конта, который обратил внимание на необходимость изучения собственно социальных явлений.

В то же время представитель общей психологии В. М. Вундт заходил в тупик, не находя экспериментальных подходов к изучению высших психических процессов и состояний.

Именно в этот период в XIX в., во-первых, социально-психологические явления выделяются в самостоятельный класс, во-вторых, для изучения этого класса явления (коллективный народный дух, толпа, подражание, внушение, заражение, различные исторические типы мышления и сознания) разрабатываются специальные способы и приемы исследования. Поэтому данный период вполне справедливо можно назвать этапом становления и развития эмпирической социальной психологии. Но, в отличие от современной научной социальной психологии, тогда ученые лишь собирали, сравнивали, логически и качественно анализировали различный исторический, этнографический, антропологический, языковой материал, не подвергая его количественной обработке и экспериментальной проверке. Поэтому социальную психологию того времени можно с пол-

ным правом, с одной стороны, охарактеризовать как эмпирическую, а с другой стороны, назвать описательной.

Непосредственно возникновение эмпирической описательной социальной психологии большинством исследователей датируется 1859 г., когда Г. Штейнталь совместно с М. Лазарусом начали издавать на немецком языке журнал по этнической психологии и языкознанию. В журнале печатались материалы, связанные с изучением языка, нравов, обычаев, совместной жизни и деятельности многих людей как проявления «народного духа» в отличие от индивидуального сознания.

Однако наибольшее влияние на становление и развитие социальной психологии этого периода имели труды психологов и социологов, часто разрабатывавших собственно социально-психологическую проблематику. Это работы В. Вундта, Э. Дюркгейма, Г. Тарда, Н. К. Михайловского и др. Вильгельм Вундт — один из создателей экспериментальной научной психологии и основатель первой в мире психологической лаборатории в Лейпциге в 1879 г. — обратил внимание на противоречие, разрыв, намечающийся между психофизикой, психофизиологией, зарождающейся экспериментальной психологией, с одной стороны, и состоянием и изучением высших психических процессов: мышления, речи, личности, высших эмоций — с другой. Для преодоления этого противоречия и разрыва В. Вундт решил общую психологию дополнить психологией народов. «Так как индивидуальная психология, — писал В. Вундт, — имеет своим предметом связь душевных процессов в едином сознании, то пользуется абстракцией... Область психологических исследований, относящаяся к тем процессам, которые связаны с психическими общностями, мы называем коллективной психологией... Индивидуальная психология, только взятая вместе с коллективной, образует целое психологии» (Wundt, 1883, S. 225—227). По коллективной, или психологии народов, В. Вундт создает 10 специальных томов трудов (1900—1920). Краткое изложение «Психологии народов» В. Вундта было издано в русском переводе (Вундт, 1912). По мнению В. Вундта, психология народов — это наука о душе народа, которая не менее реальна, чем душа индивида. Душа народа проявляется в языке, мифах, обычаях, нравах, изучение которых является единственным достоверным методом познания этой души. В. Вундт полагал, что эксперимент охватывает элементарные психические процессы и не может быть применен в области психологии народов или социальной психологии.

На этой противоречивой основе возникает система психологии В. Дильтея и Э. Шпрангера, противопоставляющих экспериментальной, естественной психологии, которая, по их мнению, мало что дает человеку, «понимающую» психологию, которая охватывает историю человеческого духа и сознания в их высших проявлениях и в тесной связи с историей культуры, науки и искусства. В. Дильтей и Э. Шпрангер считают, что самым ценным является психология в том виде, как она дана в искусстве, в сознании личности, вырастающей в духовную почву человечества и понимающей историю культуры в широком смысле этого слова (Дильтей, 1924). Другими словами, В. Дильтей соотносил структуру отдельной личности с духовными ценностями, создаваемыми народом, что и составляет позитивный момент в его рассуждениях. Это направление возникло из потребностей внутреннего развития самой психологии, так как возникающая экспериментальная психология не могла объяснить природу высших духовных процессов.

По этому же пути шли представители французской социологической школы (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, М. Блондель А. Фулье, П. Жане и др.). Сложные психические процессы как исключительно социальные, как продукт коллективного опыта и культуры представители французской школы искусственно противопоставили элементарным, индивидуальным психофизиологическим процессам как продуктам исключительно природного, биологического порядка.

Не меньшее значение для рассматриваемого периода социальной психологии имели работы представителей психологического направления в социологии, которые шли от позитивизма О. Конта. Это направление в социальной психологии связано с именами Г. Тарда, Г. Лебона (Франция), Л. Уорда, Э. Росса (США); С. Сигеле (Италия); Г. Спенсера, Д. Макдуголла (Англия); Н. К. Михайловского (Россия); Указанное течение было порождено не внутренним развитием психологии (хотя и это влияние имело место), а ходом развития буржуазной социологии, развертыванием общественного движения в XIX в., борьбой буржуазной науки с марксистской теорией общества, с попытками защиты капиталистических порядков.

Все перечисленные авторы, по сути, сводят социологию к социальной или индивидуальной психологии. Предметом подобной психологии они считают психологию масс, толпы, *душу* народа в сочетании с психологией выдающихся личностей героев. Существенное значение в социально-психологических процессах они придавали

подражанию, внушению, заражению, различным состояниям толпы и роли выдающихся деятелей. Общими чертами их теорий являются: подмена социально-классового, экономического анализа движущих сил общества психологическими особенностями масс, толпы, героев; пренебрежительное отношение к народным массам, преувеличение роли выдающихся личностей, стоящих над массами переоценка и гипертрофирование непосредственных отношений между людьми и недооценка глубоких общественных отношений, которые определяют историю. Специфическое в подобных воззрениях заключается в выдвижении различных психологических и биологических факторов, определяющих историческое развитие масс, общества.

Так, Г. Тард движущей силой психологии масс, всего социального развития считал подражание, которое в общественной жизни играет такую же роль, как наследственность в биологической жизни. Аналогичную точку зрения высказывает криминолог С. Сигеле, по мнению которого все люди обладают, хотя и в различной степени, инстинктом подражания тому, что видят, слышат, узнают. По Г. Лебону, существует несколько факторов, которые определяют направление общественного движения: душа расы, влияние вождей, подражание, внушение и взаимное заражение. Русский социолог Н. К. Михайловский во взаимоотношениях толпы и героев придавал решающее значение последним, а также подчеркивал большую роль подражания и внушения в общественных движениях. По Г. Спенсеру, общественная жизнь определяется биологическим приспособлением и сопереживанием людей друг другу. Американец Л. Уорд в основе общественного развития видел желания людей. «Желания, — писал Л. Уорд, — составляют истинную силу, действующую в чувственном мире. Они есть тот динамический двигатель, который движет всем животным миром, включая сюда и человеческую сферу, и поэтому его и надо признать социальной силой. А так как оно чисто психического свойства, то социология оказывается тесно и непосредственно связанной с психологией» (Уорд, 1901, с. 119).

Особого внимания заслуживают исследования антропологов К. Тэйлора, Ф. Фрезера, Л. Леви-Брюля и др., которыми собран огромный материал, позволяющий понять особенности исторического развития сознания, мышления, речи, нравов и обычаев людей в условиях первобытной культуры.

Начиная с XX в. психологическое и социологическое направления в социальной психологии все более сближаются. Развиваемая

в двух направлениях социальная психология приобретает всё более самостоятельное положение, а ее представители начинают претендовать на объяснение всех общественных явлений с точки зрения своей дисциплины.

На рубеже XX в. возникают объяснительные психологические теории, стремящиеся раскрыть не только явления общей психологии, но и социальной жизни людей. Таковы гормическая психология Д. Макдуголла, которая сводит социальное поведение людей к врожденным инстинктам; фрейдизм, пытающийся объяснить социальную жизнь людей подсознательными влечениями; бихевиоризм, описывающий все сферы человеческого поведения по формуле «стимул—реакция». Эти психологические теории, распространенные на мир социально-психологических явлений еще в описательный период, сохраняются как направления и на следующем этапе развития социальной психологии.

Положительными сторонами социальной психологии описательного периода являются: выделение социально-психологических явлений (высшие психические процессы, массовидные явления, коллективная психология); сбор и описание большого фактического материала по подражанию, внушению, языку, нравам, обычаям; выявление психологических различий первобытных народов. Анализ и систематизация материалов, собранных в этот период, заслуживают пристального внимания исследователей.

§2. Возникновение и развитие социальной психологии как науки за рубежом

Возникновение и развитие социальной психологии буржуазные ученые связывают исключительно с достижениями западной цивилизации (Stoetzel, 1963, р. 10—23), а точнее — с прогрессом социальных наук в США. Так, Ж. Стотцель утверждает, что социальная психология в том виде, в котором мы можем излагать ее ныне, есть дисциплина, почти исключительно созданная американскими исследователями, которым она обязана как своим непосредственным историческим происхождением, так и существом своих достижений до настоящего времени. В действительности формирование социальной психологии связано со всей мировой историей, а ее наиболее интенсивно развитие — с эпохой Великой Октябрьской социалистической революции, с проникновением в эту науку марксистских идей.

Научная социальная психология оформляется в 1920-е годы. Этот период начинается с применения экспериментального метода для изучения личности и групп, с совершенствования техники получения и количественной обработки собираемого материала. Как известно, возникновение научной общей психологии также связано с возникновением в нее эксперимента. Очевидно, можно считать закономерным это обстоятельство, так как эксперимент позволяет более эффективно и надежно выявлять причинно-следственные связи явлений. Однако, чтобы распространить эксперимент с исследования элементарных психических процессов на изучение личности и групп, он должен быть значительно усовершенствован и преобразован. Разумеется, что кроме совершенствования методов для оформления социальной психологии в науку требовалось более четкое определение предмета науки, проведение конкретных исследований широкого круга явлений социально-психологического порядка.

Процесс оформления социальной психологии в науку, начатый в 1920-е годы, продолжается и сейчас. К настоящему времени в ней есть области, которые находятся едва ли не на уровне точной науки: структура и динамика малых групп и коллективов, социальная перцепция, некоторые уровни изучения коммуникаций, установок личности и т. д. Но в социальной психологии еще много разделов и по сей день находится на описательном уровне: массовидные проявления личности и т. п.

Начало научной социальной психологии обычно связывают с работами В. Мёде, Ф. Олпорта, В. М. Бехтерева (Бехтерев, 1928; Allport, 1924; Moede, 1920), которые в 1920-е годы перешли к систематическому экспериментальному изучению социально-психологических явлений в группах. Правда, отдельные экспериментальные исследования в групповых условиях проводились и раньше. Однако это были случайные, отдельные экспериментальные исследования групп. Да и сами исследователи смотрели на свои эксперименты с точки зрения разработки проблем общей психологии.

Лишь с исследований В. Мёде, Ф. Олпорта, В. М. Бехтерева, которые сознательно распространили эксперимент на изучение социально-психологических явлений, можно начинать историю подлинно научных исследований в области социальной психологии. В. Мёде в 1920 г. в Лейпциге опубликовал результаты своих исследований с группами, которые он начал проводить еще в 1913 г. Кстати, опыты В. Мёде через Г. Мюнстерберга (немецкого психолога, который

переехал в США) стали известны Ф. Олпорту. Свои эксперименты В. Мёде проводил в определенном порядке: каждый опыт начинался с одним испытуемым, а потом количество участников увеличивалось (2, 3, 4 и более, максимум 8 испытуемых). Выяснились различия в способности выносить боль в одиночку и в группе, в звукоразличении, в устойчивости и силе внимания, в счете, в сжатии динамометра. В. Мёде установил: имеются различные типы людей по отношению к коллективу (положительный, отрицательный, нейтральный); в познавательной сфере влияние коллектива меньше, чем в сфере эмоций, моторики и воли; в зависимости от типа отношения к коллективу находятся сдвиги в психологической сфере.

В аналогичном ключе, но несколько по-другому проводил свои эксперименты Ф. Олпорт, результаты были опубликованы в его работе «Социальная психология» в 1924 г. Ф. Олпорт проводил эксперименты со студентами Гарвардского университета. Обстановка опыта выглядела так: одна общая комната и пять изолированных. Студенты-испытуемые должны были выполнять различные задания то в общей, то в изолированных комнатах. Задания включали умножение чисел, зачеркивание букв, различений двойных изображений, различных запахов, веса предметов, свободные ассоциации, попытки опровержения отрывков из текстов древнегреческих философов. Таким образом выяснялись особенности протекания процессов ощущения, внимания, мышления в изолированных и групповых условиях. Ф. Олпорт получил следующие результаты: суждения о текстах философов по качеству выше, но по скорости выдвижения медленней в изолированных условиях, чем в группе; в изолированных условиях больше личных моментов в ассоциациях по сравнению с групповыми условиями; в оценке запахов и веса предметов группа сглаживает крайности суждений.

Несколько позднее и в ином оригинальном направлении проводил свои эксперименты в группах В. М. Бехтерев (совместно с М. В. Ланге и В. Н. Мясищевым) со студентами медицинского, педологического и психоневрологического институтов. В опытах использовался различный набор картинок, после демонстрации которых в течение 10 с испытуемые должны были воспроизвести их детали, установить сходство и различие в деталях картинок, выразить свое отношение к событиям на картине. Кроме того, студенты должны были внести предложения по проекту памятника, а также оценить длительность временного интервала (1,5 секунд). В опытах сначала учитывались

показатели каждого (фиксировались на одном листке), затем проводились обсуждение, дискуссия, голосование и предлагалось, чтобы испытуемые внесли дополнения, изменения в свои прежние показания (второй листок). В. М. Бехтерев установил: коллектив увеличивает объем знаний своих членов, исправляет ошибки, смягчает отношение к проступку, позволяет выдержать более сильные раздражители, дает общие сдвиги в показателях. Выявляются половые, возрастные, образовательные и природные различия сдвигов психических процессов в условиях коллективной деятельности. Таким образом, получив на вооружение эксперимент, социальные психологи от простого описания явлений переходят к выявлению закономерностей.

Возникнув в 1920-е годы, научная социальная психология развивается в настоящее время во многих странах мира. При определенной значимости добытых буржуазной социальной психологией конкретных знаний, мы не можем не учитывать методологическую и идеологическую направленность этих работ. Большинство социальных психологов капиталистических стран — это искусные защитники своего образа жизни, апологеты капитализма и противники коммунизма. В то же время можно наблюдать явное противоречие между порочной методологией, общей теорией зарубежных социальных психологов и их эмпирическими достижениями. На основе конкретных исследований зарубежным социальным психологам удается снижать напряжение в отношениях между рабочими и предпринимателями, добиваться повышения производительности труда, создавать благоприятный психологический климат, повышать эффективность средств коммуникации, подбирать оптимальные варианты групп для решения различных задач, предсказывать результаты голосования и т. п. Не случайно монополисты и политические деятели оказывают значительную поддержку в финансовом отношении социальным психологам — своим верным помощникам.

В общетеоретическом и методологическом отношении социальная психология на Западе развивалась как под углом зрения старых общепсихологических направлений (бихевиоризм, фрейдизм), так и видоизмененных, а также новых социально-психологических школ (необихевиоризм, неопрейдизм, теория поля и групповой динамики, социометрия, транзактная психология, когнитивистские теории). Именно в рамках указанных направлений происходит разработка различных социально-психологических проблем.

Наиболее широко в общей и социальной психологии США в 1920–1930-е годы был распространен *бихевиоризм*, который к настоящему времени, начиная с 1930-х годов, видоизменился в *необихевиоризм* (операционализм). Зародилось это направление в США, его основоположником считается Дж. Уотсон (1926). Правда, имели место и необоснованные попытки связать бихевиоризм с именами В. М. Бехтерева и И. П. Павлова.

Бихевиористы вместо психики, сознания, внутреннего мира человека, которые, по их мнению, представляют интроспективный, донаучный уровень знания, основой изучения считают поведение. Основным принципом бихевиоризма является формула $S \rightarrow R$ (стимул–реакция). Этот универсальный принцип охватывает стимулы и реакции от самых элементарных биологических, произвольных, врожденных до сложных социальных, приобретенных, заученных. Задача бихевиористов заключалась в том, чтобы по стимулам (биосоциальным) предугадать реакции (врожденно-приобретенные) и, наоборот, по реакциям понять стимулы. Бихевиоризм как нельзя лучше соответствовал периоду развития индустрии в США с системой тейлоризма, которая превращала человека в придаток машины. Человек для бихевиористов есть реагирующий автомат, лишенный сознания, внутренний мир которого следует приспособить, подогнать, шаблонизировать с точки зрения развитой индустрии и стандартов американского образа жизни с развитой рекламой и средствами массовой коммуникации. Эта цель может быть достигнута соответствующим набором стимулов, которые будут формировать соответствующие стандарты и шаблоны реакций. «Классики» бихевиоризма ставили перед собой в теоретическом плане весьма универсальные и всеохватывающие цели. Однако на практике реализовать подобные декларации было значительно труднее. Поэтому основатель бихевиоризма Дж. Уотсон больше обещал и декларировал, чем реально осуществил.

Первым в США принципы бихевиоризма распространил на область социальной психологии Ф. Олпорт. По мнению Ф. Олпорта, социальная психология изучает тот уровень поведения индивида, когда он сам является стимулом для другого либо другой является стимулом для него. Социальное поведение есть такое, которое стимулирует поведение других или само стимулируется другими. В этом поведении наблюдаются две формы:

- линейная ($A \rightarrow B \rightarrow C \rightarrow D \rightarrow \dots$),
- круговая ($A \rightleftharpoons B$).

Примером линейного поведения является приказ по армии, а кругового — беседа, разговор, обмен мнениями. Примером социальных стимулов является речь, жесты, мимика и некоторые соматические реакции. Социальными реакциями на стимулы являются: подражание, симпатии, обсуждения, общая работа, заразительность реакций в толпе и т. п. Помимо распространения общих принципов бихевиоризма на социальное поведение, Ф. Олпорт много сделал для оформления социальной психологии в США в науку, для внедрения и разработки экспериментальных приемов исследования. Это позволило Ф. Олпорту, несмотря на общие механистические принципы его теории, выявить существенные зависимости, закономерности в поведении индивида в изолированных и групповых условиях (Allport, 1924).

В конце 1920—начале 1930-х годов бихевиоризм стал подвергаться резкой критике в разных странах (И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, С. Л. Рубинштейн в России, В. Келер, К. Коффка в Германии и в самих США Э. Толмен, Г. Олпорт). Причем критика велась как в общетеоретическом, так и в конкретно-экспериментальном плане. Поэтому с 1930-х годов бихевиоризм в США принимает форму необихевиоризма (операционализма), в том числе и в области социальной психологии (Э. Богардус, Г. Олпорт, В. Ламберт, Р. Бейлс, Г. Хоменс, Э. Мэйо и др.). В плане общей теории необихевиористы стали вводить промежуточные детерминанты в традиционную формулу «стимул—реакция» ($S \rightarrow N \rightarrow R$). Так, для Э. Толмена это врожденные и приобретенные детерминанты в виде стремлений, намерений, осознания, гипотез, целей поведения.

Дж. Миллер совместно с Е. Галантером и К. Прибрамом, модифицируя бихевиористскую формулу $S \rightarrow R$, добавляют к ней средние звенья: образ и план (Миллер, Галантер, Прибрам, 1964). Эта положительно оцененная в нашей литературе теория поведения опирается на план поведения человека, который строится по системе $t-o-t-e$ (test—operate—test—exit), или проба—операция—проба—исполнение. План поведения есть иерархия $t-o-t-e$, где операция высшего порядка есть $t-o-t-e$ низшего порядка. Это путь пооперационного разложения целостного плана поведения сближает необихевиоризм (операционализм) с возможностями моделирования поведения человека.

Необихевиористы в области социальной психологии исследуют групповые процессы, установки личности, ее статус и роли. Особое внимание они уделяют вопросам методики исследования. Так, Р. Бейлс тщательно разработал метод наблюдения, Э. Богардус,

Г. Олпорт — различные приемы шкалирования. Э. Мэйо является создателем промышленной социальной психологии. Он показал, что в условиях современной промышленности система Ф. Тейлора (интенсификация движения, улучшение гигиены труда) уже недостаточна. По убеждению Э. Мэйо, главным направлением повышения эффективности трудовой деятельности человека должна стать забота о человеческих взаимоотношениях как между рабочими, так и — в особенности — между рабочими и менеджерами.

Всестороннее изучение групповых процессов и личности вызывает потребность в моделировании, формализации социально-психологических явлений. Так, для Г. Хоменса групповые процессы выступают в виде независимых и зависимых переменных среды и внутригрупповых факторов. Личность группы, их структура и динамика для операционалистов выступают не во всей многообразной реальной картине, а только в таком виде, как это дано наблюдателю, как это выражено в формулах, графиках и в формализованной структуре. Отвергая общий дух механицизма и формализма в необиохевиоризме (операционализме), нам следует критически проанализировать и освоить то положительное, что содержится в работах этого направления, особенно в области методов исследования.

Судьба *фрейдизма* и *неофрейдизма* (психоаналитической теории) во многом повторяет историю биохевиоризма. Возникнув на базе психиатрии (основоположник — З. Фрейд), фрейдизм вскоре превратился в универсальную систему психологии, включая социальную. З. Фрейд и фрейдисты придают своим объяснительным принципам исключительное значение. Фрейд считал, что его «открытие законов душевной жизни» равноценно открытиям Н. Коперника и Ч. Дарвина, которые раскрыли законы движения Солнца и планет и законы развития жизни на Земле. Суть психоаналитической теории содержится в основном в четырех ее составляющих учениях: о вытеснении, о детской сексуальности, о толковании сновидений и о сублимации. Личность для фрейдистов состоит как бы из трех этажей: Ид («Оно» — подсознательное, предсознательное, бессознательное), Эго (Я — сознание, принцип реальности), Супер-Эго (Сверх-Я — общественные табу, нормы, законы). Поведение человека, его душевное здоровье или патология объясняются соотношением этих трех составляющих, в которых Оно выступает ведущей силой, а Я и Сверх-Я являются подчиненными. Все болезни души, обмолвки, описки, ошибки, провалы памяти, символика сновидений, вся

творческая и общественная деятельность человека — все это объясняется фрейдистами и неофрейдистами, исходя из соотношения этих уровней психики. Так, слишком жесткие и неотвратимые табу (со стороны общества, племени, отца семейства) могут многое вытеснить в подсознательное, вызвать истерию, агрессию и т. д. Неотреагированные и неудовлетворенные прямо влечения могут трансформироваться и проявиться в творческой и общественной активности личности. Фрейдисты и неофрейдисты (К. Юнг, А. Адлер, К. Хорни, А. Кардинер, Э. Шилз, Э. Фромм), кроме психиатрии и детской психологии, активно выступают в сфере социальной психологии. Здесь неофрейдисты выдвигают ряд положений: об определяющей роли раннего периода детства в развитии и формировании характера взрослого человека (даже национального характера). О значении семейного воспитания для выбора групп и лидеров в обществе, сводимости всех социально-психологических и общественных связей к глубинно-психологическим корням, о выводимости из взаимоотношений родителей и детей модели малых и больших групп и всех взаимоотношений в обществе.

Литература по фрейдизму огромна, в том числе критическая, однако до сих пор мы обнаруживаем влияние идеи психоаналитической теории за рубежом в социальной психологии и социологии. Это влияние, по свидетельству Хинкле (1961), имело разный характер и распространение: первый (ранний) период — 1905—1918 гг. (С. Холл, Э. Гровс); второй — 1920—1935 гг. (У. Огбёрн, Р. Парк, У. Томас, О. Ранк, К. Юнг, А. Адлер) — широкое распространение фрейдизма в различных областях психологии и социологии; третий — с 1936 г. и по настоящее время (К. Хорни, Э. Фромм, А. Кардинер, Э. Шилз) — преобразование фрейдизма в неофрейдизм.

Хотя фрейдизм и неофрейдизм в терминологическом плане являются собой чрезвычайно пеструю картину, однако основные составляющие психоанализа признаются в той или иной мере всеми авторами. Различие среди неофрейдистов заключается в том, какое из влечений или стремлений человека признать ведущим, определяющим всю динамику поведения личности. Для самого З. Фрейда таким влечением является либидо (сексуальное влечение); для А. Адлера — стремление к власти и могуществу; для О. Ранка — стремление к смерти; для Э. Фромма такой двигательной силой является стремление к общению, к самосохранению и порожденные ими беспокойства и страхи одиночества, изоляции, остракизма отчужден-

ности. Э. Фромм больше всех пытается связать идеи неопрейдизма с марксизмом. С этой целью он критикует противоречия капитализма, который все проявления человеческого сознания (чувства, понимание действительности, поступки) отчуждает от самого человека. Э. Фромм пытается идею отчуждения К. Маркса соединить с положениями Фрейда о значении взаимосвязи и взаимодействия бессознательного и сознательного в поведении личности.

В системе неопрейдизма тщательно разрабатываются такие методы исследования, как глубинное интервью, прожективные тесты, биографический метод, подчеркивается значение семейного воспитания для последующего развития человека, выделяются бессознательные комплексы в поведении личности, выявляются связи конкретных и непосредственных проявлений психики с более отдаленными и т.д. Во многих случаях факты, которые приводят фрейдисты, действительно заслуживают внимания, но система интерпретации этих фактов часто опирается на интуицию, домыслы и является далекой от подлинной детерминистической науки.

Существенное место в зарубежной социальной психологии занимают *теории поля* и *групповой динамики*. Основателем этого направления в социальной психологии является К. Левин (Lewin, 1952), немецкий психолог, связанный с гештальт-психологией, который в 1933 г. эмигрировал в США. Теория поля вбирает в себя элементы гештальтпсихологии и бихевиоризма. В Германии К. Левин со своими сотрудниками занимался углубленной экспериментальной разработкой динамики поведения личности. Многочисленные остроумные эксперименты с прерванными действиями, с созданием различных напряженных систем в динамике поведения послужили основой его теории. Любой человек стремится к удовлетворению своих потребностей, к завершению действий. В арсенал потребностей входят как врожденные (голод, жажда, половое влечение и др.), так и квазипотребности (актуальные тенденции). Для К. Левина источник активности личности плюралистичен, разнообразен и включает в себя врожденные истинные потребности и квазипотребности. Неудовлетворение, задержка, трудность в удовлетворении какой-либо потребности создают напряженную систему, которая определяет направленность поведения человека, настрой и особенности его психики. Если прервать процесс удовлетворения потребности или ход решения какой-нибудь задачи, то в системе возникает напряженность и стремление к завершению прерванного. Завершение акта, снятие

напряженности в системе — вот основа функционирования психики и деятельности личности. Процесс ассоциации, формула «стимул—реакция» для К. Левина неприемлемы, так как основой поведения являются внутренние, динамические тенденции. Причем эти тенденции берутся не с содержательной стороны, а с динамической (рост напряжения от «либо—либо» к повелительному и неодолимому, к разрядке и удовлетворению, к пресыщению). Напряженность динамических тенденций, потребностей в значительно большей степени зависит от состояния внутренних систем человека, а внешняя среда является лишь вызовом, поводом, одним из силовых полей ситуации. Направление поведения, вектор его, по К. Левину, и определяется соотношением: напряжения внутренних систем, потребностей с силой внешних поводов и вызовов. Повод, вызов могут быть малозначимы, если внутренние тенденции, потребности не напряжены. С другой стороны, самый незначительный повод может оказаться значимым, если существует сильная внутренняя напряженная система. Таким образом, в системе взглядов К. Левина решающее слово за внутренними факторами. На пути удовлетворения потребностей, стремления к цели часто возникают барьеры, препятствия. Если барьер неодолим, то личность не может преодолеть его, а если барьер, препятствие слишком незначительны, то нет особого напряжения сил, нет развития. Поведение определяется соотношением цели, барьера и напряженности внутренних тенденций.

Таким образом, теория поля К. Левина касается истоков поведения личности. Поведение человека не может быть сведено к формуле «стимул—реакция». Направление, вектор поведения личности определяется соотношением напряжения наличных, актуальных потребностей с силовым полем ситуации. Поведение личности строится по формуле: $B=f(P, E)$, где B — поведение, P — личность, E — среда, f — функция. Как поступит студент в ситуации, когда перед ним различные варианты: пойти в кино, написать статью, пойти в госпиталь к больному другу. Все это, по мнению К. Левина, зависит от привлекательности различных особенностей ситуации, вернее, от соотношения силовых полей ситуации (кино, друг, статья). Это соотношение определяется не только силовым полем ситуации, но и внутренними мотивами, тенденциями.

Теория поля с личности была распространена К. Левиным, совместно с Р. Липпитом на групповую динамику и активность. Динамика поведения группы может быть строго выведена из соотноше-

ния динамики внутренних сил группы с силовыми полями внешней среды. Причем характер внутренней динамики группы, ее психологическая атмосфера являются определяющими в эффективной деятельности группы.

К. Левин является создателем терминов «групповая динамика», «психологическая атмосфера в группе». После переезда в США он со своими учениками занимался главным образом группами. Его ближайшими учениками и последователями являются Р. Липпит, Р. Уайт, Л. Фестингер, Г. Келли. Именно К. Левин одним из первых предложил так называемый полевой эксперимент для исследования групповой динамики, психологической атмосферы в группе. Он пошел по линии создания экспериментальных групп с тем, чтобы взять под контроль факторы, которые влияют на групповую деятельность. В одной из многих экспериментальных серий были созданы две группы испытуемых. Члены обеих групп — дети 10–12 лет — занимались изготовлением театральных масок. В обеих группах руководителем был один и тот же экспериментатор, который создавал различную атмосферу деятельности в группах: автократическую (все решает только лидер; техника и цели работы диктуются авторитарно; руководитель приказывает), демократическую (решения принимаются совместно с группой, даются объяснения и советы в ходе работы, распределение работы и выбор товарищей по работе происходит добровольно, руководитель все время в контакте с группой) (Hare, 1962, p. 516–526). Оказалось, что различная атмосфера в группах сказывается на эффективности работы, на самочувствии и настроении членов группы. В дальнейшем в эту групповую атмосферу была введена дополнительная ситуация невмешательства, попустительства — «каждый делает, что хочет» (*laissez faire*). Она оказалась самой непродуктивной. К. Левин и его ученики из своих локальных опытов сделали неверно далеко идущие социологические и политические выводы, распространив «групповую атмосферу», «стиль лидерства» на систему общества в целом.

Ученики К. Левина развили исследования различных факторов групповой динамики: лидерства, групповых норм, ценностей, сплоченности, коммуникаций. Так, Л. Фестингер, развивая учение К. Левина, создает теорию общения и коммуникации — теорию познавательного (когнитивного) диссонанса (Festinger, 1957). В сознании человека часто возникает диссонанс, разрыв, противоречие между «двумя знаниями». Этот диссонанс сопровождается выбором альтерна-

тив, близких по привлекательности. Когда человек выбрал что-нибудь, то в силу стремления поддержать самого себя в правильности выбора он завышает ценность выбранного и дискредитирует отвергнутую альтернативу. Купивший новый автомобиль старается больше узнать о его преимуществах, прогулявший последние деньги молодой человек оправдывает свое поведение занимательностью проведенного времени и т. п. Любой индивид ожидает от коммуникаций (массовых или личных), друзей, поддержки, уменьшения противоречий, устранения диссонанса между знаниями и своими действиями, между совершенными или совершаемыми поступками и их разумностью и обоснованностью. Это, по мнению Л. Фестингера, и есть двигатель поведения человека в различных ситуациях, где возникают разные альтернативы, где мы нуждаемся в поддержке и солидарности. Выбор группы, каналов коммуникации, друзей и товарищей основан на поиске референтных групп, поддержке сделанных нами выборов. У Л. Фестингера основа динамики личности, направленность ее поведения выводятся из внутренних, субъективных факторов. Подчеркивая значимость методических поисков представителей теории поля и групповой динамики для понимания активности личности и деятельности групп, следует критически относиться к универсальности их выводов.

Широкое распространение в западной социальной психологии получило так называемое *социометрическое направление*. Основателем этого направления был Якоб (Джэкоб) Морено, который начал свою деятельность в клиниках и институтах Австрии, а с 1927 г. продолжил работу в США. Дж. Морено опирался в своей деятельности на учение З. Фрейда и психоанализ. Продолжительная психиатрическая практика убедила его в слабости психоанализа и психотерапии в одиночных, изолированных условиях. Первоначальные опыты по психодраме, спонтанному театру, которые Дж. Морено начал в Вене, были развиты в США. Новый подход к вопросам психотерапии убедил его в том, что работа с группой значительно эффективнее, чем психоанализ и работа с больным с глазу на глаз. Ранее психотерапевты тренировали ум, память, волю, навыки пациента, но только не в групповых действиях и взаимоотношениях, не в ситуациях семьи, работы и вообще межличностных контактов. А между тем чаще всего причины напряжений, конфликтов, неврозов лежат, как правило, в несовершенстве адаптации человека к группе и коллективу, в неумении правильно построить взаимоотношения в се-

мые, на работе, в кругу друзей и знакомых. Созданные и разработанные Дж. Морено методы психодрамы и социодрамы должны были решить эти сложные задачи.

Поняв и оценив всю значимость непосредственных взаимоотношений между людьми, Дж. Морено в 1920-е годы выходит за пределы психиатрии в область социальной психологии и социологии, где и разрабатывает социометрию как эмпирический вариант микро-социологии. Он считал, что социометрический подход преодолевает узость взглядов З. Фрейда. Эти претензии Дж. Морено являются несостоятельными со всех точек зрения. Социометристы выводят социально-исторические, общественные явления из биопсихологических и культурных факторов: влечений, симпатий, антипатий, творческой спонтанности, из социоэкономического и культурного уровня людей. Перечисленные факторы в основном и определяют группировки, предпочтения одних людей перед другими. Широкие общественные категории: классы, нации, общество — сводятся к динамике и структуре малых групп. В общественных процессах Дж. Морено не видит ничего такого, чего нельзя было бы не видеть в малых группах. Он отвергает любой революционный путь преобразования общества. Вместо этого Дж. Морено предлагает эволюционное улучшение непосредственных, личных отношений между людьми на основе создания истинных человеческих отношений. Исходя из этого он выдвигает проект создания при госдепартаменте США министерства человеческих отношений (Морено, 1958). Решающим для общественного развития является не общественно-трудовая практика людей, а их творческая спонтанность, которая объединяет людей по принципу предпочтения. Перечисленные общеметодологические положения Дж. Морено являются ложными, они подвергаются критике даже в буржуазной литературе. Его система критически проанализирована в советской литературе (Вахитов, 1958). Дж. Морено приобрел репутацию психолога «здравого смысла», практического психиатра и художника-импровизатора, новатора в решении конкретных психотерапевтических задач, но не обладающего достаточной методологической последовательностью и теоретической стройностью взглядов. Вероятно, подобная оценка близка к истине. Но вместе с тем социометрия вошла в историю социальной психологии и социологии. Это объясняется тем, что между конкретными методиками, фактами, явлениями и законами, которые приводит Дж. Морено и его многочисленные ученики, его общей тео-

рией существуют противоречия, разрыв. Там, где он стоит на почве фактов изучения динамики и структуры группы, где разрабатывает и проводит коллективную психодраму, там Дж. Морено вносит определенный вклад в социально-психологическую науку. Но там, где он пытается подновить и преодолеть марксизм, вмешаться в решение глобальных проблем общественной жизни, там он вступает не в свою область, изменяет науке.

Разработка методики и техники социометрии проводилась не только Дж. Морено, но и его многочисленными учениками в США (Э. Дженнингс, Дж. Крисуэлл, М. Нортуэй, С. Додд, Ю. Бронфенбереннер, Ж. Неневайс и др.), во Франции (Г. Гурвич, М. Шугценбергер), в ФРГ (Р. Кениг, Г. Штибер и др.). По подсчетам самого Дж. Морено, в социометрическом ключе в 1960-е годы работали более 5000 социальных психологов и социологов.

В социометрии уделяется большое внимание разработке методов и техники изучения групповой структуры и динамики. К настоящему времени этот метод довольно тщательно отработан, проверен на надежность и применяется как за рубежом, в том числе в социалистических странах, так и у нас. На основе социометрической процедуры к настоящему времени раскрыты существенные зависимости, коррелятивные отношения как в поведении личности, так и в деятельности групп (König, 1966). Так, установлено, что высокий социометрический статус (количество выборов) положительно коррелирует со степенью понимания данным индивидом связей и взаимоотношений в группе. Социометрический статус положительно коррелирует с уровнем интеллекта, со знаниями и достижениями, со здоровьем человека, с социоэкономическим статусом. Индивиды с высоким социометрическим статусом являются как бы референтами групп, носителями основных норм и ценностей этих групп. Очень важно то обстоятельство, что эффективность действий лиц при выполнении важных заданий коррелирует с социометрическим статусом. «Социометрические друзья» (делающие взаимные выборы) обычно имеют одинаковый уровень образования, сходные личностные характеристики, находятся в пространственной близости. «Социометрическая сплоченность» группы положительно коррелирует с общей ее эффективностью. Ряд перечисленных корреляций подтверждается и отечественными исследованиями.

Основная ошибка западной социометрии заключается в том, что процессы в группах здесь отождествляются с процессами, ко-

которые происходят в обществе в целом. Социометрическая процедура совершенно бесполезна за пределами малых групп.

С нашей точки зрения, в социометрии следует учитывать идею о микроструктуре групп, но с существенным ее переосмыслением. Что микроструктура группы (непосредственные, личные контакты, симпатии, антипатии, коммуникации всякого рода) существует, ни у кого это не вызывает сомнения, это тривиально. Не вызывает сомнения и макроструктура групп (пространственное расположение членов группы, официальные позиции, общественные цели и задачи, которые вызвали к жизни эти группы). Однако, по мнению Дж. Морено, решительно все идет от индивида, от его врожденных «теле» (чувств), неизменных социальных атомов (объем эмоциональных связей индивида), социальных молекул (связей атомов в группы), от микроструктуры. Микроструктура, непосредственные контакты в группах для Дж. Морено первичны, неизменны, определяются биологически, а психологически и социально лишь частично. По ним, как по барометру, мы можем определить состояние общества, его конфликты, напряжения и найти ключ для лечения общества. По мнению Дж. Морено, нужно всю макроструктуру группы, т.е. всю общественную жизнь, изменить эволюционно в соответствии с микроструктурой. Вот это, по его мнению, и есть подлинная гуманизация общества. Разумеется, ни о какой подлинной гуманизации человеческих отношений не может быть и речи до тех пор, пока не упразднена система эксплуатации, пока существуют капиталистические порядки, пока остается старая макроструктура. Следовательно, с нашей точки зрения, первичной является макроструктура, общественная система, которая стимулирует или сдерживает развитие микроструктуры, подлинных человеческих отношений.

1950-е годы в США характеризовались проникновением в социальную психологию *транзактного направления*. Главой этого направления является Э. Кентрилл (Cantrill, 1950), а его ближайшими сотрудниками — Ф. Килпатрик, В. Иттельсон и А. Эймес. Основные их положения были сформулированы на базе исследования специфики перцепции, особенно иллюзорных восприятий. Опыты с искажающими очками (айсекопические стекла), с пространственно трансформированными комнатами, с увеличивающимися, но неподвижными световыми линиями и прямоугольниками и т.п. убеждали исследователей в том, что одинаковые явления могут вызвать разные образы восприятия и, наоборот, одинаковые образы восприятия могут

быть порождены разными явлениями. Оказывается перцепция восприятия не есть пассивное отражение, но она не есть и простое экспонирование себя, как это подается в работах субъективных идеалистов. В действительности самым существенным в восприятиях являются предположения, ожидания человека, которые основаны на его прошлом опыте, на его деятельности и выражаются в направленности деятельности. Что и какие признаки в действительности воспринимает субъект, определяется его миром положений, целями его деятельности, прошлым опытом. Мир положений складывается только через деятельность и в деятельности. Поэтому «некто есть то, что он делает». Восприятие, таким образом, является органической связью внешних явлений с внутренними факторами. Мир положений константен, стремится сохранить себя. Сознание, абстракции, понимание носят по отношению к перцепции и деятельности второстепенный характер и участвуют в деятельности в том случае, когда она затруднена, когда требуется решать новые задачи.

На основе психологических экспериментов, дополненных наблюдением и изучением общественных явлений, Э. Кентрил развешивает систему транзактной социальной психологии. Однако он чрезмерно преувеличивает роль перцепций, мир положений, стереотипных восприятий в общественной жизни. Например, ввиду константности восприятия молодожены видят друг друга, как и солдаты-новобранцы своих командиров, нормально, неискаженно даже в сильно искажающих условиях (опыт со специальными очками). В то же время незнакомые люди и при слабом искажении замечают изменения.

Иллюзии, мир положений можно изменить только через практические действия и довольно медленно. Так, опыт с вращением оконной рамы с предметами различно воспринимался людьми в зависимости от того, видели ли они прежде эти предметы или нет (некоторые опыты проводились с африканцами, которые не видели оконных рам). В опытах с искаженными комнатами при их последующей практической проверке испытуемыми иллюзии снимались. Устойчивость, константность мира положений приводит к чрезмерным глобальным социально-психологическим выводам в системе транзактной психологии: все недоразумения и конфликты между людьми проистекают из разного видения (предположения) мира и событий; общество должно стремиться к созданию общезначимого и надежного мира положений у своих граждан; все массовые

и личные средства коммуникаций могут быть эффективными только с опорой на мир положений.

Вместе с тем мир положений должен изменяться, ибо изменяется окружающий мир, и человек должен к нему приспособиться. Этот процесс изменения проходит несколько стадий: 1) стремление воспринять новое в форме старых, знакомых предположений, стандартов; 2) активизация сознания при невозможности привычного пути (абстракции, знания, понимание запускаются в ход); 3) чувство угнетения, когда задача не разрешается; 4) духовный подъем в ходе решения и разрешения задачи; 5) решение задачи, приращение опыта, мира положений.

В человеческой деятельности, по мнению Э. Кентрила, заключено противоречие: стремление к сохранению и надежности своего мира положений, своих оценочных суждений, но, с другой стороны, постоянное стремление к увеличению, расширению, совершенствованию своего мира положений, своих оценочных суждений. Опросив несколько тысяч человек относительно удовлетворенности своим образом жизни, Э. Кентрил установил, что подавляющее большинство опрошенных недовольно своим настоящим положением. Поэтому стремление к постоянному обновлению, совершенствованию своего опыта — столь же характерная черта деятельности человека, сколько и его стремление к надежности, к сохранению своих достижений.

Э. Кентрил придает чрезмерное значение стереотипам, опыту и недооценивает значение идей, абстрактных понятий в деятельности человека. В своей теории он занижает роль сознания в деятельности человека, считает ее скорее шаблоном, стереотипом. Кроме того, сам человеческий опыт Э. Кентрил трактует с субъективно-идеалистических позиций. Вместе с тем технические приемы исследования, конкретные данные о закономерностях восприятия, о противоречивости, устойчивости и изменчивости в деятельности человека — всё это заслуживает изучения и проверки.

Зарубежная социальная психология, по определению некоторых специалистов, носит «империалистический» характер, т. е. она широко и глубоко проникает в зарубежную социологию и захватывает многие области общей психологии. Так, по мнению Г. Олпорта, общая психология изучает лишь психофизиологические, чувственные и моторные компоненты поведения человека (см.: *Handbook of social psychology*, 1959, vol. 1, p. 5). Социальная же психология изучает все те психические процессы, которые возникают во взаимоотношении

ях людей, социальную психологию групп, толпы, проблемы соотношения личности и общества. К проблемам социальной психологии относятся также такие проявления психики человека, как установки, социальная перцепция, речь, высшие чувства и т. п. Столь широкое понимание предмета и границ социальной психологии является весьма характерной и господствующей точкой зрения, грани между общей психологией, социальной психологией и социологией в западной науке практически отсутствуют. Буржуазным ученым гораздо удобнее видеть причину всех социальных конфликтов между людьми в их психологии, а не в пороках отжившей свой век капиталистической системы.

§ 3. Развитие социальной психологии в СССР

История социальной психологии в нашей стране является частью всеобщей истории социальной психологии, и в то же время она содержит в себе качественно новые черты. Общность истории социальной психологии определяет и ее периодизацию. В отечественной литературе также можно выделить период возникновения и разработки социально-психологических идей в русле философии и общей психологии. Достаточно четко очерчивается и период эмпирической описательной социальной психологии.

Следует подчеркнуть, что ученые нашей страны были в числе пионеров применения психологического эксперимента в групповых условиях. В 1970-е годы завершается формирование социально-психологической науки, которая опирается на марксистско-ленинскую методологию.

Развитие идей социальной психологии в русле философии в нашей стране также требует тщательного исследования. Среди мыслителей XVIII в. следует упомянуть В. Н. Татищева (1686—1750), который понимал умственное развитие человека как продукт «соучастования», общения людей. Саму периодизацию исторического и онтогенетического духовного развития человека В. Н. Татищев связывает с уровнем развития речи: устная, письменная, печатная (Татищев, 1887). М. В. Ломоносова как универсального ученого интересовали проблемы речи в различных аспектах: преимущества русского языка, приемы и способы ораторского искусства (Ломоносов, 1950, с. 451—459, 512—517). Исключительное значение общественно-психологическим факторам в развитии человека придавал А. Н. Радищев. Человек

отличается от животных своей способностью сопечалиться, сорадоваться другим людям. Само бессмертие человека возможно благодаря его деяниям, которые и сохраняются в памяти потомков. Характер человека, развитие его духовных сил определяются не столько врожденными задатками, сколько особенностями обучения и воспитания и социальными условиями (Радищев, 1941, с. 52, 54, 57).

Видное место социально-психологические идеи занимают в системе философии революционных демократов XIX в. В личности они выделяют общечеловеческие, национальные и сословные черты. Критикуя представителей механистического, вульгарного материализма, революционные демократы показывали, что человек есть не только и не столько часть природы и продукт природной необходимости, он прежде всего есть продукт исторической необходимости. То, каким становится в своем нравственном облике человек, в значительной мере определяется характером удовлетворения его потребностей, социальными условиями. На формирование человека существенное влияние оказывают обстоятельства, ближайшая среда. В атмосфере злобы, жестокости формируются соответствующие черты характера.

Говоря об описательной социальной психологии конца XIX — начала XX в., следует прежде всего назвать работы Н. К. Михайловского (1896, т. 2), В. М. Бехтерева (1903, 1908), А. Копельмана (1908) и др. В этот период социально-психологические явления выделяются в самостоятельный класс. Н. К. Михайловского интересуют вопросы массовидных психических явлений, взаимоотношения и взаимовлияния людей друг на друга. Разделяя мнения западных психологов, он придавал исключительное значение подражанию и внушению. Именно подражание и внушение, по его мнению, лежат в основе массовидных психических явлений, взаимоотношений личности и толпы.

Уже на рубеже XIX—XX вв. В. М. Бехтерев выступает с рядом публичных лекций и статей, в которых страстно агитирует за необходимость изучения общественной психологии, которая имеет свой определенный предмет, структуру и методы исследования. По его мнению, общественная психология должна изучать изменения психических явлений в группах и коллективах по сравнению с индивидуальными проявлениями, а также массовидные психические явления (дух эпохи, национальные, сословные психические особенности, явления, возникающие в толпе, в аудиториях, на различных зрелищных мероприятиях).

А. Копельман, приветствуя возникновение новой области психологии — психологии народного духа, считал, что эта психология должна освободиться от идеализма. Проявление народного духа — это не какая-либо особая сущность, а это совокупная единая деятельность и переживания групп людей и коллективов. Поэтому новая область психологии должна быть названа коллективной психологией.

Следовательно, в нашей стране уже до Октябрьской революции выделяется специфическая область психологии — общественная, коллективная, социальная психология. Но как за рубежом, так и у нас в то время социальная психология еще не могла подняться на подлинно научный уровень.

Оформление социальной психологии в самостоятельную науку происходит в нашей стране одновременно с таким же процессом в Германии и США, т. е. в 1920-е годы. Решающее значение здесь имели исследования В. М. Бехтерева и его учеников. В. М. Бехтерев положения своей общей рефлексологии распространил на изучение рефлексов и реакций коллектива, создав так называемую коллективную рефлексологию со своим предметом и методами. Суть коллективной рефлексологии он сводил к унаследованным и сочетательным рефлексам коллективов, групп, масс, толпы на биосоциальные раздражители. «Если рефлексология, — писал В. М. Бехтерев, — изучает проявления соотносительной деятельности отдельных индивидов, то коллективная рефлексология изучает ту же деятельность коллектива» (Бехтерев, 1921, с. 24). В коллективах, кроме наследственно-органических проявлений, изучается их возбудимость, коллективные настроения, наблюдательные способности, коллективное сосредоточение, творческая деятельность, суждения, решения. Данные признаки лежат в основе классификации коллективов. Коллектив (как малая группа) в трактовке В. М. Бехтерева характеризуется единством рецепций и реакций, взаимодействием членов коллектива. Толпа характеризуется как коллектив, связанный общим настроением. Наличие общего наблюдения, сосредоточенности присуще театральной, концертной аудитории и публике различных зрелищ. Общие суждения и решения специфичны для функционирования Советов, съездов.

Весьма подробно и обстоятельно В. М. Бехтерев приводит арсенал методик для исследования коллективов (наблюдения, эксперимент, анкеты), а также статистические приемы обработки собираемого материала. Значимость работ В. М. Бехтерева определяется

в первую очередь новаторским исследовательским подходом к изучению социально-психологических явлений. Он был одним из первых разработчиков оригинальных экспериментальных методик, применил их на практике, получил достаточно надежные результаты и тем самым открыл путь для подлинно научных социально-психологических исследований. Отмечая заслуги В. М. Бехтерева перед мировой и отечественной социальной психологией, нельзя не указать на сильные элементы механицизма и биологизаторства, которые содержатся в его методологии и теории. По пути В. М. Бехтерева в разработке проблем социальной психологии в 1920-е годы шли Б. В. Беляев и А. С. Залужный.

Так, Б. В. Беляев дал весьма широкое определение предмета социальной психологии, которая должна изучать психологию коллективов, масс, групп, толпы. Он же дал развернутую классификацию социально-психологических объединений. Коллектив (в собственном смысле слова) предполагает: территориальное и временное объединение индивидов, наличие общего раздражителя, общей рецепции и реакции, взаимодействие (круговое) индивидов, непосредственную социальную стимуляцию индивидов (Беляев, 1929, с. 194). Группа отличается от коллектива менее тесной связью. Толпа — это большое количество людей с преимущественно инстинктивно-эмоциональными реакциями.

А. С. Залужный сосредоточил свое внимание на конкретном социально-психологическом исследовании различных детских коллективов (Залужный, 1930). Он дает классификацию детских коллективов, разрабатывает подробно методику их изучения и статистические приемы обработки собираемого материала. Работа А. С. Залужного как методическое пособие в какой-то степени не потеряла своего значения и в настоящее время.

Проблемы социальной психологии в 1920-е годы в нашей стране рассматривались под углом зрения различных, в том числе немарксистских методологических установок. В биологизаторском ключе пытался построить коллективную психологию известный зоопсихолог В. А. Вагнер (1929). Основная идея В. А. Вагнера сводится к тому, что психологию типов человека, как и его коллективную психологию, нельзя построить без учета филогенетического развития. На этой основе В. А. Вагнер выделяет следующие типы людей: стадный (подражательность, малое проявление самостоятельности); вожаческий (повышенная половая функция, эгоизм, честолюбие); со-

циальный (пониженная половая функция, альтруизм). Коллективная психология людей вытекает из стадной жизни животных с добавлением тех вариаций, которые возникают под влиянием экономики и культуры.

Своеобразные взгляды на социальную психологию высказывали психологи дуалистического толка Г. И. Челпанов и А. П. Нечаев.

Г. И. Челпанов полагал, что индивидуальная экспериментальная психология должна быть дополнена социальной психологией (Челпанов, 1926). По его мнению, внедрение марксизма в психологию должно идти по линии преодоления абстрактного, антропологического, фейербаховского человека, который изучался и изучается экспериментальной психологией. Дополнительное изучение сущности человека как совокупности общественных отношений является существенным развитием экспериментальной общей психологии, объединением ее с марксистской социальной психологией. Это, безусловно, глубокая и перспективная идея Г. И. Челпанова, который на свой лад первым заговорил о внедрении марксизма в психологию в виде дополнения прежней экспериментальной психологии социальной психологией. Разумеется, что такая постановка вопроса весьма ограничена, так как на основе методологии марксизма должна разрабатываться не только социальная психология, но и индивидуальная психология, которую Г. И. Челпанов хотел сохранить в прежнем идеалистическом неприкосновенном виде.

Другой представитель дореволюционной экспериментальной психологии, А. Н. Нечаев, который в самом начале XX в. периодически проводил эксперименты в групповых условиях, продолжил свои исследования и после революции (Нечаев, 1928). А. П. Нечаев экспериментально исследовал особенности интеллектуального, эмоционально-волевого развития, а также умственного утомления учащихся в различных группах, в зависимости от возраста, пола, уровня образования. Экспериментально-технические приемы и статистическая обработка материала позволили А. П. Нечаеву раскрыть существующие зависимости между возрастом, полом, образованием и развитием психических качеств человека.

К подобной категории исследований в тот период можно отнести и работу В. Е. Смирнова (1929). На основе анкетных обследований подростков и юношей, которые проведены были В. Е. Смирновым в 1920–1925 гг., он изучил интересы рабочих-подростков, мотивы их учения, особенности их идеалов (связанные с наукой – 34,8%,

с нравственными качествами — 15,2%, с политикой — 13%, со здоровьем — 17,4%, с удовлетворением потребностей — 6,5%, с работой — 13% и др.). При этом в анализе данных В. Е. Смирнов приводит различия между мальчиками и девочками.

Из психологов-марксистов наиболее активно за построение социальной психологии выступал В. А. Артемов (1927, 1929, 1930). Критикуя экспериментальную (Г. И. Челпанов) и рефлексологическую (В. М. Бехтерев) социальную психологию, он намечает пути построения марксистской социальной психологии, показывает трудности на этом пути, намечает методические приемы исследования. С точки зрения марксизма и экспериментальная индивидуальная психология, и психология коллектива являются социальными по сути. Поэтому не может быть каких-то особых наук о психологии индивида и коллектива, а есть единая социальная психология индивида и коллектива. Поскольку коллектив не есть сумма индивидов, а новое качество, постольку должна проявляться и психология коллектива. Каковы же причины, которые тормозят развитие социальной психологии в нашей стране? В конце 1920-х годов В. А. Артемов видит следующие причины: нет достаточно сильных традиций в развитии социальной психологии; поскольку индивидуальная психология сама по себе насквозь социальна, то некоторые исследователи считают ненужной особую социальную психологию; мешает опасение психологизации исторического материализма, социологии; отсутствуют достаточно подготовленные кадры.

Особое место в развитии социальной психологии в 1920-е годы занимают работы философов и журналистов М. А. Рейснера, Л. Н. Войтоволковского, Н. Ф. Курманова.

Юрист и философ М. А. Рейснер (1925) уделил значительное внимание проблемам развития социальной психологии. Социальная психология, по его мнению, должна иметь дело с социально организованным поведением классов, масс, прослоек, рас, наций. Согласно ее исходному положению, развитие общества определяется производительными силами, производством идей и нервно-мозговым механизмом, или психикой людей. Новое в системе М. А. Рейснера заключается в подчеркивании значения социально-исторической искусственной среды, символики, культуры, которые надстраиваются над материальным производством и, в свою очередь, влияют на формирование и развитие поведения людей. Эта социально-культурная символика, искусственная среда во взаимодействии с чело-

веком, особенностями его психики и составляют предмет социальной психологии. Социально-культурная среда в истории выступает в различных формах: мистико-символической (религия), формально-эстетической (искусство), рациональной (наука). М.А. Рейснер не ограничился общим описанием социально-психологической проблематики, он пытался дать конкретные характеристики психологии пролетариата, крестьянства, буржуазии, интеллигенции, деклассированных элементов, в которых раскрывается ряд верных черт этих классовых групп. М.А. Рейснер — один из идеологических предшественников «культурно-исторической» концепции в психологии, в методологическом же отношении он эклектичен, хотя и пытался использовать положения марксизма в своих работах.

Своеобразные взгляды развивал Л. Н. Войтоловский (1925). По его мнению, предметом коллективной психологии являются общие настроения, энтузиазм масс, их воля, стремления и борьба. Психологические явления, как они возникают и развиваются, прослеживаются в действиях масс, толпы — вот важнейший материал для коллективной психологии. В толпе, в массе происходит эмоциональное движение, зарождение эмоций, их концентрация и напряжение, что увеличивает энергию толпы и каждого ее члена, приводит к различным массовым действиям. Изучать эти массовидные проявления возможно посредством сбора отчетов беспристрастных свидетелей подобных событий, путем непосредственного наблюдения, а также исследуя материалы художественной литературы. Л. Н. Войтоловский выступает против примитивизации поведения толпы, масс, за учет их психологии и ее изменений в ходе общественной жизни, за тесную связь масс, партий и вождей. Таким образом, Л. Н. Войтоловский ограничивает проблематику социальной психологии лишь массовидными психологическими явлениями, забывая о других, как бы возвращается к описательному уровню социальной психологии.

Несколько с других позиций решает социально-психологические задачи Н. Ф. Курманов (1930). По его мнению, коллективная психология должна изучать переживания, настроения, психологию и поведение индивидов с точки зрения классового подхода. С этих же позиций следует подходить и к изучению коллективной психологии. Подобно тому как врач устанавливает симптомы и намечает меры воздействия, социальный психолог должен определить, насколько индивидуальная и коллективная психология соответствуют классовым нормам и каковы пути их развития до подлинно классового

уровня. Однако Н. Ф. Курманов в своих проектах построения коллективной психологии не пошел дальше общих деклараций.

Таким образом, социальная психология в 1920-е годы характеризуется в методологическом отношении значительной пестротой, наряду с которой все настойчивей пробиваются идеи необходимости построения социальной психологии на марксистской основе. Тем не менее практически социальная психология в 1920-е годы начинает оформляться в самостоятельную науку со своим предметом, методами и конкретным содержанием.

Разнородность методологических подходов, разнокалиберность получаемых результатов, преимущественно декларативный характер — все это, умноженное на острейшую идеологическую борьбу внутри страны и на международной арене, настораживало ведущих психологов и философов по отношению к социальной психологии. На Западе социологи и социальные психологи все более психологизировали общественные явления, подменяли классовый анализ изучением малых групп и личности, классовую борьбу сводили к психологическим и биологическим факторам. Возникла известная опасность психологизации социальных явлений, изучаемых историческим материализмом, подмены классового анализа психологическим подходом к общественным явлениям. Так как в теоретическом плане на основе марксизма-ленинизма было всесторонне обосновано, что все психические явления от ощущений до характера являются социальными по своей сути, то у многих ведущих психологов и философов к середине 1930-х годов сложилось убеждение, что особая социальная психология не нужна и ее проблемы могут быть решены на базе общей психологии. Поэтому неудивительно, что дальнейшая история социальной психологии в СССР, начиная с 1930-х годов, была связана с научной разработкой проблем общей, педагогической, военной, спортивной психологии и психологии труда.

В советской психологии в период 1930—1940 годов был накоплен богатый материал по психологическим особенностям человека нового общества, было выяснено значение различных коллективов (дошкольных, школьных, производственных) во всестороннем развитии личности советского человека, показана роль разнообразных форм общения в развитии речи и мышления ребенка и т. д. В этих направлениях вклад внесли такие психологи, как Б. Г. Ананьев, К. Н. Корнилов, А. Н. Леонтьев, Н. Д. Левитов, В. Н. Мясищев, А. С. Прангишвили и мн. др. Можно утверждать, что в этот период важнейшие

проблемы социальной психологии в СССР по сути разрабатывались эффективней, чем в 1920-е годы. Исключительное место в создании и в изучении психологи коллектива, как известно, принадлежит выдающемуся советскому педагогу А. С. Макаренко. В СССР был накоплен богатейший практический опыт по формированию личности и разнообразных коллективов в ходе построения социализма. Этот опыт все еще недостаточно изучен современными исследователями.

Вопрос о том, был ли перерыв в развитии социальной психологии в СССР, должен решаться исходя из фактического положения дел, на основе понимания предмета этой науки. С нашей точки зрения, социально-психологические явления продолжали изучаться все время, но в рамках других областей психологии. Однако такое положение дел, конечно, тормозило развитие социальной психологии как самостоятельной науки. Поэтому в 1950—1960-е годы со всей остротой встал вопрос о выделении социальной психологии в самостоятельную область психологических наук. Рамки общей и других областей психологии были уже совершенно недостаточны для всестороннего изучения социально-психологических явлений.

Следовательно, в 1950—1960-е годы речь шла не о том, чтобы совершенно заново создавать социальную психологию (она фактически существовала все время), а в том, чтобы поднять социально-психологические исследования в СССР на новый уровень, соответствующий методологии марксизма-ленинизма (см.: Социальная психология, 1975, с. 10—15) и передовому опыту развернутого строительства коммунизма в СССР. Именно поэтому накопленные современной социальной психологией факты и закономерности необходимо было переосмыслить, дополнить и развить, опираясь на единственно научную методологию марксизма-ленинизма.

Для развития социальной психологии в СССР первостепенное значение имеют основополагающие идеи В. И. Ленина, который заложил методологические основы и обогатил конкретно-научное содержание социально-психологической науки. Так, важнейшее значение имеют идеи В. И. Ленина о социально-экономической и конкретно-исторической обусловленности социально-психологических явлений, об активной роли сознания и субъективного фактора в развитии общественных процессов, о решающей роли общественной практики в жизни общества. «Непревзойденный стратег и тактик пролетарской классовой борьбы, — говорится в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, — Ленин... внимательно изучал соци-

альную психологию рабочих и крестьян, всех слоев общества, учитывая все это при выработке политических решений». Лишь на основе органического слияния марксистско-ленинской методологии с научной социальной психологией раскрываются перспективы фундаментальных научных исследований, тесно связанных с жизнью.

К настоящему времени социальная психология в нашей стране и за рубежом прошла довольно сложный путь развития. Начиная со второй половины XIX в. и до нашего времени изменялись и развивались представления о предмете и методах исследований, о социально-психологических явлениях и законах. Современная советская социальная психология в своей методологии и теории, в своей практической направленности принципиально отличается от господствующих направлений социальной психологии в странах капитала. В то же время существует и известная научная общность в методах и технике исследований, в частном понимании ряда социально-психологических явлений и закономерностей. Необходимо совершенно четко и недвусмысленно это понимать. Коренное различие советской и буржуазной социальной психологии заключается в основных методологических предпосылках и в идеологической направленности исследований. Как мы уже отмечали, современная зарубежная социальная психология строится на механистической и идеалистической основах. Социально-психологические явления обычно выводятся либо из особенностей индивида, либо из раз и навсегда данной среды. Общественные социальные явления преимущественно психологизируются. Что касается идеологической направленности, то буржуазные социальные психологи стараются обелить, затушевать, смягчить прогнившие капиталистические порядки, замаскировать вопиющие противоречия, снять психологическими приемами социальные конфликты, отравить сознание простых людей идеями и стандартами антикоммунизма. Тем не менее, отметая методологические и идеологические основания современной зарубежной социальной психологии, мы должны учитывать, проверять и использовать конкретно-научные, объективные достижения в области методов и техники исследования, некоторых частных законов групповой структуры и динамики, гностических и коммуникативных проявлений личности.

Следует также указать на нежелательность замыкать советскую социально-психологическую науку (да и зарубежную) только кругом работ, написанных под социально-психологическими названиями.

Например, невозможно не рассматривать как относящиеся к социальной психологии работы А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского о коллективе. Мы обеднили бы социальную психологию, если бы не отнесли к ней труды по истории поведения, мышления и речи Л. С. Выготского, по истории сознания А. Н. Леонтьева, по чертам личности советского человека Н. Д. Левитова, по психологии педагогической оценки Б. Г. Ананьева и другие работы, выполненные в 1930—1940-е годы.

Особое значение и место в социальной психологии в СССР занимает грузинская школа по психологии установки, основателем которой был Д. Н. Узнадзе.

К концу 1960—началу 1970-х годов в основном завершился процесс становления и выделения социальной психологии в самостоятельную научную дисциплину, входящую в систему психологических наук и в то же время близкую к социологии. В этом процессе важную роль сыграли выступления и работы философов и социологов: Г. М. Андреевой, Ф. В. Константинова, Б. Д. Парыгина, В. П. Рожина, В. П. Тугаринова, В. А. Ядова и др.; психологов: Б. Г. Ананьева, В. Н. Колбановского, А. Г. Ковалева, Н. С. Мансурова, А. В. Петровского, К. К. Платонова, А. С. Прангшвили, Е. В. Шороховой и др. Путь формирования современной социальной психологии в СССР не только описывается в книгах, статьях и выступлениях философов, социологов и психологов, но и демонстрируется всеми глубокими прогрессивными общественными преобразованиями, которые происходят в нашей стране. Так, в 1950—1960-е годы широкое распространение в производственных коллективах получило движение за коммунистический труд. В условиях развернутого коммунистического строительства перед советскими людьми непосредственно встали вопросы всестороннего развития личности, лучшей организации производства, быта, обслуживания, совершенствования семейных отношений, преодоления пережитков в сознании людей. Способствовать решению этих задач и была призвана социальная психология.

За прошедшие годы в советской социальной психологии достигнут несомненный прогресс в методологическом, теоретическом и конкретно-научном плане. Социально-психологические исследования в самых различных направлениях развивались и развиваются во многих центрах Советского Союза. Уже в программу Второго съезда психологов СССР, проходившего в Ленинграде в 1963 г., был включен целый ряд докладов о предмете социальной психологии,

о ее методах. Съезд обратил внимание на необходимость всемерного развития социально-психологических исследований в СССР. В дальнейшем были проведены многочисленные дискуссии в общесоюзном и кустовом масштабах с участием психологов и философов о путях и перспективах исследований в области социальной психологии. В 1962 г. в Ленинградском университете организуется первая в стране лаборатория социальной психологии. Возникают многочисленные исследовательские центры в Москве, Ленинграде, Курске, Костроме, Ярославле, Киеве, Минске, Тбилиси, в республиках советской Прибалтики, где изучается широчайший круг проблем социальной психологии. В 1968 г. создается кафедра социальной психологии в ЛГУ, а в 1972 г. — и в МГУ. Результаты исследований советских социальных психологов были отражены в трудах общесоюзных съездов и международных конгрессов по психологии, а также многочисленных конференций и симпозиумов по социальной психологии, которые проходили в различных городах СССР и за рубежом в 1960—1970-е годы. В последние годы все ширится поток литературы по социальной психологии, в том числе монографической (см., например: Кузьмин, 1971; Ковалёв, 1972; Социальная психология, 1975; Методологические проблемы социальной психологии, 1975). В настоящее время советская социальная психология вышла на путь глубокой разработки проблем личности, малых групп и коллективов, а также более широких общностей. Фундаментальные научные разработки позволили социальным психологам активно развернуть фронт прикладных социально-психологических исследований в области социального планирования и управления, промышленности, быта, семьи, средств массовой информации, военного дела, спорта и медицины.

§4. Развитие социальной психологии в братских социалистических странах Европы

Возникновение и развитие социально-психологической мысли в каждой из социалистических стран Европы имеет свои традиции и специфические особенности. В настоящем кратком обзоре мы сосредоточили внимание на состоянии социальной психологии в этих странах лишь в современный период, точнее, за последние 15—20 лет. Прежде всего следует отметить, что возникновение интереса к социальной психологии здесь было вызвано не только самой логикой раз-

вития психологической науки. Необходимость разработки социально-психологической проблематики была продиктована актуальными задачами строительства социализма, воспитания нового человека.

В Болгарии еще в 1930-е годы в трудах марксистов-философов и социологов Т. Павлова и И. Хаджийского было положено начало разработке основных методологических вопросов социальной психологии, выяснению ее предмета.

Первым опытом обобщения современного состояния социальной психологии как науки была монография М. Драганова (1971). В этой работе рассматривается процесс формирования социально-психологических знаний в Болгарии в самостоятельную научную дисциплину. Приводится также и периодизация развития в Болгарии социальной психологии как науки.

Для современного этапа развития социальной психологии в Болгарии наиболее характерны работы в следующих направлениях.

Прежде всего отметим исследования, посвященные методологическим проблемам марксистской социальной психологии (Ж. Ошавков, М. Драганов).

К числу первых социально-психологических работ, сочетающих теоретические и эмпирические методы познания, относятся исследования религиозной психологии (Ж. Ошавков, К. Василев, Н. Мизов). Внимание к этой проблеме была обусловлено практическими задачами антирелигиозной пропаганды в Болгарии. Одной из наиболее крупных является работа М. Драганова (1968).

Ряд исследователей активно занимается изучением социально-психологических проблем коллектива и личности, таких как мотивация и регуляция человеческого поведения (В. Вячев), психологические аспекты реализации нравственных норм (В. Момов), формирование личности (А. Петков). Проблемы личности и воинского коллектива рассматривает Г. Йолов. Он является автором ряда работ, посвященных психологии личности новобранца и офицера, психологии воина в современной войне, деятельности командира в бою. Большой интерес представляет его монография, в которой обстоятельно анализируются явления массовой психологии в исключительных ситуациях (Йолов, 1973).

Давние традиции имеются у болгарских психологов, разрабатывающих социально-психологические проблемы образования и воспитания. Это направление возглавляется старейшим болгарским психологом Г. Пирьовым, первые работы которого в области дет-

ской и педагогической психологии относятся еще к 1920-м годам. Взаимоотношениям в классном коллективе посвящены исследования М. Андреева и Л. Десева. Социально-психологические проблемы современной болгарской молодежи изучают И. Попов и М. Семов.

В последнее время знания, накопленные социальной психологией, все активнее используются с целью оптимизации управления трудовыми коллективами (Ф. Генов, Т. Трифонов, С. Симеонов, В. Михайлова, П. Василев, В. Аврамов и др.). Исследуются такие проблемы, как социально-психологические особенности деятельности руководителя, качества его личности, взаимоотношения между руководителем и подчиненными, настроения работников, их совместимость в коллективе и т. д. (Генов, 1974; Генов, Аврамов, 1974; Михайлова, 1972; Симеонов, 1976).

Необходимо отметить также особое внимание, уделяемое сейчас в Болгарии изучению социально-психологического климата в различных коллективах: производственных, педагогических, школьных, студенческих, научно-исследовательских, спортивных и др. Первым итогом исследований в этом направлении является сборник статей, рассматривающих как теоретические проблемы социально-психологического климата, так и результаты эмпирических исследований (Социалнопсихичният климат в колектива, 1976).

Успешно ведутся исследования социально-психологических проблем спорта (Ф. Генов, Б. Първанов).

Ряд крупных обобщающих работ по социально-психологической проблематике появился за последние годы в Венгрии. Среди них можно назвать прежде всего «Социальную психологию» под редакцией Д. Хуньяди (Szocialpszichologia, 1973), «Социально-психологические исследования в Венгрии» под редакцией Д. Хуньяди и Ф. Патаки (Szocialpszichologia i kutatások Magyarországon, 1976), «Общественную психологию и общественную реальность» Ф. Патаки (Pataki, 1977). В этих книгах подведены некоторые итоги развития социальной психологии в Венгрии.

Исследования венгерских социальных психологов охватывают широкий круг проблем. В сборнике под редакцией Д. Хуньяди и Ф. Патаки эти исследования сгруппированы по следующим пяти разделам:

- 1) общественное мнение и социальные установки (Т. Сечкё, Р. Ангелус, Э. Мольнар, Б. Буда, Д. Хуньяди, Л. Халас, Б. Тот, М. Рохански);

- 2) социальная психология труда (Л. Хорват, Т. Энглендер, Ю. Эрдеи, Ш. Эрдеши, И. Мольнар, П. Рокушфалви, Я. Чирска, Л. Барта);
- 3) психология малых групп (Ф. Патаки, И. Фехер, З. Ваштаг);
- 4) социально-психологические вопросы клинической психологии (Ф. Сакач, М. Сегеди);
- 5) социально-психологический аспект социализации (Л. Гараи, И. Варине-Силади, П. Геллери, Ш. Комлоши).

Кроме указанных направлений исследований, можно выделить также социально-психологические работы в области спорта (П. Рокушфалви) и военной деятельности (И. Чепе).

Среди наиболее заметных монографий последних лет необходимо также назвать книгу Ф. Патаки «Пути и перепутья современной социальной психологии» (Pataki, 1976), в которой рассматривается современное состояние социальной психологии в США и Европе.

Социально-психологические исследования в ГДР осуществляются широким фронтом и в разнообразных направлениях. Важной вехой на пути развития социальной психологии здесь явился Первый международный симпозиум социальных психологов-марксистов, состоявшийся в 1964 г. в Йене. Доклады симпозиума, посвященного общественным задачам социальной психологии социализма, были вскоре опубликованы (Sozialpsychologie im Sozialismus, 1965).

Первой работой, имеющей обобщающий характер, была монография Г. Гибша и М. Форверга «Введение в марксистскую социальную психологию» (Hiebsch, Vorweg, 1950; Гибш, Форверг, 1972), которая неоднократно переиздавалась. Затем вышли книги Г. Гибша «Социально-психологические основы формирования личности» (Hiebsch, 1966) и М. Форверга «Социально-психологический анализ структуры коллектива» (Vorweg, 1966).

Одной из основных проблем, разрабатываемых социальными психологами ГДР и нашедших отражение во многих работах Г. Гибша, М. Форверга и других ученых (В. Альтдорф, М. Винтген, Л. Ланге, К. Лёшнер, Д. Мейер, Г. Форнерг, У. Эссер), является проблема кооперации. «Кооперация людей — основополагающий исходный пункт социально-психологического исследования, и объект этого исследования — социальное взаимодействие», — подчеркивают Г. Гибш и М. Форверг (Гибш, Форверг, 1972, с. 39).

Другим важным направлением является изучение социально-психологических проблем личности, главным образом в процессе

ее социализации в связи с задачами воспитания (Г. Коссаковский, Г. Розенфельд, В. Фридрих, Г. Гибш, Л. Виски).

Большое внимание уделяется разработке методов социальной психологии (В. Фридрих, М. Форверг, Г. Форверг, В. Хенниг, П. Фёрстер, Л. Виски, Г. Бём, Л. Ланге, Б. Шмидт). Материалы семинара по данной проблематике (Йена, 1974) представлены в недавно вышедшем сборнике под редакцией М. Форверга (*Beitrage zu sozial psychologischen Untersuchungsmethoden*, 1975).

Важно отметить практическую направленность ряда социально-психологических работ, изданных в ГДР, особенно в области трудовой деятельности. Например, представляет большой интерес вышедшее под редакцией К. Ладензака пособие для руководителей предприятий (*Leiter, Kollektiv, Personlichkeit*, 1972; *Руководитель—коллектив—личность*, 1974). Прикладные исследования социальных психологов ГДР осуществляются также в педагогической, медицинской, юридической, спортивной и военной сферах деятельности.

В Польше социальная психология стала разрабатываться раньше, чем в других социалистических странах. Так, еще в 1959 г. была опубликована книга С. Балея «Введение в социальную психологию» (*Baley*, 1959), представлявшая собой материалы лекций автора, которые он читал в Варшавском университете. В это же время начинают проводиться и первые эмпирические исследования, среди которых можно отметить работы С. Мики.

В начале 1960-х годов вклад в развитие теоретических основ социальной психологии в Польше внес социолог А. Малевский (*Malewski*, 1964).

В настоящий период в Польше проводятся исследования в различных областях социальной психологии. Так, вопросы социальной психологии личности изучаются исследовательскими коллективами под руководством Я. Рейковского (*Reykowski*, 1970) и К. Обуховского (Обуховский, 1972; *Obuchowski*, 1965). Социально-психологические проблемы воспитания молодежи разрабатывают И. Волошинова, А. Гурыцка, М. Жебровска, С. Ковальский, С. Мика, Г. Мушинский, З. Заборовский, А. Яновский. Различные социально-психологические аспекты трудовой деятельности изучают В. Енджицкий, С. Ковалевска, А. Сарапата. Большая исследовательская работа ведется в области методики и техники социально-психологического исследования (Я. Щепаньский, С. Новак, С. Герстман).

Заметным событием в развитии социальной психологии в Польше было опубликование учебника С. Мики «Введение в социальную психологию» (Mika, 1972) для студентов-психологов. В последние годы вышли также содержательные монографии, посвященные механизмам межличностных отношений (Е. Карыловский, З. Заборовский), психологии политической пропаганды (Л. Войтасик), стремлениям учащихся средних школ (А. Яновский), телевидению как средству распространения культуры и формирования отношений между людьми (А. Кумор), культурному развитию рабочей молодежи (З. Бокшаньский), теории мотивации применительно к управлению организациями (Я. Рейковский) и др.

Интенсивное развитие социальной психологии в Румынии начинается после 1963 г. Уже несколько лет спустя публикуется ряд книг по социально-психологической проблематике. Среди них следует отметить прежде всего монографию М. Раля и Т. Херсени «Введение в социальную психологию» (Ralea, Herseni, 1966). Позже выходит книга А. Миху, в которой критически, с марксистских позиций, рассматривается социометрия (Mihiu, 1967), а также работы Т. Херсени (Herseni, 1969), В. Попеску (Popescu, 1969) и Г. Дан-Спыною (Dan-Spînoiu, 1971), посвященные социально-психологическим вопросам индустриального труда. Эти проблемы изучают и другие исследователи (М. Злате, Л. Влэсчану, А. Табакиу, Е. Крау).

Одной из наиболее активно разрабатываемых является проблема групповой деятельности. Интересные экспериментальные данные получили здесь А. Рошка и А. Пержу-Линчану. Следует отметить также исследования межличностного взаимодействия (К. Мамали), восприятия и понимания произведений искусства (А. Катина, С. Маркус), социальной психологии автодорожного движения (В. Фрунзе), антиобщественного поведения (В. Драгомиреску).

Первые итоги развития социальной психологии в Румынии за десятилетний период были обобщены в книге П. Голу (Goly, 1974). В этой монографии рассматриваются методологические проблемы социальной психологии, ее основные сферы (межличностные взаимоотношения, психология малых и больших групп, массовые явления), а также методы социально-психологического исследования.

Социальная психология в Чехословакии начала развиваться в начале 1960-х годов. Был предпринят ряд попыток определения предмета социальной психологии, рассматривалась ее роль в познании явлений общественной жизни и их регулировании. Заметным яв-

лением в развитии социальной психологии в Чехословакии стала книга Я. Яноушека «Социальная коммуникация» (Janousek, 1968).

В эти же годы начинают проводиться прикладные социально-психологические исследования, которые достигли особенно большого размаха в сфере научной организации труда и управления предприятиями. Выходят коллективные труды под редакцией Я. Когоута, рассматривающие различные стороны социальной психологии труда.

В настоящее время можно отметить следующие наиболее характерные направления социально-психологической проблематики, разрабатываемые в Чехословакии. Это социально-психологические вопросы социализации молодежи (З. Гелус, Я. Грац, Ю. Марко, Л. Махачек, И. Сухи, И. Таксова), социальной психологии личности (З. Гелус, О. Кондаш, В. Бокорова, Я. Фишерова), коммуникативного общения (Я. Яноушек, Л. Кубична), обучения (Й. Лингарт), преступности (Т. Пардел).

Большой отряд исследователей разрабатывает социально-психологические проблемы социального планирования и управления, психологического климата, взаимоотношений в трудовых коллективах, подготовки кадров (Я. Когоут, Й. Кхол, Ф. Гиглик, Я. Коларж, Я. Кучера, И. Шипош, Т. Коларик, И. Ружичка, З. Буреш, Я. Кршивоглавы, Е. Бидлова, Я. Майвалдова, К. Ригел). Данные этих исследований приводятся в ряде крупных работ последнего десятилетия (Kohout, Ružicka, Malaniuk, 1971; Khol, 1972; Šípoš, Kollárik, 1975; Nauska a kol. 1975).

Для социальной психологии труда и управления представляют большой интерес опубликованные недавно на русском языке две книги — монография Й. Кхола (Кхол, 1975) и совместный труд советских и чехословацких ученых под руководством Г. Н. Черкасова и Я. Когоута (Социальные проблемы управления трудовыми коллективами, 1978).

Завершая этот краткий обзор развития социальной психологии в социалистических странах Европы, необходимо отметить тенденцию роста взаимосвязей между исследователями этих стран, работающими в одних направлениях. В соответствии с программой интеграции стран-членов СЭВ их взаимное сотрудничество охватывает и область социальной психологии, что проявляется в постоянном расширении обмена научной информацией между ними, проведении конференций и симпозиумов социалистических стран, организации совместных международных исследований.

Глава II

Предмет социальной психологии

§ 1. Социально-психологические явления

Предмет социальной психологии к настоящему времени очерчивается довольно четко. Центральным явлением в социальной психологии следует признать общение. Общение порождает такие феномены, как восприятие и понимание людьми друг друга; подражание, внушение, убеждение; лидерство и руководство, сплоченность и конфликтность; отношения и установки. Социальная психология рассматривает общение на разных уровнях: межличностном, институционально-личностном, официально-формализованном. Общение изучается и как специфическое явление, и как средство повышения эффективности труда и обучения. В результате общения складывается социально-психологическая структура личности, особенности малых групп и коллективов, психология более широких общностей (классов, наций и т. д.).

Общественная психология как сторона и уровень общественного сознания существует с момента возникновения человека и общества. Социальная психология как наука со своими методами, законами стала складываться в самостоятельную область знания с середины XIX в. Собственно строгой научной дисциплиной социальная психология становится в 1920-е годы по мере внедрения в нее эксперимента и математических методов. Социальная психология возникла на стыке психологии и социологии, поэтому она вбирает в себя достижения той и другой науки. Являясь преимущественно областью системы психологических наук, социальная психология обеспечивает стык между психологией и социологией, между изучением человека и общества.

Специфика и природа социально-психологических явлений может быть понята через социальную детерминацию довольно вы-

сокого уровня. На первом уровне социальное лишь корректирует природное и биологическое. Например, органические потребности (голод, жажда и т.д.), ощущения преобразуются исторически, но могут и чисто биологически функционировать (дети, найденные среди животных). На втором уровне исторические условия носят общечеловеческий, социально-демографический характер. Например, преемственность поколений, половозрастные различия и все формы психического отражения. Лишь на третьем уровне социальной детерминации — способ производства, базис, надстройка социально-экономические и политические условия становятся решающими причинами социализации личности, формирования ее ближайшего окружения и включения ее в более широкие общности. Последнее обстоятельство предопределяет методологическую основу разнообразных направлений в социальной психологии.

Зарубежная социальная психология методологически привязана к необихевиоризму, неопрейдизму, «теориям» когнитивного соглашения, транзактной теории и социометрии Советская социальная психология исходит из основ диалектического и исторического материализма. Это отнюдь не означает, что в области явлений и законов, методических приемов в различных школах социальной психологии вовсе нет точек соприкосновения.

Рассматривая социально-психологические факты, мы стремимся избежать как излишней психологизации общественных явлений, так и антипсихологизаторских тенденций, которые ведут к утрате специфики этих явлений.

Центральным звеном современной социальной психологии является ее концептуальный аппарат (основные понятия), выражающий структуру личности, малых групп и психологические состояния массовидных явлений.

Социальная психология развивает как экспериментально-теоретическая и прикладная наука. Экспериментально-теоретические исследования позволяют, например, построить диспозиционную структуру личности, идеальный уровень которой проявляется во всесторонности, гармоничности и эффективности. Корректируя основные диспозиционные структуры личности: ценностные ориентации, отношения, установки, — можно целенаправленно и активно участвовать в ее формировании и развитии. В сфере малых групп и коллективов такими основными элементами являются: цели групп, их организационная структура и динамика. Исследова-

ние и активное воздействие на эти основные элементы позволяют совершенствовать динамику и структуру малых групп и коллективов, повышать эффективность их жизнедеятельности.

Исследования и практика в области более широких общностей выводят нас на совершенствование средств массовой информации и массовидных процессов.

К явлениям социальной психологии относятся групповые социально-психологические феномены: цели, организационная структура и динамика групп и коллективов, особенности оценочных суждений группы, процессы лидерства и руководства и т. д. Существенное место среди социально-психологических явлений занимают связанные с личностью ее диспозиционная структура, отношения, ценностные ориентации, роли, восприятие и понимание людьми друг друга. Особого внимания заслуживает изучение массовидных социально-психологических явлений: классовых и национальных психологических особенностей; нравов, обычаев, привычек; подражания, внушения; психологических особенностей массы, толпы.

В социальной психологии, как и в смежных с нею науках, в силу многогранности и сложности объектов исследования выделяются явления разного уровня и характера. Так, в общей психологии это познавательные, эмоциональные, волевые явления или процессы. Можно говорить о психофизических, психофизиологических и психологических явлениях в общей психологии. В социологии обнаруживаются явления, которые присущи всем формациям (различные общности), некоторым формациям (классы), одной формации (например, рабовладение). Некоторые исследователи различают социологию высокого уровня обобщения (исторический материализм), социологию среднего уровня (частные теории) и социологию эмпирического уровня (конкретно-социологические исследования), которые имеют дело с различными по своему уровню социальными явлениями. Подобно этому и мир социально-психологических феноменов весьма богат и разнообразен ввиду сложности предмета и объекта исследования. К этому миру относятся явления, которые обнаруживаются и коллективной и групповой жизни и деятельности; явления, связанные с массовидными процессами; явления, выступающие на личностном уровне.

При всем разнообразии социально-психологических явлений основным источником их возникновения является сфера общения между людьми. Так, восприятие и понимание людьми друг друга происходит через общение. По известному высказыванию К. Маркса, «лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» (Маркс, Энгельс, т. 23, с. 62). Все средства и способы коммуникации (речь, выразительные движения и пр.) обязаны своим происхождением общению. Подражание, внушение, усвоение привычек, обрядов, традиций невозможны без общения. Следовательно, основой и источником всех социально-психологических явлений оказывается процесс общения между людьми. Для понимания природы социально-психологических явлений, их специфики процесс общения нужно брать в самом универсальном и общем виде. Известно, что К. Маркс и В. И. Ленин, создавая научную социологию, объясняли действия и помыслы личности отношениями социальных групп, классов, производственными отношениями и тем самым в бесконечном хаосе связей и взаимодействий раскрыли наиболее глубокие, повторяющиеся закономерности в общественных отношениях (Ленин, т. 1, с. 423–424). Это отнюдь не означало и не значит, что непосредственные личные и все другие отношения и формы общения между людьми для К. Маркса и В. И. Ленина не существовали и не заслуживали внимания и изучения. Так, К. Маркс говорил, что уровень человечности в человеке можно определить по характеру отношения мужчины к женщине, определяя его как «непосредственное, естественное, родовое отношение» (Маркс, Энгельс, 1965, с. 581). Хорошо известно, что классики марксизма-ленинизма выделяли как особые формы общения непосредственное общение (например, общение крестьян на рынке) и объективные закономерности, которые складываются при этом независимо от сознания общающихся (Ленин, т. 18, с. 343, 345).

Таким образом, классики марксизма-ленинизма всегда различали подход к человеку, его отношения со стороны экономической, политической, идеологической и с точки зрения непосредственных, человеческих психологических, личностных отношений и качеств (Ленин, т. 24, с. 362–364). Острая потребность в социальной психологии как науке и возникает из необходимости изучения непосредственных, психологических способов, форм и средств общения между людьми.

Очень много недоразумений, упреков во вторжении социальных психологов в сферу социологии происходит в значительной мере

из-за того, что в сфере общения смешиваются личные, непосредственные, психологические отношения людей с общественными материальными и идеологическими отношениями, которые составляют предмет исследования исторического материализма и социологии. А между тем именно в этом различии как раз и заключена специфика социальной психологии, ее отличие и вместе с тем связь с социологией.

В действительности — и классики марксизма-ленинизма постоянно это подчеркивали — чрезвычайно важно различать индивидуальную, частную, личную, непосредственную жизнь, деятельность в сфере личного хозяйствования, семейной жизни, воспитания, частного труда от тех объективных законов и общественных отношений, которые при этом складываются помимо воли и сознания людей. Достаточно вспомнить рассуждения К. Маркса о товарном фетишизме, многие положения В. И. Ленина о сознании вообще и общественном сознании в частности. Поэтому для каждого человека действительность в сознании и общении предстает двояко, или двойственно. Для выделения предмета социальной психологии понимание этой двойственности составляет суть. С одной стороны, действительность — это непосредственное воздействие природы на человека и непосредственные его контакты (общение) с другими людьми. Это для каждого есть непосредственно видимая, понимаемая, сознаваемая совместная деятельность с другими людьми. Кстати, психология и социальная психология этой непосредственной действительностью и занимаются. Но, с другой стороны, из бесконечного многообразия непосредственных контактов людей, из встречи массы частных производителей при обмене товаров складывается особый общественный характер их труда: «Так как производители, — писал К. Маркс, — вступают в общественный контакт между собой лишь путем обмена продуктов своего труда, то и специфический общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена. Другими словами, частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве между самими производителями. Поэтому последним, т. е. производителям, общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют на самом деле, т. е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей» (Маркс, Энгельс, т. 23, с. 82–83).

К. Маркс за вещной оболочкой вскрыл существо наиболее глубоких общественных отношений между людьми, обнаружил тайну товарного фетишизма. В этом положении К. Маркса раскрыто существо двойственного характера общественных отношений. С одной стороны, это непосредственные общественные отношения самих лиц в труде (в частном, конкретном, реальном труде). Эти непосредственные общественные отношения и составляют основу общения, анализом которого занимается социальная психология. Однако сквозь непосредственные отношения всегда просвечивают, всегда их обуславливают более глубокие общественные отношения. Для социальной психологии общение включает в себя и непосредственные общественные взаимоотношения между лицами, и опосредованные общественные связи. Однако отличие социальной психологии от социологии и других общественных наук состоит в том, что акцент ставится на непосредственные формы общения, в то время как для социологии более значимыми являются глубокие общественные отношения. Это различие кардинально, так как на социально-психологическом уровне общения, в непосредственном общении проступают разнообразные факторы: глубокие социально опосредованные общественные отношения (значение социально-экономического статуса при выборе партнеров, групп; превращение интимных человеческих отношений в куплю-продажу при капитализме); возрастные, половые и другие демографические факторы, которые, хотя и в преобразованной форме, но существенно влияют на непосредственное общение. Следовательно, на уровне социально-психологического общения опосредованные, глубокие общественные связи, хотя и являются ведущими, но отнюдь не единственными.

Общественные отношения в социологическом и политэкономическом смысле непосредственно нельзя увидеть и наблюдать. Здесь нужна была сила абстракции и глубина мысли К. Маркса, чтобы за хаосом частных, непосредственных общественных отношений увидеть закономерности, систему материальных и идеологических общественных отношений, раскрыть структуру общественно-экономической формации. В то же время отношения и взаимоотношения в социально-психологическом смысле можно наблюдать невооруженным глазом, посредством фотокиноаппаратуры, звукозаписи, что постоянно и происходит в эмпирических исследованиях. Это, конечно, не означает, что все социально-психологические явления лежат как бы в плоскости только непосредственно данного, на по-

верхности, что они оторваны от опосредованных общественных и естественных связей. Наоборот, природные и особенно глубокие общественные связи проявляются в сфере непосредственного, межличностного общения.

М. Я. Ковальзон и Д. М. Угринович правы, утверждая: «Каждая малая группа (коллектив) должна в ходе социально-психологического анализа рассматриваться не как самодовлеющая единица, не как основная ячейка общественной жизни, а как часть, элемент объективной социальной общности людей...» (Ковальзон, Угринович, 1966, с. 23) Это положение верно не только для коллективов, но и для любой разновидности непосредственного общения. Однако М. Я. Ковальзон и Д. М. Угринович его несколько абсолютизируют. Они пишут: «Главной задачей социальной психологии как специфической науки является, на наш взгляд, изучение обыденного сознания устойчивых социальных общностей (класс, социальные слои и группы), различия между которыми определяются объективными условиями их жизни, их местом в системе определенных экономических отношений, их ролью в общественной организации труда и т. п.» (там же). Если только подобные задачи будут главными для социальной психологии, то социальная психология может потерять свою специфику, стать социологической дисциплиной. В социальной психологии существуют две главные опасности: 1) подобно буржуазным социальным психологам непосредственное общение, взаимодействие между людьми превратить в абсолютизм, первооснову, оторвав их от глубоких, объективных, основных общественных связей (против этого правильно предостерегают М. Я. Ковальзон и Д. М. Угринович); 2) социально-психологические явления всегда и обязательно замыкать на классах, экономических и других глубоких и основных общественных, опосредованных связях.

Социально-психологические явления возникают как отражение (познание, переживание и освоение) различных форм общения, которые зависят от очень многих факторов. Все факторы общения можно было бы отнести к микро- и макроусловиям, к непосредственным и опосредованным влияниям, к единству формы и содержания. Однако совершенно очевидно, что все социально-психологические черты каждый из нас приобретает прежде всего через свой личный опыт общения, через непосредственный контакт в микросреде (семья, школа, улица, производство). Только те события, люди, произведения искусства, факты науки становятся подлин-

ным достоянием индивида, которые глубоко коснулись его опыта, вошли в сферу его непосредственного общения. Все то, что минует микросреду: личный опыт, установки личности, не становится социально-психологическим явлением, фактом. Однако этим не исчерпывается природа социально-психологических явлений. Через микросреду, через непосредственное общение и контакты каждый из нас общается со всем миром, познает его и испытывает воздействие макросреды и опосредованных влияний. Макросреда, опосредованные влияния есть не что иное, как господствующая система общества со своей наукой, идеологией и культурой, общественными нормами и предписаниями. Грань, на которой взаимодействуют микро- и макросреда, есть не что иное, как группа, коллектив, где протекает жизнь каждого из нас (семья, приятели, школа, производство). Через микросреду и ее особенности каждый из нас осваивает своеобразно и специфически макросреду — опыт и знания предшествующих людей и современного поколения. Следовательно, этот процесс взаимодействия идет не прямо от общества к индивиду, а всякий раз через непосредственный круг общения, через приобретенный индивидом опыт. Изучение того, как это преломление, преобразование социальных явлений происходит через опыт человека, его микросреду, составляет основу социальной психологии. Если бы микросреда и непосредственные контакты людей не влияли на общесоциальные воздействия, не опосредовали бы их, то и социальная психология была бы не нужна. Без микросредовой призмы ничто не проникает в сознание человека из макросреды. Для социально-психологической науки существенным является механизм отражения и усвоения всех возможных влияний сквозь призму непосредственных форм общения, через микросреду (семья, школа, приятели, производство). Как показывают многочисленные отечественные исследования, большинство учащихся указывает на родителей, учителей, приятелей как на основной источник нравственных влияний. Влияние микросреды прослеживается в самых различных направлениях. Исследователи отмечают большую приживаемость к новому месту тех мигрантов, которые изменили местожительство целой группой, коллективом. Выбор супруга, как известно, также совершается чаще всего через микросреду (на семейных вечеринках, по месту учебы, работы, в результате знакомства с детства и т. п.) (см., например: Зайцев, 1965; Зацепин, 1975; Коломинский, 1979; Селиванов, 1968).

Особенно существенно микросреда влияет на детей, формируя их установки, ценностные ориентации и их членские и референтные группы. В неблагополучных семьях вырастают озлобленные, с болезненной восприимчивостью дети, морально неустойчивые перед лицом сложных ситуаций. Многочисленные криминологические исследования доказывают решающую роль микросреды в формировании подростка-правонарушителя. В среднем более 50% правонарушений совершают подростки из неблагополучных семей. Безотцовщина, чрезмерная занятость обоих родителей, систематические ссоры, пьянство — вот часто непосредственные причины преступности подростков. По данным Н. С. Мансурова, больше всего подростки совершают преступлений под влиянием нездоровых неофициальных группировок (Мансуров, 1965). Сама атмосфера и стиль взаимоотношений в этих группировках сказываются на особенностях поведения подростков. Так, учащиеся ПТУ более самостоятельны в поведении и в оценке явлений, чем учащиеся средних школ, а учащиеся школ-интернатов больше прислушиваются к мнению старших, воспитателей, чем их сверстники из других учебных заведений.

По многим зарубежным данным, сообщения через различные каналы средств массовой коммуникации достигают до сознания людей, либо пробиваясь сквозь личные установки слушателей, либо через непосредственный и личный контакт с теми, кто лично знакомился с сообщениями (The science of human communication, 1963). Чаше всего достоверность сообщения имеет меньше значения, чем установка слушателя.

Следовательно, роль, место и значение микроусловий, непосредственной среды и контактов в социально-психологической сфере трудно переоценить. Причем влияние микросреды нужно понимать не только буквально и непосредственно — как реальный контакт, но и как отложившиеся или сложившиеся установки личности, которые каждый раз опосредуют любые внешние влияния и воздействия. Поэтому социально-психологические явления всегда нужно представлять как единство микро- и макроусловий. Поэтому в установках личности, в групповых процессах всегда можно выявить то, что идет от микроусловий, что определяется преимущественно макроусловиями, а что — теми и другими. Преувеличение одной из этих сторон социально-психологических явлений приводит к серьезным ошибкам. Отрыв микроусловий от макроусловий ведет к идеализму, который характерен для современной зарубежной социальной психологии.

Сведение социально-психологических явлений к макроусловиям, чем порой грешат некоторые социологи, ведет к отмене социальной психологии и к растворению ее в социологии.

Как в общей психологии действительность отражается сквозь призму внутренних и специфических законов субъекта, так в социальной психологии явления общественной жизни отражаются через особенности непосредственного общения, через микросреду, через установки различных групп и личностей.

Даже классовые и национальные социально-психологические особенности всякий раз формируются своеобразно через микрогруппы (семья, школа, производство, общественные организации), через сходство или различие их общественного положения, теологических воздействий на них, их практической борьбы. Так, например, значительный рост моральных стимулов трудовой деятельности становится все более характерной социально-психологической чертой советского рабочего (см.: Чугунова, 1966; Ядов, 1967; и др.). В нашем исследовании показано, что уровень моральной стимуляции существенно зависит от характера непосредственных отношений между рабочими в бригадах (Кузьмин, Голубева, 1965, с. 389—410). Положение о значительной роли микрогруппы, микроколлектива в формировании социально-психологических особенностей по существу ни у кого не вызывает сомнения. Задача социальной психологии заключается в раскрытии внутренних механизмов и законов непосредственного общения людей, сквозь призму которых воздействуют опосредованные влияния, макроусловия.

В исследованиях лаборатории социальной психологии (И. П. Волков, Н. Н. Обозов) показано, что успешность решения производственной, экспериментальной задачи зависит от структуры конкретных взаимоотношений испытуемых, от согласованности их действий. А. А. Русалинова показала, что выполнение производственной и учебной программ в профессионально-технических училищах существенно зависит от характера и уровня непосредственных отношений между мастером и учащимися.

В исследованиях А. А. Бодалева, В. Н. Куницыной, В. Н. Панфорова глубоко раскрыты конкретные механизмы и законы восприятия людьми друг друга (непосредственное общение), сквозь которые просвечивают профессиональные и другие социальные различия (опосредованные условия). Многочисленные исследования А. В. Петровского и его учеников по коллективистскому самоопределению,

ценностному ориентационному единству и определяющему деятельностному характеру групп и коллективов раскрывают диалектику связи непосредственных и опосредованных отношений (см., например: Петровский, 1973; Стратометрическая концепция интрагрупповой активности в коллективах, 1975).

Совершенно очевидно, что во взаимоотношениях микро- и макроусловий, непосредственных и опосредованных влияний решающее значение имеют макроусловия и опосредованные влияния. Однако специфика микро- и непосредственной сфер общения накладывают свой узор, определяют конкретную инструментовку и механизм формирования социально-психологических явлений на уровне личности и малых групп. Без них мы не овладеем механизмами формирования социально ценных психологических качеств личности и многих процессов в группах и коллективах.

Психологические явления в толпе, в аудитории, в сфере массовой коммуникации также являются результатом взаимодействия непосредственных и опосредованных воздействий. Все перечисленные массовидные явления могут быть рассмотрены с политической, идеологической, экономической и социально-психологической точек зрения. Для идеологического работника важен политический уровень, содержание и направленность всех перечисленных явлений и то, на какой экономической и политической почве они возникают.

Для социального психолога важно установить, в какой мере сознание личности, группы и непосредственные формы общения и коммуникации людей изменяются под действием толпы, массовых зрелищ, средств коммуникаций, слухов и пр. Эти массовые явления вновь выступают как макроусловия, которые воздействуют на личность только через ее установки, через особенности ее микросреды. Один человек или группа полностью конформны, подавлены сильным воздействием толпы, зрелища, легко поддаются панике, другие, напротив, сохраняют высокий уровень организации и сознания. Это социально-психологические различия.

Для явлений паники эту сторону дела глубоко и всесторонне проанализировал А. С. Прангишвили (Прангишвили, 1967, с. 274–278). Он убедительно раскрыл роль установок личности и групп в возникновении, течении и характере панических состояний. Оказывается, характер реагирования на паническую ситуацию (макроусловия) существенно зависит от установок личности, от организованности и сознательности групп, составляющих массу, охваченную паникой.

Социальная психология располагает многими другими примерами большого разнообразия преломления массовидных явлений через личность и группы. Так, опыты со скрытой фотокиносъемкой убедительно свидетельствуют о дифференцированном характере реагирования зрителей в концертном зале и при других зрелищах.

Установлено, что примерно 30–35% содержания сообщений по каналам массовой коммуникации идет через личные контакты. Во всех случаях потоки любой информации не могут миновать установок личности, которые являются своеобразным фильтром для отбора макроматериала. Интересно отметить, что эффективность различных каналов массовой коммуникации зависит часто от установившегося характера взаимоотношений в малых группах и коллективах. Действие прессы, радио эффективней в школе-интернате, чем в обычной школе (Мансуров, 1965). Быстрота и эффективность распространения всякого рода слухов пропорциональна важности содержания сообщения для индивидов и групп и их информированности (см.: *The science of human communication*, 1963). Следовательно, микроусловия столь же существенны при анализе массовидных явлений, сколь и макроусловия.

Массовидные явления, подобные состоянию паники, распространению всякого рода слухов, представлялись диффузными, стихийными, преимущественно бессознательными силами лишь на заре социальной психологии. Достаточно вспомнить характеристику психологии толпы, которую давали Г. Тард, Г. Лебон, С. Сигеле, Н. Михайловский и др. В действительности даже в самых критических ситуациях толпа никогда не бывает аморфна, однолика, диффузна и примитивна. Это впервые глубоко поняли и убедительно теоретически и практически доказали классики марксизма-ленинизма. Свидетельством возможностей социальной психологии в сфере массовидных явлений могут служить исследования советских ученых в последние годы (см., например: *Научные основы политической работы в массах*, 1972; *Роль социально-психологических факторов в повышении эффективности партийного образования*, 1974; *Социальная психология*, с. 117–154, 168–196, 281–312).

§2. Законы социальной психологии

Социальная психология призвана не только описать явления, но и раскрыть законы, которые лежат в их основе. Законы социальной пси-

хологии выражают устойчивую и необходимую связь, повторяемость явлений на уровне личности, малых групп и более широких общностей. Так, социально-психологическое явление внушения широко распространено в общественной жизни (Куликов, 1965, с. 322–345). Как показали наши опыты со студентами различных курсов исторического и философского факультетов, в рабочих аудиториях (1961–1964) внушаемость значительно возрастает по мере увеличения групп. Эта особенность повышения внушаемости в группах отмечают и психиатры (Бехтерев, 1908). Можно утверждать, что существенный сдвиг внушаемости в зависимости от увеличения числа людей в группе, очевидно, выражает закономерность, т. е. устойчивую связь между ростом внушаемости и объемом группы.

Далее, конформизм — широко распространенное явление, которое выражается в давлении группового мнения на личность. Однако в экспериментальных ситуациях проявления конформизма зависят от количества участников, их возраста, пола и профессии (Сопиков, 1966; и др.). Это уже существенные закономерные особенности проявления конформизма.

Восприятие и понимание людьми друг друга — достаточно подробно изученное социально-психологическое явление. Зависимость восприятия человека человеком от возраста, профессии, образования, от отношений между ними перерастает в закономерность (Бодалев, 1965; и др.). Инерция первого впечатления, влияние гало-эффекта (репутации) на восприятие — это устойчивые зависимости или законы.

Общественное настроение, его необыкновенная подвижность, заразительность носят закономерный характер (Парыгин, 1966).

Во взаимоотношениях людей, в явлениях социальной психологии могут проявляться особенности и законы общепсихологического порядка. Так, особенности темперамента, подвижность или инертность нервной системы сказываются на особенностях общительности. У подвижных наблюдается более широкий круг общения, большая активность и выразительность в процессе общения, легкость в установлении знакомств и т. п. У инертных наблюдаются противоположные особенности общения (Ильина, 1965).

Известно, что все психические процессы, состояния и свойства имеют закономерные изменения в зависимости от того, работает ли человек в изолированных условиях или в условиях группы. Особенно заметны изменения в эмоционально-волевой сфере.

С другой стороны, общественные явления и установления существенно определяют социально-психологические особенности. Так, например, нормы морального кодекса строителя коммунизма становятся ведущими чертами облика личности передовых советских людей, проявляются в их общении друг с другом. Замена старых обрядов новыми (например, венчание — торжественной регистрацией брака) из сферы идеологической работы перемещается в социально-психологические обычаи многих советских людей (Попов, 1965). Вообще всякая господствующая общественная и идеологическая система закрепляется и в сфере социально-психологических особенностей людей, и в формах их непосредственного общения, т. е. опосредуется через микросреду.

Социально-психологические явления и законы обнаруживаются в историческом и онтогенетическом развитии человека, в процессах его труда, общения и познания.

Историческое и онтогенетическое действие явлений и законов социальной психологии имеет много общего и обладает своей спецификой. Общее в историческом и онтогенетическом действии явлений и законов социальной психологии заключается в решающей и определяющей роли макроусловий, общественно-трудовой деятельности людей. Как в истории, так и в онтогенезе непосредственный процесс общения между людьми предопределен многими опосредующими факторами: всей системой общественно-экономической и идеологической жизни страны, уровнем развития культуры и науки, развитием средств массовой коммуникации. Как в истории, так и в онтогенезе действуют в основном одни и те же социально-психологические формы, способы и средства общения: речь, различные выразительные движения, подражание, внушение, убеждение. Эти социально-психологические формы изменяются в истории и в онтогенезе по степени, по своему содержанию и по их роли и месту в процессе общения.

Так, например, установлено, что на первых ступенях социоантропогенеза и онтогенеза подражание в процессе общения играет значительно более заметную роль, чем в последующей истории и в более зрелом возрасте. Не вызывает сомнения значительно большее влияние внушения и авторитетов в ранние исторические периоды развития человечества и в более молодом возрасте. Не случайно представители древних религий пользовались внушением как средством усиления религиозного фанатизма. В Средние века отмечены массо-

вые психические эпидемии истероидного характера, которые были вызваны благодаря распространению болезненных явлений с одного субъекта на окружающих и исключительной силе и заразительности массовых психических вспышек, которые вряд ли возможны среди современных цивилизованных рационально мыслящих людей.

Психиатры и психологи единодушны в признании большей внушаемости детей и подростков по сравнению со взрослыми людьми.

Примерно общий характер имеет процесс освоения обычаев, обрядов, нравов, привычек и законов в социально-психологическом смысле в истории и в онтогенезе. Все они требуют длительного воздействия и усваиваются в готовом, отработанном другими виде, характеризуются разным уровнем группового давления. Переходя от обычаев к нравам и законам, мы испытываем все большее групповое воздействие, которое может опираться на авторитет родителей, старших учителей или представителей власти. Последствия нарушения обычаев, нравов и законов являются средством своеобразной обратной связи, которая закрепляет соответствующие социально-психологические нормы в истории и в онтогенезе.

Хотя и в истории, и в онтогенезе макроусловия определяют собой характер непосредственного общения и все те нормы, взгляды, установки, которые складываются у личности, однако это воздействие само собой, самоотечком, стихийно никогда не происходило. Уже в самый ранний период детства человек попадает в сложившуюся и привычную систему обучения и воспитания в широком смысле слова. Поэтому для социальной психологии всегда важно подчеркивать, что макроусловия, опосредованные отношения прорываются в сознание индивида и в его непосредственное общение только через посредство других людей: родителей, родственников, старших товарищей, учителей, воспитателей, идеологов. Ни речевого уровня общения, ни выразительных движений, ни определенных привычек, нравов, обычаев, социальных установок ни у кого из нас не может быть выработано без посредства и помощи других людей. Дело не изменяется и от того, что человек может индивидуально прикасаться к произведениям искусства, к созданиям науки и т.д., т.е. вступать без посредников в глубокие опосредованные связи. Однако в подобные связи и отношения может вступить только общественный, подготовленный, сформированный человек, который овладел речью, другими способами и средствами общения, уже имеет определен-

ные социальные установки. Словом, как писал К. Маркс, «индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими проявления жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни» (Маркс, Энгельс, 1965, с. 590).

При всей общности функционирования социально-психологических явлений и законов в истории и онтогенезе существуют и важные различия. Так, если в истории основой и источником всего является в конечном счете общественно-трудовая деятельность, в которую первоначально вплетены и познание, и общение, и учебная деятельность, и элементы игры, как это доказал Б. Г. Ананьев, то в ходе онтогенетического развития последовательность и значимость видов деятельности изменяется. В детстве ведущее значение имеет игра, затем учение, которое завершается переходом к труду. В игре ребенок готовится к учению и труду, осваивает через игровую форму способы и средства общения и познания. При чем труд в этом процессе может играть какую-либо роль (ребенка приучают к домашнему труду) либо косвенно отражаться в характере игры (строят домики, шьют одежду куклам и т. д.), либо совсем отсутствовать (излишняя и порочная опека детей в семье). Весьма существенно в процессе игры не только расширять формы общения детей, но и углублять их знания. Основные стороны человеческой деятельности: труд, познание и общение должны органически переплетаться не только в процессе игры, но и в процессе учения и самой трудовой деятельности.

Социально-психологические явления и законы замыкаются в непосредственном кругу друзей и товарищей, родственников, в первичных группах, в которых чаще всего закладываются фундаментальные основы личности, ее нормы, ценности и установки. Разумеется, и в данном случае система общества, макроусловия оказывают свое влияние через перечисленных посредников. Другую картину мы наблюдаем в плане исторического развития общества. Здесь макроусловия, опосредованные связи, глубокие общественные отношения материального и идеологического характера целиком и полностью определяют и непосредственные связи, и отношения. Понятно, конечно, что эти различия относительны. Вместе с тем они существуют, поэтому следует всегда видеть единство и различие в историческом и онтогенетическом функционировании социально-психологических явлений и законов. Следовательно, социально-психологические

законы имеют свою специфику и зависят от социологических, исторических и общепсихологических законов.

В функционировании социально-психологических явлений и законов следует различать процессы реального общения, способы, формы коммуникаций и познания людьми друг друга от того оптимального научного уровня, который может быть результатом научного исследования или итогом многовекового опыта общения между людьми.

С одной стороны, многовековой опыт человека, его речь и язык, различные формы искусства, непосредственный контакт с людьми — все это обучает психологии и социальной психологии на уровне «здорового смысла», позволяет понять человека с полуслова, по его физическому облику, внешнему оформлению, по выразительным движениям и поступкам. В этом смысле хороший психолог здравого смысла может иногда значительно эффективнее понимать людей и общаться с ними. Вероятно, в повседневной, житейской практике таким «бытовым» уровнем социальной психологии можно ограничиться. Тем более, что через всю систему обучения, воспитания и через практику общения до нас стихийно доходят социально-психологические требования и нормы.

Однако, когда перед нами встают такие важнейшие проблемы, как подбор групп для оптимального решения тех или иных задач, повышение эффективности работы с группами и коллективами на производстве, в учебных заведениях, подлинная гуманизация и нормализация человеческих отношений во всех сферах жизни, повышение эффективности средств массовой коммуникации и многие другие — во всех этих случаях здравого смысла недостаточно. В этих условиях требуется всемерное и всестороннее развертывание социально-психологических исследований.

Социальная психология находится на стыке психологии и социологии. Одной группой изучаемых явлений социальная психология тяготеет к общей психологии: коммуникативная особенность речи, выразительные средства общения, восприятие и понимание людьми друг друга. Но другая группа социально-психологических особенностей тяготеет к социологическим явлениям: классовый и национальный типы сознания, нормы, обычаи, роль, ценности и установки личности. Наконец, есть группы социально-психологических явлений вполне своеобразных: оценочные суждения в группе, структура и динамика групп, конформизм и др. Таким образом,

круг явлений и законов, изучаемых социальной психологией, вырисовывается довольно определенно. Это те явления и законы, которые возникают из связи человека и его сознания с обществом и преломляются через непосредственное общение человека с человеком. Эти закономерности проявляются на уровне личности, малых групп и коллективов, в массовидных процессах. Они имеют свою специфичность и существенно зависят от общесоциологических и общепсихологических законов.

§3. Связь социальной психологии с другими психологическими науками

Социальная психология исторически возникла из общей психологии, является результатом ее многовекового развития. Начиная с В. Вундта, многие ученые считали, что психология как система может быть создана на путях объединения индивидуальной и коллективной психологии. Другое дело, что это объединение было эклектическим и происходило на идеалистической основе. Сама же тенденция построения системы психологии с охватом сложных психических явлений, которые возникают на основе контактов между людьми, совершенно правильна и не вызывает сомнений. Социальная психология может рассматриваться как одна из областей, ветвей системы психологических наук. Многие методы и приемы социально-психологического исследования позаимствованы из общей психологии, правда, в несколько измененном виде (наблюдение, эксперимент, опросы и др.). Некоторые социально-психологические явления будут глубже поняты на основе общепсихологических законов. Так, например, общепсихологическими ассоциативными законами смежности и контрастности можно объяснить некоторые явления в массовой коммуникации, рекламе, моде. Особенности характера человека можно объяснить его затруднения в общении. Сдвиги в психических процессах человека в условиях непосредственного контакта и взаимодействия людей могут быть поняты только в соответствии с показателями и данными из области общей психологии (пороги чувствительности, объем и устойчивость восприятия и внимания, особенности решения мыслительных задач и мн. др.). Социальная психология опирается на психологию так же, как последняя — на физиологию.

Отличие социальной психологии от общей заключается в том, что ее основу составляют психологические явления, которые возни-

кают лишь в общении и через общение людей, основное внимание общей психологии сосредоточено на законах внутренней, отражающей деятельности субъекта. Это различие весьма относительно и не может быть абсолютизировано. Дело в том, что в советской общей психологии давно и убедительно доказано, что все психические явления от самых элементарных (ощущения) до самых сложных (например, характер) социально обусловлены. Психика человека социальна в том общечеловеческом смысле, что ни ощущения, ни восприятия, ни любые другие психические явления не могут быть поняты и объяснены без анализа социально-исторической, общественно-трудовой обусловленности всех психических процессов и свойств человека. К. Маркс отмечал, что пять органов чувств человека являются продуктом истории, что человеческий глаз и ухо определены, обусловлены в своей сущности историей развития их предмета (там же, с. 592—595) (орудия труда, живопись, музыка). На этом основании некоторые теоретики сделали неправильный вывод: раз наша общая психология учитывает социальность человеческой психики, то зачем специальная дисциплина — социальная психология? Однако дифференциация социальной психологии от общей необходима по ряду соображений.

Общая психология имеет дело с отношением человека и объекта в самом общем виде. Под объектом подразумеваются природа, вещи, созданные рукой человека, сам человек и все его творения. В общей психологии изучается, как человек познает и преобразует мир, насколько сложен внутренний механизм приема, переработки и выдачи информации. Многие из этих законов раскрыты, особенно на уровне чувственного отражения. Большинство из них носит родовой, общечеловеческий характер.

Социальная же психология является итогом развития определенной стороны общей психологии, в которой фиксируются прежде всего результаты общения людей друг с другом. В свое время В. А. Артемов (1929), понимая трудности в установлении сходства и различия между психологией и социальной психологией, писал, что у нас будет единая социальная психология индивида и коллектива, т. е. общая и социальная психология. Верно, что и явления общей психологии, и явления социальной психологии социально обусловлены, исторически детерминированы. Однако социальная обусловленность социально-психологических явлений носит более конкретный, более явственный и более сложный характер, так как они за-

висят от микросреды, от непосредственного контакта между людьми и на них существенно влияет макросреда (все элементы социальной структуры общества).

При анализе законов общей психологии мы рассматриваем отношения внутренних элементов психики. При этом анализ природы физического, химического или социального раздражителей, которые вызывают психические процессы, имеет лишь второстепенный характер. Природа же социально-психологических явлений и законов может быть раскрыта только через обращение к социальному контакту, к общению человека с человеком и характеру этого общения. Так, например, сдвиги в психологических процессах в группах зависят от количества участников (объем группы), от уровня общения. В тесно сплоченных группах явления конформизма более резко выражены, чем в конфликтующих группах. Следовательно, в социально-психологических исследованиях имеет значение не только природа психических явлений (конформизм, групповое мнение), но и социальные условия общения.

В общей психологии процессы, состояния, психические образования рассматриваются сами по себе как операции, формы отражения, по своей внутренней структуре. В социальной психологии психические процессы, состояния, психические образования наполняются конкретно-историческим содержанием, когда мы их рассматриваем не только как формы отражения, как операции, но и как мир положений, отношений конкретно-исторического человека, носителя специфических социально-исторических качеств.

Социальная психология — это область психологии, призванная изучать те психические явления и законы, которые возникают как результат общения людей друг с другом. Сам термин «социальная психология», образованный из двух терминов, отражает смысл науки — связь психологии человека с обществом. Социальная психология изучает те психологические изменения, которые зависят от социальных условий. Как в психических процессах (ощущения, восприятия) природа раздражителей отражается в субъективных образах, особенности которых и изучает психология, так и в социально-психологических явлениях социальные условия преломляются сквозь особенности микросреды, групповых мнений, норм и т. д. Социальных психологов интересуют не сами по себе социальные условия, как психологов не интересует сама по себе физическая природа раздражителя, а то, как все это преломляется через своеоб-

разие психики и групповых явлений. Так, например, переход к работе на один общий наряд в производственных бригадах (социальные условия) способствует сплочиванию людей, развитию общественных навыков в работе, сближает неформальные группировки с официальной структурой, но, с другой стороны, при наличии в бригадах группировок или индивидов с отсталыми настроениями эти же самые социальные изменения могут породить иждивенческие настроения, желание поживиться за чужой счет. Следовательно, социальные условия действуют не прямо и не всё собой определяют, а преломляются через данные социально-психологические особенности группы и личности. Однако понятно, что основной причиной всех социально-психологических изменений являются в конечном счете социальные условия.

Связь социальной психологии с общей психологией двухсторонняя. Не только общепсихологические законы и явления отражаются в социально-психологических процессах, но и обратно, социально-психологические явления и законы углубляют наши знания об общепсихологических процессах. Индивидуальные особенности психических процессов (познавательных, эмоциональных, волевых) и свойств (темперамента, характера) наиболее полно и адекватно раскрываются лишь в условиях групповой, коллективной деятельности. Эти сдвиги и изменения психических процессов и свойств в условиях групповой деятельности экспериментально доказаны (В. М. Бехтерев, Ф. Олпорт, В. Мёде, Ф. Д. Горбов и др.). Так что явления и законы социальной психологии являются как бы необходимым завершением системы психологической науки.

Социальная психология связана в разной степени с другими областями психологии. Как мы видели, самая прочная, исторически первая и двухсторонняя связь у социальной психологии есть с общей психологией.

Весьма продолжительная связь существует между социальной психологией и зоопсихологией. Правда, социал-дарвинисты, биологизаторы различных направлений значительно подорвали престиж и значимость зоопсихологии для социальной психологии. Это отнюдь не означает, что изучение стадной жизни животных, сложной иерархии взаимоотношений в мире животных, наличие своеобразных биологических форм коммуникаций бесполезно для социальных психологов. Наоборот, как филогенез отражательной, познавательной деятельности животных подготовил биологичес-

кие предпосылки для возникновения человеческого сознания, так и филогенез стадной жизни животных подготовил биологические предпосылки для возникновения человеческих форм общения, социально-психологических явлений. Кроме того, на уровне человеческого общения не перестают действовать многие психобиологические законы и силы, хотя и в преобразованном виде (инстинкты, механизмы подражания, внушения, многие выразительные движения, скрытые биологические формы коммуникации и т. п.). Поэтому, если мы хотим глубоко овладеть всеми факторами и условиями общения между людьми, мы самым серьезным образом должны изучать филогенетические предпосылки подлинно человеческого общения.

Самая тесная и двухсторонняя связь у социальной психологии есть с детской, педагогической и возрастной психологией. Проблемы социализации, овладение основным орудием коммуникации — речью, теснейшая связь вопросов общения, познания и труда в онтогенетическом плане — вот тот круг исследований, который так сближает эти дисциплины.

Значительное развитие в последнее время в области социальной психологии получила проблематика, связывающая ее теснейшим образом с психологией труда и инженерной психологией. В настоящее время доказано, что подлинная научная организация труда, решение проблем социального планирования на промышленных предприятиях невозможны без создания нормальной психологической атмосферы во взаимоотношениях между людьми по горизонтали и по вертикали, по официальным и неофициальным каналам.

В последние годы сформировались плодотворные связи социальной психологии с медицинской, космической, военной, спортивной психологией. Эти связи взаимно усиливают позиции социальной и других областей психологии.

Групповая психотерапия, место и роль конфликтных ситуаций общения в клинике неврозов, различного рода фрустрации как следствие плохой адаптации и социомобильности — вот проблемы, связывающие медицинскую психологию с социальной.

Известно, что современные достижения в космосе, в военном деле, в спорте немыслимы без четких согласованных действий различных по своему составу, уровню и задачам групп. Поэтому вряд ли возможны значительные успехи в перечисленных областях психологии без развертывания всесторонних исследований социальной

психологии малых групп и коллективов. В итоге можно сказать, что как развитие исследований по собственной проблематике социальной психологии, так и смежные, стыковые области с другими психологическими дисциплинами составляют плодотворную основу развития нашей социально-психологической науки.

§4. Социальная психология и социология

Марксистская социология наряду с общей психологией является теоретической и методологической основой советской социальной психологии. Это означает, что природа любого социально-психологического явления, закона будет искажена, не понята, если вырвать их из господствующей системы общественной жизни. Многие философы и социологи полагают, что явления общественной психологии составляют одну из специфических форм отражения общественного бытия наряду с другими формами общественного сознания (А. В. Баранов, Л. И. Горячева, В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон, В. П. Рожин, Д. М. Угринович, В. А. Ядов). Сближая общественную психологию людей с другими формами общественного сознания, философы видят их различия в уровне и характере отражений общественного бытия. Подчеркивается стихийный характер формирования общественной психологии, ее более непосредственный характер, ее инертность и меньшая систематизированность, ее процессуальность и обыденный характер, в то время как идеологические формы общественного сознания, по их мнению, носят более теоретический, более опосредованный и систематизированный характер, представляют некоторый итог устоявшегося отражения общественного бытия. Подобные различия в характере отражения общественного бытия в общественной психологии и в систематизированных формах общественного сознания действительно имеются.

Смысл большинства подобных рассуждений многих философов сводится к тому, что общественная психология является как бы низшей ступенью отражения общественного бытия по сравнению с систематизированными формами общественного сознания, сложным процессом, из которого выкристаллизовываются систематизированные общественные формы сознания. Различия общественной психологии и других общественных форм сознания выступают в виде различий по степени, а не по существу. Общественная психология сближается с обыденным, стихийно складывающимся об-

публичным сознанием, а идеология — с теоретически образованными, систематизированными формами отражения общественного бытия.

Все эти бесспорные положения вряд ли у кого из марксистов вызывают сомнения. Действительно в духовной, идеологической жизни общества можно выделить систематизированные, теоретически устоявшиеся, идеологически поддерживаемые формы общественного сознания (философские, правовые, нравственные, эстетические и др.) и наряду с этим — массовидные процессы общественной психологии в виде обыденного сознания (обычаи, нравы, привычки, предрассудки и стереотипы всякого рода и т. п.). Это, безусловно, различные ступени, уровни и формы отражения общественного бытия. Однако из этих бесспорных и не вызывающих сомнения положений вовсе не следует, как это считают некоторые философы, что за социальной психологией закрепляется изучение только массовидного, обыденного общественного сознания или общественной психологии. В то же время, по их мнению, систематизированные и теоретические формы общественного сознания исключительно являются объектом изучения философов, социологов, юристов и представителей других общественных наук. Авторы подобной точки зрения не проводят четкой грани между объектом и предметом науки. В действительности единство социальной психологии вытекает не только из единства методологии исторического материализма и социологии как основы социальной психологии, его единство вытекает и из общности объекта исследования. Не только общественная психология, обыденное сознание, но и теоретические формы общественного сознания могут и должны быть объектом и социологического, и социально-психологического исследования. Социально-психологические исследования эффективности массовой информации и коммуникации, диспозиционное социально-психологическое построение личности не могут не включать изучения обыденного и теоретического уровней сознания реципиентов и коммуникаторов (см., например: Социальная психология, гл. V и VIII; Ядов, 1975). Более того, личность, малые группы, непосредственное общение могут быть рассмотрены и с социологической, и с социально-психологической точки зрения. Методические и технические приемы исследований также сближают социологию и социальную психологию. Все больше социологов и социальных психологов убеждаются в том, что наиболее перспективными являются комплексные иссле-

дования социологов и социальных психологов, например по проблемам социального планирования развития производственных коллективов.

В чем же специфика социологического и социально-психологического подхода к единообразным по существу явлениям? Социолог любые факты, явления (личностные, групповые, массовидные, общественно-психологические или относящиеся к общественному сознанию) объясняет объективными общественными законами, экономическими категориями, влиянием больших социальных групп, наконец, общественным бытием, классовой и идеологической позицией. Для социолога личность есть «совокупность общественных отношений» и часто выступает как персонифицированная экономическая категория, как представитель класса.

Социологические различия более глубокие и определяющие, носят опосредованный характер, но, конечно, проявляются и в непосредственной форме. Так, например, капиталист не может не эксплуатировать рабочего, не выжимать из него максимум прибыли. Рабочий не может не продавать свою рабочую силу в условиях капитализма. Хотя лично, в непосредственном общении в отдельных случаях они даже могут сотрудничать друг с другом.

Социально-психологические связи, наоборот, носят явно непосредственный характер (симпатии, антипатии, восприятие и понимание друг друга), но за этими отношениями стоят опосредованные связи, макроусловия. В первую очередь — это социально-экономические отношения, затем — возрастные, половые другие признаки. Различие и специфика социологии и социальной психологии в акцентах, в направлении анализа причин и обстоятельств тех или иных событий.

В рамках социально-психологического подхода все формы общественного сознания (систематизированные или обыденные) как отражение общественного бытия составляют макросреду, общий фон, общие условия, на основе которых разворачивается жизнь групп, коллективов и их участников. И факты обыденного сознания, и факты идеологических форм сознания становятся социально-психологическими фактами только через посредство общения личности с другими людьми, через непосредственный контакт человека с человеком, через призму опыта индивида, его установки и фильтры, т. е. через микросреду. Так, например, групповая оценка каких-либо событий может полностью совпадать с идеологическими оценками, что и наблюда-

ется во многих бригадах коммунистического труда. В других случаях групповая оценка событий опускается до самых отсталых и обывательских настроений, что иногда можно наблюдать в неоформленных уличных компаниях, в бригадах, где существуют конфликтные отношения, т. е. быть на уровне обыденных форм общественного сознания. Следовательно, элементы и идеологически систематизированного и обыденного сознания могут стать характерными чертами группового сознания тех или иных групп и коллективов.

Социально-психологические явления (в смысле предмета изучения) — это не только ступень в развитии общественного сознания. Социально-психологические явления пронизывают всю структуру общества от базиса до надстройки. Все элементы социальной структуры общества составляют те макроусловия, которые определяют собой микроусловия, характер непосредственного общения людей друг с другом.

В самом процессе орудийного воздействия на природу (в рамках производительных сил) люди взаимно подражают друг другу, обмениваются опытом, влияют на настроение друг друга, испытывают взаимное уважение или неприязнь. Эти формы непосредственного общения носят социально-психологический характер и могут иметь известную независимость от производственных отношений. Не все формы общения в процессе производства есть производственные отношения, например, есть технологические связи (последовательность трудовых операций), есть психологические связи (речевая коммуникация, коммуникация посредством различных выразительных движений, подражание и т. д.). Но характер господствующих производственных отношений является определяющим, он существенно влияет на все формы общения в процессе производства. Конфликты, подозрения, недоверие к людям порождаются чаще всего частной собственностью. В классовом обществе непосредственные контакты, общение концентрируются на противоположных классовых и сословных полюсах. Однако классовая принадлежность не всегда совпадает с установками конкретной личности и группы. Так, к принятию общественных требований и целей при социализме, к их осуществлению значительно быстрее приходят более сплоченные, дружные производственные коллективы. Идеологическое воздействие на группы очень часто опосредуется установками, оценками, мнением наиболее авторитетного и уважаемого лица в группе (глава семьи, лидер среди приятелей и т. п.).

Таким образом, социальная психология, опираясь на марксистскую социологию, имеет и свою специфику, свой мир проявлений и законов, наиболее отчетливо заметных в малых группах, коллективах и свойствах общающихся личностей. При этом на уровне производственных коллективов и общественных организаций наиболее заметно выступает взаимодействие макро- и микросреды. А также определяющая роль первой.

Социальная психология изучает многообразие связей личности с разными группами, коллективами и обществом и целом. Во-первых, выявляются непосредственные связи личности в непосредственных формах общения, которые пронизывают всю ее повседневную жизнь, охватывают разнообразные группы и коллективы. Это интимные, психологические отношения супругов, родителей и детей, друзей, приятелей и близких. Сюда же входят взаимоотношения, которые складываются в официальных организациях и носят характер взаимного уважения, предпочтения, взаимной симпатии. Это различные психологические группировки, возникающие на базе личных мотивов. В этой сфере непосредственных контактов, как показывают многие исследования, формируются социально-психологические особенности сознания и личности: восприятие и понимание людьми друг друга, речь, типичные чувства и вкусы, установки, привычки. Это ближайшая и непосредственная психологическая основа взаимного влияния людей друг на друга. Это социальная психология так называемых первичных, неоформленных групп, которыми главным образом и занимаются буржуазные социальные психологи. Во-вторых, помимо непосредственных, психологических отношений, люди вступают в официальные, долженствующие, обязывающие отношения в различных общественных институтах (завод, учреждение, школа, совхоз, колхоз, воинская часть, различные общественные организации и т. п.). Поступая в эти организации, каждый человек принимает на себя определенные общественные роли, задачи, вступает в официальные отношения с носителями смежных ролей на производстве, в организации. Здесь-то и закладываются основы коллективов: производственных, школьных, воинских, общественных, которые скрепляются и объединяются на базе общественно значимых целей. Хорошо, если решение общественно значимых задач захватывает каждого участника, все неофициальные группировки коллектива. В этом случае личный опыт, знания, непосредственные контакты направлены на успешное решение общественно значимых

задач. Однако на первых порах для отдельных индивидов и группировок эти общественные задачи могут выступать как внешняя необходимость (период вхождения в рабочий коллектив), а затем, по мере вхождения в жизнь коллектива, в ритм его работы и повседневных забот задачи могут восприниматься как собственные, лично значимые (развитый сплоченный коллектив). На высшей стадии развития коллектива достигается гармония общественно значимых задач с личными целями. Здесь происходит подтягивание межличностных психологических отношений до уровня выполнения общественно значимых задач коллективом. В капиталистических странах Запада эти стороны организации группы — неофициальная и официальная — находятся в антагонистическом противоречии, в отчуждении общественного от личного.

Межличностные отношения взаимной симпатии, дружеского расположения (неоформленные группы) могут помогать выполнению официальных, принятых коллективом задач, но могут и мешать. Когда интересы группировок или отдельных лиц расходятся с общественными задачами коллективов, тогда происходят конфликты, иногда задержки в развитии коллектива. Все эти уровни развития группировок, динамику межличностных отношений в связи с развитием коллектива в конкретном многообразии и взаимодействии изучает социальная психология. Здесь как бы происходит синтез, связка, конфликт или гармония микросреды и макросреды. Понятно, что самой глубокой причиной изменений всех межличностных отношений являются производственные отношения. Они в сфере социально-психологических явлений отражаются в виде установок личности, в виде отношения к собственности, к труду, к другим людям. Это в классовом обществе приводит к тому, что первичные психологические группировки на предприятии концентрируются по классовым и сословным признакам. Общественно значимые задачи выступают здесь как отчужденные от личности и группировок. В нашей стране производственные отношения отражаются в таких отношениях и установках личности и групп, как чувство хозяина, личная и групповая ответственность за орудия и средства производства, выпускаемую продукцию, недра и богатства страны. Если эти макрофакторы не стали достоянием сознания личности или группового мнения (микросреды), то они еще не вошли в их плоть и кровь, т. е. групповая психология людей в данном случае отстает от устано-

вившегося сознания, от идеологии. Если, например, явления солидарности, взаимопомощи, братства, преданности ограничиваются рамками семьи, приятелей, конкретных производственных групп, то это не всегда соответствует системе наших производственных отношений, может даже противоречить им. Хищения всякого рода, взаимовыручка, группировки вопреки общественным интересам, сдерживание всего прогрессивного на производстве — вот примеры отсталой психологии людей. Можно даже сказать, что большинство пороков, бытующих и нашей стране, имеют социально-психологический источник. Напротив, когда явления солидарности, взаимопомощи, братства развертываются на уровне заботы обо всех людях, о стране, тогда психология личности и групп сливается, гармонирует со структурой нашей идеологии.

Развитие сознания личности, групп людей, конкретных коллективов до уровня коммунистической идеологии, научно выражающей нашу общественную систему, является одной из важнейших задач социальной психологии как науки.

В последнее десятилетие в нашей стране широко развернулись эмпирические социологические и социально-психологические исследования, в которых научно раскрываются прогрессивные тенденции развития нашего общества и трудности, стоящие на этом пути. Социально-психологические и социологические исследования тесно между собой связаны. В начале развертывания эмпирических исследований в нашей стране многие социологи по сути занимались социально-психологическими исследованиями (см. работы Н. Г. Валентиновой, В. Б. Ольшанского, В. Н. Шубкина и др.). И в самом деле, очень много общего между конкретно-социологическими и социально-психологическими исследованиями: единая марксистская методология, многие методические приемы исследования (анкета, интервью, изучение документов и т. д.), интерес к таким явлениям, как ценности, мотивация личности и т. д. Однако при всей близости этих исследований существуют и известные различия. Конкретно-социологические исследования должны иметь дело с социологическими явлениями и законами общественной жизни и, следовательно, отличаться более высоким уровнем обобщения, чем при социально-психологическом подходе. Если же социологи изучают мотивы, установки, ценности личности, групповое сознание (т. е. социально-психологические явления), то их задача заключается, прежде всего,

в том, чтобы раскрыть объективные и глубокие социальные причины этих процессов. Так, например, В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов совместно с коллективом сотрудников убедительно показали, как изменения характера и содержания труда (объективные социальные условия) отражаются на мотивах трудовой деятельности рабочих (субъективные явления) (Человек и его работа, 1967).

В социологическом анализе исследователь должен раскрывать изменения, происходящие в различных слоях дружественных классов нашего общества, выявлять тенденции преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней и т. д. Словом, в социологических исследованиях фиксируются сдвиги в структуре общества и их отражение в сознании людей. В них изучаются либо объективные изменения в структуре общества, либо соотношения субъективных и объективных факторов в общественном развитии. В последнем случае субъективные изменения (установки, мотивы, ценности) сводятся к объективным изменениям в положении социального класса, прослойке, т. е. к отношениям больших социальных групп.

В социальной психологии субъективно-психологические качества людей, установки, ценности, мотивы, групповые нормы, мнения рассматриваются сами по себе как результат непосредственного общения людей, сквозь призму которых воздействует вся общественная система. Если в перечисленных социально-психологических явлениях видеть только отражение общественной системы и ее различных сторон, то мы стоим на почве конкретной социологии. Если в них раскрывается сам механизм и содержание группового сознания и личностных установок как следствие разнообразных систем непосредственного общения и влияния различных опосредованных факторов, то мы остаемся на почве социальной психологии. Социальная психология — необходимое дополнение конкретной социологии, так как сквозь призму непосредственного общения отражаются не только общественная структура, но и психологические особенности людей, их возрастные и половые различия. Таким образом, социальная психология, являясь областью психологических наук, находится в тесной связи с социологией и эмпирическими социологическими исследованиями. В известном смысле социальная психология служит мостом между психологией и социологией. Поэтому развитие социальной психологии должно опираться на дружественные связи и усилия психологов и социологов.

Литература

- Артемов В. А.* Введение в социальную психологию. М., 1927.
- Артемов В. А.* К вопросу о социальной психологии // Психология. М.—Л., 1929. Т. II. Вып. 2.
- Артемов В. А.* Основные данные социальной психологии // Элементы социальной психологии / Под ред. К. Н. Корнилова. М., 1930.
- Беляев Б. В.* Проблема коллектива и его экспериментально-психологического изучения // Психология. Т. II. Вып. 2. М.—Л., 1929.
- Бехтерев В. М.* Общественная психология. СПб., 1903.
- Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.
- Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология, Пг., 1921. С. 24.
- Бехтерев В. М.* Влияние коллектива на личность // Педология и воспитание. М., 1928.
- Бодалев А. А.* Восприятие человека человеком. Л., 1965.
- Вагнер В. А.* Психологические типы и коллективная психология. Л., 1929.
- Вахитов М.* Об одной «новейшей социальной утопии». М., 1958.
- Войтоловский Л. Н.* Очерки коллективной психологии в двух частях. М.—Л., 1925. Ч. I—II.
- Вундт В.* Проблемы психологии народов. М., 1912.
- Генов Ф.* Психологически аспекти на управлението. София, 1974.
- Генов Ф., Аврамов В.* Социално-психологически проблеми на управлението в търговията. София, 1974.
- Гибш Г., Форверг М.* Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972.
- Дильтей В.* Описательная психология. М., 1924.
- Драганов М.* Религиозната психика на българите. София, 1968.
- Драганов М.* Социалната психология в България. София, 1971.

- Зайцев В. Л.* Представление учащихся об источниках нравственного влияния // Советская педагогика. 1965. № 12.
- Залужный А. С.* Детский коллектив и методы его изучения. М., 1930.
- Зацепин В. И.* Семейная жизнь как условие человеческого счастья. Киев, 1975.
- Ильина А. И.* Индивидуальные особенности общительности в связи со скоростными проявлениями темперамента подвижных и инертных групп учащихся: Автореф. ... канд. дис. М., 1965.
- Йолов Г.* Критичните ситуации и масовата психика. София, 1973.
- Ковалев А. Г.* Курс лекций по социальной психологии. М., 1972.
- Ковальзон М. Я., Угринович Д. М.* О предмете социальной психологии // Вестник МГУ. Сер. VIII. 1966. № 5. С. 23.
- Коломинский Я. Л.* Психология взаимоотношений в малых группах. Минск, 1979.
- Копельман А.* Чем должна быть коллективная психология. Одесса, 1908.
- Кузьмин Е. С.* Основы социальной психологии. Л., 1967.
- Кузьмин Е. С., Голубева Н. В.* Опыт изучения производственных коллективов // Социология в СССР. М., 1965. Т. 2. С. 389–410.
- Куликов В. Н.* Вопросы психологии внушения в общественной жизни // Проблемы общественной психологии. М., 1965. С. 322–345.
- Курманов Н. Ф.* К проблеме классовой и коллективной психологии // Проблемы современной психологии М., 1930. Т. VI.
- Кхол Й.* Эффективность управленческих решений. М., 1975.
- Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1, 18.
- Ломоносов М. В.* Избранные философские произведения. М., 1950.
- Мансуров Н. С.* Общественная психология и педагогическая наука // Советская педагогика. 1965. № 9.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 82–83.
- Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
- Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М., 1964.
- Михайлова В.* Социална психика и управление. София, 1972.
- Михайловский Н. К.* Герои и толпа. Соч. Т. 2. СПб., 1896.
- Морено Дж.* Социометрия. М., 1958.
- Научные основы политической работы в массах. Л., 1972.
- Нечаев А. П.* Психология школьного коллектива. М., 1928.

- Обуховский К.* Психология влечений человека. М., 1972.
- Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. М., 1966.
- Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971.
- Петровский А. В.* Опыт построения социально-психологической концепции групповой активности // Вопросы психологии. 1973. № 5.
- Попов Г. И.* Конкретно-социологические исследования в практике идеологической работы // Социология в СССР. М., 1965. Т. 1.
- Прангисвили А. С.* Исследования по психологии установки. Тбилиси, 1967.
- Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. Т. 2. М.—Л., 1941.
- Рейснер М. А.* Проблемы социальной психологии. Ростов-н/Д., 1925.
- Роль социально-психологических факторов в повышении эффективности партийного образования. Л., 1974
- Руководитель—коллектив—личность. М., 1974.
- Селиванов В. И.* Конкретные условия жизни и формирование личности // Учен. зап. Рязанского пединститута. 1968. Т. 59.
- Симеонов С.* Социален климат и производительност. София, 1976.
- Социальная психология / Под ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. М., 1975.
- Смирнов В. Е.* Психология юношеского возраста. М.—Л., 1929.
- Сопиков А. П.* Влияние группы на поведение члена этой группы // XVIII Международный психологический конгресс. М., 1966. Т. III.
- Социалнопсихичният климат в колектива / Ред. М. Драганов. София, 1976.
- Социальная психология / Под ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. М., 1975.
- Ядов В. А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
- Социальные проблемы управления трудовыми коллективами. М., 1978.
- Стратометрическая концепция интрагрупповой активности в коллективах // Социально-психологические аспекты общественной активности. Ярославль, 1975.
- Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887.
- Уорд Л.* Очерки социологии. М., 1901.
- Уотсон Дж.* Психология как наука о поведении. М.—Л., 1926.
- Хинкле Г.* Социология и психоанализ // Г. Беккер, А. Босков. Современная социологическая теория. М., 1961.

Человек и его работа. М., 1967.

Челпанов Г. И. Социальная психология или «условные рефлексы». М., 1926.

Чугунова Э. С. О некоторых социально-психологических условиях профессиональной устойчивости молодых рабочих // Человек и общество. Вып. 1. Л., 1966.

Allport F. Social psychology. Boston, 1924.

Baley S. Wprowadzenie do psychologii społecznej. Warszawa, 1959.

Beiträge zur sozial psychologischen Untersuchungsmethoden / Hrsg. von M. Vorweg. Jena, 1975.

Cantrill H. "The why" of men's experience. N. Y., 1950.

Dan-Spînoiu G. Relațiile umane în grupele de muncă industrială: cercetare de psihologie socială concretă. București, 1971.

Festinger L. Theory of cognitive dissonance. Evanston, 1957.

Goly P. Psihologie socială. București, 1974.

Handbook of social psychology. Reading, Mass., 1959. V. 1.

Hauska A. a kol. Problemy rozvíjania Cinnosti pracovny chkoaktivov. Bratislava, 1975.

Herseni T. Psihosociologia organizarii întreprinderilor industriale. Hucurești, 1969.

Hiebsch H. Socialpsychologische Grundlagen der Persönlichkeitsormung. Berlin, 1966.

Hiebsch H., Vorweg M. Einführung in die marxistische Sozialpsychologie. Berlin, 1965.

Janousek J. Socialni komunikace. Praha, 1968.

Khol J. Lidd v socialisticke organizaci. Praha, 1972.

Kohout J., Ružicka J., Malaniuk B. Clovek v pracovni prostredi. Praha, 1971.

König R. Handbuch der empirischen Sozialforschung. Stuttgart, 1966.

Leiter, Kollektiv, Persönlichkeit. Autorenkollektivunter Leit. von K. Ladensack. Berlin, 1972.

Lewin K. Field theory in social science. London, 1952.

Malewski A. O zastosowaniach teorii zachowania. Warszawa, 1964.

Mihy A. Sociometria, eseu critic. București, 1967.

Mika S. Wstęp do psychologii społecznej. Warszawa, 1972.

Moede W. Experimentelle Massenpsychologie. Leipzig, 1920.

Obuchowski K. Psychologiad zertludzkich. Warszawa, 1965.

Pataki F. Tarsadalomilektan es tarsadalmi valosag. Budapest, 1977.

Pataki F. Utak es valaszutak a mai szocialpszichologidban. Budapest, 1976.

Popescu V. Atitudine amoralasi Stimulente lemateriale. București, 1969.

Предмет социальной психологии

- Ralea M., Herseni T.* Introducere in psihologia sociala. Bucuresti, 1966.
- Reykowski J.* Z zagadnień psychologii motywacji. Warszawa, 1970.
- Šipoš I., Kollárik T.* Sociálna psychológia práce. Bratislava, 1975.
- Hare A. P.* Small groups: Studies in social interaction. N. Y.: Knopf, 1962.
- Sozialpsychologieim Sozialismus / Hrsg. von H. Hiebsch, M. Vorweg. Berlin, 1965.
- Stoetzel J.* La psychologiesociale. Paris, 1963.
- Szocialpszichologia / Szerk. G. Hunyady. Budapest, 1973.
- Szocialpszichologia ikutatasok Magyarorszagon/ Szerk. G. Hunyady, F. Pataki. Budapest, 1976.
- The science of human communication. N. Y., 1963.
- Vorweg M.* Sozialpsychologische Strukturanalysen des Kollektivs. Berlin, 1966.
- Wundt W.* Logik. Leipzig, 1883.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Учебное пособие

Введение

Основное содержание курса «Актуальные проблемы социальной психологии». Место и роль социальной психологии в учебном процессе.

Учебное пособие к курсу «Актуальные проблемы социальной психологии» знакомит студентов III курса дневного отделения и IV курса вечернего отделения специализации социальной психологии с предметом, принципами, методами, закономерностями социально-психологической науки. Особое внимание уделяется дискуссионным проблемам социальной психологии. Наряду с другими социально-политическими дисциплинами знакомство с основами социальной психологии способствует выработке марксистско-ленинского мировоззрения, убежденности в партийности. Оно позволяет студентам ориентироваться в сложнейших современных проблемах советской и зарубежной социальной психологии, будет способствовать овладению арсеналом основных исследовательских методик и практических умений, которые окажут им большую помощь в организации собственной общественной и исследовательской работы, пропагандисткой и просветительской деятельности. Серьезное внимание уделено работе студентов на семинарских занятиях, в которых углубленно будут проработаны следующие темы:

1. Предмет социальной психологии.
2. История социальной психологии.
3. Методология и методы социальной психологии.
4. Малые группы и коллективы.
5. Социальная психология личности.
6. Массовидные социально-психологические явления.

Кузьмин Е. С. Актуальные проблемы социальной психологии: Учебное пособие. Л., 1987.

Введение

Целью этих занятий является формирование устойчивых социально-психологических взглядов, навыков и умений, которые позволят студентам самостоятельно выбирать активную позицию в решении социально-психологических проблем марксистско-ленинской социальной психологии.

При отсутствии единого принятого учебника по социальной психологии и большом объеме научной литературы настоящее пособие призвано систематизировать знания в области социальной психологии.

Глава 1

Предмет социальной психологии в системе психологических наук

Основные понятия социальной психологии, ее принципы и законы, место общения в социальной психологии. Отношение социальной психологии к социологии и системе психологии. Прикладные области социальной психологии.

Предмет социальной психологии к настоящему времени очерчивается довольно четко. Центральным явлением в социальной психологии следует признать общение. Общение порождает такие феномены как восприятие и понимание людьми друг друга; подражание и внушение, убеждение; лидерство и руководство; сплоченность и конфликтность; отношения и установки. Социальная психология рассматривает общение на разных уровнях: межличностном, институционально-личностном (ролевом), инструментально-техническом (массовые коммуникации). Общение изучается и как самоцель, и как средство эффективности труда и обучения. В результате общения складываются социально-психологическая структура личности, особенности малых групп и коллективов, психология более широких общностей (классов, наций и т. д.).

Общественная психология как сторона и уровень общественного сознания существует с момента возникновения человека и общества. Социальная психология как наука со своими методами, законами стала складываться в самостоятельную область знания с середины XIX в. Собственно строгой научной дисциплиной социальная психология становится в 1920-е годы по мере внедрения в нее эксперимента и математических методов. Социальная психология возникла на стыке психологии и социологии, поэтому она вбирает в себя достижения той и другой науки, социальная психология обеспечивает стык между психологией и социологией, между изучением человека в ближайшем окружении и в обществе.

Специфика и природа социально-психологических явлений может быть понята через социальную детерминацию довольно высокого уровня. На первом уровне социальное лишь корректирует природное и биологическое, например, органические потребности (голод, жажда и т. п.), ощущения преобразуются исторически, но могут и чисто биологически функционировать (так называемые «дикие дети», жившие с животными). На втором этапе исторические условия носят общечеловеческий, социально-демографический характер. Например, преемственность поколений, половозрастные различия и все формы психического отражения. Лишь на третьем уровне социальной детерминации способ производства, базис, надстройка, социально-экономические и политические условия становятся решающимися причинами социализации личности, формирования ее ближайшего окружения и включения ее в более широкие общности. Последнее обстоятельство предопределяет методологическую основу разнообразных направлений в социальной психологии.

Зарубежная социальная психология методологически привязана к необихевиоризму, неопрейдизму, «теории» когнитивного согласования, транзактной теории и социометрии. Советская социальная психология исходит из основ диалектического и исторического материализма. Это отнюдь не означает, что в области явлений и законов, методических приемов в различных школах социальной психологии нет точек соприкосновения.

Рассматривая социально-психологические факты, мы стремимся избежать как излишней психологизации общественных явлений, так и антипсихологических тенденций, которые ведут к утрате специфики этих явлений.

Центральным звеном современной социальной психологии является ее концептуальный аппарат (основные понятия), выражающий структуру личности, малых групп и психологические состояния массовидных явлений.

Социальная психология развивается как экспериментально-теоретическая и прикладная науки. Экспериментально-теоретические исследования позволяют, например, построить диспозиционную структуру личности, идеальный уровень которой проявляется во всесторонности, гармоничности и эффективности. Корректируя основные диспозиционные структуры личности: ценностные ориентации, отношения, установки, — можно целенаправленно и активно участвовать в ее формировании и развитии. В сфере малых

групп и коллективов такими основными элементами являются: цели групп, их организационная структура и динамика. Исследования и активное воздействие на эти основные элементы позволяют совершенствовать динамику и структуру малых групп и коллективов, повышать эффективность их жизнедеятельности.

Исследования и практика в области более широких общностей выводят нас на совершенствование средств массовой информации и массовидных процессов.

К явлениям социальной психологии относятся групповые социально-психологические феномены: цели, организационная структура и динамика групп и коллективов, особенности оценочных суждений группы, процессы лидерства и руководства, групповые нормы и т. д. Существенное место среди социально-психологических явлений имеют личностные качества: диспозиционная структура, отношения, ценностные ориентации, роли, восприятие и понимание людьми друг друга. Особого внимания заслуживает изучение массовидных социально-психологических явлений: классовые и национальные психологические особенности; нравы, обычаи, привычки, подражание, внушение; психологические особенности массы, толпы, демонстрации.

Социально-психологические явления возникают как отражение (познание, переживание и освоение) различных форм общения, которые зависят от очень многих факторов. Все факторы общения можно было бы отнести к микро- и макроусловиям, к непосредственным и опосредованным явлениям, к единству формы и содержания. Однако совершенно очевидно, что все социально-психологические черты каждый из нас приобретает прежде всего через личный опыт общения, через непосредственный контакт в микросреде (семья, школа, улица, производство). Через микросреду, через непосредственное общение и контакты каждый из нас познает и общается со всем миром, испытывает воздействие макросреды и опосредованных влияний. Макросреда, опосредованные влияния есть ни что иное, как господствующая система общества, со своей идеологией, культурой, общественными нормами и предписаниями. Грань, на которой взаимодействуют силы микро- и макросреды, есть не что иное, как группа, коллектив, где протекает жизнь каждого из нас (семья, школа, производство, приятели). Через микросреду и ее особенности каждый из нас осваивает своеобразно и специфически макросреду: опыт и знания предшествующих людей и современного поколения.

Следовательно, этот процесс взаимодействия идет не прямо от общества к индивиду, а всякий раз через непосредственный круг общения, через приобретенный индивидом опыт. Изучение того, как это преломление, преобразование социальных явлений происходит через опыт человека, его микросреду, составляет основу социальной психологии. Если бы микросреда, непосредственно контакты людей не влияли на общесоциальные воздействия, не опосредовали их, то и социальная психология была бы не нужна. Без микросредовой призмы ничто не проникает в сознание человека из макросреды. Для социально-психологической науки существенным является механизм отражения и усвоения всех возможных влияний сквозь призму непосредственных форм общения, через микросреду (семья, школа, улица, производство, приятели).

Социальная психология призвана не только описать явления, но и раскрыть законы, которые лежат в их основе. Так социально-психологическое явление внушения широко распространено в общественной жизни. Внушаемость значительно возрастает по мере увеличения групп. Можно утверждать, что существенный сдвиг в зависимости от увеличения числа людей в группе, очевидно, выражает закономерность механизмов внушаемости.

Далее, конформизм — широко распространенное явление, которое выражается в давлении группового мнения на личность. Однако в экспериментальных ситуациях проявление конформизма зависит от количества участников, их возраста, пола и профессии. Эти уже существенные закономерности проявления процессов конформизма.

Восприятие и понимание людьми друг друга — достаточно подробно изученное социально-психологическое явление. Зависимость восприятия человека человеком от возраста, профессии, образования, от отношений между ними, наличие инертности первого впечатления, влияние типа личности на особенности восприятия — все это примеры закономерностей в области восприятия.

Общественное настроение, его необыкновенная подвижность, заразительность носит закономерный характер. В отношениях людей, в явлениях социальной психологии могут проявляться особенности и законы общепсихологического порядка. Так, особенности темперамента, подвижности или инертности нервной системы сказываются на особенностях общительности. У подвижных наблюдается более широкий круг общения, легкость в установлении контактов и т. п. У инертных чаще наблюдаются трудности в процессах общения.

Известно, что все психические процессы, состояния и свойства имеют закономерные изменения в зависимости от того, работает ли человек в изолированных условиях или в условиях группы. Особенно заметны изменения в эмоционально-волевой сфере.

Социальная психология может рассматриваться как одна из областей системы психологических наук. Многие методы и приемы социально-психологического исследования заимствованы из общей психологии, правда, в несколько измененном виде (наблюдение, эксперимент, опросы и т.д.). Некоторые социально-психологические явления будут глубже поняты на основе общепсихологических законов. Так, например, общепсихологическими ассоциативными законами смежности и контрастности можно объяснить некоторые явления в массовой коммуникации, рекламе, моде. Особенности характера человека можно объяснить его затруднения в общении. Сдвиги в психических процессах человека в условиях непосредственного контакта и взаимодействия людей могут быть поняты только в соответствии с показателями и данными из области общей психологии (пороги чувствительности, объем и устойчивость восприятия и внимания, особенности решения мыслительных задач и многое другое). Социальная психология опирается на психологию.

Значительное развитие в последнее время в области социальной психологии получила проблематика, связывающая ее теснейшим образом с психологией труда и инженерной психологией. В настоящее время доказано, что подлинная научная организация труда, решение проблем социального планирования на промышленных предприятиях невозможны без создания благоприятной психологической атмосферы во взаимоотношениях между людьми по горизонтали и по вертикали, по официальным и неофициальным каналам.

В последние годы сформировались плодотворные связи социальной психологии с медицинской, космической, военной, спортивной психологией. Эти связи взаимно усиливают позиции социальной и других областей психологии. Групповая психология, место и роль конфликтных ситуаций общения в клинике неврозов, различного рода фрустрации как следствие плохой адаптации и социомобильности — вот проблемы, связывающие медицинскую психологию с социальной.

Связи социальной психологии с социологией разнообразны. В социологических исследованиях фиксируются сдвиги в структуре общества и их отражение в сознании людей. В них изучаются ли-

бо объективные изменения в структуре общества, либо соотношения субъективных факторов в общественном развитии. В последнем случае субъективные изменения (установки, мотивы, ценности) сводятся к объективным изменениям в положении социального класса, протослоек, т. е. к отношениям больших социальных групп.

В социальной психологии субъективно-психологические качества людей: установки, ценности, мотивы, групповые нормы, мнения рассматриваются сами по себе как результат непосредственного общения людей, на которых воздействует вся общественная система.

Если в перечисленных социально-психологических явлениях видеть только отражение общественной системы и ее различных сторон, то мы стоим на позиции конкретной социологии. Если в них раскрывается сам механизм и содержания группового сознания и личностных установок как следствие разнообразных систем непосредственного общения, то мы стоим на почве социальной психологии. Таким образом, социальная психология, являясь областью психологических наук, находится в тесной связи с социологией и эмпирическими социологическими исследованиями. В известном смысле социальная психология служит мостом между психологией и социологией. Поэтому развитие социальной психологии должно опираться на дружественные связи и усилия психологов и социологов. Социология является методологической основой социальной психологии.

Глава 2

История социальной психологии

Развитие социальной психологии в лоне философии. Основные периоды. Возникновение, развитие научной социальной психологии. Критика ее различных методологических направлений: бихевиоризма, групповой динамики, социометрии, психоанализа, транзактной психологии, теории когнитивного диссонанса (Т. Ньюком, Л. Фестингер, К. Левин, Дж. Морено, Ф. Олпорт, Г. Олпорт, Э. Кентрил). Критика методологических пороков современной зарубежной социальной психологии. Развитие социальной психологии в СССР (В. М. Бехтерев, М. А. Райнер, Л. В. Войтоловский, В. А. Артемов, А. С. Залужный, А. С. Макаренко). Современное состояние социальной психологии в СССР, центры, направления.

Полная история социальной психологии может быть написана в будущем, когда более четко определится структура, объем и содержание социальной психологии как науки. В настоящее время историю социальной психологии можно лишь наметить в общих чертах, раскрыть лишь некоторые ее характерные особенности. Сама социальная психология — еще довольно молодая и недостаточно устоявшаяся наука, характерной особенностью которой является ее неоднородность, многоплановость, наличие разнообразных школ и направлений, тяготение ее представителей к психологии или к социологии.

История социальной психологии тесно связана с историей психологии и через нее с историей философии. Это не случайно, так как социальная психология есть одна из областей системы психологических наук. Психология, которая изучает сложный духовный мир человека, как наука сложилась позднее других наук, примерно к середине XIX в. Социальная психология как сложнейшая ветвь психологии оформляется в самостоятельную науку лишь к 1920-м годам. Подобно тому как оформление психологических зна-

ний в науку предшествовали два этапа: накопление психологических знаний в философии (VI в. до н. э. и до XVII–XVIII вв.) и выделение описательной, эмпирической психологии (XVIII в. – середина XIX в.), подобно этому развевывалась и история социальной психологии. Поэтому историю социальной психологии в общем можно разделить на три этапа:

1. Накопление социально-психологических знаний в философии и истории общей психологии (с VI в. до н. э. до середины XIX в.).
2. Выделение описательной, эмпирической социальной психологии в самостоятельную область знания (с 1850–1860-х годов до 1920-х годов).
3. Оформление социальной психологии в науку (1920-е годы) и ее современное развитие.

Сходство это далее выражается в том, что оформление психологии и социальной психологии в науку произошло на трех основаниях: 1) применение эксперимента; 2) качественный анализ явлений был дополнен количественным; 3) от описания явлений социальная психология перешла к выявлению и использованию законов. Вместе с тем в истории социальной психологии и истории общей психологии есть расхождение. Описательный и научный периоды в социальной психологии оформляются позднее общепсихологических.

Начало научной социальной психологии обычно связывают с работами В. Мёде, Ф. Олпорта, В. М. Бехтерева, которые в 1920-е годы перешли к систематическому экспериментальному изучению социально-психологических явлений в группах.

Правда, отдельные периодические экспериментальные исследования в групповых условиях проводились и ранее. Наш русский психолог А. П. Нечаев, начиная с осени 1899 г., проводил опыты с группами учащихся для выяснения связи возраста, пола, образования с особенностями ассоциаций, памяти, эмоций, воли.

Лишь с исследований В. Мёде, Ф. Олпорта, В. М. Бехтерева, которые сознательно распространяли эксперимент на изучение социально-психологических явлений, можно начинать историю научной социальной психологии. В. Мёде в 1920 г. в Лепциге опубликовал результаты своих экспериментов с группами, которые он начал проводить еще в 1913 г. Кстати, опыты В. Мёде через Г. Мюстенберга (немецкого психолога, который переехал в США) стали известны Ф. Олпорту. Свои эксперименты В. Мёде проводил с одним испыту-

емым, а потом количество участников увеличивалось (2, 3, 4 и более с максимумом в 8 испытуемых); выяснялось различие в способности выносить боль в одиночку и в группе, в звукоизоляции, в устойчивости и силе внимания, в счете, в сжатии динамометра. В. Мёде установил: имеются различные типы людей по отношению к коллективу (положительный, отрицательный, нейтральный); в познавательной сфере влияние коллектива меньше, чем в сфере эмоций, моторики и воли; в зависимости от типа отношения к коллективу находятся и сдвиги в психологической сфере.

В аналогичном ключе, но в несколько другой вариации проводил свои эксперименты Ф. Олпорт, результаты которых были опубликованы в его работе «Социальная психология» в 1924 г. Ф. Олпорт получил следующие результаты: суждение о текстах древних философов по качеству выше, но по темпу медленнее в изолированных условиях; в коллективе — ускоряется темп работы, но не всегда качество работы; в изолированных условиях больше личных моментов в ассоциациях; в оценке запахов и тяжестей, подъема груза группа уравнивает крайности суждений. В несколько ином и оригинальном направлении проводил свои эксперименты в группах В. М. Бехтерев (совместно с М. В. Ланге и В. М. Мясищевым) со студентами медицинского, педагогического и психоневрологического институтов. В опытах демонстрировался различный набор картинок, после демонстрации которых в течение 10 с испытуемые должны были воспроизвести деталь картины, установить их сходство и различие, выразить свое отношение к событиям на картинах. Кроме того, собирались предложения по проекту памятника, затем производилась оценка временного интервала в 1,5 с на метрономе. В опытах сначала учитывались показатели каждого (фиксировались на первом листке), затем проводились обсуждение, дискуссия, голосование и предлагалось, чтобы испытуемые внесли дополнение, изменения в свои прежние показания (листок второй). В. М. Бехтерев установил: коллектив увеличивает объем знаний своих членов, исправляет ошибки, смягчает отношение к проступку, позволяет выдерживать более сильные раздражители, дает общие сдвиги в показателях. Выявляются половые, возрастные, образовательные и природные различия в отношении к сдвигам психических процессов в условиях коллективной деятельности.

Получив на вооружение эксперимент, социальная психология от простого описания социально-психологических явлений переходила

дит к выявлению закономерностей. Возникнув в 1920-е годы, научная социальная психология развивается в настоящее время во многих странах мира. Для научной зарубежной социальной психологии характерна тщательная разработка методик и техники исследования, изучение закономерностей социальной психологии личности и групп, разработка проблем массовой коммуникации и рекламы, социальной психологии промышленности.

При всей значимости добытых достоверных конкретно-научных данных зарубежной социальной психологии, мы не можем не учитывать ее методологическую и идеологическую направленность. Большинство социальных психологов капиталистических стран — это апологеты капитализма и противники коммунизма. Мы наблюдаем явное противоречие между порочной методологией и общей теорией зарубежных социальных психологов и их реальными, конкретными научными достижениями. На основе конкретных исследований зарубежным научным социальным психологам удается описать напряжение в отношениях между рабочими и предпринимателями, добиваться повышения производительности труда, создавать благоприятный психологический климат, улучшать средства коммуникаций, подбирать оптимальные варианты групп для решения различных задач, предсказывать результаты голосования и т. п. Не случайно монополисты и политические деятели обильно поддерживают в финансовом отношении социальных психологов, своих верных помощников.

В общетеоретическом и методологическом отношении социальная психология на Западе развивалась как под углом зрения старых общепсихологических направлений (бихевиоризм, фрейдизм), так и видоизмененных и новых социально-психологических школ.

Все разнообразные зарубежные социально-психологические школы целесообразно сгруппировать по трем направлениям и основаниям, в какой-то мере отражающим три ведущие силы человека (поведение, чувства, познание).

- I. Необихевиористская и транзактная психология (Э. Богардус, Г. Олпорт, Э. Кентрил), кладущие в основу поведение, деятельность, прошлый опыт.
- II. Неофрейдизм, социометрия (Э. Фромм, Дж. Морено), исходящие из влечений, желаний, эмоций, чувств.
- III. Когнитивистские направления (К. Левин, Л. Фестингер, Т. Ньюкомб), кладущие в основу регуляции поведения рациональные и познавательные процессы.

Именно в рамках указанных направлений происходит разработка важнейших конкретных социально-психологических проблем, развивается социально-психологическая наука.

Советская социальная психология развивалась и развивается во многих центрах Советского Союза в самых различных направлениях. Второй съезд психологов, проходивший в Ленинграде в 1963 г., включал многие доклады по предмету социальной психологии, по методам исследования, его участники официально высказались о необходимости всемерного развития социально-психологических исследований в СССР. В 1950–1960-е годы были проведены многочисленные дискуссии в общесоюзном и региональном масштабах с участием психологов и философов о путях и перспективах исследований в области социальной психологии. Возникли многочисленные исследовательские центры в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Минске, Киеве, Тбилиси, Ереване, в Прибалтийских республиках, где изучались различные проблемы социальной психологии психологами и философами. Итоги исследований советских социальных психологов были отражены в работах всех общесоюзных конференций, съездов и международных конгрессов по психологии, которые проходили в различных городах СССР и за рубежом в 1960-е и 1980-е годы, а также в многочисленных статьях и монографиях психологов и философов как по социальной психологии в целом, так и по ее различным аспектам. Советская социальная психология уже прочно вышла на путь глубокой разработки проблем личности, малых групп, коллективов и более широких общностей, фундаментальные конкретно-научные разработки позволили социальным психологам развернуть фронт прикладных социально-психологических исследований в области промышленности (социальное планирование и управление), быта, массовой информации, спорта, медицины.

В братских социалистических странах исследования по социальной психологии занимают видное место в системе психологических наук. Социальные психологи своими средствами принимают активное участие в воспитании нового человека, в развитии коллективных, кооперативных начал в групповой деятельности в условиях строительства социализма. Социально-психологические исследования активно проводятся в ГДР, Чехословакии, Польше, Болгарии. О характере, уровне и направлении исследований можно судить по итогам Йенского (ГДР) симпозиума по проблемам социальной психо-

История социальной психологии

логии, который состоялся 21–23 октября 1964 г. в Йене. Кроме того, во многих братских социалистических странах имеется много публикаций по вопросам социальной психологии. Ученые этих стран активно участвовали в работе международных конгрессов по различным проблемам социальной психологии.

Глава 3

Методология и программа социально-психологических исследований

Методология социальной психологии: требования философии и общенаучные принципы. Требования философии диалектического и исторического материализма. Натурфилософские позиции: моделирование, системный подход, количественные характеристики качеств. Общепсихологический принцип единства сознания и деятельности. Программа и процедура социально-психологических исследований.

Диалектический материализм является общей методологической основой всех конкретно-научных исследований в нашей стране. Для социальной психологии имеет первостепенное значение ряд требований диалектического материализма, которые носят методологический характер: всесторонность подхода к явлениям, принципы детерминизма и развития, вторичность и активный характер сознания и психики, практика как единственный источник и критерий истинности и надежности.

Особое значение для методологии социальной психологии имеют требования, которые вытекают из исторического материализма и социологии: определяющая роль общественного бытия по отношению к общественному сознанию, зависимость надстроечных явлений и идеологии от базиса; известная самостоятельность и активная роль общественного сознания; характер связи обыденного, стихийного и систематизированного сознания; взаимосвязь объективного и субъективного; партийность.

Перечисленные общие методологические требования, истинность которых доказана всем ходом общественного развития и научными исследованиями, предохраняют советскую социальную психологию от биологизации и психологизации общественных явлений, от эклектизма и позитивизма. Выведение общественной жизни из биологии и психологии, психологизация и персонализация социальных явле-

ний — это ведущая черта американской и западноевропейской социальной психологии и социологии. Там действительные движущие силы общественной жизни, духовного развития людей выводятся из биологии, психологии и межперсональных, неофициальных отношений. Марксистско-ленинская методология надежно предохраняет советскую социальную психологию от абсолютизации биологического, психологического, межперсонального подхода к явлениям и законам общения между людьми.

Исходным пунктом исследования являются общие методологические установки, которые всегда имеют место у исследователя независимо от того, сознает он их или нет. Для советской социальной психологии неприемлем позитивистский подход к определению методологических исходных позиций, характерный, например, для П. Лазарсфельда, который сводит методологию к процедуре, к системе применяемых методов исследования.

Вместе с тем в социально-психологических исследованиях, кроме общеметодологических требований, должны быть обязательно учтены общенаучные, общепсихологические позиции. Идеи системного подхода и моделирования, необходимость количественного анализа собранного материала все более проникают в ткань социально-психологических исследований малых групп и коллективов. Общепсихологические принципы о единстве сознания и деятельности входят в основу деятельностного опосредования при изучении малых групп и личности. Таким образом, в методологический арсенал социально-психологических исследований мы включаем требования диалектического и исторического материализма, социологии, общенаучные и общепсихологические принципы, которые должны быть реализованы в конкретных исследованиях.

Методологические требования и связанная с ними особая чувствительность к общественным явлениям, к проблемам человека и общества, общение между людьми выдвигают целый ряд острых, актуальных вопросов перед социальной психологией и социологией. Актуальные социально-психологические проблемы стимулируют, порождают следующий шаг в исследовании. Возникают различные программы исследования. Разумеется, программа исследования порождается не только методологическими и актуальными жизненными проблемами, но и прежде всего и главным образом знанием и глубоким изучением опыта своей науки и близких смежных областей. Хорошая программа является центральным звеном, гаран-

тием успеха социально-психологического исследования. Ведущим в самой программе является выбор и предварительная логическая проработка проблемы исследования.

Отобрав и уточнив основные рабочие понятия своей проблемы, на основе изучения специальной литературы и смежных областей, следует определить объект исследования. Объект исследования предопределяется темой и общей процедурой исследования. Если социально-психологические исследования имеют дело с материалом большого массива, то для достоверности и надежности выводов вступают в силу требования репрезентативности с ее различными приемами выборки (сплошная, случайная, панельная). Однако характер большинства социально-психологических исследований требует не статистической репрезентативности, а опирается на принципы надежности, достоверности, повторяемости, что достигается путем различных методических и технических приемов.

После предварительной обработки понятий и выбора объекта исследования необходимо выдвинуть ряд предположений, гипотез. Выдвижение гипотез, которые ориентируют исследователя, делают его зрячим, возможно только на основе глубокой теоретической проработки проблемы. Гипотеза выражает зависимость между фактами и явлениями, вырастает из предшествующего опыта. Гипотеза как бы подытоживает предшествующий опыт и в какой-то мере предваряет новый опыт. Весьма существенно, чтобы гипотезы группировались вокруг существенных сторон проблемы, были бы четкими и давали бы новые важные знания.

Обработка программы исследования завершается предварительными, пропедевтическими, зондирующими обследованиями объекта, в ходе которых уточняются вопросы исследования, гипотезы, намечается общая процедура, методы и техника исследования. На этой стадии исследования важнейшими являются: беседы с компетентными лицами (руководители предприятий, учреждений, ученые), изучение отклоняющегося, «патологического» материала (увольняющиеся с работы, отстающие бригады и цехи, исключенные из школы). Анализ подобных отклоняющихся случаев наталкивает исследователя на новые аспекты исследуемой темы. После отработки программы исследования и уже в самом ходе ее проработки намечается общая процедура исследования. Процедура исследований, как правило, нацеливается на использование комплекса методов либо отдельно одного из доминирующих методов. В современ-

Методология и программа социально-психологических исследований

ной социальной психологии основательно и надежно разработаны методы: наблюдения, эксперимента, анкеты, интервью, социометрии, полярных профилей, различные приемы и техника количественно-качественного анализа собранного материала.

Глава 4

Социальная психология групп и коллективов

Место и значение малых групп и коллективов. Классификация групп и коллективов, основные элементы групп и коллективов: цели, организационная структура, динамика. Определение малых групп и коллективов.

Малые группы и коллективы являются базой и основой социально-психологической науки. Библиография охватывает более 6000 исследований по малым группам. Само возникновение социальной психологии как науки связано с распространением эксперимента на изучение малых групп. Малая группа как ближайшее окружение каждого из нас преломляет все социальные воздействия трояким образом: усиливает, отталкивает, действует пропорционально интенсивности источника. Например, влияние членов семьи, компании на индивида, по материалам разных исследований, носит именно такой характер. Большое место в социальной психологии занимают исследования, которые проводятся в промышленности, педагогике, спорте, медицине, семье, в военно-космической психологии.

Классификация малых групп и коллективов связана с выделением малых и больших групп. Большие группы как макрогруппы определяют социальную природу и направленность малых групп в зависимости от социально-классовой, этнической, национальной, сословной принадлежности малой группы. Сама малая группа как микросреда, как ближайшее окружение придает специфическую окраску психологическим особенностям участников малых групп.

Обычно в социальной психологии выделяют в малых группах первичные и вторичные особенности. Первичность характеризует межличностные, непосредственные, психологические связи: симпатии, антипатии, доверительность, интимность, кровно-родственные отношения.

Вторичные качества малых групп и коллективов связывают их с более широкими социальными отношениями. Это официальные, деловые социально-определяемые отношения, контролируемые связи и отношения, которые устанавливаются на предприятиях, в учреждениях и любых других социальных организациях.

В социально-психологических исследованиях на производстве целесообразно выделить первичные коллективы (бригада, участок, отдел), которые включают межличностные и деловые связи, т. е. неофициальный межличностный контроль и социальный, официально-деловой контроль.

Эти первичные трудовые коллективы действуют внутри и на базе основного коллектива, т. е. предприятия, объединения и учреждения в целом, где изучаются межгрупповые связи и отношения, и общая социально-психологическая ситуация.

В социальной психологии подразделяют все малые группы на условные (экспериментальные, лечебные, группы СПТ) и реальные (семья, бригада, учебный класс).

Чтобы более четко сгруппировать малые группы, их можно рассматривать на базе основных форм жизнедеятельности людей: труд (бригада, участок, отдел), познание (учебная группа), общение (семья, игра, компания).

Малые группы индивидов выступают двояко: членская группа (я член группы) и референтная группа (эталонная, примерная для индивида).

Для более углубленной классификации малых групп А. В. Петровский в своей стратометрической концепции выделяет два основания: направленность (общественно-полезные цели) и деятельностное опосредование.

Однако более целесообразно строить основы классификации групп на трех основаниях: 1) цели и направленность; 2) организационная структура; 3) динамика.

Таким образом, основными элементами классификации малых групп и коллективов являются: цели, организационная структура, динамика.

Целевой элемент является главным и определяющим другие элементы: организацию, динамику. Следует знать важнейшие источники формирования целевого элемента. Они связаны с различными обстоятельствами. Предписания общества, нормы группы, личные потребности и цели участников являются главными источниками

формирования целевой направленности малых групп. Характер целей существенно зависит от основных форм жизнедеятельности: труд, общение, познание. Реализовать и утвердить личные цели возможно только через их разумное сочетание с групповыми и общественными целями. Глубина включенности личности в групповые цели зависит от характера и уровня развития малой группы. В нормальной группе эта связь слабая, а в коллективе и в гомфотерной группе эта связь глубоко и органически принятая.

Соотношение личных, групповых и общественных целей различное в разных видах малых групп. Так, в коллективе ведущими являются общественно-значимые цели, а в гомфотерной группе (семья) ведущими являются групповые цели, в номинальной группе — личные цели.

Для совершенствования малых групп большое значение имеет движение и развитие целей от низшего к высшему. Повторение целей из года в год есть остановка в развитии групп. Известное значение имеет иррадиация целей в вертикальном и горизонтальном направлениях. Уровни коллективов, по А. С. Макаренко, определяются движением и принятием целей от руководителей к ядру и от него ко всем членам коллектива.

Целевой элемент — основа руководства и лидерства в малых группах, одно из средств их коррекции, развития и совершенствования. Цели официальные: приказ, указ, стимулирование по вертикали. Цели неофициальные: рассеянные санкции, неофициальные нормы малых групп.

Значимость цели определяет срабатываемость и совместимость. Например, советско-американский космический экипаж.

Организационная структура как элемент малой группы выражает статистический срез, зафиксированный на данный момент характер связи, застывшее фото малой группы, пространственное ее размещение и расположение.

В этом элементе следует выделить: направление и структуру связей, особенности типологизации и качественные характеристики малых групп.

Направление связей и их структурирование. Выделяют вертикальные связи, линейные и круговые. Структурированные связи всегда предпочтительнее линейных. В связях известное значение имеет большая или меньшая их насыщенность. Например, слишком быстрый темп речи и много посредников в передаче информации могут ее исказить.

К типологизации и формализации связей можно относить социометрическую структуру, которую описал Дж. Морено, и стратометрическую структуру, предложенную А. В. Петровским. Значительным достижением в понимании уровней коллектива является трехуровневая типологизация А. С. Макаренко. К Левин предложил типологию групповой атмосферы: демократическая, авторитарическая, либеральная.

Само выделение основных форм малых групп: номинальная, кооперация, коллектив, гомфотерная — является обобщенной их типологизацией. Анализ эмпирического материала по изучению малых групп включает приемы квантификации, которые по разным признакам их группируют. Например: высший, средний, низший уровни малых групп.

Количественная характеристика малых групп. Практика показала, что число работающих — это не нейтральное, а значимое для управления коллективом явление. К примеру, некоторые производственные бригады в судостроении в Ленинграде сокращались до оптимального, наиболее эффективного рабочего организма. Много — плохо, очень мало — тоже плохо. Надо найти оптимальный вариант. Смысл Щекинской системы, Злобинского метода — в доведении производственного коллектива до оптимального масштаба, сокращение непроизводственных функций и взаимодействий. Смысл этого можно выразить в кратком девизе: «Лучшие результаты меньшими силами». Там, где в системах управления требуется, кроме официальной деловой ответственности на административно-юридической базе, еще и элемент доверительности (имеется ввиду не панибратство и семейственность, а деловое взаимодействие, срабатываемость и взаимная ответственность на принципиальной основе), там число лиц, находящихся в оптимальном межличностном контакте с точки зрения социальной психологии не превышает $7+2$, т. е. 5—9 человек. Это связано с тем, что мы не можем хорошо знать многих людей и тем более прогнозировать их поведение во всех ситуациях. Кроме того, наиболее глубокий психологический круг прямого межличностного общения не выходит за пределы названной цифры. Если взять рабочие бригады при одном руководителе, численность их не должна превышать 25—30 человек. Поэтому наши школьные учителя работают на пределе напряженности (40—45 учащихся) в учебно-воспитательной деятельности.

А как обстоит дело на производстве? Иногда встречаются трудовые коллективы по 100 человек при одном руководителе. Правильно было бы разбить их на три группы и в каждой назначить руководи-

теля. В результате получится положительный эффект управления коллективом.

Известно, что число людей определяется целями и задачами, которые стоят перед группой. Например, для того чтобы глубоко изучить какую-нибудь тему, желательно группы для семинаров разбить на более мелкие группы по 15–20 человек, иначе влияние ведущего семинара на активность участников будет недостаточной. Еще более сокращаются группы освоения экспериментальных процедур или иностранного языка. Космические экипажи, как правило, не превышают 5–7 человек. Это определяется признаком глобальной психологической совместимости членов группы.

Известно, что конформные реакции, т. е. давление группы на одного участника, наиболее эффективны, когда давящая группа состоит из 4–6 человек. С уменьшением либо с увеличением группы эффективность конформных реакций снижается.

С количественной точки зрения наибольший социальный эффект происходит при переходе от двух человек к трем, так усиливается социальный контроль, появляется большинство в группе.

Проведены представительные исследования по выявлению количества друзей. Оказывается, дружат двойками 70% людей, тройками – 20%, а семерками – 1%.

Значительное место в социальной психологии малых групп занимает динамический компонент. Динамический компонент – это функционирование, развертка установленных связей, отношений, типов. Поэтому динамика тесно связана с организационной структурой, так как жизнь в функционировании, в динамике. Не менее существенная связь динамики с целевым элементом, так как последний определяет необходимую глубину, насыщенность функциональных связей. Некоторые исследователи (А. В. Петровский) динамический элемент отрывают от гностических, эмоциональных, деловых составляющих. В действительности динамика малой группы на любом уровне включает эти три элемента. Даже диффузную группу невозможно свести только к эмоциям (симпатия-антипатия), так как в ней есть взаимная ориентация (гностика), зачатки активации (дело). С развитием малой группы эти три элемента становятся все более четко выраженными.

В динамическом аспекте мы выделяем, прежде всего, деловые (формальные) и межличностные связи (неформальные). Эффективность малой группы существенно зависит от оптимально-

го и разумного сочетания официальных и неофициальных связей. Так, в номинальных случайных группах не следует особо развивать межличностные связи. В производственных, особенно в торговых организациях, при доминировании официальных, деловых связей, желательно иметь благоприятный психологический климат, т. е. взаимное уважение людей.

В динамике особое место занимает социально-психологический климат в малых группах и коллективах. Этот климат проявляется в умонастроениях людей, он влияет на производительность и стабильность рабочих коллективов. Сам климат является обобщенным отражением всей ситуации в коллективе, активно влияющим на все стороны его жизнедеятельности. Эффективность управления трудовым коллективом существенно зависит от уровня руководства, от лидерских позиций, от стиля управления. Стили управления выступают как коллегиальный, единоначальный, попустительский, производственно и социально-психологически ориентированный. Исследования показывают, что стили управления нельзя абсолютизировать, так как они определяются целесообразностью, решаемыми задачами.

Возрастно-половой аспект динамики малых групп привлекает большое внимание социальных психологов, например, период детства характеризуется неустойчивостью взаимоотношений в раннем детстве, трудностями во взаимоотношениях мальчиков и девочек с 6—7 лет до 11—18 лет, усилением влияния улицы и товарищей на подростков и мн. др. В динамике большое значение имеют процессы совместимости и срабатываемости. Как правило, эти процессы взаимосвязаны, но не всегда совпадают. Излишняя совместимость может понижать ответственность и влиять отрицательно на результаты срабатываемости.

Совместимость целесообразно рассматривать на разных уровнях: социально-политическом (единство идейных установок); социально-психологическом (взаимное уважение, доверие, взаимопомощь); психологическом (близость интимного духовного мира).

Глобальная совместимость охватывает все уровни и целесообразна в семье, совместимость до социально-психологического уровня благоприятна в рабочих бригадах, а в больших аудиториях на лекциях достаточно социально-политической совместимости.

Выделенные три элемента (цели, организационная структура, динамика), три важнейших стороны жизнедеятельности малых групп и коллективов позволяют дать их развернутые определения.

Малая группа вообще — это небольшая совокупность людей, которая реализует разнообразные цели (личные, групповые, предписанные обществом), вступает в непосредственный обозримый контакт, различает грань между «мы» (малая группа) и «они» (другие). Простейший, начальный уровень группы — это номинальная группа. Номинальная группа — небольшая группа людей, реализующая личные цели участников либо цели, предписанные организацией при случайных связях и контактах участников.

Кооперация — небольшая группа людей, реализующая групповые цели на деловой основе при временных и целесообразных для выполнения работы связях.

Доминирующим видом малых групп является коллектив. Первичный коллектив характеризуется оптимальной, устойчивой организацией малой группы для решения общественно значимых производственных и воспитательных задач, лично принятых участниками, на фоне благоприятного социально-психологического климата.

Наконец, гомфотерная группа характеризуется высоким уровнем организации, скрепленной групповыми официальными и неофициальными целями и нормами, при глобальной совместимости на всех трех уровнях (например, семья).

Глава 5

Проблемы личности в социальной психологии

Личность в социально-психологическом аспекте. Проблема личности в социологии, общей психологии, социальной психологии. Социально-психологическая типология личности. Понятие социальной установки. Структура и функции социальной установки. Соотношение социальных установок и реального поведения. Формирование и изменение социальных установок.

Личность — сложное, многогранное социальное и психологическое явление. Первоначально слово «личность» обозначало маску или театральную роль, которую исполнял человек. Затем в результате опыта общения и эволюции слово и понятие «личность» стали обозначать: лицо, особа, человек, индивидуум. В настоящее время понятие «личность» более органически и непосредственно связывается с духовным ликом, с образом мысли, переживаний и образом деятельности человека. Сложная и многогранная природа личности делает ее предметом изучения для различных, но связанных между собой наук.

Для социологов личность выступает в плане соотношения личности и народных масс: насколько личность в своей деятельности, в своих убеждениях, воззрениях, ценностных ориентациях представляет тот или иной социально-политический класс, его систему ориентации и идеологии. Поэтому с точки зрения социологии личность определяется как совокупность всех общественных отношений (определение К. Маркса).

В. И. Ленин говорил, что мы будем очень глупенькими, если за чувствами, действиями людей не будем видеть интересов классов, социальных слоев и масс, которые порождают эти мысли и эти действия личности, т. е. личность в социологическом смысле выводится и сводится к социальному целому, к социальной группе. По-

этому личность как совокупность общественных отношений нужно понимать в том смысле, что каждый из нас ориентирован в общественных отношениях, какие из общественных отношений мы сознаем и какие из общественных отношений мы в своем поведении реализуем, какие отношения являются доминирующими, определяющими стратегию и тактику общественно-политической деятельности личности. Личность в социологии — персонифицированная категория, выражающая и отражающая базовые и надстроечные отношения, социально-классовые связи, интересы, нормы. Величие личности, ее роль в социологическом смысле определяется характером общественных сил, интересы которых наиболее полно, последовательно и глубоко выражает и обеспечивает личность. Официальное, принципиальное, социально-политическое, общественное, нормативное, конвенциональное, типичное является ведущим в личности в социологическом смысле. Индивидуальные, своеобразные особенности личности, хотя и выражают ее колорит и неповторимость детерминированы, определены классовыми интересами, интересами социальных групп. Тактика и стратегия поведения личности в социологическом смысле определяется доминирующими интересами общественных и классовых сил. Следовательно, социология личности определяет ее суть, ее главную и ведущую содержательную сторону. Социологическая сторона как бы предопределена личностью, так как она проистекает из классовой и национальной принадлежности человека. Поэтому социологические особенности личности являются персонифицируемыми экономическими категориями. Капиталист как личность не может не вытягивать последние соки из работников (прибавочную стоимость), так как без этого качества он теряет капитал и особенности личности капиталиста. Социология личности связана с ее социальным статусом, ее доминирующими действиями в ролевом репертуаре. Обычно социологические качества являются официальными, надситуационными, так как человек в конкретной ситуации проявляет свою классовую суть. Социальные нормы, эталоны определяют социологическую суть личности.

Юристы интересуются личностью с точки зрения прав и обязанностей: трудового права, уголовного права, гражданского права. Юристов в личности интересуют: соотношение норм, прав и обязанностей с реальным поведением личности, дееспособность личности, правосознание личности, условия и причины правового и отклоня-

ющего поведения, отягчающие и смягчающие вину обстоятельства проступков личности.

Большое внимание облику личности уделяют психиатры и медицинские психологи. Психиатров интересует норма и патология личности, различные пограничные состояния или фрустрации. Фрустрация — это расстройства психологических состояний, которые характеризуются различной глубиной и продолжительностью. В литературе подробно освещены фрустрации типа агрессии, ригидности, фиксированности и апатии. Агрессивный вид фрустраций проявляется в озлоблении по отношению к людям и их культуре. Этот тип расстройств возникает как ответная реакция на жестокое обращение с человеком, например, частые физические наказания в семье. Ригидный тип фрустрации проявляется в подхалимстве, склоке, анонимках, в распространении злобных слухов и клеветы, в создании напряженности и конфликтности в группах. Этот тип расстройства связан с систематическими неудачами в служебной деятельности человека. Фиксированность состояний чаще всего является следствием переутомления и социальных перегрузок, частых тяжелых экстремальных ситуаций. Апатичные формы фрустраций являются тяжелыми формами расстройств энергетических систем человека, которые порождают индифферентное отношение ко всему окружающему и к себе.

Психолог изучает душевный склад человека, который проявляется в особенностях темперамента, характера, способностей. Чтобы раскрыть духовный склад личности, необходимо ответить на три вопроса: что человек хочет, что человек может, что он есть? Что человек хочет, касается его потребностей, интересов, идеалов, запросов, ценностных ориентаций, целей, жизненных планов. Система направленности базируется на самых разнообразных уровнях: органическом и социальном. Органическая доминанта бывает редко и выражает аномальное поведение либо тяжелое заболевание человека. Что может человек определяется его одаренностью, способностями, талантом; первым показателем способностей является любовь к какому-либо виду деятельности, а другим показателем одаренности и способностей является быстрота, легкость освоения навыка, эффективность освоения тех или иных видов деятельности, ее творческий характер. Если к любви присоединяется быстрота, легкость освоения навыков и умений, знания в области, например, музыки или живописи, или конструирования, то это надежный и основательный показатель

способностей. При общей одаренности в системе отношений между людьми у многих формируются хорошие способности в осуществлении общественных видов деятельности, в освоении педагогических профессий и в сфере обслуживания. Но высокие достижения во всех этих видах общественной деятельности требуют не только высокой одаренности, но и некоторых специальных способностей.

Весьма перспективной является идея Б. Г. Ананьева, который основу духовного склада человека сводит к тенденции и потенции. Потенции — это познавательные возможности человека и его информационная емкость, которая отливается в одаренность, способности, в навыки, умения, знания, в интеллект, в познавательную систему человека, в когнитивный регулятор поведения. Тенденции — это эмоциональные, побудительные, энергетические возможности человека, которые отливаются в характере, темпераменте, в эмоционально-волевых качествах человека. Сила и величие духовного склада человека заключается в оптимальных связях информационного и энергетического потенциалов личности, т. е. когнитивных и эмоционально-волевых черт. Черты духовного склада укореняются и изменяются. Очень трудно реформировать качества характера, очень трудно выработать положительные качества и избавиться от недостатков, пороков, которые носят силу и инерцию привычек, трудно не столько формирование, сколько переделка духовного склада человека. Духовный склад и черты характера требуют систематической работы над их совершенствованием на протяжении всей жизни. Укорененные черты — это черты, привившиеся, действующие, повторяющиеся. По ним можно судить, как поведет себя человек в тех или иных ситуациях, можно прогнозировать поведение человека. В природе человека заложена масса ресурсов саморегуляции и самовоспитания, самосовершенствования. Уверенность, устойчивость духовного склада человека может изменяться. Основы изменения и совершенствования духовного склада могут быть в делах. Соотношение устойчивости и изменчивости в духовном складе носит динамический, противоречивый характер. Поэтому степень ускоренности и степень изменчивости могут характеризовать духовный склад человека. Слишком большая прикованность к устойчивости («Каким ты был, таким остался...»), как и чрезмерная гибкость и изменяемость являются крайностями. Все дело в мере, в разумной сбалансированности этих сторон, лежащих в основе воспитания и перевоспитания. К важнейшим антонимичным парам духовного склада

следует отнести: врожденность и приобретенность, индивидуальность и типичность, открытость и скрытность. В общей психологии духовный склад (характер, темперамент, способности) рассматриваются как общечеловеческие, родовые качества.

Общечеловеческие черты и особенности духовного склада и его социологическая и социально-психологическая направленность составляют почву, естественно-историческую базу социальной психологии личности. Личность в социальной психологии является преломлением совокупности общественных отношений в духовном складе личности, в ее доминирующих отношениях, определяющих стратегию и тактику поведения человека в реальной практической деятельности. Личность в социологическом плане имеет большую масштабность. Она просматривается на базе и на фоне класса, народа, больших масс и общественных сил. Масштаб личности определяется прогрессивностью и значительностью масс, выразителем, носителем и борцом за интересы которых выступает личность. В общепсихологическом смысле люди различаются характерами, способностями, доминирующими тенденциями и потенциями, которые составляет основную структуру духовного склада личности как субъекта деятельности. В социально-психологическом плане личность характеризуется мерой приближения ее реального поведения к социально-типическому, к идеальному; мерой приближения тактики поведения к стратегии, соотношением ситуационного и надситуационного поведения.

Заслуживает внимания с точки зрения социальной психологии наблюдаемые различия между моделью идеально-теоретического уровня личности и ее реальными отношениями и поведением. В идеальном социально-психологическом смысле личность есть всесторонне и гармонично развитая, уравновешенная с обществом, с ближайшим окружением и с самой собой система, способная решать общественные, профессиональные и личные задачи наилучшим образом. Идеальная социально-психологическая модель личности заключается в единстве слова и дела, в единстве научно-теоретического и практического уровней общения и поведения. В социально-психологическом смысле личность в своих доминирующих отношениях и в поведении всегда стремится и реализует достижи-мо-недостижимый уровень идеальной модели. В литературе были попытки свести социально-психологическую структуру личности к социальным установкам, к отношениям, к внутренним позици-

ям и смыслам, к психологическому настрою, к диспозициям. Личность в социальной психологии можно определить как единство селекции и проекции. Селективная сторона личности выражается в ориентациях, в тезаурах, благодаря которым личность отражается окружающий мир, других и себя через сложившуюся систему взглядов, убеждений, цензуру. Эта селективная сторона социальной психологии личности непосредственно и органично связана с ее проективной стороной. Проективная сторона личности — это стратегия и тактика, программа ее реального поведения. Любое социально-психологическое качество, свойство, черты личности, которые называются разными, но одинаковыми по смыслу терминами: отношение, установка, аттитюд, диспозиция, включает в себя органический элемент селекции (ориентации) и проекции (готовности к поведению и сам характер поведения). Кроме того, свойства и качества личности, в отличие от психических процессов и состояний, всегда состоят из трех элементов: познание (knowledge), эмоции, чувства (sense), дела и поступки.

Личность с точки зрения социальной психологии — это то как человек общается, как познает, как трудится. В плане трудовой деятельности и деятельности вообще социальный психолог останавливается на статусе и роли личности, на ее установках, отношениях. Статусов личности много: может быть статус отца семейства, студента, преподавателя, рабочего, начальника цеха, председателя колхоза. Когда мы говорим о статусе, то может быть и позиция человека в малой группе.

Статус — позиция, место, совокупность прав и обязанностей личности. В истории общества было время, когда статус приписывался. Человек еще не родился, но был уже полковником в царской армии. Или, например, в колониальной Индии существовали касты, которые от рождения задавали положение, статус человека в обществе. В наше мобильное время статус не дается, не приписывается, а достигается собственными усилиями. В нашем обществе статус все больше зависит только от самого человека, а не от его родителей, пола, национальности. Статус разворачивается в системе ролей. Они проявляются в том, что человек действует, исполняет свои права и обязанности: какой он отец, какой студент, какой преподаватель, какой рабочий, какой начальник и т. д. Статус — это база, это позиция, это нечто устойчивое, а роль — это развертка статуса, его функционирование. Когда человек свою деятельность считает смыслом своей жизни и неразрывно с ней связан, наблюдается органическая

связь человека с ролью. На другом конце находится случайная связь человека с ролью, когда он соответствует требованиям роли либо когда роль чужда человеку.

В социальной психологии роль личности рассматривается с разных сторон: во-первых, роль нужно понять; во-вторых, роль нужно принять; в-третьих, роль нужно исполнять; в-четвертых, наше ожидание ролей других носит различный характер. Поэтому мы должны знать не только свои роли, которые мы понимаем, принимаем и исполняем, но и все другие человеческие роли, иначе нам трудно взаимодействовать с другими людьми. Иногда мы доверяем роли людям, которые не подготовлены к их пониманию, принятию и исполнению. В этих случаях говорят: «Не в свои сани не садись».

Мы различаем аспекты роли. В социологическом плане роль — это профессия, нормативы, функциональные права и обязанности, существующие в данном обществе. В психологическом плане рассматривают соответствие духовного склада личности (способности, темперамент, характер) ролевому набору личности. В социальной психологии выделяют особенности понимания, принятия, исполнения и ожидания ролей. Поэтому в социальной психологии особенности ролевых стилей, набор ролей и слитность личности с ними глубоко раскрывают ее сущность.

Немаловажное значение имеет внутриролевой—межролевой конфликты, которые влияют на взаимоотношения. Внутриролевой конфликт часто возникает тогда, когда человек исполняет не свои роли. Межролевой конфликт может возникнуть из-за различных ожиданий и представлений о ролях друг друга.

Существенным аспектом социальной психологии являются ее установки, отношения, аттитюды (это термины-синонимы), которые охватывают и синтезируют итоги познавательной, эмоциональной, волевой и поведенческой сферы. Аттитюды — это основная программа ситуационного, тактического и стратегического поведения человека по отношению к себе, к ближайшим группам и обществу в целом. Для социальных психологов оптимальным является уравновешенная в своих отношениях, установках, аттитюдах личность, способная наиболее правильно решать общественно значимые и личностно значимые задачи.

Рассогласование аттитюдов, отношений с другими людьми, с ближайшими группами, с требованиями науки и практики вызывает напряженность, диссонанс разной степени, порождает стремление

к согласованности, равновесию. Имеется много искусственных и реальных способов преодоления напряженности, достижения равновесия в системе личных аттитюдов. Реальный путь развития личной системы аттитюдов — это их согласование с системой коммунистического мировоззрения и с достижениями естественных и гуманитарных наук. Реальный путь согласования собственных аттитюдов существенно определяется эмоциональной сферой, т. е. тем, что нравится и порицается в жизни, в искусстве, в других людях. Стиль переживаний, выраженный в эмоциональных элементах аттитюдов, свидетельствует о нравственно-эстетической зрелости человека. Решающим в системе аттитюдов является реальное поведение человека, выражаемое в общей программе поведения относительно себя, других людей и общества в целом.

В работе с людьми желательно разработать типологию личности. Социально-психологическая типология личности тесно связана с общепсихологической и социальной типологией. В общепсихологической типологии основное внимание уделяется форме и структуре общего духовного склада человека, что проявляется в его характере, темпераменте, способностях. В социальной психологии акцент сделан на содержательной стороне личности (личность есть совокупность общественных отношений). Наконец, в социально-психологической типологии наиболее полно отражено единство формы и содержания через доминирующие отношения и установки личности, которые определяют ее ориентации и программу, т. е. ее селективные и проективные особенности.

В социальной психологии весьма важно диагностировать и прогнозировать возможности человека в различных формах и сферах жизнедеятельности по политическим, профессиональным и психологическим качествам. На факультете психологии университета разработаны три экспериментальные системы методик для аттестации учителей, инженерно-технических работников и мастеров производства. Данные методики весьма прогностичны и могут быть стандартизированы для психологических и социологических служб на производстве и в учреждениях.

Качественная и содержательная стороны перечисленных исследований позволяют создать социально-психологическую типологию работников, в которой каждый раз фиксируются три различных уровня их деятельности: высокий уровень мастерства (10–25%), средний уровень (55–60%), требуют дополнительного обучения, остальные

недостаточно справляются со своими обязанностями. Есть основание эти различные уровни деятельности выразить как программно-моделирующий (высший уровень мастерства), адаптивно-исполнительный, полноценно работающий (мастер), профессионально и социально неадаптированный (отстающие).

Перечисленные типы людей отличаются не только уровнем успешности решения профессиональных задач, но и различным строением своего духовного склада. Поэтому данные типы людей можно выразить в более обобщенных социально-психологических типах: стратег, тактик, операционалист.

Тип личности стратега — высший уровень мастерства, программно-моделирующий, творец, мудрый, лидер, надситуационно-ситуационный, всесторонне развитый, гармоничный, эффективный, динамично построенные отношения, все поведение выстроено в единую цепь и подчинено высшим целям (иерархическая структура), приближается к идеалу личности.

Тип личности тактика — мастер, хороший работник, справляется с обязанностями, активно-исполнительный, часто бывает лидером, координационно построенный, гармоничный, достаточно динамичный и эффективный, цели и смысл охватывают различные этапы жизни, благоразумный, больше практик, чем рационалист, в одинаковой степени ситуационный и надситуационный.

Тип личности операционалиста — есть еще резервы для повышения профессиональной и социальной адаптации, преимущественно ситуационный, недостаточно уравновешенный, идет от одних конкретных целей к другим с недостаточной их увязкой, ведомый и внушаемый, часто противоречивый в своих убеждениях.

В плане личного развития любой нормальный человек может находиться на различных уровнях: от операционалиста в детстве до высот профессионально-специального мастерства стратега в зрелом возрасте.

Каждый взрослый в различных сферах жизнедеятельности может находиться на различных уровнях: от операционалиста (начинающего) до стратега (высший уровень мастерства). Однако иные из-за недостатка профессионально-социального образования и опыта, из-за работы не по призванию и способностям, из-за изъянов в характере и умственном развитии не доходят до высшего, либо даже до среднего уровня. Роль социальной психологии и показанной выше типологии личности заключается в том, чтобы раскрыть

стратегические пути совершенствования человека и его жизнедеятельности.

На этом пути проблемы воспитания и перевоспитания личности являются первостепенными. Причем соотношение воспитательных усилий с перевоспитанием находится в пределах: от единицы, десяти повторений до тысячи и десяти тысяч повторений. Поэтому упущения в воспитании очень трудно наверстывать путем перевоспитания.

Например, для того чтобы выработать привычку к курению, сформировать установку курильщика, достаточно неделю побаловаться с папиросой. Чтобы сломать эту установку необходимо воздерживаться 20 раз в сутки, умноженные на 1 год (365 дней). Чтобы сломать установку курильщика, необходимо примерно 7300 воздержаний. Вот примерно в таком отношении находятся усилия в воспитании и перевоспитании в ломке нежелательных установок. Конечно, это соотношение каждый раз зависит от сложности установок, от волевых особенностей личности, но ломка старых установок всегда труднее их формирования в указанном соотношении.

В социальной психологии большое внимание уделяется изучению эмпатии, т. е. взаимному восприятию и пониманию людьми друг друга. Эта сторона дела лучше всего изучена в школе А. А. Бодалева. Ясно, что в профессиях и ролях, где человек взаимодействует с человеком (управление, обучение и воспитание), взаимная ориентация существенно влияет на результаты их деятельности. Особенности личности часто оказываются на их взаимной ориентации, авторитарно хуже ориентируется в других людях, чем демократ. Выделяется инерция первого впечатления, влияние эмоциональных состояний, ореолов личности, профессиональных особенностей на восприятие и понимание людьми друг друга.

В социальной психологии большое внимание уделяют вопросам аттестации кадров. При помощи разных методик нам удастся выявить политические, профессиональные и психологические качества, определяющие эффективную деятельность людей.

Глава 6

Социальная психология и массовидные явления

Социальная психология больших групп: основные трудовые коллективы. Внутриклассовые различия, психология толпы, масс, демонстрации.

В рамках этой темы социальные психологи проводят исследования основных производственных коллективов, которые охватывают предприятия и объединения в целом. Это трудовые коллективы как основные ячейки общества, которые нужно отличать от первичных коллективов как малых групп с непосредственными контактами.

Изучая широкие общности, социальные психологи обращают внимание на проблемы социального планирования, управления, аттестации кадров, на устойчивость (стабильность) и социальную мобильность работников.

Стабильность или устойчивость кадров основного коллектива определяется низким уровнем текучести, числом рабочих династий, отношением к ветеранам труда, укоренившимися традициями (проводы в армию, на пенсию, чествование молодых рабочих и т. п.), престижностью отрасли в стране. Например, в Ленинграде престиж объединений «Кировский завод», «Металлический завод», «Невский завод», «Ижорский завод», «Электросила», «Светлана» и других объединений неоспорим и очевиден.

Большую роль в работе основного коллектива играет социальная мобильность. Этот фактор включает ситуацию вхождения в коллектив, работу, продвижение по службе, выход на более высокий уровень.

Социальная мобильность, т. е. движение кадров, зависит от серьезной профориентационной работы, основы которой в нескольких вариантах разработаны в стране психологами. Главная задача профориентации заключается в максимальном соотношении особенностей личности поступающего (способностей, склонностей, психофизио-

логических показателей) с возможностями предприятия, региона. Профориентация существенно облегчает профессиональную и социально-психологическую адаптацию (вхождение в трудовой коллектив), оказывает значительное влияние на уверенность в свои силы, на отношение к труду, на дисциплину труда.

Решающим звеном в социальной мобильности или карьере в хорошем смысле является продвижение работника по службе. Следует отметить, что в условиях научно-технической революции для этого необходимо иметь не только тарифно-квалификационный разряд, но и уровень общего образования, подкрепленный широкой профессионализацией, высокой культурой. Последние обстоятельства облегчают совмещение и смену профессий, что весьма часто диктуется потребностями гибкого производства в век автоматизации и ИТР.

Продвижение по службе улучшает отношение к труду, повышает трудовую отдачу работника, т.е. внутренне дисциплинирует его. Вместе с тем социальную мобильность нельзя понимать только как перемещение с меньшей должности на большую, со стула в кресло. Она связана с более углубленным освоением профессиональной роли, с достижением высшего уровня мастерства на той же должности. Можно всю жизнь оставаться хорошим учителем, но, став директором школы, плохо выполнять свои обязанности.

Вопросы профессиональной и социальной адаптации работников, состояние общего социально-психологического климата могут быть изучены и на уровне основных коллективов.

К вопросам массовидных социально-психологических отношений относятся проблемы массовых коммуникаций, пути повышения их эффективности. Социальный психолог ищет ответы на 4 вопроса: что (сообщение)? кто (лектор)? кому (аудитория)? как (методы подачи материала)? Хорошо изучив все элементы массовой коммуникации, можно повысить ее эффективность.

К кругу проблем массовых социально-психологических явлений следует относить психологические состояния весьма широких общностей: социально-психологические особенности классов, внутриклассовые различия; национальные особенности психики; временные социально-психологические состояния в массе, в толпе, демонстрации.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1980.
- Бодалев А. А.* Восприятие человека человеком. Л., 1965.
- Гибш Г., Форверг М.* Введение в марксистскую социальную психологию. М.: Прогресс, 1972.
- Керимов Д., А., Кузьмин Е. С.* Планирование социального развития коллектива предприятия. М.: Профиздат, 1975.
- Кузьмина Н. В.* Методы исследования педагогической деятельности. Л., 1970.
- Кон И. С.* Социология личности. М., 1967.
- Кузьмин Е. С.* Основы социальной психологии. Л., 1967.
- Методология и методы социальной психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. М.: Наука, 1977.
- Методы социальной психологии / Под ред. В. Е. Семенова, Е. С. Кузьмина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.
- Научные основы политической работы в массах / Под ред. Ю. А. Баскина, Е. С. Кузьмина. Л.: Лениздат, 1972.
- Петровский А. В., Шпалинский В. В.* Вопросы малых групп и коллективов // Социальная психология коллективов. М.: Просвещение, 1976.
- Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971.
- Прикладные проблемы социальной психологии / Ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1983.
- Промышленная социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, А. Л. Свенцицкого. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982.
- Психология – производству и воспитанию / Под ред. А. А. Крылова, Е. С. Кузьмина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.
- Психология в управлении / Науч. ред. Е. С. Кузьмин. Л.: Лениздат, 1983.

Актуальные проблемы социальной психологии

- Психология личности и малых групп / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л., 1977 (Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 8).
- Свенцицкий А. Л.* Социальная психология управления / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.
- Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л., 1979.
- Социальная психология / Под ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. М., 1975.
- Социальная психология и социальное планирование / Ред. Е. С. Кузьмин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
- Шерковин Ю. А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.
- Ядов В. А.* Саморегуляция и прогнозирование социального исследования личности. Л.: Наука, 1979.

Список научных трудов Е. С. Кузьмина

- Кузьмин Е. С.* О предмете социальной психологии // Вопросы психологии. 1963. № 1. С. 142–145.
- Кузьмин Е. С.* К вопросу о социальной психологии // Проблемы общей и индустриальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.
- Кузьмин Е. С.* Методы социальной психологии // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов СССР. Вып. 5. М., 1963.
- Голубева Н. В., Кузьмин Е. С.* Опыт изучения производственных коллективов // Социология в СССР. Т. 2. М.: Мысль, 1965.
- Кузьмин Е. С.* Основы социальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967.
- Социальная психология и социальное планирование / Под ред. Е. С. Кузьмина, А. А. Бодалёва. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
- Кузьмин Е. С., Волков И. П., Емельянов Ю. Н.* Руководитель и коллектив. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
- Социальная психология личности / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л., 1974.
- Психология – производству и воспитанию / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
- Методы социальной психологии. Монография / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семёнова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
- Психология личности и малых групп / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
- Социальная психология: История. Теория. Эмпирические исследования / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семёнова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
- Психологическое обеспечение социального развития человека / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
- Промышленная социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, А. Л. Свенцицкого. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

- Социально-психологические проблемы производственного коллектива / Под ред. Е. В. Шороховой, Е. С. Кузьмина, О. И. Зотовой, В. Е. Семёнова. М.: Наука, 1983.
- Психология в управлении / Под науч. ред. Е. С. Кузьмина. Л.: Лениздат, 1983.
- Авторитет дисциплины: Опыт, мнения, практика психологов / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л.: Лениздат, 1985.
- Свенцицкий А. Л.* Социальная психология управления / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986.
- Труд. Контакты. Эмоции / Под ред. Е. С. Кузьмина. Л.: Лениздат, 1986.
- Коллектив. Личность. Общение (Словарь социально-психологических понятий) / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семёнова. Л.: Лениздат, 1987.
- Кузьмин Е. С.* Актуальные проблемы социальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
- Кузьмин Е. С., Волков И. П., Емельянов Ю. Н.* Социально-психологический тренинг. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.

Кандидатские диссертации

Научный руководитель — Е. С. Кузьмин

- Свенцицкий А. Л.* Интервью как метод социальной психологии. Л., 1966.
- Волков И. П.* Социометрия как метод социальной психологии. Л., 1968.
- Семенов В. Е.* Применение метода контент-анализа в социально-психологических исследованиях. Л., 1975.
- Бойко В. В.* Репродуктивное поведение семьи и личности (социально-психологическое изучение рождаемости. Л., 1982.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Евгений Сергеевич Кузьмин в жизни и в науке

Н. В. Кузьмина

Евгений Сергеевич Кузьмин (11.10.1923—23.06.1993) родился в крестьянской семье на хуторе Вёдрово Лужского района.

Отец — Кузьмин Сергей Владимирович. Его предки (отец и два брата) в 1862 г. после отмены крепостного права объединились, выкупили землю и основали хутор Вёдрово в десяти километрах от г. Луга. Выращивали телят и вывозили в Петербург. Мать — Евгения Дмитриевна Лукина, происходила из бедной крестьянской семьи. Образование родителей — каждый окончил по одному классу сельской школы. Весной 1931 г. семью предупредили: «Завтра придут раскулачивать». Родственники, которые не поверили, были раскулачены и сосланы, а семья Кузьминых (мать, отец и трое детей) бросили свое хозяйство и ушли с небольшими пожитками из хутора, не зная, где найдут приют. Тем самым, как выяснилось позднее, они избежали раскулачивания и ссылки.

Осенью 1931 г. Е. С. Кузьмин поступил в первый класс школы села Ящера. В первый же день устроил игру «Куча мала». Учился без особого усердия. В четвертый класс пошел уже в школу поселка Сиверский. После окончания седьмого класса в 14 лет поступил в Ленинградское военно-пехотное краснознаменное училище им. С. М. Кирова, которое находилось на улице Садовой, д. 3.

Мать работала в доме отдыха буфетчицей. Отец торговал пивом в ларьке. В 1935 г. родители развелись.

Е. С. Кузьмин рос спортивным, физически сильным человеком. Еще до окончания седьмого класса прекрасно овладел такими видами спорта, как лыжный, конькобежный, волейбол, плавание, гребля (был неоднократным победителем в соревнованиях по гребле).

Вскоре после поступления в военное училище вызвали мать Евгения. Спортивного, дисциплинированного парня вынуждены бы-

ли отчислить, поскольку у него не было паспорта. Чтобы реализовать его мечту стать кадровым военным, мать добыла ему паспорт, по которому дата его рождения изменилась — 11.10.1921 г. Это позволило ему остаться курсантом военного училища, и в 1940 г. он стал чемпионом по лыжам белорусского военного округа.

Будучи инвалидом Великой Отечественной войны, участвовал в соревнованиях на первенство вузов Ленинграда по волейболу. В 1945 г. университетская команда, в которой он выступал (на проезде), заняла первое место среди вузов города.

Е. С. Кузьмин увлекался разными видами спорта. К уже названным видам спорта можно прибавить шахматы, бильярд. В овладении каждым из них он стремился стать победителем, вплоть до самой банальной игры в лапту — победить каждого и взять верх над всеми. Только это приносило его душе торжество победителя. В училище Е. С. Кузьмин овладел искусством вождения мотоциклом и автомобилем. Здесь у него обнаружили еще один замечательный талант: абсолютный слух и красивый голос, баритон. Благодаря хорошей памяти на стихи он знал наизусть все песни от начала до конца. Сознательно избрав военную профессию, он учился увлеченно, чувствуя себя «прирожденным военным» и мечтал о военной карьере.

20 июня 1941 г. он окончил училище с присвоением звания «лейтенант». В новой форме 21 июня 1941 г. он приехал к матери в Сиверскую, а на следующий день началась Великая Отечественная война. Он был назначен командиром взвода 177 отдельного разведывательного батальона 163 мотострелковой дивизии Северо-Западного фронта. Взвод дивизионной разведки, командиром которого, как кадровый военный, был назначен Е. С. Кузьмин, состоял из рабочих ткачей г. Иванова. Все они по возрасту были значительно старше его. Молодой, спортивный, ответственный Е. С. Кузьмин учился «держаться авторитет». Для этого на фронте не выкурив ни одной папироски и не выпил ни одной рюмки водки. Свой паек отдавал взводу. С июня по октябрь 1941 г. он со своим взводом захватил и доставил в штаб живыми 36 немецких «языков». Командир части в письме к матери, написанном после ранения, сообщал, что командир взвода дивизионной разведки, лейтенант Е. С. Кузьмин, представлен к званию Героя Советского Союза. Но это был конец октября 1941 г., время отступления. А награждать стали с переходом в наступление.

Сила, ловкость, выносливость, с одной стороны, и выдержка, терпение, исключительная ответственность, с другой, — призна-

ки военно-профессиональных потенциалов «прирожденного военного».

В октябре 1941 г. под Старой Руссой взвод дивизионной разведки под руководством лейтенанта Е. С. Кузьмина разминировал местность для вывода войск из окружения. Пропуская подчиненных мимо себя, уступая дорогу, он предупреждал: «Только не ступите в сторону». А сам, забывшись, ступил и подорвался. Из окружения его выносили на руках бойцы взвода — ивановские ткачи. Он этого стеснялся и уговаривал оставить его умирать. Не оставили.

Вместе с ногой были потеряны военная профессия, мечта о военной карьере, возможность заниматься спортом. Оказался без образования: в училище принимали на базе семилетки, присваивали звание лейтенанта и не давали аттестата о среднем образовании. Следовательно, у молодого лейтенанта не было перспективы на получение высшего образования.

Госпиталь г. Томска, где он лечился, стал местом получения им среднего образования, дававшего перспективу получения высшего. Лечение затягивалось. Культя долго не заживала, и ее трижды подпиливали без наркоза. Раненые учили: «Когда положат на стол и начекаются пилить, скажи „Пить“, а мы тут как тут со стаканом водки. Ты выпьешь и отключишься. Они в это время и сделают свое дело, подпилят ногу».

Не много ученых имеют такой старт в науке: почти неграмотные родители, отсутствие систематического среднего образования; отсутствие какой-либо направленности на научно-исследовательскую деятельность, подорванное войной здоровье. Никакой научной среды. Никакой материальной поддержки. Всё сам, не только для себя, но и для родителей. На фронте были отец и младший брат. В эвакуации — мать и старшая сестра. Не было на земле места, в котором семья могла бы собраться.

Восемнадцатилетний инвалид, Е. С. Кузьмин, принимал абсолютно самостоятельные решения: что делать, как выжить, как строить дальнейшую судьбу.

Опорой стала сила духа, высокая духовность и душевность, спортивная и военная закалка, понимание, что потеря ноги — это плата за то, что остался в живых, а также непонятная вера, сочетавшаяся с непонятно чем вызванной уверенностью в том, что все будет хорошо.

Лежа в Томском госпитале, он стал учиться, сдал экзамены за среднюю школу. Это давало возможность продолжить образование.

Он решил остаться в армии, получил направление в г. Дзержинск Горьковской области, в военкомат, начальником второй части. Выписался из госпиталя и уехал из Томска.

В г. Дзержинске он просился на фронт, но из-за протеза его не пустили: «Если попадешь в плен к немцам, что они скажут про нашу армию?» В Дзержинском военкомате Е. С. Кузьмин готовил женщин-снайперов для фронта.

После снятия блокады нужно было решить, как без пропуска попасть в Ленинград. Демобилизовался, приехал в Ленинград, посетил Лугу, встретился со старшим братом отца, после ранения вернувшимся с фронта. Тот еще до революции окончил в Петербурге царскую школу мясников.

Виртуозную работу ее выпускников на Обуховском рынке наблюдал Н. И. Пирогов, и, возможно, там, наблюдая, задумал анатомические альбомы для хирургов.

Дядя предложил блестящую для сытой жизни перспективу: «Научим рубить мясо, женим на невесте с собственным домом и коровой: „Будешь, сыт, пьян и нос в табаке“», — пошутил он. Но такая перспектива не привлекла самостоятельного Е. С. Кузьмина.

Он чувствовал свою ответственность за родных. Нужно было не пристраиваться к жизни, но создавать свою жизнь и судьбу. Для этого нужно было найти работу, которая обеспечила бы его законным жильем, чтобы собрать семью. В Ленгорисполкоме ему предложили работу по распределению рабочей силы, прибывающих из эвакуации в Ленинград жителей. Через какое-то время он получил в коммунальной квартире три комнаты: на маму и сестру, себя, брата и отца. Несмотря на то, что мать развелась с отцом в 1935 г., Е. С. Кузьмин принял решение собрать всех вместе, включая отца. Решив задачу с жильем, в ожидании возвращения родных он стал размышлять о выборе профессии: куда идти учиться?

В нем жила вера в свое предназначение, был интерес к духовной жизни человека, умение убеждать, которое сочеталось с любовью к музыке, пению, наличием красивого голоса и абсолютного слуха.

Всё это соответствовало духовному сану священника. Незадолго до смерти он сказал: «Если бы жизнь начинать сначала, я бы ее посвятил изучению категории Веры». Казалось, что психологическое отделение философского факультета ближе всего к интересовавшим его проблемам духовности. Его выбор отделения был самостоятельным, обоснованным и окончательным. В правильности

выбора он никогда не усомнился, хотя и поговаривал: «Всю жизнь скачу не на своем коне».

Встреча с профессором Б. Г. Ананьевым стала важным событием в жизни Е. С. Кузьмина. Б. Г. Ананьев помог ему поверить в себя на новом поприще, разглядел в нем талант и характер, красоту, доброту и ранимость души, несмотря на внешнюю суровость и порой даже грубость. Б. Г. Ананьев стал его научным руководителем при написании дипломной работы, в работе над кандидатской диссертацией. Б. Г. Ананьев поддержал Кузьмина во всех последующих решениях:

- при создании лаборатории социальной психологии (1962);
- при разработке курса истории психологии;
- при разработке основ социальной психологии и написании докторской диссертации;
- при создании кафедры и отделения социальной психологии на факультете.

Самостоятельность и целеустремленность, серьезная нравственно ответственная природа Е. С. Кузьмина чувствовалась при овладении профессией психолога уже в период студенчества.

В 1947 г. ввели преподавание психологии в общеобразовательной школе, он был студентом третьего курса. Чтобы активно овладеть психологическими знаниями и мастерством преподавателя, он стал учителем психологии в 236-й школе. Школа находилась в здании, подаренном П. Ф. Лесгафту его учеником. Предметом исследования в дипломном проекте Е. С. Кузьмин сделал влияние курса психологии на развитие сознания учащихся. В качестве «обратной связи» он использовал сочинения учеников.

Дипломную работу он писал с большим интересом и доказательно доложил ее весной 1949 г. на защите. Обсуждение оценок за закрытыми дверями было долгим. Объявили оценку «отлично». Осенью 1949 г. Е. С. Кузьмин стал аспирантом Б. Г. Ананьева и получил возможность самостоятельно выбрать тему кандидатской диссертации, учитывая перспективу: после защиты — чтение курса истории психологии. Значит, решил Е. С. Кузьмин, для этого нужно выбирать не имя (выдающегося психолога), не эпоху (она всегда ограничена, и многоаспектна), а историю развития науки как историю развития одновременно проблем, методов и понятий.

Психологическое образование и опыт преподавания в школе показали, что самая фундаментальная категория психологии —

категория сознания. После долгих раздумий, получив одобрение Б. Г. Ананьева, он сформулировал тему кандидатской диссертации: «Вопросы сознания в свете трудов И. В. Сталина». В ней он имел возможность углубиться в историю проблемы сознания и рассмотреть их в связи с историей человеческого общества в следующей последовательности:

- 1) происхождение сознания (предыстория сознания, возникновение сознания);
- 2) общественно-историческая природа сознания (общая и индивидуальная формы сознания, особенные признаки сознания);
- 3) развитие сознания (постановка вопроса о развитии сознания; развитие сознания в условиях капитализма);
- 4) развитие сознания в социалистическом обществе (предпосылки социалистического сознания, развитие социалистического сознания в переходный период, развитие сознания советских людей в ходе осуществления национальной политики большевистской партии).

В отзыве, подписанном 28 июня 1952 г., была запись: «Аспирантура Е. С. Кузьмин окончил досрочно».

Б. Г. Ананьев высоко оценил работу, отметив серьезную научную подготовку диссертанта в постижении учения И. П. Павлова и современного состояния психологии, а также понимание целей и содержания воспитания. По мнению Б. Г. Ананьева, это позволило Е. С. Кузьмину «подойти к постановке и первоначальному решению проблемы сознания». В отзыве отмечалось, что диссертация Е. С. Кузьмина «ставит перед психологией новые вопросы, предъявляет принципиально новые требования, а также определяет пути их решения в конкретных исследованиях. От ряда односторонних, недостаточных или ошибочных взглядов в традиционном понимании сознания в нашей советской психологической литературе автор призывает отказаться, раскрывая их противоречивость».

По мнению Б. Г. Ананьева, критика состояния советской психологии Е. С. Кузьминым носит перспективный характер: «Он показывает новый путь решения основных вопросов психологической теории сознания» Б. Г. Ананьев отмечал также, что некоторые утверждения Е. С. Кузьмина носят дискуссионный характер, что при современном состоянии психологии является важным условием преодоления теоретического застоя в области психологии.

«Диссертант показывает, — писал Б. Г. Ананьев, последовательную конкретизацию идей о зачатках ощущений в первых живых существах, наличие ощущений на всех ступенях развития нервной системы, постепенном переходе от ощущения к сознанию. Это позволяет творчески применить павловское учение о временных связях к эволюционному процессу, а также предполагать наличие элементарного чувственного сознания у высших животных...

Подобная постановка вопроса, — отмечал Б. Г. Ананьев, — противоречит обычному взгляду в психологии, в которой сознание человека абсолютно противопоставляется психике животных. Надо признать, что Е. С. Кузьмин, конкретизирующий идеи творческого марксизма-ленинизма в этом вопросе, ближе к истории, нежели обычные, установившиеся в последние годы взгляды на этот вопрос в психологии». По мнению Б. Г. Ананьева, наиболее интересная часть теоретического исследования Е. С. Кузьмина связана с решением проблемы сознания человека: «Е. С. Кузьмину удалось показать единство общего, особенного и единичного в человеческом сознании. В этой связи им освещается вопрос об отношении психологии и идеологии, классовых типах сознания в единстве с общими чертами и индивидуальным проявлением. Е. С. Кузьмин прав, полагая, что подобное решение вопроса имеет принципиальное значение для понимания предмета психологии».

Вывод Б. Г. Ананьева состоял в следующем: «Теоретическое исследование Е. С. Кузьмина не только посвящено важным вопросам, но и приводит к важным для психологической науки результатам. Оно представляет собой существенный вклад в психологическую теорию. Автор показал глубокое и творческое значение марксизма-ленинизма, учения И. П. Павлова в психологии, серьезные научные дарования к теоретическому исследованию, принципиальную реальную заинтересованность в перестройке психологии. Своим трудом Е. С. Кузьмин вполне заслужил ученую степень кандидата педагогических наук по психологии».

Кандидатскую диссертацию Е. С. Кузьмин защитил 27 октября 1952 г., т. е. еще при жизни И. В. Сталина. Но так случилось, что, пока диссертация проходила утверждение в ВАК, 5 марта 1953 г. Сталин умер. На диссертацию уже после успешной защиты на факультете был дан отрицательный отзыв «черного оппонента». В мае 1954 г. Е. С. Кузьмин был вызван в ВАК. Он «вычислил» «черного оппонента» по инициалам. Это был профессор, в прошлом немало прославляв-

ший гениальность И. В. Сталина и теперь полностью изменивший свое мнение. Однако из проспекта диссертации и отзыва Б. Г. Ананьева было ясно, что труды И. В. Сталина, которые Е. С. Кузьмин тщательно проштудировал (все 12 томов имелись в его личной библиотеке), явились лишь своеобразным фоном для рассмотрения собственно психологических проблем развития сознания.

На заседании ВАК Е. С. Кузьмин сумел доказать общепсихологическое значение рассматриваемых им проблем сознания. Диссертация была признана удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Он получил ученую степень и в течение ряда лет, имея собственную позицию, увлеченно разрабатывал свой курс истории психологии. Его кандидатская диссертация опубликована под названием «Сталин в сознании. Урок человеческого сообщества. Для ученых и неученых» (2012).

Е. С. Кузьмин был поглощен новым, чрезвычайно ответственным и трудным делом — разработкой и преподаванием курса истории психологии на философском факультете ЛГУ, который до него последовательно читали четыре профессора: Б. Г. Ананьев, В. Н. Мясищев, Г. С. Рогинский, А. В. Ярмоленко и аспирант Л. М. Веккер. Каждый читал именно те разделы истории психологии, в которых был наиболее силен. Ему предстояло заменить их всех. Как человек чрезвычайно ответственный, первые три года поглощенный разработкой именно своего курса, своего общего взгляда на историю, философию и их отражение в истории психологии, своих оценочных суждений о ее выдающихся представителях, он работал почти круглосуточно. Когда курс был полностью разработан, Е. С. Кузьмину стало скучно его читать. Себе на смену он стал готовить В. А. Якунина. Тот записал его лекции, подготовил их к печати, опубликовал под двумя фамилиями, что порадовало Е. С. Кузьмина. В то время учебник «Истории психологии» М. Г. Ярошевского был единственным. Это побуждало Е. С. Кузьмина к формулированию собственной точки зрения, самостоятельному штудированию первоисточников, изучению истории стран и событий, вызывавших проблемы в психологической науке. В истории психологии его интересовали социально-психологические аспекты и возмущали политические штампы.

После передачи курса появилась возможность вернуться к проблемам, заставившим выбрать психологический факультет: тайны изучения проблем потребностей и сознания. Знание истории психологии, современных направлений развития социальной психоло-

гии за рубежом, предмет особого увлечения — работы и выступления Дж. Морено, собственные увлечения техниками внушения и гипноза, а также анализ взаимоотношений с коллегами — все это привело Е. С. Кузьмина к проблемам социальной психологии.

Е. С. Кузьмин принял самое активное участие в создании проекта «Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований» (НИИКСИ ЛГУ). В 1962 г. он открыл в нем лабораторию социальной психологии с единственной ставкой лаборанта, на которую был принят А. Л. Свенцицкий в расчете на хозяйственные договоры с промышленными предприятиями. Получила развитие промышленная социальная психология, первыми сотрудниками стали Э. С. Чугунова и А. А. Русалинова.

В 1965 г. он ушел в докторский отпуск, написал монографию и диссертацию и 15. 10.1967 г. ее защитил. Тема диссертации «Основы социальной психологии». Всё было сделано точно в срок. Открывать первую в СССР кафедру социальной психологии Е. С. Кузьмин поехал в Москву в Министерство высшего и среднего образования РСФСР вместе с женой и двумя дочерьми, со всеми подготовленными для этого документами (осень 1968). Уехали в тот же день, получив в министерстве разрешение на открытие кафедры.

Через год работы в должности профессора на факультете Е. С. Кузьмину было присвоено ученое звание профессора.

Е. С. Кузьмин считал себя преемником В. М. Бехтерева в разработке проблем социальной психологии. Особенно большое влияние на него оказали такие труды В. М. Бехтерева, как «Внушение и его роль в общественной жизни» (1908), «Коллективная рефлексология» (1921), «Влияние коллектива на личность» в сборнике «Педология и воспитание» (1928).

Монографию Б. Г. Ананьева «Психология педагогической оценки» (1935) он считал социально-психологической.

Развивая наследие В. М. Бехтерева, Б. Г. Ананьева, в диссертации и монографии «Основы социальной психологии», большое внимание Е. С. Кузьмин уделил современным методам измерения социально-психологических явлений (1967). В библиотеке факультета психологии СПбГУ эта глава вырезана увлеченными читателями себе на память как свидетельство ее ценности.

Определяя предмет и цели социальной психологии, Е. С. Кузьмин видел ее назначение в повышении уровня общения, как одного из основных видов деятельности, по Б. Г. Ананьеву. «Социальная

психология, — писал он, — занимается вопросами общения людей друг с другом: на работе, в ближайшем окружении друзей, приятелей и товарищей, в неорганизованной среде, на улице. Она изучает не только межличностные психологические отношения и контакты, возникающие в условиях непосредственного общения, где роль или поведение задаются социальными нормами, например продавец и покупатель, врач и больной, руководитель и подчиненный. Значит, мы изучаем все уровни общения для того, чтобы активизировать, повысить эффективность и нормализовать систему общения между людьми».

При рассмотрении проблем социальной психологии Е. С. Кузьмин использовал понятия «реальное поведение» и «идеальная модель».

«В социальной психологии нужно отличать идеальную модель личности от реального повседневного поведения человека на работе, дома и в кругу друзей, — писал он. — В настоящее время ученые за рубежом и у нас пытаются определить различие идеальной модели личности и ее реального поведения. Если представить себе градусник с градуировкой от 0 до 10 баллов, то 10 баллами можно оценить идеальную модель личности; нулем — поведение импульсивное и стереотипное, где человек руководствуется только естественными, материальными, органическими потребностями. То же можно выразить и в процентах, например, от 0 до 100%». Методам измерения он уделил большое внимание в своей докторской монографии, в главе «Социально-психологические факторы воспитания», в учебном пособии «Основы вузовской педагогики» (1972).

Идеальную модель личности Е. С. Кузьмин связывал с творческим отношением «к делу, труду, жизни». «Личность и ее социальная структура на выходе (идеальная модель) должна быть всесторонне развитой, гармоничной и согласованной, — писал он, — способной решать наилучшим образом профессиональные и жизненные задачи».

«Всесторонность включает известную энциклопедичность, полнокровную “развертку” в труде, в общении и познании; в способности к физическому и умственному труду, проявлению своей сущности. Всесторонность личности наиболее полно и адекватно выражается в сложившемся мировоззрении. Основные ориентации и жизненные программы человека являются показателями его развития, выражают качество всесторонности. Важной стороной личности является гармоничность и согласованность, иначе — стабильность и уравновешенность. Эта сторона личности выражает ее гомеостатичность,

устойчивость. Как все системы организма, психологическая система человека должна быть устойчивой. Диссонанс, рассогласование, хроническая непреодолимая борьба мотивов — это и есть дисгармония личности».

Е. С. Кузьмин увлекался социально-психологической практикой и уделял большое внимание внедрению результатов социально-психологических исследований в практику.

Он считал, что социальная психология со временем станет исходной в теории согласования внешних действий участников производственного процесса и внутреннего согласования познания, эмоций, дел и поступков субъектов творчества. Целям такого согласования служит созданная и обоснованная им теоретическая «модель воронки».

«В структуре личности, — писал Е. С. Кузьмин, — существенное место занимает практическая сторона — способность решения задач. Теперь для человека уже недостаточно решать жизненные и профессиональные задачи как-нибудь, но только наилучшим образом. Когда мы говорим о коррекции личности, уместно ввести образ или иллюстрацию — „модель воронки“». Е. С. Кузьмин придавал ей большое значение как модели воздействия извне и модели самокоррекции деятельности, анализируя по ней значения: 1) познания; 2) эмоций; 3) дела. По Е. С. Кузьмину, путь к делу, поступку «начинается с познания, направляется на систему знания или когнитивную систему, на проникновение в сознание человека. Здесь аргументация целесообразности позволяет объяснить человеку, что, например, курить вредно, что он должен согласиться с этим мнением, принять и самостоятельно реализовать эту позицию. В систему знания и сознания лектору проникать не очень трудно. Обычно агитационная пропагандистская система четко работает на уровне сознания. В этом отношении, например, в системе педагогики считается, что этические беседы очень полезны. Чтобы человека сделать оптимистом, гуманистом или патриотом, ему сначала необходимо рассказать, что это такое. Е. С. Кузьмин обратил внимание на то, что труднее всего проникновение в волевую сферу через эмоциональную систему. «Здесь нужно не только найти убедительную аргументацию, но захватить эмоцию, пробудить страхи или удовольствие — путем иллюстрации, приведения примеров, показа рентгенограммы легких курильщику, у которого они уже затемнены. Здесь знание дополняется образами. Эта система позволяет связывать знания с эмоциями, прони-

кать в убеждения, менять позицию человека, глубинные основания. Но на этом дело не заканчивается, — пишет он, — особенно трудна для проникновения самая узкая часть „воронки“ — система „дела и поступки“. По Е. С. Кузьмину, только дела и поступки ведут к формированию привычек и черт характера: «Чтобы побудить человека к делу, поступку, т. е. породить черту характера и привычку, нужно не только дойти до сознания человека, но породить у него радость и печаль. И самое главное — побудить человека к деятельности, действию».

В теоретической модели «воронки» Е. С. Кузьмин поведал о своем собственном опыте принятия сложнейших решений, осуществленных на практике: кем и почему стать, как реализовать себя, как развивать дело, за которое отвечал.

Его природная интуиция и потенциалы проявились в подборе кадров: привлечение к работе в лаборатории и на кафедре таких талантливых преподавателей и исследователей, как И. П. Волков, А. Л. Свенцицкий, В. Е. Семёнов, Э. С. Чугунова, А. А. Русалинова, В. Н. Куницына, Н. В. Хрящева, Н. В. Гришина, Л. Н. Мургулец, Л. Г. Почебут, В. А. Чикер, О. С. Михалюк. Научная и практическая подготовка социальных психологов требовала информационного обеспечения. Е. С. Кузьмин усилия свои и коллектива направил на организацию комплексных социально-психологических исследований на предприятиях с привлечением к ним студентов. Обобщение результатов исследований проводилось в дипломных работах, кандидатских и докторских диссертациях, осуществлялось в научных сборниках «Экспериментальная и прикладная психология»; «Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы», в учебных пособиях для студентов; в серии научно-популярных книг по социальной психологии.

Профессор Е. С. Кузьмин большую научно-исследовательскую и учебно-воспитательную работу успешно сочетал с активной общественной деятельностью. Он четырежды избирался членом парткома, был секретарем партийного бюро факультета. В течение 15 лет профессор Е. С. Кузьмин являлся членом Ученого совета ЛГУ. Евгений Сергеевич награжден орденом Отечественной войны I и II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и двенадцатью медалями. Он проводил большую работу как член Совета ветеранов Ленгосунiversитета и 163-й четырежды орденоносной Роменско-Киевской дивизии.

Евгений Сергеевич Кузьмин в жизни и в науке

В Санкт-Петербургском государственном институте психологии и социальной работы ректором Ю. П. Платоновым, учеником Евгения Сергеевича, в 1993 г. была учреждена Почетная стипендия для студентов специализации «Психология» имени Е. С. Кузьмина.

В российской психологии высоко оценен вклад Е. С. Кузьмина в развитие отечественной социальной психологии. Коллеги и ученики с теплотой вспоминают особенности его личности, его яркую харизму, умение распознавать людей, находить общий язык с любым человеком, глубоко понимать сущность происходящих в науке процессов, предвидеть перспективы развития психологической науки, поразительное чутье на перспективное и новое.

Своей жене и соратнице в конце жизни Евгений Сергеевич признался в том, что одно из самых важных решений в жизни он принял, женившись на ней. Он всегда очень уважительно отзывался о Нине Васильевне, в присутствии других людей называл ее исключительно «моя Нина Васильевна». Их встреча состоялась в 1949 г. Нина Васильевна была аспиранткой проф. Б. Г. Ананьева в Институте общего образования взрослых Ленинградского филиала АПН СССР, а Евгений Сергеевич — студентом 5-го курса отделения психологии философского факультета ЛГУ им. А. А. Жданова. В 1952 г. они поженились и с тех пор шли вместе в жизни и в науке. Научное направление, которое развивает по сей день Нина Васильевна, именно Евгений Сергеевич назвал акмеологией.

Е. С. Кузьмина можно считать основателем научной династии. Он, его жена Н. В. Кузьмина (Головка), две их дочери В. Е. Иноземцева (Кузьмина), Л. Е. Варфоломеева (Жаринова, Кузьмина), внучка Е. Н. Жаринова и внук А. А. Иноземцев осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере — психология и педагогика высшей школы — и разрабатывают новое научно-практическое направление — акмеология.

Фотоматериалы

Е. С. Кузьмин, 1949 г.

Е. С. Кузьмин с женой Н. В. Кузьминой, 1952 г.

Е. С. Кузьмин с дочерьми Верой и Любой, 1959 г.

Е. С. Кузьмин с женой Н. В. Кузьминой, 1965 г.

Е. С. Кузьмин с сотрудниками, 1972 г.
 А. Л. Свенцицкий, Е. С. Кузьмин, В. В. Бойко,
 А. Ю. Шалыто, Л. А. Румянцева, Л. Г. Почебут

Сотрудники кафедры социальной психологии, 1973 г.
Стоят: А. А. Мастаков, М. А. Медалинская, Е. Н. Газогареева,
 А. Л. Свенцицкий, Л. В. Мургулец, Ю. Т. Тимофеев, А. Н. Капустина,
 В. А. Чикер, В. П. Захаров. *Сидят:* Л. А. Цветкова, О. С. Михалюк,
 Н. Ю. Хрящева, Е. С. Кузьмин, Н. Г. Хитрова, А. Ю. Шалыто

Н. В. Кузьмина

Е. С. Кузьмин, 1979

Научное издание
Серия «Психологическое наследие»

Кузьмин Евгений Сергеевич
ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
Избранные труды

doi: 10.38098/mng.2021.94.99.001

Редактор — *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка — *В. П. Ересько*

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
www.ipras.ru
E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 22.03.21. Подписано в печать 08.04.21. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonC
Уч.-изд. л. 36,25. Усл.-печ. л. 30. Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6